ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2023

халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары

Алматы қ., 30-31 наурыз 2023 ж.

1-том

Алматы
2023

ӘОЖ 902/904 (574)
КБЖ 63.4 (5Қаз)
М22

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы, ЖТН BR20280993 аясында жүзеге асырылды

ҚҰРЫЛТАЙШЫ:
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитетінің Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан)

БАС РЕДАКТОР:
Ақан Оңғаруұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы қ., Қазақстан)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР:
Т.Б. Мамиров, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты бас директорының ғылым бойынша орынбасары, тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы қ., Қазақстан)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:
А.Е. Ержанова, философия докторы (PhD), Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); **А.М. Муань,** төрттік геология докторы, профессор (ассистент), Ұлттық жаратылыстану тарихы музейі (Париж қ., Франция); **В.В. Варфоломеев,** тарих ғылымдарының кандидаты, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті (Қарағанды қ., Қазақстан); **В.Г. Ломан,** тарих ғылымдарының кандидаты, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті (Қарағанды қ., Қазақстан); **В.К. Мерц,** тарих ғылымдарының кандидаты, Торайғыров университеті (Павлодар қ., Қазақстан); **В.С. Синика,** тарих ғылымдарының докторы, Приднестровск мемлекеттік университеті (Тирасполь қ., Молдова); **Д.В. Ожерельев,** тарих ғылымдарының кандидаты, РҒА Археология институты (Москва қ., Ресей); **Ж. Құрманқұлов,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); **З.Г. Гасанов,** тарих ғылымдарының докторы, Азербайджан ҰҒА Археология және антропология институты (Баку қ., Әзербайжан); **И.В. Шевнина,** тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD), А. Байтұрсынов атындағы Қостанай университеті (Қостанай қ., Қазақстан); **И.У. Кан,** философия докторы (PhD), профессор, Кён Хи университеті (Сеул қ., Корея); **К.Ш. Табалдиев,** тарих ғылымдарының докторы, Қырғыз-Түрік Манас университеті (Бішкек қ., Қырғызстан); **Л. Янц,** философия докторы (PhD), антропология профессорының ассистенті, Торонто университеті (Торонто қ., Канада); **М.К. Хабдулина,** тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті жанындағы К.А. Ақышев атындағы ҒЗИ (Астана қ., Қазақстан); **Т. Хермес,** философия докторы (PhD), антропология профессорының ассистенті, Арканзас университеті (Арканзас қ., АҚШ); Макс Планк атындағы эволюциялық антропология институты (Лейпциг қ., Германия)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:
Ә.М. Манапова, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); **Г.С. Жұмабекова,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); **Ғ.А. Базарбаева,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); **Т.Н. Лошакова**, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан)

М22 **Марғұлан оқулары – 2023:** халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 30 - 31 наурыз 2023 ж.). 2 томдық. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2023. 1 том. 388 б.

ISBN 978-601-7106-75-1
ISBN 978-601-7106-76-8

Жинақтың бірінші томына тас дәуірінен ортағасырларға дейінгі хронологиялық кезеңмен мерзімделген ескерткіштерді зерттеу материалдары кірген. Ғылыми айналымға 2022 жылдың далалық зерттеулері нәтижесінде алынған жаңа материалдар енгізілуде.

Басылым археологтарға, тарихшыларға, этнологтарға, музейтанушыларға, сонымен қатар Қазақстан мен оған іргелес аймақтардың материалдық және рухани мәдениетін зерттеу мәселелеріне қызығушылық танытатын көпшілікке арналған.

ISBN 978-601-7106-75-1
ISBN 978-601-7106-76-8

ӘОЖ 902/904 (574)
КБЖ 63.4 (5Қаз)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: margulan_conf@archeo.kz

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2023
© Марғұлан оқулары: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары, 2023

Жылына бір рет шығады

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
MARGULAN INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MARGULAN READINGS – 2023

Proceedings of the International scientific and practical conference

Almaty, March 30-31, 2023

Volume 1

Almaty
2023

UDC 902/904 (574)
LBC 63.4 (5Қаз)
M22

The publication was carried out according to the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993

FOUNDER:
Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

EDITOR-IN-CHIEF:
Akhan Onggaruly, Candidate of Historical Sciences and Associate Professor, General Director of the Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

EXECUTIVE EDITOR:
Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Deputy Director of the Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

EDITORIAL COUNCIL:
Albina E. Yerzhanova, PhD, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan); **Anne M. Moigne,** Doctor of Quaternary Geology, Professor (Assistant), National Museum of Natural History (Paris, France); **Dmitry V. Ojerelyev**, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **In Uk Kang**, PhD, Professor,Kyung Hee University (г. Сеул, Корея); **Irina V. Shevnina,** PhD, Cand. of Hist. Sciences, A. Baitursynov Kostanay University (Kostanay, Kazakhstan); **Kubatbek S. Tabaldiev**, Dr. of Hist. Sciences, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan); **Lisa Janz**, PhD, Assistant Professor of Anthropology, University of Toronto (Toronto, Canada); **Maral K. Khabdulina**, Cand. of Hist. Sciences, K.A. Akishev Research Institute at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan); **Taylor Hermes**, PhD, Assistant Professor of Anthropology, University of Arkansas (Arkansas, USA); Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology (Leipzig, Germany); **Valeriy G. Loman**, Cand. of Hist. Sciences, E.A. Buketov Karagandy University (Karagandy, Kazakhstan); **Victor K. Merts**, Cand. of Hist. Sciences, Toraigyrov University (Pavlodar, Kazakhstan); **Victor V. Varfolomeev**, Cand. of Hist. Sciences, E.A. Buketov Karagandy University (Karagandy, Kazakhstan); **Vitalij S. Sinika,** Doctor of Hist. Sciences, Transnistrian State University (Tiraspol, Moldova); **Zaur Hasanov**, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology and Anthropology of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan); **Zholdasbek Kurmankulov**, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

EDITORIAL BOARD:
Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan); **Galiya A. Bazarbayeva**, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan); **Gulnara S. Jumabekova**, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan); **Tatiana N. Loshakova,** Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

M22 **Margulan readings – 2023:** proceedings of the International scientific and practical conference (Almaty, March 30 - 31, 2023). In 2 volumes. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2023. Vol. 1. 388 p.

ISBN 978-601-7106-75-1
ISBN 978-601-7106-76-8

The first volume of this collection contains materials from the study of archaeological sites dating from the Stone Age to the Middle Ages. Previously unpublished new data obtained from field research conducted in 2022 are introduced into academic discourse.

This publication is aimed at archaeologists, historians, ethnologists, museologists, and all individuals interested in the study of the material and spiritual culture of Kazakhstan and neighboring regions.

ISBN 978-601-7106-75-1
ISBN 978-601-7106-76-8

UDC 902/904 (574)
LBC 63.4 (5Қаз)

Address of the editorial office, publisher-founder:
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 272 06 89
E-mail: margulan_conf@archeo.kz

Published once a year

© Margulan Institute of Archaeology, 2023
© Margulan readings: Proceedings of the International scientific and practical conference, 2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х. МАРГУЛАНА

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

материалы международной научно-практической конференции

г. Алматы, 30-31 марта 2023 г.

Том 1

Алматы
2023

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5Қаз)
М22

Издание осуществлено по программе фундаментальных научных исследований
Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Акан Онгарулы, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор,
генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора
Института археологии имени А.Х. Маргулана по науке (г. Алматы, Казахстан)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
А.Е. Ержанова, доктор философии (PhD), Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); **А.М. Муань**, доктор четвертичной геологии, профессор (ассистент), Национальный музей естественной истории (г. Париж, Франция); **В.В. Варфоломеев**, кандидат исторических наук, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан);**В.Г. Ломан**, кандидат исторических наук, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); **В.К. Мерц**, кандидат исторических наук, Торайгыров Университет (г. Павлодар, Казахстан); **В.С. Синика**, доктор исторических наук, Приднестровский государственный университет (г. Тирасполь, Молдова); **Д.В. Ожерельев**, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); **Ж. Курманкулов**, кандидат исторических наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); **З.Г. Гасанов**, доктор исторических наук, Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); **И.В. Шевнина**, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD), Костанайский университет имени А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан); **И.У. Кан**, доктор философии (PhD), профессор, Университет Кён Хи (г. Сеул, Корея); **К.Ш. Табалдиев**, доктор исторических наук, Кыргызско-Турецкий университет Манас (г. Бишкек, Кыргызстан); **Л. Янц**, доктор философии (PhD), ассистент профессора антропологии, Университет Торонто (г. Торонто, Канада); **М.К. Хабдулина**, кандидат исторических наук, НИИ имени К.А. Акишева при Евразийском Национальном университете имени Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Казахстан); **Т. Хермес**, доктор философии (PhD), ассистент профессора антропологии, Университет Арканзас (г. Арканзас, США); Институт эволюционной антропологии имени Макса Планка (Лейпциг, Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А.М. Манапова, кандидат исторических наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); **Г.А. Базарбаева**, кандидат исторических наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); **Г.С. Джумабекова**, кандидат исторических наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); **Т.Н. Лошакова**, старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан)

М22 **Маргулановские чтения – 2023**: материалы ежегодной международной научно-практической конференции (г. Алматы, 30-31 марта 2023 г.). В 2-х т. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. Т. 1. 388 с.

ISBN 978-601-7106-75-1
ISBN 978-601-7106-76-8

В первый том сборника вошли материалы изучения памятников, датируемых в хронологическом диапазоне от эпохи камня до Средневековья. В научный оборот вводятся новые данные, полученные в результате полевых исследований 2022 года.

Издание адресовано археологам, историкам, этнологам, музееведам, а также всем интересующимся вопросами изучения материальной и духовной культуры Казахстана и сопредельных регионов.

ISBN 978-601-7106-75-1
ISBN 978-601-7106-76-8

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5Қаз)

Адрес редакции, издателя-учредителя:
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: margulan_conf@archeo.kz

© Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2023
© Маргулановские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 2023

Издаётся один раз в год

Алғысөз

Марғұлан оқулары – бұл зерттеушілер Қазақстан мен оған іргелес аймақтардың тарихи-мәдени мұра ескерткіштерінің далалық және пәнаралық зерттеулер нәтижесін ғылыми ортаға таныстыратын Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жыл сайын өткізетін халықаралық конференциясы. Іс-шара аясында археология ғылымы мен археозоология, палинология, музеология, консервация, реставрация секілді сабақтас пәндердің өзекті мәселелері, сондай-ақ археология ескерткіштерін қорғау және зерттеудің заманауи әдістерін қолдану әдістері талқыланады. Форумның негізгі мақсаты – жаңа деректерді ғылыми айналымға енгізу, алынған нәтижелерді зерттеу барысында жаңа әдістерді пайдалану.

Жарық көретін конференция материалдарында негізінен іс-шара кезінде оқылған баяндамалар қамтылған. Екі томнан тұратын «Марғұлан оқулары – 2023» конференциясы жинағында 83 мақала бар. Бірінші томға Қазақстан аумағы мен оған іргелес аймақтардағы ескерткіштердің 2022 жылғы далалық зерттеулері нәтижесінде алынған материалдар жинақталған. Жинақтың екінші томына жартас өнері ескерткіштерін талдауға, этноархеологияға, ғылым тарихына арналған мақалалар, сонымен қатар тарихи-мәдени мұра нысандарын кешенді зерттеудің әртүрлі аспектілері бойынша жасалған теориялық зерттемелердің нәтижелері енді.

Жинақ авторлары – Қазақстанның әртүрлі 59 ғылыми-зерттеу орталығының, сонымен қатар Армения, Германия, Қырғызстан, Ресей және Өзбекстанмен қоса Еуразияның басқа мемлекеттерінің мамандары.

Қазақстандағы әріптестер арасында археологиялық зерттеулер жүргізуге қатысқан ұйымдардың ауқымы кең. Конференцияны ұйымдастырушы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтынан бөлек бұл іске Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті, Батыс Қазақстан инновация-технология университеті, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Торайғыров университеті және Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университеті сияқты еліміздің озық оқу орындары жанындағы ғылыми-зерттеу институттары, зертханалар мен орталықтар да атсалысты.

Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі, Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі, Алматы қаласы Музейлер бірлестігі, Батыс Қазақстан тарихи-өлкетану музейі, Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі ұсынған музейлер, музей-қорықтар мен тарихи-мәдени мұраны зерттеу орталықтары, сондай-ақ Қазақстанның әртүрлі өңірлерінде орналасқан «Берел», «Бозоқ», «Ботай», «Есік», «Отырар», «Сарайшық» секілді музей-қорықтар конференцияның маңызды қатысушылары болып саналады. Атырау, Қостанай және Солтүстік Қазақстан облыстарының Мәдениет басқармасы жанындағы тарихи-мәдени мұраларды зерттеу орталықтары да конференцияға белсене назар аударды.

Конференция жұмысына РҒА Археология институты, РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты, ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты, РҒА УрБ Тарих және археология

институты, РҒА СБ Археология және этнография институты, РҒА География институты, РҒА СБ Федералды көмір және көмірхимиясы зерттеу орталығы сияқты Ресейдің бірқатар академиялық институттары, жоо-лар мен музейлері, сондай-ақ М. Акмулла атындағы Башқұрт мемлекеттік педагогикалық институты, Новосибирск мемлекеттік экономика және кәсіпкерлік университеті, Кемеров мемлекеттік университеті, М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті, Новосибирск мемлекеттік ұлттық зерттеу университеті, Ф.М. Достоевский атындағы Омск мемлекеттік университеті, А.И. Герцен атындағы Ресей мемлекеттік педагогикалық университеті, Ресей мемлекеттік кәсіби-педагогикалық университеті, Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Оңтүстік Урал мемлекеттік университеті сияқты білім беру мекемелерінің өкілдері, сонымен қатар Мемлекеттік Шығыс музейі мен Е.Д. Филицин атындағы Краснодар мемлекеттік тарихи-археологиялық музей-қорығы қызметкерлері де қатысты.

Конференция жұмысына ӨзР ғылым Академиясы Ұлттық археология орталығы (Ташкент қ.), ӨзР Мәдени мұра агенттігі, Я. Гулямов атындағы Археология институты (Самарқанд қ.), Қарақалпақ мемлекеттік университеті және Қарақалпақстан Республикасы И.В. Савицкий атындағы Мемлекеттік өнер музейі (Нүкіс қ.) сияқты Өзбекстанның бес ғылыми мекемесінің өкілдері қатысты.

Бұдан өзге конференцияда Саксония археология ведомоствосы, Лейпциг университетінің География институты және Макс Планк атындағы Эволюциялық антропология институты секілді Германияның үш ғылыми орталығының (Лейпциг қ.), Қырғызстан мен Арменияда бір бір ғылыми мекемеден: Қырғызстан Республикасы ҰҒА Б. Джамгерчинов атындағы Тарих, археология және этнология институты (Бішкек қ.) мен Армения Республикасы ҰҒА Археология және этнография институтының (Ереван қ.) өкілдері де болды.

Марғұлан оқуларын өткізу тарихи-мәдени мұра ескерткіштерін зерттеп, сақтап қалсақ деген талпыныс біріктірген мүдделес адамдардың басын қосатын Қазақстанның археология ғылымы саласындағы дәстүрге айналды. Конференция – идея, білім алмасатын, жаңа ойлар туындайтын және ғаламат жоспарлар жасалатын, бейресми кездесулер өтетін, Еуразия даласындағы археологияның өзекті мәселелерін талқылайтын тамаша шығармашылық алаң. «Марғұлан оқулары» конференциясы өз қызметінің жаңа қырларын ашып, осы дәстүрді жалғастыра беретініне сенеміз.

FOREWORD

Margulan Readings is an annual international conference organized by the Margulan Institute of Archaeology, during which researchers present the results of field and interdisciplinary studies pertaining to the monuments of historical and cultural heritage in Kazakhstan and neighboring regions to the scientific community. The event discusses current issues within archaeological science and its related fields, including archaeozoology, palynology, museology, conservation, restoration, as well as issues of protection of archaeological sites and the application of modern research methods. The primary objective of the conference is to introduce new data to the scientific community and to promote the utilization and implementation of the latest methodologies in analyzing the obtained results.

Traditionally, the conference proceedings are published in a periodical that includes reports presented directly at the event. The collection of the conference "Margulan Readings–2023", consisting of two volumes, contains 83 articles. The first volume contains materials obtained as a result of field studies of monuments in 2022, conducted on the territory of Kazakhstan and neighboring regions. The second volume of the collection includes articles devoted to the analysis of rock art monuments, ethnoarchaeology, the history of science, and also presents the results of theoretical developments on various aspects of the comprehensive study of historical and cultural heritage sites.

The range of authors is represented by specialists from 59 different research centers in Kazakhstan, as well as from other Eurasian countries, including Armenia, Germany, Kyrgyzstan, Russia and Uzbekistan.

Among the works of Kazakhstani colleagues, there is a wide coverage of organizations involved in conducting archaeological research. In addition to the Margulan Institute of Archaeology, which acts as the organizer of the conference, the following research institutes, laboratories, and centers affiliated with leading educational institutions of the country participated in the event: Al-Farabi Kazakh National University, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Atyrau University, West Kazakhstan Innovation and Technological University, Karaganda Buketov University, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Korkyt Ata Kyzylorda University, Khoja Akhmet Yasawi International Kazakh-Turkish University, Toraigyrov University and Zhanibekov University.

Significant participants of the conference include museums, museum-reserves, and research centers of historical and cultural heritage, represented by the National Museum of the Republic of Kazakhstan, the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Association of Museums of Almaty, The West-Kazakhstan regional museum of history and local history, Aktobe Regional Museum of Local History, as well as museum-reserves located in various regions of Kazakhstan: "Berel," "Bozok," "Botai," "Esik," "Otrar," "Sarayshyk". The conference garners significant attention from research centers focusing on historical and cultural heritage under the Department of Culture of the Atyrau, Kostanay, and North Kazakhstan regions.

The conference was attended by representatives from several academic institutes, universities and museums from Russia, including such institutions as the Institute of Archaeology RAS, the Institute for the History of Material Culture RAS, Institute of Archaeology named after A.K. Khalikov of Tatarstan

Academy of Sciences, the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS, the Institute of Geography RAS, the Federal the Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, as well as educational institutions such as Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Novosibirsk State University of Economics and Management, Kemerovo State University, Lomonosov Moscow State University, Novosibirsk National Research State University, Dostoevsky Omsk State University, Herzen University, Russian State Vocational Pedagogical University, St. Petersburg State University, South Ural State University, as well as the State Museum of Oriental Art and the Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn.

The conference was attended by representatives of five scientific institutions of Uzbekistan, including the National Center of Archaeology Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent), the Agency of Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan, Samarkand Archaeological Institute (Samarkand), Karakalpak State University and the State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan named after I.V. Savitsky (Nukus).

In addition, representatives of three scientific centers of Germany (Leipzig) participated in the conference: Archaeological Heritage Office in Saxony, Leipzig University and the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Kyrgyzstan and Armenia were also represented by one scientific institution each: B. Jamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Bishkek) and the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan).

Margulan Readings represent a traditional event within the field of archaeological science in Kazakhstan, gathering like-minded individuals united by their dedication to the exploration and preservation of historical and cultural heritage monuments.

The conference serves as an excellent creative platform for the exchange of ideas and knowledge, the emergence of new concepts, and the development of ambitious plans, informal meetings, and discussions on current issues in the archaeology of the Eurasian steppes. We are confident that in the future, the Margulan Readings conference will continue its traditions, opening new horizons in its activities.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Маргулановские чтения – это ежегодная международная конференция Института археологии имени А.Х. Маргулана, на которой исследователи представляют научному сообществу результаты полевых и междисциплинарных исследований памятников историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных регионов. В рамках мероприятия обсуждаются актуальные вопросы археологической науки и смежных дисциплин, таких как археозоология, палинология, музеология, консервация, реставрация, а также вопросы охраны археологических памятников и применения современных методов исследования. Основной целью форума является введение в научный оборот новых данных, использование и внедрение новейших методов в изучение полученных результатов.

Традиционно материалы конференции выходят в свет изданием, включающим доклады, представленные на самом мероприятии. В сборнике конференции «Маргулановские чтения–2023», состоящем из 2-х томов, содержится 83 статьи. В первом томе сосредоточены материалы, полученные в результате полевых исследований памятников 2022 г., проводившихся на территории Казахстана и сопредельных регионов. Во второй том сборника вошли статьи, посвященные анализу памятников наскального искусства, этноархеологии, истории науки, а также представлены результаты теоретических разработок по различным аспектам комплексного изучения объектов историко-культурного наследия.

Круг авторов представлен специалистами из 59-ти различных научно-исследовательских центров Казахстана, а также из других стран Евразии, включая Армению, Германию, Кыргызстан, Россию и Узбекистан.

Среди работ казахстанских коллег отмечается широкий охват организаций, участвующих в проведении археологических исследований. Кроме Института археологии имени А.Х. Маргулана, выступающего организатором конференции, в работе приняли участие такие научно-исследовательские институты, лаборатории и центры при ведущих учебных заведениях страны, как Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Атырауский университет имени Х. Досмухамедова, Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова, Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясауи, Торайгыров университет и Южно-Казахстанский государственный педагогический университет.

Значимыми участниками конференции являются музеи, музеи-заповедники и центры исследования историко-культурного наследия, представленные Национальным музеем Республики Казахстан, Центральным государственным музеем Республики Казахстан, Объединением музеев города Алматы, Западно-Казахстанским историко-краеведческим музеем, Актюбинским областным историко-краеведческим музеем, а также музеями-заповедниками, расположенными в различных регионах Казахстана: “Берел”, “Бозок”, “Ботай”, “Есик”, “Отрар”, “Сарайшык”. Активное внимание к конференции проявляют центры исследования историко-культурного наследия при Управлении культуры Атырауской, Костанайской и Северо-Казахстанской областей.

В работе конференции приняли участие представители целого ряда академических институтов, вузов и музеев из России, включая такие учреждения, как Институт археологии РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт географии РАН, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, а также образовательные учреждения, такие как Башкирский государственный педагогический институт имени М. Акмуллы, Новосибирский государственный университет экономики и предпринимательства, Кемеровский государственный университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Южно-Уральский государственный университет, а также Государственный музей Востока и Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Филицина.

В работе конференции приняли участие представители пяти научных учреждений Узбекистана, включая Национальный Центр археологии Академии наук РУз (г. Ташкент), Агентство культурного наследия РУз, Институт археологии имени Я. Гулямова (г. Самарканд), Каракалпакский государственный университет и Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого (г. Нукус).

Кроме того, в работе конференции участвовали представители трёх научных центров Германии (г. Лейпциг): Археологическое ведомство Саксонии, Институт географии Университета Лейпцига и Институт эволюционной антропологии Макса Планка. Также были представлены по одному научному учреждению Кыргызстан и Армения: Институт истории, археологии и этнологии имени Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики (г. Бишкек) и Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения (г. Ереван).

Проведение Маргулановские чтений является традиционным событием в сфере археологической науки Казахстана, собирающим единомышленников, объединённых стремлением исследования и сохранения памятников историко-культурного наследия. Конференция – прекрасная творческая площадка для обмена идеями, знаниями, возникновения новых замыслов и построения грандиозных планов, неформальных встреч и обсуждения насущных проблем археологии Евразийских степей. Уверены, что и в дальнейшем конференция «Маргулановские чтения» продолжит свои традиции, открывая новые грани своей деятельности.

D. Ozherelyev
T. Mamirov

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.13.20

Dmitry Ozherelyev[1], dmit.ozherelyev@gmail.com,
Talgat Mamirov[2], talgatmamirov@gmail.com
[1]Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
[2]Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Research of the Stone Age in the western part of the Trans-Ili Alatau
(Southeastern Kazakhstan) in 2021-2022*

The article outlines the brief results of the study at the new sites of the Upper Paleolithic Uzynagash 1–9 and Saryzhazyk 1–2. The archaeological monuments were discovered in 2021 in the western part of the Trans-Ili Alatau (Northern Tien Shan). The sites contain cultural layers from both the initial and final stages of the Upper Paleolithic period. Most of the layers include areas and clusters of stone artifacts. These archaeological sites play a crucial role in reconstructing cultural shifts during the Upper Paleolithic era in the foothills of the Northern Tien Shan and the surrounding areas.

Keywords: Upper Paleolithic, Tien Shan, stone industry, Saryzhazyk 1–2 sites, Uzynagash 1-2 sites

Дмитрий Викторович Ожерельев[1],
Талғат Базарбайұлы Мамиров[2]
[1] РҒА Археология институты,
Москва қ., Ресей
[2] Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

2021–2022 жж. Іле Алатауының батыс бөлігіндегі тас дәуірінің зерттелуі
(Оңтүстік-Шығыс Қазақстан)

Мақалада кейінгі палеолиттің жаңа Ұзынағаш 1–9 және Сарыжазық 1–2 жаңа тұрақтарында жүргізілген зерттеулердің қысқаша нәтижелері сипатталады. Ескерткіштер 2021 жылы Іле Алатауының (солтүстік Тянь-Шань) батыс бөлігінен анықталды. Тұрақтар кейінгі палеолиттің ерте және кейінгі уақыттарының мәдени қабаттарынан тұрады. Мәдени қабаттардың үлкен бөлегін ошақтар мен тас жәдігерлер құрайды. Ескерткіштер солтүстік Тянь-Шань мен іргелес аймақтардың кейінгі палеолит кезеңіндегі мәдени өзгерістерін реконструкциялауда маңызы зор.

Түйін сөздер: кейінгі палеолит, Тянь-Шань, тас индустриясы, Ұзынағаш 1–9, Сарыжазық 1-2

© 2023 Ozherelyev D., Mamirov T.

**The paper was prepared as part of the grant of the Russian Science Foundation nr. 23-18-00329 and as part of the grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Sciences and Higher education of the Republic of Kazakhstan 2022–2024, IRN AR14872494.*

Дмитрий Викторович Ожерельев[1],
Талгат Базарбаевич Мамиров[2]
[1] Институт археологии РАН, г. Москва, Россия;
[2] Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Исследования каменного века в западной части Заилийского Алатау
(Юго-Восточный Казахстан) в 2021-2022 гг.

В статье описываются краткие результаты исследования на новых стоянках верхнего палеолита Узынагаш 1–9 и Сарыжазык 1-2. Памятники были обнаружены в 2021 году в западной части Заилийского Алатау (Северный Тянь-Шань). Стоянки содержат культурные слои ранней поры и поздней поры верхнего палеолита. Большая часть культурных слоев включает очаги, прокалы и скопления каменных находок. Памятники имеют важное значение для реконструкции культурных изменений в эпоху верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня и прилегающих территорий.

Ключевые слова: верхний палеолит, Тянь-Шань, каменная индустрия,- Сарыжазык 1–2,- Узынагаш 1-2

In 2021-2022, a joint Palaeolithic expedition both of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow) and the Margulan Institute of Archaeology (Almaty) conducted comprehensive studies of Palaeolithic sites in the western part of the Trans-Ili Alatau (Northern Tien Shan, Southeastern Kazakhstan). The work was carried out within the framework of a long-term research program on the basis of a cooperation agreement between two academic institutions [Ozherelyev *et al*. 2021]. In this region, exploration and the first excavations were carried out on new sites of the Upper Palaeolithic.

During the exploration in the autumn of 2021, a new complex of archaeological sites was discovered – Uzynagash 1–9. The sites are located 52 km south of Almaty (Zhambyl district, Almaty region). They are situated in the valley of the eponym river, at the mouth of the river as it emerges from the gorge. Nine sites were found here at a distance of about 1 km on the right and left banks. In the surveyed area, there are two terraced levels of the Uzynagash River. The distance in height between them exceeds 20 m. The discovered Palaeolithic sites are in loess deposits of the first floodplain terrace (Fig. 1). This terrace was formed in the second half of the Late Pleistocene. The absolute height of the sites is 1100–1125 m above sea level.

The lithic finds were found in small loess outcrops and in scree in talus deposits as accumulations, sometimes as isolated finds. The accumulations of finds seem to come from archaeological strata. Hight concentrations of finds were numerated as one Palaeolithic complex. A sample collection of 125 objects was collected from different sites (1–9) (Table 1). Among the findings of primary reduction, various categories of products are presented: core preform (1 object), lithic cores (6 objects), core rejuvenation flake (1 object), crested blades (3 objects), blades (4 objects), bladelet (1 object), blade fragments (13 objects), bladelet fragment (1 object), flakes (36 objects), flake fragments (38 objects), shatters (6 objects), debris (1 object). The tool set contains 14 finds: scrapers (6 objects), scaled piece (1 object), notched tool (1 object), retouched blade fragment (1 object), retouched flakes (3 objects), retouched flake fragments (2 objects).

A similar lithic industry based on the same kinds of raw materials is determined at all sites. The most indicative implements from the collection are cores, blanks and tools. Four of six cores show the parallel prismatic flaking technique. Two of them are unifacial, two are bifacial, but all of them are one-sided cores. The flake surface is large and convex. Its back was intentionally flattened. The striking platforms in three cases were prepared with faceting. The angle of detachment of blanks from the cores ranging from 74 to 84 degrees. The dimensions of the cores vary between 12.4 cm and 4.2 cm. The width of the striking platform is slightly larger or slightly smaller than the length. The required blanks removed from such cores were either large blades or elongated flakes (in this case, the term “blade-like flakes” is quite appropriate). The well-worked cores allow to produce small blade-lake

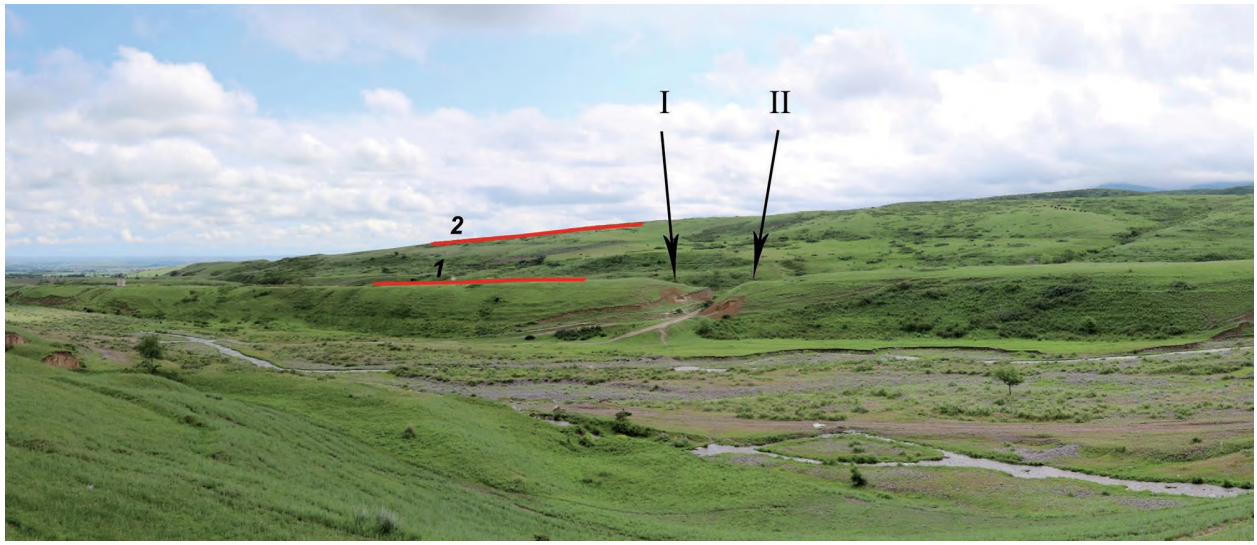

Fig. 1. View of the Uzynagash 1 (I) and Uzynagash 2 (II) archaeological sites.
The red lines indicate two terraced levels of the Uzynagash River in the archaeological sites area
1-сур. Ұзынағаш 1 (I) және Ұзынағаш 2 (II) тұрақтарының көрінісі.
Қызыл сызықтармен тұрақ аймағындағы Ұзынағаш өзенінің екі қапталының деңгейі көрсетілген
Рис. 1. Вид на стоянки Узынагаш 1 (I) и Узынагаш 2 (II).
Красными линиями обозначены два террасовых уровня реки Узынагаш в районе стоянок

flakes. The blades and their fragments from the collections correspond to the flake scars on the cores both in terms of raw materials and dimensional characteristics. The collection includes a large blade of 10.8×5.4×2.0 cm in dimensions and bladelets of about 4-5 cm in length. An important technological indicator is that: the width of blade-like flakes almost always approaches ½ of the length, *i.e.* a wide-width of blade-like flakes and similar ones was determined. It is noted, bladelets (one complete and one fragmented) are few, both curved. One of them is twisted.

The tool assemblage is predominated by a significant and representative subgroup of scrapers. The scrapers are made on elongated flakes (blade-like flakes), or on retouched large blades. They are grouped into end scrapers and double-end scrapers with convex or unilaterally beveled edges. The retouch is large, abrupt, sometimes stepped. Regular and intensive retouching of the lateral sides is observed only on one scraper. More often, small fragments of the laterals are retouched with irregular, fine, and medium flat retouch.

Retouched flakes and their fragments (5 objects) have quite large dimensions. Except for one specimen measuring less than 5 cm, the others are over 5 cm along one axis. The tools cannot be classified into series; all of them are unique.

By general technical and typological characteristics, the lithic assemblage from all the sites can be attributed to the early periods of the Upper Palaeolithic without further detailed specification. The sites form a large unified complex with a great research potential. The complex indicates high occupation of the valley at certain periods of the Upper Palaeolithic. It should be noted that two cores showing a more archaic characteristics with centripetal knapping were found at the Uzynagash 3 site. One of them is a Levallois-type core of large size (18.0×17.2×6.1 cm), well worked, one-sided, unifacial with a prepared striking platform. It served to produce large blade-like flakes. The other core is for flakes. It is small, discoidal (4.0×3.8×2.5 cm), bifacial. Such cores can highlight earlier complexes at the third site, preceding the blade industries of other sites. At the same time, the presence of similar cores was attested in some other early Upper Palaeolithic sites (layers of settlements) in Southern and Southeastern Kazakhstan (Valikhanov and Maybulak site). There, they are an integral part of a unified lithic industry [Taimagambetov, Ozherelyev 2009].

In May-June 2022, excavations were conducted for the first time at the Uzynagash 1 and 2 Upper

Table 1 – Stone inventory of the complex of Paleolithic sites – Uzynagash 1–9
1-кесте – Ұзынағаш 1–9 палеолит ескерткіштері кешенінің тас құрал-саймандары
Таблица 1 – Каменный инвентарь комплекса палеолитических памятников – Узынагаш 1–9

No.	Item name	Uzynagash 1-2	Uzynagash 3	Uzynagash 4	Uzynagash 5-6	Uzynagash 7	Uzynagash 8-9	single finds above Uz. 7	TOTAL
LITHIC REDUCTION GROUP AND PRODUCTION WASTE									
1	Core preform						1		***1***
2	Cores	1	3	1			1		***6***
3	Core rejuvenation flake		1						***1***
4	Flakes	5	8	1	9	7	3	3	***36***
5	Blades	2					2		***4***
6	Crested blades	1			1		1		***3***
7	Bladelets		1						***1***
8	Fragments of blades	3			8		1	1	***13***
9	Bladelet fragments				1				***1***
10	Flake fragments	2	1		31	4			***38***
11	Shatter				5	1			***6***
12	Debris				1				***1***
TOOL ASSEMBLAGE									
13	Scaled piece				1				***1***
14	Notched tool				1				***1***
15	Scrapers	3	1		2				***6***
16	Retouched flakes		3						***3***
17	Retouched flake fragments				2				***2***
18	Retouched blade fragments				1				***1***
TOTAL PRIMARY REDUCTION GROUP AND PRODUCTION WASTE		*14*	*14*	*2*	*56*	*12*	*9*	*4*	***111***
TOTAL TOOL ASSEMBLAGE		3	4	0	7	0	0	0	***14***
TOTAL		***17***	***18***	***2***	***63***	***12***	***9***	***4***	***125***

Fig. 2. View of the Uzynagash 1 archaeological site at the end of the excavations in 2022
2-сур. 2022 жылғы қазба соңындағы Ұзынағаш 1 тұрағының көрінісі
Рис. 2. Вид на стоянку Узынагаш 1 в конце раскопок 2022 года

Palaeolithic sites (Fig. 1). At the Uzynagash 1 site, three archaeological layers with lithic artifacts were discovered in loess deposits at depths of -6.05/-6.80 m (S=19 sq. m.) (Fig. 2). Given that the site was only investigated in a limited stratigraphic area, the actual number of archaeological layers may be greater. The lithic assemblage totals 4,390 artefacts, including cores, core blanks, hammerstones, flakes, blades and bladelets, scars, debris, scales (Fig. 3).

The tool assemblage includes different categories of many types of scrapers carinated cores-scrapers and cores-burins, retouched blades, end scrapers, and some others. The raw material is various and local: porphyries, various effusive rocks (tuffites), quartz, chalcedony, jaspers, marls, siltstone, flint, sandstone, rhyolites, granites. In addition to the lithic industry, typical settlement features were found at the site: two in-depth fireplaces, a hearth, and a household pit. Based on the characteristics of the lithic assemblage, the site is attributed to the early Upper Palaeolithic period (~ 33000–28000 thousand BC). It is considered as a typical long-term occupation site [Ozherelyev, Mamirov 2023].

Another site, the Uzynagash 2, is located 20 m south of the Uzynagash 1 site across a small natural saddle (Fig. 1). At the Uzynagash 2 site, an excavated stepped stratigraphic trench showed 10 m of loess deposits. Two archaeological layers were identified at the site: layer 1 (depth -5.50/-5.70 m) and layer 2 (-7.50/-7.60 m). The upper archaeological layer contains two human occupations with hearths and concentrations of finds (270 objects). There is a close analogy with the industry from the Uzynagash 1 site. The lower layer includes rare small-

Fig. 3. Stone finds from archaeological layers 1–3 of the Uzynagash 1 site. 2022: 1–6 – carinated cores-scrapers; 7-8 – cores; 9-10, 16 – plates; 11-12, 17–29, 42 – scrapers of various types; 13 – knife with a spine; 14-15 – end racloirs; 30–41 – plates and microplates

3-сур. Ұзынағаш 1–3 тұрақтарының мәдени қабатынан табылған тас құралдар. 2022 ж.: 1–6 – кареноидты нуклеус-қырғыштар; 7-8 – нуклеустар; 9-10, 16 – пластиналар; 11-12, 17–29, 42 – әртүрлі қырғыштар; 13 – үгіткіш пышақ; 14-15 – үшкір қырғыштар; 30–41 – пластинкалар мен микропластиналар

Рис. 3. Каменные находки из культурных слоев 1–3 стоянки Узынагаш 1. 2022 г.: 1–6 – кареноидные нуклеусы-скребки; 7–8 – нуклеусы; 9-10, 16 – пластины; 11-12, 17–29, 42 – скребки различных типов; 13 – нож с обушком; 14-15 – концевые скребла; 30–41 – пластинки и микропластины

sized lithic artifacts (27 objects) in porphyry of undiagnosted forms. In general, the archaeological material from the Uzynagash 1 and 2 sites has analogies with the many sites characterised by Aurignacian assemblages.

Thus, a new group of sites with highly representative archaeological *in situ* material is distinguished. For future, it allows to research the early Upper Palaeolithic period in the foothills of the Northern Tien Shan.

In 2021-2022, excavations were conducted at the new Saryzhazyk 1 site (S=16 sq.m.). The site is located at an altitude of 1776 m above sea level in the intramontane area of the Kastek Valley (Almaty region). Only one archaeological layer is found in loess deposits overlying the Late Pleistocene terminal moraine (Fig. 4).

The total lithic collection is 633 objects. The raw material is burgundy porphyry. Presumably, the Saryzhazyk 1 site dates to the late Upper Palaeolithic period. The site is defined as a short-term site and workshop. Another the Saryzhazyk 2 site is located 235 m north of the Saryzhazyk 1 site, on an earlier terminal

Fig. 4. View of the Saryzhazyk 1 (excavation trench) and Saryzhazyk 2 settlements (indicated by an arrow).
The red line on the excavation trench indicates the level of the archaeological layer

4-сур. Сарыжазық 1 (қазба) және Сарыжазық 2 (меңзермен көрсетілген) тұрақтарының көрінісі.
Қазбадағы қызыл сызық мәдени қабаттың деңгейін көрсетеді

Рис. 4. Вид на стоянки Сарыжазык 1 (раскоп) и Сарыжазык 2 (указана стрелкой).
Красная линия на раскопе указывает на уровень культурного слоя

moraine. It highlights early Upper Palaeolithic finds. The discovery of two Upper Palaeolithic industries of several periods on different terminal moraines allows to correlate Upper Palaeolithic cultures with late Pleistocene climatic events [Ozherelyev et al. 2023].

Thus, further research at the Uzynagash 1–9 and Saryzhazyk 1-2 sites will allow us to detail the chronology, cultural context and periodisation of the early Upper Palaeolithic period in the foothills of the Northern Tien Shan, as well as outlining the dispersal area of these industries compared to neighboring cultural areas.

ӘДЕБИЕТ

Ожерельев Д.В., Джасыбаев Е.А., Мамиров Т.Б. Особенности культурного слоя и поселенческие объекты на стоянке верхнего палеолита Рахат (слой 2) в Юго-восточном Казахстане // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 262. С. 7–26.

Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 3. С. 68-74.

Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б., Сараев В.В., Воловенко В.Д. Первые данные о заселении внутригорных районов Северного Тянь-Шаня в палеолите // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 1. С. 32–46.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: КазНУ. 2009. 256 с.

REFERENCES

Ozherelyev, D. V., Dzhasybayev, E. A., Mamirov, T. B. 2021. In: *Kratkie soobscheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 262, 7-26 (in Russian).

Ozherelyev, D. V., Mamirov, T. B. 2023. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia)*, 3, 67-74 (in Russian).

Ozherelyev, D. V., Mamirov, T. B., Saraev, V. V., Volovenko, V. D. 2023. In: *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)*, 1, 32-46 (in Russian).

Taimagambetov, Z. K., Ozherelyev, D. V. 2009. *Pozdnepaleoliticheskie pamyatniki Kazakhstana (Late Paleolithic sites of Kazakhstan)*. Almaty: al Farabi Kazakh National University (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

Н.В. Осинцева
И.В. Шмидт
Т.А. Горбунова
Х. Штойбле
Х. Тинапп
Б. Шнайдер
Т. Лауэр

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.21.30

Наталия Викторовна Осинцева[1], n_osinceva@mail.ru,
Ирина Викторовна Шмидт[2], rebew@rambler.ru,
Татьяна Александровна Горбунова[2], dr.stones@yandex.ru,
Харальд Штойбле[3], Harald.Staeuble@lfa.sachsen.de,
Христиан Тинапп[3], Christian.Tinapp@lfa.sachsen.de,
Биргит Шнайдер[4], bschneid@uni-leipzig.de,
Тобиас Лауэр[5], tobias_lauer@eva.mpg.de
[1] Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск, Россия;
[2] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия;
[3] Археологическое ведомство Саксонии, г. Лейпциг, Германия;
[4] Институт географии Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия;
[5] Институт эволюционной антропологии Макса Планка, г. Лейпциг, Германия

Стоянка финального палеолита Черноозерье II – современный этап исследований

В статье приведены краткие результаты исследований 2015–2022 гг. стоянки позднего палеолита – раннего мезолита Черноозерье II. Внимание сосредоточено на междисциплинарных исследованиях геоморфологии Черноозерской гривы, вмещающей культурные горизонты указанного памятника. Гранулометрические показатели, полученные для субаэральных отложений Черноозерской гривы, характерны для песков с эоловой переработкой. Гриву слагают эоловые отложения, представленные мелко-тонкозернистыми хорошо сортированными пылеватыми и глинистыми песками, включающими два горизонта погребенных почв. На рубеже неоплейстоцена и голоцена 11–10,5 тыс. л. до н.э. на юге Западной Сибири произошло смягчение климата, в этот период на территории гривы появились группы охотников-собирателей.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, стоянка Черноозерье II, финальный палеолит – ранний мезолит, эоловые отложения

Наталия Викторовна Осинцева[1],
Ирина Викторовна Шмидт[2],
Татьяна Александровна Горбунова[2],
Харальд Штойбле[3],

© 2023 г. Осинцева Н.В., Шмидт И.В., Горбунова Т.А., Штойбле Х., Тиапп Х., Шнайдер Б., Лауэр Т.

Христиан Тинапп[3],
Биргит Шнайдер[4],
Тобиас Лауэр [5]
[1] Новосибирск ұлттық зерттеу мемлекеттік университеті,
Новосибирск қ., Ресей;
[2] Ф.М. Достоевский атындағы Омск мемлекеттік университеті,
Омск қ., Ресей;
[3]Саксония археологиялық ведомствосы,
Лейпциг қ., Германия;
[4] Лейпциг университетінің География институты,
Лейпциг қ., Германия;
[5] Макс Планк эволюциялық антропология институты,
Лейпциг қ., Германия

Черноозерье II кейінгі палеолит тұрағы – зерттеудің қазіргі заманғы деңгейі

Мақалада кейінгі палеолит-ерте мезолиттік Черноозерье II тұрағында жүргізілген 2015–2022 жылдардағы зерттеулердің қысқаша нәтижелері келтірілген. Аталған ескерткіштің мәдени кеңістігін қамтитын Черноозеро қайраңының геоморфологиясын пәнаралық зерттеуге баса назар аударылған. Черноозерье субаэральды шөгінділері үшін алынған гранулометриялық көрсеткіштер эолмен өңделген құмдарға тән екендігі анықталды. Қайраң жерлеу топырағының екі шегін қамтитын ұсақ түйіршікті, жақсы сұрыпталған шаңды және сазды құмдардан тұратын эолдық шөгінділерден тұрады. Б.д.д. 11–10,5 м.ж. неоплейстоцен мен голоцен шегінде Батыс Сібірдің оңтүстігінде климаттың жұмсаруы байқалды, осы кезеңде қайраң аумағында аңшы-терімшілер топтары пайда болды.

Түйін сөздер. Батыс Сібірдің оңтүстігі, Черноозерье II тұрағы, кейінгі палеолит–ерте мезолит, эолдық шөгінділер

Nataliia Osintseva[1],
Irina Shmidt[2],
Tatiana Gorbunova[2],
Harald Stäuble[3],
Christian Tinapp[3],
Birgit Schneider[4],
Tobias Lauer[5]
[1] Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;
[2] Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia;
[3] Archaeological office of Saxony, Dresden, Germany;
[4] Institut of Geography, University of Leipzig, Leipzig, Germany;
[5] Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology,
Department of Human Evolution, Leipzig, Germany

The site of the Final Paleolithic of Chernoozerye II – the current stage of research

The article presents brief results of the 2015-2022 studies of the Late Paleolithic – Early Mesolithic sites of Chernoozerye II. Attention is focused on interdisciplinary studies of the geomorphology of the Chernoozerye low ridge, which accommodates the cultural horizons of this monument. Granulometric indicators obtained for subaerial deposits of the Chernoozerye low ridge are characteristic of sands with Aeolian processing. The low ridge is composed of Aeolian deposits, represented by fine-grained well-sorted powdery and clay sands, including two horizons of buried soils. At the turn of the Neo-Pleistocene and Holocene of 11–10,5 thousand BC in the south of Western Siberia, the climate softened, during this period groups of hunter-gatherers appeared on the territory of the low ridge.

Keywords: South of Western Siberia, Chernoozerye II site, Final Paleolithic – Early Mesolithic, Aeolian deposits

Памятник «стоянка Черноозерье II» открыт в 1967 г. свердловским археологом В.Ф. Генингом, и в 1971 г. закончена первая фаза его изучения. За пять лет работ сформировано представление о площади стоянки и морфологии ее культурных отложений, получена представительная коллекция материалов. Большая часть результатов исследований опубликована и введена в научный оборот [Генинг, Петрин 1985; Петрин 1986].

В 2015 г. исследование памятника возобновлено усилиями археологов Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского при участии специалистов Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Археологического ведомства Саксонии. Первые четыре года работ (2015, 2018–2020 гг.) мы называем «подготовительными». С особенностями комплекса необходимо было познакомиться не только по отчетам, публикациям и немногим сохранившимся материалам, но и дать им оценку на основе натурных наблюдений. Уже в ходе первых сезонов работ появилось много вопросов [Горбунова, Шмидт 2014], ответы на которые мы начинаем получать только сейчас, планомерно и осторожно исследуя комплекс [Kraft et al. 2016; Шмидт и др. 2016; Stäuble, Schmidt et al. 2017; Осинцева и др. 2017; Шмидт, Горбунова 2017; Шмидт и др. 2019; Осинцева, Шмидт, Горбунова, 2020; 2020a; Осинцева, Шмидт, Горбунова, Лауэр, Шнайдер, Тинапп, Штойбле 2020; 2022; Шмидт, Горбунова 2020; 2021; 2021a]. К проблемам, требующим наибольшего и междисциплинарного внимания, мы отнесли необходимость прояснения геолого-геоморфологического строения толщ, вмещающих культурные отложения. Восстановление условий, в которых происходило осадконакопление и формирование культуросодержащих горизонтов эпох палеолита – раннего мезолита Черноозерской гривы, делало возможным продвижение в решении спорных вопросов, оставленных на наше рассмотрение предшественниками: режим обитания людей на стоянке, система жизнеобеспечения и природопользования древних коллективов, их хозяйственная деятельность. Данная информация необходима для корректной интерпретации материального комплекса, фрагменты которого становятся нашими находками.

Одним из первых, кто дал геоморфологическую оценку комплексу, был С.М. Цейтлин. В 1970 г. на территории стоянки им был заложен стратиграфический разрез, результаты анализа которого повлияли на интерпретацию культурной реальности. В частности, указывалось на формирование гривы не только эоловыми, но и аллювиальными осадками, подстилающими и перекрывающими культурные горизонты [Цейтлин 1979: 59, 61]. Исследователями стоянки данная информация была включена в реконструкцию режимов обитания на гриве, что позволило (со ссылкой на совокупность данных) назвать стоянку «типичным зимником» [Генинг, Петрин 1985: 27–28]. Нас данное предложение заинтересовало тем, что изначальная высота гривы, развивавшейся на первой, к тому времени уже надпойменной, террасе – до 12 м над уровнем воды – даже в условиях интенсивных весенних паводков позволяла бы круглогодичное обитание на ней. Но «зимним характером» пребывания незначительных по численности групп (в 25–30 человек) объяснялось и отсутствие крупных скелетных структур животных, уходивших на обогрев жилых конструкций, и малое количество каменного инвентаря, появлявшегося по осени в заготовках и получавших финальное орудийное форматирование по мере необходимости, и способ хозяйствования, предусматривавший охоту на любую дичь – большую, малую, пернатую и плавающую, к чему в летнее время можно было бы подойти более выборочно [Генинг, Петрин: 28]. Судя по репликам авторов-исследователей в других произведениях, режим пребывания людей на гриве остается не совсем понятным, но обилие паводков, его все же корректировало [Петрин 1986: 47].

С 2015 г. и по настоящее время археологические и геоморфологические исследования сконцентрированы на северо-западном участке памятника. За это время вскрыт незначительный объем площади – 147,5 м^2, но получено достаточное количество данных для пересмотра ряда положений, выдвинутых нашими предшественниками, в частности, касающихся геоморфологических особенностей формирования гривы.

Геолого-геоморфологическое изучение отложений гривы проводилось по стенкам археологических раскопов на глубину до 3,5 м от современной (трансформированной ранее археологическими исследованиями) поверхности. Фиксировались: последовательность залегания слоев, их мощность, литология, структурно-текстурные особенности, окраска, включения, характер границ и др. свойства. Из выделенных стратиграфических слоев отобраны пробы на гранулометрический и геохимический анализы, которые были выполнены в Лаборатории геоэкологии географического института Лейпцигского университета (Германия). Определение гранулометрического состава осуществлялось путем просеивания и анализа скоростей частиц в гравитационном поле. Разделение породы на гранулометрические фракции производилось по шкале Крамбейна согласно стандарту ISO 14688-1-2017. Фракции выделялись путем сочетания просеивания (частицы диаметром >63 мкм) и осаждения. Пропорции алеврита и глины в диапазоне размеров зерен <63 мкм определялись с помощью рентгеновского гранулометра SediGraph III 5120 с MasterTech MT 052 фирмы Micromeritics. Результаты получены в виде массового процентного

содержания десяти фракций. Датирование осадков проведено радиоуглеродным методом (Центр археометрии Курта Энгельхорна (MAMS), г. Майнхайм, Германия), а также методом оптико-стимулированной люминесценции (Институт эволюционной антропологии Макса Планка (L-Eva), г. Лейпциг, Германия). Радиоуглеродное датирование остеологического материала проведено в Центре археометрии Курта Энгельхорна (MAMS) (г. Майнхайм, Германия) и ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ» (GV) (г. Новосибирск, Россия).

Согласно полученным данным, мы можем предложить следующие тезисы геолого-морфологического заключения. Черноозерская грива в долине р. Иртыш имеет цокольное строение. Общая мощность ее отложений достигает 8,5 м. Цоколь сложен аллювиальными осадками первой надпойменной террасы – тонкозернистыми песками, супесями, суглинками с включениями гравия и мелкой гальки. Они вскрыты на глубину 2,5–3 м от современной поверхности гривы. Прибровочная возвышенная часть террасы, на которой расположена грива, представляет собой древний прирусловый вал преимущественно песчаного состава (рис. 1).

На данном участке долины вал вытянут соответственно изгибу русла с ЮЗ на СВ в виде удлиненного возвышения, направленного вдоль господствующих ЮЗ ветров, режим которых, вероятно, установился в данном районе в позднем неоплейстоцене (рис. 2).

Прирусловой вал стал основанием для накопления эоловых отложений, дав начало развитию продольной береговой дюны. Выдуванию, транспортировке и переотложению, по всей видимости, под-

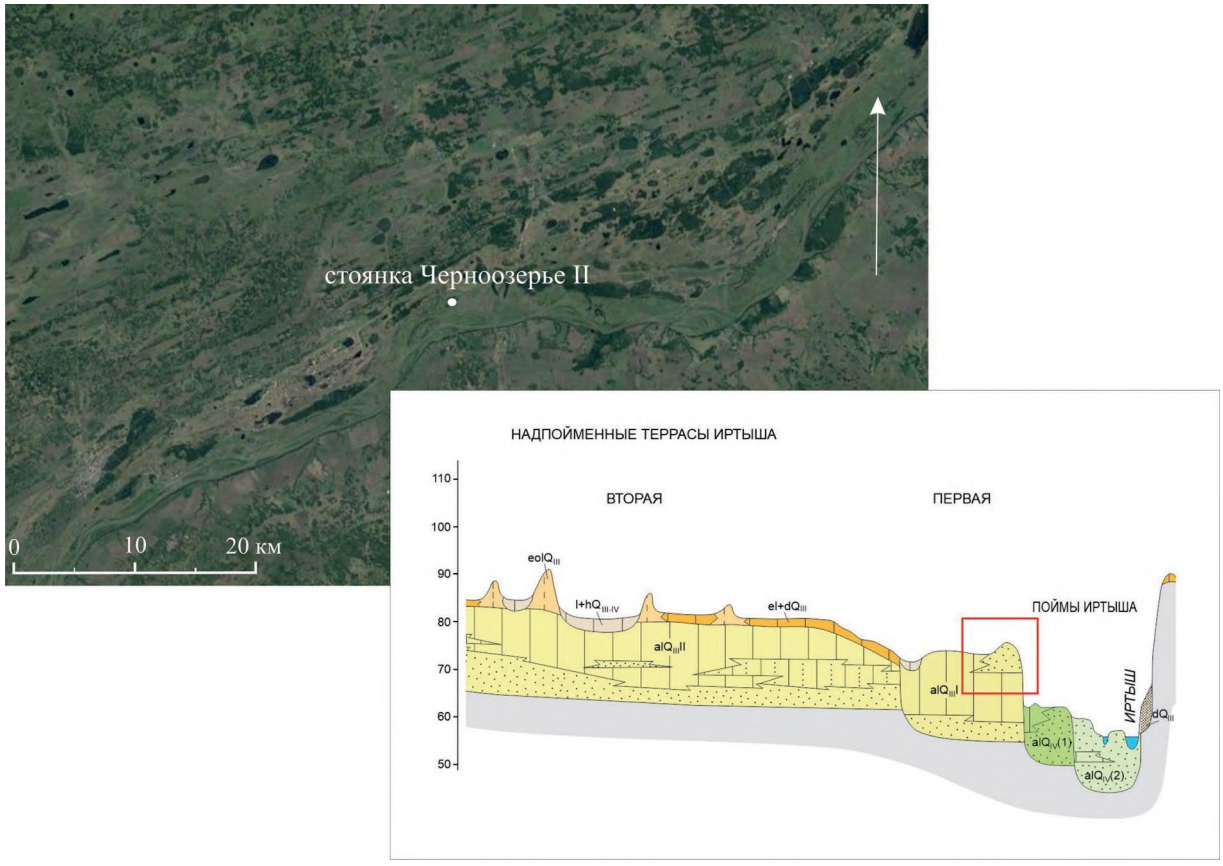

Рис. 1. Ландшафтно-географическое положение стоянки Черноозерье II
и гипсометрические данные Черноозерской гривы (ее расположение отмечено красным квадратом)

1-сур. Черноозерье II тұрағының ландшафтық-географиялық орны және Черноозерье жалының гипсометрлік мәліметтері
(оның орналасқан жері қызыл шаршымен белгіленген)

Fig. 1. Landscape and geographical location of the Chernoozerye II archaeological site
and hypsometric data of the Chernoozerskaya low ridge (its location is marked with a red square)

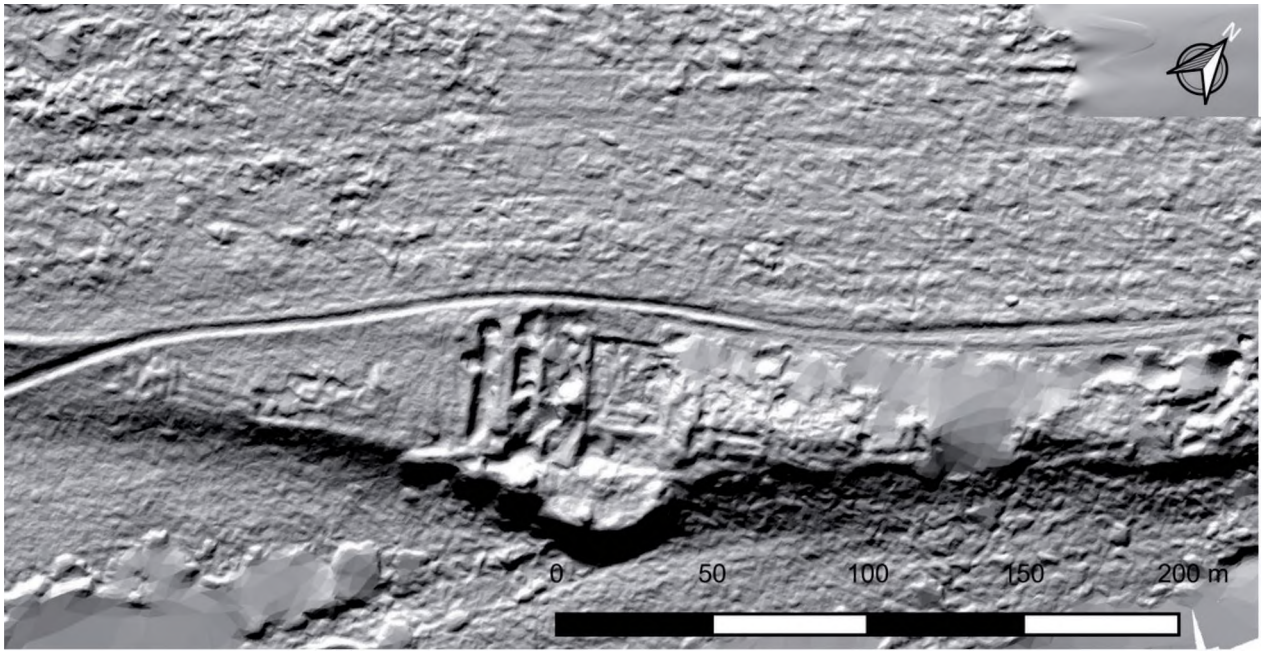

Рис. 2. Черноозерская грива, состояние современной дневной поверхности.
Ортофотоплан и лидарная обработка вскрытых участков стоянки Черноозерье II
(снимок выполнен М. Руммером, обработка проведена Х. Шубертом, LfA Sachsen)

2-сур. Черноозерье жалының қазіргі беткі қабатының жағдайы.
Черноозерье II тұрағының ашылған аумақтарының ортофотожоспары және оларды лидармен өңдеу
(суретті түсірген – М. Руммер, өңдеген – Х. Шуберт, LfA Sachsen)

Fig. 2. Chernoozerskaya low ridge, the state of the modern ground surface.
Orthophotoplan and lidar processing of the uncovered sections of the Chernoozerye II archaeological site
(the picture was taken by M. Rummer, processing was carried out by H. Schubert, LfA Sachsen)

вергались аллювиальные пески береговых отмелей, песчаных кос, островов, прирусловых валов, надпойменных террас, коренных обнажений р. Иртыш, расположенных в непосредственной близости от гривы и имеющих литологический состав, схожий с ее отложениями – тонко- и мелкозернистые пески, супеси и суглинки желто-серого и желто-бурого цвета. Также в отложениях гривы присутствуют алевритовые частицы, принесенные ветром во взвешенном состоянии из далеко расположенных источников – «холодный» лесс, который накапливался в перигляциальных условиях во время похолодания и усиления интенсивности ветра, связанного с сартанской фазой зырянского оледенения. Накопление эоловых осадков происходило в период 15–10,5 тыс. л. до н.э.

Субаэральные осадки эолового генезиса слагают верхнюю 2–3-метровую толщу отложений гривы. Это преимущественно мелкозем светло-коричневого цвета с редкими включениями мелкого гравия, в его толще сформировались два горизонта погребенных почв. Слоистость отсутствует или слабо выражена в виде чередования малозаметных косых и волнистых слойков. Визуально она определяется лишь во влажном состоянии небольшими изменениями гранулометрического состава и плотностью. Слойки толщиной в несколько миллиметров, субгоризонтальные или слабонаклонные, с волнистыми границами. Среди структурно-текстурных особенностей также отмечаются: однородность отложений, отсутствие резких переходов между слоями, наличие линз песка, пористость и пустоты в виде корнеходов, нор и каналов землероев, следы криогенных деформаций. В слоях заметны признаки карбонатизации: белесый налет, карбонатные конкреции и стяжения (рис. 3).

Для точного определения механического состава отложений и уточнения вопроса об условиях их образования был проведен гранулометрический анализ. Он показал, что обломки диаметром менее 2 мм составляют 95–98% всей субаэральной толщи. Содержание песчаных частиц в пробах достигает 49–80%, алевритовой фракции – от 8 до 30%, глинистой – от 9 до 17%. По гранулометрическому составу эоловые осадки гривы относятся к пылеватым пескам, а погребенные почвы – к глинистым пескам (по ISO

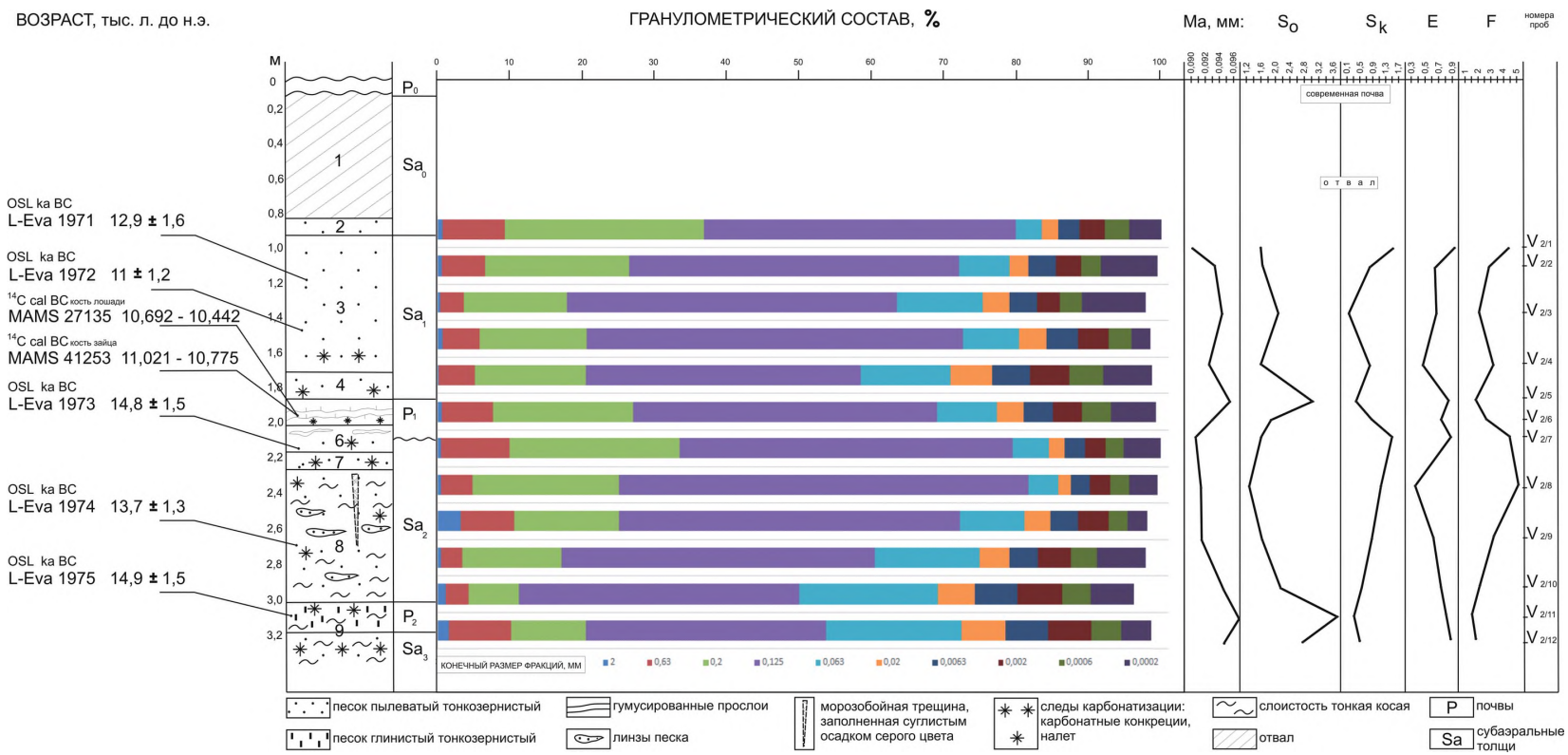

Рис. 3. Литологическая колонка и гранулометрическая характеристика субаэральных отложений Черноозерской гривы.
V2/1–V2/12 – номера образцов; 1–9 – номера слоев, выделенных по структурно-текстурным особенностям;
I – песок пылеватый тонкозернистый, II – песок глинистый тонкозернистый, III – гумусированные прослои, IV – линзы песка,
V – морозобойная трещина, заполненная суглинистым осадком серого цвета, VI – следы карбонатизации: карбонатные конкреции, налет,
VII – слоистость тонкая косая, VIII – отвал, IX – почвы, X – субаэральные толщи.

3-сур. Черноозерье жалының субаэрал шөгінділеріне гранулометрлік сипаттама жасайтын литология бағаны. V2/1–V2/12 – үлгі нөмірлері;
1–9 – құрылым-текстура ерекшеліктері бойынша бөлінген қабат нөмірлері; I – жұқа түйіршікті шаңды құм, II – жұқа түйіршікті сазды құм,
III – гумусталған қабаттар, IV – құм линзалары, V – сұр түсті сазды шөгінділер толған, аяздан пайда болған жарықшақ,
VI –карбонаттану іздері: карбонат конкрециялар, өңез, VII – жұқа қиғаш қабат, VIII – үйінді, IX – топырақ, X – субаэрал қалың қабаттар

Fig. 3. Lithological column granulometric characteristics of subaerial deposits of the Chernoozerskaya low ridge. V2/1–V2/12 – sample numbers;
1–9 – numbers of layers selected by structural and textural features; I – fine-grained powdery sand, II – fine-grained clay sand, III – humous interlayers,
IV – sand lenses, V – frost-breaking crack filled with a loamy sediment of gray color, VI – traces of carbonation: carbonate nodules, stain,
VII – thin oblique layering, VIII – damp, IX – soils, X – subaerial strata

14688-1-2017). Для эоловых осадков характерно резкое преобладание мелкого, тонкого песка и крупного алеврита.

Отложения гривы состоят преимущественно из частиц относительно крупного для эоловых отложений размера (мелкий и тонкий песок, крупный алеврит), поэтому, согласно классификации Е.В. Шанцера [Шанцер 1966], их можно отнести к подтипу перевеянных (перфляционных) осадков эолового типа, которые в отличие от навеянных (суперфляционных) отложений, перемещаются вблизи поверхности преимущественно сальтацией и волочением и образуют отдельные формы рельефа. Источники сноса данного материала располагались в относительной близости от места последующего накопления, ими, вероятно, были песчаные отложения в долине реки.

Изменчивость гранулометрического состава пород Черноозерской гривы по профилю (рис. 3) позволяет, в совокупности со структурно-текстурными особенностями отложений, выделить различные периоды накопления осадка.

1. Субаэральная толща *SA3*, сформировавшаяся более 15 тыс. л. до н.э., представляет собой тонкозернистые пески средней сортировки. Она характеризует начальную фазу эоловой переработки прируслового вала и накопление на его поверхности эоловых осадков в финале сартанской фазы зырянского оледенения, сопровождавшегося аридизацией климата и усилением скорости ветра.

2. Ослабление эолового переноса и формирование почвы (*P2*) происходило 15–14 тыс. л. до н.э. (14,9±1,5 OSL ka BC (L-Eva 1975)). Гранулометрический состав почвы унаследовал основные черты почвообразующих пород, а усилившиеся процессы химического и биологического выветривания привели к уменьшению медианного размера частиц и снижению сортировки песков до слабой.

3. Активизация эоловых процессов произошла 14–13 тыс. л. до н.э. (13,7±1,3 OSL ka BC (L-Eva 1974)) и привела к накоплению нового слоя дюнных отложений (*SA2*), о чем свидетельствует усиление сортировки песков, снижение среднего размера зерен, увеличение доли мелких фракций.

4. Уменьшение сортировки песков, увеличение среднего размера зерен, снижение динамического фактора эолового переноса было связано с ослаблением скорости ветра 13-11 тыс. л. до н.э. и начавшимся почвообразованием в данный период.

5. На рубеже неоплейстоцена и голоцена 11–10,5 тыс. л. до н.э. (^{14}C cal BC 10837±49 (фрагмент изделия из кости крупного млекопитающего; GV-03894), ^{14}C cal BC 10659-10288 (*Equus ferus;* MAMS-27135), ^{14}C cal BC 11021-10775 (*Lepus timidus,* MAMS- 41253)) на юге Западной Сибири произошло смягчение климата, хотя он все еще оставался холодным и сухим. Пребореальный период голоцена отмечен в разрезе маломощной, но морфологически хорошо выраженной почвой (*P1*), в процессе формирования которой усилилась роль биогенного перемешивания вещества. Кратковременное ослабление эолового переноса и почвообразование происходило из-за изменения климатических условий – повышения температуры воздуха, снижения скорости ветра, увеличения увлажнения. Именно в данный период поверхность гривы интенсивно использовалась человеком.

6. Новый цикл накопления эоловых осадков (*SA1*) в ранние периоды голоцена в конце 10 тыс. л. до н.э. (11±1,2 OSL ka BC (L-Eva 1972)) определяется в разрезе по постепенному уменьшению размеров зерен, усилению сортировки песков, увеличению доли тонких фракций, увеличению динамического фактора формирования отложений. Осадки данного слоя накапливались при более низких скоростях ветра, чем в предыдущую фазу накопления эоловых отложений, и при усилении процессов физического выветривания. Активизация эоловых процессов могла быть также связана с периодами уменьшения водности Иртыша, во время которых на поверхности оказывались значительные объемы сухого песка, служившего источником поступления эоловых частиц [подробнее см.: Осинцева, Шмидт, Горбунова, Лауэр, Шнайдер, Тинапп, Штойбле 2022].

Столь подробное описание «строительных фаз» Черноозерской гривы дает уверенность в ответе на главный вопрос нашего сообщения. В основании гривы на глубине 2,5–3 м находятся аллювиальные отложения первой надпойменной террасы. Верхняя часть гривы сложена субаэральными отложениями. Они представляют собой хорошо сортированные тонкослоистые пылеватые и глинистые тонкозернистые пески, разделенные горизонтами погребенных почв, включения последней из которых обладают культурным характером. Гранулометрические показатели, полученные для отложений Черноозерской гривы, характерны для песков с эоловой переработкой. В совокупности со структурно-текстурными и морфологическими признаками, отложения гривы можно отнести к генетическому типу эоловых, подтипу перфляционных (дюнных) отложений.

Чередование песков и погребенных почв в разрезе, ритмичные колебания их гранулометрических характеристик, отражают смену природных условий

в перигляциальной зоне юга Западной Сибири: накопление эоловых песков на рубеже неоплейстоцена и голоцена было связано с похолоданием, аридизацией и усилением скоростей ветра, а формирование почв (15–14 тыс. л. до н.э., 11–10,5 тыс. л. до н.э.) происходило в условиях потепления климата и увеличения его увлажнения. Зафиксированные почвенные и культурные горизонты находятся выше аллювиального цоколя гривы, это говорит о том, что ее поверхность была доступна для обитания в любые времена года, не только в зимний период. Это позволяет иначе прочесть, прежде всего, планиграфию стоянки, объяснить такую ее особенность как обилие небольших, кратковременных, костров со слабым пламенем, что проявляется в наличии незначительных по мощности кострищ с размытыми границами. Для зимнего периода жизнедеятельности людей они не актуальны, но их значимость бесспорна для теплого времени года как инструментов борьбы с обилием гнуса («дымокуры») или же световых зон за пределами жилища, рядом с которыми происходило создание каменных и костяных орудий.

В режиме круглогодичного доступа на гриву читается и остеологический комплекс стоянки. Несмотря на малое количество вскрытой площади, мы не можем охарактеризовать ее в качестве «бедной крупными остатками костей»: несколько крупных ребер, пара крупных позвонков, лопатка, нижняя челюсть, принадлежащие крупным травоядным, говорят об обратном. Обилие мелких фрагментов костей различных видов животных и рыб, раковины пресноводных моллюсков заставляют сомневаться, что мы наблюдаем остатки лишь зимних трапез.

Анализ каменной индустрии комплекса выявляет полный цикл изготовления орудий с использованием различных приемов вторичной обработки, прежде всего, ретуширования: от обработки отдельностей сырья до получения готовых изделий. В коллекции памятника встречаются краевые сколы с остатками естественной поверхности, на которой достаточно часто фиксируются неутилитарные следы транспортировки. Присутствуют нуклеусы и их обломки, технические сколы обновления фронта скалывания и площадки («таблетки»), реберчатые пластины. В наличии микропластины и пластинки с характерной для вкладышей ретушью и следами износа от выполнения различных операций по обработке пластичных материалов. Значительную часть коллекции составляют осколки и обломки, которые являются отходами производства и свидетельствуют об обработке камня и оформлении/переоформлении орудий непосредственно на стоянке.

Вывод. За период с 2015 г. и по настоящее время проведено уточнение условий и этапов формирования гривы в конце неоплейстоцена – начале голоцена, в толще отложений которой зафиксированы культурные горизонты, относящиеся к финалу позднего палеолита и переходу к раннему мезолиту. Установлен эоловый генезис отложений гривы. Более тщательный и комплексный анализ коллекции каменных изделий, сырьевых источников, специфики костяной индустрии стоянки позволят нам вернуться к обсуждению тезиса В.Т. Петрина о возможности рассмотрения материалов памятника в качестве отдельной культурной традиции финального палеолита нашего региона.

ЛИТЕРАТУРА:

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.

Горбунова Т.А., Шмидт И.В. Перспективы изучения памятника эпохи позднего палеолита Черноозерье II в Омской области (по результатам разведки 2013 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 1. С. 59–62.

Осинцева Н.В., Шмидт И.В., Горбунова Т.А, Лауэр Т., Шнайдер Б., Тинапп Х., Штойбле Х. Палеогеографические условия осадконакопления Черноозерской гривы (долина р. Иртыш) в позднем плейстоцене – раннем голоцене // VIII Щукинские чтения: рельеф и природопользование. М-лы Всерос. конф. с междунар. участием (г. Москва, 28 сентября – 1 октября 2020 г.). [Электронное издание] / ред. кол.: Бредихин А.В. и др. М.: Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. С. 337–343.

Осинцева Н.В., Шмидт И.В., Горбунова Т.А. Вклад С.М. Цейтлина в исследование стоянки Черноозерье II // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина. Материалы докладов международной геолого-археологической конференции (симпозиума) / Ред. кол.: Васильев С.А.и др. Красноярск: Б.и., 2020а, С. 16–18.

Осинцева Н.В., Шмидт И.В., Горбунова Т.А. О генезисе отложений Черноозерской гривы (долина нижнего течения р. Иртыш) // Геоморфология и физическая география Сибири в XXI веке: Материалы Всероссийской

научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного члена Русского географического общества, профессора, доктора географических наук Земцова Алексея Анисимовича / Отв. ред. В. С. Хромых. Томск: Томский государственный университет, 2020. С. 45–50.

Осинцева Н.В., Шмидт И.В., Горбунова Т.А., Лауэр Т., Шнайдер Б., Тинапп Х., Штойбле Х. Субаэральные отложения черноозерской гривы (долина р. Иртыш): гранулометрический состав; генезис; динамика осадконакопления // Геоморфология. 2022. № 2. С. 51–60.

Осинцева Н.В., Шмидт И.В., Штойбле Х., Горбунова Т.А. Новые данные по геоморфологии археологического памятника Черноозерье II // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы X Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. (Москва 25–29 сентября 2017 г.) / Ред. кол.: Застрожнов А.С., и др. М.: ГЕОС, 2017. С. 289–290.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 139 с.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 151 с.

Шанцер Е.В. Очерки учения о генетических типах континентальных осадочных образований. М.: Наука, 1966. 239 с.

Шмидт И.В., Горбунова Т. А., Осинцева Н. В., Штойбле Х., Руммер М. Черноозерье II – результаты полевого археологического сезона 2018 г. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 1 (21). С. 205–214.

Шмидт И.В., Горбунова Т.А. Завершение предварительного этапа исследований стоянки Черноозерье II (результаты археологического сезона 2020 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. №2 (30). С. 126–129.

Шмидт И.В., Горбунова Т.А. Исследования на Черноозерской гриве // Археологические открытия – 2015. М: ИА РАН, 2017. С. 423–426.

Шмидт И.В., Горбунова Т.А. Работы на стоянке Черноозерье II в Саргатском районе Омской области // АО 2018 год. М: ИА РАН, 2020. С. 460–462.

Шмидт И.В., Горбунова Т.А. Стоянка Черноозерье II (Саргатский район, Омская область) // Археологические открытия. 2019 год / Отв. ред. Н.В Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 413–416.

Шмидт И.В., Горбунова Т.А., Осинцева Н.В., Штойбле Х. Новые данные по геоморфологии, стратиграфии и датировке стоянки Черноозерье II // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры/ Отв. ред.: И.М.Бердников, Е.А. Липнина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. Вып. 5. С. 153–159.

Kraft I., Schmidt I., Schubert Ch., Gorbunova T. Černozer'e IIA (Oblast Omsk, Sibirien, Russland) ein spätpaläolithischer Fundplatz. Sächsische Archäologen auf der Ausgrabung 2015 // Archæo. 2016. №1. P. 36–39.

Stäuble H., Schmidt I., Gorbunova T., Rummer M. Die multikulturelle Fundstelle Chernozer'e // Archaeo. 2017. №13. P. 32–37.

REFERENCES

Gening, V. F., Petrin, V. T. 1985. *Pozdnepaleoliticheskaya epoha na yuge Zapadnoy Sibiri (Late Paleolithic era in the south of Western Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gorbunova, T. A., Shmidt, I. V. 2014. In: *Vestnik Omskogo universiteta (Herald of Omsk University)*, 1, 59–62 (in Russian).

Osintseva, N. V., Shmidt, I. V., Gorbunova, T. A., Lauer, T., Shnayder, B., Tinapp, K., Shtoible, K. 2020. In: *VIII Schukinskie chteniya: relief i prirodopolzovanie (8th Schukin readings: relief and environmental management*). Moscow: Moscow State University, 337–343 (in Russian).

Osintseva, N. V., Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A. 2020a. In: *Geologiya paleolita Severnoy Azii: k stoletiyu so dnya rozhdeniya S.M. Tseytlina (Geology of the Paleolithic of Northern Asia: to the Centenary of the Birth of S.M. Tseitlin)*. Krasnoyarsk, 16–18 (in Russian).

Osintseva, N. V., Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A. 2020b. In: Khromykh, V. S. (ed.). *Geomorfologiya i fizicheskaya geografiya Sibiri v XXI veke (Geomorphology and physical geography of Siberia in the 21st century).* Tomsk: Tomsk State University, 45–50 (in Russian).

Osintseva, N. V., Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A., Lauer, T., Shnayder, B., Tinapp, K., Shtoible, K. 2022. In: *Geomorfologiya (Geomorphology),* 2, 51–60 (in Russian).

Osintseva, N. V., Schmidt, I. V., Shtoible, K., Gorbunova, T. A. 2017. In: Zastrozhnov, A. S. et al. (eds.). *Fundamentalnye problemy kvatera: itogi izucheniya i osnovnye napravleniya dalneyshikh issledovaniy (Fundamental issues of the quarter: results of study and key directions for further research)*. Moscow: "GEOS" Publ., 289–290 (in Russian).
Petrin, V. T. 1986. *Paleoliticheskie pamyatniki Zapadnosibirskoy ravniny (Paleolithic sites of the Western Siberian plain)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
Tseytlin, S. M. 1979. *Geologiya paleolita Severnoy Azii (Geology of the Paleolithic of Northern Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Shantser, E. V. 1966. *Ocherki ucheniya o geneticheskih tipah kontinentalnyh osadochnyh obrazovaniy (Essays on the doctrine of genetic types of continental sedimentary formations)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A., Osintseva, N. V., Shtoible, K., Rummer, M. 2019. In: *Vestnik Omskogo universiteta (Herald of Omsk University)*, 1 (21), 205–214 (in Russian).
Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A. 2021. In: *Vestnik Omskogo universiteta (Herald of Omsk University)*, 8 (30), 126–129 (in Russian).
Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A. 2017. In: *Arheologicheskie otkrytiya - 2015 (Archaeological discoveries – 2015)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 423–426 (in Russian).
Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A. 2020. In: *Arheologicheskie otkrytiya – 2018 (Archaeological discoveries – 2018)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 460–462 (in Russian).
Schmidt, I. V., Gorbunova, T. A. 2021. In: Lopatin, N. V. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya – 2019 (Archaeological discoveries – 2019).* Moscow: Institute of Archaeology RAS, 413–416 (in Russian).
Shmidt, I. V., Gorbunova, T. A., Osintseva, N. V., Shtoible, Kh. 2016. In: Berdnikov, I. M., Lipnina, E.A. (eds.) *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures)*, 5, 153–159 (in Russian).
Kraft, I., Schmidt, I., Schubert, Ch., Gorbunova, T. 2016. In: *Archaeo*, 1, 36–39 (in German).
Stauble, H., Schmidt I., Gorbunova, T., Rummer, M. 2017. In: *Archaeo*, 13, 32–37 (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 16.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.31.46

Ирина Викторовна Шевнина [1], shevnina_i@mail.ru,
Андрей Викторович Логвин [1], logvin_a@mail.ru
[1]Костанайский региональный университет
им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан

Неолит Тургая: некоторые итоги и перспективы исследований*

Статья посвящена неолиту Тургая. Целью работы является подведение некоторых итогов исследований, проведенных в конце XX – начале XXI века. Основным населением Тургая в эпоху неолита являются племена маханджарской культуры. В ходе исследования маханджарской культуры были реконструированы основы жизнеобеспечения неолитического населения Тургая (хозяйство, изготовление каменных изделий, гончарное производство и т.д.), при этом были привлечены данные изотопного, петрографического и бинокулярного и палеозоологического анализов. Также в статье освещаются вопросы происхождения маханджарской культуры, возможные пути расселения маханджарского населения, контакты маханджарского населения с неолитическими племенами Зауралья и вопросы, связанные с изучением финального неолита Тургая. Территория Тургайского прогиба издревле являлась так называемым «коридором» между Средней Азией и Уралом, Сибирью, то есть контактной зоной и является важной частью миграционных процессов протекавших в Евразии.

Ключевые слова: неолит Тургая, маханджарская культура, белкарагайский тип керамики, боборыкинская культура, кошкинская культура, козловско-полуденская культура

Ирина Викторовна Шевнина[1],
Андрей Викторович Логвин[1]
[1] А. Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университеті,
Қостанай қ., Қазақстан

Торғай неолиті: зерттеудің кейбір нәтижелері мен келешегі

Мақала Торғай неолитіне арналған. Жұмыстың мақсаты – XX ғасырдың соңы – XXI ғасырдың басында жүргізілген зерттеулердің кейбір нәтижелерін қорытындылау. Неолит дәуіріндегі Торғайдың негізгі тұрғындары – маханджар мәдениетінің тайпалары. Маханджар мәдениетін зерттеу барысында Торғайдың неолиттік тұрғындарының тұрмыс-тіршілігінің негіздері (шаруашылық, тас бұйымдарын дайындау, қыш өндірісі және т.б.) қайта қалпына келтірілді, бұл ретте изотоптық, петрографиялық және бинокулярлық және палеозоологиялық талдаулардың деректері тартылды. Мақалада сонымен қатар маханджар мәдениетінің шығу тегі, маханджар тұрғындарының қоныс аударуының мүмкін жолдары мен Орал бойы неолиттік тайпаларымен байланысы және Торғайдың соңғы неолит дәуірін зерттеуге қатысты мәселелер де қарастырылған. Торғай ойсының аумағы ежелден-ақ Орта Азия мен Орал, Сібір арасындағы «дәліз», яғни байланыс аймағы және Еуразияға жылжыған көші қон үрдісінің маңызды бөлігі болды.

Түйін сөздер: Торғай неолиті, маханджар мәдениеті, керамиканың белқарағай түрі, боборыкин мәдениеті, кошкин мәдениеті, козловск-полуден мәдениеті

© 2023 г. Шевнина И.В., Логвин А.В.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта № BR18574223*

Irina Shevnina[1],
Andrey Logvin[1]
[1]Kostanay Regional University
named after A. Baitursynova,
Kostanay, Kazakhstan

Turgai Neolithic: Some Results and Perspectives of Research

The article is devoted to the Neolithic Turgai. The purpose of the work is to summarize some of the results of research conducted in the late 20th – early 21st century. The main population of Turgai in the Neolithic era are the tribes of the Mahandzhar culture. In the course of the study of the Mahandzhar culture, the foundations of the life support of the Neolithic population of Turgai were reconstructed (agriculture, manufacture of stone products, pottery, etc.). At the same time, data from isotopic, petrographic and binocular and paleozoological analyses were involved. The article also highlights the issues of the origin of the Mahandzhar culture, possible ways of settling the Mahandzhar population, contacts of the Mahandzhar population with the Neolithic tribes of the Trans-Urals and issues related to the study of the final Neolithic of Turgai. Since ancient times, the territory of the Turgai trough has been the so-called "corridor" between Central Asia and the Urals, Siberia; that is the contact zone and is an important part of the migration processes that took place in Eurasia.

Keywords: Neolithic of Turgai, Mahandzhar culture, Belkaragai type of ceramics, Boborykino culture, Koshkino culture, Kozlovsko-Poludenskoye culture

Введение. У истоков изучения памятников каменного века Тургайского прогиба стояли такие известные археологи, как С.И. Руденко, П.П. Ефименко, А.Я. Брюсов и А.А. Формозов. Целенаправленное же изучение неолитической эпохи региона связано с В.Н. Логвиным и его учениками. На сегодняшний день накопленные многочисленные неолитические материалы Тургая позволяют подвести некоторые итоги и обозначить дальнейшие перспективы исследований в этом направлении.

Тургай – это участок Урало-Казахстанских степей приуроченный к Тургайскому прогибу. Большая часть территории Тургая находится в пределах Костанайской области Северного Казахстана. Тургайские степи граничат с полупустынными, горными и лесными ландшафтами, что в некоторой степени обусловило самобытность и многообразие археологического наследия Тургая. Территория Тургайского прогиба являлась транзитной между «лесной» и «южной степной» зонами уже с эпохи неолита и играла большую роль в миграционных процессах евразийских степей. При проведении палеоклиматичесой реконструкции региона было установлено, что в период неолита территория Тургая была благоприятной для жизни людей. Климат был более теплым и более влажным, чем в современности. Это отражалось на развитии растительности, привлекавшей представителей животного мира, служивших объектами охоты для человеческих коллективов [Шевнина 2019: 11–13; Логвин, Шевнина 2021: 16–18].

Маханджарская культура. Основным населением Тургая в эпоху неолита можно с уверенностью считать маханджарские племена[1] охотников-собирателей, поскольку именно ими была освоена вся территория Тургайского прогиба [Шевнина, Логвин 2020: 58–68]. Хронологические рамки существования маханджарской культуры определяются концом VI – концом V тыс. до н.э. (таблица 1)

Всего на территории Тургайского прогиба известно 22 памятника, в которых содержатся материалы маханджарских древностей (рис. 1). С большей части маханджарских памятников были получены коллекции, содержащие разновременные материалы. Две стоянки (Соленое Озеро 2 и Екидин 24) являются эталонными, давшими только маханджарские материалы.

В ходе исследования маханджарской культуры были реконструированы основы жизнеобеспечения неолитического населения Тургая (хозяйство, изготовление каменных изделий, гончарное производство и т.д.). С этой целью были привлечены данные изотопного, петрографического и бинокулярного, палеозоологического анализов.

Изготовление каменных орудий. В качестве сырья для изготовления орудий маханджарцы использовали, в основном, гипергенные кварциты и кварцитопесчаники местного происхождения, преимущественно серых разновидностей.

В основе изготовления орудий лежала призматическая техника скалывания пластин правильной формы с конусовидных и подпризматических нуклеу-

[1] Маханджарская культура была открыта В.Н. Логвиным в конце 70-х годов 20 века

Таблица 1 – Радиоуглеродные даты с маханджарских памятников
1-кесте – Маханжар ескерткіштерінен алынған радиокөміртек мерзім
Table 1 – Radiocarbon dates from the Mahanjar monuments

п/п	Лабораторный шифр	Памятник	^{14}C BP	Калиброванная дата 68.2 (1σ)	Калиброванная дата 95.4 (2σ)	Датируемый материал
1.	Ki-13751	Стоянка Екидин 24	5910±70	4860–4690 BCcal	4950–4590 BCcal	Кость животного
2.	SPb-1670	Стоянка Екидин 24	5662±120	4650–4363 BCcal	4790–4267 BCcal	Керамика
3.	SPb-1671	Стоянка Соленое Озеро 2	5966±120	5007–4709 BCcal	5209–4581 BCcal	Керамика
4.	SPb-3209	Стоянка Дузбай 3	5866±100	4846–4556 BCcal	4988–4496 BCcal	Керамика
5.	BRAMS-3050	Поселение Бестамак	6216±27	5216–5072	5298–5055	Липиды на керамике
6.	BRAMS- 3051	Поселение Бестамак	6272±27	5302–5215	5317–5132	Липиды на керамике
7.	BRAMS-3052	Поселение Бестамак	6092±27	5041–4953	5203–4936	Липиды на керамике

сов (рис. 2, *1–8*), что само по себе указывает на вкладышевый принцип формирования орудий. В пользу этого говорят и найденные на Кара-Мурзе 6 оправы, изготовленные из трубчатых костей животных. При этом в качестве вкладышей часто использовались пластины без вторичной обработки. Во вторичной обработке, при изготовлении орудий на пластинах, применялось ретуширование и резцовый скол. Ретушь использовалась в равной степени, как притупливающая, так и приостряющая. Резцовый скол, как правило, наносился на углу сломанной пластины. Одной из важной, хотя и не многочисленной группой являются геометрические орудия. Можно уверенно говорить, что маханджарской каменной индустрии присущи такие их виды как симметричные трапеции, в том числе и «рогатые», крупные параллелограммы, близкие им по размерам прямоугольники, а возможно и ассиметричные трапеции и треугольники. Близки этой категории пластины с притупленной спинкой.

Обычной находкой на маханджарских памятниках являются пластины со скошенным под острым углом торцом, с прямым ретушированным торцом, резцы, как правило, угловые с одним или двумя резцовыми сколами. Острия на пластинах представлены сверлами и проколками. Довольно многочисленны на маханджарских памятниках скребки из пластин, абсолютно преобладают концевые скребки с одним прямым или скошенным лезвием. Самой многочисленной группой орудий из пластин являются пластины с ретушью по боковым краям. Среди них преобладают пластины, ретушированные со спинки по одному и по двум боковым краям, встречается и пластины, ретушированные с брюшка. Пластин с чередующейся, противолежащей и встречной ретушью сравнительно мало.

Также маханджарцы использовали шлифование и сверление, о чем свидетельствуют, хоть и не многочисленные, но выразительные находки шлифованных топоров (рис. 2, *9, 11; 6*), «утюжков» (рис. 2: *10; 5)* и каменного пряслица [Логвин В.Н. 1991: 11–23; Логвин А.В. 2002: 15–23; Логвин, Шевнина 2007: 174–179; 2021: 19–23].

Керамическое производство[2]. Маханджарские сосуды имеют довольно оригинальную форму, удлиненные пропорции, острое коническое дно, высокую шейку, резко отогнутую наружу, верхняя часть которой слегка загнута внутрь сосуда (рис. 3). Маханджарские

[2] Маханджарское гончарство было изучено И.В. Шевниной [Шевнина 2014]

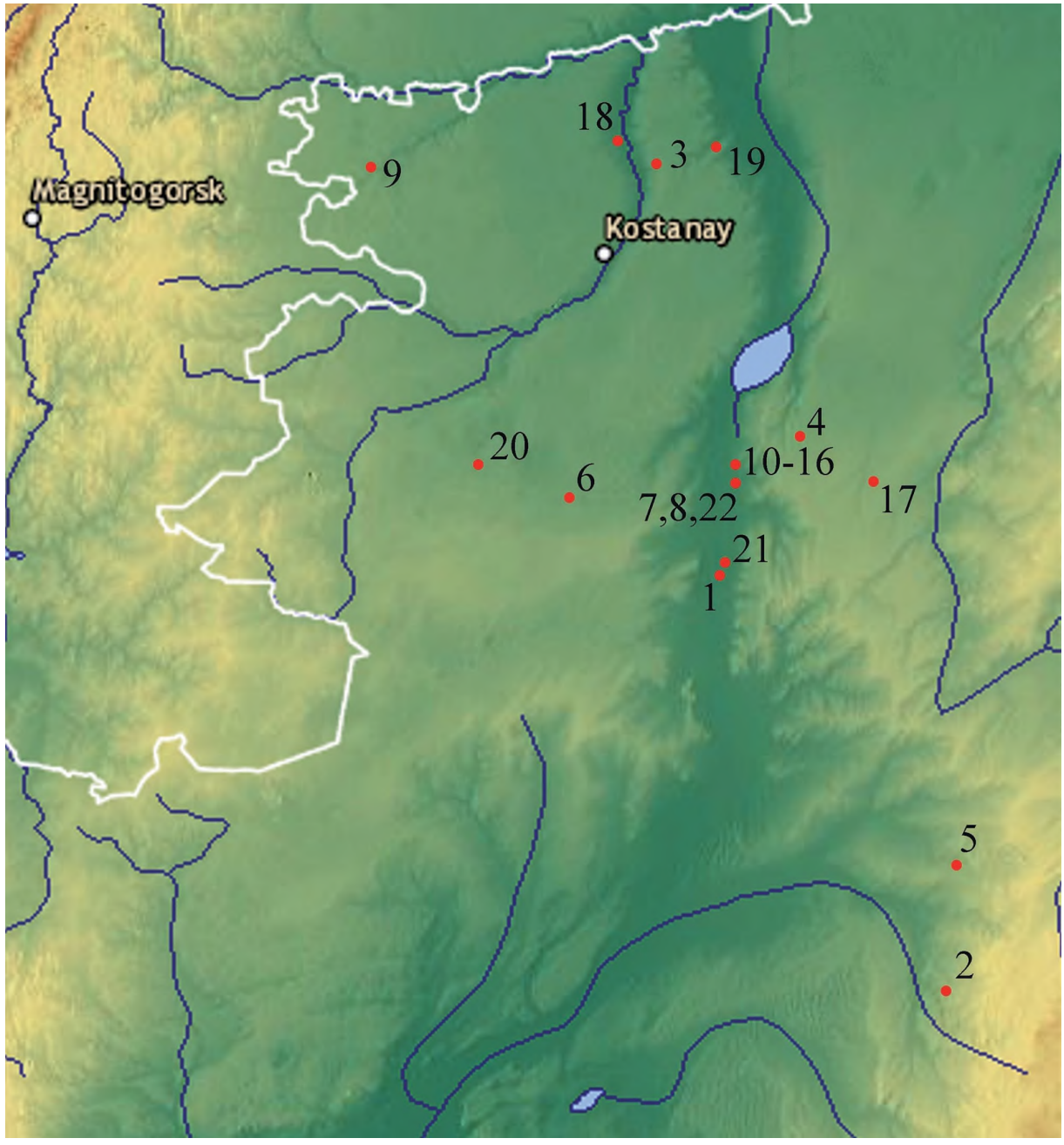

Рис. 1. Карта памятников маханджарской культуры на территории Тургайского прогиба: 1 – Соленое Озеро 2; 2 – Екидин 24; 3 – Алкау 2; 4 – Амангельды; 5 – Ашутасты; 6 – Белкарагай 1; 7 – Бестамак; 8 – Буруктал 1; 9 – Бурли II; 10 – Дузбай 1; 11 – Дузбай 2; 12 – Дузбай 3; 13 – Дузбай 4; 14 – Дузбай 7; 15 – Дузбай 9; 16 – Дузбай 12; 17 – Кара-Мурза 6; 18 – Надеждинка 2; 19 – Маханджар; 20 – Саз 2; 21 – Сор 2; 22 – Сулуколь 1. 1–3, 5, 8–17, 19–22 – стоянки; 4, 6, 7, 18 – поселения

1-сур. Торғай ойысы аумағындағы маханжар мәдениеті ескерткіштерінің картасы: 1 – Соленое Озеро 2; 2 – Екідің 24; 3 – Алқау 2; 4 – Амангелді; 5 – Ашутасты; 6 – Белқарағай 1; 7 – Бестамақ; 8 – Бұрықтал 1; 9 – Бүрлі II; 10 – Дүзбай 1; 11 – Дүзбай 2; 12 – Дүзбай 3; 13 – Дүзбай 4; 14 – Дүзбай 7; 15 – Дүзбай 9; 16 – Дүзбай 12; 17 – Қара Мырза 6; 18 – Надеждинка 2; 19 – Маханжар; 20 – Саз 2; 21 – Сор 2; 22 – Сұлукөл 1. 1–3, 5, 8–17, 19–22 – тұрақтар; 4, 6, 7, 18 – қоныстар

Fig. 1. Map of the monuments of Mahanjar culture on the territory of the Turgai trough: 1 – Solyonoe Ozero 2; 2 – Ekidin 24; 3 – Alkau 2; 4 – Amangeldy; 5 – Ashutasty; 6 – Belkaragai 1; 7 – Bestamak; 8 – Buruktal 1; 9 – Burli II; 10 – Duzbai 1; 11 – Duzbai 2; 12 – Duzbai 3; 13 – Duzbai 4; 14 – Duzbai 7; 15 – Duzbai 9; 16 – Duzbai 12; 17 – Kara-Murza 6; 18 – Nadezhdinka 2; 19 – Mahanjar; 20 – Saz 2; 21 – Sor 2; 22 – Sulukol 1. 1–3, 5, 8–17, 19–22 – settlements; 4, 6, 7, 18 – sites

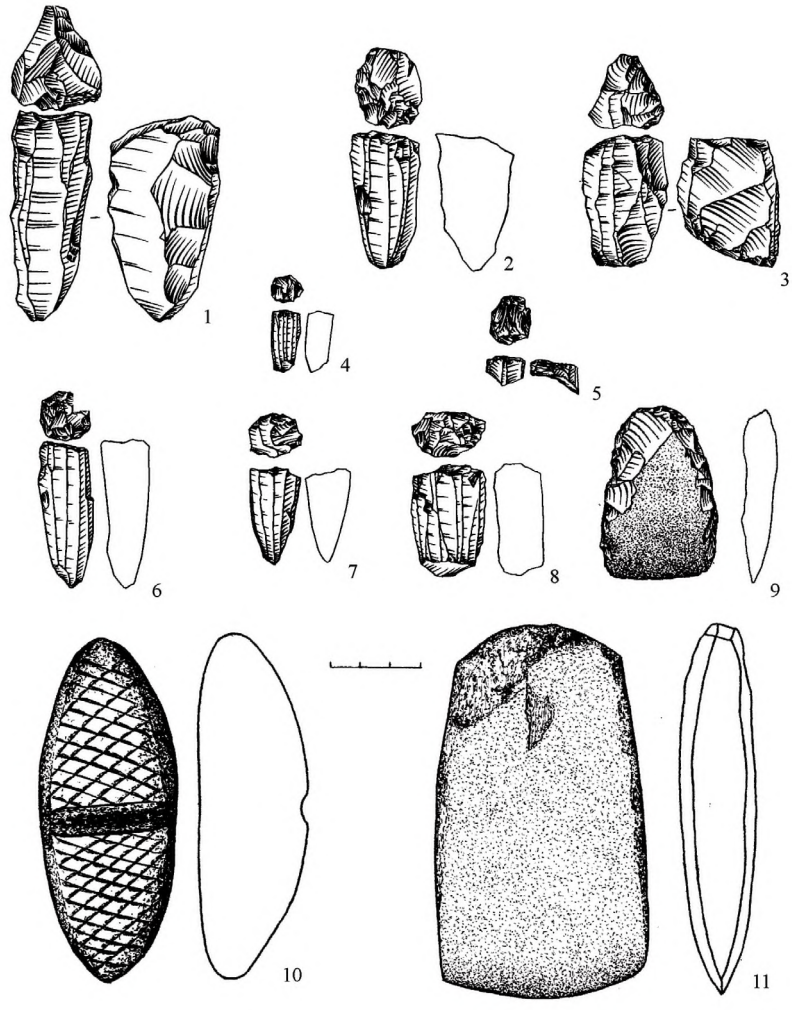

Рис. 2. Маханджарская культура. Каменный инвентарь:
1–8 – Кара-Мурза 6; 9 – Екидин 24; 10–11 – Амангельды

2-сур. Маханжар мәдениеті. Тас құралдар:
1–8 – Қара Мырза 6; 9 – Екідің 24; 10-11 – Амангелді

Fig. 2. Mahanjar culture. Stone tools:
1–8 – Kara-Murza 6; 9 – Ekidin 24; 10-11 – Amangeldy

гончары для лепки сосудов использовали запесоченные глины, расположенные по берегам рек и озер. При подготовке глиняного теста обязательно добавлялась шерсть и волос животных сайги, кулана и лошади Пржевальского, которая давала хорошую усадку при сушке сосудов и являлась своеобразной «арматурой» при конструировании довольно сложной формы маханджарских сосудов [Шевнина 2015: 160]. Господствующей техникой нанесения узоров является зубчатый штамп. Другие приемы орнаментации (вдавления и прочерчивания) носят подчиненный характер по отношению к зубчатому штампу. Стиль орнаментирования – геометрический. [Шевнина 2019: 19–20].

Домостроительство. К сожалению, остатков жилищ, достоверно относящихся к маханджарской культуре, пока не обнаружено. На стоянке Екидин 24 были найдены остатки каменных очагов и скопления камней, по которым было предположено наличие у маханджарцев легких шалашеобразных конструкций. Возможно, к маханджарской культуре относятся остатки углубленного в землю на 0,5 м жилища, на стоянке Дузбай 1 [Логвин 1991: 12].

Сложен вопрос с реконструкцией *косторезного дела*, так как находки костяных изделий единичны: на стоянке Дузбай 1 в заполнении предположительно маханджарского сооружения были найдены три небольших лопаточки, изготовленные из кости, а на стоянке Кара-Мурза 6 найдены костяные оправы для вкладышевых ножей (рис. 4). О *деревообработке* можно судить по наличию соответствующих орудий труда – резцов и рубящих орудий. Наличие *кожевенного* дела может документироваться наличием инструментов обработки кожи – скребков, острий и проколок [Логвин, Шевнина 2007: 182; Логвин, Шевнина 2021: 22–24]

Основой экономики маханджарских племен была присваивающая экономика (охота, собирательство, рыболовство). Остеологические[3] коллекции маханджарских памятников дают возможность уверенно считать основным объектом охоты сайгу (76%), также охотились на лошадь Пржевальского (20%) и кулана (4%). Судя по пригарам сосудов, пища была композитной, блюда состояли из сочетаний: мяса с незерновыми растениями [Гайдученко 2000: 150–163; Casanova et al. 2022: 175]. Это могли быть

[3] Палеозоологические определения были выполнены Л.Л. Гайдученко

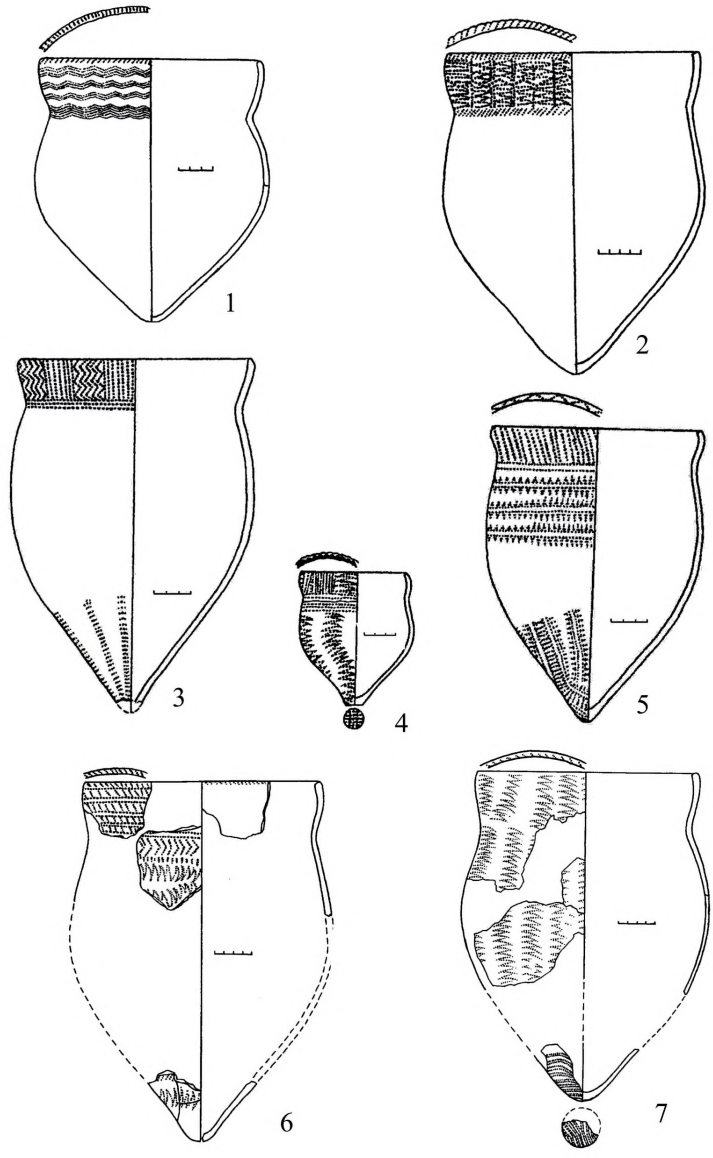

Рис. 3. Сосуды маханджарской культуры: 1 – Белкарагай; 2 – Бестамак; 3–5 – Соленое Озеро 2; 6, 7 – Саз 2
3-сур. Маханжар мәдениетінің ыдыстары: 1 – Белқарағай; 2 – Бестамақ; 3–5 – Соленое Озеро 2; 6, 7 – Саз 2
Fig. 3. Vessels of the Mahanjar culture: 1 – Belkaragai; 2 – Bestamak; 3–5 – Solyonoe Ozero 2; 6, 7 – Saz 2

луковицы, корневища, листья и стебли растений, а также грибы.

Нельзя не упомянуть о возможности возникновения новых форм хозяйствования уже в эпоху неолита. Л.Л. Гайдученко связывал появление домашней лошади с эпохой позднего неолита [Гайдученко 2009: 27–30]. В пользу возможности одомашнивания лошади свидетельствуют и результаты изотопного анализа керамики с поселения Бестамак [Casanova et al. 2022: 175]. Исследование показало, присутствие остатков лошадиного молока/мяса/жира в трех фрагментах от разных маханджарских сосудов с поселения Бестамак. Как известно, липиды кобыльего молока были зафиксированы A Outram, R. Evershed, N. Stear и на Ботае, где они считают это показателем использования в питании населения кобыльего молока, что, в свою очередь, является показателем одомашнивания лошади [Outram et al. 2009: 1332–1335]. Таким образом, для маханджарского населения в настоящее нельзя исключать возможность практикования, в какой-то форме, скотоводства, но ясно, что присваивающие формы хозяйства играли чрезвычайно важную, скорее всего определяющую роль в экономической сфере его жизнеобеспечения [Логвин, Шевнина, 2021: 23–27].

Вопросы происхождения маханджарской культуры. В результате поиска аналогий была выявлена сопоставимость маханджарских и среднеазиатских материалов (оюклинской культуры западной Туркмении и синхронные с ними ранненеолитические дарьясайские материалы (низовья Зеравшана) и полуострова Мангышлак). Профилировка шеек оюклинской и дарьясайской керамики, а так же тонкостенность, лощение внешней и внутренней поверхности, тяготение к орнаментированию только верхней части сосудов, преобладание в орнаментике таких мотивов, как «елочка», «шагающая» гребенка, вертикальные и горизонтальные заполненные колонки, образующие прямоугольные фигуры (по А.В. Виноградову) и т.д. находит прямые аналогии в маханджарских керамических комплексах [Марков 1962; Виноградов 1981; Астафьев 2014] (рис. 5). При описании тонкостенной

керамики со стоянок Учащи 131, и Учащи А, Космола 2 и 5 А.В. Виноградовым указывается, что для нее характерна обильная тонкая растительная, выгоревшая при обжиге примесь в тесте. Кроме того отмечается, что все сосуды с отогнутым наружу венчиком (которые имеют прямые аналогии по профилировке шеек с маханджарскими) сделаны из глины с растительной примесью [Виноградов 1981: 66, 90, 92][4]. Среди отличий маханджарской керамики от оюклинской следует признать преобладающее значение зубчатого штампа в украшении маханджарской керамики и остродонность. Так же в оюклинской керамике явно превалирует прочерченная техника и техника вдавлений. Тем не менее, в коллекциях маханджарской керамики присутствуют эти приемы орнаментирования, более того есть полностью орнаментированные сосуды где сочетаются техники волнистого прочерчивания и вдавлений. Отличие в оформлении дна оюклинских и маханджарских сосудов может трактоваться как признак разных этапов одной культуры, с разными типами дна, так и сосуществования плоскодонных и остродонных сосудов [Шевнина, Логвин 2020: 58–63].

Сравнение каменных коллекций с маханджарских и среднеазиатских памятников показывает высокую степень сопоставимости по типам орудий, но при этом имеются и различия (рис. 6). В коллекции со стоянки Учащи 131, помимо симметричных трапеций составляющих основную часть геометрических орудий, в небольшом количестве присутствуют низкие, сильно ассиметричные трапеции и треугольники, что на наш взгляд, сближает дарьясайские и мангышлакские неолитические стоянки. Своеобразие среднеазиатским материалам придает большое количество пластин с ярко выраженными выемчатым краем, «переходящим часто в неправильно-зубчатое лезвие» [Виноградов 1981: 65]. При имеющихся различиях между маханджарскими, сенекскими и среднеазиатскими каменными коллекциями все же можно уверенно говорить об их принципиальной сопоставимости, базирующейся на одной технике скалывания [Шевнина, Логвин 2020: 63–64].

Возможные пути расселения маханджарского населения. По нашему мнению, маханджарские материалы региона это уже сложившийся культурный массив, формирование начального этапа среди тургайских материалов пока не зафиксировано.

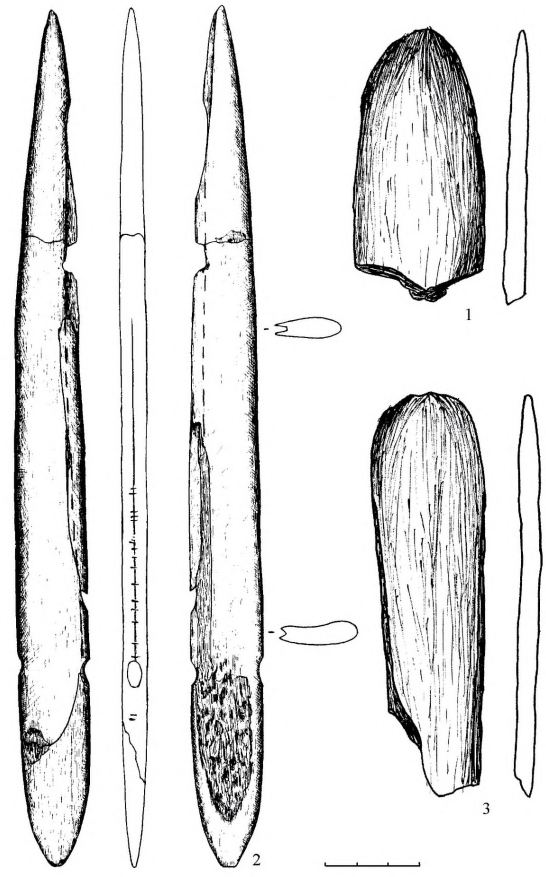

Рис. 4. Маханджарская культура. Изделия из кости:
1 – Кара-Мурза 6; 2, 3 – Дузбай 1
4-сур. Маханжар мәдениеті. Сүйектен жасалған бұйымдар:
1 – Қара Мырза 6; 2, 3 – Дүзбай 1
Fig. 4. Mahanjar culture. Bone products: 1 – Kara-Murza 6;
2, 3 – Duzbai 1

Маханджарские сосуды на сегодняшний день являются самой ранней керамикой региона, при этом имеют технологически трудновыполнимую форму, что сложно себе представить на начальном этапе формирования гончарных навыков. Это позволяет нам предположить, что истоки маханджарских древностей следует искать за пределами Тургайского прогиба и заставляет пристальней взглянуть на культурные традиции раннего неолита Средней Азии и Мангышлака. На наш взгляд, часть населения, оставившего оюклинские, сенекские, дарьясайские и космолинские памятники, в результате миграционных процессов выдвинулась к северу и северо-востоку, что и послужило основой для формирования маханджарской культуры. Нам видятся два возможных пути переселения: 1) с Прибалханья и Мангышлака через

[4] Подобная растительная примесь может вполне оказаться типичной для маханджарской керамики примесью шерсти и волоса животных, отпечатки которой очень похожи на отпечатки растительности

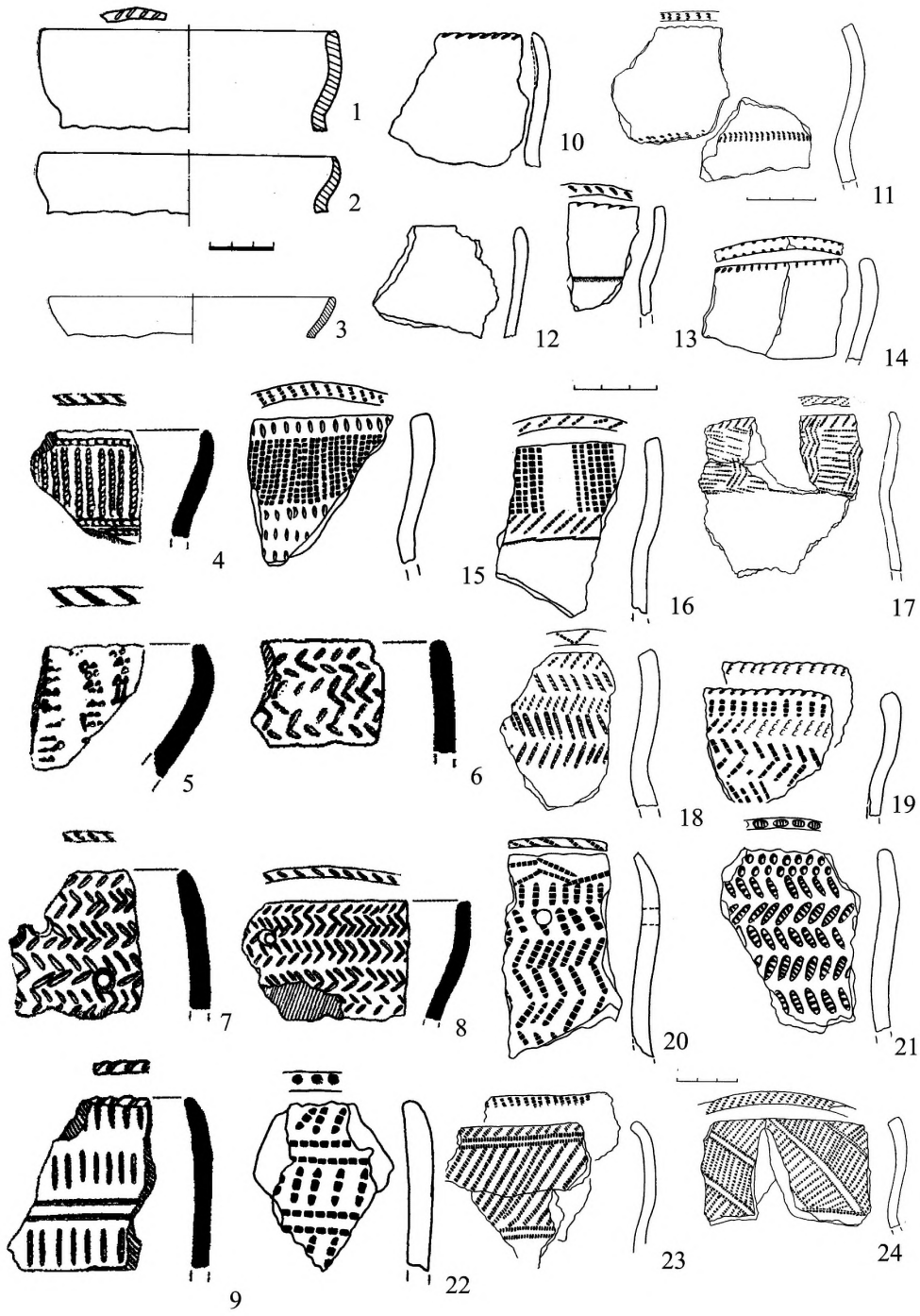

Рис. 5. Дарьясайская (по: [Виноградов 1981]), оюклинская (по: [Марков 1962]) и маханджарская керамика:
1, 3 – Космола 5; 2 – Космола 2; 4–9 – Оюклы 1, Оюклы 4; 10 – Маханджар ; 11 – Ашутасты;
12–21, 23, 24 – Бестамак; 22 – Сулуколь 1

5-сур. Дариясай ([Виноградов 1981] бойынша), оюклин ([Марков 1962] бойынша) және маханжар керамикасы:
1, 3 – Қосмола 5; 2 – Қосмола 2; 4–9 – Оюклы 1, Оюклы 4; 10 – Маханжар; 11 – Ашутасты;
12–21, 23, 24 – Бестамақ; 22 – Сұлукөл 1

Fig. 5. Daryasai – after – Vinogradov 1981, Oyukly – after – Markov 1962 and Mahanjar ceramics: 1, 3 – Kosmola 5;
2 – Kosmola 2; 4–9 – Oyukly 1, Oyukly 4; 10 – Mahanjar; 11 – Ashutasty; 12–21, 23, 24 – Bestamak; 22 – Sulukol 1

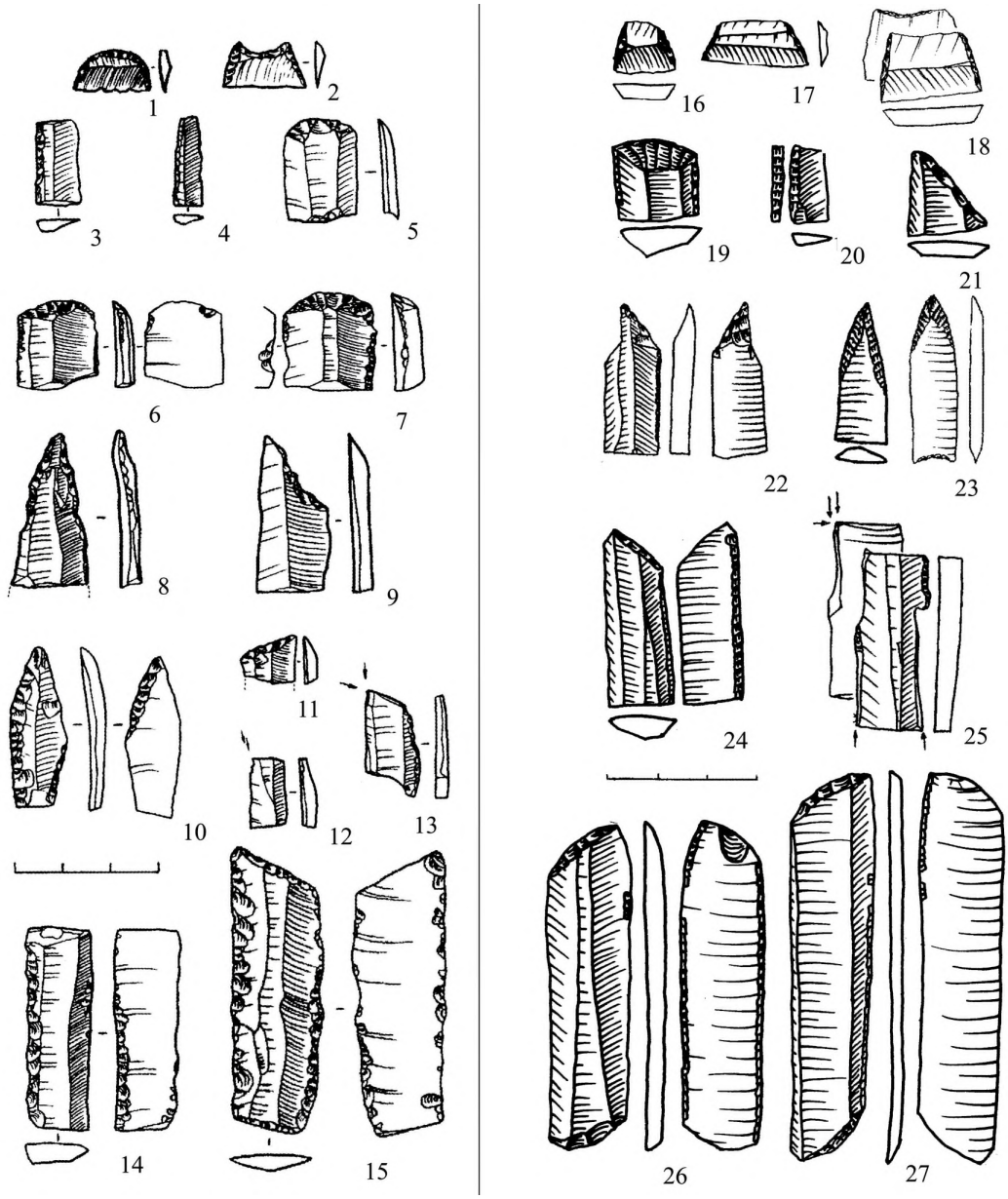

Рис. 6. Каменный инвентарь: 1–15 – стоянки оюклинской культуры Сенек 5 и Шебир 7 (по: [Астафьев 2014]);
16–27 – стоянки маханджарской культуры
6-сур. Тас құралдар: 1–15 – Сенек 5 және Шебір 7 оюклин мәдениетінің тұрақтары ([Астафьев 2014] бойынша);
16–27 – маханжар мәдениетінің тұрақтары
Fig. 6. Stone tools: 1–15 – sites of the Oyukly culture Senek 5 and Shebir 7 – after – Astafyev 2014;
16–27 – sites of the Mahanjar culture

северное Приаралье и далее вдоль реки Тургай; 2) со Среднеазиатского междуречья вдоль р. Сарысу и ее притоков до гор Алатау, по верхним притокам р. Тургай и далее на север. Для проверки этой гипотезы были проведены археологические разведки по маршрутам: 1) по берегам реки Тургай, к юго-западу от с. Торгай; 2) по берегам рек Кара-Тургай и Кара-Кенгир.

По первому направлению была проведена археологическая разведка к низовьям реки Тургай, в направлении слияния ее с рекой Иргиз, в результате которой было найдено 5 стоянок, содержащих неоли-

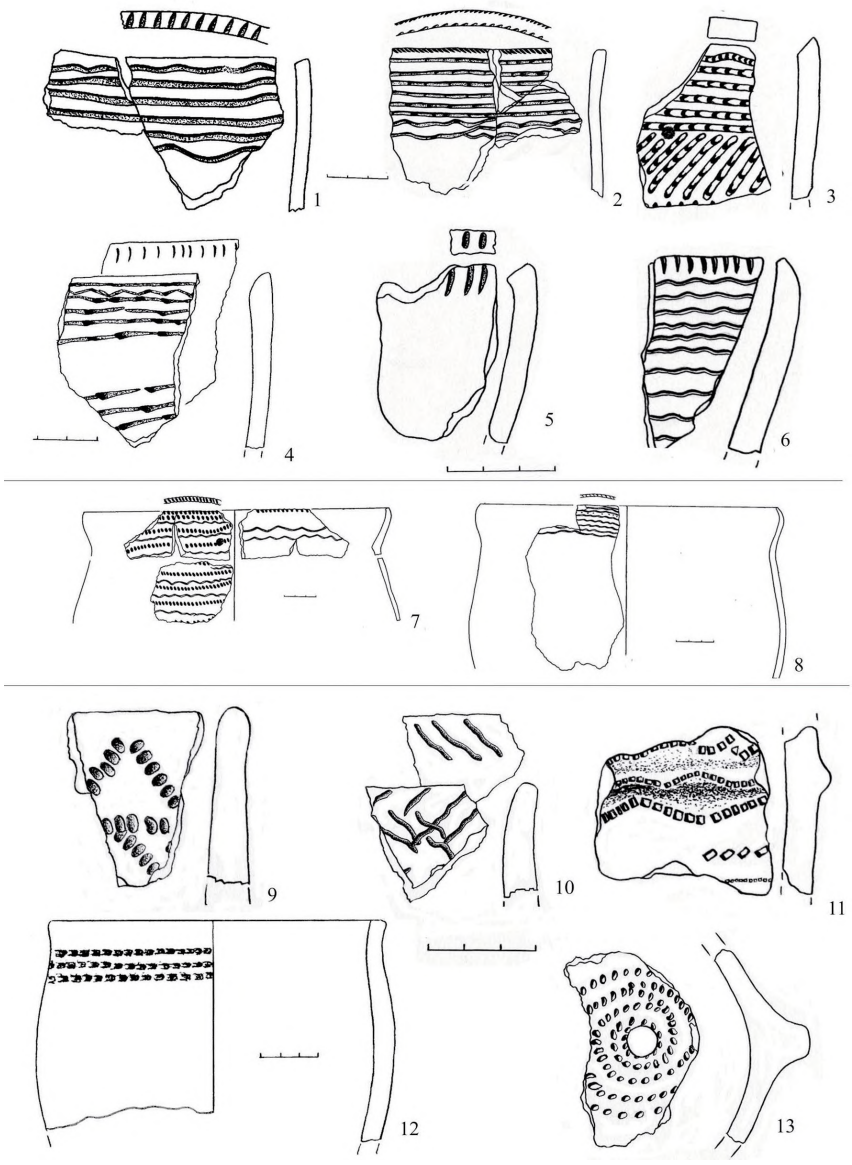

Рис. 7. Неолитическая керамика Тургая: 1–6 – кошкинская группа; 7, 8 – маханджарские сосуды с басьяновскими чертами; 9–13 – керамика боборыкинского облика. 1–3, 5–11, 13 – поселение Бестамак; 4 – стоянка Узынагаш; 12 – поселение Белкарагай

7-сур. Торғайдың неолит керамикасы: 1–6 – кошкин тобы; 7, 8 – басьянов белгілері бар маханжар ыдыстары; 9–13 – боборыкин бейнесіндегі керамика. 1–3, 5–11, 13 – Бестамақ қонысы; 4 – Ұзынағаш тұрағы; 12 – Белқарағай қонысы

Fig. 7. Neolithic ceramics of Turgai: 1–6 – Koshky group; 7, 8 – Mahanjar vessels with Basyan features; 9–13 – ceramics of the Boborykino appearance. 1–3, 5–11, 13 – Bestamak settlement; 4 – Uzynagash site; 12 – Belkaragai settlement

тические маханджарские материалы [Жалелов 2022: 22–126]. По второму направлению по рекам Карагай и Кара-Кенгир (правый приток реки Сарысу) было обнаружено 19 новых археологических памятников. В ходе разведки почти на каждом памятнике удалось получить фрагментированную керамику и пластинчатый комплекс. На некоторых памятниках имеются экземпляры, которые можно соотнести с маханджарской керамикой [Туленбаев, Урстемов, Степаненко 2023: 197–201]

Полученные в ходе разведок материалы не отрицают возможности передвижения маханджарского населения по обозначенным рекам. Памятники, найденные у низовий реки Тургай дали дополнительные свидетельства о возможном переселении маханджарских племен на территорию Тургайского прогиба, с юго-западного направления, с Северного Приаралья. Большую роль, по нашему мнению здесь могла сыграть сайга и ее миграции. По всей видимости, в климатических условиях раннего и среднего голоцена, близких к современным, миграции сайги проходили, примерно, по тем же маршрутам, а в период большей увлажненности (атлантик) сайга должна была зимовать чуть южнее, в среднеазиатском междуречье. Можно предполагать, что летняя миграция на север сайги, являющейся объектом охоты маханджарцев, была одним из факторов, обусловивших проникновение в Тургай оюклинского и дарьясайского населения, принесшего «желобчатую» керамику и, видимо, участвовавшего в сложении маханджарской культуры [Логвин, Шевнина 2021: 25–26].

Контакты маханджарского населения с неолитическими племенами Зауралья. Довольно длительное время считалось, что в эпоху неолита на территории

Тургайского прогиба проживали только племена маханджарской культуры. Но как показали недавние исследования, керамические комплексы памятников каменного века Тургая довольно разнообразны, и часть керамики не является маханджарской, а имеет прямые аналогии в Зауральском неолите [Шевнина 2018: 73,74; 2019: 25–30; Шевнина, Логвин 2020: 64–66; Шевнина 2022: 135–150]. Это керамика кошкинского, козловско-полуденского и боборыкинского облика (рис. 7; 8). Перечисленные группы очень малочисленны, что, скорее всего, указывает на инородный (пришлый) характер коллективов, изготовлявших данную посуду. Предполагаемое взаимодействие разных групп населения нашло отражение в керамическом стиле, что хорошо видно на примере тургайских материалов. Маханджарские сосуды с поселения Бестамак, орнаментация которых (чередование прочерченных зигзагов и вдавлений) и невысокая желобчатая шейка имеют прямые аналогии в басьяновко-бобрыкинской традиции [Шорин, Вилисов, Шорина 2015: 5–18] (рис. 7, *7, 8*). В качестве проявлений взаимодействия маханджарских племен с козловско-полуденской средой можно отметить единичное использование в орнаментации маханджарских сосудов не характерной для них протащенной гребенки, мотивы из вертикальных лесенок, выполненных ямочными вдавлениями на маханджарских сосудах (рис. 8, *6–8, 10, 11*). Но, пожалуй, самым ярким проявлением маханджарского влияния является наличие типичной маханджарской примеси шерсти и волоса животных в сосудах с «ушками», «наплывами» (рис. 8, *1, 2*). Можно полагать, что маханджарцы, по всей видимости, не только активно контактировали с лесными племенами, но и проникали в их «среду», примером тому служат немногочисленные находки маханджарской керамики в неолитических мате-

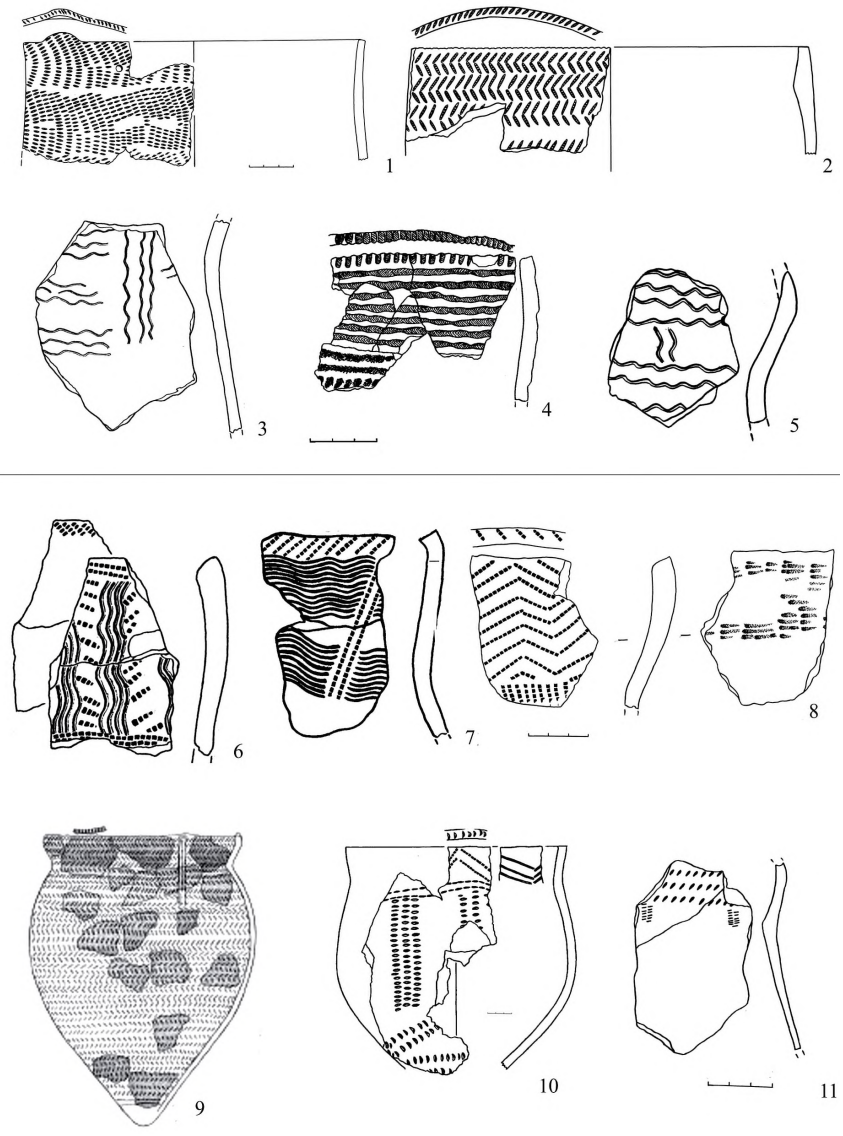

Рис.8. Неолитическая керамика Тургая: 1–5 – козловско-полуденская группа; 6–11 – маханджарская керамика с козловско-полуденскими чертами. 1–8, 10,11 – поселение Бестамак; 9 – поселение Кочегарово 1

8-сур. Торғайдың неолит керамикасы: 1–5 – козлов-полуден тобы; 6–11 – козлов-полуден белгілері бар маханжар керамикасы. 1–8, 10,11 – Бестамақ қонысы; 9 – Кочегарово 1 қонысы

Fig. 8. Neolithic ceramics of Turgai: 1–5 – Kozlovsko-Poludenskoe group; 6–11 – Mahanjar ceramics with Kozlovsko-Poludenskoe characteristics. 1–8, 10, 11 – Bestamak settlement; 9 – Kochegarovo 1 settlement

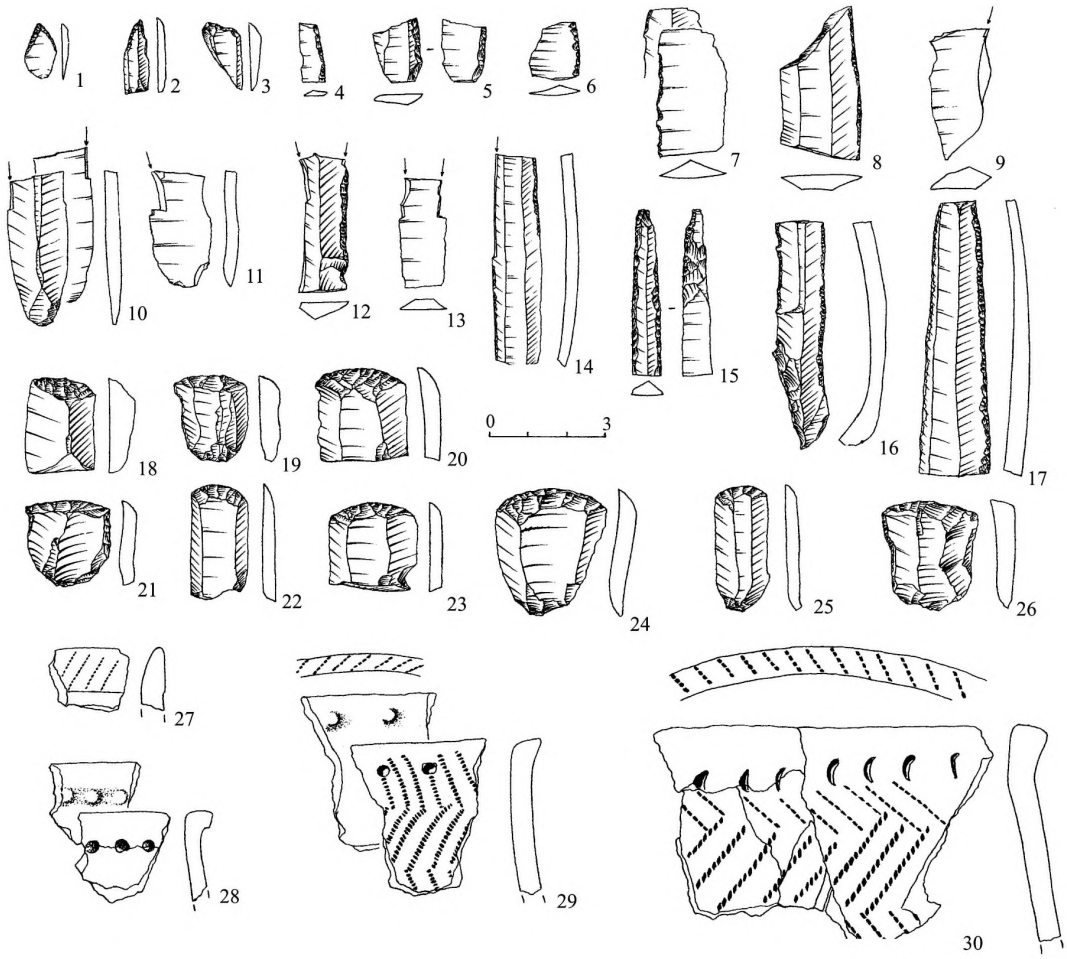

Рис. 9. Инвентарь с пункта В поселения Белкарагай 1. 1–26 – камень, 27–30 – керамика
9-сур. Белқарағай 1 қонысының В пунктіндегі құралдар. 1–26 – тас, 27–30 – керамика
Fig. 9. Inventory from the point B of the Belkaragai settlement 1. 1–26 – stone, 27–30 – ceramics

риалах Зауралья. Особенно хочется выделить сосуд маханджарского облика, найденный на козловском поселении Мергень 7, где, судя по всему, в местный коллектив попал индивид со своим «приданным», а также маханджарский сосуд с типичным козловским «ушком» и орнаментом с поселения Кочегарово 1 (рис. 8, *9*) [Еньшин 2015: 15–27; Яковлева 2018: 87]. Характер этих контактов был, скорее всего, в виде семейно-брачных отношений [Шевнина, Логвин 2020: 63–65; Шевнина 2022: 150].

Белкарагайский тип керамики. Финальный неолит?

При исследовании керамики урочища Белкарагай И.В. Шевниной была выделена группа гребенчатой керамики энеолитического облика, с типично маханджарской примесью шерсти и волоса животных в тесте [Шевнина 2019: 24, 25]. При этом была выявлена отличительная черта такой керамики – наличие глубоких вдавлений, либо «жемчужин» под венчиком (рис. 9).

Сопутствующий каменный инвентарь (рис. 9) данной керамике имеет явные неолитические черты и вполне сопоставим с материалами известных неолитических культур сопредельных территорий [Зах 2009: 162–166, 174–175, 187, 199, 205–206, 209], в том числе и с маханджарской неолитической культурой Тургая [Логвин, Шевнина 2007: 175–179]. Сравнивая белкарагайские материалы с полученными на эталонных маханджарских памятниках (Соленое Озеро 2, Екидин 24), мы можем отметить схожесть по многим параметрам: пластинчатый облик индустрии, который характерен для неолита Тургая; немногочис-

Рис. 10. Керамика белкарагайского типа. 1–3 – поселение Белкарагай 1; 4, 6–14 – поселение Бестамак; 5 – поселение Светлый Джаркуль; 15 – стоянка Дузбай 3; 16 – поселение Буруктал 1

10-сур. Белқарағай типті керамика. 1–3 – Белқарағай 1 қонысы; 4, 6–14 – Бестамақ қонысы; 5 – Светлый Джаркуль (Ақжаркөл) қонысы; 15 – Дүзбай 3 тұрағы; 16 – Бұрықтал 1 қонысы

Fig.10. Ceramics of the Belkaragai type. 1–3 – Belkaragai settlement 1; 4, 6–14 – Bestamak settlement; 5 – Svetly Dzharkul settlement; 15 – Duzbai 3 site; 16 – Buruktal settlement 1

ленные орудия на отщепах (23%); кварцитопесчанник в качестве сырья (маханджарцы, также как и белкарагайцы использовали кварцитопесчанник); близкое распределение пластин без обработки по ширине; сопоставимый набор орудий; наличие всех типов белкарагайских орудий на пластинах и на маханджарских памятниках. Среди отличий отметим: несколько большая ширина орудий на пластинах по сравнению с маханджарскими; отсутствие геометрических орудий, пластин с притупленной спинкой; меньшая степень использования во вторичной обработке приостряющей ретуши и наоборот повышенное количество угловых резцов (28% против 9–12%). Несмотря на сходства, имеющиеся различия, по нашему мнению, не позволяют объединить данные коллекции в рамках одной культуры и, возможно, указывают на более поздний возраст белкарагайского материала (финальный неолит?). От энеолитических терсекских коллекций Тургая, камень, сопутствующий белкарагайской керамике отличается кардинально, в первую очередь отсутствием развитой отщеповой индустрии, характерной для терсека.

На наш взгляд, высокая степень сопоставимости каменной коллекции белкаргайских материалов с маханджарскими материалами, вкупе с энеолитической профилировкой сосудов, говорит о послемаханджарском бытовании белкаргайских древностей. Обратившись к материалам других тургайских памятников, полученных В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой, удалось выявить керамику белкарагайского типа на стоянках Дузбай 3, Светлый Джаркуль, поселении Бестамак и Буруктал 1 (рис.10). По-видимому, материалы белкарагайского типа представляют собой не локальное явление, отразившееся на одном памятнике, а имеет более широкий характер, (по крайней мере, в пределах Тургайского прогиба). Скорее всего, это явление культурного характера, которое отражает процессы, происходившие в Тургае в конце неолита [Шевнина, Логвин 2022: 5–16].

Заключение. Несмотря на большой объем проделанной работы, осталось немало проблемных вопросов, которые находятся лишь в своей начальной разработке. Например, необходимо продолжение изучения процессов, происходивших в Тургае в финальном неолите. Вопросы генезиса и дальнейших путей расселения маханджарских племен также находятся в своей начальной стадии. В ходе изучения эпохи неолита Тургая стало очевидно, что территория Тургайского прогиба издревле является так называемым «коридором» между Средней Азией и Уралом, Сибирью, то есть контактной зоной между различными культурами, социально-экономическими и мировоззренческими системами, что не могло не сказаться на глобальных процессах, протекавших, как в регионе, так и за его пределами. Многие проблемы, связанные с миграционными процессами, протекавшими на огромной территории Средней Азии, Зауралья и Тургая также остаются не до конца раскрытыми. В связи с выше сказанным, считаем, необходимым продолжать исследования по обозначенным проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев А.Е. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. Материалы и исследования по археологии Казахстана VI. Астана: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 359 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Москва: Наука, 1981. 172 с.

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы. // Зданович С.Я. (под ред.). Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея-заповедника Аркаим. Кн. 1. Челябинск: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 150–163.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь в неолите Казахстана // Маргулановские чтения – 2009. Материалы международной научной конференции. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2009. С. 27–30.

Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Пришимье): характеристика и интерпретация. // *ВААЭ* (2), 2015. С. 15–27.

Жалелов А.А. Разведочные работы Тургайской археологической экспедиции по рекам Кара-Тургa и Кара-Кенгир летом 2021 год // Ахинжановские чтения – 2022: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Алматы, 20–22 апреля 2022 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 122–126.

Зах В.А. Хронострaтиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Логвин А.В. Стоянка маханджарской культуры Екидин 24 Тургайского прогиба // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. 2002. № 1. С. 15–23.

Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма-Ата: КГПУ, 1991. 63 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Производственные аспекты жизнедеятельности маханджарского населения // Отан тарихы, 2007. № 3. С. 174–185.

Логвин А.В., Шевнина И. В. Неолит Тургая: климат, окружающая среда, палеоэкономика и человек (по материалам маханджарской культуры) // Stratum plus. 2021. №2. С. 15–29.

Марков Г. Е. Раскопки первобытной стоянки Оюклы // *Вестник МГУ* (3), 1961. С. 67–82.

Туленбаев Н.С., Урстемов М.Е., Степаненко П.В. Разведочные работы Тургайской археологической экспедиции по реке Тургай (по материалам 2022 года) // Ахинжановские чтения – 2023: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Алматы, 28–22 апреля 2023 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. С. 197–201.

Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана, 2014. т. IV. 235 с.

Шевнина И.В. Эксперименты с добавлением шерсти в формовочные массы в контексте изучения неолитической керамики Торгая. // Цетлин Ю.Б.(гл. ред.). Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум 29–31 окт. 2013 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ИА РАН, 2015. С. 155–163.

Шевнина И.В. Керамический комплекс маханджарской культуры в системе неолитических древностей евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. № 4. С. 63–74.

Шевнина И.В. Керамика эпохи неолита Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 33 с.

Шевнина И.В. Керамика боборыкинского облика Тургая // Поволжская археология. 2022. №3 (41). С. 135–150. DOI: 10.24852/pa2022.3.41.135.150

Шевнина И.В., Логвин А.В. Освоение неолитическим населением Тургайского прогиба // Stratum plus. 2020. №2. С. 57–69.

Шевнина И.В., Логвин А.В. К вопросу о выделении белкарагайского типа неолитической керамики Тургая // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3. С. 5–16. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-58-3-1

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А. Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // Российская археология. 2015. № 1. С. 5–18.

Яковлева Е.С. Неолит лесостепного Притоболья: проблемы типологии керамики и хронологии (на примере поселения Кочегарово I). // Выборнов А. А. (ред.). *XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева.* М-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября 2018 г.) Самара: Порто-Принт, 2018. С. 86–88.

Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed. The Earliest Horse Harnessing and Milking. / *Science* (5919), 2009. P. 1332–1335.

Casanova E., Knowles T.D.J., Outram A.K., ..., Logvin A., Shevnina I., Evershed R.P. Direct 14C dating of equine products preserved in archaeological pottery vessels from Botai and Bestamak, Kazakhstan. Archaeological and Anthropological Sciencesthis. 2022. 14(9). DOI: 10.1007/s12520-022-01630-2

REFERENCES

Astafyev, A. E. 2014. *Neolit i eneolit poluostrova Mangyshlak. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazakhstana. T. VI (Neolithic and chalcolithic of the Mangyshlak peninsula. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan. Vol. 6).* Astana: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie ohotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurechya (Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluve)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gaiduchenko, L. L. 2000. In: Zdanovich, S. Y. (ed.). *Trudy muzeya-zapovednika Arkaim (Proceedings of the Arkaim Museum-Reserve)*, 1. Chelyabinsk: Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, 150–163 (in Russian).

Gaiduchenko, L. L. 2009. In: *Margulanovskiye chteniya–2009 (Margulan readings–2009)*. Petropavlovsk: Kozybayev University, 27–30 (in Russian).

Yenshin, D. N. 2015. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 2, 15–27 (in Russian).

Zhalelov, A. A. 2022. In: Mussayeva, R. (ed.). *Akhinzhanovskie chteniya–2022 (Akhinzhanov readings–2022)*. Almaty: Margulan Institute of archaeology, 122–126 (in Russian).
Zakh, V. A. 2009. *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishimiya (Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
Logvin, A. V. 2002. In: *Izvestiya MON NAN Kazakhstana. Ser. obshestv. nauk (News of the Ministry of Education and Science National academy of sciences of Kazakhstan. Social sciences ser),* 1, 15–23 (in Russian).
Logvin, V. N. 1991. *Kamennyi vek Kazahstanskogo Pritobolya (mezolit–eneolit) (Stone Age of the Kazakhstan Tobol river region (Mesolithic–Eneolithic)).* Almaty: Kazakh State Pedagogical University (in Russian).
Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2007. In: *Otan tarihy (History of the homeland)*, 3, 174–185 (in Russian).
Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2021. In: *Stratum plus,* 2, 15–29 (in Russian).
Markov, G. E. 1961. In: *Vestnik MGU (Bulletin of Moscow State University)*, 3, 67–82 (in Russian).
Tulenbayev, N. S., Urstemov, M. E., Stepanenko, P. V. 2023. In: Mussaeva, R. (ed.) *Akhinzhanskie chteniya–2023 (Akhinzhanov readings–2023).* Almaty: Margulan Institute of archaeology, 197–201 (in Russian).
Shevnina, I. V. 2014. *Goncharstvo neoliticheskikh plemen Torgaya (Pottery of the Neolithic tribes of Turgai)*. Astana: Branch of Institute of archaeology in Astana (in Russian).
Shevnina, I. V. 2015. In: Tsetlin, Y. B. (ed.). *Sovremennye podhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii (Modern approaches to the study of ancient ceramics in archaeology).* Moscow: Institute of archaeology RAS, 155–163 (in Russian).
Shevnina, I. V. 2018. In: *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsialno-gumanitarnye nauki (Bulletin of South Ural State University. Social Sciences and the Humanities ser.)*, 4, 63–74 (in Russian).
Shevnina, I. V. 2019. *Keramika epohi neolita Turgaiskogo progiba (Neolithic ceramics of the Turgai Depression)*: abstract of Thesis Cand. of Historical sciences. Kemerovo (in Russian).
Shevnina, I. V. 2022. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 3 (41), 135–150 (in Russian).
Shevnina, I. V., Logvin, A. V. 2020. In: *Stratum plus*, 2, 57–69 (In Russian).
Shevnina, I. V., Logvin, A. V. 2022. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 3, 5–16 (in Russian).
Shorin, A. F., Vilisov, E. V., Shorina, A. A. 2015. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 1, 5–18 (in Russian).
Yakovleva, E. S. 2018. In: Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Uralskoye arkheologicheskoye soveshchaniye (21st Urals Archaeological Conference)*. Samara: "Porto-Print" Publ., 86–88 (in Russian).
Outram, A. K., Stear, N. A., Bendrey, R., Olsen, S., Kasparov, A., Zaibert, V., Thorpe, N., Evershed, R. P. 2009. In: *Science,* 325 (5919), 1332–1335 (in English).
Casanova, E., Knowles, T. D. J., Outram, A. K., ... Logvin, A., Shevnina, I., Evershed, R. P. 2022. In: *Archaeological and Anthropological Sciences*, 14(9). DOI: 10.1007/s12520-022-01630-2 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

С.Ж. Рахимжанова
Т.Б. Мамиров
Ж.Т. Аккошкарова

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.47.57

Сауле Жангельдыевна Рахимжанова[1], rakhimzhanova.saule@gmail.com,
Талгат Базарбаевич Мамиров[1], tmamirov@mail.ru,
Жанна Толепбергеновна Аккошкарова[1], jan-adil@mail.ru
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

Новые данные о неолитической керамике стоянки-мастерской Тельмана I*

В статье представлены результаты специального технологического анализа керамики стоянки Тельмана I эпохи неолита в Северном Казахстане из раскопок 1976 г. Мастерская Тельмана I расположена на левом берегу р. Ишим, в 2,5 км юго-восточнее с. Тельмана Атбасарского района Акмолинской области. Специальное изучение неолитической керамики было направлено на выяснение специфики культурных традиций в гончарстве населения стоянки Тельмана I, их изменений, произошедших в процессе контактов с другим населением. Таким образом, в результате изучения гончарной технологии сосудов выявлено, что гончары использовали ожелезненные глины средней и сильной запесоченности. Изучение формовочных масс позволило выяснить, что население, проживавшее на данной стоянке, было достаточно однородным, но также некоторые данные показали, что на стоянке проживало в это время и другое население, результат смешения традиций которых прослеживается в рецепте формовочных масс.

Ключевые слова: Северный Казахстан, неолит, стоянка, керамика, технико-технологический анализ, орнаментация

Сауле Жангелдіқызы Рахимжанова[1],
Талғат Базарбайұлы Мамиров[1],
Жанна Төлепбергенқызы Аққошқарова[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Тельман I шеберхана-тұрағынының неолиттік керамикасы туралы тың мәліметтер

Мақалада Солтүстік Қазақстандағы неолит кезеңінің Тельман I тұрағында 1976 жылы жүргізілген қазба керамикасына жасалған арнайы технологиялық сараптама нәтижелері ұсынылды. Тельман I шеберханасы Есіл өзенінің сол жағалауында, Ақмола облысы, Атбасар ауданы, Тельман ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 2,5 км жерде орналасқан. Неолиттік керамиканы арнайы зерттеу Тельман I тұрағы тұрғындарының қыш өндірісіндегі мәдени дәстүрлерінің ерекшелігін, олардың басқа тұрғындармен қарым-қатынас үрдісінде туындаған өзгерістерін анықтауға бағытталған. Осылайша, қыш ыдыстардың өндірістік технологияларын зерттеу нәтижесінде қыш шеберлері жоғары темірленген орташа және қатты құмданған саз қолданғандығы анықталды. Қалыптық массаларды зерттеу бұл тұрақ тұрғындары біркелкі болғандығын анықтауға мүмкіндік берді, дегенмен осы уақытта тұрақта өзге тұрғындардың өмір сүріп, дәстүрлердің араласуының нәтижесі қалыптық массалардың даярлануынан байқалады.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, неолит, тұрақ, керамика, технико-технологиялық талдау, ою-өрнек

© 2023 г. Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б., Аккошкарова Ж.Т.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, № BR18574223*

Saule Rakhimzhanova[1],
Talgat Mamirov[1],
Zhanna Akkoshkarova[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

New data on the Neolithic ceramics of the site-workshop of Telmana I

The article presents the results of a special technological analysis of ceramics from the Telmana I site of the Neolithic period in Northern Kazakhstan from excavations in 1976. The Telmana site I is located on the left bank of the river Ishim, 2.5 km southeast of the village Telman of the Atbasar district of the Akmola region. A special study of Neolithic ceramics was aimed at clarifying the specifics of cultural traditions in the pottery of the population of the Telmana I site, their changes that occurred in the process of contacts with other populations. Thus, as a result of studying the pottery technology of vessels, it was revealed that potters used ferrous clays of medium and high sand content during their existence. The study of the molding masses made it possible to find out that the population living in this site was quite homogeneous, but at the same time, some data show that another population lived in the site at that time, the result of a mixture of traditions, which can also be traced in the recipe of the molding masses.

Keywords: Northern Kazakhstan, Neolithic, site, ceramics, technical and technological analysis, ornamentation

Широкое изучение голоценовых памятников на территории Северо-Казахстанской и Акмолинской областей было произведено сотрудниками Северо-Казахстанской и Кокшетауской археологических экспедиций. С 1967 г. под руководством В.Ф. Зайберта было открыто и исследовано более 300 памятников каменного века, большая часть которых относится к неолиту. На основании изученных памятников была выделена Атбасарская культура с территориальными вариантами. Атбасарская культура датируется эпохой неолита VI по III тыс. до н.э. [Зайберт 2012: 230].

В данной статье рассматриваются материалы стоянки–мастерской Тельмана I, хранящиеся в фондах историко-краеведческого музея Северо-Казахстанской области. Тельманский микрорайон условно объединяет объекты, открытые в Атбасарском Приишимье, которые расположены на притоках правого берега Ишима – Жабай, Аршалы, Жыланды, Ащилы и левого – Колутона. Памятники у с. Тельмана сосредоточены в пределах широкой долины на различных ее террасах. Основная масса исследованных памятников расположена на первой надпойменной террасе [Зайберт 1992: 48][1] .

Мастерская Тельмана I обнаружена в 1973 г. разведочной группой СКАЭ под руководством А.А. Плешакова. Памятник расположен у небольшого притока левого берега Ишим, в 2,5 км юго-восточнее с. Тельмана Атбасарского района Акмолинской области [Зайберт, Плешаков 1977: 1–5]. В 1975 г. В.Ф. Зайбертом начато исследование памятников Тельманского микрорайона [Зайберт 1992: 16]. Стоянка – мастерская Тельмана I исследована полностью в 1976 г., площадью 776 кв.м. на пологом склоне высокой поймы. Стратиграфия памятника однородная по всей территории раскопа. На исследованной площади зафиксированы пять рабочих площадок. Собрано в общем 47146 предметов. Каменные орудия и керамика распространены по территории раскопа примерно одинаково. Из них орудия и отходы из кремневых пород составляют 46798 экз., каменные изделия из сланца, песчаника, галечника и других некремневых пород насчитывает 119 экз. и керамика представлена 228 фрагментами [Зайберт 1977; 1992: 53]. Каменная коллекция представлена нуклеусами клиновидных, конических, призматических форм и их обломками, сколами оживления и ребристых пластин, пластинами и изделиями на них, как пластины с ретушью, ножи, скребки концевые, резцы угловые, резцы боковые, резцы срединные, трапеции, наконечники, скобели, развертки, проколки, сверла, острия, резчики, пластины со скошенным краем, пластины с торцевой выемкой, пластины с торцевой ретушью, и большую часть коллекции составляет отщепы (40149). Каменные орудия из некремневых пород представлены макроформами такими как топоры, ретушеры, отбойники, бруски, абразивные плитки, тесло, наковальня [Зайберт 1992: 53–62].

[1] Благодарим Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей за предоставленную возможность работы с коллекциями фондов археологии.

Керамика на памятнике представлена только во фрагментах. По примерной реконструкции на основании сохранившихся фрагментов днищ и шеек сосуды были яйцевидной формы с открытой горловиной. Стенки сосудов толщиной до 0,6 мм, обжиг неравномерный. В качестве минеральных добавок в формовочной массе использовалась дресва, песок и растительные примеси. Орнаменты выполнены гребенчатой или отступающей техникой – «шагающей» гребенкой, волнистыми и горизонтальными линиями, изредка легкими ямочными вдавлениями глубиной не более 0,1–0,2 см. В связи с фрагментарностью черепков реконструировать элементы орнамента и тем более композиции было сложно [Зайберт 1992: 62]. На памятнике обнаружена еще одна группа керамики, которая находит аналогии на памятниках поздней бронзы или раннего железного века [Зайберт 1992: 75].

В результате исследований, проводившихся на стоянке-мастерского Тельмана I, было выявлено, что памятник является сезонным и функционирующим на протяжении продолжительного времени [Зайберт 2012: 75].

Материалы и методы

На стоянке Тельмана I для технологического анализа керамики в фонде Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея были отобраны всего 228 фрагментов керамики от 15 сосудов для изучения орнаментации и 14 сосудов для технологического анализа [СКОМ оф. 4158. 201Т]. Такая выборка обусловлена изучением только тех фрагментов, у которых имелись свежие изломы.

Исследование проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским [Бобринский 1978] и его последователями [Волкова 1996; Васильева, Салугина 2013; Степанова 2010; Цетлин 2012 и др.]. А.А. Бобринский выделил три последовательные стадии изготовления сосудов: подготовительную, созидательную и закрепительную, которые делятся на ступени, включающие в себя узкие технологические задачи [Бобринский 1978].

В связи с фрагментированностью керамики, анализ проводился только по пяти ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной и закрепительной стадии производства: 1–4 ступени – отбор и обработка исходного сырья, составление формовочной массы, 10 ступени – придание сосуду прочности и 13 дополнительной ступени – декорирование сосуда [Бобринский 1999].

Для частного анализа каждого из ступеней применялись следующие методы:

Микроскопический анализ

Для выделения навыков отбора и обработки исходного сырья, а также составления формовочных масс образцы исследовались по свежим изломам с помощью микроскопа МБС-10 с целью определения естественных включений в глине и искусственно добавленных примесей. Для определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья (глины) было возможно использовать данные цвета поверхности черепков, которые сравнивались по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глин [Цетлин 2006: 424].

Для определения степени запесоченности глины использовались наблюдения за размерностью и концентрацией примеси естественного песка. В данной работе использованы критерии глин разной пластичности, предложенные Е.В. Волковой [Каздым, Лопатина 2010: 33].

Для выделения навыков механической обработки поверхности анализируются следы на внешней и внутренней поверхности сосуда.

Методы изучения орнамента

Изучение орнаментов проводилось по методике, разработанной Ю.Б. Цетлиным [Цетлин 2008].

Ю.Б. Цетлиным выделено в структуре стилистики орнамента пять иерархических уровней. Это уровни *элемента*, *узора*, *мотива*, *образа* и *композиции*. При характеристике каждого иерархического уровня выявлены критерии строгого отделения их друг от друга [Цетлин 2012: 203, рис. 1].

Элементы орнамента – это «отпечатки» или динамические «следы» на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт.

Узоры – это локализованные изображения на поверхности сосуда, состоящее из одинаковых или разных элементов орнамента и выполненные за несколько трудовых актов [Цетлин 2012: 204, рис. 92].

Мотивы. Элементы и узоры орнамента могут быть организованы в «мотивы». Мотив – это определенный способ тиражирования (т.е. повторения) элементов и узоров на поверхности сосуда [Цетлин 2012: 204, рис. 93 *а, б*].

Образы. Следующим уровнем орнаментальной стилистики является орнаментальный «образ». Образ орнамента включает сочетание двух (двойные образы) или трех (тройные образы) соседних мотивов орнамента [Цетлин 2012: 205, рис. 94].

Результаты и обсуждение

Для технико-технологического изучения были отобраны фрагменты от 14 сосудов из раскопок 1976 г.

В результате проведенного исследования были выявлена следующая технологическая информация.

Исходное сырье. Установлено, что гончары, жившие на стоянке Тельмана I, использовали два вида глин: среднезапесоченная – Глина 2 (78,6%) и сильнозапесоченная – Глина 3 (21,4%). Как можно видеть, чаще всего использовалась глина среднезапесоченная (Глина 2). Все эти глины – ожелезненные (подробнее сказать о степени ожелезненности глин невозможно, так как дополнительному нагреву в муфельной печи подвергнуть образцы, хранящиеся в музее не удалось), но различным составом естественных минеральных примесей [Цетлин 2006].

Выявленные по степени пластичности и составу естественных примесей особенности глин позволяют предположить, что местные гончары использовали около четырех условных «мест» добычи (или вариантов) исходного пластичного сырья:

I. Глина 2 + песок 0,2–3 мм (1:4) – 6 сосудов (**42,9%**),

II. Глина 2 + песок 0,2–2 мм (1:4) + бурый железняк 0,2-1,1 мм – 5 сосудов (**35,7%)**,

III. Глина 3 + песок 0,1–2,3 мм (1:3) + бурый железняк 0,5 мм – 2 сосуда (14,3%),

IV. Глина 3 + песок 0,2–1,2 мм (1:3) – 1 сосуд (7,1%).

Формовочные массы. При анализе состава формовочных масс выделялись минеральные и органические искусственно введенные примеси. В качестве искусственных минеральных примесей использовался шамот размерностью 1,5 мм в концентрации 1:5, шамот размером от 1,1 до 2,2 мм в концентрации 1:5 (в шамоте частицы остроугольного песка). Из органических искусственных компонентов вносились органический раствор, который определяется по черному «жирному» блеску на поверхности минеральных включений и пустотам, стенки которых также покрыты маслянистым черным налетом, шерсть и волос длиной от 3 до 20 мм, толщиной 0,1–0,15 мм

Анализ искусственных примесей, использовавшихся гончарами, изготовившими данную посуду, позволяет выделить три разных традиции составления формовочных масс керамики.

Среди трех выделенных рецептов формовочных масс наиболее массовым являются «глина + шерсть + органический раствор» (85,8%), в единичных случаях отмечены – «глина + шамот в концентрации 1:3 + органический раствор» (7,1%), «глина + шамот в концентрации 1:5 + шерсть + органический раствор» (7,1%).

Форма сосудов. Сосуды выделены по особенностям венчиков и фрагментов тулова с орнаментацией, отличающейся своими параметрами: форма и размеры элементов, техника нанесения, толщина фрагментов. По профилям венчиков удалось выявить две формы сосудов на стоянке Тельмана I – баночные (80%) и горшечные (20%). У сосудов баночной формы срез венчиков чаще всего прямой (60), редко – овальный (20%). У одного сосуда горшечной формы венчик слегка отогнут, срез венчика – овальный. В коллекции обнаружен один фрагмент днища – округлодонный. Толщина фрагментов варьирует от 5 до 6,8 мм.

Обработка поверхности. В результате изучения обработки поверхности было выявлено два вида ручного заглаживания, использовавшихся одинаково часто это – горизонтальное заглаживание мягким инструментом внешней и внутренней поверхности (55,5%) и прокатывание веревочным штампом и в ряде случаев, возможно выбивание колотушкой обмотанной веревочкой которое производилось чаще всего на внутренней поверхности, и в одном случае с двух сторон (следы невыразительны и деформированы) (44,5%).

Обжиг сосудов. Для определения режимов обжига в ходе работы были изучены поверхность и излом образцов. По цвету в изломе выявлены следующие группы:

1. Излом однослойный черного цвета толщиной 5–5,5 мм (55,6%);

2. Излом двухслойный: верхний слой черного цвета толщиной 5 мм, нижний слой светло-коричневого цвета 1 мм (11,1%).

3. Излом трехслойный: верхний слой светло-коричневого цвета 0,5–2 мм, середина черного цвета 3–4,3 мм, нижний слой светло-коричневого цвета 1–1,5 мм (33,3%).

Стилистика орнаментации. Элементы, узоры, мотивы и образы.

Внешняя поверхность сосудов орнаментирована четырьмя различными видами элементов. Среди них самыми массовыми являются гребенчатый (50%) (рис. 1, *3*; 2, *3–6*; 3; 4, *4*; 5, *2*) и веревочный (31,3%) (рис. 1, *2*; 2, *1–2*; 4, *1–3*) элементы, редко встречаемые – накольчатые (12,5%) (рис.1, *1*), ямчатые элементы (6,2%). На внутренней поверхности одного венчика зафиксирован веревочный элемент.

Рис.1. 1 – керамика с отступающее-накольчатыми элементами, 2-3 – керамика с гребенчатыми элементами орнамента

1-сур. 1 – шаншып-қадау элементтері бар керамика, 2-3 – тарақ бедерлі өрнек элементтері бар керамика

Fig. 1. 1 – ceramics with receding-pinned elements, 2-3 – ceramics with combed ornament elements

Особенности элементов. Форма отпечатков веревочных элементов – линзовидная (100%). Материал – мягкий (100%). Отмечено использование трех видов нанесения элементов орнамента. Техника нанесения – штампование. Длина отпечатка не реконструируется ввиду фрагментированности образцов, ширина элементов от 3 до 4 мм. Ориентация компонентов – поперечная (100%).

Все оттиски гребенчатых элементов прямоугольной формы (100%). Длина отпечатка – от 3 до 21 мм, ширина -0,2–2 мм. Техника нанесения гребенчатого элемента – накалывание (25%), шагание (37,5%), шагание с протаскиванием (12,5%) и шагание с прокатыванием (качалка) (25%). Наиболее часто встречаемая ориентация зубцов симметричная (83,3%), редко – продольная (16,7%).

Форма накольчатых элементов – лунчатая и овальная. Техника нанесения – накалывание. Длина отпечатка – 2,5 мм, ширина – 1,5 и 2 мм.

Ямчатый элемент овальной формы, диаметром – 4,5 мм. Ложе отпечатка – овальное. Ограничитель присутствует.

Узоров на внешней поверхности зафиксировано всего девять в пяти различных вариантах: 1. узор из гребенчатых элементов (зигзаг) (1,1%); 2. узор из гребенчатых элементов (шагание с протаскиванием) (22,2%); 3. узор из гребенчатых элементов (качалка) (22,3%); 4. узор из гребенчатых элементов (шагание) (33,3%) и 5. узор из веревочных элементов (зигзаг) (11,1%).

Всего на внешней поверхности изученных сосудов отмечено 17 мотивов в 8 разных вариантах. Мотивы Вида-1 (простые) встречены редко, и они характерны только для веревочных, накольчатых и ямчатых элементов. Всего их отмечено – 8 (47,1%), трех различных видов, из них часто использовались два мотива: мотив из веревочных элементов (29,4%) и мотив из накольчатых элементов (11,8%), единично отмечен мотив из ямчатых элементов (5,9%).

Мотивов Вида 2 (сложные объединяющиеся) зафиксировано всего девять (52,9%) в пяти различных видов. Из них, самым часто встречаемым является мотив из гребенчатых узоров (шагание) (17,6%), чуть реже отмечено использование мотивов из гребенчатых узоров (шагание с протаскиванием) (11,8%), из узоров из гребенчатых узоров (качалка) (11,8%). Мотивы из гребенчатых узоров (зигзаг) (5,8%) и веревочных узоров (зигзаг) (5,8%) встречены только по одному случаю.

Индивидуальные особенности мотивов из разных элементов орнамента. При анализе простых мотивов из веревочных, накольчатых и ямчатых элементов обнаружен большой коэффициент сходства их внутренней организации. Во всех случаях встречаются одинаковые виды ориентации элементов в мотиве – горизонтальная. Ориентация мотива: горизонтальная. Структура мотивов во всех случаях линейная (100%). Число рядов в мотиве не всегда возможно идентифицировать в связи с фрагментарностью сосу-

дов. Так, рассматривая имеющиеся данные, можно отметить использование одного ряда в мотиве – для ямчатых и накольчатых элементов; два и четыре ряда встречается только у веревочных мотивов.

Анализ сложных объединяющихся и пересекающихся мотивов указывает на сходство организации мотивов из гребенчатых и веревочных узоров и элементов. Ориентация элемента в этих мотивах – наклонный вправо и влево (22,2%), вертикальный (77,8%). Структура мотивов – из узоров (100%). Ориентация мотива в большинстве случаев – горизонтальная (88,9%) вертикальная (11,1%).

Образы. Из-за фрагментарности коллекции реконструировать образы орнамента невозможно, его удалось зафиксировать только на одном сосуде – двойной образ из двух узоров из гребенчатых элементов (шагание с протаскиванием и зигзаг), образ из двух узоров из гребенчатых элементов (зигзаг и шагание с протаскиванием) и тройной образ из двух узоров из гребенчатых элементов (шагание с протаскиванием) и узоров из гребенчатых элементов (зигзаг).

Рис.2. 1–2 – керамика с веревочными элементами;
3–6 – керамика с гребенчатыми элементами и узорами орнамента
2-сур. 1-2 – арқан бедерлі элементтері бар керамика;
3–6 – тарақ бедерлі элементтері мен өрнек нақышы бар керамика
Fig. 2. 1-2 – ceramics with rope elements;
3–6 – ceramics with combed elements and ornamental patterns

Заключение. Таким образом, в результате сравнительного анализа полученных данных по гончарной технологии сосудов эпохи неолита стоянки Тельмана I выявлено:

1) Гончары во время бытования использовали ожелезненные глины (100%).

2) Изучение степени запесоченности глин и состава естественных минеральных примесей позволило выявить четыре условных «мест» добычи исходного пластичного сырья. Это может указывать на бытовании здесь нескольких гончаров или нескольких групп гончаров, использовавших разные источники этого сырья. Массово применялись две залежи: среднезапесоченной глины в сочетании с песком размером 0,2–3 мм в концентрации 1:4 (42,9%), и среднезапесоченной глины в сочетании с примесью песка размером 0,2–2 мм в концентрации 1:4 и бурого железняка размером 0,2–1,1 мм (35,7%).

3) Изучение формовочных масс 14 сосудов показало, что гончары, жившие на данном памятнике изготавливали сосуды по рецептам «глина + шерсть + органический раствор» (85,8%), в единичных случаях

Рис.3. Сосуд с гребенчатыми узорами орнамента (шагание с протаскиванием)
3-сур. Тарақ тәрізді өрнектері бар ыдыс (тартып қадамдап салынған)
Fig. 3. Vessel with combed ornament patterns (stepping with dragging)

отмечены - «глина + шамот в концентрации 1:3 + органический раствор + растительные отпечатки» (7,1%), «глина + шамот в концентрации 1:5 + шерсть + органический раствор + растительные отпечатки» (7,1%). Исходя из полученных данных, самым массовым из них являлся рецепт «глина + шерсть + органический раствор», что свидетельствует о том, что население, проживавшее на данном поселении, было достаточно однородным, другой рецепт, который отмечен всего в одном экземпляре, «глина + шамот в концентрации 1:3 + органический раствор + растительные отпечатки», показывает, то что на стоянке проживало также другое население, а третий рецепт «глина + шамот в концентрации 1:5 + шерсть + органический раствор + растительные отпечатки» указывает на смешение первых двух групп, что свидетельствует о том, что первые две группы проживали на поселении единовременно.

4) По профилям венчиков удалось выявить две формы сосудов на стоянке Тельмана I – баночные (80%) и горшечные (20%), при этом важно учитывать, что венчиков в коллекции, обнаружено, крайне мало, поэтому процентное их соотношение не стоит рассматривать как окончательное.

5) В результате изучения обработки поверхности было выявлено два вида ручного заглаживания – горизонтальное заглаживание мягким инструментом внешней и внутренней поверхности (55,6%) и прокатывание веревочным штампом и в ряде случаев, возможно выбивание колотушкой обмотанной веревочкой (44,4%).

6) Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов изученных фрагментов сосудов указывает на то, что они обжигались в условиях восстановительной среды в простых обжиговых устройствах – кострищах или очагах [Васильева, Салугина 2013].

7) Самыми распространенными орнаментами среди четырех, был гребенчатый (50%) и веревочный (31,3%). При анализе элементов, узоров и мотивов орнамента обнаружен большой коэффициент сходства их внутренней организации для каждого из вида орнаментов.

Подводя итоги, по данным орнаментации выделяется две основные традиции – гребенчатая и ве-

Рис. 4. 1 – Керамика с веревочными и гребенчатыми элементами орнамента;
2-3 – керамика с веревочными элементами и узорами орнамента;
4 – керамика с гребенчатыми элементами и узорами (зигзаг) орнамента

4-сур. 1 – арқан және тарақ бедерлі өрнек элементтері бар керамика;
2-3 – арқан бедерлі элементтері мен өрнек нақыштары бар керамика;
4 – тарақ бедерлі элементтері мен өрнек (ирек) нақышы бар керамика

Fig. 4. 1 – ceramics with rope and combed ornament elements;
2-3 – ceramics with rope elements and ornamental patterns;
4 – ceramics with combed elements and patterns (zigzag) of the ornament

Рис.5. Керамика с гребенчатыми элементами орнамента
5-сур. Тарақ бедерлі өрнек элементтері бар керамика
Fig. 5. Ceramics with combed elements of the ornament

ревочная, у которых рецепт составления формовочных масс идентичен, но следует отметить также один случай, где веревочный и гребенчатый орнамент используется на одном сосуде, где рецепт формовочной массы также не отличается.

Изученные сосуды стоянки-мастерской Тельмана I по технологии и стилистике орнаментации находят аналогии с керамическим сосудом стоянки атбасарской культуры – Тельмана X в Акмолинской области [Зайберт 2012: 83] и материалами поселений маханджарской культуры – Бестамак, Белкарагай 1, Екидин 24, Соленое Озеро 2 в Костанайской области Северного Казахстана. Сходство этих материалов проявляется в традициях выбора исходного сырья (выбирались запесоченные глины), в составлении формовочных масс (использование рецептов – глина + шерсть, глина + шамот + шерсть) и орнаментации (узоры и сложные объединяющиеся мотивы из гребенчатых элементов – качалка, зигзаг и шагание с протаскиванием, простые мотивы из веревочных элементов, простые мотивы из накольчатых элементов) [Шевнина 2014: 88-101; 2019].

Примечание. В процессе подготовки статьи выполнена работа с коллекцией, полученной в ходе раскопок стоянки-мастерской Тельмана I (арх. эксп. В.Ф. Зайберта, А.А. Плешакова, 1976 г.), хранящейся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (осн. фонд 4158, шифр коллекции – 201Т).

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (Коллективная монография). Самара: Изд-во Самарского СПУ, 1999. С. 5–109.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы международной полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век». Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2013. С. 57–89.

Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 276 с.

Зайберт В.Ф. Раскопки у с. Тельмана Целиноградской области //Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 511.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.

Зайберт В.Ф., Плешаков А.А. Отчет СКАЭ 1976 года. Неолитическая мастерская Тельмана I. Петропавловск, 1977. С. 1–5.

Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Тюлебаев А.Ж. Атбасарская культура. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. 352 с.

Каздым А.А., Лопатина О.А. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С.46–57.

Степанова Н.Ф. Особенности сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 117–125.

Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая / МИАК. IX. Астана: ФИА, 2014. 236 с.

Шевнина И.В. Керамика эпохи неолита Тургайского прогиба: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 33 с.

Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья: Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 421–425.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур, Тула: Гриф и К, 2008. 359 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 384 с.

REFERENCES

Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochiki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe. Sources and research methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian)

Bobrinskiy, A. A. 1999. In: Bobrinskiy, A. A. (ed.). *Aktualnye problemy izucheniya drevnego goncharstva (Topical issues in the study of ancient pottery)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian)

Vasilyeva, I. N., Salugina, N. P. 2013. In: Agapov, S. (ed.). *Eksperimentalnaya arkheologiya. Vzglyad v XXI vek. (Experimental Archaeology. View into the 21st century)*. Ulyanovsk: “Pechatnyy dvor” Publ., 57–89 (in Russian)

Volkova, E. V. 1996. *Goncharstvo fatyanskikh plemen (Pottery of the Fatyanov tribes).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian)

Zaibert, V. F. 1977. In: *Arheologicheskie otkrytiya–1976 (Archaeological discoveries–1976).* Moscow: “Nauka” Publ., 511 (in Russian).

Zaibert, V. F. 1992. *Atbasarskaya cultura (Atbasarskaya culture)*. Ekaterinburg: Ural Branch RAS (in Russian).

Zaibert, V. F., Pleshakov, A. A. 1977. *Otchet SKAE 1976 goda. Neoliticheskaya masterskaya Telmana I (Report of the NKAE of 1976. Neolithic workshop Telman I).* Petropavlovsk, 1–5 (in Russian).

Zaibert, V. F., Pleshakov, A. A., Tyulebaev, A. Z. 2012. *Atbasarskaya cultura (Atbasarskaya culture).* Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana (in Russian).

Kazdym, A. A., Lopatina, O. A. 2010. In: Tsetlin, Y. B., Salugina, N. P. (eds.). *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya (Ancient pottery: results and prospects of study).* Moscow: Institute of Archaeology RAS, 46–57 (in Russian).

Stepanova, N. F. 2010. In: *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya (Ancient pottery: results and prospects of study).* Moscow: Institute of Archaeology RAS, 117–125 (in Russian).

Shevnina, I. V. 2014. *Goncharstvo neoliticheskikh plemen Torgaya (Pottery of the Neolithic tribes of Turgai)*. Astana: Branch of Institute of archaeology in Astana (in Russian).

Shevnina, I. V. 2019. *Keramika epohi neolita Turgaiskogo progiba (Neolithic ceramics of the Turgai Depression)*: abstract of Thesis Cand. of Historical sciences. Kemerovo (in Russian).

Tsetlin, Y. B. 2006. In: *Voprosy arkheologii Povolzhya (Issues of archaeology of the Volga river region)*, 4. Samara: "Nauchno-tekhnicheskiy tsentr" Publ., 421–425 (in Russian).

Tsetlin, Y. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoy ravniny: ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kultur (Neolithic of the Russian Plain center: pottery ornamentation and the methodology of culture periodization).* Tula: "Grif I K" Publ. (in Russian).

Tsetlin, Y. B. 2017. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kulturnogo podkhoda (Ancient pottery. Theory and methods of historical-cultural approach)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.58.69

Дархан Айтжанулы Байтлеу[1], baitileu@gmail.com,
Жанаргуль Сериковна Калиева[1], zhkalieva@mail.ru
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

Результаты археологических исследований поселения Тарангул в 2022 г.*

В статье представлены результаты полевых исследований поселения эпохи бронзы Тарангул, локализованного в Актюбинском Приуралье. В ходе археологических работ 2022 г. на памятнике обнаружены уникальные находки, в том числе предполагаемые остатки теплотехнических сооружений (металлургических печей), керамики, металлических, каменных и костяных орудий, литейной формы. Все артефакты позволяют уверенно датировать время функционирования поселения Тарангул периодом позднего бронзового века. В ходе проведенных исследований была дополнена база данных археологических памятников эпохи палеометалла и связанных с ними геоархеологических производственных объектов Урало-Мугалжарского региона. Кроме того, исследовательские работы позволили провести корреляцию в изучении археологических памятников позднего бронзового века в локальном микрорайоне Актюбинского Приуралья.

Ключевые слова: археология, Урало-Мугалжарский регион, Орь-Илекская возвышенность, поздний бронзовый век, поселение, археометаллургия

Дархан Айтжанұлы Байтілеу[1],
Жанаргүл Серікқызы Қалиева[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Таранғұл қонысын 2022 ж. археологиялық зерттеудің нәтижелері

Мақалада Ақтөбелік Орал маңында орналасқан Таранғұл қола дәуірінің қонысын далалық зерттеу нәтижелері көрсетілген. 2022 жылы жүргізілген археологиялық жұмыстар кезінде бұл жерден жылыту қондырғыларының қалдықтары (металлургиялық пештер), керамика, металл, тас және сүйектен жасалған құралдар мен құю қалыптары бар бірегей олжалар табылды. Табылған барлық артефактілер Таранғұл қонысының өмір сүруі кейінгі қола дәуірінде болғанын сенімді түрде мерзімдеуге мүмкіндік береді. Зерттеу жүргізу барысында палеометалл кезеңі археологиялық ескерткіштері мен онымен байланысты Орал-Мұғалжар аймағындағы геоархеологиялық өндіріс нысандарының мәліметтер базасы толықтырылды. Сонымен қатар жүргізілген жұмыстар Ақтөбелік Орал маңының жергілікті шағынауданындағы қола дәуірінің археологиялық ескерткіштерін зерттеуде корреляция жүргізуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: археология, Орал-Мұғалжар аймағы, Ор-Ілек биікті, кейінгі қола дәуірі, қоныс, археометаллургия

© 2023 г. Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С.
**Статья подготовлена в рамках реализации задач программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК, ИРН проекта BR11765630*

Darkhan Baitileu[1],
Zhanargul Kalieva[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Results of archaeological research of the Tarangul settlement in 2022

The article presents the results of field studies of the Bronze Age settlement Tarangul localized in the Aktobe Urals. During archaeological work in 2022, a number of unique finds were discovered at the site, including the remains of heat engineering structures (metallurgical furnaces), ceramics, metal, stone and bone tools, and a casting mold. All artifacts make it possible to confidently date the operation of the Tarangul settlement to the period of the Late Bronze Age. In the course of the research, the database of archaeological monuments of the age of the paleometal and associated geoarchaeological production facilities of the Ural-Mugalzhar region was supplemented, in addition, the work carried out allows a correlation in the study of archaeological monuments of the Late Bronze Age in the local microdistrict.

Keywords: archaeology, Ural-Mugalzhar region, Or-Ilek Upland, Late Bronze Age, settlement, archaeometallurgy

Введение. В полевом сезоне 2022 г. археологическим отрядом Института археологии им. А. Х. Маргулана продолжены исследования на археологическом комплексе Тарангул, в частности, проведены раскопочные работы на одноименном поселении, а также продолжены исследования могильника Тарангул.

Археологический комплекс Тарангул был обнаружен в 2019 г., а комплексные исследование поселения и могильника, входящего в систему названного памятника, начаты в 2020 г. [Байтлеу, Калиева 2020; Байтлеу, Шагирбаев 2021; Байтлеу и др. 2021], и продолжаются в настоящее время.

Археологический комплекс Тарангул расположен в 6,3 км к северу от п. Кос-Естек в 1,5 км к западу от грейдерной дороги между п. Кос-Естек и п. Эрзерум, в 1,4 км к северо-западу от места слияния рек Тарангул и Жалгызагаш (Карагалинский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 1).

Поселение расположено на ровной площадке первой надпойменной террасы левого берега р. Тарангул и ограничено в западной части небольшой ложбиной от обширной долины, обрамленной низкогорным массивом. С севера площадка поселения прикрыта сопками, южные контуры определяются береговой линией. Размеры террасы подтреугольной в плане формы, занятой поселением, вытянутым в широтном направлении, составляют 170×75 м и маркируются подъемным материалом, представленным преимущественно керамикой, а также костными остатками.

В полевом сезоне 2022 г. раскопочные работы на поселении проведены с прирезкой к раскопам 2020–2021 гг. Исходя из практической необходимости и с целью дальнейшего расширения полевых исследований, а также учитывая особенности локализации подъемного материала на поселении, было решено расширить раскоп в восточном, южном и западном направлениях. Кроме того, с целью выявления границ всего поселения были заложены разведочные шурфы в западной, южной и восточной части террасы с поселением.

Планиграфия раскопа. Разбивка раскопа производилась по квадратам 3×3 м, образующим квадраты площадью 9 кв. м. каждый с бровками-перемычками между ними (шириной 0,3 м). Все квадраты были полными – граница раскопа представляла собой квадратный контур (рис. 2).

Площадь раскопа в 2022 году составила 126 кв. м и включала 9 квадратов 3×3 м, также были исследованы до материка шесть квадратов в центральной части раскопа, в которых в 2021 году предположительно были выявлены остатки теплотехнических сооружений.

Культурный слой сохранился во всех квадратах раскопа. В северной части раскопа, а именно в квадратах А1–3 по долготе на глубине 0,6 м от современной дневной поверхности фиксируется материковый слой, а в центральных и южных квадратах культурный слой достигает до 0,6–0,8 м.

В ходе расширения раскопа 2022 года в восточном, южном и западном направлении были выявлены борта котлована. Северный борт котлована был

Рис. 1. Локализация археологического комплекса Тарангул
1-сур. Таранғұл археологиялық кешен локализациясы
Fig. 1. Localization of the Tarangul archaeological complex

обнаружен еще в ходе раскопочных работ 2021 г. [Байтлеу и др. 2021: 200]. По обнаруженным материалам (артефактам и остаткам сооружений) можно предположить, что котлован являлся производственной площадкой, в плане подпрямоугольной формы, вытянутый с запада на восток (рис. 3). Размеры котлована, профиль которого в виде усеченной линзы, составляют 11×7,5 м. Глубина котлована от древней дневной поверхности составила 0,5–0,6 м. Необходимо отметить, что борта котлована в восточной и южной (обращенной к реке) части крутые, нежели пологие борта в северной (обращенной к сопке) и западной частях. Наличие столбовых ям указывает на то, что над котлованом или отдельной ее частью было расположено перекрытие или своеобразный навес.

В ходе углубления раскопа в квадратах Б, В–2, 3 и частично в квадратах Б, В–1, в 2021 году были обнаружены контуры трех ям, круглой в плане формы, расположенные в ряд по линии запад–восток, на глубине 1,4 м от современной дневной поверхности. Исследование выявленных ям было продолжено в 2022 году, когда были убраны бровки внутри ям и определены границы конструкций, а также остатков производственных площадок.

На данный момент зафиксировано, что ямы круглой в плане формы расположены в центре условной производственной площадки. Диаметр западной и центральной ямы идентичен и составляет 1,8 м. Необходимо отметить, что западная и центральная ямы в сечении чашевидной формы. Диаметр восточной ямы составляет 1 м. Стенки восточной ямы практически вертикальные, с небольшим расширением при углублении в яму.

В ходе раскопа было выявлено, что западная и центральная ямы внутри имеют оплывы глины, под которыми фиксируются каменные плиты (рис. 4). Оплывы глины несколько отличаются от материковой плотной глины и по составу рыхлые, суглинистые,

Рис. 2. Раскоп на поселении Тарангул. Вид сверху
2-сур. Таранғұл қонысындағы қазба жұмыстары. Жоғарыдан қарағаң көрініс
Fig. 2. Excavation trench at the Tarangul settlement. Top view

местами имеют слабо прокаленные участки. Обнаруженные оплывы глины с каменными плитами под ними, вполне возможно, могут быть обрушившимся куполом свода, под которыми остались плиты перекрытия. Не исключается возможность того, что ямы были специально засыпаны, замазаны и уплотнены глиной, и в последующем глина просела, образуя чашевидную форму, но маловероятность подобного предположения обуславливается отсутствием схожей глины (обмазки) вокруг или вблизи обнаруженных ям.

Необходимо подчеркнуть, что каждая яма взаимосвязана с примыкающей к ней ямой. На данный момент зафиксированы наземные признаки сообщения между западной и центральной, а также центральной и восточной ямами, которые представлены сложной системой канавок и желобов различных размеров. Исходя их предположения о том, что ямы могут быть остатками теплотехнических сооружений, был проведен анализ микротопографии вокруг ям. Остатков горизонтальной дымовыводящей системы на данном этапе исследований не обнаружено, но анализ микротопографии близ ям (остатков теплотехнических сооружений) указывает на то, что дымоходы могли располагаться к западу от крайней западной ямы. Вместе с тем, выявленные скопления камней к югу от восточной и западной ямы, и плита больших размеров у южного борта центральной ямы также могут являться частью дымоходов. К западной яме с юго-запада примыкает неглубокая выемка с пологими бортами с множеством неглубоких лунок. Поверхность выемки сильно прокалена, но интенсивность прокала на данном этапе исследований не фиксировалась.

В 2022 году было решено углубиться в восточную яму, но наличие многочисленных культурных остат-

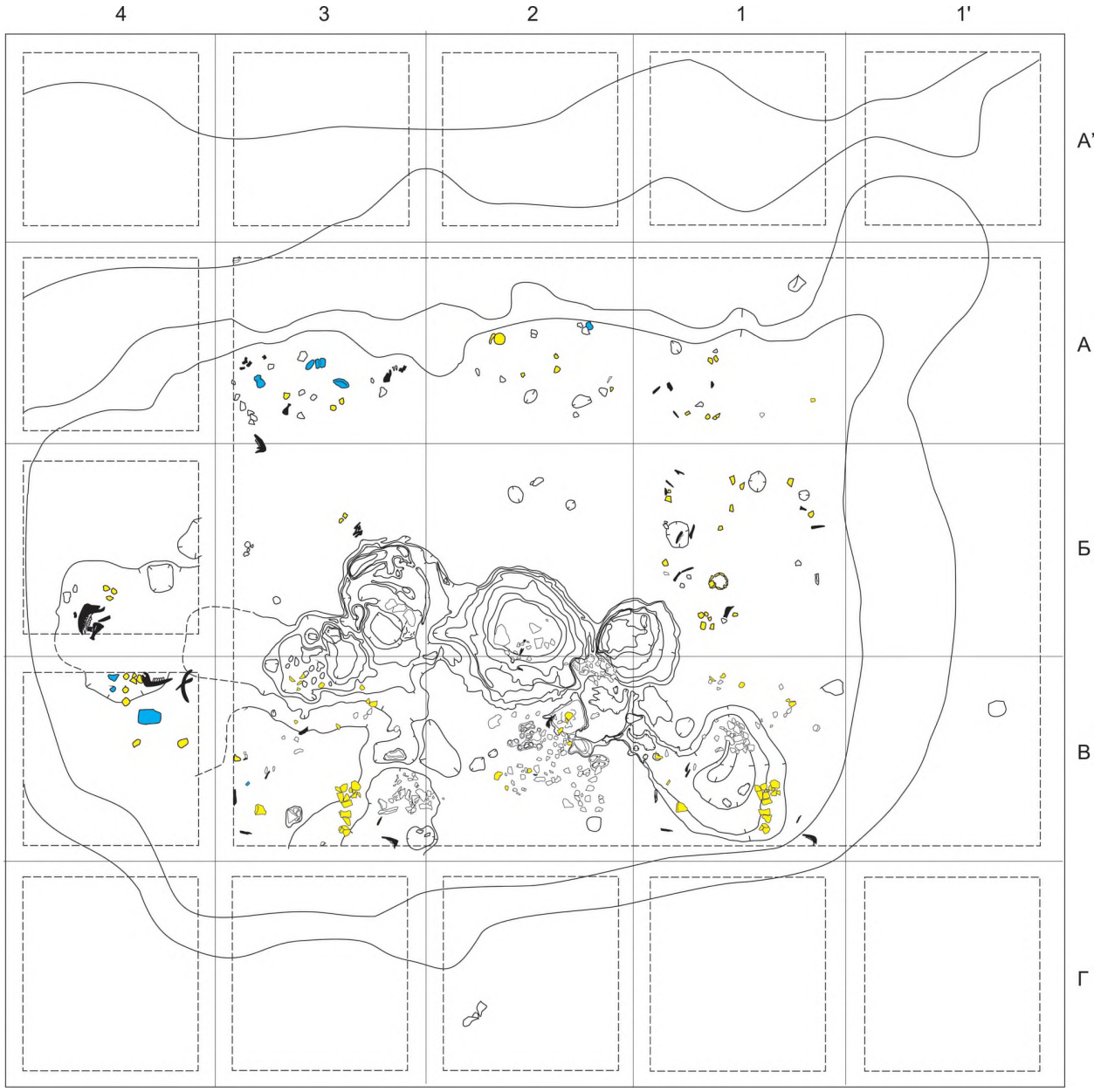

Рис. 3. План раскопа на поселении Тарангул
3-сур. Таранғұл қонысындағы қазба жұмысының жоспары
Fig. 3. Excavation trench plan at Tarangul settlement

ков и сложности с фиксацией артефактов не позволило завершить раскопки данного объекта. Кроме того, с целью сохранения объекта и детального документирования с последующей объемной реконструкцией с применением методов 3D реконструкций было решено законсервировать объект для последующего исследования в полевом сезоне 2023 г.

В целом, в настоящий момент говорить о фактической глубине трех ям, а также об их характере преждевременно ввиду того что исследования данных сооружений еще не завершено. На момент раскопа в текущем полевом сезоне глубина залегания оплывов глины западной и восточной ямы идентичны – от древней дневной поверхности их глубина составила

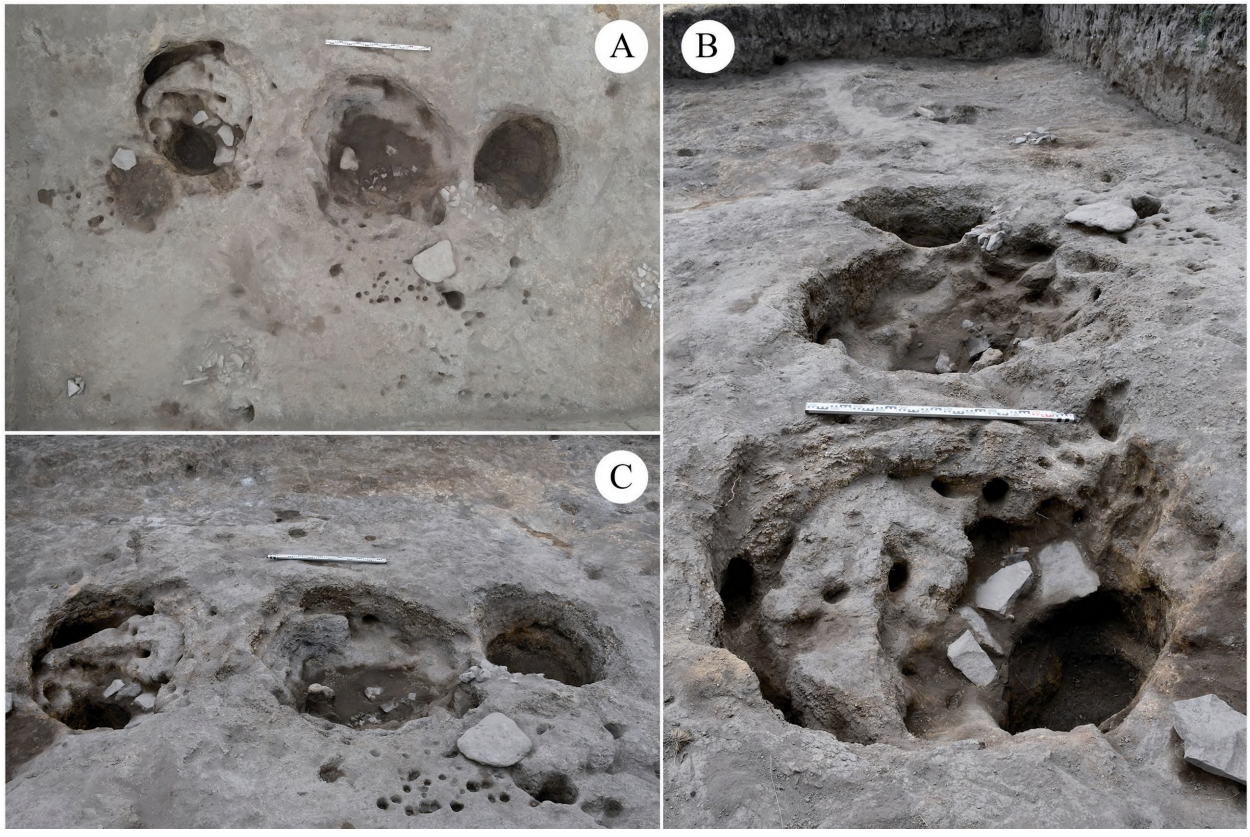

Рис. 4. Поселение Тарангул. Ямы-печи: А – вид сверху; В – вид с запада; С – вид с юга
4-сур. Таранғұл қонысы. Шұңқыр пештер: А – жоғарыдан қарағаң көрінісі; В – батыстан қарағаң көрінісі; С – оңтүстіктен қарағаң көрінісі
Fig. 4. Tarangul settlement. Furnace pits: A – top view; B – view from the west; C – view from the south

0,8 м. Глубина восточной ямы, судя по стратиграфии, возможно, имеет большие размеры.

Вещевой инвентарь. Анализ местонахождения артефактов на производственной площадке позволил выявить определенную закономерность их концентрации, таким образом было выявлено, что большая часть находок локализуется вдоль краев котлована. Кроме того, можно проследить определенную зональность расположения артефактов.

В северной части котлована, в квадратах А1–3 фиксируется наибольшее скопление артефактов. В северо-западной части котлована, в квадрате А3, на глубине 0,8 м было зафиксировано наибольшее скопление астрагалов крупнорогатого скота, а также орудия труда в виде молотов, пестов, мотыг и зернотерок.

Изделия, связанные с металлургической деятельностью, а именно литейные формы, фиксируются в центральной и западной части котлована. В квадрате Б2, в юго-западном углу, на глубине 1 м была обнаружена тальковая створка литейной формы. Исходя из предварительного анализа отпечатка литейной формы, можно предположить, что форма предназначалась для отливки орудия по типу долото. В юго-восточной части квадрата Б4 также обнаружена литейная форма из песчаника. Во всех квадратах раскопа на различных горизонтах фиксируются многочисленные остатки флюсов. Кроме того, в квадрате В3 на глубине 0,6–0,7 м. были обнаружены многочисленные отходы, возможно, относящиеся к металлургическому производству в виде шлаков и окисленной руды.

Фрагменты керамики фиксируются повсеместно на всей площади котлована, но наибольшая концентрация фрагментов керамики фиксируется в центральных и южных квадратах раскопа, а именно в квадратах Б1–3 и В1–3, кроме того, в квадратах В1 и В2 обнаружены развалы керамических сосудов. Орнаментация поверхностей сосудов поселения Тарангул классическая и характерна для гончарной про-

дукции эпохи бронзы (рис. 5). В целом, фрагменты орнаментированы насечками, елочкой, треугольники вершиной вверх и вершиной вниз. Орнамент чаще всего наносился зубчатым штампом, гладким штампом, деревянным или костяным ножом. Керамика поселения Тарангул в полной мере соответствует стандартам кожумбердынского гончарства. Наряду с плавнопрофилированными формами высоких про-

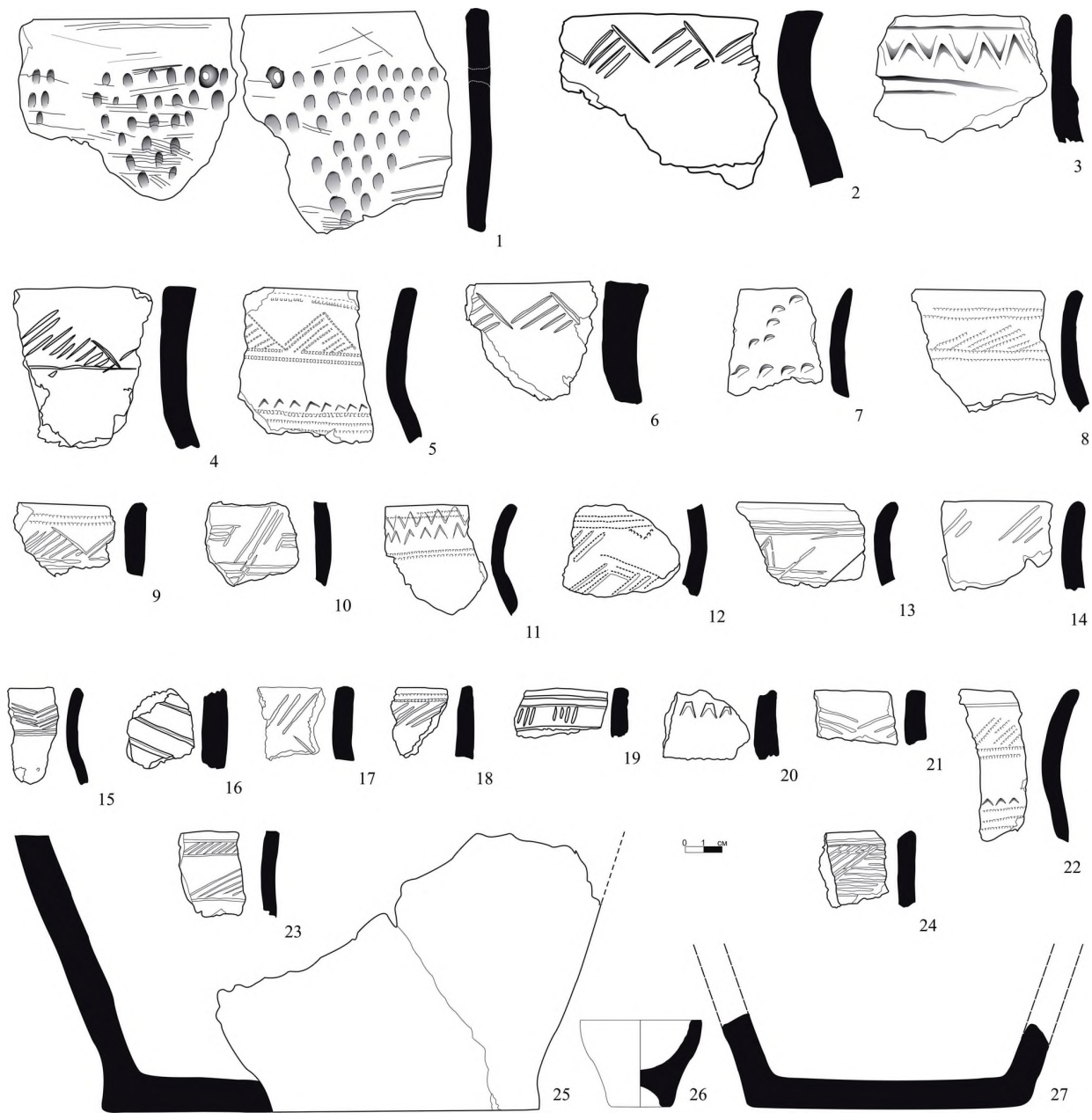

Рис. 5. Керамика поселения Тарангул
5-сур. Таранғұл қонысының керамикасы
Fig. 5. Ceramics of the Tarangul settlement

порций в серии присутствуют сосуды с уступчатым плечом, а в орнаментации сочетаются геометрические мотивы, выполненные по прямой и наклонной сетке, нанесенные гребенчатым штампом и прочерченной техникой.

Остеологический материал, выявленный на поселении Тарангул, достаточно многочислен и представлен преимущественно костями мелкого и крупного рогатого скота. Необходимо отметить, что вокруг описанных ранее трех ям фиксируются нижние челюсти млекопитающих, преимущественно крупнорогатого скота, реже мелкого рогатого скота, которые располагаются не хаотично, но возможно преднамеренно, в виде пары челюстей, установленных плашмя друг на друга, реже одиночно. В квадратах Б2 и Б3 обнаружены нижние челюсти мелких хищных млекопитающих.

Повсеместно во всех квадратах были обнаружены лощила различных форм и размеров, а также каменные ядра. В восточной части раскопа были обнаружены костяные черешковые наконечники стрел.

Результаты исследования могильника Тарангул.

Как было отмечено ранее, в полевом сезоне 2022 года помимо поселения было проведено исследование могильника Тарангул, а именно проведены раскопки каменной ограды №2.

Могильник Тарангул локализован на первой надпойменной террасе и замыкает с северной стороны вход в долину реки Тарангул. Могильник расположен в 300 м к востоку от террасы с поселением Тарангул и разделен с «поселенческой» террасой небольшим логом. Каменные конструкции могильника Тарангул вытянуты по линии запад-восток вдоль береговой линии на некотором расстоянии друг от друга. Всего зафиксировано около тридцати явных надмогильных конструкций. Каменные сооружения меньшего размера сильно задернованы, в связи с чем общее их количество определить представляется сложным и требует проведения исследования методом сплошного раскопа.

Судя по внешним признакам часть древних конструкций, возможно, была потревожена в этнографическое и Новое время. Кроме того, можно предположить, что могильник Тарангул частично разрушен современными сельско-хозяйственными (пахотными) работами.

На могильнике Тарангул преимущественно наблюдаются кольцевые ограды. В восточной части могильника располагаются каменные конструкции (насыпи из камней овальной в плане формы, вытянутые по линии запад-восток, размеры которых варьируются в пределах 2×1,5 м) – могилы этнографического времени.

Для исследований в 2022 году нами была выбрана ограда № 2 слабо выступающая над современной дневной поверхностью, расположенная в к западу от ограды № 1, исследованной в 2021 году.

В целом, характер конструкции каменной ограды № 2 практически идентичен ограде № 1. На дневной поверхности ограды № 2 просматривается группа камней, возвышающаяся на 5–10 см над землей и не имеющая признаков ограбления. При первоначальном обследовании конструкция выглядела в виде кольцевой ограды.

На ограде № 2 был заложен раскоп, предварительно 6×6 м, с последующими возможными приразками по мере выявления пристроек и особенностей конструкции, разделенный внутри двумя бровками шириной 30 см, по осям север-юг и запад-восток. Таким образом, раскоп представил собой четыре неполных квадрата по 3 метра.

После снятия дернового слоя на глубину от 10 до 20 см была выявлена каменная конструкция округлой в плане формы. Кольцеобразная выкладка представлена из разнообразных по размерам и структуре камней. Ширина выкладки в среднем от 0,3 м до 0,5 м. Конкретной системности в укладывании не прослеживается. По внешней границе выкладки уложены более крупные камни, представляя собой своеобразное крепидо для поддержания конструкции, также средние по размерам камни лежат по внутреннему периметру. Пространство между ними частично забутовано мелкими камнями.

В качестве строительного материала использовались разные породы камней, различные по размерам и цвету: порфиры и базальты, темного цвета от светло-черного с сизоватым оттенком, черно-серого и черного. Рванные камни, от небольших 10–15 см до крупных валунов в основании, по внутреннему и внешнему периметрам. Ограда примерно на 80% состоит из камней этих пород. Материк представлен в виде плотной глины с камнями мелкощебенистой фракции.

Ограда № 2 круглая в плане в виде кольцеобразной выкладки, с небольшими брешами в северной и юго-западной части ограды. По внешнему диаметру с севера на юг – около 5–5,5 м по внутреннему диаметру с севера на юг 4,5 м, с запада на восток 4,6 м.

По внешнему периметру выкладка обложена крупными камнями с юго-восточной и восточной стороны, с северной и юго-западной фрагментарно. Забутовка между внешним и внутренним периметрами, а также внутри оргады в основном бессистемна и не столь интенсивна.

В северной части ограды среди камней конструкции были зафиксированы фрагменты дробленных костей, очень плохой сохранности. Идентифицировать принадлежность и характер костей, к сожалению, на данном этапе исследований не удалось.

Расчистка центрального участка конструкции не выявила конкретных особенностей, четких признаков могильного пятна в ограде №2 обнаружено не было. С целью рекогносцировки, в центральной части ограды был заложен шурф 1,5×1,5 м, глубиной 1,5 м. По мере углубления шурфа фиксировалась лишь плотная и однородная материковая глина без каких-либо культурных остатков.

Обсуждение и выводы.

Одним из важных направлений в 2022 г. выступили изыскания в области малоизученных аспектов древней истории Актюбинского региона, а именно исследование системы жизнеобеспечения населения эпохи бронзы Мугалжар, путем изучения поселенческих комплексов. В ходе исследовательских работ были проведены археологические раскопки на поселении эпохи бронзы Тарангул. Кроме того, исследовательскими работами охвачены памятники погребальной обрядности, а именно раскопан объект на могильнике Тарангул.

В ходе исследований поселения Тарангул в 2022 г. получен ряд сведений позволяющих предварительно охарактеризовать данный объект как поселение эпохи бронзы, где одним из видов жизнедеятельности помимо скотоводства было металлургическое производство.

Раскопочные работы на поселении Тарангул позволили выявить площадку со сложной системой производственных секторов и участков, где были обнаружены остатки сооружений, возможно свидетельствующие о наличии металлургического производства. В системе производственной площадки были выявлены остатки сооружений в виде ям, которые по всем внешним признакам представляют остатки теплотехнических сооружений. Возможно, данные сооружения являются остатками шахтных металлургических печей трехсекционного типа, схожих с достаточно хорошо изученными печами поселения Талдысай, входящего в систему Жезказган-Улытауского горно-металлургического центра эпохи палеометалла [Ермолаева 2017: 481–493; Ермолаева и др. 2019: 93].

Принадлежность шахтных сооружений к металлургическим печам в истории археологической науки до сих пор остается дискуссионным. К примеру, шахтные сооружения из поселений Северо-Бетпакдалинского региона в Центральном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 25–66], а также теплотехнические сооружения из поселения Талдысай интерпретируются как остатки колодцев [Григорьев 2003: 125–145; Григорьев 2013: 99; Григорьев 2022: 58–72]. Отдельные исследователи считают, что казахстанские печи шахтного типа с каналами-дымоходами не являются металлургическими, а использовались для пожога сульфидных руд с целью их декрипитации, пиротехнического обогащения и рафинирования [Ткачев, Богданов 2022: 50–51]. Тем не менее, в данный момент экспериментальным путем доказано, что шахтные сооружения одно-, двух- или трехсекционного типов можно причислить к сооружениям, относящимся к металлургическому производству, а шахтные сооружения интерпретировать как металлургические печи [Ермолаева, Русанов 2016: 82–87; 2022; Русанов, Ермолаева 2011: 321–329; Ermolaeva et al. 2013: 441–454].

В настоящий момент исследования производственной площадки, в том числе обнаруженных ям (остатков теплотехнических сооружений) из поселения Тарангул, не завершено, в этой связи окончательная интерпретация выявленных объектов (ям) будет представлена после проведения полного спектра исследовательских работ и реконструкций.

Говоря о погребальных сооружениях могильника Тарангул, отметим, что морфологические особенности погребальной конструкции и обрядовых признаков, полученных из ограды №1 и частично ограды №2 могильника Тарангул, идентичны с памятниками эпохи поздней бронзы региона, в частности с материалами близкорасположенных могильников Шаншар и Каргалинский I [Сорокин 1955; Сегедин 1977; Ткачев 1993], что свидетельствует о культурной однородности и синхронности материалов из названных могильников. В наибольшей степени материалы из данных памятников сопоставимы с характеристиками кожумбердынской культурной группы. В соответствии с современными представлениями о хроноло-

гии кожумбердынской культурной группы могильник Тарангул, предварительно можно датировать, также как и могильники Шаншар и Каргалинский I, а именно XVII–XV вв. до н.э.

В целом, примечательность археологического комплекса Тарангул заключается в том, что данный объект располагается между двумя древними выработками на медь. В первую очередь археологический комплекс Тарангул расположен в 2,3 км к юго-западу (азимут 30º) от древнего рудника Чудской, который был открыт в 1960 году В.Ф. Коробковым в процессе геологоразведочных работ. Во-вторых, объект расположен в 10 км к северу-северо-востоку (азимут 215º) от Шаншарского археологического микрорайона эпохи бронзы, где локализован известный древний рудник Шаншар [Ткачев и др. 2013].

Материалы, полученные из рудников Шаншар и Чудская, датируются эпохой поздней бронзы и во многом синхронны по хронологии с находками из поселения Тарангул. В данном случае детальное изучение поселения эпохи бронзы и могильника Тарангул в дальнейшем позволит заполнить пробелы в процессе реконструкции производственных структур, технологии, конкретных форм и социально-экономических условий организации горно-металлургического производства в данном регионе, это, в свою очередь, обуславливает актуальность и необходимость дальнейших комплексных исследований археологического комплекса Тарангул.

ЛИТЕРАТУРА

Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С. Результаты исследований археологического комплекса эпохи бронзы Тарангул на севере Орь-Илекской возвышенности в 2020 году // Кадырбаевские чтения-2020. М-лы VI Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 27-28 ноября 2020 г.) / Отв. ред. А.Б. Уразова. Актобе: АОИКМ, 2020. С. 7–22.

Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С., Искаков А.Ш. Результаты исследований поселения эпохи бронзы Тарангул в 2021 году (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения–2021: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26-27 октября 2021 г.). В 3-х т. Т. 1 / гл. ред. А. Онгарулы; отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 198–206.

Байтлеу Д.А., Шагирбаев М.С. Анализ археозоологического материала поселения Тарангул (предварительные данные) // Қазақстан археологиясы. 2021. № 2 (12). С. 141–151.

Григорьев С.А. Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Астана, 2003. С. 125–145.

Григорьев С.А. О некоторых особенностях функционирования и интерпретации колодцев эпохи бронзы // Археологические исследования степной Евразии. Сборник статей. Караганда, 2013. С. 96–102.

Григорьев С.А. О «металлургических печах шахтного типа» в позднем бронзовом веке Казахстана //Археология Казахстана. 2022. 4 (18). С. 58–72.

Ермолаева А.С., Русанов И.А. Поселение Талдысай – памятник древнейшей металлургии Евразии // Культурное наследие. Астана, 2016. № 5 (68). С. 82–87.

Ермолаева А.С. К проблемам металлопроизводства эпохи бронзы Казахстана // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 481–493.

Ермолаева А.С., Кузьминых С.В., Анкушев М.Н., Дубягина Е.В. Металлопроизводство на поселении Талдысай в Жезказган-Улытауском горнометаллургическом центре // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): м-лы Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 92–95.

Ермолаева А.С., Русанов И.А. Экспериментальное моделирование металлургических печей поселения Талдысай / Труды Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. IV. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. 160 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Наука, 1992. 247 с.

Русанов И.А., Ермолаева А.С. Металлургия меди на поселении эпохи бронзы Талдысай (реконструкция древнего производства) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости РК и 20-летию Института археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). В 3-х т. Т. 1 / Гл. ред. Б.А. Байтанаев; отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. С. 321–329.

Сегедин Р.А. Древние могильники, обнаруженные в северной части Актюбинской области в 1976-1977 гг. Рукопись. 1977 // Архив ИА КН МОН РК. № 1534.

Сорокин В.С. Археологические памятники Актюбинской области Казахской ССР по материалам Западно-Казахстанского отряда археологической экспедиции ИИМК АН СССР на целинные земли 1955 г. Отчет // Фонды АОИКМ. КП 9354–9355.

Ткачев В.В. Отчет об археологических раскопках в Актюбинской области летом-осенью 1993 г. // Фонды АОИКМ. Б/н.

Ткачев В.В. Горно-металлургические комплексы в системе археометаллургической таксономии // Вестник ЧелГУ. История. 2009. Вып. 38. № 41 (179). С. 5–7.

Ткачев В.В., Байтлеу Д.А., Носкевич В.В., Юминов А.М., Бебнев А.С., Вдовин А.Г., Анкушев М.Н., Жалмагамбетов Ж.М. Междисциплинарные исследования древнего рудника Шаншар на севере Мугалжарского горнометаллургического центра эпохи поздней бронзы // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана, 2013. Т. 2. С. 264–288.

Ткачев В.В., Богданов С.В. Назначение шахтных печей Западноазиатской металлургической провинции // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 41-54.

Ermolaeva A., Kurmankulov J., Erjanova A., Rusanov I. Die Siedlung Taldysaj – Ein Denkmal der technischen Kultur der alten Stamme der Region Zezkazgan-Ulytay (Zentral Kazakhstan) // Unbekanntes Kazachstan. Archäologieim Herzen Asiens. Bochum, 2013. S. 441–454.

REFERENCES

Baitileu, D. A., Kalieva, Z. S. 2020. In: Urazova, A. B. (ed.) *Kadyrbayevskie chteniya–2020 (Kadyrbayev Readings–2020)*. Aktobe*:* Aktobe regional museum of local history, 7–22 (in Russian).

Baitileu, D. A., Kalieva, Z. S., Iskakov, A. S. 2021. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan readings–2021)*. In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 198–206 (in Russian).

Baitileu, D. A., Shagirbayev, M. S. 2021. In: *Kazakstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (12), 141–151 (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2003. In: *Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoy Evrazii. Drevnie epokhi (Steppe Civilization of Eastern Eurasia. Ancient Times)*. Astana, 125–145 (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2013. In: *Arheologicheskie issledovaniya stepnoy Evrazii. Sbornik statey (Archaeological research of the Eurasian steppe. Collection of articles)*. Karaganda, 96–102 (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2022. In: *Kazakstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (18), 58–72 (in Russian).

Ermolaeva, A. S. 2017. In: *Mir Bolshogo Altaya (World of the Great Altai)*, 3 (4), 481–493 (in Russian).

Ermolaeva, A. S., Kuzminykh, S. V., Ankushev, M. N., Dubyagina, E. V. 2019. In: *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kulturnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of connections and interactions in the Eurasian cultural space (new data and concepts))*, II. St. Petersburg: “Neva” Publ., 92–95 (in Russian).

Ermolaeva, A. S., Rusanov, I. A. 2016. In: *Kulturnoe nasledie (Cultural heritage)*, 5 (68), 82–87 (in Russian).

Ermolaeva, A. S., Rusanov, I. A. 2022. *Eksperimentalnoe modelirovanie metallurgicheskih pechey poseleniya Taldysay (Experimental modeling of metallurgical furnaces of the Taldysay settlement)*, IV. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Z. 1992. *Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki (Culture of ancient pastoralists and metallurgists of Sary-Arka)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Rusanov, I. A., Ermolaeva, A. S. 2011. In: Baitanayev, B. A., Beisenov, A. Z. (eds.). *Arheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects)*. In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 321–329 (in Russian).

Segedin, R. A. 1977. In: Scientific archive Margulan Institute of Archaeology. D. 1534 (in Russian).

Sorokin, B. S. 1955. In: Fondy AOIKM (Funds of the Aktobe regional museum of local history). KP 9354–9355 (in Russian).

Tkachev, V. V. 1993. In: Fondy AOIKM (Funds of the Aktobe regional museum of local history). No number (in Russian).

Tkachev, V. V. 2009. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University)*, 41 (179), 5–7 (in Russian).

Tkachev, V. V., Baitileu, D. A., Noskevich, V. V., Yuminov, A. M., Bebnev, A. S., Vdovin, A. G., Ankushev, M. N., Zhalmagambetov, Z. M. 2013. In: *Trudy filiala Instituta arheologii im. A.K. Margulana v g. Astana (Proceedings of Margulan Institute of Archaeology branch in Astana)*, 2, 264–288 (in Russian).

Tkachev, V. V., Bogdanov, S. V. 2022. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Bulletin)*, 4 (77), 41-54 (in Russian).

Ermolaeva, A., Kurmankulov, Z., Erjanova, A., Rusanov, I. 2013. In: *Unbekanntes Kazachstan. Archaologie im Herzen Asiens*. Bochum, 441–454 (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 14.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

A. Goryachev,
V. Saraev,
T. Egorova

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.70.77

Alexander Goryachev[1], aga.2805@mail.ru,
Vladimir Saraev[1], saraev.53@mail.ru,
Tatyana Egorova[1], ega.0108@mail.ru
[1]Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Researches of paleometal archaeological sites in the Almaty region in 2022*

Research of the Kargaly scientific detachment in 2022 in the Zhambyl district of Almaty region was carried out near the northern slopes of Ile Alatau on the territory of the Kargaly, Kastek and Degere historical and geographical microdistricts. As a result of reconnaissance, about 50 archaeological sites of the Paleometal era were noted – settlements, burial grounds and sacred complexes. Specialized studies of a new type of archaeological monuments – stones with cup-shaped holes have been carried out. Three complexes with "fields" of cup stones have been identified in the valley of the Uzyn-Kargaly, Kastek and Shien rivers. Along their perimeter, a series of burial grounds of the Paleometal era and the Early Iron Age and objects of cult and ritual purpose are recorded. The general physical and geographical characteristics of the region have been compiled and materials characterizing the living conditions and economic activity of the population of the Paleometal epoch have been obtained. The conditions and resources for the development of nomadic, semi-nomadic cattle breeding, irrigated agriculture and the development of crafts have been clarified.

Keywords: Ile Alatau, Bronze Age, settlement, burial ground, stone with a cup-shaped hole

Александр Анатольевич Горячев[1],
Владимир Васильевич Сараев[1],
Татьяна Александровна Егорова[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Алматы облысындағы палеометалл дәуірі археологиялық ескерткіштерін 2022 жылғы зерттеу

Алматы облысы, Жамбыл ауданындағы 2022 жылғы Қарғалы ғылыми отрядының археологиялық зерттеулері Іле Алатауының солтүстік беткейлерінде Қарғалы, Қастек және Дегерес тарихи-географиялық шағын аудандарының аумағында жүргізілді. Барлау нәтижесінде палеометалл дәуіріне жататын 50-ге жуық археологиялық нысандар – қоныстар, қорымдар мен қасиетті кешендер есепке алынды. Археологиялық ескерткіштердің жаңа түрі – тостаған тәрізді қуысы бар тастарға мамандандырылған зерттеулер жүргізілді. Ұзынқарғалы, Қастек және Шиен өзендерінің аңғарында тостаған тастарының «алқабы» бар үш кешен анықталды. Осы кешендердің периметрі бойынша палеометалл дәуірі мен ерте темір дәуіріндегі қорымдар мен діни-салттық мақсаттағы нысандар тіркелді. Аймақтың жалпы физикалық-географиялық сипаттамасы жасалды және палеометалл дәуіріндегі тұрғындардың өмір сүру жағдайлары мен шаруашылық қызметін сипаттайтын материалдарға қол жетті. Отарлы, жартылай көшпелі мал шаруашылығы, ирригациялық егіншілікті және қолөнерді дамытуға қажетті жағдайлар мен ресурстар нақтыланды.

Түйін сөздер: Іле Алатауы, қола дәуірі, қоныс, қорым, тостаған тәрізді қуысы бар тас

© A. Goryachev A., Saraev V., Egorova T.
**The work was carried out as part of the implementation of the tasks of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.*

Александр Анатольевич Горячев[1],
Владимир Васильевич Сараев[1],
Татьяна Александровна Егорова[1]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

Исследования археологических памятников эпохи палеометалла в Алматинской области в 2022 году

Исследования Каргалинского научного отряда 2022 года в Жамбылском районе Алматинской области проводились у северных склонов Илейского Алатау на территории Каргалинского, Кастекского и Дегереского историко-географических микрорайонов. В результате разведки отмечено около 50 археологических объектов эпохи палеометалла – поселений, могильников и сакральных комплексов. Проведены специализированные исследования нового типа археологических памятников – камней с чашевидными лунками. Выделены три комплекса с «полями» чашечных камней в долине рек Узын-Каргалы, Кастек и Шиен. По их периметру фиксируются серии могильников эпохи палеометалла и раннего железного века и объекты культово-ритуального назначения. Составлена общая физико-географическая характеристика региона и получены материалы, характеризующие условия проживания и хозяйственной деятельности населения эпохи палеометалла. Выяснены условия и ресурсы для развития отгонного, полукочевого скотоводства, ирригационного земледелия и развития ремесел.

Ключевые слова: Иле Алатау, эпоха бронзы, поселение, могильник, камень с чашевидной лункой

In June–September 2022, research was conducted by the Kargaly Scientific detachment as part of the Almaty Exploration Archaeological Expedition, whose main task was to document, map and systematize materials from ancient settlements, burial grounds and petroglyphs near the northern slopes of the western end of the Ile Alatau Ridge. About 50 new archaeological sites were recorded on the territory of Zhambyl district of Almaty region. The purpose of these works is to analyze the economic and cultural development of the population of the Zhetysu paleometal epoch and, in particular, the foothill zone of the northern slopes of the Ile Alatau.

The main method by which the monuments of the Bronze Age were discovered and the living conditions and economic activities of the population of the region were clarified was the archaeological exploration of traces of ancient residential and burial structures and surface finds. The work on the identification of monuments was carried out on the basis of visual detection of human labor activity signs in the historical past (traces of dwellings of ancient farmers, ditches and channels, barrows), fragments of ceramics and other surface finds. Cultural and typological attribution of objects was carried out based on the nature of the design features of the monuments, the items and ceramic material found on their territory. In the course of the work, mapping of individual microdistricts of the northern slopes of the Ile Alatau was carried out on the basis of GIS technologies, followed by the inclusion of materials in the general archaeological map of the Zhetysu paleometal epoch (Fig. 1). Analytical data were obtained as a result of systematization of geographical information and previously conducted geomorphological studies on the northern slopes of the Ile Alatau [Chupakhin 1987: 125–138; Aubekerov et al. 2009; National Atlas of the Republic of Kazakhstan... 2010].

The materials of the archaeological surveys of 2022 made it possible to determine the content and structure of paleometal era monuments near the northern slopes of the Ile Alatau. It turned out that they are usually recorded as part of complexes consisting of a settlement, a burial ground, and one of the types of sacred objects (petroglyphs or stones with cup mark). In the high-altitude zone of the eastern part of the ridge in the Turgen Gorge, a Bronze Age temple complex was excavated near the settlement, where the remains of the deceased were cremated before burial [Goryachev 2020: 135–138]. The settlements are located on high above-floodplain terraces of loess deposits and consist of a series (from 4-5 to 10–12) of farmsteads, which are stretched in a line along the bank of a river or stream (Fig. 2).

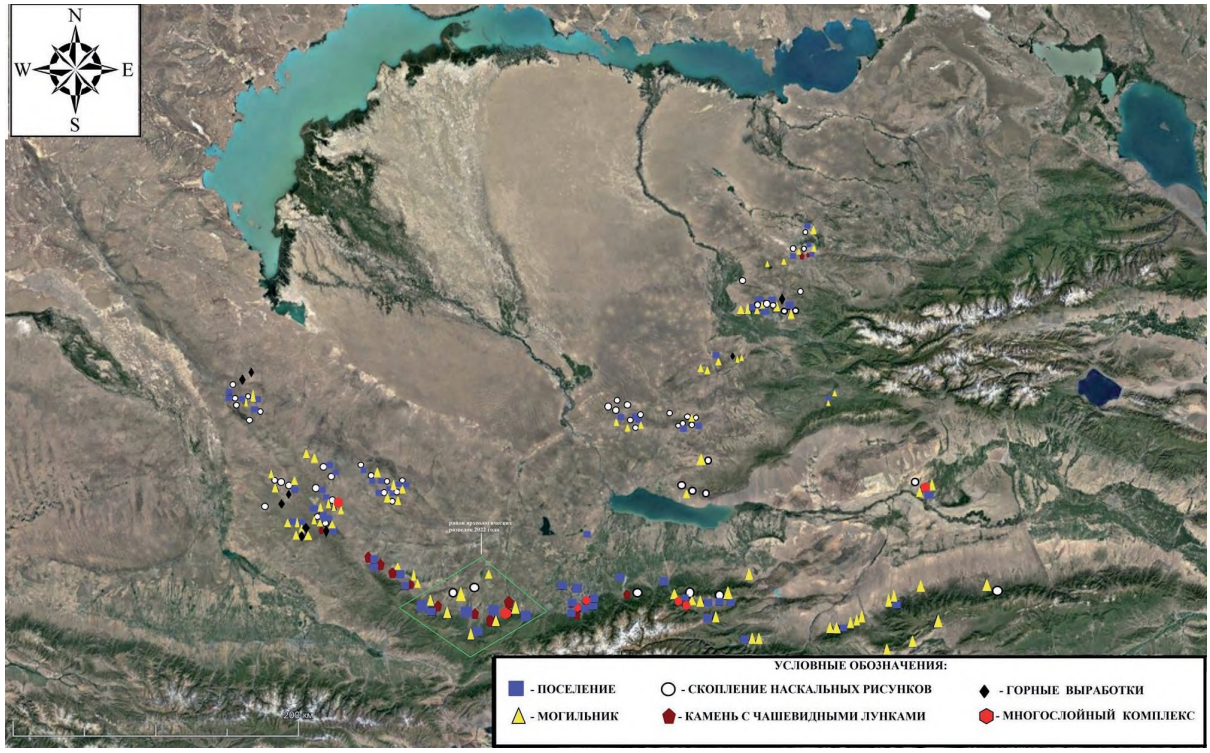

Fig. 1. Archaeological sites of the Bronze Age on the northern slopes of the Ile Alatau ridge
1-сур. Іле Алатау жотасының солтүстік беткейлеріндегі қола дәуірі археологиялық ескерткіштері
Рис. 1. Археологические памятники эпохи бронзы на северных склонах хребта Иле Алатау

Between settlements and burial grounds, a streambed or spring source, or a low hill, is typically documented. The burial grounds of the Bronze Age in this part of the foothill zone of the western part of the Ile Alatau are fixed to the west or north of settlements within 1-2 km downstream of the same water sources (Fig. 3). The choice of the site's place was determined by the presence of a flat platform at the summit or saddle of the hillock, or on the foothill base. The burial structures are represented by chains of stone fences and barrows with stone boxes or cists, less commonly by soil pits inside.

Such complexes are recorded almost at the exit from each gorge at the northern slopes of the Ile Alatau of the Kargaly, Kastek and Degeres historical and geographical microdistricts. During reconnaissance, they are noted at the mouths and exits of the Kainar, Maybulak, Yntymak, Kyzylauyz, Kastek, Karasai and Besmoinak gorges, as well as near Kogamshil, Sunkar, Beriktas and Degeres villages. New settlements and burial grounds of the Bronze Age were found in the high-altitude area of the Kastek gorge in the Saryzhazyk valley. In the studied interval of the piedmont zone of the northern slopes of the Ile-Alatau, in mountain gorges where there are convenient platforms of cone ejections from the lateral sais and in their upper reaches near numerous springs and streams, ancient wintering sites of cattle breeders, including those of this time, are noted.

The recorded complexes of the Bronze Age consisting of settlements and burial grounds in the foothill zone are linked locally to a system of irrigation structures (channels, ditches, water intakes and aqueducts) which are universally found along the northern slopes of the Ile Alatau [Saraev 2007]. The settlements of Kainar I, Maybulak II, Yntymak I and II, Kyzylauyz I, Kogamshil, Sunkar and Besmoinak I belong to those among the monuments of the Bronze Age. Research has shown that during periods when specialized technical devices and instruments did not exist, inhabitants of the Bronze Age had the capabilities to create and develop irrigation systems for agriculture in this region [Saraev 2021].

Based on the artifacts discovered at the new settlements and burial sites, the majority of them in the piedmont zone of the Ile Alatau are attributed to the

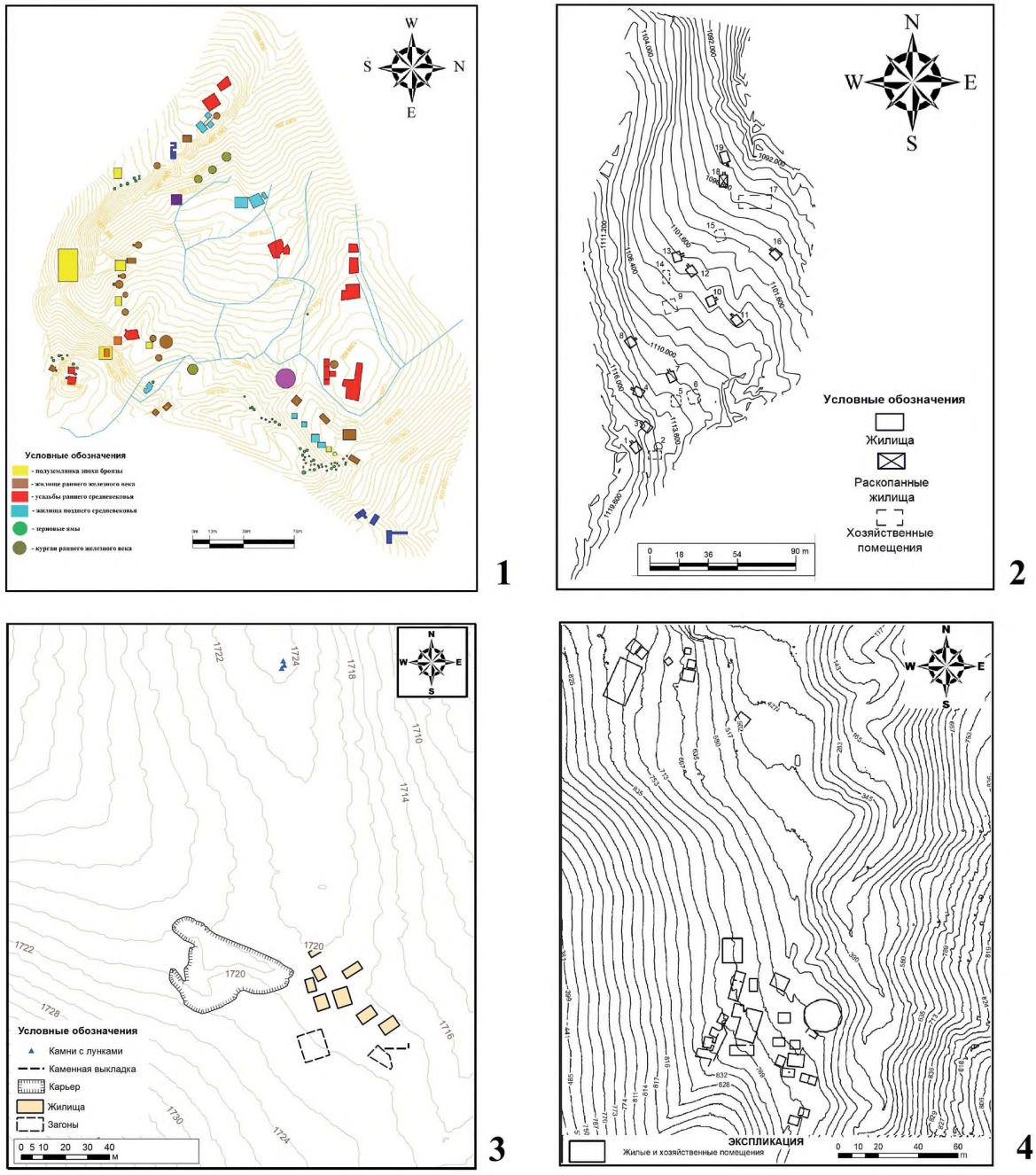

Fig. 2. Topographic plans of Bronze Age settlements on the northern slopes of the Ile Alatau:
1 – Kogamshil-I; 2 – Kainar-I; 3 – Besmoinak-I; Yntymak-I

2-сур. Іле Алатауының солтүстік беткейлеріндегі қола дәуірі қоныстарының топографиялық жоспарлары:
1 – Қоғамшыл I; 2 – Қайнар I; 3 – Бесмойнақ I; Ынтымақ I

Рис. 2. Топографические планы поселений эпохи бронзы у северных склонов Иле Алатау:
1 – Когамшил-I; 2 – Кайнар-I; 3 – Бесмойнак-I; 4 – Ынтымак-I

1

2

3

Fig. 3. Bronze Age burial grounds near the northern slopes of the Ile Alatau:
1 – Kargaly-I, view to the north; 2 – Yntymak-II, view to the east;
3 – Karaarsha-I, view to the northeast

3-сур. Іле Алатауының солтүстік беткейлеріндегі қола дәуірі қорымдары:
1 – Қарғалы I, солтүстікке қараған көрінісі; 2 – Ынтымақ II, шығысқа қараған көрінісі; 3 – Қарааршa I, солтүстік-шығысқа қараған көрінісі

Рис. 3. Могильники эпохи бронзы у северных склонов Иле Алатау:
1 – Каргалы-I, вид на север; 2 – Ынтымак-II, вид на восток;
3 – Карааршa-I, вид на северо-восток

Andronovo period and the cultural community of roller ceramics from the Paleometal era. The active interaction of the population of the northern slopes of the Ile Alatau with the tribes of the Andronovo circle occurs in the early–middle of the 2nd millennium BC [Maryashev, Goryachev 1993; Goryachev, Motov 2018: 44–46; Goryachev 2020: 159-160]. The settlements of Kainar I, Maybulak II, Kyzylauyz I, Besmoinak I and a number of others in the foothill and mountainous zone of the Ile Alatau belong to this time. Late Bronze materials among the studied monuments were found in the complexes Yntymak I, II, Kyzylauyz II and Saryzhazyk I, II. The basis for such dating was the materials of the studied settlements and burial grounds in the upper reaches of the Turgen Gorge, on the Assy plateau and in the Butakovka gorge [Maryashev, Goryachev 2001; Goryachev 2012].

Moreover, the settlements of Kainar I, Maybulak II, Kogamshil I and Yntymak I probably existed during both stages of the Bronze Age. As it turned out during the research, the Bronze Age population of different ecological niches of the mountainous zone and the foothill strip had close relationships with each other. On the foothill plains of the region, residents developed the territory of the plains at a distance of 20–30 km from the mountains. Settlements were established at the foot of the mountains, or in the valleys of rivers and streams in areas with a southern exposure.

Traditionally, near settlements at the mouths of mountain gorges, Bronze Age petroglyphs are found here, which sometimes is indirect evidence of the presence of layers of this period on them. However, unlike the steppe regions of the Shu-Ile interfluve in this region, they are significantly fewer in number, and they are poorer in plots, with the exception of the Basbatyr and Akterek complexes [Zheleznyakov, Hermann 2014; Zheleznyakov et al. 2017]. They are located in the western spurs of the ridge in the natural and geographical conditions of the steppe zone, and contain several hundred images. Despite the small number, the rocks feature drawings

were made with high artistic proficiency and share a common narrative imbued with a specific semantic field [Saraev 2017]. In the studied region, such petroglyphs were found in the gorges of Uzyn-Kargaly, Maybulak and on cattle tracks in the Degeres Mountains.

Characteristic of Paleometallic settlements on the northern slopes of the western part of the Ile Alatau is the presence of stones with cup marks near the village. The ancient inhabitants of the region used large boulders carried out by mudflows, or stones that broke off from rock blocks and ended up near an ancient village. A space was arranged along their perimeter (Fig. 4, *1*). From 3–5 to several dozen or even more than a hundred holes were marked on the stones, some of them connected by specially rubbed grooves (Fig. 4, *2*). Similar stones were found near the settlements of Kogamshil, Sunkar and Besmoinak. In the area of the Kargaly, Kastek and Shien gorges, in the lower part of the foothill soles near ancient water distribution systems, there are entire "fields" of stones with cup marks (Fig. 4, *3*).

Thus, stones with cup-shaped depressions, which are considered sacred objects, are found both within the territory of individual settlements ("domestic sanctuaries") and in the form of large clusters of such objects in the area of the most concentrated ancient population of the region ("field" of cup marks stones). This allows us to consider them a common form of ritual practice. The conditions and circumstances under which they are found near ancient settlements allow us to consider such structures around natural stones as peculiar temples designed to facilitate the conduct of rituals and rites associated with the cult of ancestral spirits among the ancient population.

Research in 2022 showed that the natural and geographical situation and climatic conditions near the northern slopes of the western part of the Ile Alatau contributed to the emergence and long-term functioning of a peculiar structure of life support for the population of the paleometal epoch. According to research, farmers lived here on the foothill plains. The large settlements at the exit of the mountain gorges were handicraft and agricultural centers, where the population of the valley of the mountain river made up their district. The water basins of the Uzyn-Kargaly and Kastek rivers, as well as a kind of microdistrict between the northern slopes of the main ridge and the Degeres mountain range, become such in this territory.

The area of preferential cattle breeding development is becoming the territory from the mouths

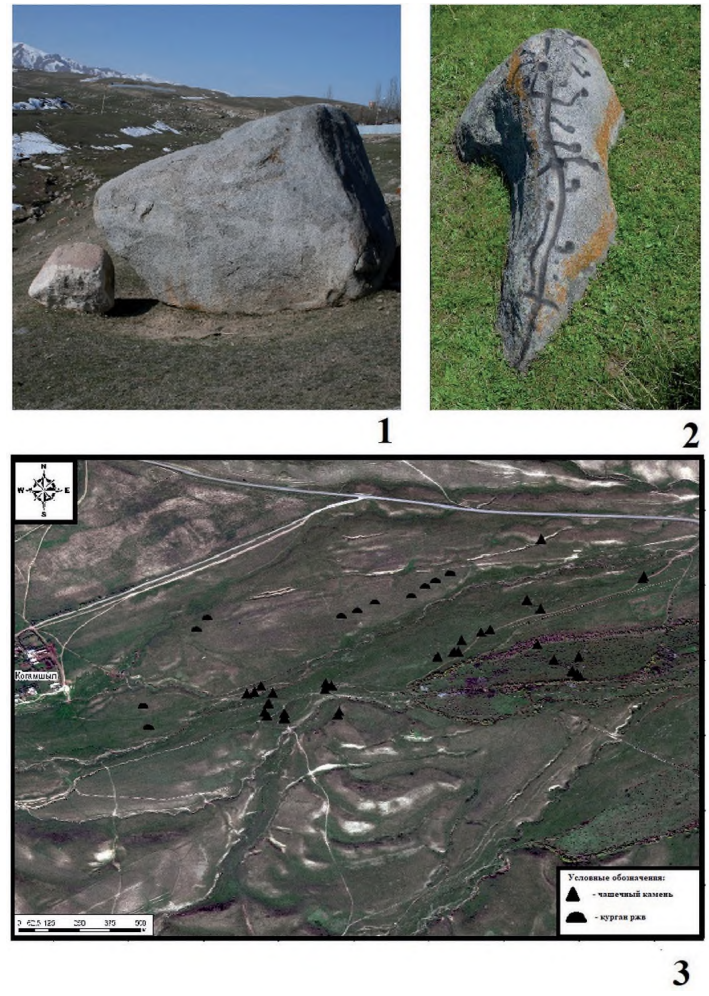

Fig. 4. Stones with cup mark at the northern slopes of the Ile Alatau:
1 – a stone on the eastern outskirts of Kogamshil village;
2 – stone on the left bank of the Shien River;
3 – the «area» of stones with cup mark in the Shien River Valley

4-сур. Іле Алатауының солтүстік беткейлеріндегі тостаған тастар:
1 – Қоғамшыл ауылының шығыс шетіндегі тас;
2 – Шиен өзенінің сол жағалауындағы тас;
3 – Шиен өзенінің аңғарындағы тостаған тастар «алқабы»

Рис. 4. Чашечные камни у северных склонов Иле Алатау:
1 – камень на восточной окраине аула Когамшил;
2 – камень по левому берегу реки Шиен;
3 – «поле» чашечных камней в долине реки Шиен

of mountain gorges to high-altitude plateaus in the area of alpine meadows. The economic structure and natural resources of the region made it possible to successfully develop crafts and home crafts. Data on the presence of an irrigation farming system in the foothill zone in the Bronze Age, a high level of handicraft production and the structural division of territories into zones of predominantly land use by pastoralists and farmers suggest a more complex and diverse ethnocultural and social structure than previously imagined. The materials and previously studied monuments of the region trace the household and cultural traditions of the tribes of the Paleometal epoch, which were spread from Siberia to the Southern Trans-Urals and from Central Kazakhstan to Middle Asia. Further study of the economic structure of the Paleometal era population near the northern slopes of the Ile Alatau is becoming extremely relevant, since in the future it will also highlight the issues of socio-economic development of the entire region.

ӘДЕБИЕТ

Аубекеров Б., Сала Р., Нигматова С., Деом Ж.М. Климат, ландшафты и исторические события эпохи номадов на территории Казахстана (зарождение, расцвет и затухание номадизма) //Научные чтения памяти Н.Э. Масанова / Сб. матер. науч.-практ. конф. Алматы: «Дайк Прес», 2009. С. 48–58.

Горячев А.А. К вопросу о ранней истории Алматы (по материалам археологического комплекса Бутакты-I) // Алматы история тысячелетий материалы международной научно-практической конференции «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст Алматы» (17–18 ноября, 2011г.) Алматы, 2012. Вып. 3. С. 169–182.

Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.

Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты-I. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.

Железняков Б.А., Херманн Л. Петроглифы Басбатыра // NOMAD Kazakhstan. 2014. № 1–2. С. 144–153.

Железняков Б.А., Садуакасулы А., Херманн Л. Петроглифы Актерека // Материалы международной научно-методической конференции «IX Оразбаевские чтения» по теме: «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран» – 28 – 29 апреля 2017г. Алматы: Қазақ университеті, 2017. Т.1. С.45–51.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–19.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы: «ТОО XXI век», 2001. С. 112–123.

Национальный атлас Республики Казахстан. Том 1: Природные условия и ресурсы / Под ред. акад. А.Р. Медеу. Алматы, 2010. 150 с.

Сараев В.В. Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (к вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // История и археология Семиречья. Вып.3. Алматы: Фонд «Родничок», 2007. С. 120–128.

Сараев В.В. К вопросу о функциональном назначении чашечных камней Жетысу // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 116–124.

Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Выпуск 5. Алматы, 2017. С. 69–90.

Сараев В.В. К вопросу о способе трассировки акведуков в древности и средневековье на территории Жетысу // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 3. С. 116–124.

Чупахин В.М. Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1987. 256

REFERENCES

Aubekerov, B., Sala, R., Nigmatova, S., Deom, J.-M. 2009. In: *Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova (Scientific readings in memory of N.E. Masanov)*. Almaty: "Dayk Press" Publ., 48–58 (in Russian).

Goryachev, A. A. 2012. In: *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Evrazii: vozniknovenie, razvitie i vozrast Almaty (Ancient and medieval urbanization of Eurasia: emergence, development, and age of Almaty).* Vol. 3. Almaty, 169–182 (in Russian).

Goryachev, A. A. 2020. *Drevniy arheologicheskiy kompleks verhoviev uschelya Kishi-Turgen (Ancient archaeological complex of the upper reaches of the Kishi-Turgen gorge)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Goryachev, A. A., Motov, Y. A. 2018. *Arheologicheskiy kompleks Butakty-I (Archaeological complex Butakty-I)*. Almaty: "KazBookTrade" Publ. (in Russian).

Zheleznyakov, B. A., Hermann, L. 2014. In: *NOMADKazakhstan*, 1–2, 144–153 (in Russian).

Zheleznyakov, B. A., Saduakasuly, A., Hermann, L. 2017. In: *IX Orazbayevskie chteniya (9th Orazbayev readings).* Vol. 1. Almaty: "Kazakh University" Publ., 45–51 (in Russian).

Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1993. In: *Rossiyskaya Archeologiya (Russian Archaeology)*, 1, 5–19 (in Russian).

Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2001. In: Maryashev, A. N., Motov, Y. A. (eds.). *Istoriya i arheologiya Semirechya (History and archaeology of Semirechye),* 1. Almaty: "XXI vek" Publ., 112–123 (in Russian).

Medeu, A. R. (ed.). 2010. *Natsionalnyi atlas Respubliki Kazakhstan. Tom 1: Prirodnye usloviya i resursy (National Atlas of the Republic of Kazakhstan. Vol. 1: Natural conditions and resources).* Almaty (in Russian).

Saraev, V. V. 2007. In: Maryashev, A. N., Motov, Y. A. (eds.). *Istoriya i arkheologiya Semirechya (History and archaeology of Semirechye)*, 3. Almaty: Fond "Rodnichok" Publ., 120–128 (in Russian).

Saraev, V. V. 2016. In: Onggaruly, A. (ed.). *Religiya i sistema mirovozzreniy drevnih i srednevekovyh nomadov Evrazii (Religion and worldview system of ancient and medieval nomads of Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 116–124 (in Russian).

Saraev, V. V. 2017. In: Egorova, T. A. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Semirechya (History and archaeology of Semirechye),* 5. Almaty, 69–90 (in Russian).

Saraev, V. V. 2021. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan readings–2021)*. In 3 vol. Vol. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 116-124 (in Russian).

Chupakhin, V. M. 1987. *Vysotno-zonalnye geosistemy Sredney Azii i Kazakhstana (Altitudinal-zonal geosystems of Central Asia and Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 23.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

А.В. Логвин
И.В. Шевнина
Т.Н. Лошакова

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.78.87

Андрей Викторович Логвин[1], logvin_a@mail.ru,
Ирина Викторовна Шевнина[1], shevnina_i@mail.ru,
Татьяна Николаевна Лошакова[2], loshakovat@mail.ru
[1] Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан;
[2] Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

Исследования укрепленного поселения эпохи бронзы Камысты (предварительное сообщение)

В статье представлены предварительные результаты начального этапа археологических исследований на укрепленном поселении эпохи бронзы Камысты (Первомайское), расположенном в Денисовском районе Костанайской области. В разведочном раскопе, заложенном на памятнике в 2021 г., было обнаружено погребение младенца, сопровождающееся сосудом петровского типа. В результате полевых исследований в 2022 г. была изучена часть жилищной конструкции, включающей в себя колодец. На площади раскопа и по периметру жилища зафиксированы столбовые ямки и другие конструкционные элементы. Получена коллекция находок, насчитывающая более 3000 экз., керамику, орудия из камня и кости, бронзовые изделия, шлаки, кости животных и т.д. Предварительный анализ полученной коллекции позволяет датировать поселение синташтинско-петровским временем.

Ключевые слова: Тургайский прогиб, укрепленное поселение, синташтинско-петровское время, жилище, керамика

Андрей Викторович Логвин[1],
Ирина Викторовна Шевнина[1],
Татьяна Николаевна Лошакова[2]
[1]А. Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университеті,
Қостанай қ., Қазақстан;
[2]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Қола дәуірінің Қамысты бекіністі қонысын зерттеу (алдын ала хабарлама)

Мақалада Қостанай облысының Денисов ауданында орналасқан Қамысты (Первомай) қола дәуірінің бекіністі қонысындағы археологиялық зерттеулердің бастапқы кезеңінің алғашқы нәтижелері берілген. 2021 жылы ескерткіште жүргізілген барлау қазбада петров типті ыдыспен бірге нәрестенің жерленуі табылды. 2022 жылғы

© 2023 г. Логвин А.В., Шевнина И.В., Лошакова Т.Н.

далалық зерттеулер нәтижесінде тұрғын үй құрылысының құдық орналасқан бөлігі зерттелді. Қазба алаңында және тұрғын үйдің периметрі бойынша бағаналы шұңқырлар мен басқа да құрылымдық элементтер тіркелді. Керамикадан, тастан және сүйектен жасалған құралдар, қола бұйымдар, қождар, мал сүйектері және т.б. 3000-нан астам данадан тұратын олжалар жинағы алынды. Алынған коллекцияны алдын-ала талдау қоныстың синташты-петров уақытымен кезеңдеуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Торғай ойпаты, бекіністі қоныс, синташты-петров уақыты, тұрғынжай, керамика

Andrey Logvin[1],
Irina Shevnina[1],
Tatyana Loshakova[2]
[1] Kostanay Regional University named after A. Baitursynov,
[2] Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Exploration of the fortified settlement of the Bronze Age Kamysty (preliminary report)

The article presents preliminary results of the initial stage of archaeological research at the fortified settlement of the Bronze Age Kamysty (Pervomayskoye), located in the Denisovsky district of Kostanay region. In an exploratory excavation laid on the monument in 2021, the burial of a baby was discovered, accompanied by a vessel of the Petrovka type. As a result of field research in 2022, a part of the housing structure, including a well, was studied. Pillar pits and other structural elements are fixed on the excavation area and along the perimeter of the dwelling. A collection of finds, numbering more than 3,000 copies, ceramics, stone and bone tools, bronze products, slag, animal bones, etc. was obtained. A preliminary analysis of the resulting collection allows us to date the settlement to the Sintashta-Petrovka time.

Keywords: Turgai trough, fortified settlement, Sintashta-Petrovka times, dwelling, ceramics

В полевом сезоне 2022 г. Тургайской археологической экспедицией (КРУ им. А. Байтурсынова) был проведен ряд археологических работ на территории Костанайской области, в том числе продолжены исследования у*крепленного поселения эпохи бронзы Камысты (Первомайское).*

Поселение расположено в Денисовском районе Костанайской области вблизи границы с Челябинской областью РФ, на левом берегу р. Камысты-Аят (рис. 1).

Памятник был обнаружен в 90-х годах XX века челябинскими археологами при изучении и дешифровки аэрофотоснимков 1954 г., ими было предположено три этапа заселения. Первые два этапа представлены укрепленными поселениями синташтинско-аркаимского времени круговой (овальной) и квадратной формы, третий – неукрепленным поселением с крупными жилищными впадинами которые располагаются поверх всех предыдущих. В 1996 году памятник обследован Г.Б. Здановичем и И.М. Батаниной, которые отметили сильное разрушение памятника вследствие современной хозяйственной деятельности [Зданович, Батанина 2007: 102–104].

После получения информации от челябинских коллег, археологи Тургайской археологической экспедиции, под руководством В.Н. Логвина выехали на место, где зафиксировали жилищные котлованы, тогда же была собрана с поверхности керамика эпохи бронзы, составлен ситуационный план. К этому времени поверхность памятника была в значительной степени нарушена в результате хозяйственного освоения, на части поселения располагались огороды, на другой части – навозные кучи [Логвин 1997].

Полевые исследования на поселении начались в 2021 г., первоначально была проведена аэрофотосъемка, составлен ортофотоплан, на его основе составлен актуальный план местности (рис. 2). К сожалению, схематичность дешифровки и отсутствие точных точек ее привязки к местности не позволяет достоверно соотнести данные дешифровки с полученным ортофотопланом, скорее их можно использовать только для общей информации.

Также в 2021 г. были проведены георадиолокационные исследования на трех участках. Многочисленные нарушения слоев грунта отмечены во всех полученных георадиолокационных профилях.

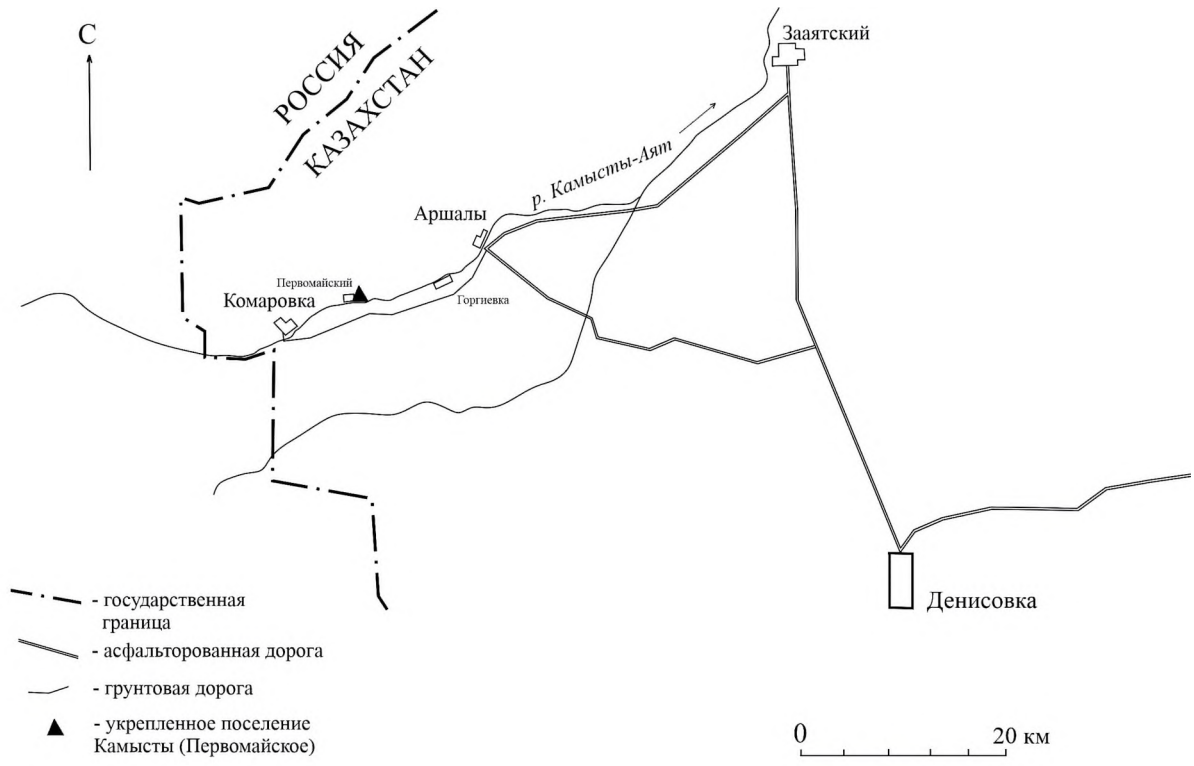

Рис. 1. Поселение Камысты. Схема расположения
1-сур. Қамысты қонысы. Орналасу схемасы
Fig. 1. Kamysty settlement. The layout

На двух профилях (участок 1, профиль 4 и участок 2, профиль 16), на глубине соответствующей 35 наносекундам, отмечены параболы, указывающие на наличие погребенного объекта (рис. 3, *1, 2*). Опираясь на полученные данные, на участке 1 был заложен разведочный раскоп, в котором помимо фрагментов керамики была обнаружена столбовая ямка диаметром 0,25 м, глубиной 0,55 м и погребение ребенка младенческого возраста (рис. 4, *1*). Захоронение было совершено в небольшой овальной яме размером 0,7х0,4 м, углубленной в материк на 0,2 м. Погребенный был уложен головой на северо-запад на левый бок в слабоскорченном положении, в головах погребенного был поставлен керамический сосуд петровского облика (рис. 4, *2*), других находок нет.

Летом 2022 года на наименее разрушенной части поселения, опираясь на георадиолокационные данные, а именно на наличие повторяющихся парабол в профиле (участок 2, профиль 16) (рис. 3, *2*), был заложен раскоп площадью 224 кв.м.

В северной части раскопа был зафиксирован котлован жилища, часть которого была исследована в полевом сезоне 2022 г (рис. 5). Котлован сооружения углублен в материк на 0,4 м, в заполнении найдено жженое дерево, скопления углей и пятна прокала. Среди находок в жилище зафиксированы: керамика, бронзовые, каменные и костяные изделия.

У северного края раскопа, в пределах жилищного котлована, был обнаружен колодец, видимо его наличие и отразилось повторяющимися параболами в георадиолокационном профиле. Первоначально он фиксировался как пятно неправильной формы, но с глубины 1,1 м приобрел округлую форму с небольшим прямоугольным выступом. Глубина исследованной части колодца 1,5 м, поскольку колодец, по всей видимости, имеет значительную глубину и часть его уходит в стенку раскопа он был законсервирован для последующего изучения. В заполнении колодца фиксируются линзы прокала и сажи. Среди находок в колодце отмечены керамика, угли и обломки терочников.

Кроме того в заполнении жилища и колодца фиксировались кости животных в большом количестве и камни разных пород, часто обожженные до изменения структуры породы.

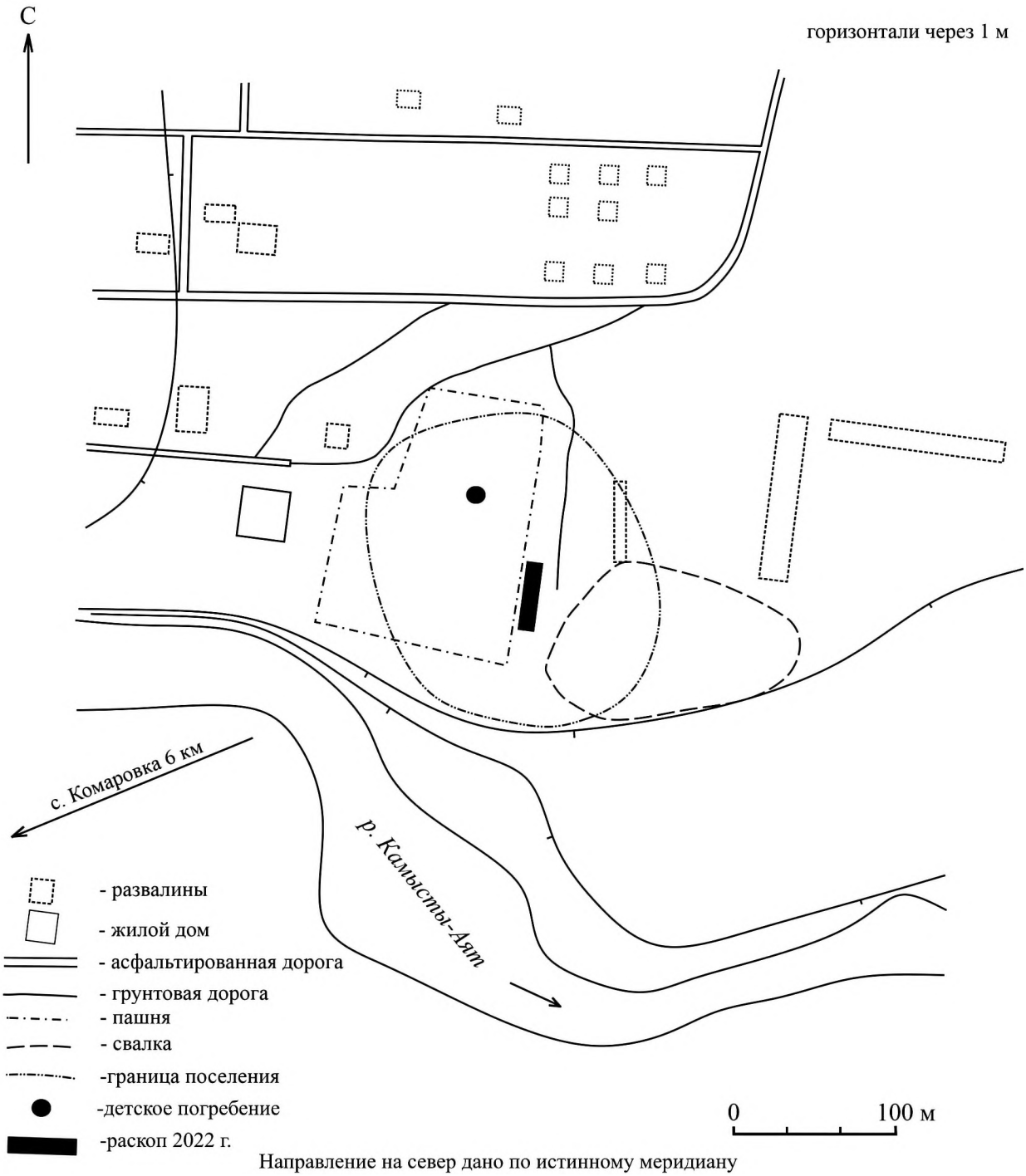

Рис. 2. Поселение Камысты. Ситуационный план
2-сур. Қамысты қонысы. Ситуациялық жоспар
Fig. 2. Kamysty settlement. The situational plan

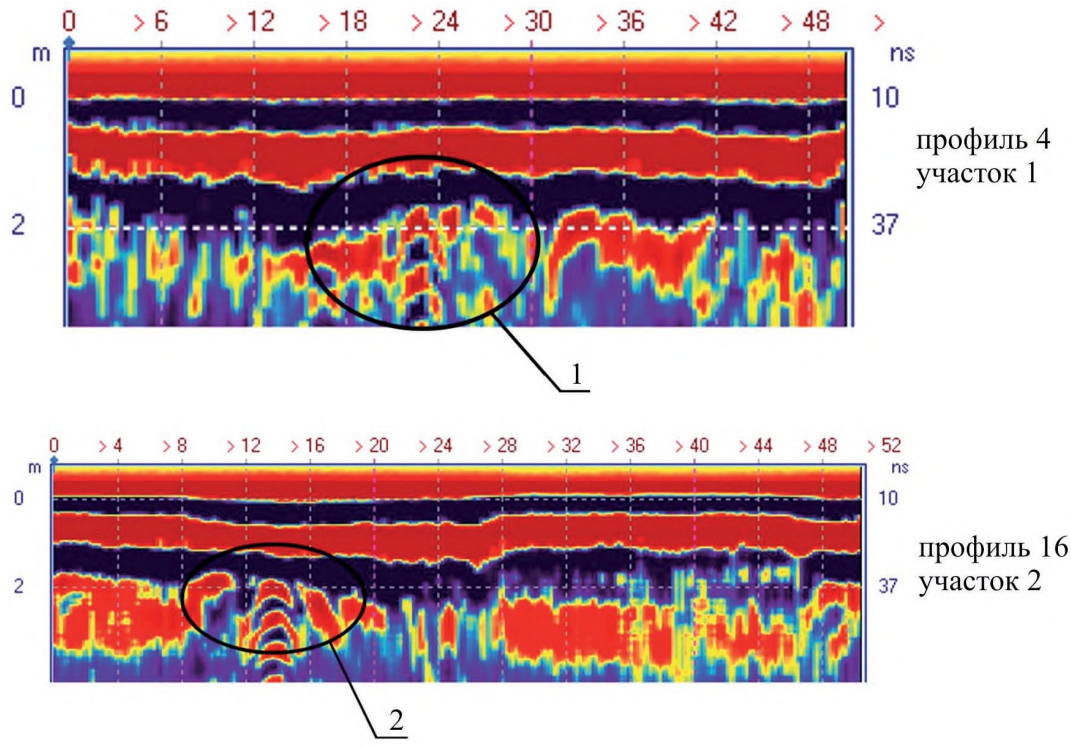

Рис. 3. Поселение Камысты. Георадиолокационные профили: 1 – параболы, соответствующие детскому погребению; 2 – параболы, соответствующие колодцу
3-сур. Қамысты қонысы. Георадиолокациялық профильдер: 1 – баланың жерлеу орнына сәйкес келетін параболалар; 2 – құдыққа сәйкес келетін параболалар
Fig. 3. The settlement of Kamysty. Geo-radar profiles: 1 – parabolas corresponding to child's burial; 2 – parabolas corresponding to well

К востоку жилища обнаружен участок ровика, уходящего в северную стенку раскопа и частично перекрытого жилищем, его ширина до 0,75 м, глубина 0,2 м. На дне рва зафиксированы три столбовые ямки, по всей видимости, столбы были врыты в дно ровика, или он сооружен после того, как столбы были извлечены. В заполнении рва была найдено несколько фрагментов синташтинской керамики, других находок нет.

В восточной части раскопа, обнаружены остатки конструкции углубленной в материк на 10–20 см, уходящей в восточную стенку раскопа. Находок в придонной части нет. На данном этапе исследований затруднительно определить его функционал, возможно, это легкая хозяйственная постройка.

На территории раскопа было зафиксировано 29 столбовых ям, диаметром от 0,15 до 0,3 см, глубиной от 0,1 до 0,25 см. В заполнении некоторых ямок было большое количество угольков. Часть столбовых ямок расположена по краю, жилища. В заполнении столбовых ямок найдена керамика, в том числе синташтинская и фрагмент бронзовой пластины.

Кроме того, по всей площади раскопа фиксировались кости животных и их скопления. Также отмечены скопления обломков камня, костяных орудий, углей, жженого дерева и один развал сосуда.

Южная часть раскопа, в виду сложной стратиграфической и планиграфической ситуации, была законсервирована, для дальнейшего изучения планируется расширение раскопа, чтоб получить более обширную информацию о характере обнаруженных конструкций.

Всего с раскопа получено более 3000 находок, не считая значительного количества костей животных. Большую часть находок составляет керамика. По наиболее ярким, классическим признакам были выделены группы керамики синташтинского (рис. 6, *1–10*) и петровского (рис. 6, *11–22*) типов. К синташтинской отнесены фрагменты верхних частей сосудов, имеющие внутреннее ребро, плавную профилировку, орнаментированные канелюрами, иногда налепными валиками и «шишечками». В петровскую группу включены фрагменты с воротничком на шейке, ребром в месте перехода плечика к тулову.

Рис. 4. Поселение Камысты. Детское погребение: 1 – общий вид; 2 – сосуд
4-сур. Қамысты қонысы. Баланың жерлеу орны: 1 – жалпы көрінісі, 2 – ыдыс
Fig. 4. Kamysty settlement. Child's burial: 1 – general view; 2 – vessel

Анализ взаиморасположения фрагментов обоих групп не позволил выделить какие-то особенности, они залегали совместно на всех глубинах от поверхности до материкового слоя, то же касается и планиграфических наблюдений, не удалось выделить какие-то участки, включая жилище, где преобладают фрагменты синташтинского или петровского облика. Основная масса керамики не имеет ярких признаков, позволяющих отнести их к той или иной группе, но по всей видимости, учитывая схожесть формовочных масс сосудов и орнаментации, вся керамика относится к синташтинско-петровскому этапу бронзового века. Каких либо фрагментов более ранних или более поздних периодов на территории раскопа не зафиксировано. Из керамических орудий стоит отметить пряслица (рис. 7, *1-2, 4*).

Следующая по численности категория находок – обломки камня и отщепы (кварцитопесчанник) располагалась по территории раскопа неравномерно, выделено несколько скоплений.

Среди каменных орудий терочники и их обломки, ретушеры имеющие характерные «звездчатые» забитости на торце (возможно молоточки), песты и их обломки (рис. 8, *1–5*), топор подпрямоугольной формы с симметричным лезвием, ударные орудия. Кроме этого найдены ножи, изготовленые на отщепах краевой ретушью, заготовки наконечников листовидной формы, скребок на небольшой пластине.

Костяные орудия представлены проколками (рис. 9, *3*), наконечниками стрел (рис. 9, *1-2*), тупиками и штампом.

Изделия из бронзы: две проколки (рис. 7, *3*), игла, бронзовая скрепка, несколько обломков бронзовых изделий. Также обнаружено более 80 кусочков шлака, некоторые с вкраплением окислившейся меди и обломок каменной формочки для литья.

Более подробное описание находок опубликовано в материалах конференции «Ахинжановские чтения – 2023» [Тупиков, Каримова, Нургалиева, Достиярова 2023: 202–205].

Таким образом, по итогам исследований в 2021-2022 гг. можно говорить о выявлении первых конструкций на поселении (погребение, жилище, ровик, столбовые ямы, хозяйственная постройка). Детское захоронение, по-видимому, не маркирует отдельный могильник, а представляет собой интрамуральное погребение, которые характерны для различных периодов и разных регионов, в том числе для синташтинских и петровских поселений [Виноградов, Берсенева 2013: 59–67].

Жилище, видимо подпрямоугольной формы, слегка углубленное в землю, более подробная ре-

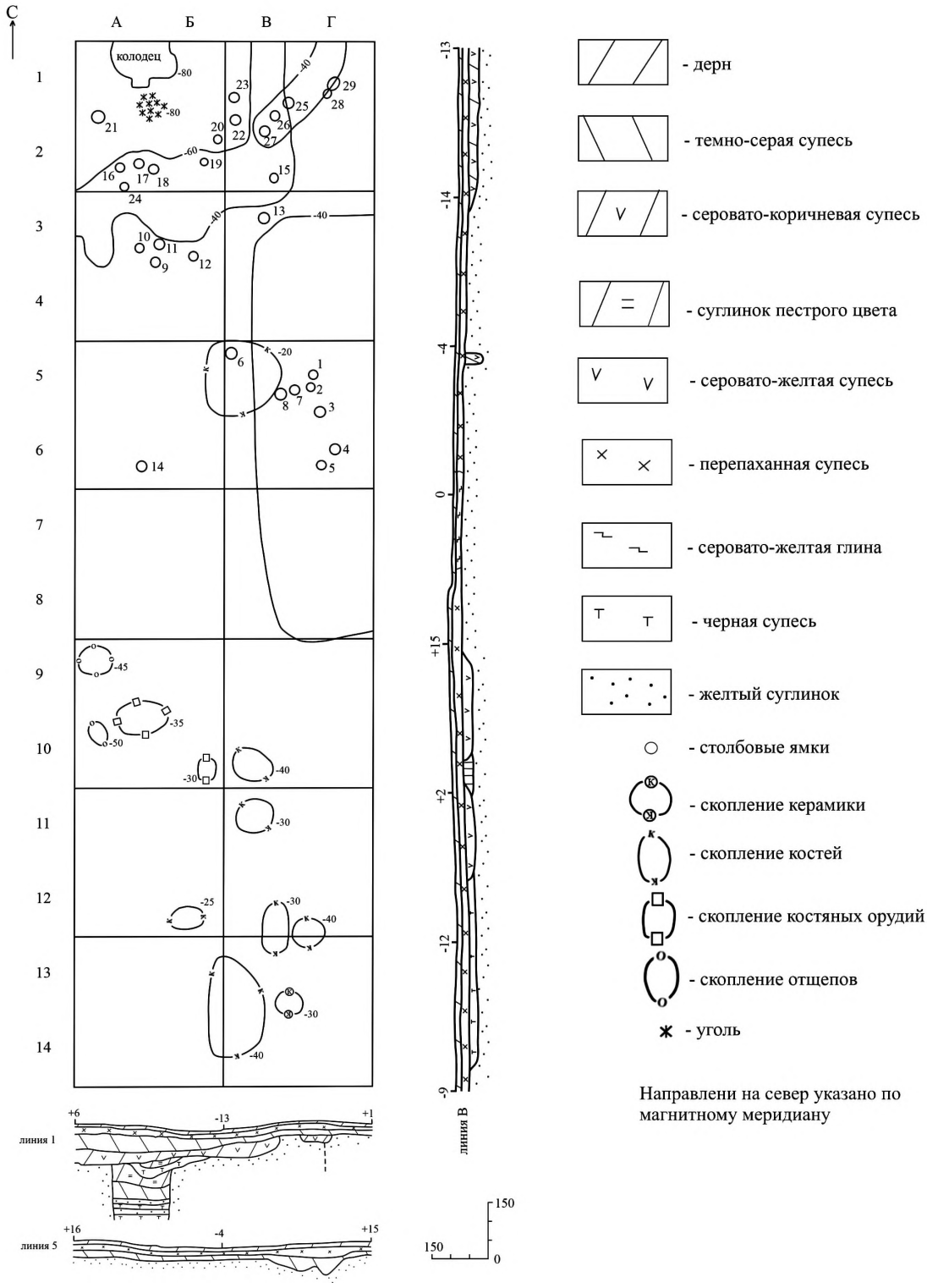

Рис. 5. Поселение Камысты. План раскопа 2022 г.
5-сур. Қамысты қонысы. 2022 жылғы қазба жұмысының жоспары
Fig. 5. Kamysty settlement. Excavation trench plan 2022

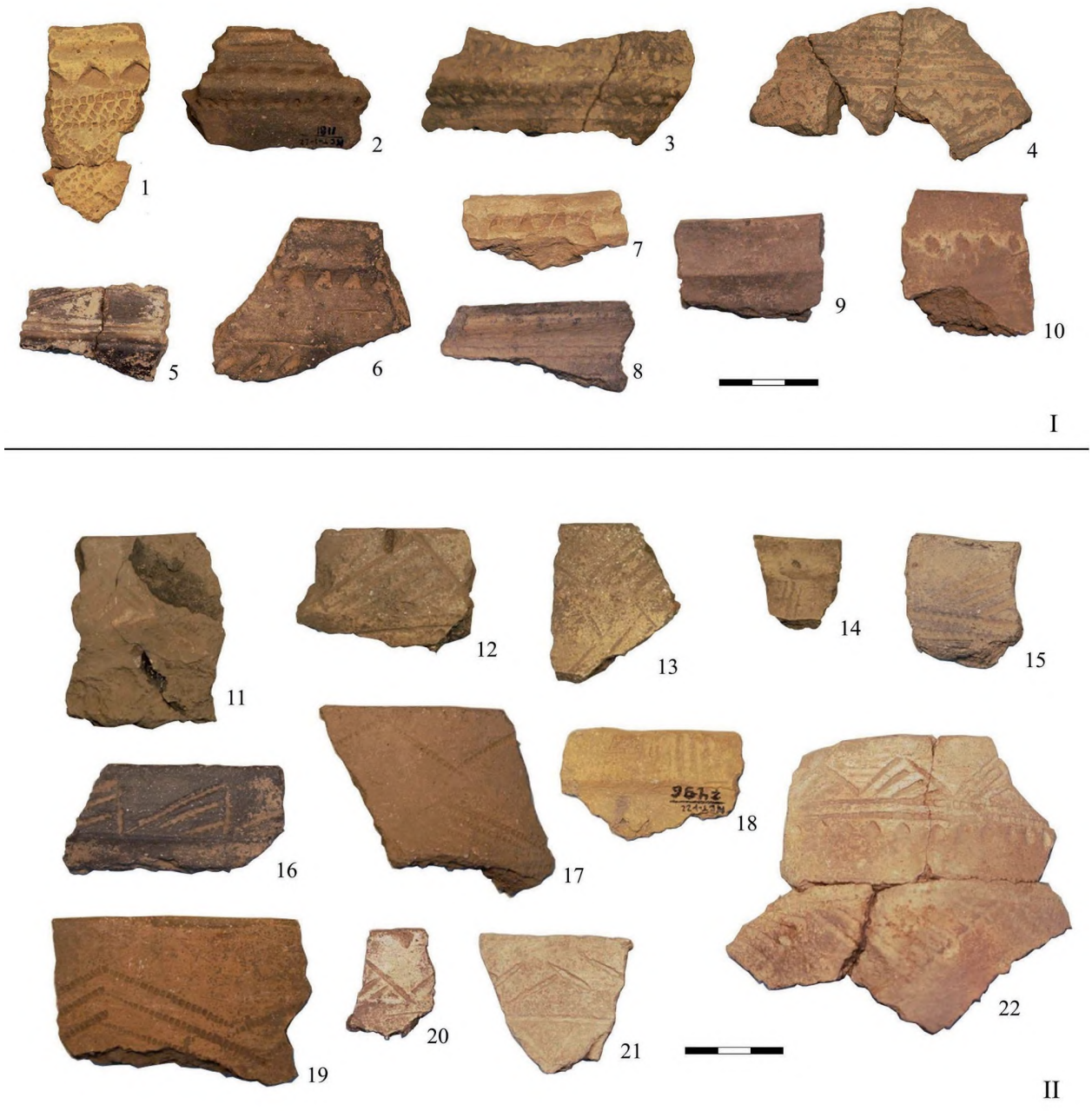

Рис. 6. Поселение Камысты. Керамика: I – синташтинская группа; II – петровская группа.
Из заполнения жилища – 1-2, 11–14; с раскопа – 3–10, 15–22

6-сур. Қамысты қонысы. Керамика: I – сынтасты тобы; II – петров тобы.
Тұрғынжайдың толтырылған топырағынан табылған – 1-2, 11–14; қазбадан – 3–10, 15–22

Fig. 6. Kamysty settlement. Ceramics: I – Sintashty group, II – Petrovsky group.
From the filling of the dwelling – 1-2, 11–14; from the excavation trench – 3–10, 15–22

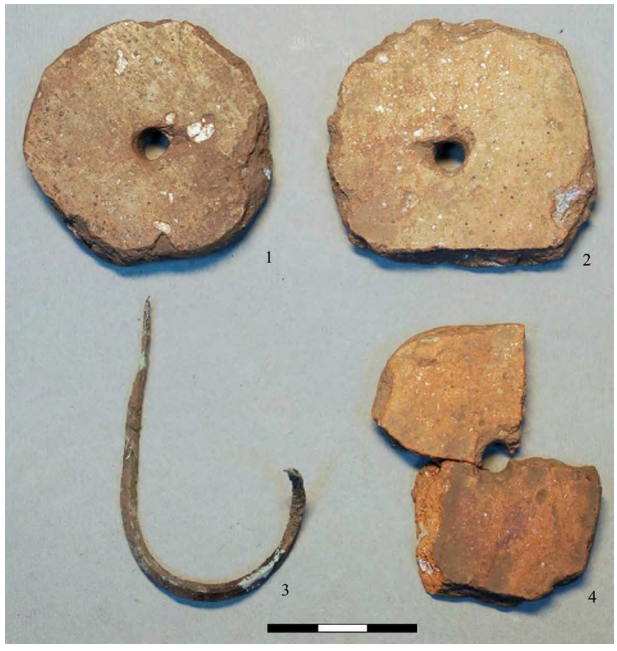

Рис. 7. Поселение Камысты. 1–2, 4 – керамические пряслица, 3 – бронзовая проколка
7-сур. Қамысты қонысы. 1-2, 4 – қерамикадан жасалған ұршық, 3 – қола түйреуіш
Fig. 7. Kamysty settlement. 1-2, 4 – ceramic spindle whorl, 3 – bronze piercer

Рис. 8. Поселение Камысты. 1–5 – каменные песты
8-сур. Қамысты қонысы. 1–5 – тас келсаптар
Fig. 8. Kamysty settlement. 1–5 – stone pestles

конструкция возможно только после дальнейшего изучения. Столбовые ямы, найденные по периметру исследованной части жилища, скорее всего, имеют отношение к столбам, поддерживающим кровлю. Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют говорить о перестраивании поселения, что отражено в перекрытии жилищем ровика в северо-восточной части раскопа.

Наличие и синташтинской и петровской керамики на всех глубинах раскопа и жилища, фрагментов от одного сосуда на разных глубинах (20–50), склеивающихся фрагментов с раскопа и жилища указывают на относительную одновременность изучаемого участка поселения.

Значительное количество шлаков, обломок формочки для литья и крупные ударные каменные орудия, указывает на наличие металлопроизводства на поселении.

Фиксация по всей площади раскопа угольков, жженого дерева и камня, сажистых пятен, а также наличие линз черного цвета в заполнении жилища и фиксация в нем скопления углей и жженого дерева указывает на следы пожара на поселении.

Облик керамики и прочих артефактов, найденных на поселении, позволяет отнести время функци-

Рис. 9. Поселение Камысты. Костяные орудия: 1-2 – наконечники стрел, 3 – проколка
9-сур. Қамысты қонысы. Сүйек құралдар: 1-2 – жебе ұштары, 3 – түйреуіш
Fig. 9. Kamysty settlement. Bone tools: 1-2 – arrowheads, 3 – borer

онирования памятника к синташтинско-петровскому времени эпохи поздней бронзы и вполне соотносятся с материалами, полученными с таких укрепленных поселений Южного Урала как Аркаим, Аландское, Устье и т.п. [Зданович, Малютина 2004; Древнее Устье 2013], и учитывая данные дешифровки аэрофотоснимков, поселение Камысты вполне обоснованно отнесено Г.Б. Здановичем к кругу памятников объединенных в «Страну городов» [Зданович, Батанина 2007]. Приблизительная датировка XXI–XVII вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. в Южном Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 3 (55) 2013. С. 59–67.

Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллективная монография / Отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований), Челябинск: Изд-во Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II региональной науч. практ. конф. Челябинск: Рифей, 2004. С. 56–61.

Логвин В.Н. Памятники, выявленные или осмотренные вне плана работ Тургайской археологической экспедиции. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции летом 1997 года. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2493.

Тупиков Д.Ю., Каримова Д.М., Нургалиева М.Ш., Достиярова А.А. Исследования укрепленного поселения Камысты (по материалам 2022 г.) // Ахинжановские чтения – 2023: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Алматы, 28–22 апреля 2023 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. С. 197–201.

REFERENCES

Vinogradov, N. B., Berseneva, N. A. 2013. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)*, 3 (55), 59–67 (in Russian).

Vinogradov, N. B. (ed.). 2013. *Drevnee Ustye. Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zauralye: kollektivnaya monografiya (Ancient Ustye. Fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals: collective monograph)*. Chelyabinsk: “Abris” Publ. (in Russian).

Zdanovich, G. B., Batanina, I. M. 2007. *Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovaniy) (Arkaim – Country of cities: Space and images (Arkaim: horizons of research)).* Chelyabinsk: “Krokus”; “Yuzh.-Ural” Publ. (in Russian).

Zdanovich, G. B., Malyutina, T. S. 2004. In: *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy II regionalnoy nauch. prakt. konf. (Ethnic interactions in the Southern Urals: materials of the 2nd regional scientific-practical conference)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. 56–61 (in Russian).

Logvin, V. N. 1997. In: Scientific archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2493 (in Russian).

Tupikov, D. Y., Karimova, D. M., Nurgalieva, M. S., Dostiyarova, A. A. 2023. In: Mussaeva, R. (ed.). *Akhinzhanovskie chteniya – 2023 (Akhinzhanov readings – 2023)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 197–201 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

В.К. Мерц
А.А. Горячев
И.В. Мерц
В.В. Варфоломеев

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.88.102

Виктор Карлович Мерц[1], v_merz@mail.ru,
Александр Анатольевич Горячев[2], aga.2805@mail.ru,
Илья Викторович Мерц[1, 2], barnaulkz@mail.ru,
Виктор Васильевич Варфоломеев[3], vicvarfolomeev@mail.ru
[1] Объединённый археологический научно-исследовательский центр им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета, г. Павлодар, Казахстан;
[2] Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;
[3] Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан

Исследования 2022 года производственно-жилого комплекса поселения эпохи поздней бронзы Коктас 1*

Археологические исследования 2022 года на производственно-жилом комплексе позднего бронзового века Коктас 1 охватили аварийный участок в центральной части памятника общей площадью 400 м². В пределах раскопа 3 были обнаружены каменные конструкции, центральное положение среди которых занимала жилая полуземлянка подквадратной формы (площадью 57 м²) с коридорообразными переходами в другие подобные помещения. Характер устройства построек традиционен для памятников позднеандроновского и бегазы-саргаринского времени Центрального, Восточного и Юго-Восточного Казахстана. К этому времени относятся и керамические материалы, указывающие на этнокультурные взаимодействия населения данного микрорайона с жителями сопредельных территорий Казахстана, Алтая и Сибири. Анализ артефактов и данные радиоуглеродных исследований памятника позволяют предварительно датировать его XV–XIV вв. до н.э.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сарыарка, поздний бронзовый век, горное дело, производственно-жилой комплекс, жилища, керамика, металлокомплекс

Виктор Карлович Мерц[1],
Александр Анатольевич Горячев[2],
Илья Викторович Мерц[1,2],
Виктор Васильевич Варфоломеев[3]
[1] Торайғыров университетінің А.Х. Марғұлан атындағы Археология бірікken ғылыми-зерттеу орталығы, Павлодар қ., Қазақстан;
[2]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан;
[3] Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті, Қарағанды қ., Қазақстан

Кейінгі қола дәуірінің Көктас 1 қонысындағы өндірістік-тұрғынжай кешенін 2022 ж. зерттеу

Көктас I кейінгі қола дәуірінің өндірістік-тұрғынжай кешеніндегі 2022 жылғы археологиялық зерттеулер ескерткіштің ортаңғы бөлігіндегі жалпы ауданы 400 шаршы м. апатты аймақты қамтыды. 3 қазба барысында

© 2023 г. Мерц В.К., Горячев А.А., Мерц И.В., Варфоломеев В.В.
**Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК, ИРН проекта AP09261083*

орталығында басқа бөлмелерге коридор тәрізді өтпесі бар төртбұрышты (57 шаршы м.) тұрғын жартылай жертөле бар тас құрылым табылды. Құрылыстың сипаты Орталық, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Қазақстанның кейінгі андрон және беғазы-сарғары уақытының ескерткіштері үшін дәстүрлі. Осы уақытқа аталған шағынаудан тұрғындарының Сібір, Алтай және Қазақстанның іргелес аймақтарының тұрғындарымен этномәдени арақатынасын көрсететін керамикалық материалдар жатады. Табылымдарды талдау мен ескерткішті радиокөміртекті зерттеу оны б.д.д. XV–XIV ғғ. деп алдын ала мерзімдеуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Солтүстік-Шығыс Сарыарқа, кейінгі қола дәуірі, таукен ісі, өндірістік-тұрғын үй кешені, тұрғынжай, керамика, металл кешені

Victor Merz[1],
Alexander Goryachev[2],
Ilya Merz[1,2],
Viktor Varfolomeev[3]
[1] Joint Research Center for Archaeological Studies named after A.Kh. Margulan, Pavlodar, Kazakhstan;
[2] Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
[3] Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan

Research of the 2022 industrial and residential complex of the Late Bronze Age settlement of Koktas 1

Archaeological research in 2022 at the industrial and residential complex of the late Bronze Age Koktas 1 covered an emergency site in the central part of the monument with a total area of 400 m^2. Stone structures were found within the excavation site 3, the central position among which was occupied by a residential semi-underground pit of a square shape (with an area of 57m2) with corridor-like passages to other similar rooms. The nature of the structure of the buildings is traditional for the monuments of the Late Andronovo and Begazy-Sargary times of Central, Eastern and South-Eastern Kazakhstan. Ceramic materials also belong to this time, indicating the ethno-cultural interactions of the population of this microdistrict with residents of the adjacent territories of Kazakhstan, Altai and Siberia. The analysis of artifacts and the data of radiocarbon studies of the monument allow us to pre-date it to the 15th–14th centuries BC.

Keywords: North-Eastern Saryarka, Late Bronze Age, mining, industrial and residential complex, dwellings, ceramics, metal complex

В 2022 г. совместной экспедицией Объединённого археологического научно-исследовательского центра им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета, Института археологии им. А.Х. Маргулана и Карагандинского университета имени Е.А. Букетова были организованы и проведены стационарные исследования поселения Коктас 1. Они стали продолжением работ 2011 и 2021 г. [Мерц и др. 2020: 490–492; Мерц 2022: 314].

Памятник был открыт В.К. Мерцем в 2011 г. Он расположен на северо-восточной границе Казахского мелкосопочника с Прииртышской равниной. Данный район характеризуется чередованием степных участков с увалами, солонцовыми равнинами и котловинами солёных озёр. Административно памятник расположен в Майском районе Павлодарской области в 28 км севернее с. Новый Акшиман, в 5,5 км к юго-западу от оз. Алкамерген и в 2 км к северу от восточной части оз. Аякмайсор на северо-восточных склонах безымянных сопок (рис. 1, *1–2*).

Поселение Коктас-1 входит в состав археологического микрорайона, включающего могильники и поселения эпохи бронзы, раннего железного века и этнографического времени. Они расположены вокруг Коктасского меднорудного месторождения с многочисленными горными выработками эпохи бронзы, XIX века, советскими и современными геологоразведочными траншеями (рис. 1, *3*).

Поселение Коктас 1 находится на основном рудном теле месторождения. В его центральной ча-

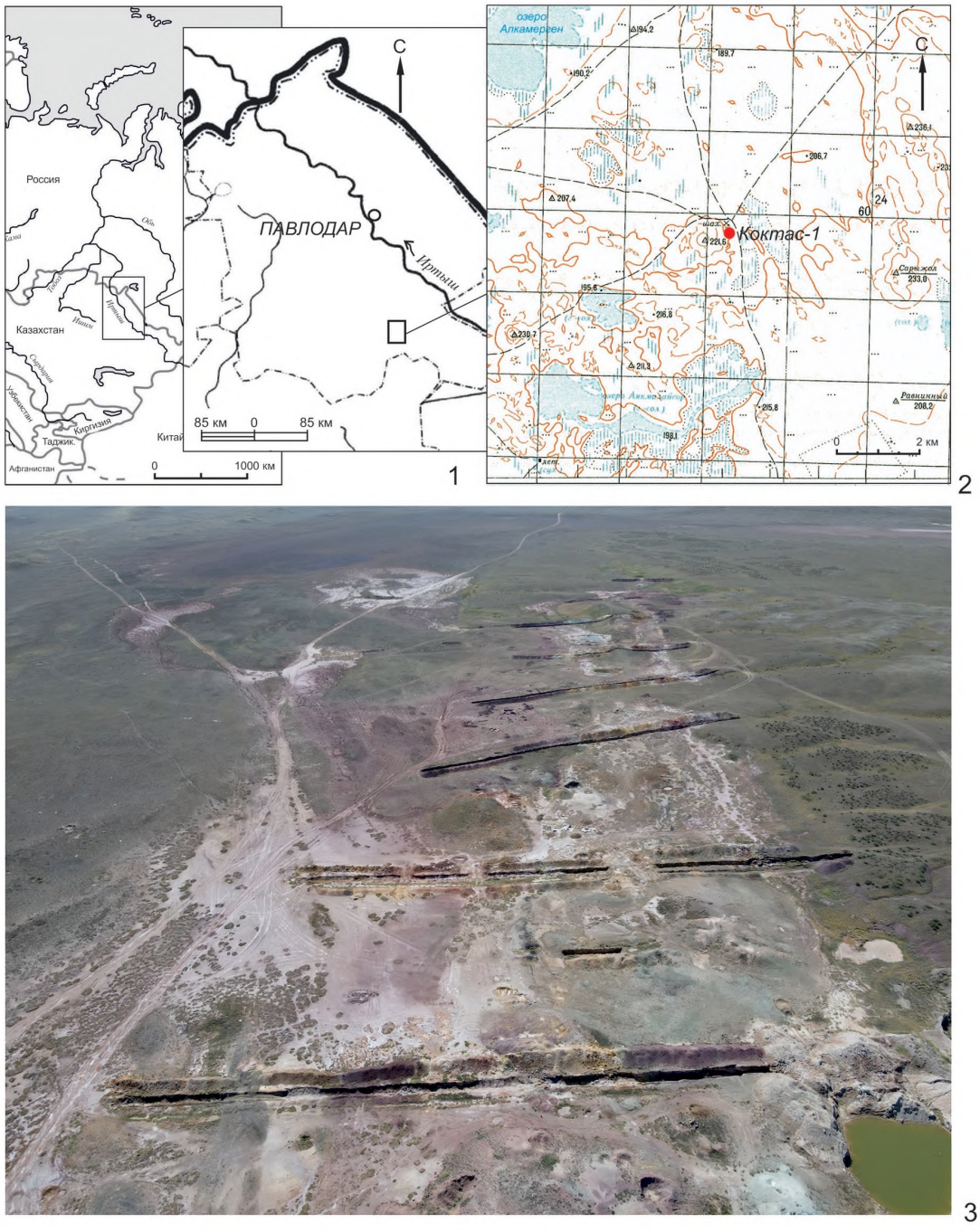

Рис. 1. Карта расположения производственно-жилого комплекса эпохи поздней бронзы Коктас-I:
1 – на картах Северной Евразии и Павлодарской области; 2 – на карте в районе оз. Алкамерген;
3 – аэрофотоснимок основного рудного поля месторождения Коктас и поселения Коктас-1

1-сур. Кейінгі қола дәуіріндегі Көктас 1 шаруашылық-тұрғынжай кешенінің орналасу картасы:
1 – Солтүстік Еуразия мен Павлодар облысының карталарында; 2 – Алқамерген көлі ауданындағы картада;
3 – Көктас 1 қонысы мен Көктас кен орнының негізгі кен алқабының аэрофототүсірілімі

Fig. 1. Map of the location of the industrial and residential complex of the Late Bronze Age Koktas-I:
1 – on maps of Northern Eurasia and Pavlodar region; 2 – on the map in the lake Alkamergen area;
3 – aerial view of the main ore field of the Koktas deposit and the settlement of Koktas-1

сти по юго-западной стороне от одной из геологических траншей, проложенной через серию видимых каменных конструкций производственных и жилых сооружений был заложен аварийный раскоп размерами 20×20 м. Он охватил каменные выкладки и наброски в южной части поврежденного комплекса сооружений (рис. 2, *1)*. После снятия почвенного слоя на глубину 0,15–0,2 м обнажились верхние части каменных конструкций жилых и хозяйственных помещений. Внутри них зафиксированы два геологических шурфа – советского периода и современный, возле которых найдены несколько кернов. Уровень древней поверхности в разных частях фиксируется на глубинах 0,4–0,5 м от современной. По всему периметру раскопа фиксируются многочисленные скопления фрагментов костей и керамики, а также отдельные каменные изделия и инструменты (молоты, молоточки, точильные и терочные камни и т.д.). Их наибольшая плотность наблюдается в слое 0,15–0,3 м от уровня современной поверхности. Центральным сооружением открытого комплекса сооружений была жилая полуземлянка подквадратной формы размерами 8(7,6)×7,5 м, ориентированная по оси север – юг с отклонением к востоку на 10° (рис. 2, *2*). Все остальные конструкции с грунтовыми или каменными стенками, фиксируемые по её периметру выходили за пределы раскопа и будут исследоваться позднее. Заполнение котлована составляли слои рыхлой и уплотненной отзолённой супеси с щебнем светло или тёмно-серого цвета и уплотненного суглинка светло-красного или кирпичного цвета. По всему помещению от верхнего края котлована полуземлянки до ее дна регулярно встречались мелкие фрагменты костей животных и керамики. Их наибольшая концентрация наблюдалась вдоль стенок помещения и по его центру. Вход обнаружен в юго-западном углу полуземлянки. Он представлял собой четыре глинобитные ступеньки длиной 0,5 м, шириной 0,25–0,3 м и высотой 0,15–0,2 м.

В северо-западном и северо-восточном углах помещения отмечены два коридорообразных прохода длиной ~5 м, шириной 0,8–0,9 м на выходе и 1–1,2 м на входе снаружи. Оба коридора вели в сторону других сооружений, но были плотно заложены крупными каменными валунами. Южная, юго-западная и юго-восточная стенки жилого сооружения строились из крупных каменных плит, установленных вертикально до уровня древней поверхности (0,5–0,6 м от дна). Верхние части этих стенок были выложены каменными плитками, уложенными плашмя в 4–5 слоев на высоту до 0,8–1 м от уровня дна. Таким же способом устроены стенки коридорообразных конструкций. По контуру северной, северо-западной и северо-восточной стенок использовались каменные плиты, уложенные плашмя, в основании которых укладывался наиболее крупный камень высотой до 0,25–0,3 м. Западная и восточная стенки жилища по центру частично обрушились внутрь.

Пол жилого помещения представляет собой уплотненный озоленный суглинок с вкраплениями мелких древесных угольков и известняка. По его контуру вдоль стен на расстоянии 1,7–2,5 м друг от друга прослеживаются ямки под столбовые деревянные конструкции диаметром 0,2–0,35 м и глубиной до 0,3 м. В заполнении этих ям присутствуют фрагменты сгнившего дерева, древесного угля и костей животных. Вдоль восточной и западной стенок строения зафиксированы костяные изделия и инструменты (серповидное трепало, тупик, совки, лощила из ребер крупного рогатого скота, костяной штамп и др.) (рис. 2, *4*). В юго-восточном углу жилища в напольном слое найдены бронзовая проколка и пробойник, в северо-западном коридоре обнаружено лезвие ножичка. Также в его северо-западном углу перед коридором фиксируется помимо костяных инструментов целая серия каменных изделий (пряслице, клиновидные и округлые инструменты) и большое скопление руды. Вдоль северной стенки в пол были встроены два керамических горшка саргаринского типа (рис. 2, *5, 6*).

Центральную часть жилого помещения занимает конструкция очага на глинобитном «подиуме» (небольшое возвышение высотой 0,25-0,3 м) над остальной частью пола (рис. 2, *3*)

Он имеет пентаугольную форму общими параметрами 2,5×1,8 м со сторонами размером 1,6 м (С), 2 м (З и В), 0,85 м (ЮВ), 1,35 м (ЮЗ). С западной стороны ближе к южной части прослеживается плавный переход от пола жилища к его верхней части. По его периметру обнаружены четыре столбовые ямки диаметром 0,30–0,4 см. В верхней части «подиума» по центру устроен очаг в виде грунтовой ямы подо-

Рис. 2. Поселение Коктас I. Раскоп 3 2022 года: 1 – общий вид на северо-восток хозяйственно-жилого комплекса в центральной части поселения; 2 – вид на юг жилого помещения после расчистки; 3 – «подиум» в жилище-мастерской; 4 – набор костяных инструментов бытовых промыслов у восточной стенки жилища; 5, 6 – сосуды у северной стенки

2-сур. Көктас I қонысы. 2022 жылғы 3-қазба: 1 – қоныстың ортаңғы бөлігіндегі шаруашылық-тұрғынжай кешенінің солтүстік-шығысқа қараған жалпы көрінісі; 2 – тазалағаннан кейінгі тұрғынжайдың оңтүстікке қараған көрінісі; 3 – тұрғынжай-шеберхананың «подиумы»; 4 – тұрғынжайдың шығыс жақ қабырғасындағы сүйектен жасалған тұрмыстық құралдар жиынтығы; 5, 6 – солтүстік қабырғадан табылған ыдыстар

Fig. 2. Koktas I settlement. Excavation trench 3 of 2022: 1 – general view of the northeast of the economic and residential complex in the central part of the settlement; 2 – view of the south of the residential premises after clearing; 3 – „podium“ in the workshop dwelling; 4 – set of bone tools of household crafts at the eastern wall of the dwelling; 5, 6 – vessels at the northern wall

вальной формы размерами 1,2×1 м. Контуры очага распознаются как прокал краснокирпичного цвета. С северной и северо-западной сторон глинобитного возвышения для очага прослеживается небольшая воздуховодная канава, перекрытая сверху забутовкой из мелких камней и глины. С южной стороны от него отмечен еще один небольшой очажок (0,4×0,35 м, глубиной 0,25 м), заложенный мелкими окатанными камнями – вероятно, был предназначен для дополнительного обогрева жилых комнат, либо хранения сосуда с углями – «живого огня» [Горячев, Мотов 2018: 28]. Близ малого очага обнаружены две хозяйственные ямы (0,5×0,4 м и 0,6×0,5 м) с большим количеством фрагментов костей мелкого рогатого скота и древесными угольками.

Планиграфические особенности исследованного помещения в раскопе 3 на поселении Коктас 1 позволяют предполагать наличие двух жилых комнат в юго-восточной части полуземлянки. По периметру они обозначены столбовыми ямками с более плотным шагом (1,5–1,8 м), чем в остальной части данного строения. Одна комната размерами 3,2×2 м располагалась вдоль южной стенки и была ориентирована по оси восток-запад со входом с западной стороны. Она имела дополнительный подогрев при помощи малого очага, устроенного возле входа. Вторая комната размерами 2,3×2 м прослеживается вдоль восточной стенки и могла иметь отдельный вход с северной стороны, либо смежный с первой.

Особенности устройства и планиграфии жилых конструкций, отмеченные нами на комплексе Коктас-1, встречаются на территории Центрального Казахстана еще с андроновского периода эпохи бронзы на поселениях Атасу и Бугулы-II [Маргулан и др. 1966: 205, 213, 223]. Интересно, что они характерны именно для производственных помещений, а на поселении Атасу они также представлены многокомнатными (2–3) сооружениями**,** соединёнными коридорообразными проходами [Маргулан и др. 1966: 208, рис. 106]. Устройство каменных оснований стен из вертикально установленных или горизонтально уложенных плит отмечены на поселении Кент в жилищах 4 и 5 бегазы-дандыбаевской культурной традиции [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов 2017: 23]. Характерно, что в устройстве исследованного жилища на комплексе Коктас-1, встречается та же традиция «поднимать» каменные основания стен жилого помещения на 30–40 см над уровнем древней поверхности, которая отмечена в поселениях Бугулы II и Кент.

На территории Казахстана подобные приемы при строительстве домов отмечены в степной зоне Жетысу, в частности в Шу-Илейских горах (Серектас I, II) в горной зоне западных отрогов Джунгарского Алатау (Калакай I, Талапты I), в предгорной (Ынтымак I) и высокогорной зоне Илейского Алатау (Асы I, II). Характерно, что все указанные поселения на территории Юго-Восточного Казахстана относятся к общности культур валиковой керамики поздней бронзы, а на высокогорных поселениях плато Асы подобные домостроения представляли собой многокомнатные сооружения с коридорообразными переходами [Марьяшев, Горячев 2001: 112–115; Горячев 2007: 23; Марьяшев и др. 2017: 98–103; Горячев, Сараев 2020: 125–129].

В напольном слое раскопанных помещений поселения Коктас-1 обнаружен бытовой инвентарь из кости (рис. 2, *4*), бронзы и крайне незначительное количество битой керамической посуды. Хозяйственная зона полуземлянки определяется пространством вдоль западной (5×2,5 м) и северной (450×250 см) стенок, а также в северо-западном углу (2,5×2 м). Здесь помимо руды и вещевого материала в северо-западном углу перед коридором на полу сооружена невысокая (7–8 см) глинобитная площадка округлой формы (диаметром 0,6 м). В этой части помещения найдены хозяйственные ямы овальной и восьмеркообразной формы размерами 0,8 (0,9) × 0,4 (0,45) м и округлые под керамическую посуду диаметром 0,25 и 0,4 м, устроенные вдоль северной стенки и с западной стороны от центрального «подиума» с очагом (рис. 2, *5–6*).

Керамическая коллекция из раскопа 3 насчитывает 1201 фрагмент. По шейкам с венчиками и целым формам (4 экземпляра) выделено 124 сосуда[1], представленных тремя культурно-типологическими типами.

I группа – саргаринский культурный тип (рис. 3–6), включает 104 сосуда, что составляет 83,9%. Вся посуда этого типа лепная, сравнительно толсто-

[1] Берётся за 100 % выборки

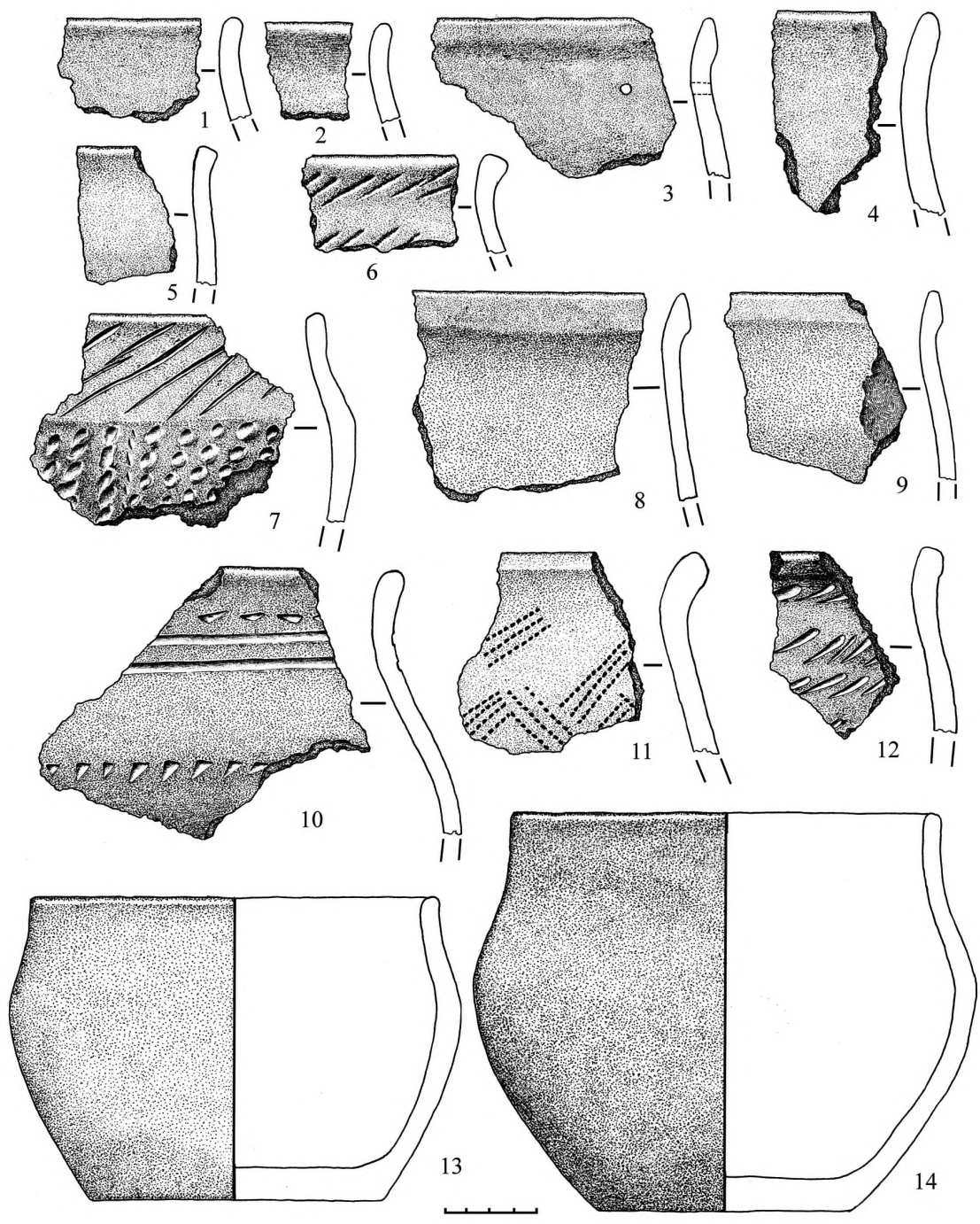

Рис. 3. Поселение Коктас I. Раскоп 3 2022 года. Керамика. Группа I. Венчики и целые формы
3-сур. Көктас I қонысы. 2022 жылғы 3-қазба. Керамика. I топ. Құмыра ернеулері мен тұтас пішіндер
Fig. 3. Koktas I settlement. Excavation trench 3 of 2022. Ceramics. Group I. Rims and whole shapes

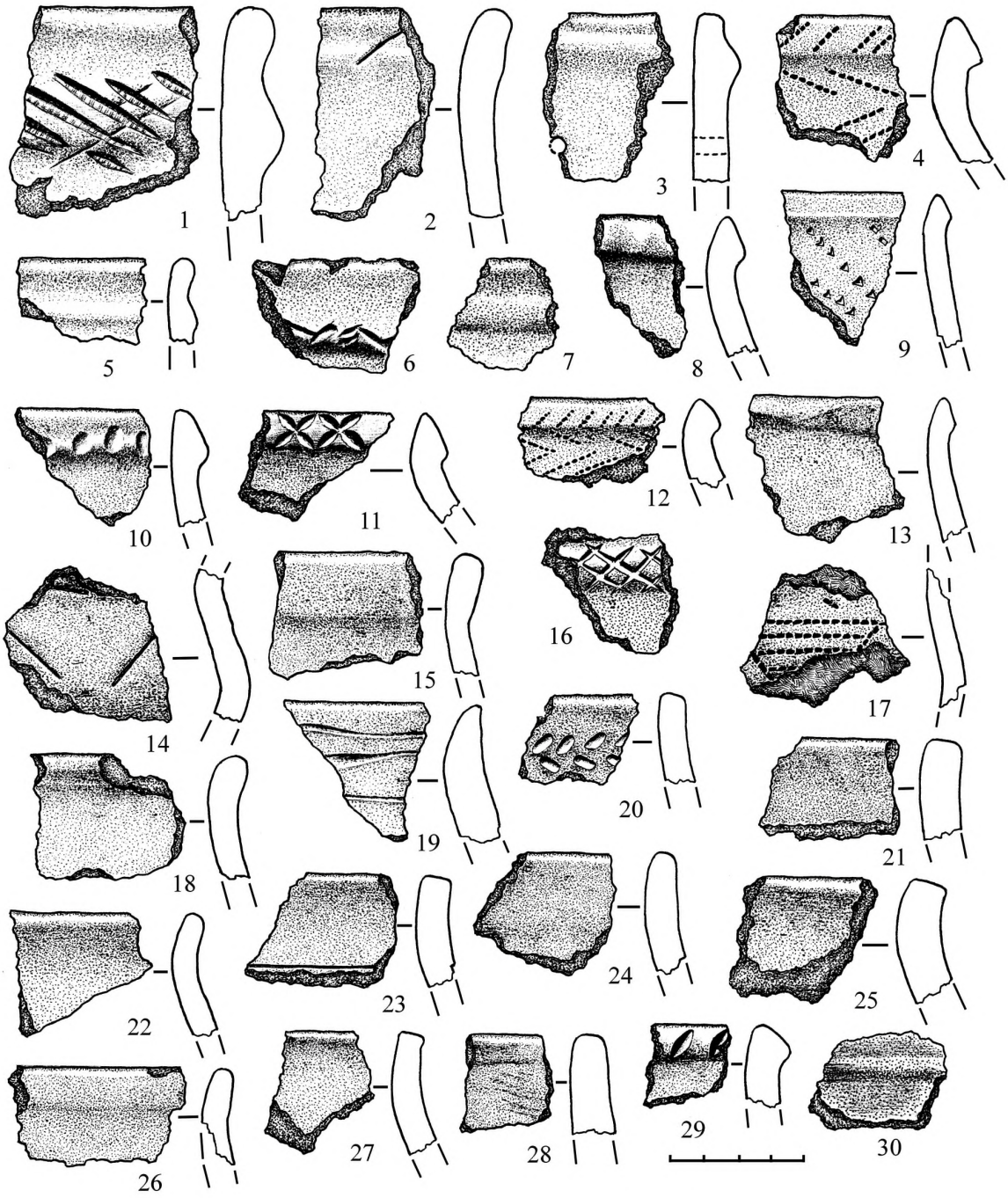

Рис. 4. Поселение Коктас I. Раскоп 3 2022 года. Керамика. Группа I
4-сур. Көктас I қонысы. 2022 жылғы 3-қазба. Керамика. I топ
Fig. 4. Koktas I settlement. Excavation trench 3 of 2022. Ceramics. Group I

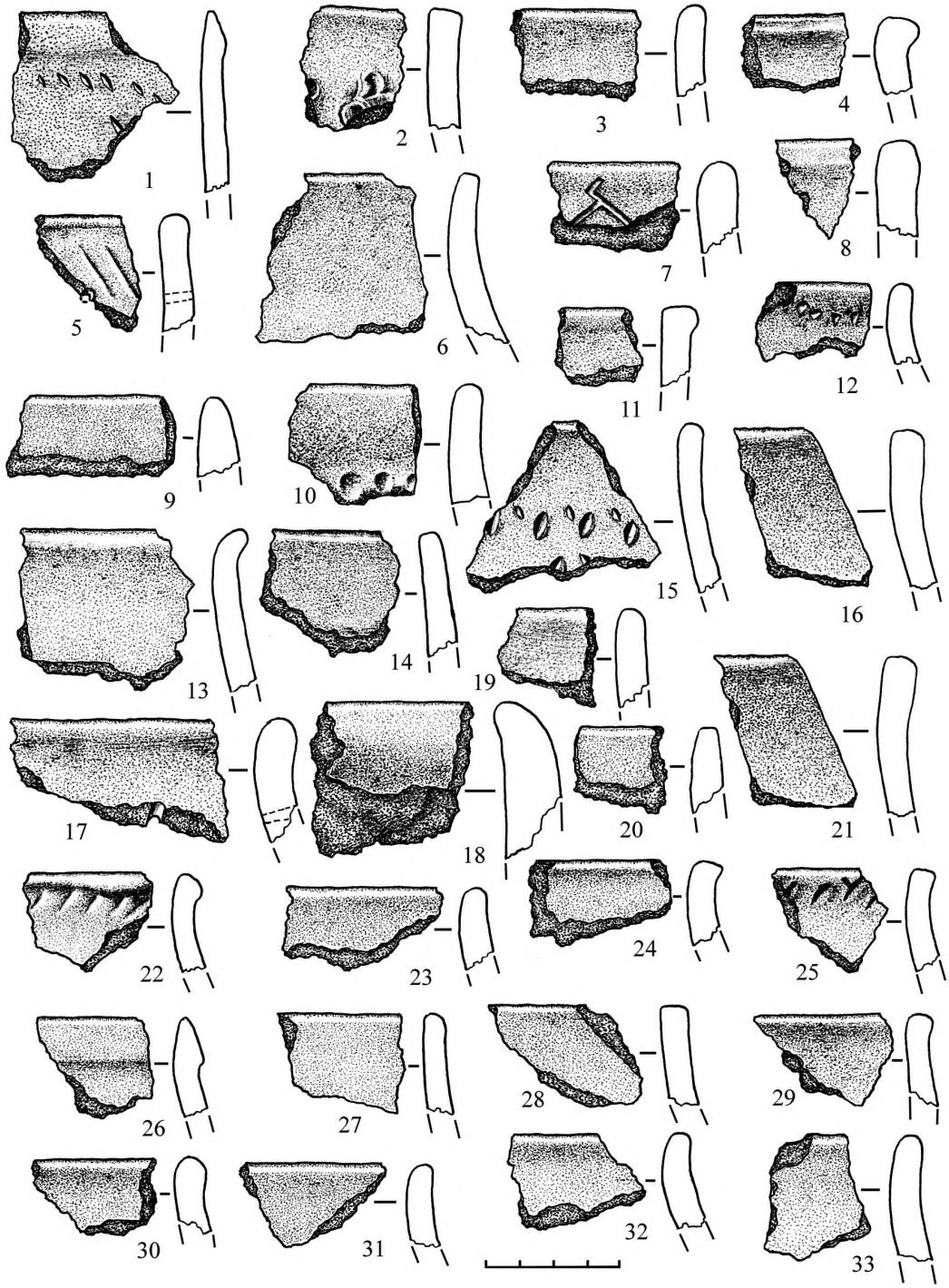

Рис. 5. Поселение Коктас I. Раскоп 3 2022 года. Керамика. Группа I
5-сур. Көктас I қонысы. 2022 жылғы 3-қазба. Керамика. I топ
Fig. 5. Koktas I settlement. Excavation trench 3 of 2022. Ceramics. Group I

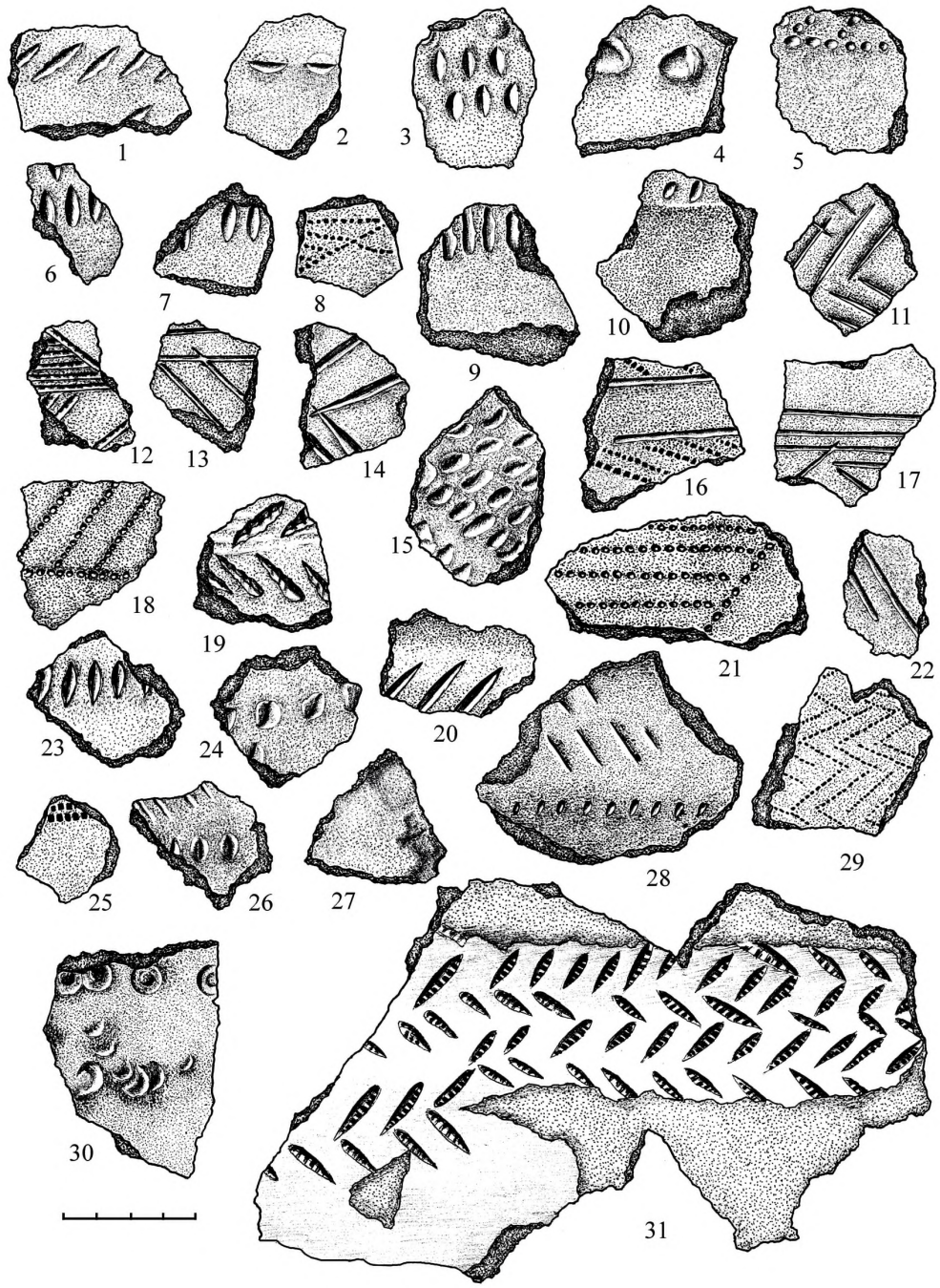

Рис. 6. Поселение Коктас I. Раскоп 3 2022 года. Керамика. Группа I
6-сур. Көктас I қонысы. 2022 жылғы 3-қазба. Керамика. I топ
Fig. 6. Koktas I settlement. Excavation trench 3 of 2022. Ceramics. Group I

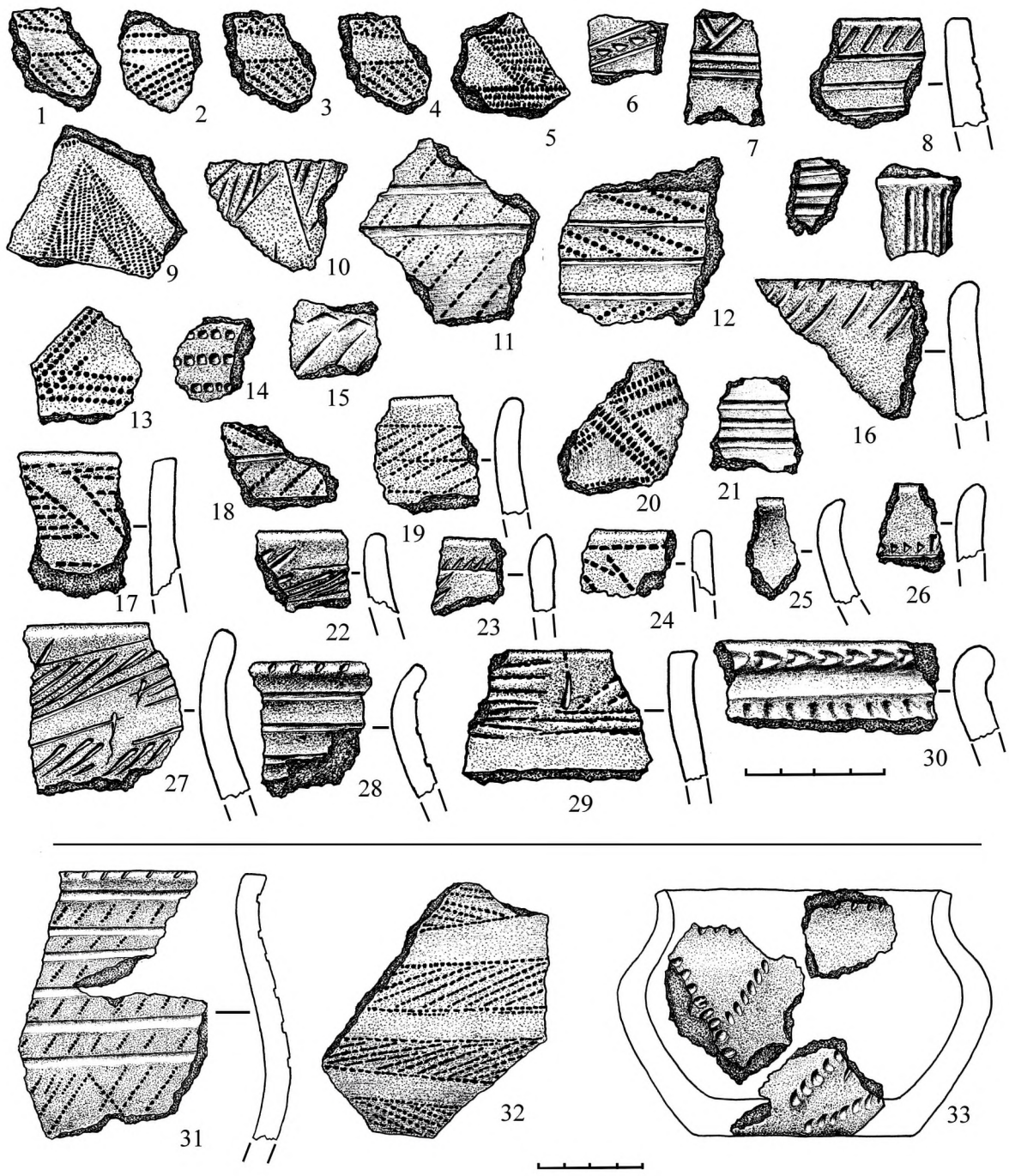

Рис. 7. Поселение Коктас I. Раскоп 3 2022 года. Керамика. Группа II
7-сур. Көктас I қонысы. 2022 жылғы 3-қазба. Керамика. II топ
Fig. 7. Koktas I settlement. Excavation trench 3 of 2022. Ceramics. Group II

стенная, с небрежно обработанными поверхностями, которая заглаживалась щепками, пучком травы, редко шпателем. Горшки абсолютно преобладают (102 экземпляра), в коллекции этой группы есть один сосуд баночной формы (рис. 5, *14*), а также фрагмент чаши или тигля (рис. 5, *18*). Лепной или формованный валик имеется у 16 (15,4%) сосудов (рис. 4, *1–3, 5–7, 16*). В 11 случаях валик рассеченный, украшен наклонными отрезками линий, перекрещивающимися отрезками, на 6 сосудах валик гладкий. Такой элемент оформления венчика как узкий воротничок отмечен на 6 сосудах (5,8%). Воротничок не декорирован (рис. 3, *8*; рис. 4, *4, 8*) или украшен оттисками ногтя и перекрещивающимися отрезками линий (рис. 4, *10, 11*). Декорировалось менее половины сосудов (40 шт. – 38,5%). Элементы орнамента: наклонные отрезки, вдавления, оттиски ногтя, ногтевые вдавления, защипы пальца. Орнамент выполнялся в резной технике, крупным и мелким гребенчатым штампом, в технике ногтевых вдавлений и защипов, и оттисков палочки. Больше половины сосудов не орнаментированы (64 шт. – 61,5%).

Керамика этой группы хорошо известна в памятниках валиковой общности Казахстана [Оразбаев 1958: 194, табл. XII; Черников 1960: 246–251; Маргулан и др., 1966: 204–257; Маргулан 1998: рис. 140; Варфоломеев и др. 2017: 297-301; Горячев 2020: рис. 43, 47]. Аналогии формам посуды и орнаментальным мотивам керамического комплекса поселения Коктас-1 прослеживается в материалах поздней бронзы Южного Зауралья, Западной и Южной Сибири [Максименков 1978: 183–186; Зданович 1988: 171, табл. 10Г; Матвеев 1993: 165]. Наиболее близкие параллели наблюдаются среди материалов поселений Западной Сибири и степных районов Алтая [Молодин 1985: 96–101, 120; Зах 1997: 68, 69; Ситников, 1998: 78-81].

II группа представлена серией из 19 сосудов (15,3%), резко отличается от керамики I группы (рис. 7). Посуда этой группы лепная, относительно тонкостенная, коричневого или светло-коричневого цвета, горшечных форм с хорошо заглаженной поверхностью. На некоторых сосудах отмечено слабое лощение (рис. 7, *8, 11, 31*). Орнамент покрывает всю поверхность и выполнен, в основном, в технике гребенчатого штампа, реже резным способом. Элементы декора представлены меандрами, треугольниками, заштрихованными полосами, зигзагами, каннелюрами, уголковыми вдавлениями. Один небольшой сосуд был покрыт крупным зигзагом, выполненным оттисками конца палочки (рис. 7, *33*). Аналогии большинству сосудов II группы видятся среди посуды памятников андроноидной общности и межовско-ирменского историко-культурного пласта [Корочкова 2010; Корочкова, Стефанов 1991; Косарев 1981; Матющенко 2001; 2004; 2006; Молодин и др. 2017].

III группа керамики – станковая, представлена единственным фрагментом сосуда, изготовленным с использованием гончарного круга 1 (стенка) – 1 – 0,8%). Орнамент отсутствует

Такой разнокультурный набор посуды, обнаруженный в исследованном жилище раскопа № 3 Коктаса-1, соответствует составу керамики на всех крупных поселениях валиковой керамической традиции [Варфоломеев и др. 2017]. Такой же спектр керамики имеется на поселении рудокопов Бозшаколь [Воякин, Усманова 2023]. Но, в отличие от Кента и подобных памятников, на Коктасе-1 высока доля керамического импорта – 16,1%. На Аккезене в раскопе с остатками металлообрабывающей мастерской западносибирский импорт составляет 6,4% [Варфоломеев 2022]. Значительное количество суперстратной керамики в раскопе 3 поселения Коктас-1, видимо, связано территориальной близостью Западной Сибири. В целом, находки керамических импортов позволяют предполагать полиэтничный состав населения крупных протогородских и производственных центров эпохи поздней бронзы.

Таким образом, в пределах раскопа 3 поселения Коктас-1 начаты исследования производственно-жилого комплекса рудокопов позднего бронзового века Северо-Восточной Сарыарки. На основании типологии полученного археологического материала и данных радиоуглеродного анализа памятник можно датировать как позднеандроновским, так и бегазы-саргаринским этапами бронзового века в пределах рубежа XVI–XV – первой половиной XIV в. до н.э. Зафиксированные в полуземлянке материалы позволяют предположить, что её жители занимались добычей и первичной обработкой медной руды. Обнаруженный набор бытовых инструментов, харак-

терных для обработки кож и ткачества, указывают на занятие населением пастушеским скотоводством и обработкой сырья, получаемого от данного вида хозяйственной деятельности. Керамический комплекс свидетельствует о достаточно устойчивых связях на протяжении разных исторических этапов населения данного микрорайона с жителями сопредельных территорий Центрального и Восточного Казахстана, Алтая и Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летнему юбилею Виктора Николаевича Логвина. Костанай; Алматы: ИА КН МОН РК, 2015. С. 474–483.

Берденов С. А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; Москва: «Гылым», 1998. С. 180–190.

Варфоломеев В.В. Металлообрабатывающая мастерская на поселении Аккезен, Центральный Казахстан // Археология Евразийских степей. 2022. №2. С. 225–244.

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.

Воякин Д.А., Усманова Э.Р. Горно-металлургический комплекс Бозшаколь 1. Алматы: МИЦАИ, 2023. 282 с.

Горячев А.А. Археологический комплекс Калакай-I из Северного Приджунгарья // ИАС. Вып.3. Алматы: ОФ «Родничок», 2007. С.21–41.

Горячев А.А. Об устройстве поселений поздней бронзы Жетысу // Археология Казахстана. 2018. №1–2. С. 86–105.

Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древние поселения Хантауского региона и вопросы хозяйственно-культурного развития населения эпохи палеометалла // «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла» / ИАС. Выпуск 7. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2020. С. 117–134.

Жуков Н.М., Колесников В.В., Мирошниченко Л.А., Егембаев К.М., Павлова З.Н., Бакарасов Е.В. Месторождения меди Казахстана Справочник. Алматы, 1997. 153 с.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1988. 184 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 282 с.

Кузьминых С.В. О металле городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2009. Т. 3. С. 202–212.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: 1979. 360 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы. 1998. Том 1. 400 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1966. 436 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы // ИАС. Вып.2. Алматы: «ТОО XXI век», 2001. С.112–123.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Древние поселения и могильники хребта Ешкиольмес // ИАС. Выпуск 5. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 91–111.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE. Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Три Т, 2008. С. 4–41.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 62 с

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.

Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д. Археологические исследования в горах Калмаккырган (Майский район Павлодарской области) // Маргулановские чтения – 2020: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 483–497.

Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д. Работы Центра археологических исследований Торайгыров университета в 2021 году в Павлодарской области // Археологические исследования в Казахстане – 2021. Астана: Национальный музей Республики Казахстан, 2022. С. 311–315.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2017. 180 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 216–294.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. № 88. М.–Л.: АН СССР, 1960. 285 с.

REFERENCES

Alayeva, I. P. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Drevniy Turgay i Velikaya Step: chast i tseloe (Ancient Turgai and the Great Steppe: part and whole)*. Kostanay; Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 474–483 (in Russian).

Berdenov, S. A. 1998. In: Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazakhstana (Issues of Archaeology of Kazakhstan)*. Vol. 2, Almaty; Moscow; “Gylym” Publ., 180–190 (in Russian).

Varfolomeev, V. V. 2022. In: *Arheologiya Evraziyskih Steppey (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 2, 225–244 (in Russian).

Varfolomeev, V. V., Loman, V. G., Evdokimov, V. V. 2017. *Kent – gorod bronzovogo veka v tsentre kazakhskikh stepey (Kent – Bronze Age city in the center of the Kazakh steppes)*. Astana: Kazakh Research Institute of Culture (in Russian).

Voyakin, D. A., Usmanova, E. R. 2023. *Gorno-metallurgicheskiy kompleks Bozshakol 1 (Bozshakol 1 mining and metallurgical complex)*. Almaty: International Institute for Central Asian Studies (in Russian).

Goryachev, A. A. 2007. In: Maryashev, A. N., Motov, Y. A. (eds.). *Istoriya i Arheologiya Semirechya (History and Archaeology of Semirechye)*, 3, 21–41 (in Russian).

Goryachev, A. A. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1–2, 86–105 (in Russian).

Goryachev, A. A. 2020. *Drevniy arheologicheskiy kompleks verkhovyev uschelya Kishi-Turgen (Ancient archaeological complex of the Kishi-Turgen gorge)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2020. In: Egorova, T. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirechya (History and Archaeology of Semirechye)*, 7, 117–134 (in Russian).

Zhukov, N. M., Kolesnikov, V. V., Miroshnichenko, L. A., Egembaev, K. M., Pavlova, Z. N., Bakarasov, E. V. 1997. *Mestorozhdeniya medi Kazakhstana. Spravochnik (Copper deposits of Kazakhstan: Handbook)*. Almaty (in Russian).

Zak, V. A. 1995. *Poselok drevnih skotovodov na Tobole (Village of ancient pastoralists on the Tobol River)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskih stepey (Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes)*. Sverdlovsk: Ural University (in Russian).

Korochkova, O. N. 2010. *Vzaimodeystvie kultur v epohu pozdney bronzy (androneidnye drevnosti Tobolo-Irtyshe) (Interaction of cultures in the late Bronze Age (Andronoid antiquities of the Tobol-Irtysh)).* Yekaterinburg: “UralYurIzdat” Publ. (in Russian).

Korochkova, O. N., Stefanov, V. I., Stefanova, N. K. 1991. In: *Voprosy arheologii Urala (Issues of the Ural archaeology)*, 20, 70-92 (in Russian).

Kosarev, M. F. 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoy Sibiri (The Bronze age of Western Siberia)*. Moscow (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2009. In: Molodin, V. I., Partsinger, G. (eds.). *Chicha – gorodische perednego ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi (Chicha – fortified settlement of the transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Baraba forest-steppe)*, 3, 202–212 (in Russian).

Maksimenkov, G. A. 1978. *Andronovskaya kultura na Enisee (Andronovo culture on the Yenisei)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Margulan, A. K. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Begazy-Dandybayevskaya culture of Central Kazakhstan)*, Alma-Ata (in Russian).
Margulan, A. K. 1998. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Begazy-Dandybayevskaya Culture of Central Kazakhstan)*. Vol. 1. Almaty (in Russian).
Margulan, A. K., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka KazSSR" Publ. (in Russian).
Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2001. In: Maryashev, A. N., Motov, Y. A. (eds.). *Istoriya i arheologiya Semirechya (History and Archaeology of Semirechye)*, 2, 112–123 (in Russian).
Maryashev, A. N., Goryachev, A. A., Potapov, S.A. 2017. In: Egorova, T. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirechya (History and Archaeology of Semirechye)*, 5, 91–111 (in Russian).
Matveev, A. V. 1993. *Irmenskaya kultura v lesostepnom Priobye (The Irmen Culture in the forest-steppe Ob region)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
Matveev, A. V. 2008. In: *AB ORIGINE. Problemy genezisa kultur Sibiri (AB ORIGINE. Problems of the genesis of Siberian cultures)*. Tyumen: "Tri T" Publ., 4–41 (in Russian).
Matyushenko, V. I. 2001. *Yelovskiy akheologicheskiy kompleks. Ch. 1. Yelovskiy I kurgannyi mogilnik (Yelovsky archaeological complex. Part 1. Yelovsky I burial mound cemetery)*. Omsk: Omsk State University (in Russian).
Matyushenko, V. I. 2004. *Yelovskiy arkheologicheskiy kompleks. Ch. 2. Yelovskiy II mogilnik. Doirmenskie kompleksy (Yelovsky archaeological complex. Part 2. Yelovsky II cemetery. Doirmenskie complexes)*. Omsk: Omsk State University (in Russian).
Matyushenko, V. I. 2006. *Yelovskiy arkheologicheskiy kompleks. Ch. 3. Yelovskiy II mogil'nik. Kompleksy Irmeni i rannego zhelez'nogo veka (Yelovsky archaeological complex. Part 3. Yelovsky II cemetery. Irmen and early Iron Age complexes)*. Omsk: Omsk State University (in Russian).
Merts, V. K., Merts, I. V., Demidkova, E. D. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2020 (Margulan Readings – 2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 483–497 (in Russian).
Merts, V. K., Merts, I. V., Demidkova, E. D. 2022. In: *Arheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane – 2021 (Archaeological Research in Kazakhstan – 2021)*. Astana: National Museum of the Republic of Kazakhstan, 311–315 (in Russian).
Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epohu bronzy (Baraba in the Bronze Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Selin, D. V., Neskoryov, A. V. 2017. *Vostochnyi variant Pahomovskoy kultury v Tsentralnoy Barabe (Eastern type of the Pakhomov culture in Central Baraba)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
Orazbayev, A. M. 1958. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*), 5, 216–294 (in Russian).
Sitnikov, S. M. 2015. *Kultura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya (Culture of the Sargary-Alekseyev population of the forest-steppe and steppe Altai).* Barnaul: Altai State Pedagogical University (in Russian).
Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Eastern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 26.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.103.109

Raikhan Mussayeva[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan; argin_rr@mail.ru

To the question of one type of mace pommel*

The article provides data on three samples of cross-shaped mace pommels from the materials of funerary monuments of the Bronze Age from the territory of Kazakhstan. All three subjects were introduced into scientific circulation earlier, but in one work they were taken into account for the first time. The author describes the dimensions and detailed characteristics of each finial and provides data on the typology of such artifacts. Despite the fact that all the discovered specimens come from monuments of different archaeological cultures, they are all recorded in a complex with a ceramic vessel and a bronze knife, or several similar objects. It should also be noted that the presence of three samples of the cross-shaped mace pommel found in Kazakh monuments indicates the expansion of the boundaries of the distribution of such artifacts.

Keywords: Kazakhstan, mace pommels, Bronze Age, insignia

Райхан Серікқызы Мусаева[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ, Қазақстан

Шоқпар басының бір түріне қатысты мәселе

Мақалада Қазақстан аумағынан қола дәуіріндегі жерлеу ескерткіштерінің материалдарынан табылған крест тәрізді шоқпар басының үш данасы туралы мәліметтер келтірілген. Барлық үш артефакт бұрын ғылыми айналымға енгізілді, алайда бір мақалада алғаш рет бірге қарастырылды. Автор әр дананың өлшемдері мен егжей-тегжейлі сипаттамаларын келтіреді және осындай артефактілердің типологиясы туралы мәліметтер береді. Табылған барлық үлгілер әртүрлі археологиялық мәдениеттердің ескерткіштерінен табылғанына қарамастан, олардың барлығы қыш ыдыспен және қола пышақпен немесе бірнеше ұқсас заттармен бір кешенде анықталды. Сондай-ақ, қазақстандық ескерткіштерден табылған үш крест тәрізді шоқпарлар бастарының табылуы осындай артефактілердің таралу шекараларының кеңеюін көрсететінін атап өткен жөн.

Түйін сөздер: Қазақстан, шоқпардың басы, қола дәуірі, инсигния

Райхан Сериковна Мусаева[1]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

К вопросу об одном типе навершия булавы

В статье приводятся данные о трех образцах крестовидных наверший булавы из материалов погребальных памятников эпохи бронзы с территории Казахстана. Все три предмета были введены в научный оборот ранее, однако в одной работе они были учтены впервые. Автор описывает размеры и детальную характеристику каждого навершия и приводит данные о типологии подобных артефактов. Несмотря на тот факт, что все обнару-

© 2023 Mussayeva R.
**The work was carried out as part of the implementation of the tasks of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022-2023, IRN BR18574223.*

женные экземпляры происходят из памятников разных археологических культур, все они зафиксированы в комплексе с керамическим сосудом и бронзовым ножом, или несколькими подобными предметами. Необходимо также отметить, что наличие трех образцов наверший булавы крестовидной формы, обнаруженных в казахстанских памятниках, указывает на расширение границ распространения подобных артефактов.

Ключевые слова: Казахстан, навершие булавы, эпоха бронзы, инсигнии

The mace pommels are one of the most common symbols of power among the ancient population of the Bronze Age. Being indicative of the high status of the buried individual and marking extraordinary burials, such artifacts may indicate the complex social structure of ancient societies [Yudin, Matyushin 2006; Kramarev 2015; Tsimidanov 2004: 74; Kirichenko, Najafov 2021: 5].

The article will present data on the cruciform or rounded with projecting hemispheres shape of pommels.

The first specimen of the cross-shaped mace pommel was discovered during the study of the Mamai burial ground by G. Kushaev and G. Kokebaeva in 1978 (Kaztal district, West Kazakhstan region) [Kushaev, Kokebaeva 1978; Mussayeva 2022: 32].

The Mamai burial ground is located in the flood zone on the left bank of the Maly Uzen River, 7 km south of the village of Kokterek and 5 km from the main structure of the hydroelectric complex, 12 km north of the Zhuldyz state farm [Kushaev, Kokebaeva 1978]. During the study of burial nr. 2 of barrow nr. 2, the burial of a man was discovered, next to which a ceramic vessel with “pinches”, a bronze knife of the Pokrovsky type and a cross-shaped pommel of a mace were found [Kushaev 1993: 38]. The monument dates back to the Pokrovsky stage of the Srubnaya culture.

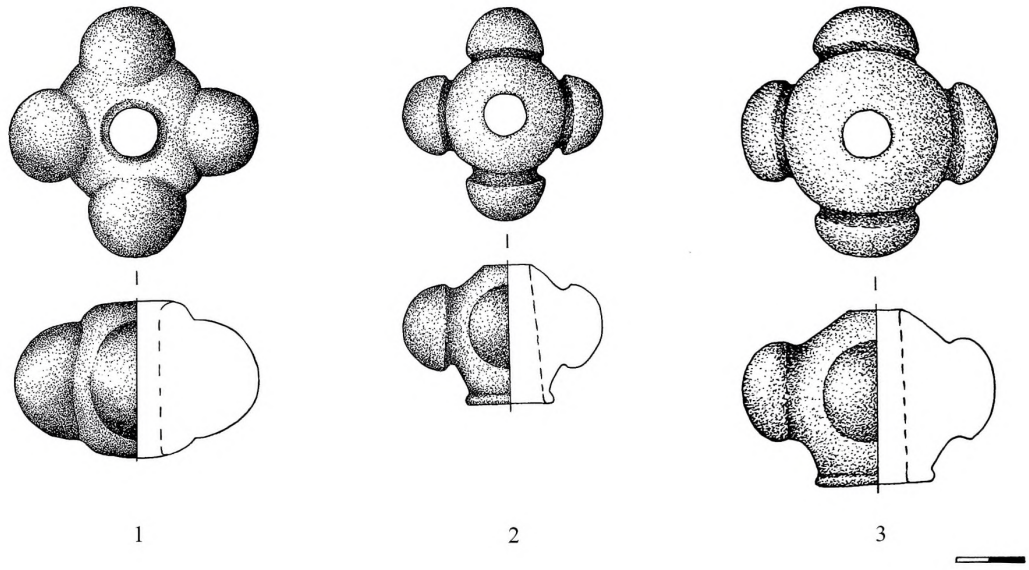

Fig. 1. Cross-shaped pommels: 1 – Mamai burial ground, kurgan 2, burial 2, after – Kushaev 1993: 132, fig. 9;
2 – Tokanai 1 burial ground, burial 15, after – Logvin 2005: 192, fig. 1;
3 – Bestamak burial ground, pit 5, after – Kalieva, Logvin 2008: 47, fig. 15

1-сур. Айқыш тәрізді сүйір ұш: 1 – Мамай қорымы, 2 оба, 2 жерлеу орны ([Кушаев 1993: 132, 9-сур] бойынша);
2 – Тоқанай 1 қорымы, 15 жерлеу орны ([Логвин 2005: 192, 1-сур.] бойынша);
3 – Бестамақ қорымы, 5 шұңқыр ([Калиева, Логвин 2008: 47, 15-сур.] бойынша)

Рис. 1. Крестовидные навершия: 1 – мог. Мамай, к. 2, п. 2 (по: [Кушаев 1993: 132, рис. 9]);
2 – мог. Токанай 1, п. 15 (по: [Логвин 2005: 192, рис. 1]); 3 – мог. Бестамак, яма 5 (по: [Калиева, Логвин 2008: 47, рис. 15])

The mace pommel has four diametrically spaced protruding hemispheres. It is made of rounded white marble. The surface is meticulously polished. In the central part of the top, there is a round through hole with a diameter of 1.0 cm at the base and up to 1.5 cm at the top of the product. The height of the object is 4.5 cm. The diameter of the central part is 4.5 cm, and with protrusions of the hemispheres 7.5 cm. The L/B index is 1.0 cm, and taking into account the protrusions is 0.6 cm. The upper and lower parts of the mace are flat (Fig. 1, *1*).

The second pommel originates from the Tokanai-1 burial ground, studied by an archaeological expedition led by V. Logvin in 1982 (Jangeldy district, Turgay region – modern Kostanay region) [Logvin 2005]. The monument is located on the right bank of the Tokanai River, the northern channel of the Turgai River. During the study of burial nr. 15, a collection of finds was discovered, numbering 536 items [Logvin et al. 1982: 14]. No burial was found. The monument dates back to the Sintashta-Petrovka period.

Among the bronze objects, there is the pommel of a mace with four diametrically arranged protruding hemispheres (Fig. 1, *2*). In the central part of the top, there is a round through hole with a diameter of 3.3 cm, at the base, up to 3.1 cm, at the end of the hole. The height of the object is 4.3 cm, the diameter of the central part is 4.3 cm, and with protrusions the hemispheres are 6 and 6.5 cm (one of the hemispheres is 0.5 cm "apart" from the central part of the product). The L/B index is 1 cm, and considering the protrusions, it is 0.66-0.72 cm. The upper part of the mace is rounded. There is a small side at the base.

The complex configuration of the pommel and the absence of traces of rivets and adhesions may indicate that it could probably have been cast in a closed mold. It is unknown whether this burial was ritual or could have been intended as a commemoration of an individual holding significant importance within the community that left this burial site. However, it can be argued that it represented a "male" burial, since the ceramic vessel – bronze knife – mace complex was more often referred to specifically male burials.

Another cross-shaped pommel originates from the burial ground near the settlement of Bestamak (Auliekol district, Kostanay region), which was studied under the leadership of V. Logvin and S. Kalieva in 1991 [Kalieva et al. 1992]. The monument is located in the northern part of the Turgai hollow, on the right bank of the Buruktal River, an eastern tributary of the Ubagan River, at its sources. During field research, a paired burial of an 18–22-year-old man and a 10–12-year-old girl was found in pit nr. 5, accompanied by a rich inventory and the burial of several animals [Kalieva, Logvin 2008: 50]. The monument dates back to the Sintashta-Petrovka period.

The pommel of the mace was located next to the radius of the left arm of the male skeleton (Fig. 1, *3*). In addition to other equipment, the man was also accompanied by ceramic pots and a bronze knife [Logvin, Kalieva 1991: 27].

The product we are interested in is made of jade, has four diametrically arranged protruding hemispheres. The shape is rounded; the surface is carefully sanded. In the central part of the top, there is a round through hole with a diameter of 2 cm at the base, up to 1.8 cm at the end of the hole. The height of the object is 6 cm, the diameter of the central part is 6 cm, and with protrusions of the hemispheres is 8 cm. The L/B index is 1 cm, and considering the protrusions it is 0.75 cm. The upper and lower parts of the mace are flat; the hole is slightly expanding. There is a small rim at the base, 0.2 cm wide [Kalieva, Logvin 2008: 5].

The cross-shaped pommels of the mace are known in many monuments of the Bronze Age across Eurasia [Kirichenko, Najafov 2021: 7] and, depending on the affiliation of the identified artifacts in the environment of a certain archaeological culture or local territory, they have different names and are included in various author's classifications.

Thus, V. Klochko proposed to name this type of pommel "Borodino-Mariupol" after the names of monuments in which similar artifacts were found [Klochko 2001: 31; Shishlina 2020]. According to V. Kileynikov's typology, this specimen belongs to variant II-b – cross-shaped high-truncated rhombic finials with a rim at the base [Kileynikov 2004: 140]. E. Krupnov, based on the analysis of finds from North Ossetia, attributed such finds to the third type of round-ovoid maces with four hemispheric projections on the sides, located closer to the upper half of the horizontal section [Krupnov 1951: 44]. According to N. Malov's typology, cross–shaped finials belong to the first type of mace pommels of Srubnaya culture – cross-shaped pommels having four protruding bulges on the body [Malov 1991: 33].

As the analysis of the given names of the cross-shaped type of the pommel of the mace showed, there

is no unambiguous opinion among the authors about the name of the protrusions. They are called cones, projections, hemispheres, bulges, mushroom-shaped outgrowths [Kileynikov 2004: 140; Krupnov 1951: 44; Malov 1991: 33; Passing 2013: 159; Klochko 2001: 31]. Analogies to the cross-shaped mace pommels can be found on monuments from the Neolithic to the Late Bronze Age across a larger territory of Eurasia [Kileynikov 2004; Kirichenko 2022; Kirichenko, Najafov 2021; Korolev et al. 2018; Krupnov 1951; Magometov 2018; Malov 1991; Melnikov 1999; Passing 2013; Nelin 1995; Monuments 1993: 147; Pyankov, Khachaturova 2002: 5; Klochko 2001].

In his study of burial sites in the Volga region, N. Malov noted that they occupy the second position in the hierarchical classification after the "royal" burials, which include a complex of arrowheads and other equipment [Malov 1991: 38]. V. Kileynikov, agreeing with E. Melnikov, attributed the pommels of the mace to military attributes [Kileynikov 2003: 144; Melnikov 1993]. V. Tsimidanov, in turn, notes that scepters and maces can indicate the military path of politogenesis among tribes of Srubnaya culture [Tsimidanov 2004: 75].

The multifunctional purpose of such artifacts is a generally recognized phenomenon, however, for specimens from the Mamai, Tokanai and Bestamak burial grounds, it is rather limited by a socially marking factor. The absence of other finds related to military affairs also indicates in favor of this assumption. They probably mark the burial of a man with a high social status – the leader of the tribe. Confirmation of this could be the fact that individuals possessing symbols of authority in the form of cross-shaped mace pommels could embody the god Indra, the Thunderer [Kileynikov 2004: 142; Malov 1991: 30-31; Gorelik 1993: 58, Tsimidanov 2004: 73]. A number of authors noted that the stone mace with four protrusions was a weapon in the hands of Bhimasena, the son and partial incarnation of the wind god Voyu [Vasilkov; Yevtushenko 2003; Kuzmina 1994: 191].

Thus, the considered cross-shaped mace pommels may indicate the complex social structure of the ancient population in the Bronze Age and the wide territorial distribution of such archaeological artifacts.

ӘДЕБИЕТ

Васильков Я. Бхима // Философская энциклопедия terme.ru. URL: https://terme.ru/termin/bhima.html (дата обращения: 08.11.2023 г.)

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие–IV в. до н.э. М.: Восточная литература, 1993. 352 с.

Евтушенко И.П. Арии на Урале. Часть II // Академия тринитаризма Эл. № 77-6567, публ.10565, 25.07.2003.. URL: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02110002.htm (дата обращения: 08.11.2023 г.)

Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения: тез. докл. Петропавловск, 1992. С. 41–42.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 32–58.

Килейников В.В. Каменные навершия булав бронзового века лесостепного Подонья // Археологические памятники бассейна Дона: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. 2004. С. 131–145.

Кириченко Д.А. О каменных навершиях булавы из историко-краеведческого музея г. Масаллы (Азербайджанская Республика) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11 – 14 октября 2022 г.). В 5-ти т. / Гл. ред. А. Оңғар. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 1. С. 273–277.

Кириченко Д.А., Наджафов Ш.Н. Новые находки каменных наверший булав Ходжалы-Кедабекской культуры из Азербайджана // Parabellum novum. 2021. № 15 (48). С. 5–23.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский Мыс // Поволжская археология. № 3 (25). 2018. С. 58–67.

Крамарев А.И. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневолжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. 2015. С. 336–398.

Кригер В.А. Отчет об археологических работах на территории Уральской области в 1981 г.// Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, Ф. 2, оп. 23, д. 1900, 8 л.

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // МИА. № 23. 1951. С. 44.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: Диалог, 1993. 172 с.

Кушаев Г.А., Кокебаева Г.Б. Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1978 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, Ф. 2, оп. 20, д. 1675, 37 л.

Логвин В. Н. Могильник Токанай 1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2005. С. 190–194.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Кустанайской области в полевом сезоне 1991 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, Ф. 2, оп. 33, д. 2366, 150 л.

Логвин В.Н., Калиева С.С., Гребенюков В.И. Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в 1982 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, Ф. 2, оп. 24, д. 1966, 186 л.

Магомедов Р. Г. Об использовании крестовидного навершия булавы эпохи бронзы в качестве маховика ручной смычковой дрели-воротка // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 50–63.

Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Наталинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. 1991. С. 15–42.

Мельников Е.Н. Погребения с навершиями булав эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк. 1999 // Электронная библиотека Annales.info. URL: http://annales.info/blacksea/small/pogr_bul.htm (дата обращения: 08.11.2023 г.)

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего перидов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2013. Т. 16. 568 с. илл.

Мусаева Р.С. Каменные навершия эпохи бронзы из Западного Казахстана (по материалам памятников срубной культуры) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. / Гл. ред. А. Оңғар. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 1. С.267–273.

Нелин Д.В. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане// Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Международная научная конференция (Челябинск, 29 мая–4 июня 1995 г.): тезисы докладов. Ч. V., кн. 1. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. 187 с.

Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье // Археология России (Свод археологических памятников. Вып. В 1–10. Т. 1). Саратов: изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. 200 с.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Бронзовое навершие булавы из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 8. Армавир; М.: 2002. С. 4–7.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с., илл.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк: Институт археологии НАН Украины, 2004. 204 с.

Шишлина Н.И. Бородинский клад // Блог исторического музея. URL: https://blog.mediashm.ru/?p=2458 (дата обращения: 08.11.2023 г.)

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Науч. кн., 2006. 116 с.

Klochko V.I. Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000-700 BC. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 10). Poznan: Institute of Prehistory, 2001. 380 p.

REFERENCES

Vasilkov, Y. *Filosofskaya entsiklopediya (Philosophical Encyclopedia).* URL: https://terme.ru/termin/bhima.html (accessed: 08.11.2023) (in Russian).

Gorelik, M. V. 1993. *Oruzhie Drevnego Vostoka. IV tysyacheletiye–IV v. do n.e. (Weapons of the Ancient East. 4th Millennium – 4th Century BCE)*. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).

Evtushenko, I. P. 2003. In: *Akademiya trinitarizma (Trinitarian Academy)*, 77-6567, publ.10565 (in Russian).

Kalieva, S. S., Kolbin, G. V., Logvin, V. N. 1992. In: *Margulanovskie chteniya (Margulan readings).* Petropavlovsk, 41-42 (in Russian).

Kalieva, S. S., Logvin, V. N. 2008. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archeaology, Anthropology and Ethnography)*, 9, 32–58 (in Russian).

Kileyikov, V. V. 2004. In: *Arheologicheskiye pamyatniki basseyna Dona (Archaeological sites of the Don river Basin)*, 131–145 (in Russian).

Kirichenko, D. A. 2022. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. B., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. V. (eds.). *Proceedings of the 5th International congress of the archaeology of the Eurasian steppes.* In 5 vol. Vol. 1. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 273–277 (in Russian).

Kirichenko, D. A., Nadzhafov, S. N. 2021. In: *Parabellum novum*, 15 (48), 5–23 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A. 2018. In: *Povolzhskaya Arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, (3) (25), 58–67 (in Russian).

Kramarev, A. I. 2015. In: Serdyukova, O. I. (ed.). *Voprosy arheologii Povolzhya (Issues of Archaeology of the Volga river Region),* 5, 336–398 (in Russian).

Krieger, V. A. 1981. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1900 (in Russian).

Krupnov, E. I. 1951. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research of archaeology of the USSR)*, 23. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 44 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Materialnaya kultura plemen andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdeniye indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of the Indo-Iranians).* Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).

Kushaev, G. A. 1993. *Etudy drevney istorii Stepnogo Priuralya (Studies of ancient history of the Steppe Trans-Urals)*. Uralsk: "Dialog" Publ. (in Russian).

Kushaev, G. A., Kokebayeva, G. B. 1978. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1675 (in Russian).

Logvin, V. N. 2005. In: *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir v drevnosti (Western and Southern Siberia in Antiquity)*. Barnaul: Altai State University, 190–194 (in Russian).

Logvin, V. N., Kalieva, S. S. 1991. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2366 (in Russian).

Logvin, V. N., Kalieva, S. S., Grebenyukov, V. I. 1982. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1966 (in Russian).

Magomedov, R. G. 2018. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Herald of Daghestan Scientific Center)*, 71, 50–63 (in Russian).

Malov, N. M. 1991. In: *Arheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepey (Archaeology of the East European Steppes),* 2, 15–42 (in Russian).

Melnikov, E. N. 1999. *Arheologiya Tsentralnogo Chernozemya i sopredelnyh territoriy (Archaeology of Central Chernozemye and adjacent territories).* Lipetsk. URL: http://annales.info/blacksea/small/pogr_bul.htm (accessed: 08.11.2023) (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2013. *Lolinskaya kultura. Severo-zapadnyi Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka (Lolinskaya culture. Northwest Caspian region at the turn of the Middle and Late Bronze Ages)*, 16. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).

Mussaeva, R. S. 2022. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. V. (eds.). *Proceedings of the 5th International congress of the archaeology of the Eurasian steppes.* In 5 vol. Vol. 1. Almaty; Tukistan: Margulan Institute of Archaeology, 267–273 (in Russian).

Nelin, D. V. 1995. In: *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya (Russia and the East: problems of interaction)*, 1, 132–136 (in Russian).

Malov, N. M. (ed.). 1993. In: *Arheologiya Rossii (Svod arheologicheskih pamyatnikov) (Archaeology of Russia (List of Archaeological monuments))*, 1. Saratov: Saratov University (in Russian).

Pyankov, A. V., Khachaturova, E. A. 2002. In: *Istoriko-arheologicheskiy almanah Armavirskogo kraevedcheskogo muzeya (Historical and archaeological almanac of the Armavir museum of Local Lore)*, 8, 4–7 (in Russian).

Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Yuzhnogo Priuralya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epoh sredney i pozdney bronzy (The steppes of the Southern Trans-Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Ages).* Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography, and Archaeology (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 2004*. Sotsialnaya struktura srubnogo obschestva (The social structure of the Srubnoe society)*. Donetsk: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Shishlina, N. I. In: *Blog istoricheskogo muzeya (Blog of the Historical Museum)* URL: https://blog.mediashm.ru/?p=2458 (Accessed: 08.11.2023) (in Russian).

Yudin, A. I., Matyukhin, A. D. 2006. *Rannesrubnye kurgannye mogilniki Zolotaya Gora i Kochetnoye (Early Srubnaya culture burial mounds Zolotaya Gora and Kochetnoye)*. Saratov (in Russian).

Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000–700 BC (Baltic-Pontic Studies. Vol. 10)*. Poznan: Institute of Prehistory (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.03.2023.

С. К. Сакенов
С. Я. Ярыгин

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.110.119

Сергазы Кайырбекович Сакенов[1], sergazi_82@mail.ru,
Сергей Александрович Ярыгин[1], sergyyarygin80@gmail.ru
[1]Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана,
г. Астана, Казахстан

Орудия труда сельскохозяйственного назначения эпохи бронзы*

Статья посвящена анализу двух категорий археологического артефакта – бронзовых серпа-косы и скобеля (струга). Оба орудия труда были найдены в ходе проведения археологической разведки в полевом сезоне 2022 года на территории Бурабайского района Акмолинской области. В работе дано полное описание предметов и отмечено их функциональное предназначение. Учитывая местонахождение орудий труда, они рассматриваются как предметы, используемые в постпогребальном ритуале, совершаемом на территории могильника, и интерпретируются как предназначенные для подношения духам предков или божествам. Культурно-историческая принадлежность памятника отнесена к нуринской археологической культуре. В работе акцентируется внимание на изменении традиций в погребальной практике. Авторами выдвинута гипотеза о распространении процесса кремации, в связи с чем в наборе погребального инвентаря уменьшается количество металлических предметов. Они заменяются подношениями в виде сосудов с пищей и использованием металлических предметов в постпогребальной практике. Специальные жертвенные места на территории могильника, где совершались ритуальные подношения, подчеркивают своеобразие нуринской археологической культуры.

Ключевые слова: Северный Казахстан, бронзовый век, археологическая культура, алтарь, могильник, погребение, кремация, ритуал, серп-коса

Серғазы Қайырбекұлы Сәкенов[1],
Сергей Александрович Ярыгин[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Астана қаласындағы филиалы,
Астана қ., Қазақстан

Қола дәуірінің ауыл шаруашылығына арналған еңбек құралдары

Мақала археологиялық жәдігердің екі категориясын – қола шалғы-орақ және қырғыш (жонғыш) талдауға арналған. Екі құрал да 2022 жылғы далалық маусымда Ақмола облысының Бурабай ауданы аумағынан археологиялық барлау жұмыстары барысында табылған. Ғылыми жұмыста заттардың толық сипаттамасы берілген және олардың функционалдық мақсаты көрсетілген. Құрал-саймандардың орналасуын ескере отырып, олар қорым аумағында орындалатын жерлеуден кейінгі рәсімде қолданылатын заттар ретінде қарастырылып, ата-баба аруағына немесе құдайға тарту етуге арналған деп түсіндіріледі. Авторлар жерлеу

© 2023 г. Сакенов С. К., Ярыгин С. Я.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Министерства культуры и спорта Республики Казахстан 2023 г. ИРН проекта BR10161381*

жәдігерлері жиынтығында металл бұйымдары санының азаюына байланысты кремация процесінің таралуы туралы гипотезаны ұсынады. Металл жәдігерлерді тамақ салынған ыдыс-тартулар алмастырып, металл бұйымдар жерлеуден кейінгі тәжірибеде қолданыла бастады. Қорым аумағындағы құрбандық шалынатын арнайы орындар Нұра археологиялық мәдениетінің өзіндік ерекшелігін көрсетеді.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, қола дәуірі, археологиялық мәдениет, алтарь, қорым, жерлеу, кремация, ұрып, шалғы-орақ

Sergazy Sakenov,
Sergey Yarygin
[1]Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana,
Astana, Kazakhstan

Agricultural tools of the Bronze Age

The article is devoted to the analysis of two categories of archaeological artefact – bronze sickle-scythe and drawknife (plow). Both tools were found during the archaeological survey in the field season of 2022 on the territory of the Burabay district of Akmola region. The paper gives a complete description of the objects and notes their functional purpose. Given the location of the tools, they are considered as objects used in the post-burial ritual performed on the territory of the burial ground, and are interpreted as intended for offerings to ancestral spirits or deities. The cultural and historical affiliation of the monument is attributed to the Nura archaeological culture. The work focuses on changing traditions in funeral practice. The authors put forward a hypothesis about the spread of the cremation process, in connection with which the number of metal objects in the set of burial equipment decreases. They are replaced by offerings in the form of food vessels and the use of metal objects in post-burial practice. Special sacrificial places on the territory of the burial ground, where ritual offerings were made, emphasize the uniqueness of the Nura archaeological culture.

Keywords: Northern Kazakhstan, Bronze Age, archaeological culture, altar, burial ground, burial, cremation, ritual, sickle-scythe

Введение. На территории Казахстана хорошо представлены памятники II тыс. до н. э., и это обусловлено прежде всего физико-географическими особенностями и ландшафтом. В археологической науке памятники эпохи бронзы как предмет исследования имеют достаточно богатую историю [Кукушкин 2019]. На огромной территории в Сарыарке (в широком понимании), на Казахском Алтае и в Жетысу фиксируется совокупность материальных недвижимых сооружений эпохи бронзы, куда входят следующие типы памятников: поселения, могильники, древние рудники, каменоломни, святилища и петроглифы. Концентрация, плотность расположения и количество данных памятников связаны с богатыми месторождениями металла и с развитием горного дела и металлургии. Развитие горного дела и металлургии Казахстана в эпоху бронзы рассматривается в рамках общей системы производства Евразийской металлургической провинции и отнесено к Азиатской зоне [Григорьев 2017: 30]. Функционирование Евразийской металлургической провинции охватывает позднебронзовый век и датируется в рамках со II тыс. до н. э. до рубежа II–I тыс. до н. э. [Chernykh 2014]. Богатая материальная культура, выявленная в культурных слоях поселенческих комплексов эпохи бронзы Казахстана, является первоисточником для изучения хозяйственно-культурных типов древнего общества. В свою очередь, в погребальных комплексах депонированы предметы быта, вооружения и украшения, которые свидетельствуют об уровне жизни и о социальной дифференциации в данных регионах. Источником информации о древних технологиях могут служить выработки месторождений палеометалла, теплотехнические сооружения, литейные формы и конечная продукция – изделия из металла. О развитии строительного дела можно судить по архитектуре жилых и погребальных комплексов. Религиозные воззрения древнего населения хорошо проиллюстрированы в святилищах, на наскальных рисунках, а также в ритуальной практике захоронения.

В данной работе рассматриваются два жатвенных орудия труда, которые найдены в ходе археологической разведки на административной территории Бурабайского района Акмолинской области в

полевом сезоне 2022 года. Согласно классификации металлических орудий труда по Н.А. Аванесовой, первая находка относится к типу Д – серп-коса, вторая причислена к типу В – скобель (струг) [Аванесова 1991: 21–22]. Целью настоящей работы является введение в научный оборот данных категорий артефактов с полным их описанием, выяснением функционального назначения и культурно-хронологической принадлежности.

Металлические изделия являются одним из главных источников в изучении истории ведущих отраслей древних производств, обеспечивавших общий культурный и социально-экономический прогресс древних обществ [Дергачёв, Бочкарёв 2002; Hundt 1955]. Предметы из металла дают возможность проследить развитие культурных и торгово-обменных связей древнего населения и являются надежным индикатором относительной и абсолютной датировки. В археологической науке в изучении коллекции металлических предметов и кладов сложилось несколько направлений и концепций. Последователи экономической концепции считают, что металл и изделия из него были значительной ценностью и играли существенную роль в хозяйстве бронзового века. В рамках этой концепции клады и коллекции металлических предметов четко классифицируют. Каждая категория связана со специализированной деятельностью, например, выделяются клады-сокровища, клады литейщиков, клады торговцев и персональные клады [Бочкарёв 2002: 45–47]. Приверженцы вотивного происхождения кладов и коллекций металлических предметов интерпретируют их как посвятительные жертвы. В некоторых случаях ими отмечена некоторая закономерность: в районах, где обнаружены погребения с богатым погребальным инвентарем в виде металлических предметов, там редки клады, и наоборот.

Один и тот же обряд имел два различия: в одних случаях предметы из металла сопровождали своего владельца в могиле, а в других их захоранивали отдельно [Hundt 1955: 95–138]. Согласно концепции новой археологии, они рассматриваются как одно из проявлений сложной социальной и культурной системы [Levy 1982]. Металл в этот исторический период являлся ценностью и был связан с основными сферами жизнедеятельности общества, он олицетворял богатство, власть и сакральную мощь. Ценность металла широко использовала знать, чтобы продемонстрировать свой высокий социальный статус, закрепить и повысить его [Бочкарёв 2002: 49]. В культурах эпохи бронзы бронзовые серповидные орудия имели высокий семиотический статус, то есть были частью определенной знаковой системы, и использовались в разнообразных ритуалах [Подобед и др. 2011: 303].

Материалы исследования. В ходе проведения археологической разведки в Бурабайском районе Акмолинской области в полевом сезоне 2022 года были найдены уникальные артефакты – бронзовые серп-коса и скобель (струг). Бронзовый серп-коса обнаружен на территории могильника федоровской культуры, который насчитывает около десяти курганов. Могильник находится в 14 км юго-западнее города Щучинска, между селами Златополье и Сотниковка, в 1,5 км к востоку от озера Кумдыколь, на левом берегу небольшой степной речки Сотниковка. Место с юго-востока окружено березовыми рощами, а на западе на речке Сотниковка сооружена современная плотина. С северной и юго-западной части открывается ровная степь, которая сейчас возделывается и является пшеничным полем (рис. 1, *1*). Второе орудия труда – скобель-струг найдено возле села Карабаур Бурабайского района Акмолинской области (рис. 1, *2*). Село находится 27 км к северу от города Щучинска. Предмет был найден на территории поселения эпохи бронзы, которое состояла из девяти жилищных впадин. Необходимо отметить, что в 40 м к северу расположен могильник эпохи бронзы, состоящий из нескольких оград. В современности между поселением и могильником проложена дорога (грейдер). Не исключено, что при прокладке современной трассы некоторые погребальные конструкции были разрушены, об этом свидетельствует подъемный материал, состоящий из множества керамических фрагментов.

Ландшафт представлен лесостепью со множеством водных ресурсов в виде небольших степных речек и родников. Топография местности удобна для жизнедеятельности людей, береговые площадки богаты лугами, а равнинная степь пригодна для возделывания сельскохозяйственных культур. В настоящее время на данных территориях производят сенокошение, на полях культивируют пшеницу, а на искусственной плотине развивается рыболовный промысел.

Для полного описания бронзовой косы используем терминологию, которая была разработана для металлических орудий таких категорий артефактов Н.А. Аванесовой. Согласно морфологическим характеристикам, такие типы орудия труда имеют следую-

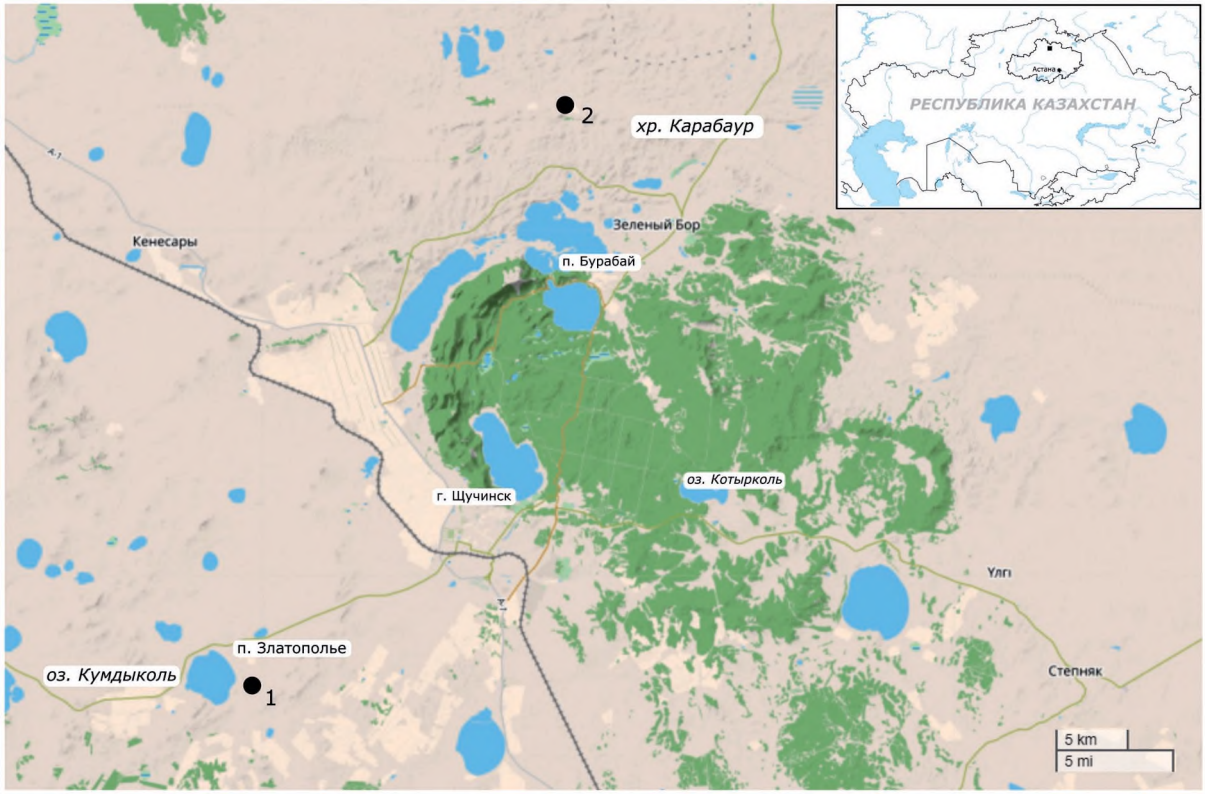

Рис. 1. Карта местонахождений бронзовых орудий труда: 1 – серпа-косы; 2 – скобеля (струга)
1-сур. Қоладан жасалған еңбек құралдары табылған жердің картасы: 1 – орақ-шалғы; 2 – қырғыш (жонғыш)
Fig. 1. Map of the location of bronze tools: 1 – scythe sickle; 2 – planer (plane tool)

щие элементы: клин – рабочая часть; обух – спинка; лезвие – режущая часть клинка; пятка – крепящая часть клинка и рукояти; нос – конец лезвия; длина основания – длина по прямой от начала лезвия до конца; профиль – вид сбоку [Аванесова 1991: 19].

Морфолого-типологическая характеристика изделия

Бронзовый серп-коса. Длина рабочей части бронзовой косы равна 22,5 см, минимальная ширина 2,5 см, максимальная 5 см. Толщина обуха 0,5 см, он сточен к лезвию. На рабочей заточной части лезвия хорошо видны следы сработанности. Лезвие слабоизогнутое, заточено только с одной стороны. Конец лезвия заканчивается треугольником; пятка массивная, представлена в виде несомкнутой втулки. Пятка для закрепления рукоятки (втулки) шириной 5,5 см, высотой 2,5 см, в этой части серпа-косы толщина металлического листа составляет 0,6 см. Морфологическая особенность предмета позволяет отнести данную орудия труда к категории «Коса» (рис. 2, *1*).

Бронзовый скобель (струг). Общая длина орудия составляет 19, 5 см, ширина серединой части лезвия 2,5 см. Лезвие вогнутое и дугообразное, имеет равномерно зауженные откованные концы. Толщина обуха 0,5 см, он сточен к лезвию (рис. 2, *2*).

Самые ближайшие аналоги в регионе обнаружены в культурном слое поселения Чаглинка, в жилище № 14 (рис. 3, *4*) [Оразбаев 1970: 41]. Обломок серпа найден в жилище № 1 (раскоп I) поселения Шагалалы II [Сакенов 2020: 315]. Похожие серпы-косы найдены в захоронении близ села Предгорное (Глубоковский район Восточно-Казахстанской области). Погребальный комплекс возле села Предгорное состоял из ограды, выложенной вертикально поставленными каменными плитами, диаметром 8 м, в центральной части обнаружено захоронение в цисте.

На глубине 1,7 м расчищено погребение человека, на уровне правой руки найдено пять серповкос, у левой руки – наконечник копья, возле головы находилось фигурное навершие ножа или кинжала.

Три серпа имеют слабоизогнутое лезвие и утолщенную спинку, а пятка массивная, представлена в виде несомкнутой втулки. Серпы-косы следующих размеров: длина лезвия первого серпа 22,5 см, ширина 5 см, размер втулки 6,5 × 2 см; длина лезвия второго серпа 27 см, ширина 4,8 см, размер втулки 6 × 1,8 см; длина лезвия третьего серпа 27,5 см, ширина 4,8 см, размер втулки 6 × 1,5 см (рис. 3, *1–3*) [Арсланова 1974: 221]. У двух серпов концы лезвия заострены, в рукояти имеются отверстия, образовавшиеся при отливке, у одного из них есть отверстие прямо на лезвии. Размер четвертого серпа-косы: длина лезвия 26 см, ширина 4,5 см, размер втулки 6,7 × 1,7 см; длина лезвия пятого 27 см, ширина 4,5 см, размер втулки 5,8 × 1,3 см [Кузьмина 1967: 216]. Также в полевом сезоне 2022 года в Карагандинской области, на территории могильника эпохи бронзы обнаружен крупный клад, состоявший из бронзовых предметов, в их числе несколько экземпляров бронзовых серпов. Результаты этого исследования еще не опубликованы (*устное сообщение В.В. Варфоломеева*).

Рис. 2. Бронзовые орудия труда: 1 – бронзовый серп-коса; 2 – скобель (струг)
2-сур. Қола еңбек құралдары: 1 – қола орақ-шалғы; 2 – қырғыш (жонғыш)
Fig. 2. Bronze tools: 1 – bronze scythe sickle; 2 – planer (plane tool)

Серпы-косы, обнаруженные в жилищах в совокупности с другими материалами, содержавшимися в культурных слоях поселения Шагалалы II (Павловка), датированы второй половиной II тыс. до н. э. и отнесены к федоровской археологической культуре [Малютина 1990: 116], а материалы из жилища № 14 поселения Чаглинка (Шагалалы) датированы позднебронзовым веком [Оразбаев 1970: 141]. Ф.Х. Арсланова погребения, исследованные возле села Предгорное, основываясь на архитектурной конструкции оград в форме цист, а также на погребальном обряде, найденные там серпы-косы отнесла к позднему этапу федоровской культуры [Арсланова 1974: 222]. Е.Е. Кузьмина, рассматривая в совокупности все металлические предметы с валиковой керамикой, на основе синхронизации кладов из сел Предгорное и Иссык-Куль отнесла их к рубежу II–I тыс. до н. э. Единая типология и морфологическая характеристика металлических предметов позволила ей выделить в пределах евразийских степей особую металлургическую провинцию, куда вошли Семиречье и Восточный Казахстан [Кузьмина 1967: 216].

В свете новых результатов радиоуглеродного анализа поселения Шагалалы II второй строительный горизонт, связанный с племенами нуринской (федоровской) культуры, охватывает хронологический период XVII–XV вв. до н. э. [Сакенов 2022]. Калиброванные даты позднебронзовых памятников Центрального Казахстана уже рассматриваются в рамках XV–XIV вв. до н. э. [Бейсенов и др. 2014: 170]. Схожие материалы и процессы наблюдаются при изучении памятников эпохи бронзы Степного Алтая; радиоуглеродные даты показали начальный этап позднебронзового века – XVI–XV вв. до н. э. [Федорук и др. 2015: 284]. Известна серия радиоуглеродных дат, полученных по материалам поселения и могильника

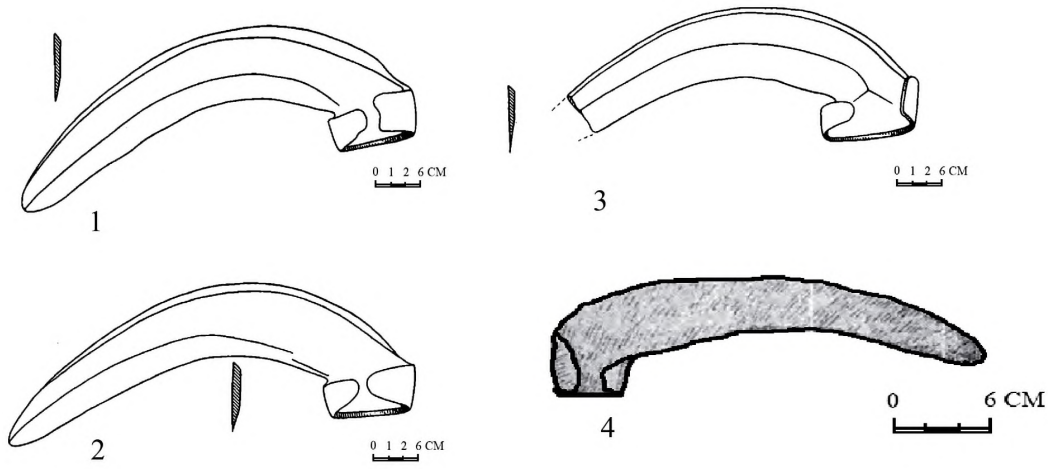

Рис. 3. Серпы-косы, найденные возле с. Предгорное Восточно-Казахстанской обл. (1–3) и в жилище № 1 поселения Чаглинка (Шагалалы I) (4)

3-сур. Шығыс Қазақстан облысы Предгорное ауылының маңынан (1–3) және Шағалалы I қонысының № 1 тұрғын жайынан (4) табылған орақ-шалғылар

Fig. 3. Scythe sickles found near Predgornoe village of the East Kazakhstan region (1–3) and in dwelling nr. 1 of the settlement of Chaglinka (Shagalaly I) (4)

Кокен на территории Восточного Казахстана, которые для ранних слоев дали хронологические рамки – XVIII–XV вв. до н. э., а для поздних слоев – с XIII по X вв. до н. э. [Doumani Dupuy и др. 2016: 4].

Бронзовые орудия труда, найденные на территории Бурабайского района возле могильников нуринской (федоровской) культуры, по многочисленным аналогиям могут быть рассмотрены в хронологических рамках не ниже XIV–XIII вв. до н. э. и отнесены к поздненуринскому (позднефедоровскому) времени.

Достоверно известно, что в II тыс. до н. э. в казахской Степи произошел ряд культурных трансформаций, связанных с перемещением и освоением новых земель нуринскими (федоровскими) племенами, которые продвигались в северную и центральную части Казахстана с востока. Эти трансформации привели к значительным изменениям. К примеру, в производстве керамики появляются сосуды с намечающимися валиками, в металлопроизводстве кованые металлические предметы сменяются цельнолитыми, глиняные литейные формы замещаются каменными. Широкое применение получила оловянистая бронза.

Бурабайские бронзовые предметы демонстрируют усовершенствованную форму жатвенного орудия труда, которое прошло эволюционный путь развития от примитивных пластинчатых ножей до серпов с выпрямляющимся лезвием и усовершенствованным способом его крепления с рукоятью. По своим функциям серпы и косы со слабоизогнутым лезвием не предназначены для жатвы злаковых растений; скорее всего, такими косами скашивали траву, заготавливая корм для скота. Об этом свидетельствуют конструктивная особенность орудия, массивность, симметричность и простое крепление длинной рукоятки, которое позволяло совершать колебательные движения.

Ландшафт Бурабайского лесного массива является благоприятным для ведения интенсивного скотоводческого хозяйства, а природно-климатические условия вынуждали население, которое здесь проживало в эпоху бронзы, заготавливать большие запасы фуража для скота. В хозяйстве заготовка кормов на зиму могла осуществляться только с изобретением серпов и косы. Доказательная база относительно применения бронзовых серпов и кос для кошения травы неоднократно приводилась в археологической литературе. В частности, в совместной работе Н. Бороффка и К. Манту-Лазаровича приведены экономические, статистические и экспериментальные данные по нескольким позициям. Анализ этих данных позволил ученым говорить о существовании и развитии в бронзовом веке сенокошения [Бороффка, Манту-Лазарович 2012: 172–193].

Дополнительными аргументами в пользу функционального предназначения бронзовых орудий труда могут служить материалы стационарных поселенческих комплексов изучаемого региона. Как уже отмечалось выше, в изучаемом районе исследовано несколько стационарных поселений эпохи бронзы, материалы которых свидетельствуют о доминировании в хозяйстве скотоводства. Анализ остеологического материала указывает на преобладание в составе стада крупного и мелкого рогатого скота [Сакенов 2020: 159–160; Макарова 1970: 269–279]. В климатических условиях Северного Казахстана, в суровые зимние дни для поддержания скота требуется дополнительное количество кормов. О стойловом содержании скота свидетельствует наличие в жилищно-хозяйственных комплексах колодцев, которые исследованы на поселениях, расположенных поблизости; это такие как Чаглинка (Шагалалы I), Шагалалы II и Васильковка I.

Здесь необходимо отметить особенность ведения скотоводческого хозяйства в северных регионах Казахстана, в частности в лесостепной зоне. В топографии поселенческих комплексов эпохи бронзы не зафиксированы специальные помещения, предназначенные для содержания скота, так как скот мог в зимнее время пастись вокруг поселка, а в летние месяцы отгонялся на несколько десятков километров от селища. Учитывая палеоклиматические данные, которые показывают существование умеренного климата, древние жители были более рациональными и заготавливали корма, в том числе для молодняка или на случай непогоды в зимний период. Еще одна находка скобеля (струга) на поселении наглядно доказывает это. Важно отметить, что местность сильно расчленена оврагами, и инструмент мог быть использован, как и предполагалось ранее, для расчистки оврагов от плотной кустарниковой растительности.

Остается неясным вопрос об использовании данных орудий труда в религиозной практике. Необходимо обратить внимание на местонахождение предметов и на контекст. Оба предмета найдены на территории могильника; они могли использоваться в качестве одного из предметов в поминальном обряде или как погребальный инвентарь. Как известно, племена, населявшие данную территорию, при совершении погребального обряда практиковали кремацию. Кремировали только останки человека, а сопроводительный погребальный инвентарь не подвергался сожжению. Отдельные изделия (в данном случае это серп-коса, найденный на участке могильника) можно интерпретировать как жертвенные предметы. Скорее всего, у древнего населения, оставившего данный памятник на территории могильника, были специальные места для жертвоприношений – алтари, где при проведении похоронных процедур совершались поклонения божеству. Эти поклонения представляли из себя жертвоприношение животных, сосудов с пищей и металлических предметов.

Из всех многочисленных археологических фактов остановимся на двух примерах. Первый: в 2014 году на территории Зерендинского района Акмолинской области исследован могильник Ормандыбулак. Внутри ограды №4, в его западной части, над могилой обнаружено серповидное орудие. Авторы раскопок видят схожесть бронзового серпа из могильника Ормандыбулак с крюкастыми серпами кабаковского типа, которые были распространены в Поволжье [Каирмагамбетов 2014: 146]. Второй: при повторном исследовании могильника Бегазы мавзолея №1 на наружной стороне западной стены зафиксирован один целый сосуд, еще один найден за пределами южной стены [Бейсенов и др. 2014: 33]. В обоих случаях бронзовый серп и целые керамические сосуды не входили в классический набор погребального инвентаря, выполняя другие функции. Их можно интерпретировать как подношения. Религиозные ритуалы могли совершаться и по другим событиям, не связанным с погребальным обрядом, например, подношения могли делать в начале каких-либо общественных или сельскохозяйственных работ. Если отталкиваться от места на территории могильника, где был найден серп-коса, можно предположить, что оно было специальным жертвенным алтарем, и здесь поклонялись божествам, тайно хранили или приносили подношения в виде сосудов с пищей и клали металлические предметы.

Данные артефакты отчетливо показывают направленность хозяйственной деятельности населения, связанную со скотоводством и примитивным земледелием. Функциональное же предназначение бронзовых серпов однозначно – их использовали для покоса травы и корчевания кустарников. При этом они дополнительно свидетельствуют о существовании в регионе общества с высокоразвитым металлопроизводством.

Культурно-историческая принадлежность памятников относится к нуринской археологической культуре, для которой погребальный обряд – крема-

ция – стал одним из основополагающих признаков. При прямой реализации ритуальных практик сожжения металлические предметы в качестве погребального инвентаря могли быть деформированы или полностью уничтожены. В связи с этим они теряли свою символичность как сопроводительный инвентарь или жертвенный дар. Вероятно, в этом случае их могли заменить подношениями после захоронения. Наличие алтарей – специальных мест на территории могильника, предназначенных для совершения подношения божествам или для почитания культа предков, наглядно демонстрирует развитие религиозных представлений населения региона во II тыс. до н. э., а их продолжение и, возможно, преемственность отмечаются в памятниках бегазы-дандыбаевской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1991. 201 с.

Арсланова Ф.Х. Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья // Советская археология. 1974. № 1. С. 220–226.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 192 с. + 20 с. цв. илл.

Бороффка Н., Манту-Лазарович К.-М. Дискуссия: серпы в бронзовом веке Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 172–193.

Бочкарёв В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 45–55.

Григорьев С.А. Социальные процессы в древней Евразии и развитие типов сплавов в металлургическом производстве // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2017. № 5 (2). С. 17–41.

Дергачёв В., Бочкарёв В. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Каирмагамбетов А.М. Серповидное орудие из могильника Ормандыбулак // Маргулановские чтения-2014: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию академика А.Х. Маргулана. Алматы, Павлодар: ЭКО, 2014. С. 144–150.

Кузьмина Е.Е. Клад у с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967. С. 214–216.

Кукушкин А.И. Эпоха бронзы Казахстана в трудах отечественных и зарубежных исследователей: дис. … доктора философии PhD: спец. 6D020300 – История. Караганда, 2019. 248 с.

Макарова Л.А. Предварительные сообщения о животных поселения эпохи бронзы Чаглинка // По следам древних культур / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Изд-во «Наука» АН КазССР, 1970. С. 269–279.

Малютина Т.С. Поселения и жилища федоровской культуры урало-казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей (межвузовский сборник научных трудов). Челябинск, 1990. С. 100–127.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» АН КазССР, 1970. С. 129–146.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Серпы эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии: вопросы семантики // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. С. 286–306.

Сакенов С.К. Бронзовый век Северного Казахстана (по материалом поселения Шагалалы II): дис. … доктора философии PhD: спец. 6D020800 – Археология и этнология. Нур-Султан, 2020. 333 с. *Сакенов С.К.* Дома эпохи бронзы Северного Казахстана // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. Т. 6, № 1. URL: https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/524 (дата обращения: 07.05.2023 г.).

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурлы II // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 4/1 (88). С. 208–284.

Doumani Dupuy P.N., Zhuniskhanov A.S., Tashmanbetova Z.K., Bullion E.A., Kiyasbek G.K., Rakhmankulov E.Z., Isin A.I. The newly discovered bronze age site of Koken: merging micro-regions with major study zones in the high steppes of Kazakhstan //Archaeological Research In Asia. 27. DOI:10.1016/j.ara.2021.100292

Hundt H. Versuch zur Deutung der Depotfunde der nordischen jüngeren Bronzezeit unter Ьesoոderer Berücksichtigung Mecklenbugs // Jahrbuch des RömischGermanischen Zentral-museums Mainz. 2. 1955. P. 95–138. DOI:10.11588/jrgzm.1955.0.31088

Levy E.J. Social and Religious Organization in Bronze Age Denmark: An Analysis of Ritual Hoard Finds // BAR International Series 124. London: Oxford, 1982. P. 163–171.

Chernykh E.N. Metallurgical Provinces of Eurasia in the Early Metal Age: Problems of Interrelation // ISIJ International. 2014. V. 54, № 5. P. 1002–1009.

REFERENCES

Avanesova, N. A. 1991. *Kultura pastusheskih plemen epohi bronzy aziatskoy chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam) (The culture of pastoral tribes of the Bronze Age in the Asian part of the USSR (based on metal objects))*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Arslanova, F. K. 1974. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 220–226 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., Kasenalin, A. E. 2014. *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kultury Tsentralnogo Kazahstana (The Begazy-Dandybayevskaya culture sites of Central Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of archaeology (in Russian).

Boroffka, N., Mantu-Lazarovich, K. M. 2012. In: *Rossiyskiy arheologicheskiy ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)*, 2, 172–193 (in Russian).

Bochkaryov, V. S. 2002. In: Savinov, D. G. (ed.). *Klady: sostav, hronologiya, interpretatsiya (Treasures: composition, chronology, interpretation)*. St. Petersburg, 45–55 (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2017. In: *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 5 (2), 17–41 (in Russian).

Dergachyov, V., Bochkaryov, V. 2002. *Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy (Metal sickles of the late Bronze Age in Eastern Europe)*. Kishinev: High anthropological school (in Russian).

Kairmagambetov, A. M. 2014. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2014 (Margulan Readings – 2014).* Almaty, Pavlodar: “EKO” Publ., 144–150 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 1967. In: *Pamyatniki epohi bronzy yuga evropeyskoy chasti SSSR (Monuments of the Bronze Age in the south of the European part of the USSR).* Kiev, 214–216 (in Russian).

Kukushkin, A. I. 2019. *Epoha bronzy Kazakhstana v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovateley (The Bronze Age of Kazakhstan in the works of domestic and foreign researchers)*: Abstract of the PhD thesis. Karaganda (in Russian).

Makarova, L. A. 1970. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.) *Po sledam drevnih kultur (The traces of the ancient cultures of Kazakhstan)*. Almaty: “Nauka” Publ., 269–279 (in Russian).

Malyutina, T. S. 1990. In: *Arheologiya Volgo-Uralskih stepey (Archaeology of the Volga-Ural steppes)*. Chelyabinsk, 100–127 (in Russian).

Orazbayev, A. M. 1970. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.) *Po sledam drevnih kultur (The traces of the ancient cultures of Kazakhstan)*. Almaty: “Nauka” Publ., 129–146 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2011. In: Baitanayev, B. A., Beisenov, A. Z. (eds.). *Archeologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 286–306 (in Russian).

Sakenov, S. K. 2020. *Bronzovyi vek Severnogo Kazahstana (po materialam poseleniya Shagalaly II) (The Bronze Age of Northern Kazakhstan (based on the materials of the Shagalaly II settlement)):* Abstract of the PhD thesis (in Russian)

Sakenov, S.K. 2019. In: *Electronic scientific journal "edu.e-history.kz"* (in Russian).
Fedoruk, A. S., Papin, D. V., Rednikov, A. A. 2015. In: *Izvestiya Altayskogo gos. un-ta. Istoriich. nauki i arkheologiya (Izvestiya of Altai State University. Historical sciences and archaeology), 4/1 (88),* 208–284 (in Russian).
Doumani Dupuy, P. N., Zhuniskhanov, A. S., Tashmanbetova, Z. K., Bullion, E. A., Kiyasbek, G. K., Rakhmankulov, E. Z., Isin, A. I. 2021. In: *Archaeological Research in Asia*, 27 (in English).
Hundt, H. 1955. In: *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-museums Mainz*, 2, 95–138 (in German).
Levy, E. J. 1982. In: *BAR International Series,* 124, 163–171 (in English).
Chernykh, E. N. 2014. In: *ISIJ International*, 54(5), 1002–1009 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.120.129

Владимир Дмитриевич Рузанов[1, 2]
[1]Агентство культурного наследия Республики Узбекистан,
[2]Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова,
г. Самарканд, Узбекистан; ruzanov1.2@mail.ru

Рудная база металлургии степных племен Фергано-Ташкентского региона в эпоху бронзы

В статье описывается геохимия месторождений меди и полиметаллов (с оловом) Чаткало-Кураминской горно-металлургической области – главной рудной базы металлургического производства культур степной бронзы в Фергано–Ташкентском регионе. По результатам, полученным при сравнении химического состава изделий с рудами месторождений, сделана попытка решения ряда вопросов: конкретные рудные источники и районы производства металла; время открытия рудников; хронология эксплуатации рудных объектов (ранний этап XVII–XIII/XII вв. до н.э. и поздний этап XII–IX вв. до н.э.); роль местных и зарубежных источников металла в развитии древней металлургии степной бронзы на рассмотренной территории.

Ключевые слова: месторождения, химико-металлургические характеристики, сплавы, рудные источники, очаги

Владимир Дмитриевич Рузанов[1, 2]
[1]Өзбекстан Республикасы Мәдени мұра агенттігі,
[2]Я. Гүлямов атындағы Самарқанд археология институты
Самарқанд қ., Өзбекстан

Қола дәуіріндегі Ферғана-Ташкент аймағының далалық тайпаларының металлургиялық кен базасы

Мақалада Ферғана-Ташкент аймағындағы далалық қола мәдениетінің металлургиялық өндірісінің негізгі рудалық базасы – Чатқал-Құрама кен-металлургиялық облысының мыс және полиметалл (қалайымен) кен орындарының геохимиясы сипатталған. Кен орындарынан алынған бұйымдардың химиялық құрамын салыстыру нәтижесінде қол жеткен нәтижелер бойынша нақты кен орындары мен металл өндірісі аудандары; кен орындарының ашылу уақыты; кен нысандарын эксплуатациялау хронологиясы (б.д.д. XVII–XIII/XII ғғ. ерте кезең және б.д.д. XII–IX ғғ. кейінгі кезең); қарастырылып отырған аумақтағы далалық ежелгі қола металлургиясының дамуындағы жергілікті және шетелдік кен көздерінің рөлі сынды бірқатар мәселелерді шешуге талпыныс жасалды.

Түйін сөздер: кен орындары, химиялық-металлургиялық сипаттамалар, қорытпалар, кен көздері, ошақтар

© 2023 г. Рузанов В.Д.

Vladimir Ruzanov[1, 2]
[1]Agency of Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan,
[2]Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov,
Samarkand, Uzbekistan

Ore base of metallurgy of steppe tribes of the Fergano-Tashkent region during a bronze epoch

In article the geochemistry of deposits of copper and polymetals (with tin) Chatkalo-Kuraminsky mountain-metallurgical area - the main ore base of metallurgical manufacture of cultures of steppe bronze in the Fergano-Tashkent region is described. By the results received at comparison of a chemical compound of products with ores of deposits, attempt of the decision of some question is made: concrete ore sources and areas of manufacture of metal; time of opening of mines; chronology of operation of ore objects (early stage XVII-XIII/XII centuries BC and late stage XII-IX centuries BC); a role of local and foreign sources of metal in development of ancient metallurgy of steppe bronze in the considered territory.

Keywords: deposits, himiko-metallurgical characteristics, alloys, ore sources, the centres

Согласно геологическим данным, рудная база Фергано-Ташкентского региона характеризуется разнообразными месторождениями меди и полиметаллов (с оловом), золота, серебра и других металлов. Подавляющее большинство месторождений находится в Чаткало-Кураминской горно-металлургической области (рис. 1). Эта область административно охватывает Северный Узбекистан, Северный Таджикистан и Южную Киргизию. Месторождения локализуются в Пскемских, Чаткальских и Кураминских горах.

По географическому и геохимическому признакам здесь можно выделить две зоны: Чаткало-Пскемскую и Кураминскую. Для Чатакло–Пскемской зоны характерна полиметаллическая минерализация. Месторождения и рудопроявления располагаются в бассейнах рек Кок-Су, Чаткал и Пскем. Всего их здесь насчитывается несколько десятков; подавляющее большинство месторождений относится к свинцово-цинковому типу. Среднее содержание меди в руде данных объектов небольшое и колеблется в пределах тысячных и сотых долей процента. В ряде месторождений повышена примесь серебра. Практически все объекты характеризуются окисленными и сульфидными рудами, причем первые преобладают. Установлены также участки смешанного типа - окисленные и сульфидные. Из окисленных минералов в руде встречаются церуссит, смитсонит, плюмбоярзит и англезит. Минеральный состав сульфидных руд представлен галенитом, пиритом и сфалеритом, реже отмечены минералы халькопирита и арсенопирита. Вероятно, в некоторых объектах, несущих следы древних работ, велась добыча серебра, свинца и цинка. Время эксплуатации рудников не установлено.

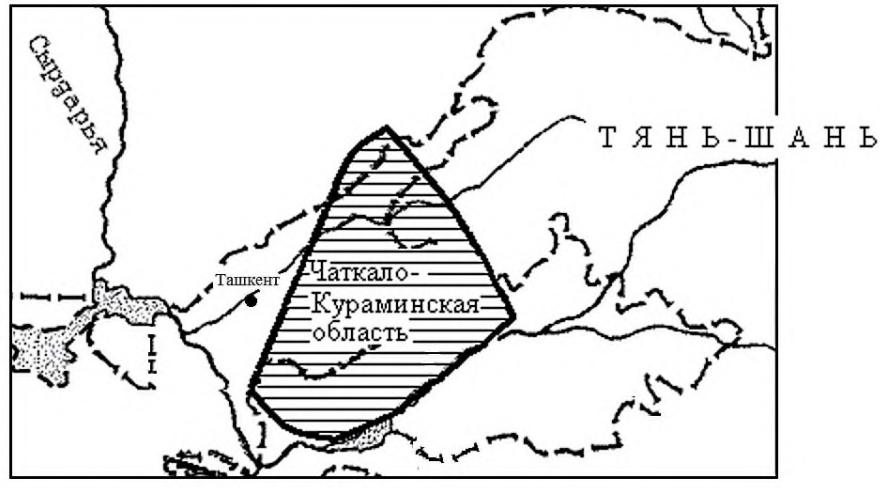

Рис. 1. Карта-схема зоны месторождений меди и полиметаллов (с оловом) Чаткало-Кураминской горно-металлургической области

1-сур. Чаткал-Курам тау-кен металлургия облысындағы мыс пен полиметалл (қалайы қосылған) кен орындары зонасының карта-сызбасы

Fig. 1. Schematic map of the zone of deposits of copper and polymetals (with tin) Chatkalo-Kuraminsky Mining and Metallurgical region

Из медных месторождений в этой зоне известно два: из них одно находится на правом берегу Пичексая в среднем течении р. Чаткал, другое – месторождение «Возрожденное» – расположено в левобережной части низовья р. Кок-Су. Последнее имеет медно-свинцово-цинково-оловяннымое оруденение. Руды упомянутых рудопроявлений смешанного типа: сульфидные и окисленные. Окисленная минерализация представлена церусситом, англезитом, смитсонитом, иногда встречается халькозин. Из сульфидных минералов выявлены галенит, сфалерит, пирит и касситерит.

Среди них весьма активно в древности эксплуатировалось рудное поле «Возрожденное», где геологами установлено более 100 штольнеобразных выработок разных размеров. Интерес, проявленный горняками к этому объекту, объясняется довольно высоким содержанием касситерита в руде, что давало возможность при выплавке металла сразу получать оловянные бронзы. Вместе с тем не исключается вероятность, что на одном из участков месторождения, в руде которого зафиксировано повышенное серебро, проводилась добыча данного металла и биллонов. Химическое сходство руды месторождения «Возрожденное» с бронзами из памятников эпохи бронзы Ташкентского оазиса и Ферганской долины позволяет датировать его разработку в это время.

Кроме того, в данной зоне в древности велась добыча золота и серебра в месторождениях, расположенных в низовьях р. Пскем, на правобережье р. Чаткал и в предгорьях Южного Чаткала. По геологическим сведениям, масштаб добычи драгоценных металлов был значительным.

Гораздо более богата месторождениями металлов Кураминская зона, где выявлено порядка 80% всех рудных объектов известных в Чаткало-Кураминской горно-металлургической области. Среди них широко распространены полиметаллические месторождения и рудопроявления. Минеральный состав руд сложен и представлен сульфидными и окисленными минералами, среди которых распространены галенит, сфалерит, пирит, англезит, плюмбоярзит, из медных минералов: халькопирит, халькозин, ковеллин и купрогаллуазит.

Рудные тела многих месторождений обогащены серебром. Исследователи неоднократно подчеркивали, что Кураминский район являлся одним из основных поставщиков серебра в Средней Азии в средневековый период [Массон 1953: 32; Буряков 1974: 104–105]. В Кураминской зоне в древности также велась добыча золота.

Среди медных месторождений большинство объектов относится к медно-молибденовому типу. Особенно богата медью рудная база Алмалыкского района, где сконцентрировано несколько десятков месторождений и сотен рудопроявлений. Большинство из них эксплуатировались в древности. В восточных отрогах Кураминского хребта известны месторождения медистых песчаников Наукат, Варзык и Шакаптар, содержащие сульфидные и окисленные минералы. Судя по химическому сходству изделий с составом медных руд месторождений Наукат и Варзык, можно полагать об их разработке в бронзовом веке. По-видимому, тогда же в Кураминских горах эксплуатировались месторождение меди в Алмалыке и свинцово-серебряный руд-

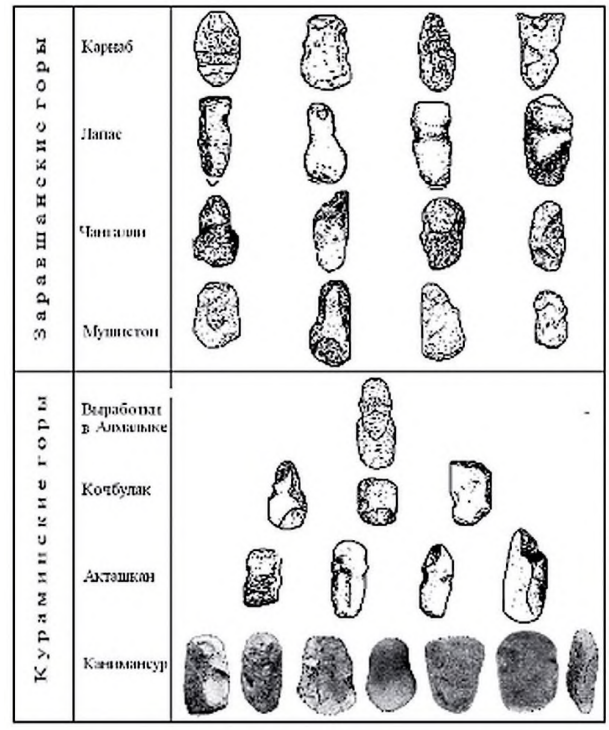

Рис. 2. Каменные орудия для добычи и обработки руды
2-сур. Кен өндіруге және өңдеуге арналған тас құралдар
Fig. 2. Stone tools for mining and processing ore

ник Канимансур, где были найдены каменные орудия (молоты, молотки и кайла) для добычи руды со следами специальной обработки (рис. 2).[1]

Исследователи обратили внимание на тот факт, что аналогичные каменные орудия встречаются в рудниках эпохи поздней бронзы в Северном Казахстане [Исламов, Рутковская 1957: 108–109]. Позднее в результате комплексных обследований древних оловянных рудников морфологически сходные орудия вместе с керамикой степных культур II тыс. до н.э. были также обнаружены в ряде месторождений касситерита в Зирабулак-Зиаэтдинских горах [Аванесова 2012: рис. 13–16; Рузанов 2010: рис. 3–4]. При этом установлено, что там они использовались только в эпоху бронзы; в раннем железном веке и античности такие орудия выходят из употребления.

Кроме месторождения «Возрожденное», в Чаткало-Кураминской горно-металлургической области скопления минералов олова выявлены в месторождениях Кенкол и Наугарзан, расположенных на северо-западе Кураминского хребта. В северной части того же хребта находятся рудопроявления касситерита – Тугрисай и Гава, в южной – Такели и Алмабулак (рис. 3). Среди них Тугрисай, Кенкол и Алмабулак разрабатывались в древности. Хотя кураминские месторождения и рудопроявления мелкие и небогаты касситеритом (максимальное содержание олова в пределах 0,2–0,35%), однако благоприятные условия добычи руды и географическая близость к памятникам с некоторой долей уверенности позволяют предполагать их эксплуатацию в эпоху бронзы. Наблюдаемая насыщенность металлических коллекций Фергано-Ташкентского региона оловянными сплавами косвенно указывает на существование у степных племен своей оловорудной базы.

Добыча руды в Чаткальских и Кураминских горах проводилась совместно с выплавкой меди. Об этом свидетельствуют обнаруженные вблизи месторождений и рудопроявлений шлаковые поля.

Месторождения меди и полиметаллов, а также следы металлургической добычи меди в Чаткало-Кураминской горно-металлургической области археологически изучены слабо. Твердо датирующие материалы, свидетельствующие об эксплуатации в эпоху бронзы рудных объектов на большей части рассмотренной территории, пока не выявлены. Исключением являются многочисленные пункты шлаковые полей в Кайрак-Кумах, содержащие археологические материалы второй половины II – первой половины I тыс. до н.э. и документирующие металлургическую добычу меди в это время. Поэтому для установления конкретного источника и исходного района производства металла нами проводилось сопоставление химической характеристики каждой химической группы с известным нам химическим составом руды месторождений.

Степную бронзу в Фергано-Ташкентском регионе характеризует металл поселений, стоянок, могильников и случайные единичные находки изделий. Коллекция насчитывает 168 предметов на медной основе и их фрагментов.[2]

В нее входят предметы, найденные в памятниках Кайраккумской культуры, существовавшей в восточных предгорьях Кураминских гор в Кайрак-Кумах, погребальный инвентарь могильников Кашкарчи, Вуадиль, Арсиф и Чек, расположенных на юго-востоке Ферганской долины, изделия отдельных погребений Искандер и Аурахмат, находящихся в северной части Ташкентской области, а также металлические вещи Чимбайлыкского и Бричмуллинского кладов, обнаруженные там же. Коллекцию дополняют случайные единичные находки, типологически сходные с предметами культур степной бронзы, и каменные литейные формы для изготовления втульчатых топоров и кирок, двулезвийных ножей, находящие аналогии в металле степных племен.

Спектральными анализами изучен химический состав 82 предметов (в том числе один слиток металла и 10 случайных находок), что составляет около 49% учтенных нами изделий. Путем графическо-математической обработки в исследованном металле удалось выделить 8 химических групп, находящих сходство в изделиях других памятников эпохи бронзы Средней Азии и прилегающих к региону областей. Это группы ЧК II, ЧК III и ЧК IV (Чатакло-Кураминские вторая, третья и четвертая), ВЗ I и ВЗ II (Верхнезаравшанская первая и вторая), ЮС Iб-ВУ (Южносред-

[1] В Кураминских и Чаткальских горах известно еще несколько рудников (месторождения Актепа, «Молодежное» и др.), где были найдены сходной формы каменные молотки и молоты [Буряков 1965: 15–17]. К сожалению, подробное описание изделий в публикациях не дано.

[2] В ряде памятников найдены украшения, изготовленные из драгоценных металлов (золото и серебро). Химический состав предметов не изучен.

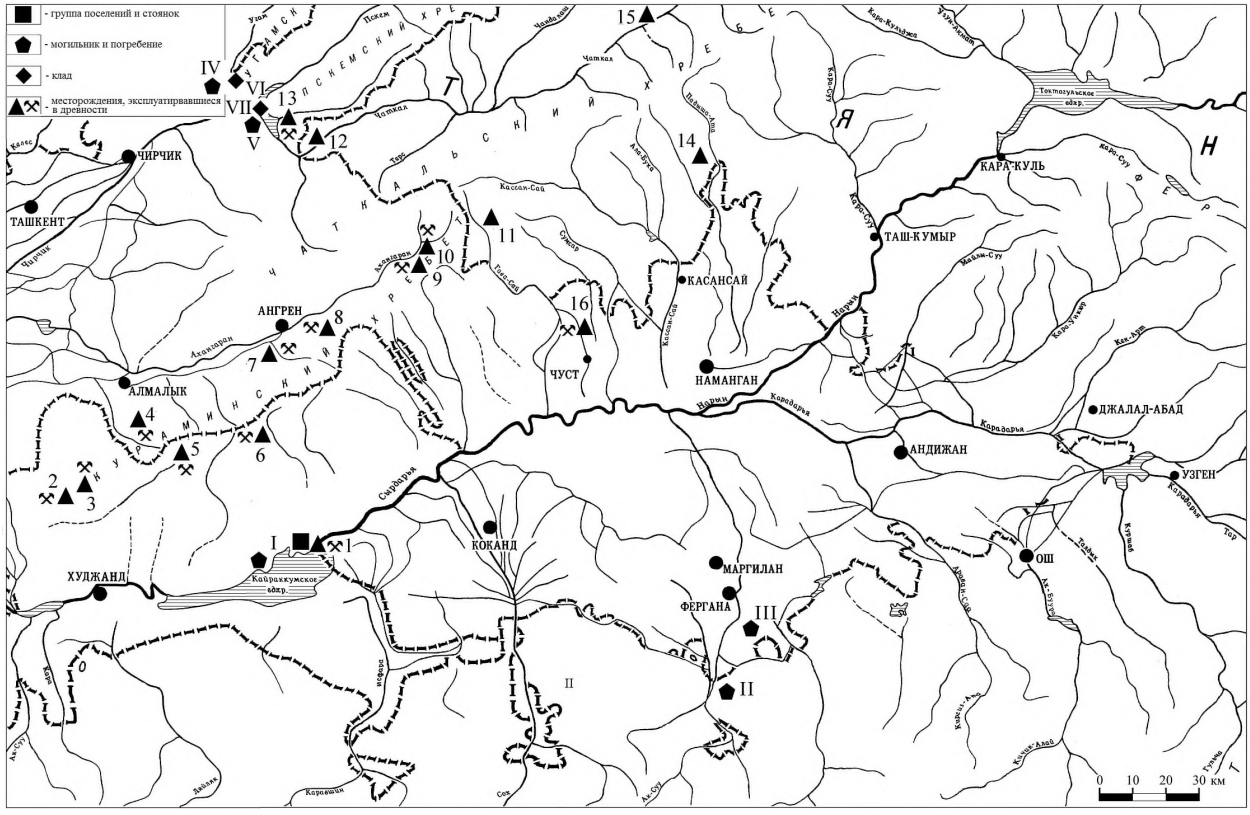

Рис. 3. Карта-схема расположения некоторых памятников, месторождений меди и полиметаллов (с оловом) в Чаткало-Кураминской горно-металлургической области. Памятники: I – Кайраккумская культура; II – могильник Вуадиль; III – могильник Кашкарчи; IV – погребение Искандер; V – погребение Аурахмат; VI – Чимбайлыкский клад; VII – Бричмуллинский клад. Месторождения и рудопроявления касситерита, полиметаллические рудные объекты с оловом: 1 – Наукат; 2 – Такели; 3 – Алмабулак; 4 – Алмалыкский участок; 5 – Кочбулак; 6 – Канимансур; 7 – Акташкан; 8 – Наугарзан; 9 – Тугрисай; 10 – Кенкол; 11 – Гава; 12 – Чепташ; 13 – «Возрожденное»; 14 – Саук-Булак; 15 – Тоялмыш; 16 – Варзык

3-сур. Чаткал-Курам тау-кен металлургия облысындағы кейбір ескерткіштердің, мыс және полиметалл (қалайы қосылған) кен орындарының орналасу карта-сызбасы. Ескерткіштер: I – Қайраққұм мәдениеті; II – Вуадиль қорымы; III – Кашкарчи қорымы; IV – Искандер жерлеу орны; V – Аурахмат жерлеу орны; VI – Чимбайлык көмбесі; VII – Бричмулла көмбесі. Касситерит кен орындары мен кенашылымдары, құрамында қалайы бар полиметалл кен объектілері: 1 – Наукат; 2 – Такели; 3 – Алмабулак; 4 – Алмалык учаскесі; 5 – Кочбулак; 6 – Канимансур; 7 – Акташкан; 8 – Наугарзан; 9 – Тугрисай; 10 – Кенкол; 11 – Гава; 12 – Чепташ; 13 – «Возрожденное»; 14 – Саук-Булак; 15 – Тоялмыш; 16 – Варзык

Fig. 3. Map-diagram of the location of some monuments, deposits of copper and polymetals (with tin) in the Chatkalo-Kuraminsky mining and metallurgical region. Monuments: I – Kairakkum culture; II – Voadil burial ground; III – Kashkarchi burial ground; IV – Iskander burial; V – Aurakhmat burial; VI – Chimbaylyk hoard; VII – The Brichmulla hoard. Deposits and ore occurrences of cassiterite, polymetallic ore objects with tin: 1 – Naukat; 2 – Takeli; 3 – Almabulak; 4 – Almalyk site; 5 – Kochbulak; 6 – Kanimansur; 7 – Aktashkan; 8 – Naugarzan; 9 – Tugrisai; 10 – Kenkol; 11 – Gava; 12 – Cheptash; 13 – «Vozrozhdennoe»; 14 – Sauk-Bulak; 15 – Toyalmysh; 16 – Varzyk

неазиатская один б – Волго-Уральская), ВК (Волго-Камская) и МП (Медистые песчаники).[3]

Кайраккумская культура. По мнению Б.А. Литвинского, металлургический центр культуры находился в горном хребте Супе-Тау в Кураминских горах на правом берегу р. Сыр-Дарья [Литвинский и др. 1962: 231]. Там на поселениях, стоянках и вблизи них выявлено большое количество пунктов плавок меди в виде шлаковых полей. Из 82 изделий и их обломков, найденных в памятниках Кайраккумской культуры, удалось проанализировать 42. Выделено 5 металлургических групп - оловянные (27 экз.), оловянно-свинцовые (4 экз.), свинцовые (2 экз.) оловянно-сурьмяно-мышьяковые (2 экз.) бронзы и чистая медь (7 экз.). По содержанию микропримесей коллекция расчленяется на 5 химических групп. Это химическая группа ЧК IV (8 экз.), которая по составу близка рудам месторождения медистых песчаников Наукат. Кайраккумские металлурги разрабатывали еще одно месторождение полиметаллического типа, руда которого сходна с металлом химической группы ЧК II (15 экз.). Данный источник, по-видимому, расположен там же в Кураминских горах. Кроме того, местные мастера использовали импортный металл групп ВЗ I (7 экз.) и ВЗ II (7 экз.), генетически связанный с Дашти-Кумсайским очагом металлургии, базировавшемся на полиметаллических месторождениях верхнего бассейна р. Заравшан, а также медь химической группы ЮС Iб-ВУ (2 экз.), поступавшей от горняков, разрабатывавших месторождения медистых песчаников в Кызылкумских горах. Три предмета отнесены к химически неопределенной группе (НО).

Могильник Кашкарчи. Коллекция изделий памятника состоит из 38 изделий, среди которых 26 – бусы. Из этой серии находок три предмета сделаны из золота, еще три – из серебра и биллона (сплав меди с серебром). Остальные – изделия на медной основе, изготовленные из оловянных бронз. По химическому составу коллекция слагается из трех химических групп: ЧК II (1 экз.), ЧК III (8 экз.) и ЮС Iб-ВУ (2 экз.). Среди них медь группы ЧК II кураминского происхождения, довольно часто использовали металлурги Кайраккумской культуры и поселения Чуст. Металл типа ЧК III был распространен в памятниках Чустской и Бургулюкской культур на ранних фазах их развития (Дальверзинская и Бургулюкская 1). По химическому составу связывается с псекмским месторождением «Возрожденное). Металл группы ЮС Iб-ВУ проник в Фергано-Ташкентский регион, по-видимому, из Кызылкумского горнорудного центра.

Могильники Арсиф и Чек. Серия изученных металлических изделий этих памятников маленькая; всего две находки – зеркало и подвеска. Предметы изготовлены из оловянных бронз одной химической группы ЮС Iб-ВУ, источник которой находится, очевидно, в Кызылкумских горах.

Погребения у селения Искандер и на свинцово-серебряном руднике Аурахмат. Металлический инвентарь погребений представлен девятью браслетами. Из них исследованы шесть: четыре украшения из Искандера и два из Аурахмата. Все браслеты отлиты из оловянных бронз. Металл находок един по своему происхождению и сходен с медью группы ЧК II, известной в памятниках Кайраккумской культуры, могильнике Кашкарчи и поселении Чуст. Его рудный источник, как мы полагаем, расположен в Кураминских горах.

Чимбайлыкский клад состоит из втульчатого топора, ножа, булавки и слитка металла, изготовленные из оловянной бронзы и мышьяково-сурьмяных сплавов. Слиток металла представляет собой чистую медь. По химическим показателям изделия клада разнородны. Их источниками могли служить месторождения медистых песчаников Юго-Западного Приуралья (группа МП). Два предмета химически близки по составу металлу группы ВК, распространенной в памятниках Нижней Волги, Среднего Поволжья и Нижней Камы (Черных 1970: 35]. Причем одно изделие – булавка находит параллели в химическом составе руд полиметаллических месторождений, расположенных в Чаткальских горах, что приводит к мысли о возможном использовании металла чаткальского происхождения.

Бричмуллинский клад. Из восьми изделий исследованы семь: две бляшки, четыре втульчатых наконечника стрел и секира. Вещи отлиты из оловянных (4 экз.), оловянно-свинцовой (1 экз.) и оловянно-сурьмяных (2 экз.) бронз. В химическом плане предметы находят сходство в металле хими-

[3] Среди них группы ЧК III и ВЗ I носят химико-металлургический характер. Их металл выплавлен из руд, обогащенных оловом, сурьмой и мышьяком. К категории химических групп группа ВЗ II отнесена условно, т.к. она объединяет естественные оловянно-сурьмяно-мышьяковые сплавы, скорее всего, полученные в процессе металлургической добычи металла.

Таблица I – Распределение изученных образцов по комплексам, химическим и химико-металлургическим группам [4]
I кесте – Зерттелген үлгілерді кешендер, химиялық және химия-металлургиялық топтар бойынша бөлу
Table I – Distribution of the studied samples by complexes, chemical and chemical-metallurgical groups

Культура, памятник	Химическая и химико-металлургическая группы								
	ЧК II	ЧК III	ЧК IV	ВЗ I	ВЗ II	ЮСІб-ВУ	МП	ВК	НО
Кайраккумская	15	-	8	7	7	2	-	-	3
м. Кашкарчи	1	8	-	-	-	2	-	-	-
п.п. Искандер и Аурахмат	6	-	-	-	-	-	-	-	-
Чимбалыкский клад	-	-	-	-	-	-	1	2?	1
Бричмуллинский клад	4?	-	-	2	1	-	-	-	-
м. Арсиф	-	-	-	-	-	1	-	-	-
м. Чек	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Случайные находки	3	3	-	-	-	4	-	-	-
Итого:	25+4?	11	8	9	8	10	1	2?	4

ческих групп ЧК II (условно 4 экз.), ВЗ I (2 экз.) и ВЗ II (1 экз.). Рудным источником первой группы, как мы полагаем, служило одно из месторождений Кураминских гор. Бронзы двух других являются импортом, поступавшим из Дашти-Козынского металлургического центра. Именно на таком металле базировалось производство Дашти-Кумсайского очага металлургии степной бронзы, функционировавшего в верхнем бассейне р. Заравшан на территории Западного Узбекистана и Центрального Таджикистана, а также в Турсунзадевском и Ховалинском районах в Юго-Западном Таджикистане в последней трети II–начале I тыс. до н.э.

При рассмотрении случайных находок металлических вещей, отнесенных к группам ЧК II, ЧК III и ЮСІб-ВУ, мы приходим к следующему заключению. Данные изделия могли быть отлиты из металла, добытого в рудниках Кураминских (месторождение медистых песчаников Наукат), Пскемско-Чаткальских (полиметаллические месторождения типа «Возрожденное») и Кызылкумских (медные месторождения) гор.

Проанализируем количественные соотношения между образцами химических и химико-металлургических групп. Эти сведения имеют большое значение для решения вопросов о рудных источниках металла, которым отдавали предпочтение горняки-металлурги степных племен Ферганo-Ташкентского региона. Согласно приведенным в таблице I данным можно сделать ряд важных по нашей теме выводов. Во-первых, местные литейщики преимущественно употребляли металл (химические группы ЧК II и ЧК IV), добытый в рудниках Кураминских гор; доля таких изделий в коллекции достигает 46%. Во-вторых, для местных мастеров существенное значение имел импортный металл (химико-металлургические группы ВЗ I и ВЗ II), поступавший из Даштинского металлургического центра. Его доля равна 21%. В-третьих, значительно реже в практике металлургов использовался металл, добытый в металлургических центрах, функционировавших в южных отрогах Пскемского хребта (химико-металлургическая группа ЧК III, 13,5%) и Кызылкумских горах (химическая группа ЮСІб-ВУ, 12%). В-четвертых, медь (химические группы МП и ВК), поступавшая из очагов Евразийской металлургической провинции, играла незначительную роль в развитии металлургии степных племен Ферганo-Ташкентского региона. Наконец, не исключается вероятность того, что некоторые изделия, отнесенные к химически неопределенной группе (НО), являются импортом из Казахстана или они могли быть изготовлены из металла, добытого в казахстанских древних рудниках.

[4] Знак «?» в данной и следующей таблице указывает на условную принадлежность изделия к химической группе.

Таблица II – Распределение изученных образцов по хронологическим периодам, химическим и химико-металлургическим группам

II кесте – Зерттелген үлгілерді хронологиялық мерзімдерге, химиялық және химия-металлургиялық топтарға бөлу

Table II – Distribution of the studied samples by chronological periods, chemical and chemical-metallurgical groups

Этап	Химическая и химико-металлургическая группы								
	ЧК II	ЧК III	ЧК IV	ВЗ I	ВЗ II	ЮСІб-ВУ	МП	ВК	НО
Поздний этап: XII–IX вв. до н.э.	24+4?	3	8	9	8	8	-	-	3
Ранний этап: XVII–XIII/ XII вв. до н.э.	1	8	-	-	-	2	1	2?	1
Итого:	25+4?	11	8	9	8	10	1	2?	4

Теперь попытаемся определить время начала эксплуатации горняками степных племен рудных источников металла и хронологическую последовательность их эксплуатации в качестве рудных источников. Среди известных и исследованных ныне фергано-ташкентских металлоносных памятников степного типа к древнейшим относятся комплексы погребального инвентаря Кашкарчинского могильника и вещи Чимбалыкского клада. В первом памятнике выявлены изделия Петровской культуры, датируемой XVII–XVI вв. до н.э. [Рузанов 2015: 83]. Чибайлыкский клад исследователи относят к третьей четверти II тыс. до н.э. [Кузьмина 1966: 11] или к XVI–XIV вв. до н.э. [Аванесова 1978: 40]. Исходя из этих дат и химической принадлежности предметов можно высказать следующее предположение. На раннем этапе главное внимание горняки степных племен уделяли полиметаллическим месторождениям, находящимся в Пскемско-Чаткальском горнорудном районе (табл. II). Одним из таковых стало месторождение «Возрожденное». Очевидно, там же было налажено производство естественных оловосодержащих сплавов. Кроме того, в данном периоде использовалась импортная медь, доставлявшаяся из металлургических центров Кызылкумских гор и Евразии. В конце этапа, где-то на рубеже XIII/XII – начале XII в. до н.э., горняки-металлурги начинают разрабатывать месторождения меди и полиметаллов в Кураминских горах.

Поздний этап развития металлургии степной бронзы в Фергано-Ташкентском регионе характеризует металл памятников XII–IX вв. до н.э. В эту группу входят комплексы Кайраккумской культуры,[5] металлический инвентарь могильников Вуадиль, Арсиф и Чек [Горбунова 1995: 14], погребений Искандер и Аурахмат [Кузьмина 1966: 72; Аванесова 1991: 69] и металл Бричмуллинского клада [Кузьмина 1966: 69; Аванесова 1991: 43]. Существенные качественные и количественные изменения, наблюдаемые в химических и химико-металлургических группах изделий данного этапа, свидетельствуют о происходивших переменах в сырьевой базе металлургии степных племен. В это время основными рудными источниками становятся медные и полиметаллические месторождения Кураминских гор. Одновременно вместе с ними важную роль играют импортные сложные оловосодержащие сплавы, доставлявшиеся из Дашт-инского металлургического центра, базировавшегося на полиметаллических месторождениях верхнего бассейна р. Заравшан. Параллельно увеличивается доля меди, поступавшей из производственных центров, функционировавших в Кызылкумских горах. Практически прекращаются поставки металла из очагов степных культур Евразийской металлургической провинции.

[5] Следует подметить сделанные исследователями в конце прошлого столетия коррективы в хронологии Кайраккумской культуры. Так, по Г.П. Иванову, ранний этап ее развития следует датировать не второй половиной II тыс. до н.э., как предлагал Б.А. Литвинский [Литвинский и др. 1962: 231, 258], а последней третью II тыс. до н.э. [Иванов 1999: 17]. Основываясь на химико-металлургических и типологических аналогиях дату начала кайраккумской металлургии, как мы полагаем, следует омолодить до рубежа XIII/XII – возможно, начала XII в. до н.э.

Представляет особый интерес для выявления связей между степными племенами Ферганo-Ташкентского региона и древневосточным населением юга Средней Азии факт использования оловосодержащих бронз пскемско-чаткальского происхождения в Северобактрийском очаге металлообработки, функционировавшем на территории Древней Северной Бактрии в эпоху бронзы [Рузанов 2013: 42–47].

Конечно, предложенные в статье версии из-за небольших серий изученных предметов и недостаточности аналитических данных о составах руд медных и полиметаллических месторождений Чаткало-Кураминской горно-металлургической области носят предварительный характер. Необходимо продолжить анализы руды если не всех, то, по крайней мере, наиболее крупных и значимых по содержанию металлов месторождений, а также исследования старых и новых находок медно-бронзовых изделий, которые, безусловно, внесут коррективы в эти выводы.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива // Тр. университета / Самарканд. Изд-во: Самаркандский Государственный университет. 1978, Вып. 348. С. 21–41.

Аванесова Н.А. Древние горняки Заравшана // А Уз. № 1(4). / Отв. ред. Ширинов Т.Ш. Самарканд. Изд-во: Сугдион, 2012. С. 7–34.

Буряков Ю.Ф. Древний серебряный рудник Актепа // Из истории культуры народов Узбекистана / Под ред. Р.Х. Аминова. Ташкент: Наука, 1965. С. 13–18.

Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака (V – начало XIII в.) // Отв. ред. В.А. Боярский. М.: Наука, 1974. 140 с.

Горбунова Н.Г. О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 3–35.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии / САИ. В. 4–9. М.: Наука, 1966. 151 с.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов // Древнейшая история Северного Таджикистана / Отв. ред. Д.Е. Хайтун. Душанбе. АН Тадж. ССР, 1962. 406 с.

Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент. Изд-во: АН Уз ССР. 1953. 75 с.

Иванов Г.П. Археологические культуры Ферганы (Периодизация и синхронизация): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд. 1999. 25 с.

Исламов О.И., Рутковская Л.М. Геолого-археологическая характеристика древнего рудника Канимансур // Тр. САГУ. Вып. IV. Ташкент, 1957. С. 155–176.

Рузанов В.Д. К вопросу о происхождении Чимбайлыкского клада // ИМКУ. Вып.22. Ташкент: ФАН, 1988. С. 214–219.

Рузанов В.Д. Новые данные к истории добычи олова в Узбекистане // Археология Узбекистана. 2010. Вып. 1. С. 49–64.

Рузанов В.Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд: Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан, 2013. 347 с.

Рузанов В.Д. Новые данные об исследовании металлических изделий из могильника Кашкарчи эпохи бронзы // ИМКУ. 2015. Вып. 39. Самарканд. С. 79–88.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. М.: Наука, 1970. № 172. 179 с.

REFERENCES

Avanesova, N. A. 1978. In: *Voprosy arheologii, drevney istorii i etnografii Uzbekistana (About archaeology, ancient history and ethnography of Uzbekistan)*. Vol. 348. Samarkand: Samarkand State University, 21–41 (in Russian).

Avanesova, N. A. 2012. In: *Arheologiya Uzbekistana (Uzbekistan archaeology)*, 1 (4), 7–34 (in Russian).

Buryakov, Y. F. 1965. In: Aminov, R. K. (ed.). *Iz istorii kultury narodov Uzbekistana (From the cultural history of the peoples of Uzbekistan)*. Tashkent: "Nauka" Publ., 13–18 (in Russian).

Buryakov, Y. F. 1974. *Gornoe delo i metallurgiya srednevekovogo Ilaka (V – nachalo XIII v.) (Mining and metallurgy of the medieval Ilak (5th – early 13th century))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gorbunova, N. G. 1995. In: Piotrovskiy, B. B. (ed.). *Arheologicheskiy sbornik (Archaeological collection)*, 32, 3–35 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 1966. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Sredney Azii (Metal artifacts of the Chalcolithic and Bronze Ages in Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Litvinskiy, B. A., Okladnikov, A. P., Ranov, V. A. 1962. *Drevnosti Kayrak-Kumov (Drevneyshaya istoriya Severnogo Tadzhikistana) (Antiquities of Kayrak-Kum (Ancient history of Northern Tajikistan))*. Dushanbe. Academy of Sciences of Tajikistan SSR (in Russian)

Masson, M. E. 1953. *K istorii gornogo dela na territorii Uzbekistana (On the History of mining in the territory of Uzbekistan)*. Tashkent: Academy of Sciences of Tajikistan SSR (in Russian).

Ivanov, G. P. 1999. *Arheologicheskie kultury Fergany (Periodizatsiya i sinhronizatsiya) (Archaeological cultures of Fergana (Periodization and synchronization)):* abstract of Thesis Cand. of Hist. sciences. Samarkand (in Russian).

Islamov, O. I., Rutkovskaya, L. M. 1957. In: *Trudy SAGU (Proceedings of the Central Asian State University)*, 4, 155–176 (in Russian).

Ruzanov, V. D. 1988. In: *Istoriya materialnoy kultury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan)*, 22, 214–219 (in Russian).

Ruzanov, V. D. 2010. In: *Arheologiya Uzbekistana (Uzbekistan archaeology)*, 1, 49–64 (in Russian).

Ruzanov, V. D. 2013. *Metalloobrabotka na yuge Sredney Azii v epohu bronzy (Metalworking in Southern Central Asia in the Bronze Age)*. Samarkand: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Russian).

Ruzanov, V. D. 2015. In: *Istoriya materialnoy kultury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan)*, 39, 79–88 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1970. *Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzhya (Ancient Metallurgy of the Urals and the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.04.2023.

Ж. Курманкулов
С.Б. Болелов
Ж.Р. Утубаев

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.130.144

Жолдасбек Курманкулов[1], kurmankulov@gmail.com,
Сергей Борисович Болелов[2], bsb1958@yandex.ru,
Жанболат Раймкулович Утубаев[1], utubaev_z@mail.ru
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
[2]Государственный музей Востока, г. Москва, Россия

Археологические исследования на городище Бабиш-мола в 2022 г.*

В статье публикуются материалы раскопок цитадели городища, в первую очередь, дворцового комплекса – «Большой Дом». За три сезона полевых исследований частично исследованы помещения и участок обводного коридора в северо-западной части здания. В 2022 году археологические изыскания были продолжены в южной части городища. В результате проведенных работ были выявлены три строительных горизонта. Начато изучение «шахристана» на городище Бабиш-мола. В ходе исследований получен немногочисленный, но достаточно выразительный археологический комплекс, преимущественно состоявший из фрагментов керамики, на основании которой время бытования памятника можно предварительно датировать в пределах III–II вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, экспедиция, раскоп, Сырдарья, городище, цитадель, шахристан, большой дом

Жолдасбек Құрманқұлов [1],
Сергей Борисович Болелов[2],
Жанболат Раймқұлұлы Утубаев [1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан
[2]Мемлекеттік Шығыс музейі, Мәскеу, Рессей

2022 жылы Бәбіш мола қалашығында жүргізілген археологиялық жұмыстар

Мақалада Бәбіш мола қалашығының цитаделі болып саналатын «Үлкен үй» сарай кешенінде жүргізілген соңғы жылдардағы қазба материалдары жарияланды. Үш маусым бойы жүргізілген далалық зерттеулер барысында ғимараттың солтүстік-батыс бөлігіндегі бөлмелер мен айналма дәліздің орыны жартылай ашылған болатын. 2022 жылы бұл қазба жалғасын тапты. Қазба жұмыстары оңтүстік бағытта кеңейтілді. Осы қазба

© 2023 г. Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р.

**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR 20280993*

учаскесінде жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде әр түрлі уақыттағы үш құрылыс горизонттың орналасуын ашуға мүмкіндік туды. Сондай-ақ, Бәбіш мола қалашығындағы «шахристанның» қалалық құрылысын зерттеу басталды. Зерттеу барысында аз болсада, нәтижелі археологиялық кешен анықталды, ондағы жиналған керамика фрагменттерінен ескерткіштің өмір сүру уақытын болжам бойынша б.д.д. III–II ғғ. мерзімдеуге болады.

Түйін сөздер: археология, экспедиция, қазба, Сырдария, қалашық, цитадель, шахристан, үлкен үй

Zholdasbek Kurmankulov[1],
Sergey Bolelov[2],
Zhanbolat Utubaev[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]State Museum of the East, Moscow, Russia

Archaeological research at Babish-mola settlement in 2022

The article publishes the materials of the excavations of recent years, which were the citadel of the settlement, primarily the palace complex – the «Big House». During the three seasons of field research, the premises and the section of the bypass corridor in the north-western part of the building were partially opened. In 2022, work on this facility was continued. The excavation was expanded in a southerly direction. As a result of the work carried out on this site of the excavation, it was possible to reveal the layout of three relatively different construction horizons. Also, the study of the urban development of the «Shakhristan» settlement of Babish-mola was started. In the course of the research, a few, but quite expressive archaeological complex was obtained, mainly fragments of ceramics, on the basis of which the lifetime of the monument can be tentatively dated within the 3rd–2nd centuries BC.

Keywords: archaeology, expedition, excavation, Syrdarya, settlement, citadel, shakhristan, big house

В полевом сезоне 2022 года Чирикрабатская археологическая экспедиция продолжила исследования на городище Бабиш-мола 1. Этот археологический обьект по значимости сопоставим с городищем Чирик-рабат и признан крупнейшим памятником античности в южной части древней дельты Сырдарьи, в районе среднего течения Жанадарьи.

Раскопки на памятнике были начаты отрядом Хорезмской экспедиции под руководством М.Г. Воробьевой в начале 60-х годов прошлого века [Толстов и др. 1960]. Возобновлены исследования на памятнике были только в 2018 году [Курманкулов и др. 2019]. Основным обектом изысканий был избран так называемый «Большой Дом» – дворцово-храмовый комплекс на цитадели городища. Работы были продолжены в 2020–2021 году. За два полевых сезона были частично вскрыты помещения в северо-западной части комплекса [Курманкулов и др. 2022].

В 2022 году работы на этом объекте были продолжены. Раскоп был расширен в южном направлении. Общая площадь раскопа 2022 года составила немногим менее 50 кв. м. На разных участках раскопа глубина достигала от 1 до 2 м. В результате проведенных работ на этом участке удалось зафиксировать планировку трех относительно разновременных строительных горизонтов (рис. 1).

Конструции 3-го, самого позднего, строительного горизонта открыты на отметках -163 – -178 от уровня репера[1] . Капитальных построек на этом уровне не выявлено. Есть все основания полагать что на позднем этапе жизни здания здесь скорее всего был хозяйственного двор, западная часть которого была раскопана еще в 2020 году. Еще в 2020 году в толще внешней стены комплекса были расчищены очаги, которые, судя по всему относятся к позднему периоду обживания здания. В юго-восточной части раскопа было открыто несколько ям, безусловно, хозяйственного назначения, которые были спущены с жилого уровня 3-го строительного горизонта значительно разрушившие (во всяком случае некоторые из них) строительные конструкции более раннего периода (рис. 2, 3).

Самая большая яма № 1 расчищена в 4 м от северной стены помещения 4, самого раннего периода возвеения здания. Она была почти прямоугольная в плане и имела размеры – 2 ×1,90–1,95 м. Заполнение ямы состояло из рыхлой пылевидной супеси серого цвета с незначительным включением золы и мелких древесных угольков. Кроме того, в заполнении найдено несколько невыразительных фрагментов керамики и небольшое количество костей животных. С юга к этой же яме примыкает еще одна овальная в плане яма № 1/1 длиной 1,25 м и шириной 1 м. На расстоя-

[1] В 2018 году за репер была принята самая высокая точка на северо-западной башне «Большого Дома».

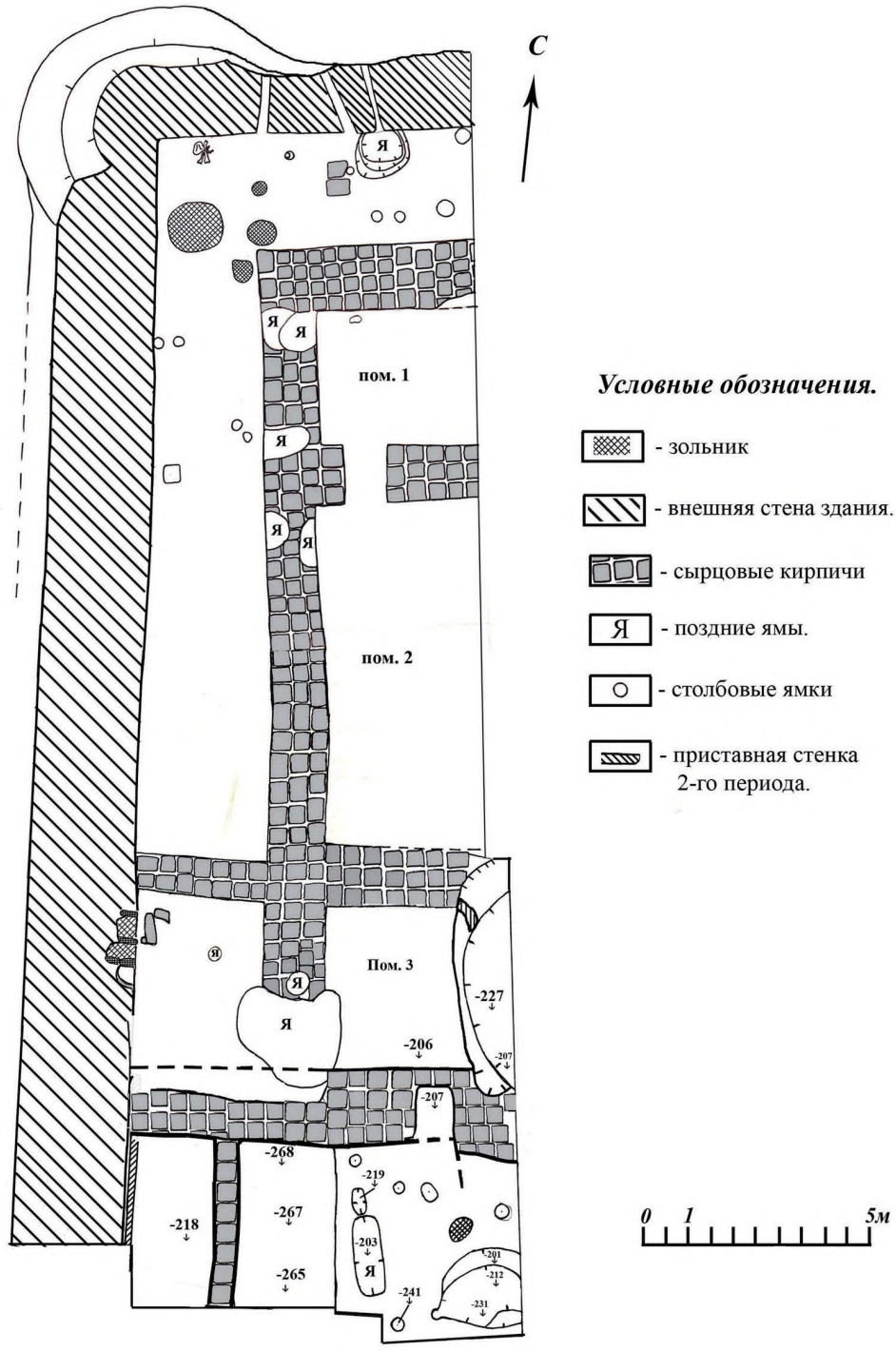

Рис. 1. Городище Бабиш-мола 1. Дворцовый комплек «Большой дом». План 1-го и 2-го периода
1-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. «Үлкен үй» сарай кешені. Бірінші және екінші кезең жоспары
Fig. 1. Babish-mola 1 urban site. The palace complex «Big House». Plan of the 1st and 2nd periods

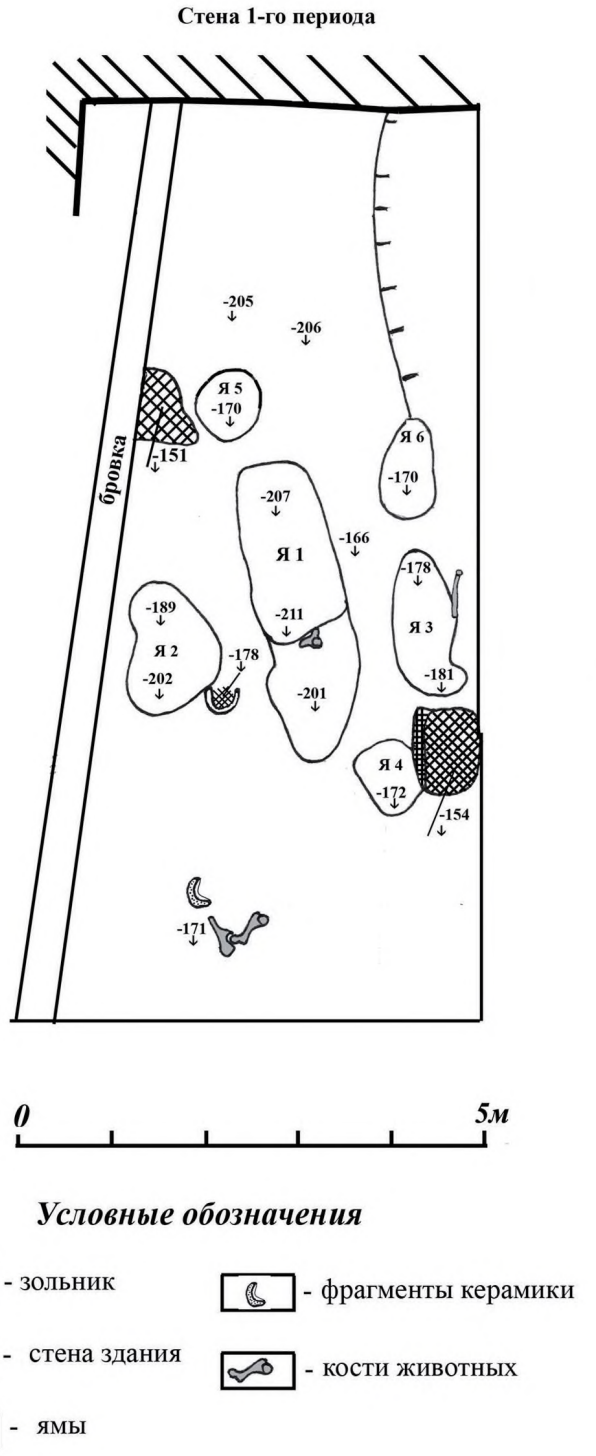
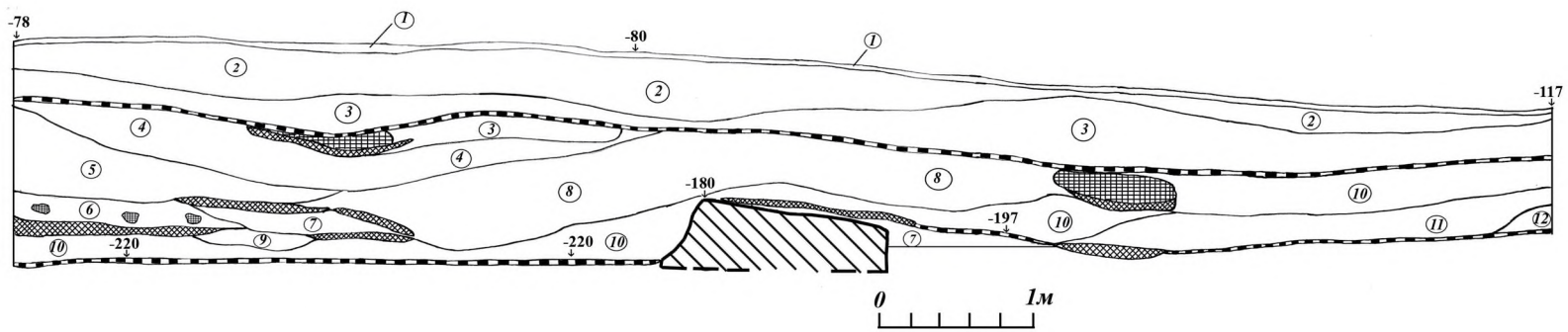

Рис. 2. Городище Бабиш-мола 1. Дворцовый коммплекс «Большой дом». План 3-го периода
2-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. «Үлкен үй» сарай кешені. Үшінші кезең жоспары
Fig. 2. Babish-Mola 1 urban site. The palace complex «Big House». Plan of the 3rd period

Условные обозначения

1 - слой плотного слоистого суглинка серо-коричневого цвета.
2 - слой рыхдлй пылевидной супеси светло-коричневого цвета
3 - слой плотного комковатого суглинка серого цвета
4 - слой плотного комковатого суглинка серо-коричневого цвета с содержанием органики.
5 - слой рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета
6 - слой рыхлой комковатой супеси темного серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и обожженной глиняной крошки.
7 - слой плотного суглиной серого цвета с кусками сырцового кирпича.
8 - слой завала сырцового кирпича.
9 - слой плотного суглинка темно-серого цвета
10 - слой рыхлого комкосатого суглинка серо-коричневого цвета с керамикой и костями животных
11 - слой плотного комковатого суглинка с включениями глины серо-желтого цвета и карбонатов.
12 - слой рыхлой пылевидной супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и древесными угольками.

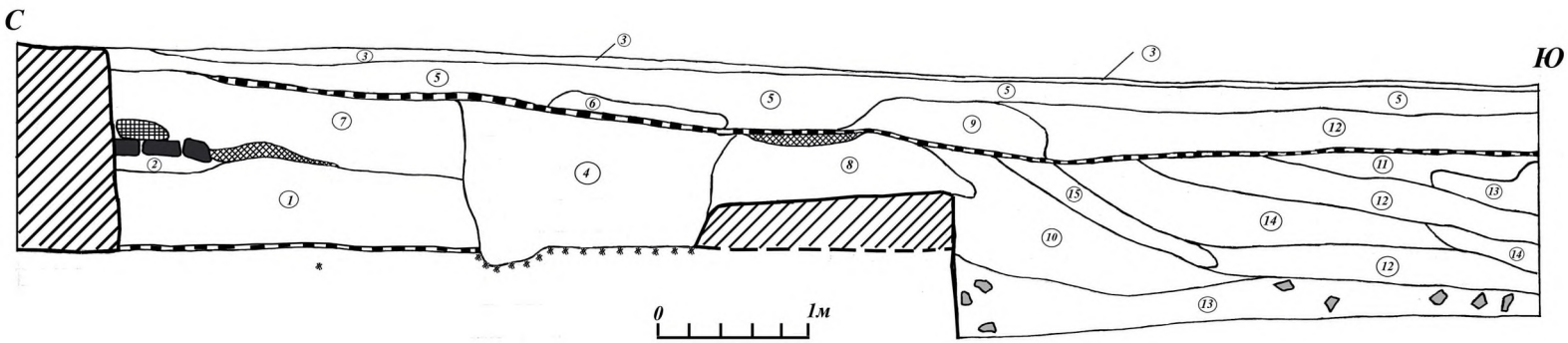
- глиняные обмазки уровня пола
- зольные слои, зольники.
- плотная, обожженная до красно-оранжевого цвета глина.
- крупные куски обожженной до красно-оранжевого цвета глины.

Рис. 3. Городище Бабиш-мола 1. Дворцовый коммплекс «Большой дом». Восточная бровка раскопа
3-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. «Үлкен үй» сарай кешені. Қазбаның шығыс ернеуі
Fig. 3. Babish-Mola 1 urban site. The palace complex «Big House». The eastern baulk of the excavation trench

нии 35 см к северу от ямы № 1 частично расчищена округлая в плане яма № 5 диаметром 70–75 см. Часть ее была расчищена еще в 2021 году и тогда же было установлено, что она частично вырублена в кладке стены 1-го строительного горизонта. На расстоянии 65 см к востоку от ямы № 1 открыта еще одна овальная в плане яма № 6. Длина по линии С-Ю – 105 см; максимальная ширина – 60 см. В 30-35 см к югу от ямы №6 расчищена овальной в планеформы, яма №3. Длина ее по линии С-Ю – 1,5 м, максимальная ширина – 65 см. Заполнение этой ямы представляет собой слой сравнительно плотной супеси темно-серого цвета с большим количеством древесных угольков и высоким содержанием золы. Кроме того, в заполнении найдено некоторое количество костей животных и, в том числе крупных. К югу от этой ямы открыт крупный зольник, овальной форм, размерами 60×80 см. По всей видимости это остатки напольного очага. Это подтверждается еще и тем фактом, что по запалной стенке очага фиксируется глинянный бортик, максимальная ширина которого – 10–15 см. Рядом с этим очагом расчищена еще одна, также овальная в плане яма № 4 размерами 60×65 см. К юго-западу от ямы № 1 на расстоянии 50 см открыта еще одна, овальная в плане яма № 2, ориентированная также как и все остальные по линии С-Ю. Длина этой ямы – 1,5 м, ширина – 1 м. Она была заполнена рыхлой комковатой супесью ветло-коричневого цвета с большим количеством мелких древесных угольков и глиняной крошкой красно-оранжевого цвета. Рядом с этой ямой открыты остатки небольшого напольного очага подковообразной формы, открытого на север, шириной – 50–55 см (рис. 2). В южной части раскопа ям, которые можно было бы отнести к 3-му строительному горизонту, не обнаружено. В то же время здесь зафиксированы скопления костей крупного рогатого скота (рис. 2).

Конструкции второго строительного периода. Никаких капитальных построек из сырцового кирпича на этом уровне не зафиксировано. Вместе с тем есть все основания полагать, что именно к этому периоду существования городища относится часть каркасной постройки, которая была открыта в 2021 году. По всей видимости, часть аналогичной постройки расчищена в восточной части раскопа. Полностью размеры этого сооружения пока установить не представляется возможным. К северу от остатков этой каркасной конструкции зафиксировано овальное в плане зольное пятно размерами 65×35-40 см, которое, совершенно очевидно, является остатками очажной конструкции, возможно, напольного очага (рис. 1). На основании полученных стратиграфических данных, к этому же периоду обживания памятника относится большая овальная в плане яма (1,75 × 0,75 м), открытая к западу от второй каркасной постройки (рис. 4). К северу от этой ямы открыта также овальная в плане яма, но значительно меньших размеров – 50×30–35 см. Заполнение ее состояло из рыхлой комковатой супеси темно серого цвета, но следует отметить содержание золы в слое. Надо полагать, к этому периоду существования помещения относятся столбовые ямки, которые ранее были отмечены на уровне второго стоительного периода. В центральной части раскопа выявлен ряд столбовых ямок, с диаметром от 25 до 30 см. Можно предполагать, что они указывают на расположение опорных столбов навеса, который был сооружен с южной стороны рядом с жилищем каркасного типа. Еще одна столбовая ямка выявлена в южной части раскопа на расстоянии 70–75 см к юго-западу от второй каркасной постройки (?). Диаметр этой ямки 20–25 см, глубина около 30 см. Столбовая ямка диаметром 20 см, в которой, вне всякого сомнения, крепился вертикальный столб – опора перекрытия жилища, расчищена и в углу второго каркасного жилища (рис. 5).

Строительные конструкции, относящиеся к первому, самому раннему периоду существования здания, открыты в центральной и юго-западной части раскопа. В центральной части расчищен участок ранней стены, сложенной из сырцового кирпича, квадратного или прямоугольного формата. Эта стена перегораживала с южной строны обводной коридор, в результате чего в юго-западной части здания, уже в период строительства, образоалось небольшое почти квадратное в плане помещение размером 3×3,10 м. Восточный участок этой стены является южной стеной помещения №3, часть которого была открыта еще в 2021 году. Таким образом удалось установить ширину этого помещения по линии С–Ю, которая равна 3,5 м (рис. 1). Необходимо отметить, что эта стена была довольно сильно разрушена поздними ямами. Так, например, большой ямой, относящейся к третьему, наиболее позднему периоду жизни памятника, практически полностью уничтожена часть стены в западной части, а также юго-западный угол помещения. Нельзя исключать, что здесь был проход соединявший помещения или помещение с отрезком обводного коридора. Позними ямами практически полностью уничтожена восточная часть стены помещения 3. Лишь на отдельных участках удалось замерить ее ширину – 1,5–1,6 м. В юго-западной части раскопа отрыта часть прямоугольного в плане котло-

Условные обозначения

1 - Слой завала сырцового кирпича.
2 - слой мелкого комковатого суглинка серо-желтого цвета с кирпичной крошкой.
3 - Слой плотного слоистого суглинка сео-коричневого цвета.
4 - слой рыхлой комковатой супеси темно-серого цвета с керамикой и древесными угольками.
5 - слой супеси серо-коричневого цвета.
6 - слой комковатого суглинка серого цвета.
7 - слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета с древесными угольками и включениями карбонатов.
8 - слой плотного суглинка серо-коричневого цвета.
9 - слой плотного комковатого суглинка серого цвета с кусками сырцовых кирпичей.
10 - слой рыхлой комковатой супеси серого цвета с мелкими древесными угольками и карбонатами.
11 - слой рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета.
12 - слой рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием органики.
13 - слой рыхлой комковатой супеси с мелкой кирпичной крошкой и кусками сырцового кирпича.
14 - слой плотной комковатой супеси с кусками сырцового кирпича.
15 - слой рыхлой пылевидной супеси светло-коричневого цвета с глиняной крошкой обожженной до красно-оранжевого цвета.

- глиняные обмазки уровня пола
- зольные слои, зольники.
- плотная, обожженная до красно-оранжевого цвета глина.
- куски (фрагменты) сырцовых кирпичей.
- кирпичная стена
- сырцовый кирпич

Рис. 4. Городище Бабиш-мола 1. Дворцовый коммплекс «Большой дом». Центральная бровка раскопа
4-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. «Үлкен үй» сарай кешені. Қазбаның ортаңғы ернеуі
Fig. 4. Babish-Mola 1 urban site. The palace complex «Big House». The central baulk of the excavation trench

Рис. 5. Городище Бабиш-мола 1. Дворцовый коммплекс «Большой дом». Вид после расчистки
5-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. «Үлкен үй» сарай кешені. Тазалағаннан кейінгі көрініс
Fig. 5. Babish-Mola 1 urban site. The Palace complex «Big House». View after clearing

вана (бассейна?), нижний уровень которого почти на 0,5 м. ниже уровня пола самого раннего строительно горизонта. Западный борт котлована был укреплен (только верхняя часть кирпичной стеной шириной 46–48 см). Этот котлован заполнен последовательно накопишимися слоями рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета с кипичной крошкой и кусками сырцового кирпича. Таким образом, можно предполагать, что этот котлован постепенно заполнялся слоями мусора и фрагментами разрушенного раннего здания на протяжении достаточно длительного временного периода.

В результате исследований дворцового комплекса «Большого дома» в 2022 году, в первую очередь по стратиграфическим данным, удалось выделить три периода обживания комплекса, что и ранне предполагалась по итогам работ Хорезмской археологической экспедиции. Однако, данные полученные уже в этом сезоне дают основание несколько скорректировать выводы, сделанне ранее. В первую очередь отметим, что высказанное раньше предположение о том, что ранее здание (первый период) было недостроено не соотвествует действительности. Этому заключению противоречат факты, полученные в ходе раскопок последних лет. На стенах помещений, открытых в северо-восточной части здания, зафиксировано как минимум 7–8 слоев лессово-саманной штукатурки. В тоже время есть все основания предполагать, что раннее здание обживалось сравнительно непродолжительный период времени и было покинуто первыми обитателями. Об этом, в частности, может свидетельствовать практически полное отсутствие культурного слоя на полу помещений. После того как первые обитатели строения покинули его, дворец некоторое время не обживался, но частично использовался.

Видимо к этому – второму периоду относятся каркасные постройки, частично открытые в юго-восточной части раскопа. О том, что стены здания в это время еще стояли, свидетельствует тот факт, что

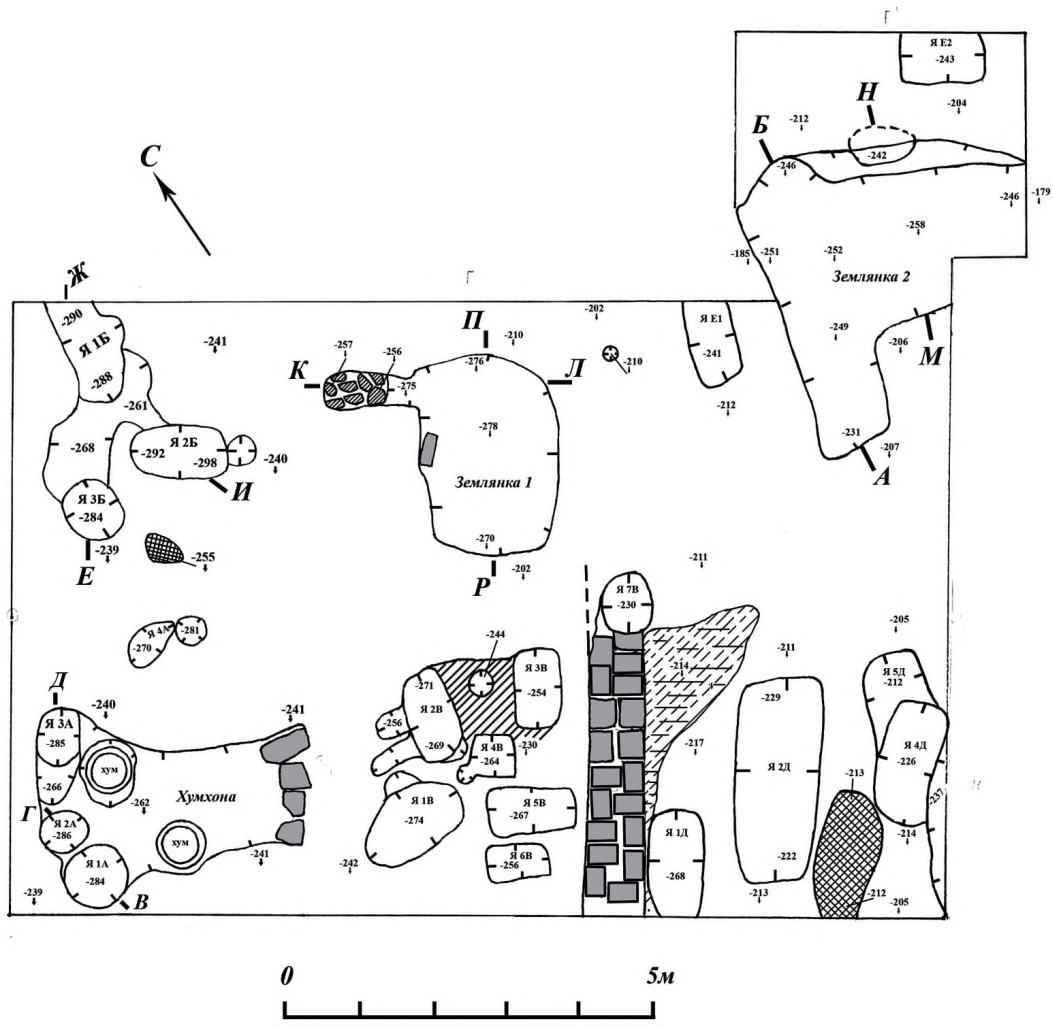
при строительстве каркасной постройки № 1 была частично подрублена северная стена помещения 3 (южная стена помещения 2). Судя по всему, и этот период обживания здания был непродолжительным. После того, как люди, построившие здесь каркасные жилища, покинули пустовавший дворец, стены обрушились. По всей видимости, очень плотный кирпичный завал, образовавшийся в результате этого, и был принят первыми исследователями памятника за слой забутовки. На верхнем уровне завала фиксируется жилой уровень третьего периода, когда юго-западная часть раннего здания была превращена в хозяйственный двор. Именно к этому периоду относятся многочисленные ямы, частично уничтожившие стены первого периода. При этом нет никаких оснований говорить, что в это время произошла какая-то смена этноса. Во всяком случае в относительно разновременных стратифицированных археологических комплексах, полученных в результате раскопок, каких-либо существенных различий не зафиксировано. В целом, их можно датировать достаточно широко – в пределах III–II вв. до н.э.

В 2022 году было начато изучение городской застройки «шахристана» городища Бабишмола 1. Раскоп был разбит в 100–110 м к югу от юго-восточной угловой башни цитадели, к востоку от раскопа Хорезмской экспедиции 60-х годов. Основной целью данного раскопа, который получил номер Б-М I Г Р-1, является выяснение характера рядовой городской застройки на территории городища, на отдельных участках между цитаделью и крепостной стеной. Общая площадь раскопа к концу полевого сезона составила немногим менее 120 кв. м. До начала работ вся площадь раскопа, которая представляла собой ровную поверхность такыра с многочисленными фрагментами керамики, немного понижающуюся с юга (от крепостной стены) на север (к центру городища), была разбита на квадраты площаью 16 кв. м (4 × 4 м). Раскоп ориентирован углами по сторонам света. Культурный слой в этой части городища, почти полностью смыт. На отдельных участках, в восточной части раскопа (кварaты Е и Г) сразу же, после снятия такырной корки шел материковый слой. Тем менее по площади раскопа открыты скопления ям, скорее всего хозяйственных. Исследованы две землянки или полуземлянки; одна полностью, вторая частично, а также выявлен нижний ряд сырцовых кирпичей стены здания, которое расположено, скорее всего, к югу и к юго-западу от раскопа 2022 года (рис. 6).

В квадрате «А» (юго-западный участок раскопа) открыта небольшая хумхона – неправильной формы яма, вырубленная в материковом слое длиной 3,5 м. Максимальная ширина, в западной части составила 2,2 – 2,3 м. Глубина ямы небольшая – 20-25 см от уровня древней дневной поверхности. В западной части сооружения in situ расчищены остатки двух стационарно установленных крупных тарных сосудов – хумчей или, скорее всего, крупных кувшиновидных сосудов без ручки. Диаметр верхней части тулова 45–46 см. Рядом с ними у западного борта углубления расчины еще три ямы, в которых, безусловно, были стационарно установлены крупные тарные сосуды. Самая крупная яма – Я 1А[2] открыта в юго-западном углу сооружения. Диаметр ее – 80 см. Еще одна яма – Я 2А обнаружена практически вплотную к первой яме с северной стороны. Диаметр этой ямы – 50-60 см. В северо западном углу сооружения обнаружена еще одна яма – Я 3А, овальной в плане формы, размерами – 75×55 см. В отличие от двух предыдущих ям, около третьей расчищен овальный в плане приямок длиной 55 см (рис. 6). Также в кв. А, в северо-восточной его части, на расстоянии 1 м к северу от хумхоны выявлена еще одна небольшая, овальная в плане яма – Я 4А, длиной – 75 см, максимальная ширина – 40-45 см. Практически в плотную к этой яме примыкает еще одна небольшая округлая в плане ямка диаметром – 40см. Она была заполнена рыхлой пылевидной супесью серого цвета. Вполне вероятно что это остатки от столбовой ямки, в которую помещалась вертикальная деревянная стойка (рис. 6).

Три сравнительно большие ямы, соединенные между собой приямками-перемычками, были расчищены в северном секторе квадрата «Б». То, что эти ямы, вырубленные в материковом слое, соединены между собой, дает основание рассматривать их как единый комплекс (рис. 6). Я 1Б – овальная в плане яма, вытянутая по линии Ю – С; максимальная ширина в южной части – 75-80 см. Открыта только южная часть ямы длиной 1,5 м. Весьма вероятно, что здесь была поздняя яма (рис. 7: Б). В заполнении Я 1Б найдено некоторое количество мало выразительных фрагментов керамики, в основном – лепная посуда. Я 2Б – овальная в плане яма (1,3 × 0,7 м) ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Заполнение этой ямы мало отличается от описанного выше – рыхлый комковатый

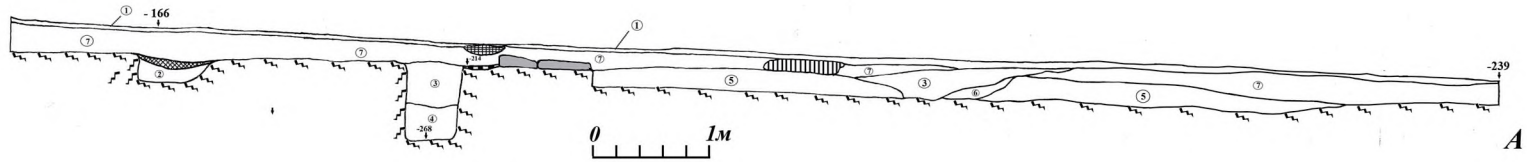
[2] Здесь и далее в индексе обозначения ям – цифра – номер ямы. Заглавная буква – обозначение квадрата.

Условные обозначения

- зольные слои, зольники
- плотный суглинок светлокоричневого цвета
- сырцовый кирпич
- сохранившиеся участки пола
- куски материковой глины

Рис. 6. Городище Бабиш-мола 1. Шахристан. Раскоп 1. План раскопа
6-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. Шахристан. № 1 қазба. Қазба жоспары
Fig. 6. Babish-Mola 1 urban site. Shakhristan. Excavation trench 1. Excavation trench plan

Условные обозначения

1 - плотный слоистый суглинок красно-коричневого цвета (такыр)
2 - слой рыхлой пылевидной супеси темно серого цвета с высоким содержанием золы и угольками
3 - слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета
4 - слой плотного комковатого суглинка серого цвета
5 - слой плотного суглинка серо-желтого цвета
6 - слой рыхлой комковатой глины с высоким содержанием золы
7 - слой рыхлой комковатой супесисерого цвета с керамикой и костями животных

- зольные слои, зольники
- плотная, обожженная до красно-оранжевого цвета глина
- плотный слоистый суглинок с включениями материкового грунта

Условные обозначения

1 - плотный слоистый суглинок красно-коричневого цвета (такыр)
2 - слой плотного суглинка серого цвета.
3 - слой комковатого суглинка серого цвета
4 - слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета с большим количеством карбонатов
5 - слой плотного комковатого суглинка серо-коричневого цвета с включениями карбонатов
6 - слой рыхлого суглинка с золой и древесными угольками
7 - слой супеси серо-коричневого цвета с древесными угольками
8 - слой плотного суглинка с большим количеством древесных угольков
9 - слой комковатого суглинка с древесными угольками и включеним карбонатов
10 - слой плотного слоистого суглинка серо-коричневого цвета
11 - слой рыхлого комковатого суглинка с кусками обожженой глины и древесными угольками
12 - слой рыхлой комковатой супеси серого цвета с включениями карбонатов

- зольные слои, зольники
- глиняные обмазки уровня пола
- уровень материка

Рис. 7. Городище Бабиш-мола 1. Шахристан. Раскоп 1. А – юго-западная бровка, Б – северо-восточная бровка
7-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. Шахристан. № 1 қазба. А – оңтүстік-батыс ернеуі, Б – солтүстік-шығыс ернеуі
Fig. 7. Babish-Mola 1 urban site. Shakhristan. Excavation trench 1. A – southwestern baulk, B – north-eastern baulk

суглинок серого цвета. Можно отметить только присутствие мелких древесных угольков. Эта яма соединялась с Я 1Б небольшим приямком-перемчкой шириной 35–40 см. Рядом с Я 2Б, практически вплотную расчищена еще одна неглубокая, возможно, столбовая ямка диаметром 40 см. Расстояние между этими двумя столбовыми ямками – 4,2 м. Почти округлая в плане Я 3Б открыта в 1 м к юго-западу от Я 1Б. Максимальный диаметр этой ямы – 0,8 м. Эта яма соединялась с Я 1Б приямком-перемычкой шириной 80–90 см и длиной 1–1,1 м. На расстоянии 40 см от Я 3Б расчищено небольшое углубление овальной подтреугольной формы, вырубленное в материковом слое. Углубление было заполнено слоем супеси с высоким содержанием золы и кусками обоженной до красно-оранжевого цвета глины. Возможно, это остатки небольшого напольного очага. Ямы открытые в кв. Б можно рассматривать как единый комплекс, так как они связаны между собой. Безусловно, это никак не связано с жильем. Не исключено, что ямы каким-то образом связаны с производством (?). Может быть находки фрагментов кристаллического гипса в Я 3Б не случайны. Однако определить функциональное назначение этих ям и всего комплекса невозможно.

Еще одно довольно компактное скопление ям, расположенных практически вплотную друг к другу открыто на расстоянии менее 1 м к юго-востоку от хумхоны в кв. В. Надо отметить, что глубина этих ям, которые занимают практически всю площадь кв «В», небольшая – немногим более 30 см.

Я 1В – самая восточная в комплексе. Эта овальная в плане яма (1,5 × 0,85 м) вырублена в материковом грунте. В северном борту бырублена небольшая полукруглая в плане ниша шириной 45–50 см. Находок в яме не было. Яма 2В расчищена в 25 см к СВ от Я 1В. Яма овальной формы, 1,5 × 0,65 м. Примечательно, что в отличие от всех остальных эта яма вырублена не в материке. В западной стенке были вырублены две сильно вытянутые овальные в плане ниши. Длина южной ниши – 75 см, ширина – 25 см. Северная ниша немного меньше; 40 × 30 см. К востоку от Я 2В обнаружена еще одна, подпрямоугольная в плане яма размерами (1,05 × 0,65 м) – Я 3В, которая ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Между двумя ямами, описанными выше, расчищена небольшая и неглубокая, возможно столбовая ямка диаметром 40 см. На расстоянии 20–25 см от западного угла ямы 3В, и практически вплотную к яме 2В обнаружена еще одна почти квадратная в плане яма 4В размерами 0,65 ×0,6 м). В западном углу этой ямы расчищено округлое в плане углубление диаметром 25 см. Можно предполагать, что след от вертикальной деревянной стойки (?). В 15–20 см от Я 4В обнаружена еще одна Я 5В. Она почти прямоугольная в плане и ориетирована по линии СЗ – ЮВ. Размеры этой ямы – 1,2 × 0,7 м, глубина от верхнего уровня суглинистого массива – 37 см. К югу от ямы 5В расчищена еще одна яма – Я 6В. Она также неглубокая, прямоугольная в плане, но меньших размеров – 0,85 × 0,5 м.

К север-востоку от скопления ям в кв. В, в кв. «Г» открыто сооружение, которое можно считать небольшой полуземлянкой или большим погребом. Это ориентированная по линии Ю–З – СВ овальная в плане яма 2,75 × 1,9 м, глубиной 0,78–0,70 м, вырубленная в материковом грунте. Вход в это сооружение в виде овального в плане ступенчатого спуска был с северо-запада. Ширина входа – 0,5–0,4 м, длина – 1,25 м. Следует отметить, что первоначально, надо полагать, во время строительства сооружения, ступеньки не было. Позднее, при входе, из кусков материковой глины и обломков сырцового кирпича с применением глиняного раствора было сделано возвышение-ступенька высотой 20-22 см. Длина ступеньки – 0,7 м. Пол сооружения – ровный, можно отметить только небольшое понижение в центре. Культурного слоя который, можно было бы соотнести с периодом активного функционирования сооружения не зафиксировано. В северо-восточной части сооружения эти два слоя разделены прослойкой плотного комковатого сулинка светло-коричневого цвета. В верхнем слое заполнения найдено небольшое количество мало выразительных фрагментов керамики, а также костей животных. Как было перекрыто это сооружение мы можем только догадываться. Никаких следов вертикальных стоек или столбов не обнаружено. Можно предполагать, что по периметру сооружения, на уровне древней дневной поверхности и была какая-то сырцовая конструкция, на которую опирались балки или жерди перекрытия. Однако мы можем это только предполагать. Во всяком случае следов этой конструкции не обнаружено. Нет никаких оснований считать это сооружение жилой землянкой или полуземлянкой. Следов жизнедеятельности не зафиксировано. Скорее всего это был большой погреб который использовался в хозяйственных целях, например для хранения продуктов.

Еще одно, надо полагать, подземное или полуподземное сооружение, вырубленное в материковом грунте, частично открыто в юго-восточной части раскопа – кв. «Е» и участок «Е'». Можно предполагать,

Рис. 8. Городище Бабиш-мола 1. Шахристан. Раскоп 1. Вид после расчистки
8-сур. Бәбіш мола 1 қалашығы. Шахристан. № 1 қазба. Тазалағаннан кейінгі көрініс
Fig. 8. Babish-Mola 1 urban site. Shakhristan. Excavation trench 1. View after clearing

что размеры котлована были немного больше, по сравнению с погребом (?) в квадрате «Г». Как можно предполагать по раскопанной части сооружение - поземлянка (?) в юго-восточной части раскопа было Г-образным в плане, если вход, который был с южной стороны, считать частью сооружения. Ширина входа – 1 м, длина – 1,25–1,3 м. По всей видимости, насколько об этом можно судить по вскрытому участку, основное помещение этого сооружения было прямоугольным в плане, шириной – 2 м. Длина его пока не установлена. В восточном направлении она прослежена на расстоянии 3,7 м от западной стены полуземлянки. Прямо напротив входа, в северном углу, в стенке была вырублена полукруглая в плане ниша шириной 1 м и глубиной 0,5 м. Вдоль северо-восточной стены или борта полуземлянки была оставлена ступенька высотой не более 15 см. На расстоянии 1,75 м от северного угла в этой ступеньке и, непосредственно, в северо-восточной стене была вырублена еще одна овальная в плане ниша шириной 0,8 м и глубиной 0,5 м (рис. 6). Стенки или борта котлована были почти вертикальные. Никаких обмазок ни на стенках, ни на полу не зафиксировано. Все эти культурные наслоения прорезаются поздней ямой в западной части сооружения, которая хорошо прослеживается в северо-восточной бровке раскопа. Ширина верхней части ямы по линии разреза – 1,3 м (рис. 7: А).

В северо-западной части квадрата «Е», в 0,7 м к западу от входа в полуземлянку частично расчищена овальная или прямоугольная в плане яма – Я Е1 шириной 65 см. Длина ее не установлена, так как северная ее часть уходит под бровку.

Остатки единственной в пределах раскопа архитектурной сырцовой конструкции быявлены на границе квадратов «В» и «Д». Эта нижняя часть стены сложенной из прямоугольного сырцового кирпича – 44–48×35–38×10–12 см, причем использовался как

целый кирпич так, и половинки. Стена сохранилась только на отдельных участках на высоту одного кирпича. Ширина стены 0,75 м, то есть приблизительно полтора кирпича. Стена ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Удалось проследить протяженность стены в пределах 4,2 м в юго-западном направлении в кв. «Д». Северо-восточная часть конструкции в границах раскопа полностью смыта. Кроме того, в квадрате «Е» часть стены уничтожена, надо полагать, поздней ямой – Я 7В. Яма овальная в плане – 85×65 см. В квадрате «Д» рядом со стеной на отдельных участках удалось расчистить глиняную обмазку толщиной не более 2–3 см, которая была положена на уровень древнего материка и примыкала к кирпичной кладке стены (рис. 8). Можно полагать, что это обмазка уровня пола помещения или, возможно, двора, который с северо-запада был ограничен кирпичной стеной.

К юго-востоку от кирпичной стены, как можно предполагать, в пределах помещения или, что более вероятно, двора открыто несколько ям, которые были спущены с жилого уровня пола (рис. 6). На расстоянии 1,25 м от стены расчищена большая, но мелкая, подпрямоугольная в плане яма (2,75×1,2 м), ориентированная строго параллельно кипичной стене. В 0,6 – 0,7 м к юго-востоку от этой ямы расчищены еще две относительно разновременные ямы, но безусловно относящиеся к одному периоду существования постройки (?). Более ранняя яма – Я 5Д была скорее всего подпрямоугольной формы. Ширина северной части – 0,9 м. Южная часть ямы уничтожена более поздней ямой Я 4Д. Эта яма, овальная в плане (1,7×0,8 м), оринтирована по линии ЮЗ – СВ. В пределах кв. «Д» были открыты еще две ямы, которые немного отличаются от остальных. Овальная в плане яма Я 1Д расположена практически вплотную к кирпичной стене, параллельно ей. Ширина ее – 0,75 м. Длину установить не удалось, так юго-западная часть ямы осталась под бровкой раскопа (рис. 7:А). Еще одна, яма – Я 6Д, также овальная в плане, шириной 0,65-0,8 м обнаружена в 2,25 м к юго-востоку от кирпичной стены. Длина ее неизвестна, так как ее юго-западная часть скрыта под бровкой раскопа (рис. 7: А). Сверху этот слой был перекрыт слоем золы толщиной не менее 10 см. Следует также отметить, что борта ямы были обожжены до красно-розового цвета, но огонь в ней не горел. Скорее всего, в яму просто сваливали горячие угли. В данном случае можно предположить, что это был очаг для отапливания помещения.

В резутате работ 2022 года на территории города Бабиш-мола 1, вскрыта небольшая часть городской застройки между цитаделью и крепостной стеной городища. Предварительные выводы о характере городской застройки городища Бабиш-мола 1. Регулярной застройки на этом участке городища не выявлено. По всей видимости, расчищена часть хозяйственной зоны, возможно отдельно стоящей внутригородской усадьбы или жилого комплекса. Об этом красноречиво, на наш взгляд, свидетельствует большое количество ям к северу от предполагаемого жилого комплекса (сырцовая стена в кв. «В»). Вероятно, частью этой хозяйсвенной зоны был погреб (?) который открыт в кв. «Г». Вместе с тем, землянка или складское помещение в кв. «Е», «Е'», по всей видимости, относится к другому жилому комплексу.

ЛИТЕРАТУРА

Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Археологические исследования на городище БабишМола 1 в 2018 году // Маргулановские чтения – 2019: м-лы междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина . Нур-Султан: ИА КН МОН РК; ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 301–316.

Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Археологические исследования на городище Бабишмола: новые данные // Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12-13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгарулы; отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2022. С. 170–181.

Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957году // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 году. МХЭ, вып. 4. М.: АН СССР, 1960. С. 3–63.

REFERENCES

Kurmankulov, Z., Bolelov, S. B., Utubaev, Z. R. 2019. In: Baitanayev, B. A., Khabdulina, M. K. (eds.). *Margulanovskie chteniya – 2019 (Margulan Readings – 2019)*. Nur-Sultan: Margulan Institute of Archaeology; L.N. Gumilyov Eurasian National University, 301–316 (in Russian)

Kurmankulov, Z., Bolelov, S. B., Utubayev, Z. R. 2022. In: Mamirov, T. B. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2022 (Margulan Readings – 2022)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 170–181 (in Russian).

Tolstov, S. P., Vorobyova, M. G., Rapoport, Y. A. 1960. In: *Polevye issledovaniya Horezmskoy ekspeditsii v 1957 godu (Field studies of the Khorezm expedition in 1957)*. Vol. 4. Moscow: USSR Academy of Sciences, 3–63 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.145.150

Яна Амангелдиевна Лукпанова[1]
[1]Западно-Казахстанский историко-краеведческий музей,
г. Уральск, Казахстан; yana_2004_75@mail.ru

Исследование могильника Узынколь (Новопавловка) в полевом сезоне 2022 г.: по материалам кургана № 3*

В статье впервые публикуются материалы, полученные при исследовании кургана № 3 могильника Узынколь. Под насыпью кургана обнаружена конструкция в виде вала, сложенная из грунтовых блоков, в южной стороне вал имел разрыв. Внутри вала находилась погребальная яма прямоугольной формы, глубиной 1,30 м, перекрытая бревенчатым накатом. Дно ямы выполнено в виде стола-ложа, в юго-западном углу ямы выявлена ниша, в которой сложены кальцинированные кости. В кургане зафиксировано впускное захоронение, принадлежащее предположительно мужчине.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, Узынколь, сарматское время, курган, аварийные раскопки, погребение, конструкция

Яна Амангелдіқызы Лұқпанова[1]
[1]Батыс Қазақстан тарихи-өлкетану музейі,
Орал қ., Қазақстан

2022 ж. далалық маусымында Ұзынкөл (Новопавловка) қорымын зерттеу: № 3 оба материалдары бойынша

Мақалада Ұзынкөл қорымының № 3 обасында жүргізілген зерттеулер нәтижесінде қол жеткен материалдар алғаш рет жарияланып отыр. Обаның үйіндісі астынан топырақ блоктардан тұрғызылған дуал түріндегі құрылым табылды, дулдың оңтүстік жағында кіреберісі бар. Дуал ішінде бөренемен жабылған, тереңдігі 1,30 м тіктөртбұрыш жерлеу шұңқыры бар. Шұңқыр түбі үстел түрінде жасалып, оңтүстік-батыс бұрышындағы қуыста сүйектер жиналған. Обада ер адамға тән жерлеу орны тіркелді.

Түйін сөздер: археология, Батыс Қазақстан, Ұзынкөл, сармат уақыты, оба, апаттық қазбалар, жерлеу орны, құрылым

Yana Lukpanova[1]
[1]West Kazakhstan Museum of Local History,
Uralsk, Kazakhstan

The study of the Uzynkol burial ground (Novopavlovka) in the field season of 2022: based on the materials of kurgan No. 3

The article publishes for the first time the materials obtained during the study of the burial mound No. 3 of the Uzynkol burial ground. Under the embankment of the mound, a structure in the form of a shaft made of soil blocks was found, in the south side the shaft had a gap. entrance. Inside the shaft there was a rectangular burial pit, 1.30 m

© 2023 г. Лукпанова Я.А.
**Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2024, ИРН проекта AP 14870513.*

deep, covered with a log roll. The bottom of the pit is made in the form of a table-bed, in the south-western corner of the pit revealed a niche in which calcined bones are stacked. An intake burial belonging presumably to a man was recorded in the mound.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Uzynkol, Sarmatian time, kurgan, emergency excavations, burial, construction

1. Введение

В полевом сезоне 2022 г. археологическим отрядом отдела истории и археологии Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея под руководством автора был исследован курган № 3 комплекса Узынколь (Новопавловка). Могильник расположен на возвышенности, находится в 7 км севернее пос. Узынколь (Теректинский р-н, Западно-Казахстанская обл.) (рис. 1). Могильник вытянут по линии С–Ю и состоит из 10-ти курганов. В 2021 г. был исследован курган № 2, где была обнаружена конструкция – оградка вокруг центральной ямы с дромосом. Погребение было совершено с применением огня и принадлежало двум воинам. Курган датируется концом VI – нач. V в. до н.э. [Лукпанова, 2023: 43–44].

Рис. 1. Могильник Узынколь (Новопавловка)
1-сур. Ұзынкөл (Новопавловка) қорымы
Fig. 1. Uzynkol burial ground (Novopavlovka)

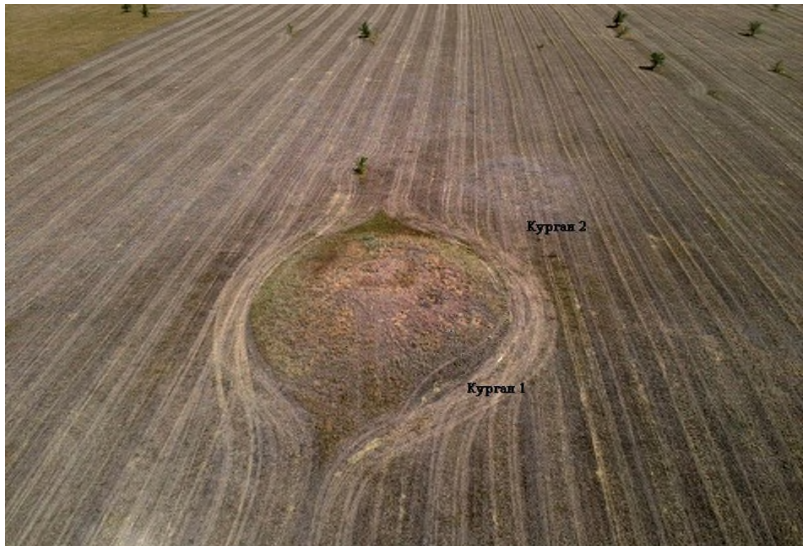

Рис. 2. Могильник Узынколь курган 1, 2
2-сур. Ұзынкөл қорымы, 1, 2 оба
Fig. 2. Uzynkol burial mound 1, 2

Курган № 3 аварийный (диаметр – 15,0 м; высота – 1,0 м), поверхность его распахана, расположен с северо-восточной стороны кургана № 1 (рис. 2). В статье впервые в научный оборот вводятся результаты исследования объекта.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследования

При изучении археологического источника применялись традиционные методы, сочетающие полевые и кабинетные исследования. Памятник находился в аварийном состоянии. В связи с чем было принято решение о его исследовании. Насыпь кургана раскапывалась вручную с оставлением двух перепендикулярных бровок.

Анализ полученных находок проводился при помощи методов, используемых в археологической

науке: сравнительно-типологического анализа, сопоставления, поиска аналогий, описания. Была выполнена фото- и графическая фиксация.

2.2 Характеристика материала

Приведём описание хода полевых исследований курганов № 2.

Стратиграфия. Дёрн, чёрный гумус, мощностью 10–15 см покрывал всю поверхность кургана (рис. 3). Ниже дерна фиксировалась насыпь кургана, представляющая собой гумуссированную супесь темно-серого цвета мощностью 10–35 см, по краям бровок насыпь выклинивалась. Вал, выложенный из материковых блоков желтого цвета 20–50 см. Погребенная почва – слой гумуссированной супеси серого цвета мощностью 15–20 см. Материк – желтый плотный песок с вкраплениями карбонатов зафиксирован на глубине 1,0 м.

Курган № 2 (диаметр – 15,0 м; высота – 1,0 м). Насыпь кургана интенсивно распахивалась. При снятии насыпи на разных уровнях были найдены кости крупного животного, фаланги человека, фрагменты керамики. По секторам кургана на уровне -0,25 м был выявлен кольцевой вал, выложенный из грунтовых блоков вокруг центрального погребения. Его ширина варьировалась с 2,0 м до 6,5 м – в северной части; от 1,5 до 5,0 м – в западной и с 2,0 до 6,0 м – в восточной. В южной части на глубине 0,50 м блоков нет, проходит тонкая полоса из глины длиной от 2,3 до 3,5 м.

По своей форме в плане вал округлый с диаметром 11–12 м по внешнему краю. Ширина вала в пределах 3–4 м. Высота и ширина вала с северной стороны более усиленная, на отдельных участках толщина достигает 0,60 м. С южной стороны вал имел разрыв до 1,5 м. В направлении разрыва мощность и высота вала существенно снижаются.

В центральной части кургана обнаружено могильное пятно подпрямоугольной формы размерами 3,40×2,30 м, ориентированное по линии С–Ю, с некоторым отклонением к СЗ. Заполнение ямы уплотненное, на уровне – 1,15–1,18 м от уровня древней поверхности были зафиксированы остатки разбросанного бревенчатого наката, от перекрытия. В заполнении, под накатом по всей поверхности ямы найдены фрагменты лепного сосуда с примесью

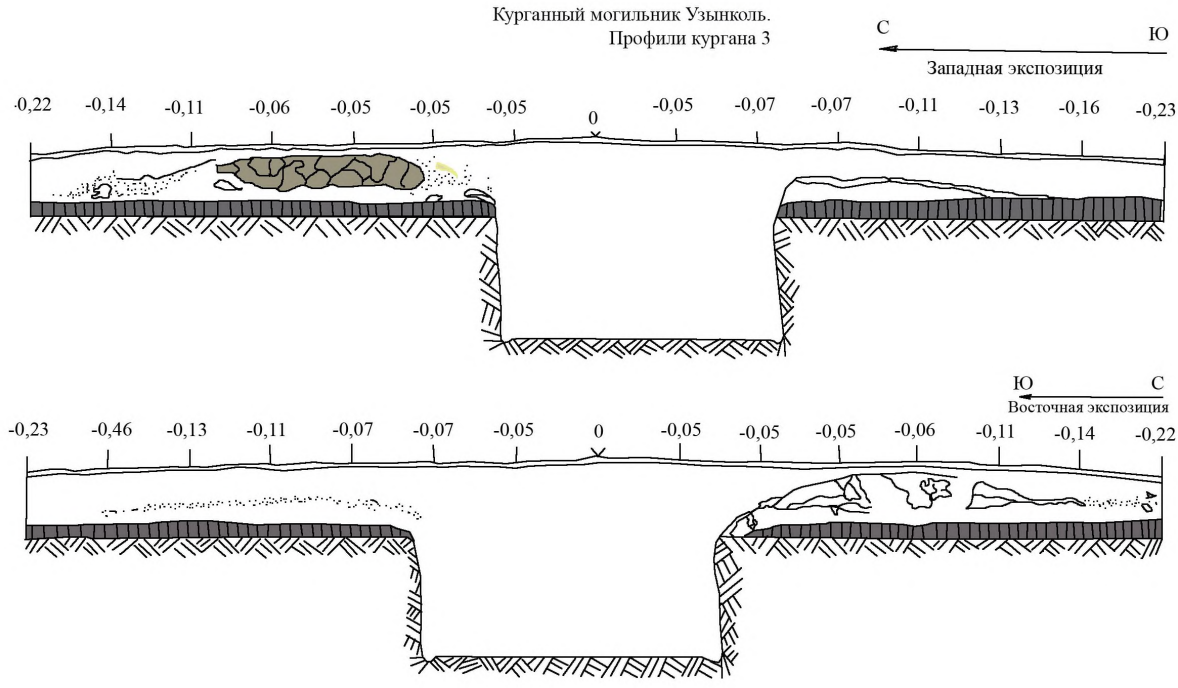

Рис. 3. Профиль кургана 2
3-сур. 2-оба профилі
Fig. 3. Profile of the mound 2

талька, кремниевый наконечник. Дно ямы было зафиксировано на глубине 1,30 м от уровня древней поверхности. Она ограблена. Дно ровное по периметру дна ямы была выявлена канавка – шириной от 5 до 10 см, глубина – 5 см. Заполнение представляло собой рыхлый гумус светло-коричневого цвета. По конструкции яма представляла собой «стол-ложе». С западной стороны ямы на уровне дна могильной ямы, ближе к ЮЗ углу выявлена ниша высотой 40 см, шириной 35 см, длиной 75 см. В ней были сложены кальцинированные кости (рис. 4).

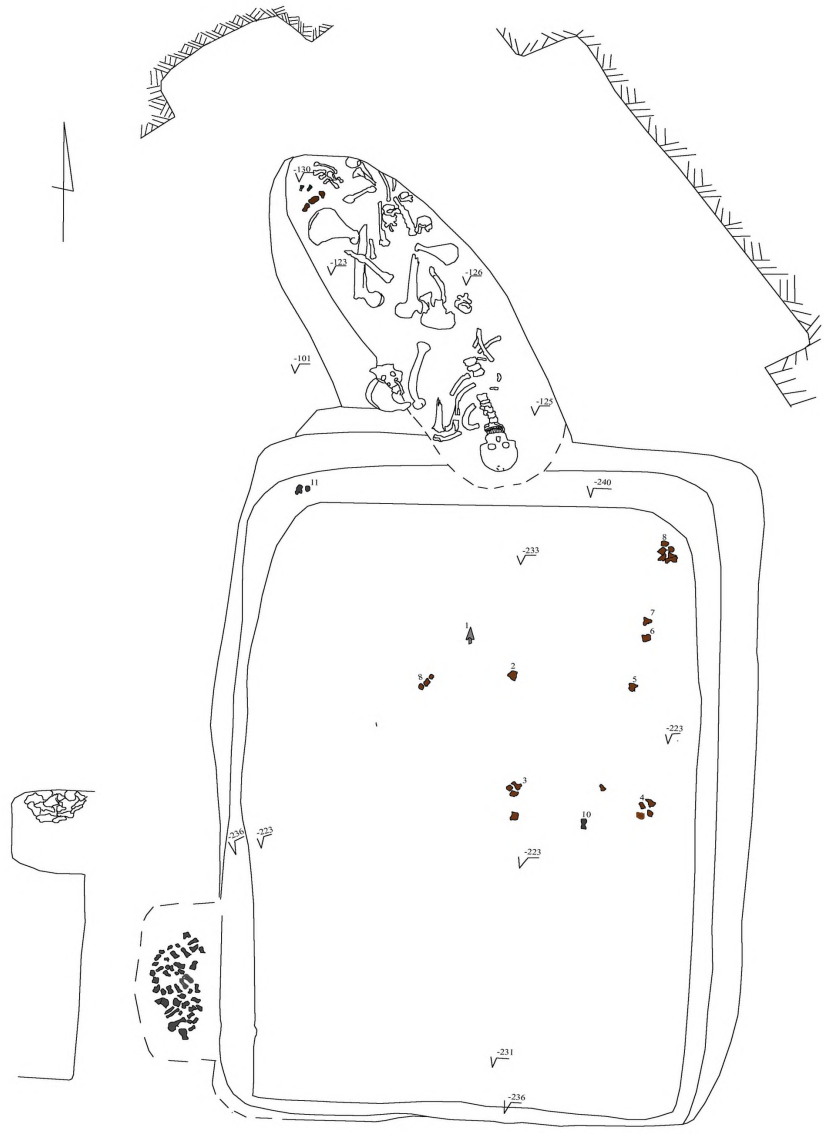

Рис. 4. Могильник Узынколь курган 2. Центральное погребение
4-сур. Ұзынкөл қорымы, 2-оба. Ортаңғы жерлеу орны
Fig. 4. Uzynkol burial mound 2. Central burial

С северной стороны к центральной яме примыкало впускное захоронение, оно было выполнено в узкой, неглубокой яме размерами 0,25×0,50 м, ориентированной по линии ЮВ–СЗ, при этом юго-западная часть ямы заходила на центральную яму. При сооружении данного погребения были нарушены верхние стенки центральной ямы и часть впускного погребения пришлась над основным погребением. Погребение принадлежало взрослому человеку, предположительно мужчине, головой ориентированного на юго-восток. Правая сторона скелета потревожена, *in situ* сохранился позвонок, ребра, череп, левая лопатка (рис. 5). У ног погребенного были найдены два трехлопастных наконечника стрелы, фрагменты черешкового ножа. У восточной стенки ямы выявлены кости погребенного (лопатка и конечности, рёбра, фаланги, крестец), а также кости мелкого рогатого скота.

3. Анализ и обсуждение материала

Рассматривая особенности сооружения данного кургана, следует отметить конструкцию могильной ямы. Погребения с выраженным столом-ложем известны среди комплексов ранних кочевников Восточного Приаралья, в том числе с канавками вдоль стен и дном могильной ямы, оформленными в виде стола-ложа, встречаются в материалах могильников Уйгарак и Южный Тагискен [Вишневская 1973: рис. 7; 20; 30; Итина, Яблонский: 1997, рис. 5; 8; 46], Ближайшие аналогии ямы с дном оформленных в виде стола-ложа найдены в кургане № 3 могильника

Рис. 5. Могильник Узынколь курган 2, погребение 2
5-сур. Ұзынкөл қорымы, 2-оба, 2-жерлеу орны
Fig. 5. Uzynkol burial mound 2, burial 2

кости, материал, к сожалению, еще не обработан. Они не характерны для подобных погребений, поэтому мы не исключаем вероятность того, что эта ниша могла быть оставлена грабителями (рис. 6).

Впускное погребение по ряду признаков, которые определяются узкой ямой, ориентировкой погребенного на ЮВ, наличием двух трехлопастных наконечников стрел предварительно может быть датировано IV в. до н.э.

4 Заключение

Таким образом, курган, исследованный на могильнике Узынколь в 2022 г., первоначально сооружался в первой половине V в. до н.э., позже был потревожен, основное погребение разграблено и позже выполнено впускное захоронение IV в. до н.э. К более ранней дате отнести курган нам позволяет особенность конструкции кургана, а также наличие в заполнении основного погребения фрагментов керамики с примесью талька.

Для памятников V в. до н.э. Казахстанского Приуралья не характерны ниши, возможно их оставило пришлое население и связано оно с неким погребальным ритуалом.

Археологические исследования на могильнике Узынколь будут продолжены, статья в целях ввода материала в научный оборот по кургану 2 имеет характер предварительного сообщения, анализ антро-

Бесоба [Кадырбаев 1984: 201–202, рис. 2, *2*], в кургане № 1 мог. Нагорненский [Мамедов, Тажибаева 2013: 45, рис. 1, *2*], в кургане № 1 мог. Кырыкоба-2 [Сейткалиев 2010: 47, рис. 1, *1*] в кургане № 3 мог. Бесоба [Мамедов 2011: 202, рис. 2, *2*]. Все перечисленные погребения, выполненные в виде стола-ложа, датируются авторами в рамках VI–V вв. до н.э.

Следующей конструктивной особенностью кургана является наличие в яме ниши, в которой были обнаружены кальцинированные

Рис. 6. Могильник Узынколь. Ниша
6-сур. Ұзынкөл қорымы. Қуыс
Fig. 6. Uzynkol burial ground. Niche

пологического материала, вещей и конструкции кургана 2, а также привлечение аналогий погребального обряда близлежащих регионов позволит более подробно и детально опубликовать результаты работы.

ЛИТЕРАТУРА

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака / Труды ХАЭЭ, VIII. М.: АН СССР, 1973. 160 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 84–93.

Лукпанова Я.А. Особенности погребальных конструкций сарматского времени (VI–IV вв. до н.э.): по материалам исследований 2012–2022 гг. в Западном Казахстане // "Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта": Еуразия даласы археологиясы V халықар. конгрессінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық. 2-т. / Бас ред. А. Оңғарұлы; жауапты ред.: Б.Ә. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.В. Воякин. Алматы; Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. С. 35–45.

Мамедов А.М. Новое погребение со столом-ложем на р. Илек // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: Тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан (г. Караганды, 21–23 ноября 2011 г.) / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы; Караганды: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. С. 199–205.

Мамедов А.М., Тажибаева С.М. Погребения со «столами-ложами» ранних кочевников Южного Приуралья // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. 2. Астана: ФИА, 2013. С. 43–54.

Сейткалиев М.К. Раннепрохоровские впускные погребения в курганах некрополя Кырык-Оба II // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 46–56.

REFERENCES

Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskih plemen nizoviev Syrdarii v VII–V vv. do n.e. po materialam Uygaraka (The Culture of the Saka tribes of the lower Syrdarya in the 7th–5th Centuries BCE based on the materials from Uygarak)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 1997. *Saki Nizhney Syrdaryi (po materialam mogilnika Yuzhnyi Tagisken) (The Saka of the lower Syrdarya (based on materials from the southern Tagisken burial ground))*. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" Publ. (in Russian).

Kadyrbayev, M. K. 1984. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian era)*. Moscow: "Nauka" Publ., 84–93 (in Russian).

Lukpanova, Y. A. 2022. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. V. (ed.). *Proceedings of the 5th International congress of the archaeology of the Eurasian steppes.* In 5 vol. Vol. 2. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 35–45 (in Russian).

Mamedov, A. M. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Saksakaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov Stepnoy Evrazii (Sak culture of Saryarka in the context of the sudy of ethnic and sociocultural processes of steppe Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola", 199–205 (in Russian).

Mamedov, A. M., Tazhibayeva, S. M. 2013. In: *Trudy filiala Instituta arheologii im. A.K. Margulana v g. Astana (Proceedings of branch of Margulan Institute of Archaeology in Astana)*, 2, 43–54 (in Russian).

Seytkaliev, M. K. 2010. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestv. nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social sciences ser.)*, 1, 46–56 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.03.2023.

А.М. Мамедов
Н.М. Баиров
Н.Н. Уразмагамбетов
Е.Е. Кемешев

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.151.159

Аслан Маликович Мамедов[1], mamedovaslan@mail.ru,
Нурсултан Майлибаевич Баиров[2], nmbairov91@mail.ru,
Нуршат Нуркатович Уразмагамбетов[2], urazmagambetov96@gmail.com,
Ерлан Есімжанұлы Кемешев[2], kemeshev96@mail.ru
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
[2]Актюбинский областной историко-краеведческий музей,
г. Актобе, Казахстан

Результаты археологических исследований могильника Курайли III за 2022 год*

В данной работе в научный оборот вводятся материалы археологических исследований кургана № 5 могильника Курайли III – памятника бассейна р. Илек. Погребальный обряд и предметы материальной культуры позволяют отнести исследованный комплекс к эпохе ранних кочевников. Важным фактором является расположение памятника на водоразделе реки, характерное для указанного периода. Аналогии некоторым категориям инвентаря обнаруживаются среди материалов ключевых объектов региона, таких как Сынтас и Восточно-Курайлинский-I.

Ключевые слова: Актюбинская область, памятник, ранний железный век, кочевники

Аслан Мәлікұлы Мамедов[1],
Нұрсұлтан Майлыбайұлы Байыров[2],
Нұршат Нұрқатұлы Оразмағамбетов[2],
Ерлан Есімжанұлы Кемешев[2]
[1] Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан;
[2] Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі, Ақтөбе қ., Қазақстан

Құрайлы III қорымындағы 2022 жылғы археологиялық зерттеулердің нәтижелері

Мақалада Елек өзені бассейнінде орналасқан Құрайлы III қорымындағы 5-обаны археологиялық зерттеу нәтижесінде анықталған материалдар ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Жерлеу ғұрпы мен материалдық мәдениет бұйымдары бойынша, бұл кешенді ерте көшпелілер дәуіріне жатқызуға болады. Ескерткіштің сол кезеңге тән, өзеннің суайырығында орналасуы – маңызды фактор болып табылады. Жәдігерлердің кейбір санаттарының ұқсастықтары Сынтас және Шығыс Құрайлы I сынды аумақтың маңызды нысандарының материалдарынан табылды.

Түйін сөздер: Ақтөбе облысы, ескерткіш, ерте темір ғасыры, көшпелілер

Aslan Mamedov[1],
Nursultan Baiyrov[2],
Nurshat Urazmagambetov[2],
Yerlan Kemeshev[2]
[1] Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
[2] Aktobe Regional Museum of Local History, Aktobe, Kazakhstan

The results of archaeological research of the Kuraili III burial ground for 2022

In this work, the materials of archaeological research of the burial mound No. 5 of the Kuraily III burial mound – a monument of the Ilek River basin are introduced into scientific circulation. The funeral rite and

© 2023 г. Мамедов А.М., Баиров Н.М., Уразмагамбетов Н.Н., Кемешев Е.Е.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630*

objects of material culture allow us to attribute the materials of the studied complex to the era of early nomads. An essential factor is the location of the monument on the watershed of the river, typical of the specified period. Analogies to some categories of inventory are found among the materials of significant sites in the region, such as Syntas and Vostochno-Kurailinsky-I.

Keywords: Aktobe region, monument, early Iron Age, nomads

В 2022 г. археологической экспедицией Актюбинского областного историко-краеведческого музея были продолжены исследования могильника Курайли III, расположенного на территории округа г. Актобе, в 3,2 км к юго-западу от села Курайли. Могильник состоял из шести курганов, сооружённых на водоразделе левобережья р. Елек (Илек) и условно разделённых на две группы (рис. 1).

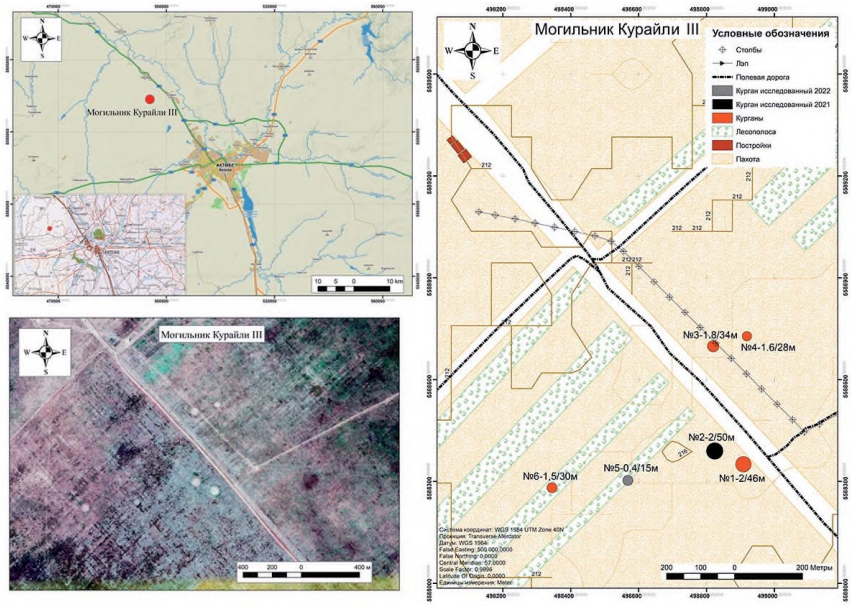

Рис. 1. Могильник Курайли III. Карта расположения и план памятника
1-сур. Құрайлы III қорымы. Орналасу картасы мен ескерткіш жоспары
Fig. 1. Kuraili III burial ground. Location map and plan of the archaeological site

К первой группе относятся курганы № 1, 2, 5, 6. Они образуют цепочку, ориентированную по направлению запад–восток. Курганы № 1 и 2 самые большие; диаметр насыпей варьирует от 46 м до 50 м, высота – 2,0 м. Насыпь кургана № 1 - с западиной в центральной части, образовавшейся в результате выемки грунта техникой. Курган № 5 наименьший в группе (диаметр – 15 м, высота – 0,4 м). Курган № 6 (диаметр – 30 м, высота – 1,5 м) расположен в юго-западной части могильника.

Курганы второй группы № 3 и 4 обнаружены за полевой дорогой, в 355 м севернее кургана № 1. Северо-восточная часть насыпи кургана № 3 (1,8×34 м) нарушена линией электропередач. Размеры кургана № 4 – 1,6×28 м. Насыпи курганов обеих групп частично разрушены в результате распашки, некоторые из них трудно различимы. Могильник находится в лесном массиве. Для раскопок на могильнике был выбран курган № 5.

Курган № 5 относится к первой группе (диаметр – 15 м, высота – 0,4 м); располагался в 346 м к западу от кургана № 1. Насыпь снивелирована ежегодной распашкой, поэтому он слабо выделялся на современной дневной поверхности. Курган исследовался вручную, с оставлением одной бровки С–Ю[1] шириной 0,5 м. Площадь раскопа составила 176 м^2 (рис. 2, 3). Под насыпью выявлено три погребения и один бронзовый трехлопастной наконечник стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 4, *3;* 5, *3*). Последний обнаружен металлоискателем в маленькой ямке (вероятнее всего, в норе) юго-восточнее погребения 1.

Погребение 1 впускное, находилось к 4,7 м от условного центра кургана. Захоронение совершено на уровне материка на глубине 61 см от современной дневной поверхности. Заполнение могильной ямы выделялось суглинком светло-коричневого цвета, ширина её составила 62 см, увеличиваясь ко дну до 72 см.

Дно могильной ямы размерами 2,1×0,84 м, немного заглублено в материк; она ориентирована длинной стороной по линии ЗСЗ–ВЮВ. Погребение принадлежало взрослому человеку. Кости скелета плохой сохранности. Погребённый находился вдоль южной стенки, вытянуто на спине, ориентирован

[1] Направление на истинный север определялось с помощью ArcGIS.

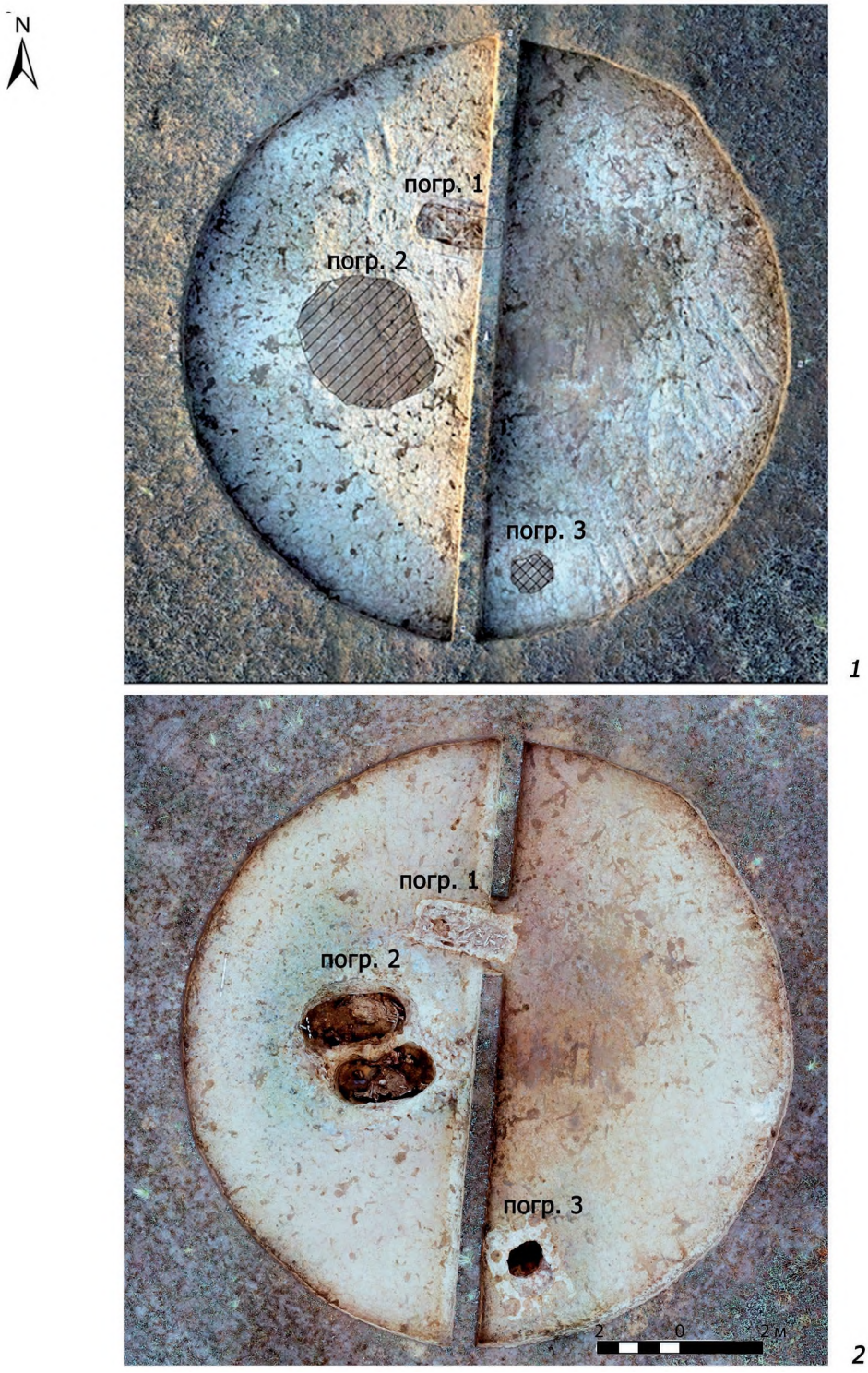

Рис. 2. Курайли III, к. 5: 1 – вид после зачистки; 2 – в процессе исследования
2-сур. Құрайлы III, 5-оба: 1 – тазалағаннан кейінгі түрі; 2 – зерттеу барысында
Fig. 2. Kuraili III, burial mound nr. 5: 1 – view after clearance; 2 – in the process of research

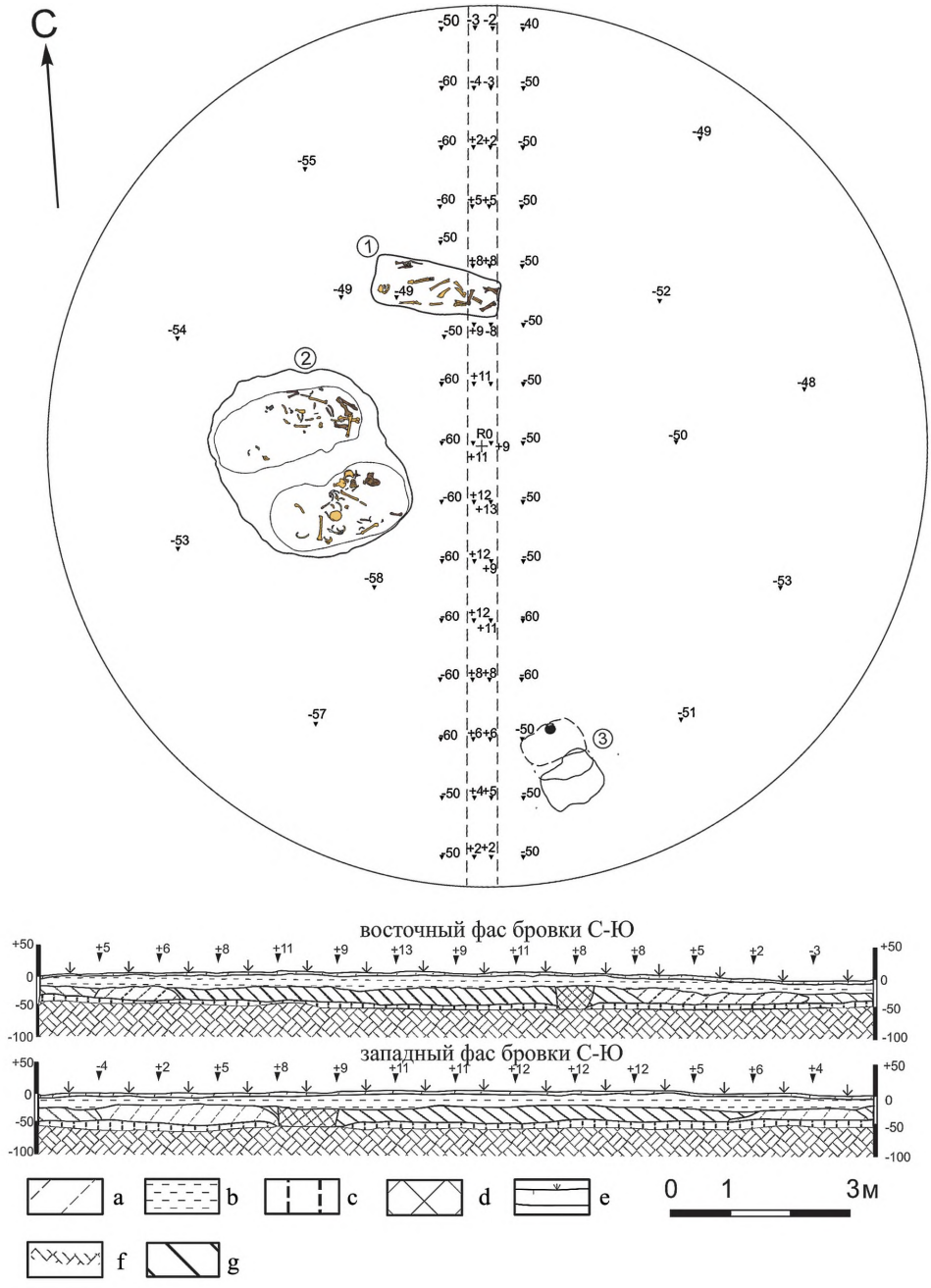

Рис. 3. Курайли III, к. 5. План и разрезы (a – выкид из могильной ямы; b – пахотный слой; c – погребённая почва; d – заполнение впускного погребения; e – дёрн; f – материк, суглинок светло-серого цвета; g – насыпь кургана, суглинок светло-коричневого цвета)

3-сур. Құрайлы III, 5-оба. Жоспары мен қималары (a – қабір шұңқырынан шығарылған топырақ; b – беткі қабаты; c – жерлеу қыртысы; d – қорымның аузын толтыру; e – шым; f – материк, ашық сұр түсті саздақ; g – оба үйіндісі, ашық қоңыр түсті саздақ)

Fig. 3. Kuraili III, barrow nr. 5. Plan and sections (a – ejection from the grave pit; b – topsoil; c – buried soil; d – filling of the secondary burial; e – turf; f – natural soil, loam of light gray color; g – kurgan's mound, loam of light brown colors)

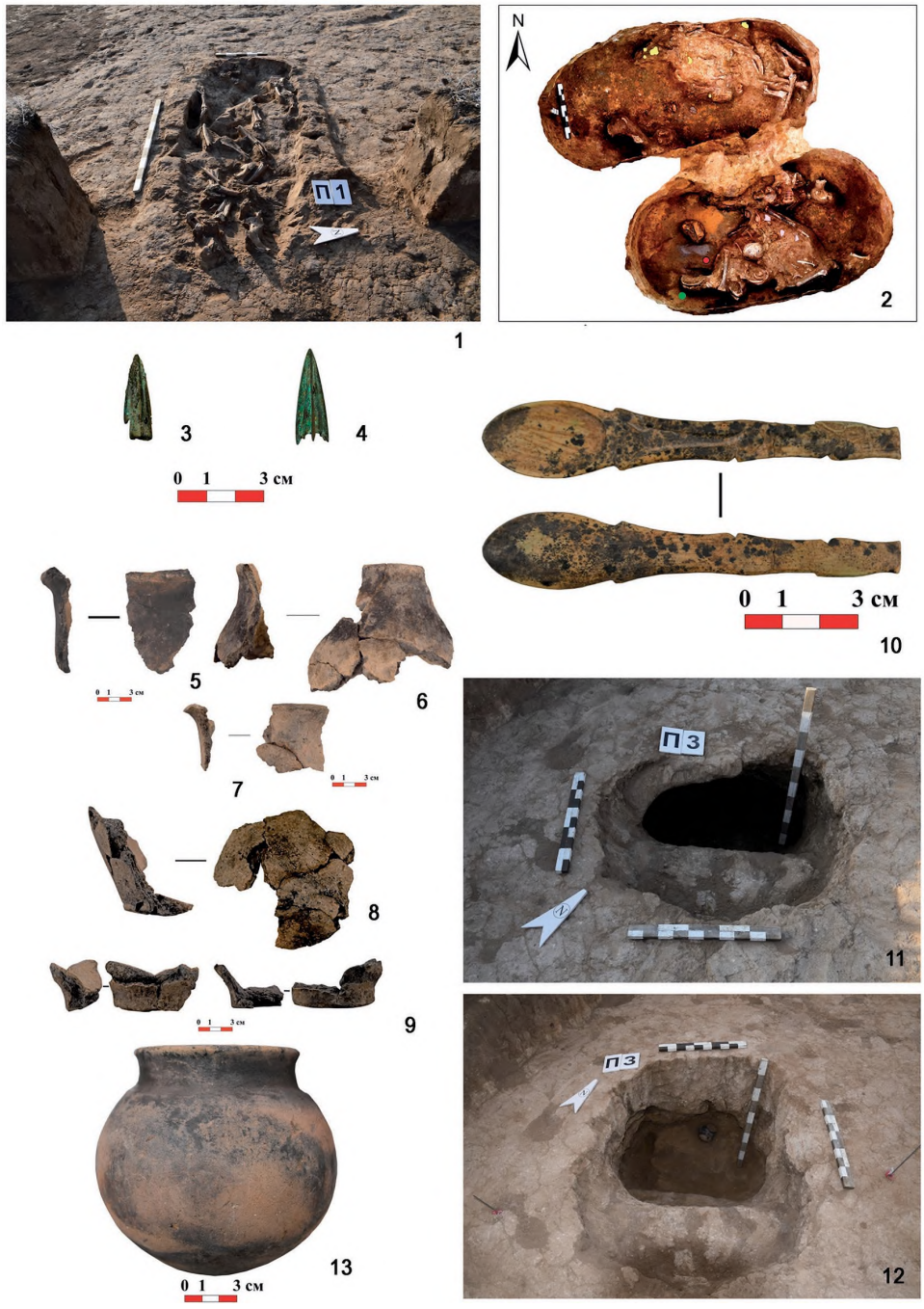

Рис. 4. Курайли III, к. 5: 1 – п. 1; 2 – ортофотоплан п. 2; 3, 4 – наконечники стрел; 5–9 – фрагменты лепного сосуда; 10 – ложка; 11, 12 – п. 3; 13 – лепной сосуд. 3 – из насыпи; 4, 6–10 – п. 2, южн. камера; 5 – п. 2, северн. камера; 13 – п. 3. 3, 4 – бронза; 5–9, 13 – керамика; 10 – кость

4-сур. Құрайлы III, 5-оба: 1 – 1-ші ж.о.; 2 – 2-ші ж.о. ортофотожоспар; 3, 4 – жебе ұштықтары; 5–9 – жапсырмалы ыдыс фрагменті; 10 – қасық; 11, 12 – 3-ші ж.о.; 13 – жапсырмалы ыдыс. 3 – үйіндіден; 4, 6–10 – 2-ші ж.о. оңт. камера; 5 – 2-ші ж.о., солт. камера; 13 – 3-ші ж.о. 3, 4 – қола; 5–9, 13 – керамика; 10 – сүйек

Fig. 4. Kuraili III, burial mound nr. 5: 1 – burial 1; 2 – orthophotoplan of burial 2; 3, 4 –arrowheads; 5–9 – fragments of hand-made vessel; 10 –spoon; 11, 12 – burial 3; 13 – hand-made vessel. 3 – from mound; 4, 6–10 – burial 2, southern chamber; 5 – burial 2, northern chamber; 13 – burial 3. 3, 4 – bronze; 5–9, 13- ceramics; 10 – bone

головой на ЗСЗ. Кости нижних конечностей согнуты в коленях и завалены влево (рис. 4, *1*; 5, *1*).

От заупокойной пищи сохранились кости животных. Слева от погребённого, у северной стенки, были обнаружены кости МРС (ребро, лопатка), на костях конечностей и у торцевой юго-восточной стенки находились кости КРС (тазовая кость). Других находок нет.

Погребение 2 – основное, выявлено в западной части кургана, в 1,5 м к западу от условного центра. Пятно могильной ямы выделялось суглинком тёмно-коричневого цвета. Оно неправильной прямоугольной формы; находится на уровне материка; ориентировано с северо-запада на юго-восток.

Погребение полностью разграблено и представляло собой двухкамерную могилу. На глубине 0,64 м общая камера одной поперечной стенкой была разделена на две половины. До этой глубины длина могилы с северо-запада на юго-восток составляла 3,35 м, ширина 2,76 м, толщина поперечной стенки достигала 0,42 м (рис. 4, *2*; 5, *2*).

Северная камера неправильной прямоугольной формы (2,49×1,16 м) ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Начиная с глубины 1,16 м и до дна могилы встречались разбросанные кости погребённого и животных, а также фрагменты лепного сосуда. Они фиксировались практически по всей площади камеры, но большая их часть концентрируется в восточной половине. Глубина северной камеры составляет 1,43 м от уровня материка.

Внутри камеры в общей сложности было обнаружено 19 фрагментов керамики, относящихся к тулову и донной части сосуда. Форма и размеры его не восстанавливаются. Сосуд лепной, плоскодонный. Внешняя поверхность серого цвета, внутренняя – коричневого со следами красного нагара. Тесто в изломе тёмно-серое (рис. 4, *5;* 5, *5*).

Южная камера неправильной прямоугольной формы (2,33×1,14 м); ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Начиная с глубины 1,05 м и до дна могилы встречались разбросанные кости погребённого и животных, фрагменты сосуда, наконечник стрелы и костяная ложка. Кости фиксировались практически по всей площади. Глубина южной камеры составляла 1,41 м от уровня материка.

В заполнении камеры в общей сложности найдены 12 фрагментов серглиняной керамики. Сохранился венчик и часть плоского дна (рис. 4, *6–9;* 5, *6–11*). Костяная ложка находилась в юго-западном углу погребения на глубине 1,41 м. Она имела следующие параметры: общая длина 11,5 см, из них длина рабочей части - 3,7 см, рукояти – 7,8 см. Рабочая часть изделия овальная, слегка уплощённая, глубина выемки не более 0,16 мм. Данная часть отделена от рукояти прорезной линией. Рукоять предмета заужена от шейки к концу (ширина шейки – 1,7 см, окончания – 0,9 см). На лицевой стороне имеются элементы декора в виде хищного животного, по всей вероятности, волка с оскалённой пастью, заострёнными ушами и подогнутыми лапами (рис. 4, *10;* 5, *12*).

Рядом с костяной ложкой находился бронзовый трехлопастной наконечник стрелы со сводчатой головкой, с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами (рис. 4, *4;* 5, *4*). Длина наконечника составляет 32 мм. Внутри втулки сохранился фрагмент древка.

Погребение 3 расположено в 5,2 м к ЮЮВ от условного центра кургана; на фоне материка пятно выделялось тёмно-серым цветом. Оно овальной формы, длинной осью ориентировано по направлению юго-запад – северо-восток. Заполнение могильной ямы – желтовато-серый суглинок с примесью тёмно-серого грунта.

Погребение представляло собой подбойную могилу. Входная яма широкая подпрямоугольная, длинной осью направлена с северо-востока на юго-запад. Её размеры: 1×0,8 м. Переход от входной ямы к погребальной камере оформлен в виде ступенек. Первая ступенька, шириной 0,4 м и высотой 0,43 м, зафиксирована на глубине 0,25 м. Вторая ступенька фиксировалась на глубине 0,68 м. Её ширина 0,3 м, высота – 0,33 м (рис. 4, *11–12;* 5, *13*).

Погребальная камера – неправильной трапециевидной формы (1,03×0,62 м). Оси входной ямы и камеры практически параллельны. Дно могильной ямы отмечено на глубине 0,95 м. Внутри камеры останки погребённого не обнаружены. Размеры могильной конструкции позволяют предположить, что она была предназначена для захоронения ребёнка. Из инвентаря обнаружен только лепной сосуд, лежавший на боку у северной стенки. Сосуд круглодонный с шаровидным туловом, цилиндрическим горлом и отогнутым наружу венчиком. Поверхность сосуда хорошо заглажена, серо-коричневого цвета. Глина в изломе чёрная. Сосуд не орнаментирован, по плечику проходит уступчик. Высота – 13 см, диаметр тулова – 16 см, венчика – 9 см (рис. 4, *13;* 5, *14*).

Таким образом, исследованный курган № 5 могильника Курайли III позволил получить материалы по культуре населения раннего железного

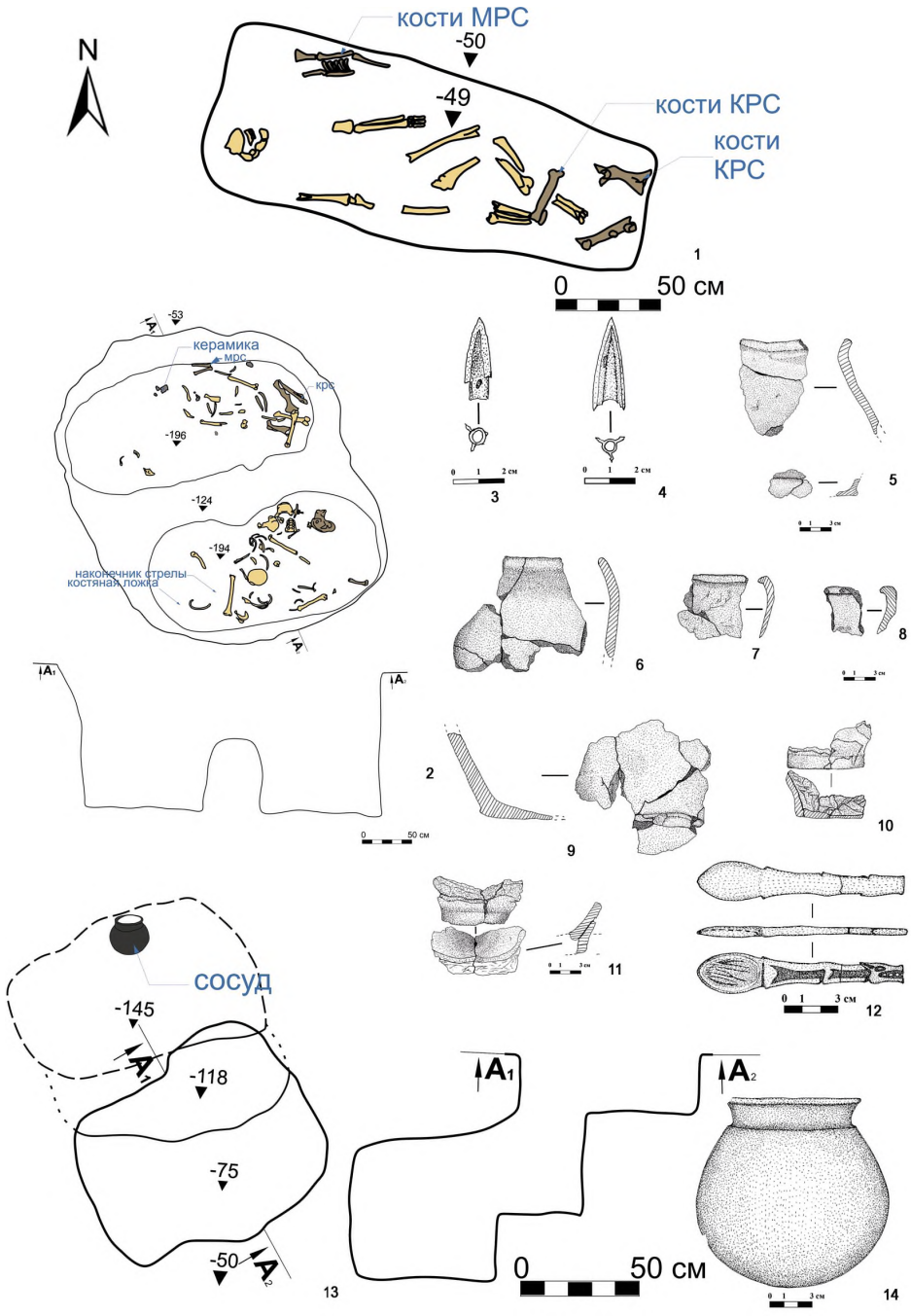

Рис. 5. Курайли III, к. 5, п. 2: 1 – план п. 1; 2 – план и разрез п. 2; 3, 4 – наконечники стрел; 5–11 – фрагменты лепного сосуда; 12 – ложка; 13 – план и разрез п. 3; 14 – лепной сосуд. 3 – из насыпи; 4, 6–12 – п. 2, южн. камера; 5 – п. 2, северн. камера; 14 – п. 3. 3, 4 – бронза; 5–11, 14 – керамика; 12 – кость

5-сур. Құрайлы III, 5-оба, 2-ші ж.о.: 1 – 1-ші ж.о. жоспары; 2 – 2-ші ж.о. жоспары мен қимасы; 3,4 – жебе ұштықтары; 5–11 – жапсырмалы ыдыс фрагменттері; 12 – қасық; 13 – 3-ші ж.о. жоспары мен қимасы; 14 –жапсырмалы ыдыс. 3 – үйіндіден; 4, 6–12 – 2-ші ж.о., оңт. камера 5 – 2-ші ж.о., солт. камера; 14 – 3-ші ж.о. 3, 4 – қола; 5–11, 14 – керамика; 12 – сүйек

Fig. 5. Kuraili III, k. 5, burial 2: 1 – plan of burial 1; 2 – plan and section of burial 2; 3, 4 – arrowheads; 5–11 – fragments of hand-made vessel; 12 – spoon; 13 – plan and section of burial 3; 14 – hand-made vessel. 3 – from the mound; 4, 6–12 – burial 2, southern chamber; 5 – burial 2, northern chamber; 14- item 3. 3, 4 – bronze; 5–11, 14 – ceramics; 12 – bone

века бассейна р. Елек. В первую очередь, об этом позволяет судить расположение памятника на водоразделе реки, что характерно в большинстве случаев ранним кочевникам указанного периода. Материалы погребения позволяют установить, что время возведения кургана относится к концу VI–IV в. до н.э. Это подтверждается и находками, обнаруженными в исследованном в 2021 г. соседнем кургане № 2 [Мамедов и др. 2022: 94–97].

Несмотря на небольшие размеры, под земляной насыпью кургана выявлены три могилы. Погребение 1 впущено в насыпь кургана и немного заглублено в материк. Дата совершения захоронения определяется условно концом VI–IV в. до н.э., чему не противоречит положение и ориентировка погребённого, а также нахождение обильной заупокойной пищи, представленной в виде костей домашних животных.

В плане выяснения культурной принадлежности и хронологии интересна конструкция погребения 2 – могильная яма путём оставления одной стенки разделена на две камеры (рис. 4, *2;* 5, *2*). Могилы таких форм не характерны для населения Западного Казахстана эпохи раннего железа. Поиски аналогичных конструкций показали, что они известны на Алтае. Так, например, в кургане № 1 могильника Локоть-4а были исследованы погребения 1 и 4, относящиеся примерно к середине V в. до н.э. [Шульга 2003: рис. 4; 7, с. 7–8, 9–10, 111].

Датировать погребение 2 концом VI – V в. до н.э. позволяет и погребальный инвентарь. Не исключено, что к нему относится бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 4, *3;* 5, *3*). Вероятно, он был перенесён норными животными. По классификации К.Ф. Смирнова, он относится 6-му типу, бытовавшему с конца VII по II в. до н.э. Рассматриваемый наконечник отличает то, что его лопасти чётко отделены от втулки и основание переходит в шипы. Данная особенность характерна для большей части наконечников стрел, датируемых VI–IV вв. до н.э. [Смирнов 1961: 46-47, табл. II]. С.Ю. Гуцалов время распространения наконечников 6-го типа также относит к VII – середине IV в. до н.э. [Гуцалов 2004: 21, табл. 12, *16–22*].

Ещё один бронзовый наконечник стрелы со сводчатой головкой, с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами, выявленный внутри могилы, относится к 12-му типу (рис. 4, *4;* 5, *4*). Такие наконечники появились в VI в. до н.э. и были популярны в V в. до н.э. Более поздние экземпляры несколько меньше в размерах и небрежны в изготовлении [Смирнов 1961: 50, табл. III; Гуцалов 2004: 21, табл. 12, *45–50*].

Костяная ложечка, декорированная в зверином стиле, на лицевой стороне имеет элементы декора в виде хищного животного, по всей вероятности, волка с оскалённой пастью, заострёнными ушами и подогнутыми лапами (рис. 4, *10;* 5, *12*). Она по классификации С.Ю. Гуцалова соотносится с ложками 1-го варианта I-го типа, бытование которых приходится на конец VI – V в. до н.э. [Гуцалов 2004: 38, табл. 18, *1*].

Несколько труднее определить хронологическую позицию погребения 3, совершённого в подбойной могиле (рис. 4, *11–12;* 5, *13*). Камерные могилы являются одним из основных могильных конструкций «сарматов» Западного Казахстана и Южного Приуралья. В погребальной практике они использовались достаточно долго, начиная с конца VI – V в. до н.э. [Смирнов 1972: 73; Гуцалов 2004: 92]. Обращает на себя внимание факт отсутствия в могиле костей погребённых. Вероятно, здесь был захоронен ребёнок, кости которого могли не сохраниться.

Из инвентаря был обнаружен лепной круглодонный сосуд, который в степях Западного Казахстана встречается на начальных этапах формирования раннесарматской (прохоровской) культуры (рис. 4, *13;* 5, *14*). Интересно то, что могильники Сынтас и Восточно-Курайлинский-I, где в погребениях конца VI – V в. до н.э. были выявлены круглодонные сосуды, находятся на небольшом расстоянии от Курайли III: первый – в 12,5 км к западу, второй – в 7,5 км к ВЮВ [Кадырбаев, Курманкулов 1976: рис. 11; Гуцалов 2004: 35].

Таким образом, исследование аварийного кургана № 5 могильника Курайли III позволило получить интересные материалы по погребальному обряду и материальной культуре ранних кочевников бассейна р. Елек, тяготеющего к периоду формирования раннесарматской культуры – V в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2004. 136 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137-156.

Мамедов А.М., Баиров Н.М., Уразмагамбетов Н.Н. Археологические исследования могильника Курайли III в 2021 г. // Археологические исследования в Казахстане–2021 / Гл. ред. А. Касенали. Астана: Национальный музей Республики Казахстан, 2022. С. 94–97.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

REFERENCES

Gutsalov, S. Y. 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuralya VII–I vv. do n.e. (Ancient nomads of the Southern Urals 7th–1st Centuries BCE)*. Uralsk: West Kazakhstan Regional Center of History and Archaeology (in Russian).

Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Z. K. 1976. In: Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arheologicheskim istochnikam (The past of Kazakhstan by archaeological sources)*, 137–156 (in Russian).

Mamedov, A. M., Bairov, N. M., Urazmagambetov, N. N. 2022. In: Kassenaly, A. (ed.). *Arheologicheskie issledovanie v Kazakhstane–2021 (Archaeological research in Kazakhstan – 2021).* Astana: National Museum of the Republic of Kazakhstan, 89–93 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The sauromatians armament).* Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Smirnov, K. F. 1972. In: *Sovetskaya Arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 73–81 (in Russian).

Shulga, P. I. 2003. *Mogilnik skifskogo vremeni Lokot-4a (The scythian time burial site Lokot – 4a)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.160.165

Наталья Александровна Берсенева[1]
[1]Институт истории и археологии УрО РАН,
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия; bersnatasha@mail.ru

Женские погребения ранних кочевников Южного Урала: манифестация социальных ролей*

Статья посвящена реконструкции социальных ролей женщин в обществах ранних кочевников Южного Урала (конец VI – III в. до н. э.) путем анализа данных погребальных памятников. Проведенный анализ позволил заключить, что женские социальные роли были достаточно многочисленны, и, кроме традиционных женских ролей жены/наложницы, матери и хозяйки, в могильниках манифестированы роли женщин – ритуальных специалистов и женщин, возможно, принимавших участие в военных конфликтах. Судя по распределению артефактов согласно возрасту покойных, группа женщин, умерших в возрасте от 25 до 35 лет, имела самый разнообразный погребальный инвентарь. На эту группу приходится большинство погребений с украшениями, предметами вооружения и зеркалами. Вероятно, именно на этот возраст приходился пик социальной активности женщин, что и было отражено в составе погребального инвентаря.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, женские погребения, социальные роли

Наталья Александровна Берсенева[1]
[1]РҒА ОБ Тарих және археология институты,
Оңтүстік Орал мемлекеттік университеті,
Челябинск, Ресей

Оңтүстік Оралдың ерте көшпелілерінің әйелдер жерлеу орындары: әлеуметтік рольдер манифестациясы

Мақала жерлеу ескерткіштері мәліметтеріне талдау жасау арқылы Оңтүстік Оралдың ерте көшпелілері қоғамындағы (б.д.д. VI ғ. соңы – III ғғ.) әйелдердің әлеуметтік орнын реконструкциялауға арналады. Жүргізілген талдаулар әйелдердің әлеуметтік рөлі әр түрлі болғандығын, яғни әдеттегідейі әйел/күң, ана және үйбике рөлдерінен басқа қорымда әйелдердің ғұрып саласы маманы мен жауынгер екендігін айқындайтын мәліметтер алынды. Жәдігерлердің марқұмдардың жасына қарай кездесуін саралай отырып, 25-тен 35 жасқа дейінгі жаста қайтыс болған әйелдер топтары сан алуан жерлеу заттарына ие екендігі, әшекейлер, қару-жарақтар және айналар табылған жерлеу орындарының көпшілігі осы топқа тиесілігі анықталды. Әйелдердің әлеуметтік белсенділігінің шырқау шегі осы жасқа сәйкес келуі мүмкін және ол жерлеу заттарының құрылымынан байқалады.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал, ерте көшпелілер, әйел жерлеуі, әлеуметтік рөлдер

© 2023 г. Берсенева Н.А.
**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253,* https://rscf.ru/project/22-28-20253/

Female Burials of the Early Nomads in the Southern Ural: Manifestation of Social Roles

Natalia Berseneva[1]
[1]Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS,
South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

The article concerns the reconstruction of the women's social roles in the societies of the Early nomads in the Southern Urals (the end of the 6th–3rd centuries BC) by analyzing the data of funerary sites. The analysis allows us to conclude that female social roles were quite numerous, and, in addition to the traditional female roles of wife/concubine, mother and mistress, the burial grounds manifested the roles of female ritual specialists and women who may have taken part in military conflicts. Judging by the distribution of artifacts according to the age of the deceased, group of women who died at the age of 25 to 35 had the most diverse grave goods, this group accounts for the majority of burials with decorations, weapons and mirrors. Probably, the peak of the social activity of women fell at this age, which was reflected in the composition of the grave goods.

Keywords: Southern Urals, Early nomads, female burials, social roles

Социальные роли женщин ранних кочевников Евразии стали предметом интереса ученых достаточно давно – в первой половине XX в., несмотря на то, что само понятие *социальных ролей*, связанное с социологией, вошло в археологический научный обиход гораздо позднее. Разнообразие погребального инвентаря в женских погребениях эпохи раннего железа заставило ученых задуматься как минимум о существовании женщин-воительниц и женщин-жриц (см. подробнее: [Яценко 2007; Богаченко 2017]). Возможна ли реконструкция социальных ролей на основании археологического источника? На материалах ранних кочевников Южного Урала ранее на этот вопрос попыталась ответить А.Х. Гильмитдинова [2016]. Согласно ее результатам, наиболее многочисленной является «группа женских захоронений со стандартным женским инвентарем (украшения, предметы туалета/культа) (83%)» [Гильмитдинова 2016: 68]. В 17% погребений из выборки А.Х. Гильмитдиновой были выявлены предметы вооружения. Автор делает вывод о важной роли женщин в «хозяйственно-бытовой» деятельности кочевых обществ эпохи раннего железа [Гильмитдинова 2016: 68]. В данной работе мы хотели бы расширить и дополнить выводы наших предшественников, так как поднятая тема является сложной и все еще недостаточно изученной.

Мы исходим из предположения, что погребальный инвентарь хотя бы частично являлся собственностью покойных и, следовательно, может отражать персональные характеристики усопшего, в том числе и род его занятий при жизни. Безусловно, реконструкция социальных отношений в дописьменный период истории представляет собой немалую проблему. Современной археологией признается принципиальная возможность исследования пола (гендера) и связанных с ним социальных ролей через материальные культуры. Наиболее информативными в этом аспекте считаются погребальные памятники, так, как только там мы имеем дело непосредственно с индивидами. Гендер умершего может быть отражен в археологическом источнике через локализацию погребения в пространстве, его структуру, состав сопроводительных артефактов, следы ритуальных действий (жертвоприношения) [Nelson 1997: 58–64]. При этом, если первые две позиции могут не иметь гендерного оттенка, размещение артефактов в погребении по гендерному признаку является одним из немногих аспектов, хорошо фиксирующихся археологически. Как правило, эти артефакты ассоциируются с конструкцией «женственности» или «мужественности», принятой в обществе, и могут символизировать социальные роли, исполняемые индивидами различного пола.

Цель данной работы – попытка реконструировать социальные роли женщин эпохи ранних кочевников Южного Урала (конец VI – III в. до н. э.) путем анализа данных погребальных памятников. В данной работе были учтены погребения с идентифицированным полом и возрастом, в которых принадлежность погребального инвентаря и жертвоприношений конкретному индивиду не вызывала сомнений. Всего выборка составила 195 женских захоронений из раннесарматских могильников Южного Урала (Приуралье и Зауралье).

Для анализа были отобраны непотревоженные или частично потревоженные погребения женщин

(175 захоронений), возраст которых на момент смерти превышал 15 лет.

Анализ погребального инвентаря показал, что наиболее массово в женских погребениях встречаются украшения. Это, разумеется, не новость для исследователей. Украшения символизируют женский пол (гендер) умершей, а также ее высокий социальный статус, особенно, если эти украшения из драгоценных металлов и/или искусной работы. Кроме того, декор одежды и тела в традиционных обществах является, как правило, семантически нагруженным и может символизировать стадии жизненного цикла женщин, служить оберегом (защищать различные части тела), демонстрировать семейное (брачное) положение или родственные связи. Погребения **с украшениями** составили 69,7% (122 индивида) от всех непотревоженных женских погребений из нашей выборки, они встречаются в захоронениях женщин всех возрастов вплоть до старческого.

Самым распространенным украшением являлись бусины из различных материалов и украшения, собранные из них (100 индивидов, 82% от всех женских погребений с украшениями), далее по степени встречаемости следуют серьги и браслеты (42 (34,4%) и 41 (33,6%) случаев соответственно). Гривны, подвески, перстни, височные кольца и другие украшения крупных серий не составляют. Распределение украшений по возрастным группам демонстрирует, что чаще всего с украшениями погребали умерших в возрасте 25–35 лет женщин (69,8%). Для остальных возрастных групп погребения с украшениями составляют около 50%.

Вероятно, количество и богатство декора зависели в первую очередь от вертикального статуса и имущественного положения умершей, нежели от ее возраста. Можно предположить, что как раз украшения символизировали традиционную для женщин роль жены (наложницы?), матери или домохозяйки.

Относительно небольшая часть женщин была погребена **с предметами вооружения.** Захоронения женщин с предметами вооружения были обнаружены практически во всех крупных могильниках, как в элитных (например, «царские» курганы могильника Филипповка I), так и в рядовых курганах. Они располагались и в центральной части, и на периферии подкурганных площадок. Женские захоронения с оружием составляют, по последним подсчетам, около 12% всех известных сарматских женских погребений Уральского региона (24 индивида) [Berseneva 2022: 100]. Распределение предметов вооружения по возрастным группам выглядит следующим: большинство составили погребения женщин молодого и среднего возраста (25–35 лет), относящихся к категории *adultus* – 17 умерших (70,9%). Пять захоронений принадлежали старшим женщинам – от 35 до 55 лет (20,8%) и два – молодым (до 25 лет) (8,3%). Нужно отметить, что во всех захоронениях присутствуют украшения, как металлические, так и изготовленные из стеклянных или каменных бусин, которые дополнительно маркировали женский гендер умерших.

Предметы вооружения в женских захоронениях представлены в абсолютном большинстве случаев наконечниками стрел (22 погребения, 91,6%). Как правило, стрелы находились в колчанах, дополненных колчанными крюками. Особенностью погребений из Южного Зауралья можно считать очень серьезное количество стрел в колчанах (до 200 экземпляров) – это, пожалуй, самые крупные колчанные наборы из раннесарматских женских погребений в Волго-Уральском регионе (Кичигино I, одиночный курган Яковлевка II) [Berseneva 2022: Table]. Лишь в двух погребениях (могильник Шумаевский II) наконечники стрел отсутствовали, а умершие сопровождались мечом, кинжалом и копьем. В целом, помимо наконечников стрел, в исследуемых захоронениях всего обнаружено четыре железных кинжала, меч, стилет и два наконечника копья. Они были помещены в погребение преднамеренно и представляли собой боевое оружие.

Представляется, что женщины ранних сарматов, несомненно, умели обращаться с оружием дистанционного боя, а некоторые, вероятно, и с клинковым оружием ближнего боя. Жизнь подвижных скотоводов была полна опасностей, и владение навыками обращения с оружием повышало шансы на выживание и женщины, и ее потомства. Можно также предположить, что часть женщин могли быть тренированы как лучницы и принимать участие в военных действиях или рейдах.

Погребения женщин с так называемыми **предметами культа**, куда обычно относят, кроме каменных алтариков-жертвенников и бронзовых зеркал, разнообразные предметы неизвестного назначения – раковины, камешки, кусочки мела, остатки красок, астрагалы и много другое, должны являться предметом более масштабного исследования и будут затронуты в данном исследовании лишь частично. Иногда эти предметы находят лежащими компактно или уложенными в мешочек или иной контейнер. Часто их

находят рядом с зеркалами или каменными жертвенниками. Нами было проведено исследование погребений с зеркалами, из которых подавляющее большинство являлись погребениями женщин [Берсенева 2022]. Выборка составила 90 погребений. Согласно половозрастным определениям, 75 из 90 погребений с зеркалами принадлежали женщинам (83,3%), 11 – мужчинам (12,2%) и лишь четыре (4,5%) – детям. Одним из вопросов нашего исследования был следующий: можно ли считать зеркала предметом культа? Анализ контекста захоронений показал, что зеркало было полифункциональным артефактом и, кроме основной функции предмета туалета, действительно могло иметь и ритуальное значение, так как в половине погребений женщин с зеркалами (46%) присутствовали также и перечисленные выше «предметы культа».

Кросс-культурно многие народы приписывали зеркалам и другим отражающим поверхностям различные магические свойства. Сложнее найти археологические свидетельства использования зеркал в ритуальной деятельности. Имеются достоверные примеры преднамеренно разбитых зеркал; кроме того, зеркала часто располагаются рядом с «предметами культа» или наборами для нанесения красок или татуировок в пространстве погребального сооружения. Во всех четырех известных на настоящий момент погребениях так называемых татуировщиц зеркала помещали рядом с наборами для нанесения татуировок [Yablonsky 2017]. В савроматское и сарматское время зеркала иногда встречаются в одном комплексе с каменными жертвенниками (в нашей выборке – 11 случаев, все в женских погребениях), артефактами, также относимыми к предметам культа, несмотря на разнообразие трактовок их функций.

Возможно, что зеркало использовалось для разного рода гаданий или заговоров, судя по различным камешкам, галькам, астрагалам, кусочкам красителей, мелу, костям зайца и прочим загадочным предметам, обнаруженным рядом с зеркалами. Например, погребение 5 в кургане 3 Кичигино I (пожилая женщина), вероятно, являлось захоронением ритуального специалиста [Таиров и др. 2008]. Возраст умершей, явно высокий социальный статус, набор загадочных по своему назначению предметов (кусочек горного хрусталя, человеческий зуб) и даже ее состояние здоровья (заболевание позвоночника, отсутствие кисти левой руки) позволяют предположить, что эта женщина занималась отправлением каких-либо культов, не только домашних, но и для всего коллектива ранних кочевников, чьи захоронения обнаружены в курганах у с. Кичигино.

Следует добавить, заключая тему зеркал, что лишь в одном мужском погребении из всей выборки зеркало соседствовало с предметами культа, поэтому можно предположить, что зеркала в культовых целях использовали только женщины.

Заключение

Судя по наличию *украшений* в большинстве женских захоронений, они были важной частью не только женского костюма, но и социальной жизни женщины, маркером ее статуса. Сочетание украшений и предметов туалета в погребении может говорить о чисто женской социальной роли домохозяйки, жены (или наложницы), возможно, матери.

Погребения с *предметами вооружения* не составляют большой серии или монолитной социальной группы (*воительницы*), но могут отражать участие небольшой части женщин в военных действиях или рейдах, либо как минимум тот факт, что эти женщины умели обращаться с оружием.

Погребения с разнообразными *предметами культа* могут свидетельствовать о роли женщины как ритуального специалиста (жрицы, шаманки – мы не знаем точно) разного уровня – от отправления домашних культов и гаданий, до, возможно, выполнения обрядов на уровне больших коллективов или объединений кочевников.

Разнообразный и богатый погребальный инвентарь, включающий дорогие импортные предметы и посуду, особенно из элитных захоронений, представляет большие возможности для интерпретации. Женщины, находящиеся на вершине социальной пирамиды ранних кочевников (для примера приведем погребение 2 из кургана 1 могильника Филипповка 1 [Yablonsky, Treister 2019]), могли выполнять некие дипломатические или представительские функции, руководить религиозными церемониями. Их похороны были не менее пышными, чем похороны мужчин равного с ними социального статуса.

Судя по распределению артефактов согласно возрасту покойных, группа женщин, умерших в возрасте от 25 до 35 лет, имела самый разнообразный погребальный инвентарь; на эту группу приходится большинство погребений с украшениями, предметами вооружения и зеркалами. Вероятно, именно в этом возрасте женщины находились на пике социальной активности, что и было отражено в составе погребального инвентаря.

Таким образом, археологический материал дает возможность говорить о нескольких женских социальных ролях, которые нашли отражение в погребальном обряде. Нужно осознавать, что в реальной жизни социальных ролей могло быть намного больше, но в погребальной сфере манифестировали лишь некоторые, которые мы и попытались реконструировать в данном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева Н.А. Зеркало в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала: маркер гендера или статуса, предмет культа или быта? // StratumPlus. 2022. № 3. С. 159–170.

Богаченко Т.В. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017. 267 с.

Гильмитдинова А.Х. Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и актуальные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Международной научной конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2016. С. 66–69.

Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы Международной научной конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (г. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2008. С. 139–145.

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. – II в. н. э.) // Народы и религии Евразии. 2007. № 1 (1). С. 58–66.

Berseneva N. Female Burials with Weapons in the Early Nomadic Kurgansin the Southern Urals (Late 5th to 2nd Centuries BC) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. № 1 (50). С. 99–105.

Nelson S.M. Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige. Walnut Creek: AltaMira Press, 1997. 197 p.

Yablonsky L.T. The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia // Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing / Eds. L. Krutak, A. Deter-Wolf. Washington: University of Washington Press, 2017. P. 215–230.

Yablonsky L.T., TreisterM. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. № 25. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. P. 79–161.

REFERENCES

Berseneva, N. A. 2022. In: *Stratum Plus*, 3, 159–170 (in Russian).

Bogachenko, T. V. 2017. *Istoricheskie osnovy skazaniy o zhenschinah-voitelnitsah yuzhnorusskih stepey (Historical foundations of stories about women warriors of the southern Russian Steppes)*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University (in Russian).

Gilmitdinova, A. K. 2016. In: Yablonskiy, L. T., Kraeva L. A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i aktualnye problemy sarmatskoy arkheologii (Konstantin Fedorovich Smirnov and current problems of Sarmatian archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 66–69 (in Russian).

Tairov, A. D., Botalov, S. G., Pleshanov, M. L. 2008. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Uralskogo regiona (Early nomads of the Volga-Ural region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 139–145 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2007. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, 1, 58–66 (in Russian).
Berseneva, N. 2022. In: *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 1 (50), 99–105 (in English).
Nelson, S. M. 1997. *Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige*. Walnut Creek: AltaMira Press (in English).
Yablonsky, L. T. 2017. In: Krutak, L., Deter-Wolf, A. (eds.). *Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing*. Washington: University of Washington Press, 215–230 (in English).
Yablonsky, L. T., Treister, M. 2019. In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 25. Leiden: Koninklijke Brill NV, 79–161 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.

А. Онгарулы
Р. Дарменов
Б. Шораев
Ж. Султанжанов

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.166.173

Акан Онгарулы[1], akan123@mail.ru,
Рустем Турарбекович Дарменов[2], Darmenov_rustem@mail.ru,
Жетесби Канапияевич Султанжанов[3], zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru,
Баглан Кошкарович Шораев[3], baglan_shoraev@mail.ru
[1] Институт археологии им. А.Х. Магулана,
г. Алматы, Казахстан;
[2] Национальный музей Республики Казахстан,
г. Астана, Казахстан;
[3] Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан

Археологические исследования могильника Кабан-кулак в 2022 г.*

В статье дана краткая информация об археологических раскопках могильника Кабан-кулак, где в ходе исследования было выявлено, что могильник разновременный. Здесь встречаются курганы эпохи раннего железного века и позднего Средневековья. В раскопанном кургане № 1 группы III могильника Кабан-кулак выявлен погребальный обряд, связанный с тюрками периода огузо-печенежско-кипчакского расселения племен. Погребения, аналогичные кургану № 1, получили распространение в пространстве степной Евразии в период VIII–X вв.

Ключевые слова: археология, раскопки, Средневековье, огузы, погребальный обряд

Ақан Оңғаруұлы[1],
Рүстем Тұрарбекұлы Дәрменов[2],
Жетесби Қанапияұлы Сұлтанжанов[3],
Бағлан Қошқарұлы Шораев[3],
[1] Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;
[2] Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі,
Астана қ., Қазақстан;
[3] Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан

2022 жылы Қабан-құлақ қорымында жүргізілген археологиялық зерттеулер

Мақалада Қабан-құлақ қорымында жүргізілген археологиялық қазбалар туралы қысқаша мәліметтер берілген. Жүргізілген зерттеу жұмыстары нәтижесінде жерлеу орнының әр дәуірге жататыны анықталған.

© 2023 г. Онгар А., Дарменов Р., Шораев Б., Султанжанов Ж.
**Статья подготовлена в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК, ИРН AP09260400*

Мұнда ерте темір дәуірі мен кейінгі ортағасырларға жататын обалар кездеседі. Қабан-құлақ III қорым тобының қазылған № 1 обасында түріктермен байланысты, оғыз-печенег-қыпшақ дәуірінің жерлеу ғұрпы анықталған. №1 обаға ұқсас жерлеу орындары Еуразия далалық кеңістігінде VIII–X ғасырларда кең тарады.

Түйін сөздер: археология, қазба, орта ғасырлар, оғыздар, жерлеу ғұрпы

Akhan Onggaruly[1],
Rustem Darmenov[2],
Zhetesbi Sultanzhanov[3],
Baglan Shoraev[3]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
[3]Kyzylorda State University named after Korkyt Ata, Kyzylorda, Kazakhstan

Archaeological research studies of Kaban-Kulak burial ground in 2022

The article gives a brief information about the archaeological excavation of the burial ground Kaban-Kulak. In the course of research studies was found out that the burial ground belongs to different time. There are the mounds of the Early Iron Age and the late medieval among them. In the excavated burial mound of the 1st group of burial grounds Kaban-Kulak III was revealed that the funeral rite is associated with the Turks of the period of Oghuz-Pecheneg-Kipchak settlement of tribes. The burials similar to the mound 1 are common throughout the steppe of Eurasia and dated from the 8th–10th centuries.

Keywords: archaeology, excavations, medieval period, Oghuz, funeral rite

Приаралье – это исторический и культурный регион, который охватывает большую часть Центральной Азии, включая части современного Казахстана, Узбекистана, Туркменистана. В историко-географических трудах «бассейн Аральского моря» определяется как территория «Турана» от Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от степной полосы на севере до южных окраин крупнейших азиатских пустынь Каракум и Кызылкум на юге [Бартольд 1971: 231]. В VII в. н.э. термин «Туран» стал ассоциироваться с тюркоязычными народами Центральной Азии в связи с доминированием Тюркского каганата, впоследствии Огузской державы, а также кипчаками. В течение этого времени тюрки играли важную роль в развитии торговых путей Великого Шелкового пути и оказывали значительное культурное и политическое влияние на регион.

Однако нужно отметить, что археологические памятники тут расположены неравномерно. В первую очередь, это связано с тем, что преобладание аридных условий на территории Приаральской впадины препятствовало процессу активного осадконакопления, и большинство археологических объектов расположены вдоль древних русел Сырдарьи, где природная особенность местности позволила состояться расселению и установлению взаимосвязи между кочевыми и оседлыми народами, а также сложению историко-культурных областей.

По имеющимся у нас археологическим данным, история освоения человеком территории рисуется в виде следующей схематической ситуации. Археологические памятники на протяжении всего изучаемого периода (IV тыс. до н.э. – этнографическое время), расположены только на древних руслах рек Сырдарьи. Немногочисленные памятники – от эпохи ашеля до энеолита расположены в пустынной части Северного Приаралья. Здесь на песчаных барханах Приаральских Каракумов, Аралкума находятся археологические объекты особого типа – памятники с поверхностным залеганием артефактов.

Поэтому выявление курганых могильников на буграх в области нижнего течения реки Иргиз на границе с песчаными барханами пустыни Больших и Малых Барсуков дает нам возможность выявить процесс адаптации и освоения древним человеком территории Приаралья.

Могильник Кабан-кулак

Памятник выявлен в 2015 г. сотрудниками археологической экспедиции Актюбинского областного историко-краеведческого музея. Находится на рас-

стоянии 14 км к юго-западу от села Иргиз Иргизского района Актюбинской области Республики Казахстан. Могильник расположен на ровном плато бугра Кабанкулак и представлен несколько курганными группами, пронумерованными от I до VII. По краю бугра проходит грунтовая дорога, которая местами повредила курганы памятника [Памятники природного... 2017].

В 2022 г. археологические исследования производились на группе курганов Кабанкулак III, состоящих из следующих объектов:

Курган № 1: насыпь кургана земляная с включением магнитного железняка. Диаметр насыпи составил 40 м, высота 0,5 м. Видимых нарушений в насыпи не прослеживается.

Курган № 2: насыпь кургана земляная. Диаметр насыпи составил 18 м, высота 0,5 м. Видимых нарушений в насыпи не прослеживается. По форме курган почти полусферический.

Курган № 3: насыпь кургана каменно-земляная. В диаметре насыпь составила 30 м, в высоту 2 м. Нарушений в строении насыпи не прослеживается. У подножия кургана фиксируется ров с перемычками в северо-восточной части.

Курган № 4: насыпь кургана земляная с включением магнитного железняка. Диаметр насыпи составил 20 м, высота 1,5 м. Нарушений в насыпи не прослеживается.

Также могильник сопровождается группой западин, расположенных вокруг кургана № 3. Вероятнее всего, они образовались в результате выборки почвы.

При помощи дрона вокруг кургана № 4 были выявлены небольшие курганы диаметром 10 м и высотой 30 см. Насыпи курганов плоские, сильно оплывшие.

Геолого-геоморфологическая характеристика бугра Кабан-кулак.

Исследуемый район относится к зоне Тугузской синклинали, осевая полоса которой к югу от железной дороги Ташкент–Оренбург сложена мощной толщей континентальных пород среднего и верхнего олигоцена. К северу от железной дороги ось Тугузской синклинали несколько поднимается и ее очертания на геологической карте становятся более расплывчатыми. Однако по отдельным останцам с сохранившимися слоями морского и континентального олигоцена ось синклинали удается проследить через возвышенности Уштаук и Жаманчин-мурун до горы Кабан-кулак, расположенной у дороги Шелкар–Иргиз.

Бугор Кабан-кулак сформировался в пределах Иргизского поднятия – поверхность сложена преимущественно глинами тасаранской свиты, но на всех заметных возвышенностях выше них сохранились залегающие отдельными глыбами кварцитовидные песчаники и пески нижней части саксаульской свиты [Яншин 1953]. Кварцитовидный песчаник в виде плоского бесформенного куска плиты светлого цвета, толщиной доходит до 3–5 см. Залегает на всей поверхности. Под ним идет слой песка желто-коричневого цвета.

Археологические работы на могильнике.

Объект № 1 – курган с земляной надмогильной насыпью, покрытый редкой растительностью. Насыпь имеет удлиненную форму, размерами 10×8 м, высотой 30 см, вытянута по оси С–Ю. Расположен в 50 м к западу от кургана № 4. Материковый слой выявлен на глубине 25–36 см от репера. Очертание и контуры могильной ямы прослеживаются только по границам залегания глыб кварцитовидного песчаника (рис.1).

Могильная яма имеет прямоугольную форму, длина 3,5 м, ширина 2,4 м, ориентирована длинными сторонами по линии СВ-ЮЗ. Стенки могильной ямы отвесные, имеют некоторую скошенность в верхней части. Погребение ограблено в древности. Грабительский лаз зафиксирован в западной части кургана в виде небольшого прохода шириной 0,4–0,6 м и длиной 2,3 м. Заполнение его состояло из песка и небольших плиток кварцитовидного песчаника. Грабительский лаз шел перпендикулярно осевой бровки раскопа, поэтому не фиксируется на плане (рис. 2, 3).

Здесь, в заполнении грабительской ямы, выявлено семь фрагментов одного сосуда. Сосуд лепной, сильнообожженный, имеет насечки в виде пальцевых вдавливаний в два ряда. Также при разборе осевой бровки надмогильной насыпи по центру погребальной ямы обнаружены фрагменты керамического сосуда на глубине 41 см от репера. Фрагмент представляет собой часть тулова лепного сосуда, сильно обожженного. В верхней части тулова, переходящего в предплечье, имеются косые вертикальные насечки.

На дне погребальной ямы, на глубине – 0,99–1,10 м от репера, обнаружено погребение. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Скелет сохранился в плохом состоянии. Сохранившаяся часть скелета длиной 1,75 м. Череп деформирован, лицевой свод не сохранился. Отсутствует пояс верхних конечностей – плечевой

пояс, грудина, ребра, позвоночник. Также не зафиксированы кости рук и фаланги пальцев.

На уровне грудной клетки с правой стороны (к западу на 22 см) выявлен фрагмент колчана с набором сильно коррозированных железных наконечников стрел. Длина наконечников – 6,5 см. С левой стороны лежат остатки погребальной тризны – череп лошади (сохранность плохая), размерами 55 см в длину, 30 см в ширину. На поверхности бедренной кости лежали железные удила, литые, однокольчатые. Слева от малой берцовой кости в кучу собраны кости стопы лошади. Ниже лежит одна кость (?), с сохранившейся длиной 21 см.

Погребения, аналогичные описанному выше, встречаются в степной Евразии и датируются VIII–X вв., их связывают с тюрками периода огузо-печенежско-кипчакского расселения племен.

Характерными погребениями этого времени Г.А. Фёдоров-Давыдов считает:

1. захоронение в узких ямах с ориентировкой человека головой на запад без костей коня;

2. захоронения в узких или широких ямах, с ориентировкой человека головой на запад, но с костями (череп и четыре ноги) или остовом коня.

По типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова, курган № 1 могильника Кабан-кулак III относится к Отделу Г, типу VI. Погребения этого типа совершены в широкой яме. К югу от человека находятся череп и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, черепом ориентирован на восток [Фёдоров-Давыдов 1966: 124–126].

Традиция размещать в погребение кости коня слева от человека следует связывать с этнографическим обычаем некоторых тюркских народов вкла-

Рис. 1. Курган № 1. Могильник Кабан-кулак III. Вид сверху
1-сур. № 1 оба. Қабанқұлақ III қорымы. Жоғарыдан қараған көрініс
Fig. 1. Kurgan nr. 1. Kaban-kulak III burial ground. Top view

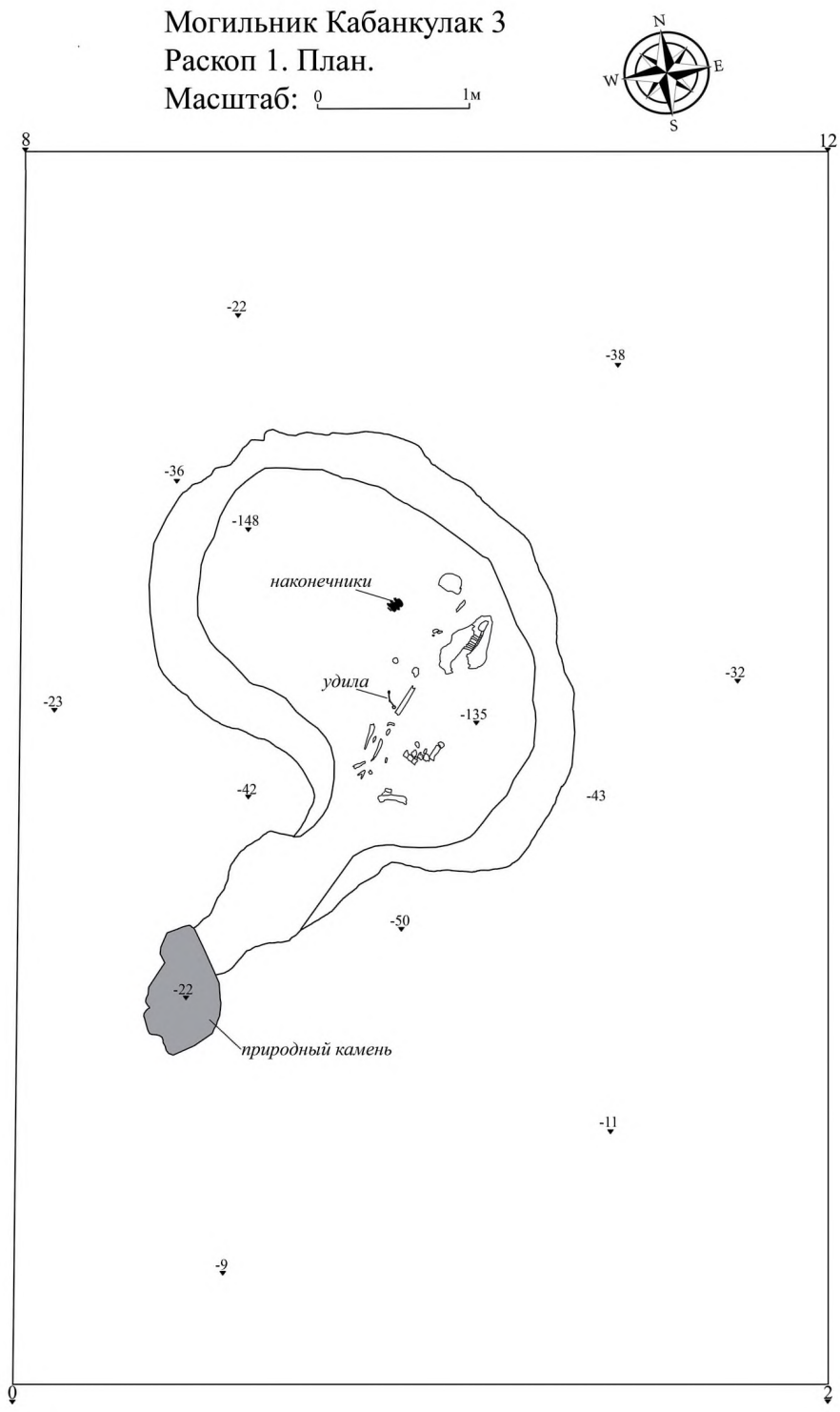

Рис. 2. Курган № 1. Могильник Кабан-кулак III. План
2-сур. № 1 оба. Қабанқұлақ III қорымы. Жоспар
Fig. 2. Kurgan nr. 2. Kaban-kulak III burial ground. Plan

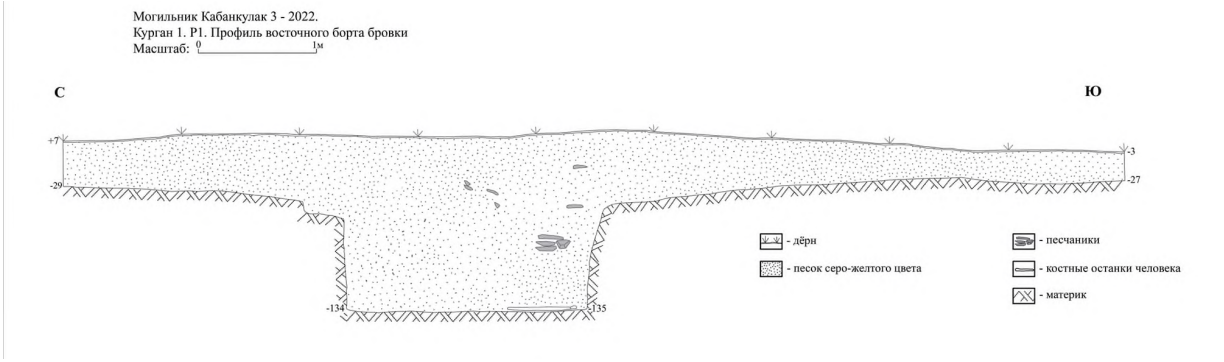

Рис. 3. Курган № 1. Могильник Кабан-кулак III. Профиль восточного борта бровки
3-сур. № 1 оба. Қабанқұлақ III қорымы. Ернеудің шығыс жақтауының профилі
Fig. 3. Kurgan nr. 1. Kaban-kulak III burial ground. Profile of the eastern side of the baulk

дывать повод коня, предназначенного покойнику, именно в левую руку. Это связано с представлением, что на том свете левая рука станет правой [Катанов 1894: 118].

Наиболее ближайшим памятником к могильнику Кабан-кулак можно условно отнести городище Джанкент, которое является, согласно средневековым источникам, столицей Огузского государства. Керамика кургана № 1 могильника Кабан-кулак III, лепная, орнаментированная косыми вертикальными насечками, находит аналогии в керамическом комплексе городища Джанкент. Однако джанкентская керамика имеет очень разнообразную орнаментацию, выполненную в технике резьбы, штампования и налепа. Способы орнаментации, по всей видимости, зависели от категории изделия. Резной орнамент наиболее универсален. Он встречается практически на всех видах изделий, нередко в сочетании с другими типами орнамента. Тематика орнамента отличается разнообразием. Это образы животных, птиц, много растительных элементов, есть сложные геометрические знаки, «чешуйчатый» орнамент. Наиболее яркой декоративной чертой, представленной в комплексе джанкетской керамики, связанной с огузским периодом, является использование образа барана, выраженного как в виде символов, так и во вполне в реальном образе [Амиргалина 2014: 188–241].

Однако археологические материалы, полученные с городищ низовий Сырдарьи, никак не связаны с кочевыми племенами огузов Прикаспийских степей и Волго-Уральского региона. Причина этому, возможно, кроется в неравномерности изучения памятников, оставленных кочевыми племенами огузов, и невыявлением огузских могильников в низовьях Сырдарьи в связи с интенсивным освоением сельскохозяйственных земель вокруг городищ Джанкенской группы.

Основным источником информации о культуре кочевников Приаралья, сложившейся на рубеже VI–IX в., являются материалы, полученные с обширной территории Арало-Каспийского региона: от могильников джетыасарской культуры, расположенных на древних руслах Сырдарьи до Урало-Волжских степей. Здесь на огромной территории в течение тысячелетия функционировали связи разных полиэтнических кочевых племен, имеющих схожую социальную и хозяйственную структуру, тождественные формы материальной культуры, включая духовную сферу (в частности, погребальный обряд). Поэтому для решения интересующей нас проблемы необходимо оперировать материалами, полученными с разных археологических комплексов Приаралья и сопредельных территорий.

Археологические материалы с могильника Кабан-кулак немногочисленные и плохой сохранности. Наиболее датирующая находка – железные удила. Удила без псалиев, двусоставные. На концах – по одному неподвижному кольцу. В эти кольца вставлены подвижные кольца. Относятся к типу ГI и ГIV по Г.А. Фёдорову-Давыдову или типу IV – по А.Н. Кирпичникову [Фёдоров-Давыдов 1966; Кирпичников 1973]. Данный тип удил распространен на огромной территории степной части Евразии. Он отличается также очень широким хронологическим диапазоном. Железные удила с подвижными звеньями и кольцами как подражание бронзовым появились в конце V – середине IV в. до н.э. и существуют вплоть до наших дней. Наиболее массово эти удила распространяются с начала Средневековья и связаны с увеличением в средневековых войсках конницы.

Другим сопровождающим инвентарем были железные наконечники стрел – трехлопастные, с широкими, треугольными лопастями, черешковые.

Аналогии стрелам этого типа встречаются в погребальных памятниках ранних болгар VIII–IX вв. на Волге, в памятниках Сибири, в хазарском слое Саркела и др.

Погребальный обряд из кургана № 1 могильника Кабан-кулак III сформировался в этнической группе тюрков-огузов и является основной этномаркирующей категорией, перемещающейся вместе с носителями конкретного этноса. В научной литературе погребальный обряд представляет собой совокупность традиционных действий, выработанных из различных факторов: 1) окружающая среда, образ жизни, хозяйственно-культурный тип; 2) религиозное мировоззрение, идеология, этнические и эстетические нормы.

В настоявшее время в степях Евразии исследовано свыше 500 погребений, относящихся к огузо-печенежскому времени: 1. Степное Приуралье и Заволжье – 160 погребений; 2. Правобережье Нижнего Дона и Северского Донца – 120 погребений; 3. Левобережная Украина – 91 погребение; 4. Правобережная Украина до низовьев Дуная – 182 погребения [Гарустович, Иванов 2001].

Для всех раскопанных курганов огузо-печенежского времени характерен набор признаков – это впускные или основные погребения под земляными курганами, захоронения в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, ритуальное захоронение конской шкуры или костей лошадей рядом с человеком. Также унифицирован ассортимент сопровождающего инвентаря – детали конской сбруи, оружие, поясные наборы или их детали, нож, кресало.

Имея статистическую матрицу раскопанных погребальных памятников по Великому поясу степей Евразии и обзора сопровождающего инвентаря, мы можем отнести курган № 1 могильника Кабан-кулак III к огузам Приаралья.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 295 с.

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.). Алматы: Изд-во «Арыс», 2014. С. 188–240.

Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Сочинения. Т VII. М: Наука, 1971. 667 с.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 212 с.

Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань. 1894. 34 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Л.: Наука. 1973. 138 с.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Изд-во «Дониш», 1968. 120 с.

Памятники природного и историко-культурного наследия Актюбинской области. В 13 т. Т. 9. Иргизский район. Актобе: ПринтА, 2017. 230 с.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии / ТИЭ. Новая серия. Т. XLII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 396 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 276 с.

Яншин А.Л. Геология Северного Приаралья: Стратиграфия и история геологического развития. М.: Московское общество испытателей природы. Новая серия. 1953. Вып. 15 (19). 736 с.

REFERENCES

Agadzhanov, S. G. 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv. (Essays on the history of the Oghuz and Turkmen of Central Asia 9th–13th centuries)*. Ashkhabad: "Ylym" Publ. (in Russian).

Amirgalina, G. T. 2014. In: Arzhantseva, I. A., Tazhekeyev, A. A. (eds.). *Kompleksnye issledovaniya gorodishcha Dzhankent (raboty 2011–2014 gg.) (Comprehensive studies of the Dzhankent settlement (works of 2011–2014))*. Almaty: "Arys" Publ., 188–240 (in Russian).

Bartold, V. V. 1971. *Istoriko-geograficheskiy obzor Irana (Historical-geographical overview of Iran)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N., Ivanov, V. A. 2001. In: Skaldin, L. N. (ed.). *Oguzы i pechenegi v Evraziyskih stepyah (Oghuz and Pechenegs in the Eurasian Steppes).* Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Katanov, N. F. 1894. *O pogrebalnykh obryadakh u tyurkskikh plemen Tsentralnoy i Vostochnoy Azii (On burial rites of turkic tribes of Central and Eastern Asia)*. Kazan (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. In: Rybakov, B. A. (ed.) *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Archaeology of the USSR. The set of archaeological sources)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Litvinskiy, B. A. 1968. *Kanguy-sarmatskiy farn (k istoriko-kulturnym svyazyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) (Kangju-Sarmatian Farn (on the historical and cultural connections of tribes of Southern Russia and Central Asia))*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Pamyatniki prirodnogo i istoriko-kulturnogo naslediya Aktyubinskoy oblasti. Irgizskiy rayon (Monuments of natural and historical-cultural heritage of the Aktobe Region. Irgiz District). 2017. In 13 vol. Vol. 9. Aktobe: "PrintA" Publ. (in Russian).

Peschereva, E. M. 1959. *Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii (Pottery production of Central Asia)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlastyu zolotoordynskih hanov (Nomads of Eastern Europe under the rule of Golden Horde khans)*. Moscow: Moscow University (in Russian).

Yanshin, A. L. 1953. *Geologiya Severnogo Priaralya: Stratigrafiya i istoriya geologicheskogo razvitiya (Geology of the northern Aral sea Region: stratigraphy and history of geological development)*. Vol. 15 (19). Moscow: Moscow Society of Naturalists (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 20.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

К.А. Жамбулатов
И.К. Ахияров
Н.Ш. Джуманазаров

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.174.181

Кайрат Абаевич Жамбулатов[1], kairo_88@inbox.ru,
Ислам Кизамединович Ахияров[1], islam.akhiyarov@mail.ru,
Нурлан Шоханович Джуманазаров[1], jumanazarov_90@mail.ru
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Археологическая разведка в Житикаринском районе Костанайской области в 2022 г.*

В статье представлены предварительные результаты археологической разведки, проведенной отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2022 г. По итогам работ было зафиксировано 39 объектов историко-культурного наследия. Из них 29 могильников, 5 одиночных курганов с «усами», 5 одиночных курганов, 9 кладбищ Нового времени. Также вызывают интерес 3 линии насыпей и 1 земляное сооружение в виде трехлучевой свастики, относящиеся к так называемым «геоглифам». В работе отражены принципы расположения памятников и перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Житикара, археологическая разведка, курганы, курганы с «усами», «геоглифы»

Қайрат Абайұлы Жамбылатов[1],
Ислам Кизамединович Ахияров[1],
Нұрлан Шоханұлы Жұманазаров[1]
[1] Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Қостанай облысы, Жітіқара ауданына 2022 жылы жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары

Мақалада 2022 жылы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты отрядының археологиялық барлауының алдын ала нәтижелері келтірілген. Жұмыс қорытындысы бойынша 39 тарихи-мәдени мұра нысандары тіркелді. Оның ішінде, 29 қорым, 5 жалғыз «мұртты» оба, 5 жалғыз оба және жаңа заманның 9 зираты. Сонымен қатар, 3 үйінді сызығы мен «геоглифтерге» жататын үш сәулелі свастика түріндегі 1 топырақ үйіндісі ерекше қызығушылық тудырады. Жұмыста ескерткіштердің орналасу қағидалары мен әрі қарай зерттеулердің перспективалары көрсетілген.

Түйін сөздер: Жітіқара, археологиялық барлау, обалар, «мұртты» обалар, «геоглифтер»

Kairat Zhambulatov[1],
Islam Akhiyarov[1],
Nurlan Zhumanazarov[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Archaeological exploration in Jitiqara district in Kostanay region in 2022

The article presents the preliminary results of archaeological exploration carried out by a detachment of the Margulan Institute of Archaeology in 2022. According to the results of the work, 39 objects of historical and cultural heritage were recorded. Of these, 29 burial grounds, 5 single mounds with “moustaches”, five single mounds, and

© 2023 г. Жамбулатов К.А., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш.
**Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта AP 14870373.*

nine cemeteries of Modern times. Also of interest are three lines of embankments and one earthen structure in the form of a three-beam swastika, related to the so-called “geoglyphs”. The work reflects the principles of the location of monuments and prospects for further research.

Keywords: Jitiqara, archaeological exploration, mounds, mounds with “moustaches”, «geoglyphs»

Планомерное и систематическое накопление корпуса источников, пополняемого в том числе и в ходе проведения поисково-разведочных работ, является одной из основных задач археологической науки. Первичные сведения, получаемые в результате указанного вида работ, как известно, дают предварительные данные о памятниках историко-культурного наследия региона, расширяют представления о местности, ландшафте и других особенностях, что способствует успешному планированию дальнейших исследовательских работ.

Житикаринский район находится на западе Костанайской области (рис.1; 2). Административным центром его является город Житикара, расположенный в 195 км к юго-западу от областного центра. В физико-географическом отношении район исследований относится к Тургайскому плато. Рельеф местности степной, слабовыражен отдельно стоящими возвышениями (гора Житикара, 349 м), а также покатыми и увалистыми сопками, которые сосредоточены, главным образом, в западной половине района. Его восточную половину занимает ровное плато, изрезанное извивающимся меандром магистрального русла р. Тобол, берущей свое начало на казахстанско-российском пограничье [Атлас Казахской ССР 1960: 39; Николаев 1968: 278–295].

Исследование территории Житикаринского района имеет свою историю и в прошлом проводилось несколько раз. В 1955 г. Г.И. Пацевич раскопал несколько курганов в местности Аккарга. Один из них - с округлой конструкцией из камня. Судя по двум керамическим сосудам, выявленным в погребении, его можно датировать рубежом эр [Пацевич 1955: 9–17].

В 1964 и 1966 гг. сотрудники Казахстанского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР (начальник отряда М.Г. Мошкова) про-

Рис. 1. Район исследований на карте Казахстана
1-сур. Қазақстан картасындағы зерттеу ауданы
Fig. 1. The research area on the map of Kazakhstan

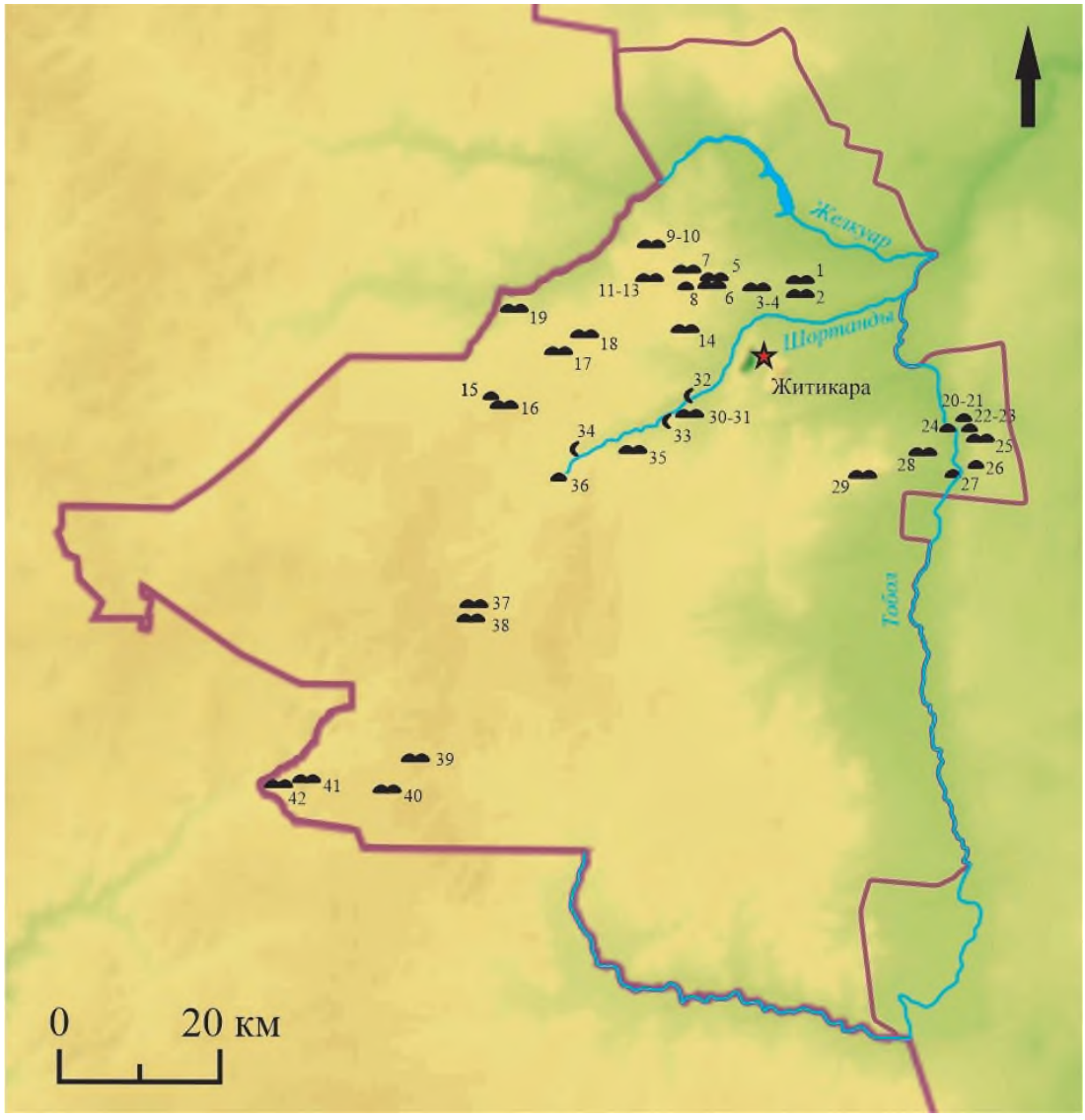

Рис. 2. План расположения памятников:
1-4 – м. Житикара-1–4; 5–7 – м. Бесоба-1–3; 8 – к. Бесоба; 9-13 – м. Каратобе-1–5;
14 – м. Баймен; 15 – к. Дауылбай; 16–18 – м. Дауылбай-1–3; 19 – м. Бирсуат;
20-24 – курганы с «усами» Токтаров-1-5; 25 – м. Токтаров; 26–27 – к. Токтаров-1, 2;
28-29 – м. Толыбай-1, 2; 30-31 – м. Орман-1, 2; 32-34 – казахские кладбища;
35 – м. Койлыбай; 36 – к. Койлыбай; 37-38 – м. Коктау-1, 2; 39-40 – м. Жалтырколь-1, 2;
41-42 – м. Домбар-1, 2. М. – могильник (-ки); к. – курган (-ы)

2-сур. Ескерткіштердің орналасу жоспары: 1–4 – Жітіқара 1–4 қ.; 5–7 — Бесоба 1–3 қ.; 8 – Бесоба о.;
9–13 – Қаратөбе 1–5 қ.; 14 – Баймен қ.; 15 – Дауылбай о.; 16–18 – Дауылбай 1–3 қ.; 19 – Бірсуат қ.;
20–24 – Тоқтаров 1–5 «мұртты» обалары; 25 – Тоқтаров қ.; 26-27 – Тоқтаров 1, 2 о.; 28-29 – Толыбай 1, 2 қ.;
30-31 – Орман 1, 2 қ.; 32–34 – қазақ зираттары; 35 – Қойлыбай қ.; 36 – Қойлыбай о.; 37-38 – Көктау 1, 2 қ.;
39-40 – Жалтыркөл 1, 2 қ.; 41-42 – Домбар 1, 2 қ. (қ. – қорым/-дар; о. – оба/-лар)

Fig. 2. The layout of the archaeological sites: 1–4 – Jitiqara b.g.-1–4; 5–7 – Besoba b.g.-1–3; 8 – Besoba b.m.;
9–13 – Karatobe-1–5 b.g.; 14 – Baimen b.g.; 15 – Dauylbai b.m.; 16–18 – Dauylbai-1–3 b.g.; 19 – Birsuat b.g.;
20–24 – mounds with «moustaches» Toktarov-1–5; 25 – Toktarov b.g.; 26-27 – Toktarov-1, 2 b.m.;
28-29 – Tolybai-1, 2 b.g.; 30-31 – Orman-1, 2 b.g.; 32–34 – Kazakh cemeteries; 35 – Koilybai b.g.; 36 – Koilybai b.m.;
37-38 – Koktau-1, 2 b.g.; 39-40 – Zhaltyrkol-1, 2 b.g.; 41-42 – Dombar-1, 2 b.g. (b.g. – burial ground, b.m. – burial mound)

вели здесь фиксацию нескольких курганных групп по маршруту следования отряда, а также были осуществлены раскопки близ села Приречное (совр. название Ырсай). Раскопки проводились на двух курганных группах. Первая, состоящая из двух курганов, была отнесена к ритуальным сооружениям, а вторая, куда входило пять курганов, вероятно, являются погребениями позднего средневековья [Мошкова 1964; 1966; 2017а, б].

В 1986 г. Тургайская археологическая экспедиция Кустанайского пединститута под руководством В.Н. Логвина провела фиксацию 11-ти археологических памятников, расположенных вдоль русла р. Тобол [Логвин 1986: 15–17]. Большинство из них по визуальным признакам были датированы ранним железным веком.

В период с 2007 по 2017 гг. сотрудники Лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова (Тургайская археологическая экспедиция) под руководством А.В. Логвина провели работы по выявлению и фиксации так называемых «геоглифов». При помощи космоснимков было найдено 88 объектов такого типа, 69 из которых были осмотрены. Среди зафиксированных «геоглифов» – так называемая Житикаринская линия [Логвин и др. 2018а: 295].

В 2020 и 2022 г.[1] на территории района разведочные работы выполнялись отрядом Института археологии имени А.Х. Маргулана. Был проведен мониторинг ранее выявленных памятников, а также зафиксированы новые (по данному направлению работы будут продолжены в последующие годы) [Базарбаева и др. 2023].

Натурному обследованию местности предшествовала тщательная камеральная подготовка. Были проанализированы архивные и опубликованные материалы по исследуемому району и прилегающим территориям. Составлена физико-географическая характеристика местности, собраны этнографические и другие сведения. Кроме того, отряд ознакомился с Государственным списком памятников истории и культуры местного значения Костанайской области от 31.03.2020 г. № 125, в котором числится 103 археологических памятника, расположенных на территории Житикаринского района.

Помимо получения полных статистических сведений об археологических памятниках, расположенных на территории Житикаринского района Костанайской области, разведочным отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2022 г. также был осуществлен осмотр указанной местности согласно основной цели грантового проекта – выявление аспектов сакрализации ландшафта в исторической ретроспективе от эпохи ранних кочевников до середины XX в. Поэтому дополнительно проводилось документирование кладбищ Нового времени, часть из них расположена на территории, прилегающей к древним объектам, в границах более ранних могильников.

В результате работ было зафиксировано 39 археологических памятников, состоящих из 173-х объектов. В том числе: 29 курганных могильников; остальные 10 – одиночные курганы, половина из которых – курганы с «усами». Отдельно стоит упомянуть, что в составе могильников расположено еще семь курганов с «усами». Также зафиксированы три линии цепочек насыпей и одно земляное сооружение в виде скругленной трехлучевой свастики, которые относятся к распространенному в Костанайской области типу памятников – «геоглифам». Кроме археологических памятников были задокументированы девять кладбищ Нового времени, шесть из которых приурочены к более ранним по времени объектам, которые в целом образуют единый сакральный комплекс.

Как показывает проведенное обследование, древние археологические памятники Верхнего Притоболья расположены преимущественно на главенствующих высотах, занимая верхушки сопок, увалов и их пологих склонов. На верхушках сопок чаще всего размещены крупные могильники, выделяющиеся как числом курганов, так и их размерами. К таковым, например, относятся могильники Бесоба 1 и Каратобе 1. Интересным, на наш взгляд, является первый могильник, отличающийся планиграфической особенностью расположения курганов. Они вытянуты цепочкой в меридиональном направлении по вершине хребта. Курганы (4 ед.) диаметром 30–40 м и высотой до 2 м опоясаны рвом. Насыпи преимущественно земляные с добавлением колотого камня. На курганах № 1 и 2 фиксируются свежие грабительские воронки.

На вершинах увалов с широкими покатыми склонами расположены одиночные курганы или состоящие в небольших группах по 2–3 курганные на-

[1] Авторы выражают благодарность в содействии научным исследованиям краеведу Владимиру Лопатину и предпринимателю Евгению Маркелову.

Рис. 3. «Геоглиф». Могильник Домбар-2
3-сур. «Геоглиф». Домбар-2 қорымы
Fig. 3. «Geoglyph». Dombar burial ground-2

сыпи в каждом. Параметры таких курганов: диаметр 15–30 м, высота 0,5–2 м. Вероятно, курганных насыпей меньших размеров было больше, однако они были распаханы и визуально не определяются.

К северу от г. Житикара, на ровной долинной поверхности, расположена группа могильников (мог. Житикара 1–4), насыпи курганов сооружены преимущественно из земли. Здесь также сохранились только крупные насыпи высотой свыше 1 м и диаметром от 15 м. Насыпи некоторых курганов продолжают разрушаться современной распашкой. Крупные объекты - со значительными следами грабительских раскопок.

Перспективным для исследований является скопление древних памятников к югу и юго-востоку от с. Токтаров* (*ранее – Тохтарово [Логвин 1986; Бейсенов и др. 2017: 147]). Здесь зафиксировано девять памятников. Большая часть из них сосредоточена на сопочной гряде, на правом берегу р. Тобол. Примечательно, что пять объектов это одиночные курганы с «усами». Из них два объекта относятся к типу 1[2] [Бейсенов 2017: 32], (курган с «усами» Токтаров-2 и 4), к типу 3б относятся три объекта (курган с «усами» Токтаров-1, 3 и 5). Уплощенные насыпи диаметром 6–10 м сложены из колотого камня. Каменные гряды ориентированы на восток с отклонениями на север и юг. Длина их составляет от 80 до 200 м.

Ещё одна группа курганов с «усами» отмечена в местности под названием Домбар. Это одинокая гора с одноименным названием. На её вершине отмечен могильник, в составе которого четыре кургана с «усами». Курганные насыпи, главным об-

[2] Здесь и далее типология курганов с каменными грядами приведена согласно разработкам А.З. Бейсенова.

Рис. 4. Могильник Жалтырколь-1. Вид с юго-запада
4-сур. Жалтыркөл-1 қорымы. Оңтүстік-батыстан қарағаң көрініс
Fig. 4. Zhaltyrkol-1 burial ground. View from the southwest

разом, сосредоточены на вершине горы. Три кургана с «усами» расположены практически в ряд с северо-востока на юго-запад и один расположился восточнее. Преимущественно гряды ориентированы на юго-восток, и только в одном случае на северо-восток. Длина каменных гряд составляет от 40 до 130 м. Указанные объекты относятся к типам 1, 3а и 3б. Западнее от горы, в долине реки Жарбутак, обнаружены еще два кургана с каменными грядами, получившими название могильник Домбар-2. Курганные насыпи одиночные (тип 1). Каменные гряды ориентированы на восток, длиной в одном случае 20–25 м, в другом – 160–190 м.

Помимо парного расположения курганов с «усами», на могильнике Домбар-2 выявлен «геоглиф» (рис. 3), сооруженный из земли. Его центральная часть округло-выпуклой формы, от которой отходят три луча, направленных против часовой стрелки. Диаметр «геоглифа» 40 м, высота 0,3 м, он едва заметен на поверхности среди растительности. По своим конструктивным особенностям «геоглиф» из могильника Домбар-2 соответствует по «стилю исполнения» «геоглифу» из могильника Урпек-1, хотя в последнем имеются дополнительные усложняющие элементы. Обнаруженный «геоглиф» из Житикаринского района близок тамгообразным знакам, оставленным на различных предметах из Северного Причерноморья, Монголии и Польши [Логвин и др. 2018а: 298; Логвин и др. 2018б: 92]

Интерес также представляют «геоглифы», образующие так называемую «линию» насыпей. Всего в районе зафиксировано три таких линии (могильник Бирсуат-1, могильник Жалтырколь-2), Житикаринская линия была обследована ранее [Логвин и др. 2018а: 302–305; Логвин и др. 2018б: 28]. Поскольку в 100 м к северу расположено два кургана, предложено данную линию включить в состав могильника Койлыбай. Каждая линия состоит из 17-ти, 21-х и 23-х земляных курганообразных насыпей, вытянутых в меридиональном направлении. Причем центральные курганы более крупные чем те, которые расположены по краям цепочек. Диаметр насыпей 4–8 м, высота 0,1–0,5 м.

При фиксации археологических памятников древности также учитывались объекты позднего времени, например, казахские кладбища XIX – нач. XX в. Всего отмечено девять объектов, где рядом с памятником раннего железного века расположено кладбище Нового времени (могильники Дауылбай-2–3, Бирсуат-1, Жалтырколь-1 и одиночные курганы Койлыбай и Токтаров-2) (рис. 4). Выбор таких мест не случаен. Как правило, такие сакральные места приурочены к главенствующей в округе высоте, которую видно издалека и с нее обычно открывается обзор на всю местность.

В целом, каждый объект обследовался авторами как единый историко-культурный ландшафт, используемый поколениями людей, населявшими этот край издревле и до этнографической современности. Со временем такие места приобретают у населения особое значение, становятся сакральными, о чем могут свидетельствовать топонимы.

Результаты работ 2022 г. вновь показали наличие большого количества разновременных памятников в Притоболье, исследование которых имеет большую перспективу для теоретической реконструкции культурно-исторического развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас Казахской ССР. Под ред. А.Г. Гущина, А.Г. Чимшидова. М.: ГУГК при Совете Министров СССР, 1990. 96 с.

Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К. К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара (Северный Казахстан). Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 103–116.

Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. В 2-х т. Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 31–37.

Бейсенов А.З., Логвин А.В., Базарбаева Г.А., Грудочко И.В., Сеитов А.М. Курганы с «усами» Улытау, Тургая и Казахского Притоболья // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 135–156.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В. Геометрические ритуальные комплексы («геоглифы») Тургая: опыт систематизации // Маргулановские чтения–2018: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19-20 апреля 2018 г.) / Ред. А.А. Бисембаев, Т.Б. Мамиров, Г.А. Ахатов. Алматы; Актобе: ИА КН МНВО РК; Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2018а. С. 295–306.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В. Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая. Костанай: [б./и.], 2018б. 132 с.

Логвин В.Н. Разведочные работы в Кустанайской области. Отчет Тургайской археологической экспедиции о раскопках на территории Кустанайской области летом 1986 года // Архив ИА КН МНВО РК. Д. 2138.

Мошкова М.Г. Отчет о полевой работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции летом 1964 г. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 961.

Мошкова М.Г. Отчет о работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции в 1966 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Д. 1022.

Мошкова М.Г. О работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции летом 1964 г. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017а. С. 240–249.

Мошкова М.Г. О работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции в 1966 г. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017б. С. 250–270.

Николаев В.А. Тургай и Центральный Казахстан //Физико-географическое районирование СССР (характеристика региональных единиц) / Отв. ред. Н.А. Гвоздецкий. М: Изд-во Московского университета, 1968. С. 278–295.

Пацевич Г.И. Отчет о работе Кустанайской археологической экспедиции 1955 года // Архив ИА КН МНВО РК. Д. 353.

REFERENCES

Gushchin, A. G., Chimshidov, A. G. (eds.). 1990. *Atlas Kazakhskoy SSR (Atlas of the Kazakh SSR).* Moscow: The Main directorate of geodesy and cartography under the Council of Ministers of the USSR (in Russian).

Bazarbayeva, G., Jumabekova, G., Seitov, A., Zhambulatov, K. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (20), 103–116 (in Russian).

Beisenov, A. Z. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation).* In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola", 31–37 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Logvin, A. V., Bazarbayeva, G. A., Grudochko, I. V., Seitov A.M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha (Culture of the Turgai population and adjacent regions: human and era).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 135–156 (in Russian).

Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M., Neteta, A. V. 2018a. In: Bissembaev, A. A., Mamirov, T. B., Akhatov, G. A. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2018 (Margulan Readings–2018).* Almaty; Aktobe: Margulan Institute of Archaeology; Aktobe regional museum of Local hisory, 295–306 (in Russian).

Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M., Neteta, A. V. 2018b. *Ritualno-sakralnye geometricheskie kompleksy ("geoglify") Turgaya (Ritual-sacred geometric complexes ("geoglyphs") of Turgai).* Kostanay (in Russian).

Logvin, V. N. 1986. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2138 (in Russian).

Moshkova, M. G. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 961 (in Russian).

Moshkova, M. G. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1022 (in Russian).

Moshkova, M. G. 2017a. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha (Culture of the Turgai population and adjacent regions: human and era).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 240–249 (in Russian).

Moshkova, M. G. 2017b. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha (Culture of the Turgai population and adjacent regions: human and era),* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 250–270 (in Russian).

Nikolaev, V. A. 1968. In: Gvozdetskiy, N. A. (ed.). *Fiziko-geograficheskoe rayonirovanie SSSR (kharakteristika regionalnykh yedinits) (Physico-geographical zoning of the USSR (characterization of regional units))*. Moscow: Moscow University, 278–295 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1955. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 353 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 16.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 16.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

А.Н. Подушкин
Е.М. Асадчева
А.В. Кесман

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.182.193

Александр Николаевич Подушкин[1], p_a_n_alex@mail.ru,
Екатерина Михайловна Асадчева[1], asadcheva02@bk.ru,
Ангелина Владимировна Кесман[1], angelinakesman246@gmail.com
[1] Центр археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, г. Шымкент, Казахстан

Археологические работы на городище Ушбастобе в урочище Угам (по материалам 2022 года)

Статья посвящена исследованию городища Ушбастобе в полевом сезоне 2022 года. Памятник расположен в долине реки Угам (Южный Казахстан). В ходе изучения были выявлены строительные конструкции, возведенные из массивного камня, получен новый комплекс артефактов, включающий большое количество керамических изделий, орудий труда из камня, изделий из кости и железа. Комплекс находок близок по своему историко-культурному наполнению материалам каратобинского этапа арысской культуры Южного Казахстана (I в. до н.э. – IV в. н. э.). В этнокультурном аспекте памятник связан с государством Кангюй, которое располагалось на территории Южного Казахстана в первые века до н.э. – первые века нашей эры.

Ключевые слова: городище, археологический комплекс, государство Кангюй, керамика

Александр Николаевич Подушкин[1],
Екатерина Михайловна Асадчева[1],
Ангелина Владимировна Кесман[1]
[1]Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университетінің Археология орталығы, Шымкент қ., Қазақстан

Өгам шатқалындағы Үшбастөбе қаласындағы археологиялық жұмыстар (2022 жылғы материалдар негізінде)

Мақала 2022 жылғы далалық маусымдағы Үшбастөбе қаласында жүргізілген зерттеуге арналған. Ескерткіш Өгам өзені (Оңтүстік Қазақстан) жазығында орналасқан. Зерттеу барысында ірі тастардан тұрғызылған құрылыс құрылымы анықталды, көп мөлшерде керамика бұйымдар, тастан жасалған еңбек құралдары, сүйектен және темірден жасалған бұйымдардан құралған артефактілердің жаңа кешені табылды. Табылымдар кешені тарихи-мәдени толықтырулары бойынша Оңтүстік Қазақстанның (б.д. I ғ.-нан IV ғ. дейін) арыс мәдениетінің қаратөбе кезеңі материалдарына жақын. Этномәдени тұрғыдан қарағанда ескерткіш Оңтүстік Қазақстан жерінде б.д.д. I ғасыр мен б.д. I ғасырында таралған Қаңлы мемлекетімен байланысты.

Түйін сөздер: қала, археологиялық кешен, Қаңлы мемлекеті, керамика

© 2023 г. Подушкин А.Н., Асадчева Е.М., Кесман А.В.

Alexander Podushkin[1],
Ekaterina Asadcheva[1],
Angelina Kesman[1]
[1]Center of Archaeology of the South Kazakhstan
State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan

Archaeological work on the Ushbastobe settlement in the Ugam tract (based on the materials of 2022)

The article is devoted to the results of an archaeological study of the 2022 field season of the Ushbastobe settlement, which is located in the mountainous closed valley of the Ugam River (Southern Kazakhstan). During the excavations of the monument, solid walls made of stone were uncovered, a new archaeological complex, interesting in the context of content, was obtained, including a mass of ceramic products, stone tools, artifacts made of bone, iron, similar in its historical and cultural content to the materials of the Karatobe stage of the Arys culture of Southern Kazakhstan (1st century BC – 4th century AD). In the ethno–cultural aspect, the monument is associated with the Kangju state, which was located on the territory of Southern Kazakhstan in the first centuries before and the first centuries of our era.

Keywords: settlement, archaeological complex, Kangju state, ceramics

Центр археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета в 2022 году продолжил исследования городища Ушбастобе I – IV вв. в Угамском урочище. В географическом контексте урочище расположено в крайней юго-восточной части Туркестанской области, включает долину реки Угам, склоны Каржантау и Угамского хребтов. В ландшафтном плане это среднегорный и высокогорный рельефы, сочетающиеся с долиной реки Угам в среднем её течении, где зафиксированы надпойменные лёссовые террасы и равнинный ландшафт площадью около 50 кв. км. Указанная долина и часть реки Угам ограничены на севере каньоном Кокбель, на юге каньоном Темирши, что подчёркивает определённый замкнутый характер всей Угамской долины.

Городище расположено в 1,4 км к востоку от села Кызылтал (другое название населенного пункта – аул Угам). Памятник находится на левой крутой высокой надпойменной террасе р. Угам, вблизи северного каньона Кокбель. Типологически относится к укреплённым городищам на надпойменной террасе, с хорошо развитой системой фортификации, в которой решающую роль играют естественные факторы (крутизна склонов практически со всех сторон, за исключением одной, связывающей памятник с надпойменной террасой) (рис. 1, *1*).

Представляет собой двухчастной неправильной квадратно-прямоугольной планировки холм-тобе, параметры которого: главный (центральный) холм-цитадель в основании 20×45×22×45 м; верхняя площадка 15×30×30×15 м; площадка – в основании 25×20×15×20 м, при высоте от уровня надпойменной террасы 5,5 – 7 м.

Объект почти правильно ориентирован по оси с северо-востока на юго-запад, он обладает мощной фортификацией: так, с севера, северо-востока и юга он имеет крутые склоны-обрывы левой надпойменной террасы реки Угам, с запада – аналогичный обрывистый склон безымянного сая, с юго-востока – ров шириной порядка 10–15 м; только с северо-запада Ушбастобе связывает узкий перешеек с надпойменной террасой (рис. 1, *1*).

Верхний лёссовый слой памятника сильно задернован, однако как на цитадели, так и на площадке-рабаде удалось обнаружить несколько фрагментов керамики от крупных сосудов типа хумчи (части боковин, венчики и донца). По характерному декору и профилировке венчиков, предварительно этот материал датируется в пределах III – IV вв., и связан с арысской культурой Южного Казахстана и государством Кангюй.

В 2022 году к первоначальному раскопу, заложенному в 2014 году на нижней (второй) площадке цитадели Ушбастобе, с южной стороны, вплотную был прирезан новый раскоп размерами 8,5×8 м с ориентацией бровок по сторонам света (рис. 2, *1*). В силу непредвиденных обстоятельств полноценно открыть и исследовать археологически в полевом сезоне 2022 года стало возможным только южную половину раскопа, порядка 32 кв. м. По ходу стационарных работ здесь был удалён достаточно значительный,

Рис. 1. Планиграфия городища Ушбастобе:
1 – городище Ушбастобе, вид сверху; 2 – раскоп 2022 года, вид сверху

1-сур. Үшбастөбе қаласының планиграфиясы: 1 – Үшбастөбе қаласы, жоғарыдан қараған көрініс;
2 – 2022 жылғы қазба, жоғарыдан қараған көрініс

Fig. 1. Planography of the settlement of Ushbastobe: 1 – the settlement of Ushbastobe, top view;
2 – excavation trench in 2022, top view

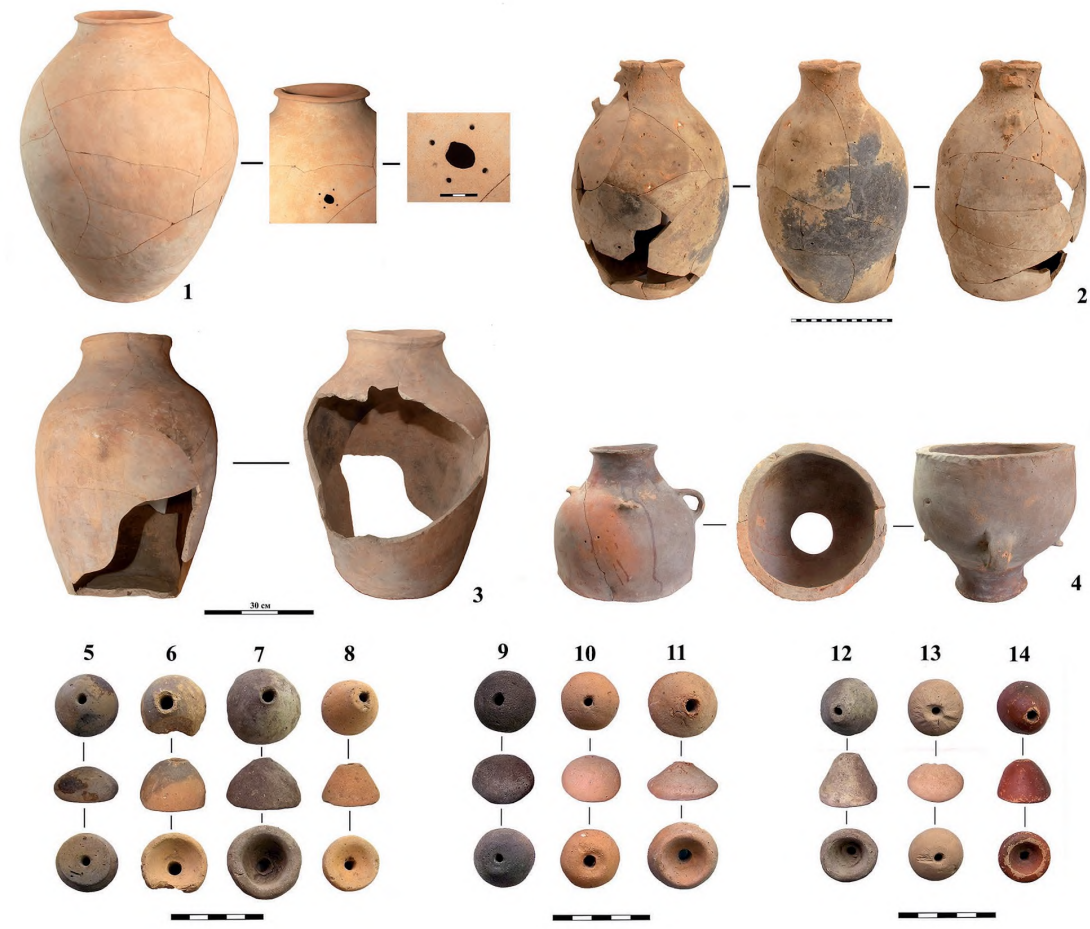

Рис. 2. Керамический комплекс городища Ушбастобе:
1–3 – хозяйственно бытовая керамика (хумы, водоносные кувшины);
4 – хозяйственно бытовая керамика («воронка»); 5–14 – керамические пряслица

2-сур. Үшбастөбе қаласындағы керамикалық кешен:
1–3 – шаруашылық тұрмыстық керамика (хумдар, су таситын құмыралар);
4 – шаруашылық тұрмыстық керамика («құйғыш»); 5–14 – керамика ұршық бас

Fig. 2. Ceramic complex of the Ushbastobe urban site:
1–3 – household ceramics (hums, water-bearing jugs); 4 – household ceramics («funnel»);
5–14 – ceramic spindle whorl

порядка 0,5 м дерновый слой и слой, стерильный в плане обнаружения артефактов. Затем, при последующем углублении раскопа в северной его части (рис. 1, *2*), по всей его площади, на уровне основного древнего строительного горизонта на глубине 0,8–1 м от поверхности, был вскрыты следующие строительные конструкции: – у северной бровки, по всей длине, обнаружена часть масштабной стены, сложенной из крупных и средних по размерам речных камней-валунов в два параллельных ряда в четыре уровня по высоте; толщина стены 0,9–1,1 м, открытая длина стены 8 м, сохранившаяся высота от уровня древнего пола 0,7–0,8 м. Каменная кладка осуществлялась на глиняном растворе, с большими включениями растительности, шамота и даже достаточно больших по размерам фрагментов керамики от посуды в основном столового назначения (части венчиков с ручками, боковины сосудов, на которых иногда фиксируются тамго-образные знаки (рис. 3, *7*; 7, *1–3*). В юго-западном углу раскопа указанная стена имела два угловых соединения из менее широких стен, возведенной из камня аналогичной кладкой, которые расходились от стены крестообразно (рис. 1, *2*).

К северу от стены, по всей открытой площади раскопа, фиксируется сплошной завал из большой массы разбитой керамики, каменных орудий труда,

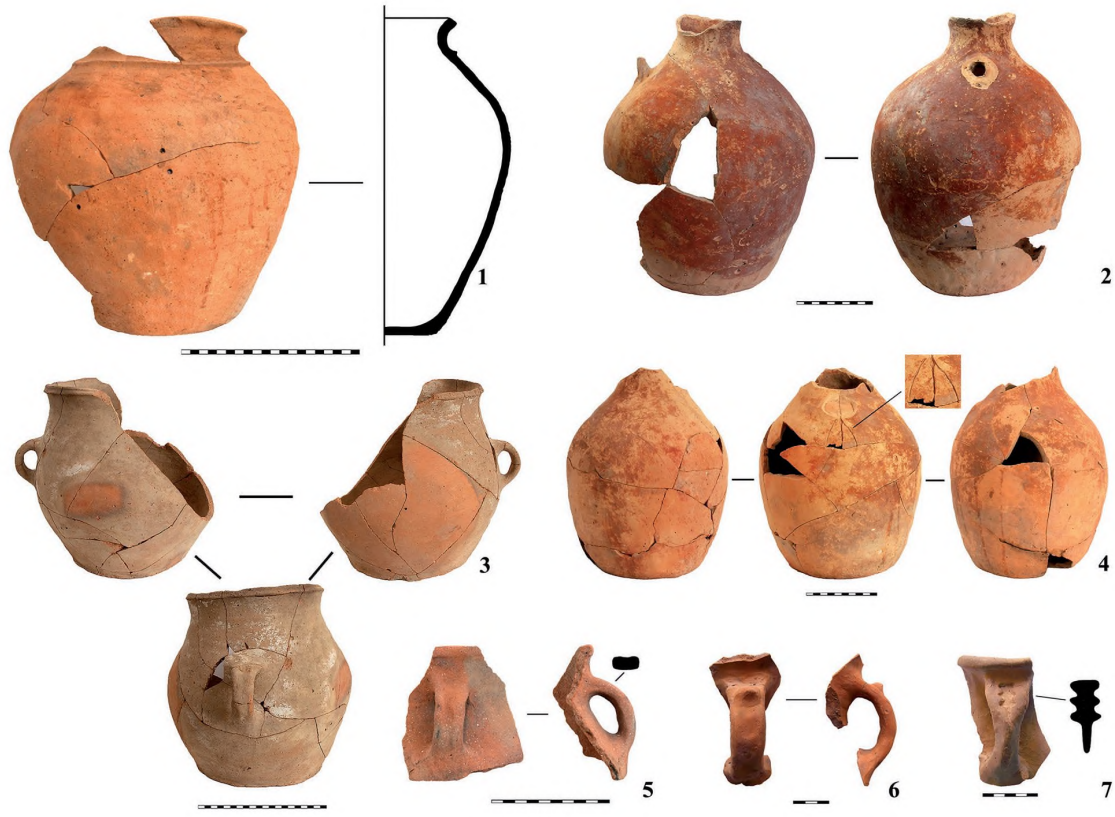

Рис. 3. Столовая керамика городища Ушбастобе:
1 и 3 – столовая керамика (горшки); 2 и 4 – кувшины; 5–7 – налепы на ручках, знаки

3-сур. Үшбастөбе қаласының асүй керамикасы: 1 және 3 – асүй керамикасы (қыш құмыралар);
2 және 4 – құмыралар; 5–7 – тұтқалардағы жапсырмалар, белгілер

Fig. 3. Dining ceramics of the Ushbastobe urban site: 1 and 3 – table ceramics (pots);
2 and 4 – jugs; 5–7 – application on handles, signs

бытовых, ритуальных изделий из кости, поделок из железа, которые лежали в беспорядке, перекрывая друг друга (рис. 1, *2*). Обнаружены также изделия специального назначения из керамики (так называемые «воронки») и миниатюрные плошки со сгоревшей массой органического топлива внутри. Кроме всего, найден комплект артефактов, имеющий отношение к ткачеству: это особый костяной предмет (судя по фактуре – из слоновой кости) в виде овального «бублика», на округлой основной (функциональной) выпуклой оконечности которого по краю периметра фиксируются небольшие высверленные насквозь отверстия (всего около 15); небольшие фрагменты кожи (замши?) на этой поверхности говорят о том, что этот предмет мог находиться в кожаном мешочке (рис. 8, *1*). В раскопе этот артефакт найден с более чем десятью напряслами (пряслицами) различной формы и декора, которые «горкой» покрывали этот предмет (рис. 2, *5–14*).

Судя по всему, такая картина полной разрухи имеет прямое отношение к военной акции по отношению к древнему населению Ушбастобе, которое было ликвидировано, а его материальные ценности разграблены и уничтожены. Об этом в какой-то степени свидетельствует находка панцирной железной пластины от защитного доспеха (рис. 8, *6*).

После фиксации и разборки указанных завалов удалось определить количество и назначение артефактов, которое включает десятки находок. По окончании реконструктивных работ, общая археологического комплекса выглядит следующим образом.

Хозяйственно-бытовая керамика.

В площади раскопа оказались два полностью и частично восстановленных хума (рис. 2, *1, 3*). Хумы

по форме грушевидные, без выраженной горловины (рис. 2, *1*) или с обозначенной невысокой горловиной (рис. 2, *3*), они сделаны вручную из качественного теста, хорошо обожжены в больших керамических печах. Сосуды покрыты жёлтым, тёмно-коричневым, с красноватым оттенком, ангобом; на первом хуме фиксируется округлый проём, окаймлённый по окружности высверленными отверстиями, что свидетельствует о некой реставрации изделия (рис. 2, *1*).

Найдены также крупные водоносные кувшины, представляющие собой грушевидные сосуды ручной работы с невысокой горловиной (рис. 2, *2*) и хорошо выраженной горловиной (рис. 4, *1–2*), одной петлевидной ручкой и «примятым» сливом на комке венчика (изделия имеют следы древней реставрации). Водоносные кувшины покрыты ангобами коричневого (рис. 4, *3*), светло-коричневого цветов (рис. 4, *4*), поверх которых зачастую фиксируются ангобные потёки более тёмных оттенков; иногда венчик и часть горловины сосуда подчёркивался широкой полосой тёмного ангоба по окружности (рис. 4, *1*), встречены также рельефно-выпуклые «усообразные» валики, расположенные у верхнего основания вертикальной петлевидной ручки (рис. 4, *2*).

«Воронка» (предварительное определение функциональности такого изделия) представляет собой на одну четвёртую часть обрезанный по сырой глине по горизонтали снизу крупный столовый горшок шаровидной формы с высокой горловиной, имеющий на плечиках две вертикальные петлевидные ручки и два выпуклых налепа. Венчик и горловина изделия по круговому периметру украшены широкой полосой тёмно-коричневого, почти чёрного, ангоба; остальная поверхность артефакта покрыта более светлым коричневым ангобом, потёками такого же цвета, сквозь которые фиксируется основа красно-коричневого оттенка (рис. 2, *4*). Изделие носит следы древней реставрации, в раскопе оно найдено в развале керамики вблизи большого хума 1 (рис. 9). Судя по всему, такое керамическое изделие – это тривиальная воронка для пересыпания сыпучих масс (например, зерна) или заливки воды в крупные сосуды типа хумов (хумчи).

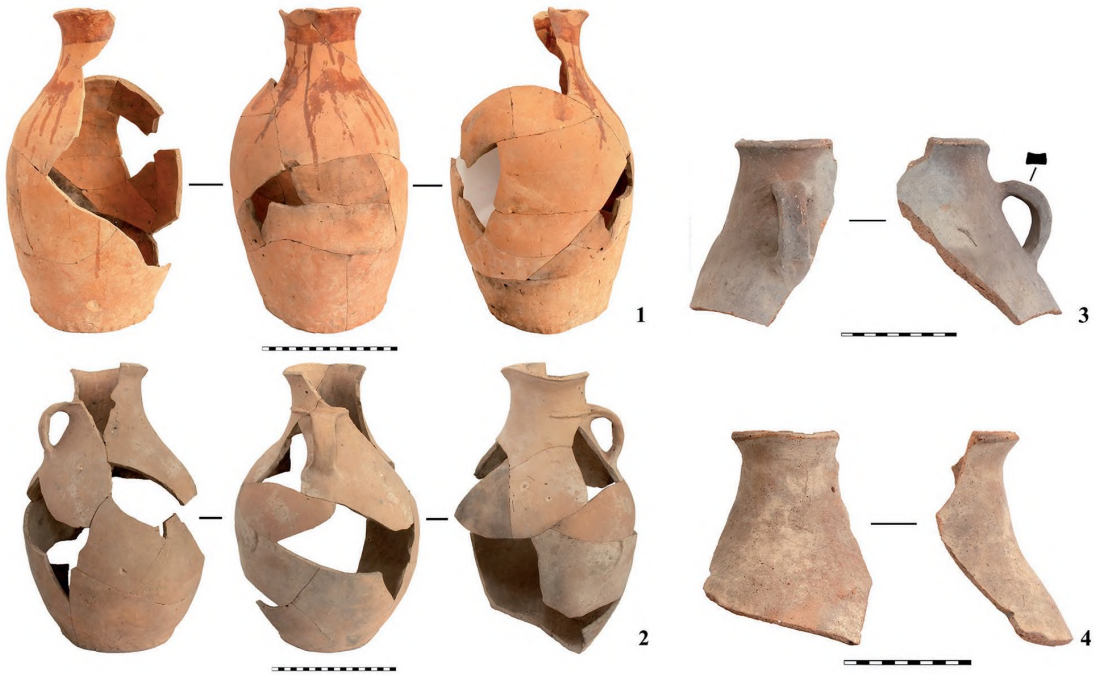

Рис. 4. Столовая керамика городища Ушбастобе: 1–4 – кувшины
4-сур. Үшбастөбе қаласының асүй керамикасы: 1–4 – құмыралар
Fig. 4. Dining ceramics of the Ushbastobe urban site: 1–4 – jugs

Как бытовые изделия, имеющее отношение к ткачеству, следует квалифицировать более двух десятков керамических напрясел (пряслиц) самой различной формы (в основном конические, с круговым врезом в нижней части). Напрясла сделаны вручную, они различных размеров по диаметру основания, украшены ангобами светло-коричневого, тёмно-коричневого, красно-вишнёвого и чёрного цветов (рис. 2, *5–14*).

Столовая керамика.

Обнаружен целый набор столовой посуды, в основном фрагментированной, часть которой воссоздаётся. Вся она выполнена из качественного теста вручную или на вращающейся подставке, хорошо обожжена в гончарных печах:

- грушевидные двуручные (рис. 3, *3*) и без ручек (рис. 3, *1*) горшки; сосуды покрыты коричневым, серо-коричневым ангобом (рис. 3: 5), поверх которого фиксируются ангобные потёки и округлые «глазки» с тёмной оконтуровкой по периметру. Иногда основание короткой горловины горшков подчёркнуто концентрическим рельефно-выпуклым валиком (некоторые горшки имеют следы древней реставрации (рис. 3, *1*);

- грушевидной формы кувшины с цилиндрическим носиком-сливом (и без такового) с короткой горловиной и одной вертикальной петлевидной ручкой, верхнее основание которой крепится к венчику (иногда ниже последнего). Столовые кувшины сделаны на вращающейся подставке из качественного теста, хорошо обожжены, они украшены ангобами коричневого, красно-коричневого и вишнёвого цветов; на некоторых сосудах отмечены тамгообразные знаки и налепы как на тулове, так и в верхней (и нижней) части ручек (рис. 3, *2, 6-7*);

- грушевидные кружки с выраженной горловиной и вертикальной петлевидной ручкой на тулове. Изделия сделаны вручную, из качественного теста, хорошо обожжены, они покрыты тёмно-серым, красно-коричневым ангобом (рис. 5, *1*). Фрагментарно обнаружены также ручки от столовых кружек с зооморфными налепами в верхней части (рис. 5, *2–3*);

Помимо вышеперечисленных приёмов декора столовой посуды, фиксируются также станковое концентрическое рифление (выполнено на быстро вращающемся гончарном круге (рис. 7, *4*), аналогичное прочерченное рифление (сделано на вращающейся подставке) (рис. 7, *4*), покрытие изделий красно-вишнёвым ангобом с последующим лощением (рис. 7, *5*).

Кухонная керамика.

Этот вид посуды городища Ушбастобе включает несколько групп изделий открытого обжига, которые сделаны вручную из грубого теста с большими примесями кварцита, дресвы, растительности. Вся кухонная керамика имеет сильно закопчённую внешнюю поверхность (результат интенсивного использования посуды на открытом огне), а часть сосудов имеют следы древней реставрации.

Рис. 5. Столовая и ритуальная керамика городища Ушбастобе:
1 – кружка; 2–3 – ручки с зооморфными налепами;
4 – миниатюрный сосуд на поддоне;
5 – плошка с обгоревшими остатками дерева

5-сур. Ушбастөбе қаласының асүй және ғұрыптық керамикасы:
1 – саптыаяқ; 2–3 – зооморфты жапсырмалары бар тұтқалар;
4 – тұғырдағы шағын ыдыс;
5 – күйдірілген ағаш қалдықтары бар жайпақ ыдыс

Fig. 5. Dining room and ritual ceramics of the Ushbastobe urban site:
1 – mug; 2–3 – handles with zoomorphic application;
4 – miniature vessel on a pallet; 5 – a bowl with burnt wood remains

К этому виду керамического комплекса относятся:

- крупные грушевидные с выраженной горловиной плоскодонные горшки-котлы с двумя горизонтальными петлевидными ручками на плечиках; такая посуда украшалась как рельефно-выпуклыми валиками (рис. 6, *4–6*), которые отмечены на тулове так и выпуклыми конусовидными налепами (рис. 6, *1–2*);

- сковороды-жаровни с короткими, почти прямыми стенками (рис. 7, *3*);

Ритуальная керамика:

- миниатюрные плошки классической формы с небольшой вертикальной петлевидной ручкой, крепящейся к венчику сосуда и возвышающейся над ним. Такая посуда сделана вручную, покрыта ангобом почти чёрного цвета (часть подобных изделий использовалась на открытом огне, о чём свидетельствуют останки органического топлива в виде углей (рис. 5, *5*);

- миниатюрные плошки без ручек на врезном поддоне; сосуды сделаны вручную, украшены тёмно-вишнёвым ангобом (рис. 5, *4*).

Изделия из железа.

На городище Ушбастобе в культурных слоях кангюйского времени обнаружены следующие артефакты из железа:

- втульчатое навершие на деревянный или костяной стиль в виде крюка с раздваивающимся окончанием; в начале втулки, изнутри, отмечен фиксатор-гвоздь (рис. 8, *3*). Функциональное назначение изделия не известно, но оно могло использоваться в качестве багра;

- два серповидной формы небольших окончания, очевидно, от какого-то режущего изделия типа ножа или даже серпа (рис. 8, *4–5*);

- панцирная пластина защитного доспеха прямоугольной формы и с четырьмя сквозными отверстиями для крепления на кожаную основу (рис. 8, *6*);

Каменные орудия труда из культурного слоя Ушбастобе представлены небольшим изделием прямоугольной формы из красноватого песчаника с фиксируемыми четырьмя рабочими поверхностями, которое могло выполнять роль тёрочника, лощила и лекала для подправки округлой формы керамических сосудов при их изготовлении (рис. 8, *1*). Найден также фрагмент каменного штырька-сурматаша из речного галечника с отверстием для подвешивания в утолщенной части (изделие, имеющее отношение к древнему косметическому прибору (рис. 8, *2*).

Изделия из кости и рога включают:

- костяной предмет (судя по фактуре – из слоновой кости) в виде овального «бублика», на округлой основной (функциональной) выпуклой оконечности которого по краю периметра фиксируются небольшие высверленные насквозь отверстия, всего их насчитывается около 15 (рис. 8, *7*);

Рис. 6. Кухонная керамика городища Ушбастобе:
1–3 – горшки и сковорода; 4–6 – варианты лепного декора кухонной посуды

6-сур. Үшбастөбе қаласындағы асүй керамикасы: 1–3 – қыш құмыралар мен табалар; 4–6 – асүй ыдыстарының жапсырма әшекей нұсқалары

Fig. 6. Kitchen ceramics of the Ushbastobe urban site: 1–3 – pots and a frying pan; 4–6 – samples of hand-made decoration of kitchen utensils

- игральные кости-асыки, в том числе – специально обработанные с отверстиями (рис. 8, *8*);

- обработанные костяные плоские пластины с функциональными сторонами (рис. 8, *9*);

- часть так называемого «шумека» в виде полой костяной трубочки (рис. 8, *12*);

- костяная проколка, «серповидное» изделие и рукоять из рога овцы (рис. 8, *13–15*);

Найдены также часть костяной иголки и зуб жеребёнка как амулет (рис. 8, *10–11*).

Отметим, что концентрация артефактов в культурном слое городища Ушбастобе на сравнительно

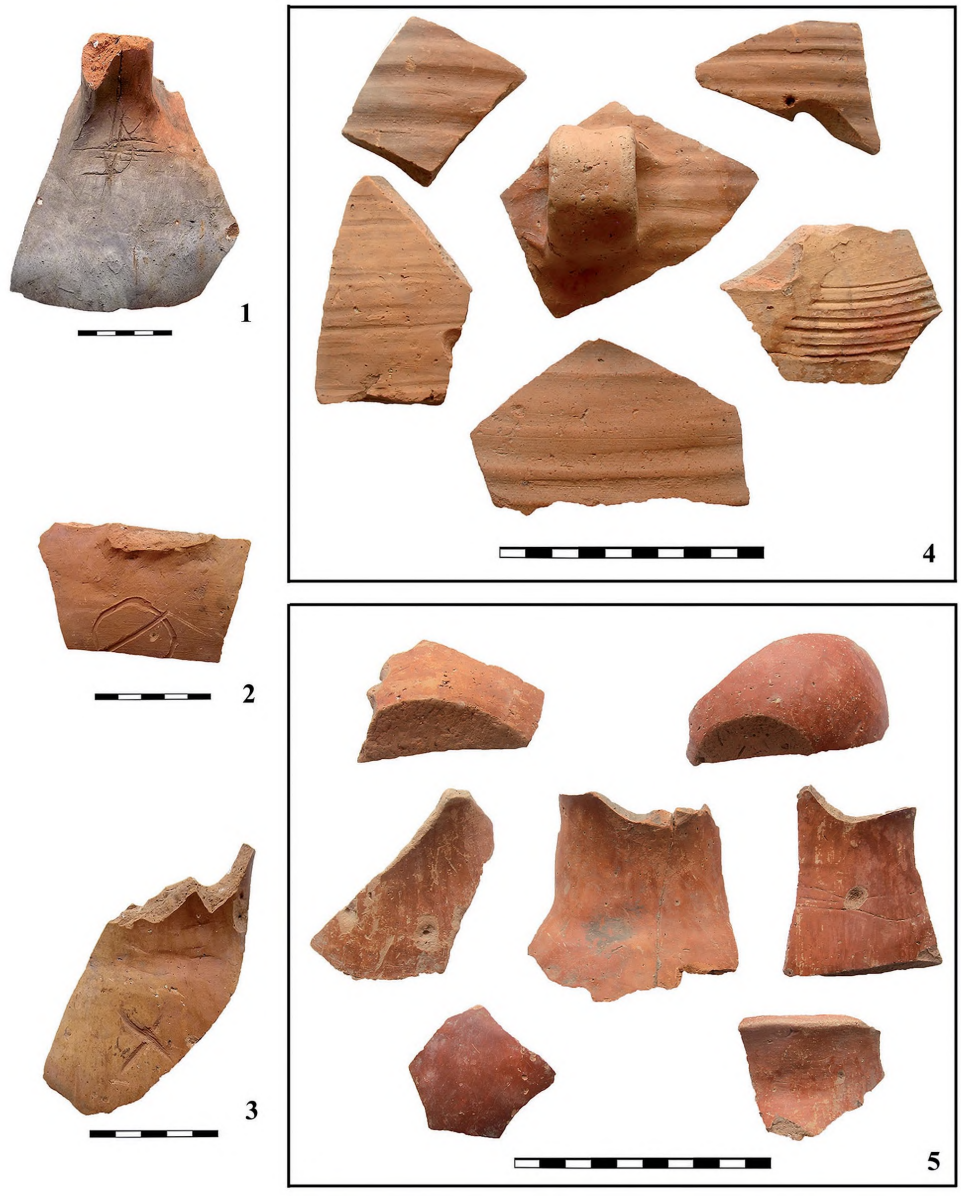

Рисунок 7. Знаки, варианты декора керамики городища Ушбастобе: 1–3 – знаки на керамике; 4 – прочерченный декор столовой посуды; 5 – покрытие красно-вишнёвым ангобом, лощение

7-сур. Үшбастөбе қаласындағы керамика әшекейінің белгілері, нұсқалары: 1–3 – керамикадағы белгілер; 4 – асүй ыдыстарына сызып салынған әшекей; 5 – қызыл-күрең ангобпен қапталған, жылтыратылған

Fig. 7. Signs, ceramic decoration samples of the Ushbastobe urban site: 1–3 – signs on ceramics; 4 – incised decor of tableware; 5 – red cherry angob coating, polishing

Рис. 8. Археологический комплекс городища Ушбастобе: 1–2 – изделия из камня;
3–6 – артефакты из железа; 7–15 – изделия и бытовые предметы из кости и рога

8-сур. Үшбастөбе қаласының археологиялық кешені: 1–2 – тастан жасалған бұйымдар;
3–6 – темірден жасалған жәдігерлер; 7–15 – сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар мен тұрмыстық заттар

Fig. 8. The archaeological complex of the Ushbastobe urban site: 1–2 – stone products;
3–6 – iron artifacts; 7–15 – bone and horn articles and household items

небольшой площади чрезвычайно высока. После проведения камеральных и реконструктивных работ удалось зафиксировать и воссоздать около 30 изделий из керамики, 15 костяных поделок и орудий труда, 2 орудия труда из камня, 4 изделия из железа (рис. 9).

Аналогии и хронологические выкладки.

Необходимо подчеркнуть, что почти вся керамическая посуда и изделия из керамики городища Ушбастобе с соответствующими приемами декора достаточно широко представлены материалах эталонных памятников арысской культуры Южного Казахстана I в. до – IV в. н. э. на ранних поселениях бассейна р. Арысь (каратобинский этап), которая фиксирует устойчивые системы традиций в материальной сфере государства Канцзюй [Подушкин 2000: 114–121].

В числе иных аналогий и хроно-индикаторов отметим следующие:

- костяной предмет в виде овального «бублика», на округлой основной (функциональной) выпуклой оконечности которого по краю периметра фиксируются небольшие высверленные насквозь отверстия. Прямая аналогия (вплоть до тождества) этому предмету имеется в материалах усадьбы Кайрагач (Юго-Западная Фергана, первая половина I тыс. н. э.; упоминание и описание изделия в тексте отсутствует) [Брыкина 1982: 193, табл. 41: 3–4];

- фрагмент штырька-сурьматаша с отверстием для подвешивания как составная часть косметического прибора. Подобный косметический прибор в виде каменного остроконечника-штырька сурьматаша (в сочетании с графитовой основой или бронзовым зеркалом) широко отмечен в памятниках Средней Азии и Казахстана в первых веках н. э. [Литвинский 1978: 127–132; Горбунова 1981: 178–180, рис. 37: 3]. Аналогичный косметический прибор обнаружен в некрополе городища Кок-Мардан [Нурмуханбетов 2011, 47: рис. 5];

- зооморфные налепы в верхней части ручек кувшинов и кружек. Аналогичные дериваты, стилизованно имитирующие головки или рога копытных животных (обычно это архар, горный баран), встречены в керамике кангюйско-сарматского времени в Средней Азии и Западной Фергане первых веков нашей эры [Литвинский 1973: 95–118, табл. 11: 8; табл. 44: 4, 12;

Рис. 9. Экспликация воссозданных артефактов, орудий труда, бытовых предметов из камня, металла и кости в раскопе 2022 года на цитадели городища Ушбастобе

9-сур. 2022 жылы жүргізілген қазба жұмыстары кезінде Үшбастөбе қаласының рабатынан табылған, қайта қалпына келтірілген артефактілердің, еңбек құралдарының, тастан, металдан және сүйектен жасалған тұрмыстық заттардың экспликациясы

Fig. 9. Explication of recreated artifacts, tools, household items made of stone, metal and bones in the excavation in 2022 at the citadel of the settlement of Ushbastobe

табл. 45: 1, 4, 23]. При этом подобные зооморфные проявления в виде головы (рогов) архара-барана связываются с глобальным культом «фарн», имевшим широкое распространение у ирано-язычных народов Средней Азии в древности, в том числе у кангюйцев и сарматов [Литвинский 1968, с. 75–95, табл. 1 и 2];

- железное втульчатое изделие в форме крюка с раздвоенным окончанием (багор или окончание вотивного жезла?). Предназначение этого артефакта неизвестно, но почти полные аналогии по варианту изготовления и форме встречены в материалах эпохи бронзы и более древнего времени, причём эти аналогии выполнены из бронзы. В.А. Новоженов трактует такие «втульчатые крюки» как инструмент для управление упряжными животными (в основном быками), тянущих колёсное транспортное средство (двуколки различных типов) [Новоженов 2014: 96–97, рис. 10];

- знаки на керамике городища Ушбастобе самой различной иконографии (прочерченные и оттиснутые по сырой глине, процарапанные, вылепленные) находят широкие аналогии в кангюйских памятниках Центральной Азии и Южного Казахстана первых веков до – первых веков нашей эры [Григорьев 1948: 53–55, табл. X: 79; табл. XIV; Подушкин 2018: 95, рис. 18].

Таким образом, опираясь на вышеприведённые факты, связанные с аналогиями и хроноиндикаторами, можно определить рамки археологического комплекса городища Ушбастобе, полученного в ходе раскопок полевого сезона 2022 года, в пределах I – IV вв., а в этнокультурном контексте данный археологический комплекс связывается с государством Кангюй.

ЛИТЕРАТУРА

Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982. 196 с.

Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 178–183.

Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении (к истории культуры древних саков) //Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. № 46, вып. 1. С. 47–78.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племён южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 120 с. + 6 табл.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Вып. IV. М., Наука, 1978. С. 1–179.

Новоженов В.А. К вопросу о происхождении А-образного типа двуколок Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 90–100.

Нурмуханбетов Б.Н. Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы, 2011. С. 42–73.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э. Туркестан, 2000. 203 с.

Подушкин А.Н. Тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до – IV в. н.э. // Мир Большого Алтая. 2018. № 4 (1). С. 60 – 101.

REFERENCES

Brykina, G. A. 1982. *Yugo-Zapadnaya Fergana v pervoy polovine I tysyacheletiya nashey ery (Southwest Fergana in the first half of the 1st Millennium AD).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gorbunova, N. G. 1981. In: Itina, M. A. et al. (eds.). *Kultura i iskusstvo Drevnego Khorezma (Culture and art of ancient Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ., 178–183 (in Russian).

Grigoryev, G. V. 1948. In: *Izvestiya Akademii nauk Kazahskoy SSR (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR),* 46 (1), 47–78 (in Russian).

Litvinskiy, B. A. 1968. *Kangyuysko-sarmatskiy farn (k istoriko-kulturnym svyazyam plemyon yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) (Kangyu-sarmatian farn (on the historical and cultural relations of the tribes of Southern Russia and Central Asia))*. Dushanbe: “Donish” Publ. (in Russian).

Litvinskiy, B. A. 1978. In: *Mogilniki Zapadnoy Fergany (Burial grounds of Western Fergana).* Vol. 4. Moscow: “Nauka” Publ., 1–179 (in Russian).

Novozhenov, V. A. 2014. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia)*, 2 (42), 90–100 (in Russian).

Nurmukhanbetov, B. N. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazahstana (Issues of archaeology of Kazakhstan)*. Vol. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola”, 42–73 (in Russian).

Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n. e. – VI v. n. e. (Arys culture of Southern Kazakhstan 4th century BC – 6th century AD)*. Turkistan (in Russian).

Podushkin, A. N. 2018. In: *Mir Bolshogo Altaya (World of the Great Altai)*, 4 (1), 60–101 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

М. Гурсой
Б.С. Сыздықов
С.С. Мургабаев
А.А. Ержігітова

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.194.202

Музаффер Гурсой[1], muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz,
Бағдаулет Сапарбайұлы Сыздықов[1], bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz,
Сағынбай Серікбайұлы Мургабаев[1], sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz,
Айсұлу Асқарқызы Ержігітова[1], aisulu6767@mail.ru
[1]Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық
қазақ-түрік университеті, Археология ғылыми-зерттеу
институты, Түркістан, Қазақстан

Қаңлылардың ата-баба культі және культтік орындары*

Қаратаудың оңтүстігінде қаңлы кезеңінің обалары айтарлықтай зерттелген. Зерттеу жұмыстары нәтижесінде көптеген ғылыми мақалалар мен монографиялар жарияланған. Бұл еңбектерде қаңлылардың жерлеу дәстүрі, материалдық мәдениеті және дүниетанымы жайында ақпараттар келтірілгенмен ата – баба культі атқарылатын орындарды айқындау мәселесі назардан тыс қалған. Дегенмен қай кезеңде болмасын адам баласы өлім бар жерде жерлеуге дейін, жерлеу кезінде және жерлегеннен кейін де жоралғылар атқарғандығын әсте естен шығармаған жөн. Мақаланың мақсаты археологиялық деректер арқылы қаңлылардың ата-баба аруағына арналған культтік орындарын болжамды түрде айқындау болып табылады. Нәтиже ретінде катакомбалық қабірлердің әр кезде кіріп шығуға ыңғайлы екендігі ескеріле келе, катакомбалардың жерлеу орнынан бөлек культтік нысан қызметін атқарғандығы болжамды түрде тұжырымдалған.

Түйін сөздер: Келес ауданы, Арыс өзені, қаңлы кезеңі, ата-баба культі, қорым, оба, катакомба

Музаффер Гурсой[1],
Бағдаулет Сапарбаевич Сиздиков[1],
Сағынбай Серикбаевич Мургабаев[1],
Айсұлу Аскаровна Ержигитова[1]
[1]Международного казахско-турецкого университета
имени Ходжа Ахмеда Ясави,
научно-исследовательского института археологии,
Туркестан, Казахстан

Культ предков и культовые места племен канглы

На юге Каратау довольно хорошо изучены курганы канглинского периода. Результаты исследований введены в научный оборот, опубликовано множество научных статей и монографий. В этих работах приводятся сведения о погребальной традиции, материальной культуре и мировоззрении представителей племени канглы, но не освещается вопрос о местах отправления культовых обрядов. Не следует забывать, что во все времена перед погребением, во время погребения и после погребения совершаются определенные обряды. Цель статьи – определить по археологическим данным культовые места, посвященные духам предков племени канглы. В статье высказывается предположение о том, что катакомбы являются не только местом захоронения, но и культовым объектом.

Ключевые слова: Келесский район, река Арысь, канглинский период, культ предков, могильник, курган, катакомбы

© 2023 ж. Гурсой М., Б.С. Сыздықов, С.С. Мургабаев, А.А. Ержігітова
** Мақала жеке тіркеу нөмірі AP13068455 болатын Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі қаржыландыратын ғылыми жоба негізінде дайындалды.*

Muzaffer Gursoy[1],
Bagdaulet Sizdikov[1],
Sagynbay Murgabayev[1],
Aisulu Yerzhigitova[1]
[1]Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University,
Research Institute of Archaeology,
Turkistan, Kazakhstan

Cult of ancestors and places of worship of the Kangly tribes

In the south of Karatau, the mounds of the Kanglin period are quite well studied. The research results have been introduced into scientific circulation, many scientific articles and monographs have been published. These works provide information about the funeral tradition, material culture and worldview of the representatives of the Kangly tribe, but do not cover the issue of places of worship. It should not be forgotten that at all times, before burial, during burial and after burial, certain rituals are performed. The purpose of the article is to determine, according to archaeological data, cult places dedicated to the spirits of the ancestors of the Kangly people. As a result, taking into account that the catacomb graves are convenient for entry and exit, it is suggested that the catacombs are not only a burial place, but also served as a cult object.

Keywords: Keles region, Arys river, Kanglin period, ancestral cult, burial ground, mound, catacombs

Кіріспе. Культ термині латынның «cultus» күтім, құрметтеу деген сөзінен шыққан. Культ – ғибадат етуде ерекше күшке сену бағытында жасалатын, қимыл, әдет–ғұрып, салт-жоралар жиынтығы. Культтің негізгі түрлеріне ошақ культі, от культі, су культі, ата – баба (аруақ) культі және т.б. жатады. Культтік жоралғылар, түрлеріне қарай ғибадатханаларда, үйлерде, үңгірлерде, судың жағасында, қорымдарда, арнайы үйінділердің маңында және т.б. жерлерде атқарылады [Самашев 2007]. Әр бір культ өз алдына жеке зерттеуді қажет етеді.

XX ғ. бірінші жартысынан бастап Қаратаудың оңтүстігінде Б. Нұрмұханбетов, Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, А.Г. Максимова және т.б. ғалымдар зерттеулер жүргізіп, қаңлы кезеңіне жататын көптеген обаларды қазған. Кейінгі жылдары К. Байпақов, Е. Смағұлов, А. Ержігітова [Байпаков и др. 2005], А. Подушкин [Подушкин 2000] сынды ғалымдар Арыс өзені жағасында орналасқан қаңлы обаларын зерттеп, алынған деректер негізінде көптеген ғылыми еңбектер жариялаған. Бұл еңбектерде қаңлылардың жерлеу дәстүрі, материалдық мәдениеті және қабір құрылымы жайында құнды мәліметтер берілген.

Жерлеу дәстүрі мен ата-баба культінің етене байланысты болғанымен бұрынғы зерттеулерде культ мәселесі назардан тыс қалған. Сондықтан бұл мақалада: «қаңлылар ата-баба аруағы үшін культтік шара атқарды ма, атқарған болса аталған шара қай жерде атқарылды», – деген сұрақтарға болжамды түрде жауап іздеу мақсат етілді.

Мақала: әлемдік өркениеттердегі ата – баба культі және қаңлылардың ата-баба культі және культтік орындары деген екі бөлімнен тұрады. Екінші бөлімде қаңлы кезеңінің қорымдарында культтік нысан ретінде сипаттауға келетін үйілген тас немесе арнайы бір құрылыстың жоқ екендігі айтыла келе катакомбалық қабірлердің жерлеу орнынан бөлек культтік нысан қызметін атқарғандығы археологиялық деректер негізінде тілге тиек етілген. Келес өзені мен Арыс өзені жағасында зерттелген қаңлы кезеңінің обалары негізінде жазылған.

1. Әлемдік өркениеттердегі ата – баба культі

Адам баласы ежелгі кезден бастап рухтардың қабірден шығып өздеріне көмек көрсететіндігіне сенген немесе керісінше зиянын тигізеді деп қорыққан. Осындай дүниетанымдар қорымдардың маңына құрбандық шалынатын орындар мен ғибадатханалардың салынуына, ғұрыптық жоралғылар атқарылуына негіз болып «ата-баба» культін қалыптастырған [Akyurt 1998: 154]. Тарихқа дейінгі кезеңдерден бастап осы күнге дейін әлемнің барлық жерінде кездесетін ата-баба культі, Орта Азия және Қазақстан аймағында өмір сүрген халықтар үшін де айтарлықтай маңызға ие болған. Ата-баба культінің тарихи даму үдерісі қайтыс болғандарды жерлеу және рухтарды «құдай дережесіне» көтеру түсініктерінің пайда болу кезеңдерінен тұрса керек.

Қайтыс болу және оларды жерлеу түсінігі ең алғаш палеолит кезеңінде өмір сүрген неандертальдықтардың санасында қалыптаса бастаған.

Мұны Загрос тауы Шанидар үңгірінде анықталған және ғалымдар тарапынан неандертальдарға тиесілі деп табылған жерлеулер дәлелдейді. Бұл жерде 1957 жылы Ральф Стефан Солецки қазба жұмыстарын жүргізіп Мустье кезеңінің B7 шаршысынан ересек адамның қаңқасын анықтаған. Бұл адам сол жанымен жатқызылып оң жақ қолы мен аяғы бүгілген қалыпта орналастырылған. Ғалымдар қаңқаның жанындағы топыраққа талдау жасаған кезде құрамынан гүлдің тозаңын анықтаған. Сонымен қатар бұл гүлдерді түрлі аймақтан алып келгендігі және осымен мәйіттің үстін жапқандығы белгілі болған. Бұл жағдай алғашқы адамдардың өлімге байланысты ұстанымын немесе ғұрыптық іс-әрекеттерін көрсетсе керек. Бұдан басқа неандерталь адамының қаңқа сүйектері Франциядағы Ле-Шаппель-о-Сен, Ле-Мустье, Ле-Ферасси, Өзбекстандағы Тешик-Таш, Палестинаның солтүстігіндегі Кебара үңгірі, Харватиядағы Крапина маңындағы үңгір және Партугалиядағы Лейриада табылған. Сонымен қатар Ресейдегі Клязьма өзенінің маңында орналасқан Сүңгір тұрағынан о дүниелік заттарымен бірге адам қаңқасы анықталған. Радиокөміртектік талдаулар нәтижесінде бұл жерлеудің б.д.д. 28–30 мың жылы жүзеге асырылғандығы белгілі болған [Акçау 2017: 7–9]. Кітаптарда неандерталдарға тиесілі қаңқа сүйектері жайында мәлімет кездескенмен, жерлегеннен кейін атқарылған іс-әрекеттері жөнінде мәлімет кездеспейді. Дегенмен өлім болған жерде жерлеуге дейін, жерлеу кезінде және жерлегеннен кейін аруақтар үшін іс-әрекеттер атқарылған болу керек. Ғалымдардың бірқатары ата – баба культінің пайда болуын мезолит кезеңінен бастағысы келеді. Оған Палестина мен Иерусалим аймағындағы натуф мәдениетіне тиесілі Хилазон Таштит үңгірінде анықталған жоралғылардың іздерін дәлел ретінде алға тартады. Бұл үңгірде бір жерлеу орны және оның айналасынан көптеген жан-жануарлардың (сиыр, бұқа) сүйектері табылған. Зерттеушілер бұл сүйектерді өлгенді еске алу ғұрпымен байланыстыра келе бұлар ата – баба культінің ең алғашқы белгілері болу керек деген болжам жасайды [Акçау 2017: 7–9].

Жерорта теңізі жағалауында зерттеу жұмыстарын жүргізген ғалымдар бұл өңірдің неолит дәуірін саз-ыдыссыз неолит (б.д.д. 11000 – 7000), саз-ыдысты неолит (б.д.д. 7000 – 5000) деп бөліп қарастырады. Бұл дәуірдегі отырықшы өмір мен ұжымдық еңбек бөлінісі адамдардың сапалы өмір сүруіне, өлім-жітімнің азаюына және адам санының артуына себеп болған. Адам санының өсуі қоғамда жеке меншік сезімінің оянуына жол ашқан. Ғалымдар арасында осыдан кейін ата-баба культі қалыптасқан деген пікірлер бар. Түркия, Паластина, Сирия және Израильдегі неолит дәуіріне жататын тұрғын үйлердің еденінің асты мен культтік нысандардан беті гипспен сыланған адамның бас сүйектері табылған. Кейбір зерттеушілер «бұл бас сүйектерге кейінгі ұрпақтары құрмет көрсеткен, сондықтан ата-баба культімен байланысты болу керек», – деген болжам жасаған [Bonogofsky 2018: 29].

Жоғарыдағы діни әрекеттерге ұқсас келетін белгілер Қазақстандағы Ботай тұрағынан кездескен. Бұл тұрақты В.Ф. Зайберт б.д.д. III – II мың-жылдықтармен мерзімдеп, ғылыми айналымға Ботай мәдениеті деп енгізген. Бұл жерден бір-біріне жапсарласа салынған жертөле түріндегі қоныс жайлар табылған. Үйлер тереңдігі 1 м, көлемі 20 шаршы метрден 70 м-ге дейін жететін, 4 немесе 8 бұрыш түрінде жасалған. Төбесі бағандар арқылы күмбезделіп, бұтақ және шым қабатымен жабылған. Ортасына түтін шығатын тесік қалдырылған. Қоныстан зубрдың, турдың, бұланның, еліктің, аюдың, иттің, түлкінің, қасқырдың, түйенің, құндыздың, суырдың, қоянның, қабанның, құстардың және ең маңыздысы 70 000 жылқының сүйегі табылған [Зайберт 1993: 196]. Зерттеушілер бұл сүйектерді негізге ала отырып жылқы ең алғаш осы жерде қолға үйретілген деген тұжырым жасаған. Бұл ақпараттардың барлығы Қазақстанның байырғы тұрғындарының тұрмысы, мәдениеті мен шаруашылығын түсінуімізге зор мүмкіндік береді. Бұдан бөлек осы жерден ботайлықтардың дүниетанымынан сыр шертетін деректер алынған. Тарқатып айтар болсақ тұрғын жайлардың көпшілігінен айналасы жылқының бас сүйегімен қоршалған жерлеу орындары анықталған. Ал, едендерінің астынан иттің сүйектері алынған. Ең маңыздысы бір тұрғын жайдың қабырғасындағы сөреден беті саз былшықпен сыланған адамның бас сүйегі табылған. В.В. Зайберт бұл деректерді ата-баба культінің белгісі ретінде қарастырған [Қозыбаев 1996: 95–99].

XX ғ. басында С.А. Теплоухов Сібір аймағында жетпістен астам обаларды қазып, қабірлердің ерекшелігіне және табылған заттарына қарай

мерзімдеп, оларды Афанасев, Андрон, Қарасұқ, Тагар және Таштық мәдениеттеріне топтастырды. Б.д.д. II – б.д. IV ғасырына мерзімделетін Таштық мәдениетіне тиесілі обалардан теріден жасалған адам мүсіндері мен бетіне гипстен жасалған маскалар тағылған қаңқалар табылған. С.В. Кисилев XX ғ. екінші жартысында маскалардың семантикасына байланысты зерттеу жұмыстарын жүргізген. Ол Таштықтағы маскаларды Ежелгі Рим аймағындағылармен салыстыра келе ата-баба культімен байланыстырған [Корнеева 2009: 96].

Б.д.д. II мыңжылдықта Сібір, Жайық, Қазақстан және Орта Азия даласында өмір сүрген тайпалар қола дәуіріне қадам басты. Осы кезеңдегі тайпалар руда өндіру ісін меңгеріп, мал шаруашылығымен қатар егін шаруашылығымен айналысқан. Андроновтықтардың тұрмысы мен дүниетанымы табиғатпен тығыз байланыста дамыды. Сондықтан күнді, отты, жануарлар мен өсімдіктерді табиғаттың құдіретті күштері деп білді. Ғалымдар қола дәуіріндегі тайпалардың отқа табынғандығын атап өткен. Бұған дәлел ретінде өртенген мәйіттерді көрсеткен. Осы кездегі адамдардың санасында от денені жамандықтардан тазартады және өлген адамды зұлым рухтардан қорғайды деген түсінік болған. Сонымен қатар ата-бабалардың аруағына сиыну және о дүниеге сену кеңінен тарады. Тарқатып айтар болсақ бабалардың аруағы желеп-жебейді, ол көмектеседі және қомқор болып қорғайды деп сенген. Бір жағынан аруақтардан қорқатын да еді. Сондықтан өлген адамдарды о дүниелік астарымен және керек жарақтарымен бірге жерлеген. Оларға арнап үйге ұқсас бейіт тұрғызған. Белгілі бір уақыт өткеннен кейін аруақтар үшін тамақ дайындап тас жәшіктердің жанына немесе оба үйіндісіне көмген. Археологтар қорымдардан оңаша жерлерде жүргізген зерттеу жұмыстары барысында шомбал тастардан жасалған құрбан шалатын орындарды тапқан. Боқсайдағы (Атасу өзені) құрбан шалатын орындардан көмір мен күлдің қалың қабаты және қалыңдығы 40 см келетін органикалық қалдықтар табылған. Сірә бұл сүттен жасалған тағамдардың қалдығы болса керек [Қозыбаев 1996: 116]. Табылған заттай деректердің барлығы Андронов тайпаларында ата-баба культінің болғандығын дәлелдейді.

Ерте темір дәуірінде өмір сүрген сақ тайпалары да ата-бабаларының рухына тағзым етіп құрмет көрсеткен. Бұл мәселеге антикалық деректер мен археологиялық мәліметтер айғақ бола алады. Геродоттың дерегі бойынша парсы патшасы Дарий сақтардың еліне басып кіреді. Осы кезде сақтар күн ілгері жасаған тактикалық жоспарына сай Дарийдің әскерімен соғысудың орнына кері шегінеді. Дарий сақтардың соңына түсіп қуғанын қоймайды. Ал, сақтар парсыларды өздеріне жақындатпастан кері шегініп отырады. Соғыс осылай ұзаққа созылатынын сезген Дарий сақтардың патшасы Иданфирске өзінің елшісі арқылы, «қашқаныңды қойып ашықтан-ашық шайқасқа шық. Егер өзіңді шайқасуға шамам жоқ әлжуаз сорлымын деп мойындасаң, онда өзіңнің билеушіңе, яғни маған, жерің мен суыңды сыйға тартып, бас иіп кел де, менімен келіссөз жүргіз» деген хабарлама жеткізеді. Оның бұл сөздеріне сақтардың патшасы Иданфирс былай деп жауап қайтарады: «Ей патша! Мен осы кезге дейін ешкімнен қорқып қашқан емеспін. Қазірде сенен қашып жүрген жоқпын. Біз өзіміздің күнделікті дәстүрлі өмір сүру салтымыз бойынша ел кезіп, жер көріп жүрміз. Ал, сенімен кезіккен бойда шайқасқа неге шықпаған себебімізді де айтайын. Біздің қаламыз не болмаса егістік алқабымыз жоқ. Сондықтан сендермен шайқасқа шығып, босқа әуре болуды қажет деп таппадық. Ал, егер сендер біздермен соғысуға құмартып тұрсаңдар, онда сендер біздің ата-бабаларымыздың осы даладағы қорымдарын тауып, тым болмаса біреуін қиратып көріңдер. Сонда сендерге шайқастың қандай екенін көрсетіміз.....» [Гаркавец 2007: 101–102]. Келтірілген мәліметтерден сақтар үшін қорымның қаншалықты киелі екендігі, оны жоғары деңгейде қастерлеп құрметтейтіндігі байқалады.

Сақтарда ата-баба культі болғанын археологиялық деректер де дәлелдейді. Бұған Іле өзенінің оң жағасында орналасқан Бесшатыр қорымы маңындағы қоршаулар мысал бола алады. Қазылған қоршаулардың көпшілігінен күл, сүйектердің қалдығы, керамиканың сынықтары мен моншақтар табылған. Археологтар бұл қоршауларды отқа табыну орны және құрбан шалынтын ғұрыптық нысан ретінде топшылаған. Жалпы Бесшатыр кешені Іле өзені аңғарында мекендеген сақтардың киелі орны болуы мүмкін. Археологиялық деректерге қарағанда сақтар бұл қорымды ұзақ жылдар бойы қолданғандығы, көптеген құрбандықтар шалып, аруақтарға бата жасап, әр түрлі діни жоралғылар атқарғандығы байқалады. Қорым аумағында тұрған

менгірлер мен қойтастардың өзі бұл жерде діни жоралғылардың атқарылғандығына куәлік етеді [Қозыбаев 1996: 166–169].

Ерте темір дәуірінде Арал – Каспий маңын мекендеген тайпалардың (дах, массагет, сармат) діни идеологиясында табиғаттың жаңару қасиеті туралы түсінікпен ата-бабаға табыну сынды сенімдер орын алған. Сондықтан қорым орналасқан аймақ киелі деп табылып, артта қалған ұрпақтары табынатын, белгілі уақыттарда ас беріп, еске алу рәсімін атқаратын орын қалыптастырған. Мысалға, Маңғыстау облысындағы Дықылтас жерлеу кешенін [Самашев, Ольховский 1996: 218] зерттеген кезде ата-баба культін айғақтайтын құнды деректер алынды. Бұл жерде шеңбер тәрізді алаңқайға тақта тастарды тігінен орналастыру арқылы (жәшік) лақат жасалған. Оба үйіндісінің етек жағы тақта тастармен немесе дөңгелек орлармен қоршалған. Обаның төңірегіне тас үйіндіден тұратын құрбандық орындары, менгірлер мен тас бағандар орнатылған. Дықылтастағы үш лақаттан отыз шақты адамның сүйегі анықталған. Бұл жағдайды жерлеу орнының ұзақ жылдар қолданылуымен түсіндіруге болады. Қазба кезінде қаңқа жанынан қару жарақтар, қыш ыдыстар, моншақтар, білезіктер, қола айналар және т.б. заттар табылған. Бұлар жерлеу орны иелерінің санасында о дүние түсінігі болғандығын нақтылайды [Қозыбаев 1996: 210]. Сонымен қатар Үстірт өңірінен Бәйте [Ольховский, Галкин 1990: 196], Қарамөңке және Терен [Самашев и др. 2007: 120] сияқты көптеген ғибадатханалар табылған. Тақта тастардан тұрғызылған бұл ғибадатханалардың маңынан жан-жағы ормен қоршалған қабырға түріндегі құрылыстар, түрі мен көлемі әр түрлі құрбан шалатын орындар, еске алу орындары, тас мүсіндер мен менгір – құлпытастар анықталған. Археологтар аталған ғибадатханаларды ата-бабаларға және ру басылар мен басшыларға табынудың маңызды көрсеткіші ретінде сипаттаған [Қозыбаев 1996: 210].

Жоғарыда келтірілген мәліметтерден ерте темір дәуіріне жататын қорымдардың аумағына аталар рухына тағзым етіп арнайы діни жоралғылар атқаратын орындар тұрғызылғандығы байқалады. Дегенмен осы кезеңге жататын немесе біздің жыл санауымыздың басымен мерзімделетін культтік нысандары жоқ қорымдарда кездеседі. Осы орайда ғалымдар «обалар тек жерлеу орны ғана емес, сонымен қатар ғұрыптық қызметі де болған» [Оңғарұлы 2010: 16] немесе катакомбалар ежелде діни жораларды өткізу мен мәйітті жерлеуге қолданылған қабір түрі [Біләлова, Ярыгин, Минарди, Бонораның 2014: 90] деген.

Бұл жерде айтқымыз келгені мұндай жағдайда обалардың құрылымдық ерекшелігін анықтап, әр бір бөлігіне аса мән беру керек. Мысалға, археологтар Шілікті жазығындағы (Шығыс Қазақстан) Бәйгетөбе обасынан бөренелерден салынған қабірхана мен осы қабірхананың құрамдас бөлігі болып табылатын бір үлкен және бір кіші дромос анықтаған болатын. Осыған байланысты зерттеушілер «негізгі қызметті кіші дромос (дәліз) атқарған. Жасырын жермен өлілер о дүниеде рахат көру үшін бұл дүниедегі тірілер, яғни тайпалас, рулас туысқандары қайтыс болғандарды еске алып олардың құрметіне ғұрыптық ас беріп, әр уақыт мінажат етіп, әрі ас-сумен қамтамасыз етіп отырған» деген пікір айтқан [Омаров 2010]. Келтірілген мәліметтерден кейбір обалардың мінажат ететін культтік нысан қызметін атқарғандығы да байқалады.

2. Қаңлылардың ата-баба культі және культтік орындары

Нығмет Мыңжан «Қазақтың қысқаша тарихы» атты кітабында қаңлылар мәселесіне тоқталған. Еңбекте қаңлылар жайындағы құнды деректердің қытай жазбаларында кездесетіндігі байқалады. Мысалға, Нығмет Мыңжан «Сұй патшалығы тарихы, батыс өңір шежіресі» 83-бөлімге сілтеме жасай отырып «Қаңлылар ата-бабаларының аруағына табынған. Қаңлы елінде ата-бабалар мазары бар, әр жылы маусым айында барлық иеліктен жиналып, ата – бабаларына ас береді» деп келтірген [Мыңжан 1994: 94]. Бұл мәліметке қарағанда қаңлы тайпаларының аруаққа табынып, ас беретін орны қорым екендігі аңғарылады. Дегенмен біздер барлау жүргізген қаңлы қорымдарында культтік мақсатта тұрғызылған арнайы бір нысан байқалмайды. Осы орайда археологиялық мәліметтер қаңлылардың катакомбалық қабірлерді тек жерлеу мақсатында қолданбағандығын, оны культтік мақсатта да қолданғандығын болжауға мүмкіндік береді. Тарқатып айтар болсақ, Келес және Арыс өзені жағасындағы катакомбалық алғашқы жерленген қаңқалардың қабірхананың бір бұрышына үйіліп, орнына жаңа жерлеулер жүзеге асырылғандығы байқалады. Бұл жағдай катакомбалық қабірлердің

1-сур. Мыңтөбе қорымы, 8-оба. Дромостан аршылған ірі қара малдың жақ сүйегінің қалдықтары
Fig. 1. Myntobe burial ground, kurgan nr. 8. Remains of cattle jaws identified in dromos
Рис. 1. Могильник Мынтобе, курган № 8. Остатки челюсти КРС, выявленные в дромосе

әр кездері қабірге кіріп қайтыс болғандарға ас суын беріп, олардан медет сұрауға ыңғайлы екендігін көрсетеді.

Біздер зерттеп жүрген Келес ауданындағы Мыңтөбе қорымынан әзірге культтік нысан ретінде тұрғызылған арнайы орын кездестірмедік. Дәл осындай жағдай Сырдарияның ортаңғы ағысындағы басқа қорымдарда да байқалады. Дегенмен Мыңтөбе қорымындағы № 3 обаны қазған кезде оңтүстік бұрыштағы қаңқаның орнынан жылжытылғандығы байқалды және қаңқалардың бас жағынан ішіне о дүниелік ас суы салынған саз ыдыстар анықталды [Жетібаев др. 2020: 417]. Сонымен қатар 2023 жылы қазылған №8 обадағы катакомбалық қабірдің дромосынан ірі қара малдың жақ сүйегінің бөліктері табылған болатын. Бұл сүйек аруаққа арнап берілген астың қалдығы болса керек (1-сур.).

Бөріжар қорымында зерттеу жұмыстарын жүргізген ғалымдар 27 катакомбадан in situ бір қаңқа және осы қаңқаның бас жағынан үйіліп жатқан адам сүйектерін тапқан (2-сур.) [Торгоев, Ержигитова 2020: 144]. Бұл қаңлы кезеңіне жататын катакомбалардың алғашқы жерлеуден кейінде туысқандары тарапынан қолданылғандығын көрсетеді. Жалпы катакомбалық қабірлердің құрылымы, бір бұрышқа жиналып тұрған сүйектер мен қаңқалардың жанынан табылған ыдыстар катакомбалық қабірлерге әр кездері рулас туысқандарының қайта түсіп өмірден озғандарды еске алғандығын, олардың құрметіне ғұрыптық ас беріп, әр уақыт мінажат етіп, әрі оларды ас-сумен қамтамасыз етіп отырғандығын болжауға мүмкіндік береді. Сондықтан қазіргі археологиялық мәліметтер негізінде қаңлылардың катакомбалық қабірлері тек жерлеу орны ретінде емес оның культтік нысан ретінде де қолданылғандығын айтауға болады (2-сур.).

Қорытынды

Ата-баба культінің нақты қай кезеңде пайда болғандығы белгісіз болса да тарихы тереңде екендігі күмән туғызбайды. Түбінде бұл культтің түп тамыры

2-сур. Бөріжар қорымы. № 27 катакомбалық қабірдің ішкі кеңестігінің көрінісі
Fig. 2. Borizhar burial ground. Catacomb burial nr. 27, general view
Рис. 2. Могильник Боржар. Катакомбное захоронение № 27, общий вид

адам баласының санасында қайтыс болу, жерлеу және рухтың мәңгілігі туралы түсініктің қалыптасу кезеңіне барып тірелсе керек. Еуразия даласында өмір сүрген сақтар, ғұндар, үйсіндер, қаңлылар және т.б. тайпалар қайтыс болғандардың рухына тағзым етіп олардан пана сұраған. Олар жатқан қорымды кие тұтып қастерлеген. Бұған сақ патшасының парсы патшасына «сендер біздермен соғысуға құмартып тұрсаңдар, онда сендер біздің ата-бабаларымыздың осы даладағы қорымдарын тауып, тым болмаса біреуін қиратып көріңдер. Сонда сендерге шайқастың қандай екенін көрсетіміз» деп қайтарған жауабы дәлел болса керек. Бұл діни наным сенімдердегі сабақтастықты қазіргі Қазақтар арасындағы «өлі риза болмай, тірі байымайды» сөзі дәлелдей түсетін сияқты.

Мақала барысында келтірілген деректерден қаңлылардың жылдың белгілі кездерінде қорымға жиналып ата – баба аруағына арнап ас бергендігі байқалады. 2023 жылы Келес ауданы, Ғани Мұратбаев ауылы маңында орналасқан Мыңтөбе қорымда қазба жұмыстары жүргізіліп, нәтижесінде № 8 обадағы катакомбалық қабірдің дромосынан ірі қара малдың жақ сүйегі табылған болатын. Бұл сүйек аруақтарды еске алу рәсімі кезінде аталарына сыбаға ретінде дромосқа салынған болса керек. Жалпы тарихи жазбалардағы мәліметтерді археологиялық деректер де айғақтай түседі. Қазіргі қолда бар материалдар қаңлы қорымдарында ата-баба аруағын еске алатын арнайы культтік орын салынбаған деуге итермелейді. Дегенмен катакомбалық қабірлердің әр кезде кіріп шығуға ыңғайлы жағы катакомбалардың жерлеу орнынан бөлек культтік нысан қызметін атқарғандығын болжауға мүмкіндік береді.

ӘДЕБИЕТ

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур, 2005. 224 с.

Білəлова Г.Д., Ярыгин С.А., Минарди М., Бонора Ж.Л. Археологиялық терминдердің мультилигвистикалық сөздігі (қазақ, орыс, ағылшын, итальян). Астана: Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, 2014. 383 б.

Гаркавец А.Н. (құрастырған). Ежелгі дүниедегі және византиялық дереккөздеріндегі Ұлы Дала тарихы // Ертедегі грек авторлары Ұлы Дала туралы. М. Ілес, Ә. Шашаев (аударған). I-том. Астана: «Фолиант» баспасы, 2007. 464 б.

Жетібаев К.М., Сиздиков Б.С., Гурсой М. Мыңтөбе қорымында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесі // Абай атындағы қазақ ұлттық педагогикалық университеті хабаршысы «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы, 2020. № 3 (66). б. 409–418.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского Междуречья. Петропавловск: 1993. 244 с.

Корнеева Ю.С. О происхождении и сементике погребальных масок Таштыкской Культуры//Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. №1 (20): в II-х ч. Ч. II. С. 95–99.

Қозыбаев М. (Ред.). Қазақстан тарихы. 1-том. Алматы: Аламұра, 1996. 544 б.

Мыңжан Н. Қазақтың қысқаша тарихы. Алматы: Жалын баспасы, 1994. 400 б.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // Советская Археология № 4. 1990. С. 196–206.

Оңғарұлы А. Қазақстанның ежелгі тұрғындарының жерлеу ғұрпы. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 252 б.

Омаров Ғ. Алтай – Тарбағатай аралығындағы ерте темір дәуірінің археологиялық ескерткіштері (кезеңделуі, мерзімделуі және мәдени атрибуциясы). Тарих ғылымдарының кандитаы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты: 07.00.06 – археология. Алматы: 2010.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до.н.э. – VI в. н.э. Туркестан: Издательский центр МКТУ им. Х.А. Ясауи, 2000. 201 с.

Самашев З., Әбу А. Археологиялық сөздік. Алматы: 2007. 400 с.

Самашев З., Ольховский В.С. Стелы Дыкылтас (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. 1996. Вып I. С. 218–132.

Самашев З.С., Оңғар А.,Шәйкен Ж., Қиясбек Ғ.Қ., Жетпісбай Н.Ы., Оралбай Е.Қ. Сарматтардың үстірттегі ғұрыптық ескерткіштерін зерттеу мәселесіне (Қызылүйік ғибадатханасы) // Қадырбаев оқулары – 2007. Ақтөбе: ПринтА, 2007. С. 120–126.

Торгоев А.И., Ержигитова А.А. Генезис и вопросы хронологии погребальных сооружений Кангюя II в . до. н.э. – IV в н.э. // Археология и история Кангюйского государства. С.А. Яценко (ред.). Шымкент: Типография «Әлем», 2020. 216 с.

Akyurt M. M.Ö. İkinci binde Anadolu'da ölü gömme adetleri. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1998. 243 s.

Akçay T. Yunan ve Romada Ölü Kültü. Bilgin Kültür Sanat Yayınları. Ankara: 2017. 218 s.

Bonogofsk C. Neolitik Kafatası Kültü // Aktüel Arkeoloji. Ölüm, ölümün tarih öncesi ve ötesi. 2018. p. 28–36.

REFERENCES

Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropolii Yuzhnogo Kazakhstana (Early medieval necropolises of southern Kazakhstan)*. Almaty: "Baur" Publ. (in Russian).

Bilalova, G. D., Yarygin, S. A., Minardi, M., Bonora, J.-L. 2014. *Arheologiyalyk terminderdin multilingvistikalyk sozdigi (qazaq, orıs, agylshyn, italyan) (Multilingual dictionary of archaeological terms (Kazakh, Russian, English, Italian))*. Astana: Gumilyov Eurasian National University (in Kazakh, Russian, English, Italian).

Garkavets, A. N. (compl.). 2007. In: Iles, M., Shashaev, A. (transl.). *Egelgi duniedegi jane vizantialyq derekkozderindegi Uly Dala tarikhy (History of the Great Steppe in the ancient world and Byzantine Monuments)*. Astana: "Foliant" Publ. (in Kazakh).

Zhetibaev, K. M., Sizdikov, B. S., Gursoy, M. 2020. In: *Abai atyndagy qazaq ulttyq pedagogikalik universiteti khabarshysy "Tarih zhane sayasi-əleumettik gylymdar" seriyasy (Bulletin of Abai Kazakh National Pedagogical University "Historical and social-political sciences")*, 3(66), 409–418 (in Kazakh).

Zaibert, V. F. 1993. *Eneolit Uralo-Irtyshskogo Mezhurechya (Eneolithic of the Ural-Irtysh Interfluve)*. Petropavlovsk (in Russian).

Korneeva, Y. S. 2009. In: *Almanah sovremennoi nauki i obrazovaniya (Almanac of modern science and education)*. 1 (20), 95–99 (in Russian)

Kozybaev, M. (ed.). 1996. *Kazakhstan tarihy (History of Kazakhstan)*. Vol. 1. Almaty: “Alamura” Publ. (in Kazakh).
Myngzhan, N. 1994. *Qazaqtyn qısqa tarihy (Brief history of Kazakhstan)*. Almaty: “Zhalyn” Publ. (in Kazakh).
Olkhovskiy, V. S., Galkin, L. L. 1990. In: *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 196–206 (in Russian).
Akyurt, M. M. Ö. 1998. *İkinci binde Anadolu’da ölü gömme adetleri (Burial customs in Anatolia in the 2nd Millennium BC)*. Ankara: “Türk Tarih Kurumu” Publ. (in Turkish).
Akçay, T. 2017. *Yunan ve Romada Ölü Kültü (Funeral cult in Greece and Rome)*. *Bilgin Kültür Sanat Yayınları*. Ankara (in Turkish).
Bonogofsk, C. 2018. In: *Aktüel Arkeoloji. Ölüm, ölümün tarih öncesi ve ötesi (Current Archaeology. Death, the prehistory of death and beyond)*, 28–36 (in Turkish).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

Z. Samashev
A. Chotbaev
Y. Tolegenov
S. Samashev

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.203.208

Zainolla Samashev[1], archaeology_kz@mail.ru,
Aidos Chotbaev[1], archtopmail@mail.ru,
Yerlik Tolegenov[2], yerlik_t@mail.ru,
Samat Samashev[2], samashevsamat81@mail.ru
[1] Margulan Institute of Archaelogy, Almaty, Kazakhstan;
[2] Berel museum-reserve, Katon-Karagai, Kazakhstan

New researches of the monuments of the Xiongnu-Xianbian time of the Berel burial ground*

This article provides a brief description of the six fences of the Xiongnu-Xianbian period, studied as a result of field research in 2022 at the Berel burial ground. Data analysis allows us to review the results of earlier studies of objects whose dating was determined by the ancient Turkic period. In general, by now about 55 objects of the Xiongnu-Xianbian period have been studied at the Berel burial ground.

Keywords: archaeology, Berel, excavations, expedition, Xianbei

Зайнолла Самашев[1],
Айдос Чотбаев[1],
Ерлік Төлегенов[2],
Самат Самашев[2]
[1]А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан
[2] Берел қорық-музейі, Катонқарағай, Қазақстан

Берел қорымының ғұн-сянби кезеңі ескерткіштерінің жаңа зерттеулері

Бұл мақалада Берел қорымындағы 2022 ж. далалық зерттеу жұмыстары кезінде зерттелген ғұн-сянби кезеңінің алты қоршауының қысқаша сипаттамасы берілген. Деректерді талдау көне түркі кезеңімен мерзімделген, бұрынырақ зерттелген нысандардың нәтижелерін қайта қарауға мүмкіндік береді. Жалпы алғанда, қазірге дейін Берел қорымында ғұн-сянби кезеңінің 55-ке жуық нысаны зерттелді.

Түйін сөздер: археология, Берел, қазба, экспедиция, сянби

Зайнолла Самашев[1],
Айдос Чотбаев[1],
Ерлик Толегенов[2],
Самат Самашев[2]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
[2]Музей-заповедник Берел, Катон-Карагай, Казахстан

Новые исследования памятников хунну-сяньбийского времени могильника Берел

В данной статье дается краткая характеристика шести оград хунну-сяньбийского времени, изученных в результате полевых исследований 2022 г. на могильнике Берел. Анализ данных позволяет пересмотреть

© 2023 Samashev Z., Chotbaev A., Tolegenov Y., Samashev S.
**The work was carried out as part of the implementation of the tasks of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN BR10164221*

результаты более ранних исследований объектов, датировка которых определялась древнетюркским периодом. В целом, к настоящему времени на могильнике Берел исследовано около 55 объектов хунно-сяньбийского времени.

Ключевые слова: археология, Берел, раскопки, экспедиции, сяньби

In the 2022 field season, research on objects of the Xiongnu-Xianbian period continued at the Berel burial ground. They are located 50–60 m north of the Great Berel kurgan (nr. 1), closer to the edge of the terrace (Fig. 1).

Fence 117 (Fig. 2, *2, 3*). Before the excavation, it was heavily turfed. After stripping the upper layer and analyzing the pile of the stones along the periphery of the structure, clear boundaries of the object were revealed. The fence is made of shale rocks, flattened in section, sub-oval shape in plan. It is built of large stone slabs laid horizontally at the level of the ancient ground surface. The walls of the enclosure are built of two rows of masonry. A vertically mounted stone slab measuring 86×24×5 cm is fixed at the southwestern wall of the object. The inner area of the fence is lined with stones of different sizes. Fence dimensions: NE–SW – 3.58 m, SE–NW – 2.67 m.

At the level of the ancient horizon, a grave pit has been identified, oriented NE–SW. There was a stone box in the grave, on the floor of which a horse was laid with its legs bent under its belly. The animal is oriented

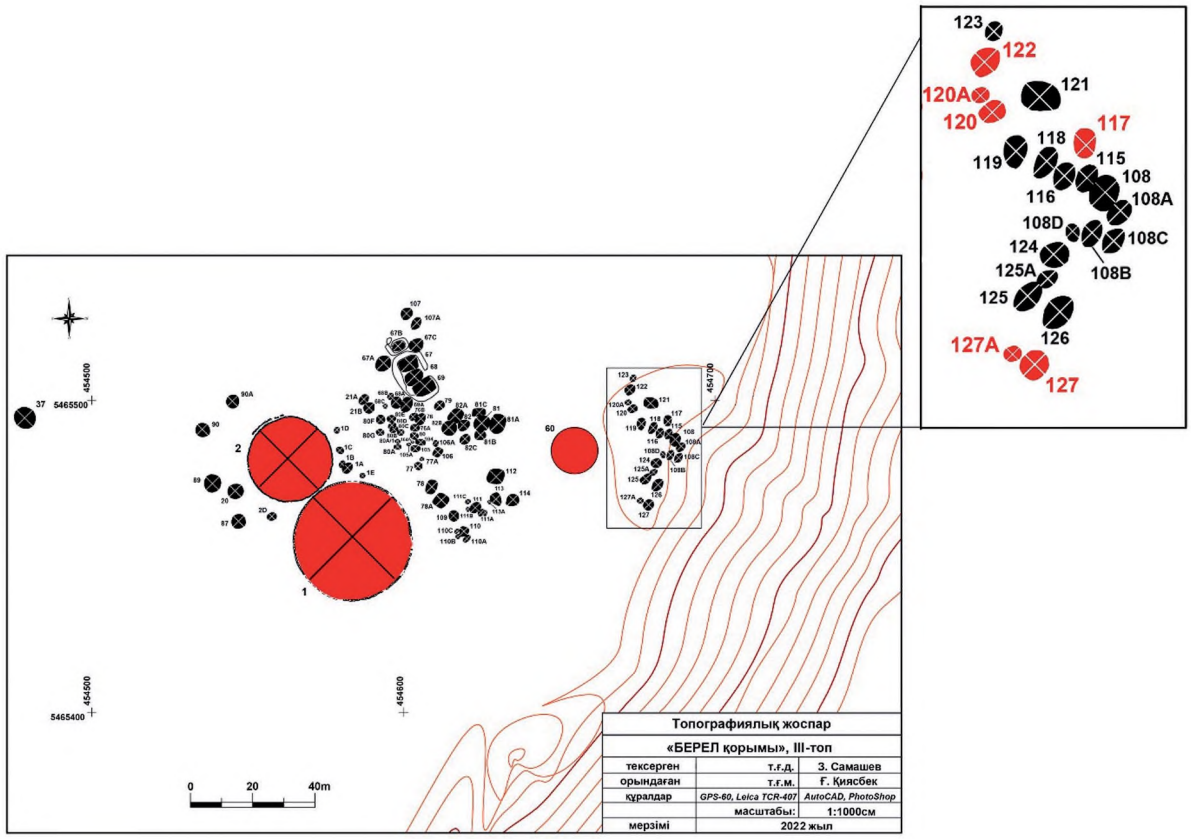

Рис. 1. Могильник Берел. План погребально-поминальных памятников сяньби
1-сур. Берел қорымы. Сяньби жерлеу-ғұрыптық ескерткіштерінің жоспары
Fig. 1. Berel burial ground. Plan of Xianbi funerary and memorial archaeological sites

with its head to the northeast. In a stone box made of 10 vertically mounted slate slabs, there were the remains of an adult man laid on his back. The left arm is slightly bent at the elbow, the hand rests on the pelvic bone, the right – along the body. The buried man's head is oriented to the southeast. There is no accompanying inventory.

Fence 120 (Fig. 2, *6, 7*) is made of slate slabs. Inside the fence (dimensions: NE–SW – 3.15 m, NW–SE – 1.97 m) at the level of the ancient horizon, an overlap of a stone box made of large slabs was recorded. In the stone box, there was the skeleton of an adult, on his back, with his head oriented towards NE. Four cowrie shells and about 10 paste beads are found next to the skull; another one is on the left side of the temple. In the area of the nasal bones, there is a bronze artifact. Several beads were also cleared between the cervical vertebrae and the clavicle. Near the left forearm, a large brown bead measuring 3×2.7 cm with a through hole was found. At the left wrist, there is a brown bead with a diameter of 0.5 cm. A similar bead is fixed between the buried man's right hand and the wall of a stone box, 4.5 cm in diameter, 1.8 cm thick, 0.7 cm hole diameter. Under the skull: a cowrie shell, a bronze product, an object similar to a spindle whorl.

The **fence 120A** is made of rough stones of mountain slate, flattened in cross-section, and rectangular in plan; it is made up of larger stone slabs laid horizontally at the level of the ancient ground surface. The walls of the fence are lined with several rows of stones. Inside, the fence is filled with crushed stones of different sizes; river boulders of different sizes are also found. Fence parameters: NE–SW – 2 m, SE–NW – 1.50 m. During the deepening into the inner area of the fence at 15–17 cm from the level of the ancient horizon, the destroyed ceiling and walls of the composite stone box were revealed. The inter-grave structure is oriented with a long axis along the line of the NE–SW (length – 1.4 m, width – 0.62 m). At the bottom of the stone box in its northeastern part, a skull was revealed, facing east. Ribs and other fragments of the buried man's tubular bones were scattered around the perimeter of the pit. Judging by the size of the burial chamber, it can be assumed that the burial is for a child.

Fence 122 (Fig. 2, *8*). The ground structure is composed of crushed flat stones of rectangular shale rock. The fence is made up of larger stone slabs laid flat. The walls of the fence are lined with a single row of stones. The inner area of the fence is filled with crushed stones and partially boulders of various sizes. Fence parameters: NE–SW – 2.8 m, SE–NW – 1.7 m. During the clearing the inner part of the fence a grave spot was revealed at a depth of 20–23 cm from the ground surface, oriented with a long axis of NE–SW – 2 m, SE–NW – 0.7 m.

In a grave at a depth of 0.45 m from the ground surface, a human burial in situ was found. The buried man is laid on his back, his arms are stretched out along the body, his head is oriented to the northeast. In the left eye socket of the skull, a bronze artifact with attachment holes was found, while in the area of the lower jaw, there is a brown-colored bead.

Fence 127 (Fig. 2, *4, 5*) measures 3.95 m (NE–SW) × 2.9 m (SE–NW); sub-oval shape in plan, it is made of flat stones of shale rock. In the center of the fence, on the overlap of the grave pit, the burial of a horse, laid on its left side, with its head oriented to the northeast, has been cleared. The skeleton of the animal has been preserved in anatomical order. The hind legs are tucked under the belly, the front legs are fixed in the area of the cervical vertebrae. The remains of a man oriented with his head to the northeast are recorded in the box.

The **fence 127A** (Fig. 2, *1*) is constructed of flat stones of shale rock, sub-oval shape in plan. The inner area is filled with crushed stones with a rare inclusion of boulders of different sizes. Fence dimensions: NE–SW – 2.9 m, SE–NW – 2 m. At the level of the ancient horizon, a stone box was revealed, at the bottom of which a human skeleton lay on his back, the right arm along the trunk, the left bent at the elbow joint and the hand is located on top of the pelvic bones. The buried one is oriented with his head towards the NE. Judging by the position of some of the bones, the originally buried one could have been laid on his right side. The accompanying inventory is not marked.

The research results presented in the article relate to one of the most poorly studied periods in the archaeology of Central Asia – the Xianbian period. The conducted research allowed not only to discover evidence of the presence of the Xianbian formation on the territory of Kazakhstan, but also helped to expand the boundaries of this community. Archaeological work in recent years shows that this association of nomadic tribes penetrated into the upper reaches of the Bukhtarma River in the 1st part of the 1st millennium AD and partially settle in the southwestern periphery of Altai.

Practically from the moment of the first scientific research, starting in 1998, we have recorded Xianbian funerary and memorial objects within the near-kurgan space of elite monuments of the Berel burial ground. Initially, they correlated with the early Turkic period, but later accumulated data made it possible to correlate these objects with the circle of burials of the Xianbian time [Samashev et al. 2019]. Taking into account the fact that such a concept and direction of search have been completely absent in domestic scientific developments so far, we have for the first time begun research on wide areas at the Berel burial ground. At the same time, there was a need for a more thorough analysis of the research materials obtained earlier (before 2015), which were attributed to the early Medieval era, for chronological and ethnocultural attribution [Samashev 2010].

As is known, a number of burials of this time in Altai, in particular, the Berel burial ground, A. Gavrilova combined into the Berel type of graves and dated them to the 4th-5th centuries AD [Gavrilova 1965: 54–57]. A distinctive feature of the graves under consideration was considered to be a stable burial rite with a horse and mainly the latitudinal (eastern) orientation of the buried. It is worth noting that the Berel complex, based on the finds of three-pointed arrowheads with horn nozzles-whistles, as well as bone spring buckles with a rounded upper part, approached the early Turkic time, on the contrary, the absence of stirrups in the burials served as evidence in favor of its antiquity [Savinov 1984: 29-30]. Currently, the question of the ethnocultural affiliation of the Berel type of graves is still open.

As already mentioned, the main part of the funerary and memorial objects of the Xianbian time of the Berel burial ground, identified to date, is located around two “royal” barrows (nr. 1, 2) of the Pazyryk period, at the edge of the third floodplain terrace of the Bukhtarma river. According to preliminary estimates, as a result of archaeological work on the burial ground area, only 55 objects have been investigated. Of these, 35 burials, 20 ritual layouts, which, according to the characteristic elements of ritual and accompanying inventory, belong to the Xianbian time. In general, the obtained archaeological sources make it possible to identify similarities and differences between the studied objects in order to restore certain aspects of the development of the material and spiritual culture of the ancient population of the southwestern Altai of the studied historical period.

The tradition of compact placement of funerary and memorial objects within separate groups probably reflects their chronological proximity and is characteristic of many monuments of Altai of the Xianbian period. In general, spatial by dense concentration of structures in the cemetery area, with objects arranged in tight rows, is a feature documented in synchronous sites in Mongolia, Trans-Baikal region, the Tesinkaya culture of Khakassia, Kokel, and Ulug-Khem cultures of Tuva [Tishkin et al. 2018].

Thus, the archaeological sites explored at the Berel burial ground in 2022 complement our understanding of the funeral rites and the subject complex of the Xiongnu-Xianbians.

→

Рис. 2 Погребения сяньби, исследованные в 2022 году:
1 – ограда 127А. Погребение человека в каменном ящике; 2 – ограда 117. Сопроводительное захоронение лошади, уложенное на плиты перекрытия; 3 – ограда 117. Погребение человека в каменном ящике; 4 – ограда 127. Захоронение коня, совершенное поверх перекрытия каменного ящика с погребенным человеком; 5 – ограда127. Погребение человека в каменном ящике, на перекрытие которого лежал конь; 6 – ограда 120. Погребение человека в каменном ящике; 7 – ограда 120. Украшения, найденные возле черепа и шейных позвонков женщины; 8 – ограда 122. Погребение в грунтовой яме

2-сур. 2022 жылы зерттелген сяньби жерлеу орындары: 1 – 127А-қоршау. Адамды тас жәшікке жерлеу; 2 – 117-қоршау. Жылқыларды аражабын плиталарға жатқызып бірге жерлеу; 3 – 117-қоршау. Адамды тас жәшікте жерлеу; 4 – 127-қоршау. Жылқыны адам жерленген тас жәшіктің үстіне жерлеу; 5 – 127-қоршау. Адамды жабынның үстінде жылқы жатқызылған тас жәшікке жерлеу; 6 – 120-қоршау. Адамды тас жәшікке жерлеу; 7 – 120-қоршау. Әйелдің бас сүйегі мен мойын омыртқаларының жанынан табылған әшекейлер; 8 – 122-қоршау. Шұңқырда жерлеу

Fig. 2. Xianbi burials investigated in 2022: 1 – fence 127A. Burial of a man in a stone box; 2 – Fence 117. Accompanying burial of a horse laid on slabs; 3 – fence 117. Burial of a man in a stone box; 4 – fence 127. Burial of a horse, made on top of the overlap of a stone box with a buried person; 5 – fence 127. The burial of a man in a stone box, upon of which a horse was laid; 6 – fence 120. The burial of a man in a stone box; 7 – fence 120. Jewelry found near the skull and cervical vertebrae of a woman; 8 – fence 122. Burial in a ground pit

1

5

2

6

3

7

4

8

ӘДЕБИЕТ

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л.: Наука, 1965. 145 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: Abdi company, 2010. 168 с. (на рус., каз. и англ. яз.)

Самашев З., Кариев Е.М., Ерболатов С.Е. Хунну-сяньбэйский культурно-хронологический горизонт Береля // Маргулановские чтения–2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 385

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

REFERENCES

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskih plemen (The Kudyrga burial ground as a source for the history of Altai tribes)*. Moscow-Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu (The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Samashev, Z., Bazylkhan, N., Samashev, S. 2010. *Drevnetyurkskie tamgi (Ancient Turkic Tamgas)*. Almaty: Abdi company (in Russian, Kazakh, and English).

Samashev, Z., Kariev, E. M., Erbolatov, S. E. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.) *Margulanovskiye chteniya–2019 (Margulan Readings–2019)*. Nur-Sultan: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 385–394 (in Russian).

Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Schmidt, A. V. 2018. *Altay v syanbiysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altai in the Syanbi-Jujan Time (Based on the materials of the Stepushka Site)*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 07.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

Ж.Р. Утубаев
М.К. Суюндикова
Ж.С. Калиева

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.209.215

Жанболат Раймкулович Утубаев[1], utubaev_z@mail.ru ,
Макпал Кожахметовна Суюндикова[1], makpal1226@mail.ru,
Жанаргуль Сериковна Калиева[1], zhkalieva@mail.ru
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

Археологические исследования на поселении Мынарал (по раскопкам 2022 года)*

В статье представлены материалы, полученные в новом полевом сезоне на поселении скотоводов Мынарал. В первом сезоне были частично исследованы жилые помещения и участок хозяйственной постройки наземного типа. В результате проведенных работ стратиграфией было выделено два строительных горизонта. Первый, более ранний, представлен жилыми помещениями с пахсовыми стенами и хозяйственными помещениями наземного типа. Второй горизонт выделен на основе столбовых ям. В ходе исследований получен немногочисленный, но выразительный археологический комплекс, представленный преимущественно фрагментами керамики. На основании керамического комплекса время бытования памятника определяется в пределах IV–II вв. до н.э.

Ключевые слова: Чирикрабатская археологическая культура, поселение, строительный период, стратиграфия, керамический комплекс

Жанболат Раймқұлұлы Утубаев[1],
Мақпал Қожахметқызы Сүйіндікова[1],
Жанаргүл Серікқызы Қалиева[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Мыңарал қонысындағы археологиялық зерттеулер (2022 жылғы қазба бойынша)

Мақалада Мыңарал қонысында жүргізілген қазба барысында анықталған материалдар туралы баяндалады. Далалық зерттеу жұмыстарының бірінші маусымында қоныстағы шаруашылық бөлмелердің біршама бөліктері ашылды. Жүргізілген жұмыстар стратиграфиялық деректер бойынша екі құрылыс кезеңінен тұратындығын көрсетті. Пақса қабырғасынан тұрғызылған тұрғынжайлар мен шаруашылық бөлмелері едәуір ерте кезеңге жатқызылса, ал, екінші горизонт баған шұңқырларымен ерекшеленеді. Зерттеу барысында, табылған археологиялық материалдар ішінде керамика фрагменттері басымырақ. Тіркелген керамикалық материалдар негізінде ескерткіштің өмір сүру кезеңі б.д.д. IV–II ғасырлармен мерзімделді.

Түйін сөздер: Шірікрабат археологиялық мәдениеті, қоныс, құрылыс кезеңі, стратиграфия, керамика кешені

© 2023 г. Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.К., Калиева Ж.С.
**Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2021–2023, ИРН проекта AP AP09260367.*

Zhanbolat Utubaev[1],
Makpal Suyundikova [1],
Zhanargul Kaliyeva [1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Archaeological research on the settlement of Mynaral (according to the excavations of 2022)

The article introduces the materials of new excavations on the pastoral settlement of Mynaral. During the first season of field research, the premises and the utility area of the ground-type premises were partially opened. As a result of the work carried out on stratigraphic data, it was possible to identify two construction horizons. The first, relatively earlier, construction horizon is represented by residential premises with rammed clay walls and utility rooms of the ground type. In the course of the research, a few but quite expressive archaeological complex was obtained, mainly fragments of ceramics, on the basis of which the lifetime of the monument can be tentatively dated within the 4th–2nd centuries BC.

Keywords: Chirikrabat archaeological culture, settlement, construction period, stratigraphy, ceramic complex

В 2022 году Чирикрабатской археологической экспедицией начаты археологические исследования на поселение Мынарал. Поселение расположено в 25 км к востоку от городища Бабиш-мола 1, на восточном берегу сухого русла Жанадарьи. Общая площадь поселения приблизительно 250 х 150 м. После первого визуального обследования площади поселения стало очевидным, что это селение некогда основали племена скотоводов (рис.1).

На невысоком всхолмлении, сплошь покрытом фрагментами керамики, был заложен раскоп, получивший порядковый номер 1.

В ходе раскопок было выявлено два строительных горизонта. Первый, относительно более ранний, строительный горизонт представлен жилыми помещениями со стенами, возведёнными из пахсы, и хозяйственными помещениями наземного типа.

Помещения второго строительного горизонта, также наземного типа, фиксируются по остаткам столбовых ям. Можно предполагать, что это были каркасные наземные постройки, которые функционировали уже после того, как жилища раннего строительного горизонта были покинуты жителями.

Строительные горизонты не различаются по керамическому инвентарю, что говорит о незначительном хронологическом разрыве, разделяющем два периода существования поселения.

Проведены естественно-научные исследования по материалам, полученным на поселении. Обработан и систематизирован палеозоологический материал, проведен технико-технологический анализ коллекции керамики. По своим технологическим характеристикам обнаруженная керамика, в основном, относится к сосудам грубой ручной лепки кострового обжига. В коллекции имеются три сосуда, два кувшина и одна миска, сформированые на гончарном круге. Основная часть керамики представлена во фрагментированном состоянии.

В керамической коллекции выделены следующие группы:

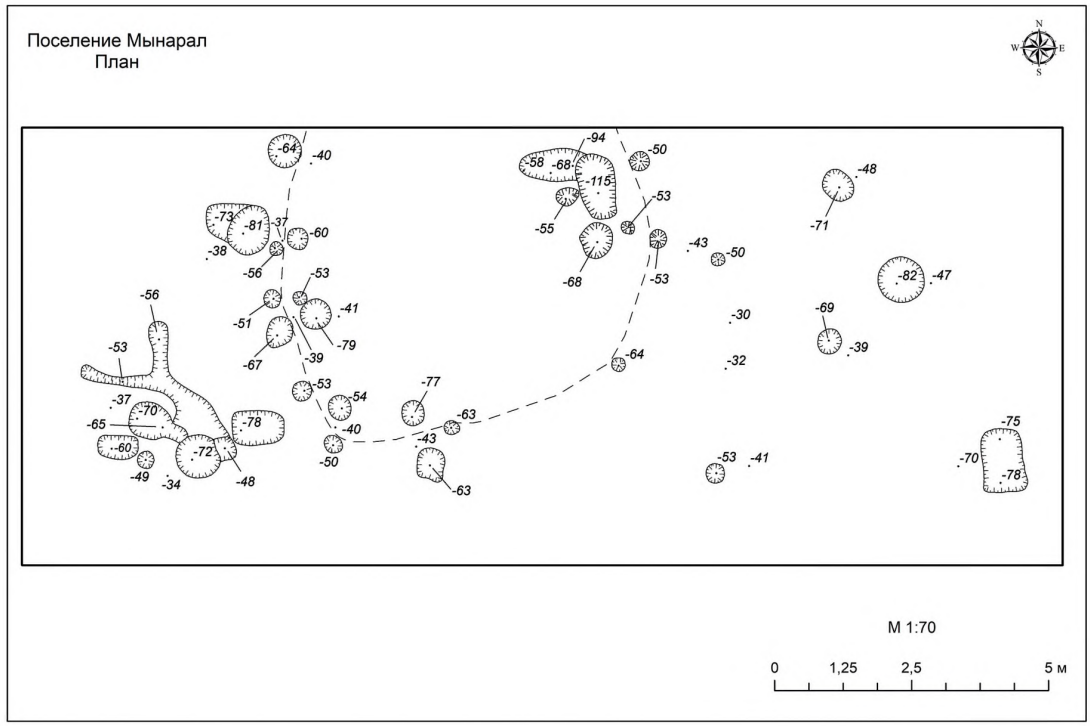
Кухонная посуда. Керамика этой группы изготовлена вручную из глины с обильными примесями органики. В археологической литературе посуда данной группы часто называется жаростойкой, так как из-за большого количества примесей она не трескается при воздействии больших температур. Большинство сосудов – это *горшки,* банкообразный формы. Вся коллекция этой группы представлена во фрагментах. Диаметры венчиков в пределах 12–18 см, диаметр донцев 10–14 см. Венчик отогнут наружу. Диаметры венчиков широкогорлых сосудов в пределах 20–22 см, верхний край утолщен и также отогнут наружу (рис. 2). Толщина стенок от 1 до 1,8 см.

Столовая посуда. Это группа сосудов включает в себя кувшины, миски и блюдца. Весь спрект посуды применялся для хранения уже готовой пищи и жидкости.

Миска имеет универсальное функциональное назначение. Посуда данной группы изготавливалась на гончарном круге быстрого вращения из серой глины и покрывалась плотным ангобом темно-серого цвета. Высота миски 5,5 см, диаметр устья 12 см, диаметр дна 5 см. Сосуды невысокие,

А

Б

Рис. 1. Поселение Мынарал. А – карта (© Google Earth Pro); Б – план раскопа
1-сур. Мыңарал қонысы. А – карта (©Google Earth Pro); Б – қазба жоспары
Fig. 1. The Mynaral settlement. A – Map (©Google Earth Pro); B – excavation trench plan

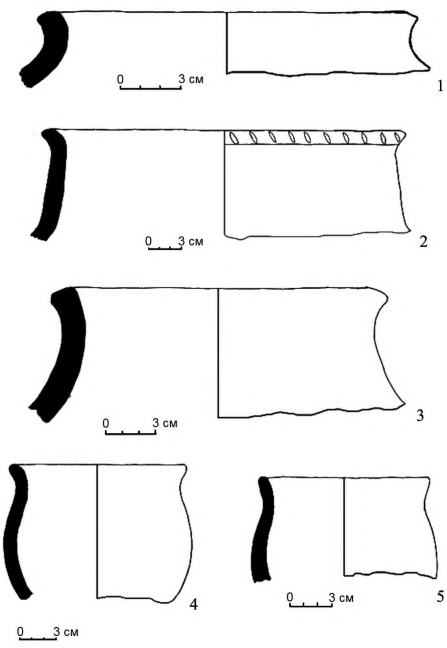

Рис. 2. Поселение Мынарал. Кухонная посуда
2-сур. Мыңарал қонысы. Асүй ыдыстары
Fig. 2. The Mynaral settlement. Kitchenware

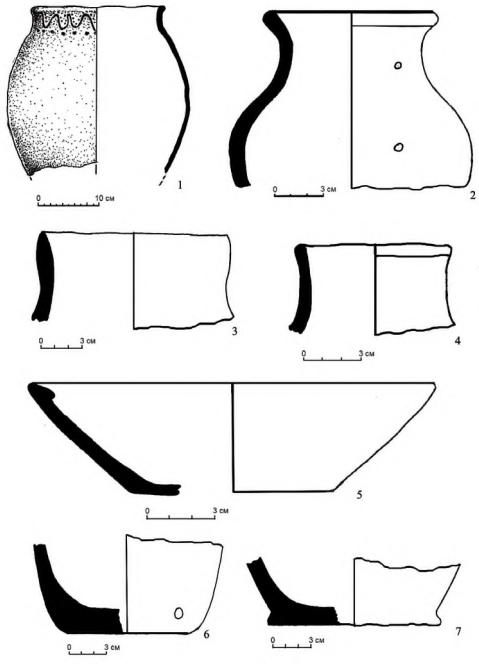

Рис. 3. Поселение Мынарал. Столовая посуда
3-сур. Мыңарал қонысы. Асүй ыдыстары
Fig. 3. The Mynaral settlement. Tableware

плоскодонные с резервуаром полусферической формы. Верхний утолщенный край хорошо подчеркнут. Внутренний край венчика заострен и обращен внутрь сосуда (рис. 3).

Блюдце с невысокой стенкой толщиной не менее 1 см. Верхний край скруглен. Высота блюдца 2,5 см, диаметр устья 34 см. Обжиг неравномерный черно-красного цвета.

Кувшины, сформированые на гончарном круге, представлены в коллекции двумя экземплярами. Один из них сероглиняный горшкообразной формы, высотой 17 см. Венчик прямой диаметром 12 см, диаметром дна 7 см. Внешняя поверхность кувшина покрыта ангобом темно-серого цвета.

Второй кувшин грушевидной формы с диаметром венчика 10 см и диаметром дна 5 см. Сосуд с невысокой горловиной и отогнутым наружу венчиком в сечении округлой формы. На дне и боковой части сосуда отмечены отверстия от ремонта. На поверхности сохранились следы ангоба красного цвета. В составе теста присутсвует примесь гипса. Равномерный горновой обжиг.

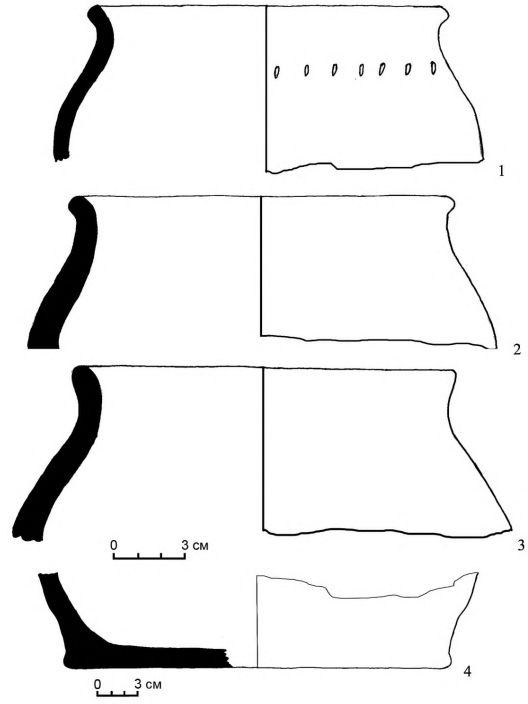

Рис. 4. Поселение Мынарал. Хозяйственная посуда
4-сур. Мыңарал қонысы. Тұрмыстық ыдыстар
Fig. 4. The Mynaral settlement. Household tableware

Рис. 5. Поселение Мынарал: 1–4, 7 – фрагменты керамики; 5, 6 – формовочная масса импортной керамики; 8-9 – формовочная масса с примесью органики; 10 – формовочная масса с примесью шамота

5-сур. Мыңарал қонысы. 1–4, 7 – керамика фрагменттері; 5, 6 – импорт керамиканың қалыптау массасы; 8-9 – органикалық қоспасы бар қалыптау массасы; 10 – шамот қоспасы бар қалыптау массасы

Fig. 5. The Mynaral settlement. 1–4, 7 – ceramic fragments; 5, 6 – molding mass of imported ceramics; 8-9 – molding mass with an admixture of organic matter; 10 – molding mass with an admixture of chamotte

Хозяйственная посуда. К данной группе относятся крупные горшковидные сосуды. Диаметр устья колеблется в пределах от 22 до 34 см, диаметр дна от 28 до 32 см. Соуды плоскодонные. Черепки черно-коричневого и черного цвета. Глина содержит примесь гипса, органики, шамота и дресвы. Все сосуды этой группы использовались в хозяйстве для переработки и длительного хранения продуктов питания, а также для транспортировки продуктов (рис. 4).

По функциональному предназначению наблюдается преобладание кухонной посуды. Самую массовую категорию составляют горшки. Наиболее близкие по технологии и форме аналогии керамическому материалу можно найти на памяткниках, оставленных сарматскими племенами [Смирнов 1964; Смирнов 1975].

В целом, технико-технологическому анализу было подвергнуто 52 фрагмента керамики. В керамической коллекции выделена группа лепной керамики, представленная 48 фрагментами, в которую вошли два археологически целых кувшина, а также одно блюдце. Керамика, изготовленная на гончарном круге состоит из четырех фрагментов, относящихся к двум сосудам импортного производства. Сосуды тонкостенные с хорошо отмученной глиной. Один сосуд сероглиняный, второй – красноглиняный. Сосуды также имеют ремонтные отверстия, что говорит о том, что ими дорожили и после срока эксплуатации они служили уже в ритуальных целях.

Камеральные исследования керамической коллекции включали технико-технологическое изучение фрагментов и целых форм, фотосъемку и обработку фотоматериала в специализированных программах; бинокулярные исследования и макрофотосъемку, с использованием микроскопа «МБС 10» для изучения следов, связанных с конструированием и обработкой поверхностей сосудов (рис. 5).

Проведен анализ палеозоологической коллекции, состоящий из 70 образцов. В коллекции доминируют кости МРС – 55 экз. (78,5%). Кости КРС составили всего 8 экз. (11,4%), а лошади – 4 экз. (5,7%). Кроме того, в коллекции присутствует три кости, принадлежащих отряду млекопитающих, но более точно не определимых (Mammalia *indet*)[1].

По результатам археологических исследований, проведенных в 2022 году на поселении Мынарал можно утверждать, что частично исследованы жилые и производственные помещения. Наличие столбовых ямок может свидетельствовать о том, что эти жилища были каркасными. В связи с этим можно провести аналогии с жилищем, обнаруженным на поселении Бабиш-мола 7 [Утубаев, Болелов 2018]. Комплекс полученного археологического материала дает основание предполагать, что обживалось поселение Мынарал на протяжении длительного периода.

[1]Анализ археозоологического материала приводится в статье Утубаева Ж.Р. и Шагирбаева М.С. настоящего сборника (см. том 2, стр. 151–161).

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б. Археологические исследования на поселении Бабиш-Мулла 7 в 2015–2017 гг. // Маргулановские чтения – 2018. М-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе, 2018.С. 472–479.

REFERENCES

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Rannyaya istoriya i kultura sarmatov (The Sauromatians. Early history and culture of the Sarmatians)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1975. *Sarmaty na Ileke (The Sarmatians on the Ilek River)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Utubayev, Z. R., Bolelov, S. B. 2018. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskiye chteniya – 2018 (Margulan Readings – 2018)*. Almaty; Aktobe: Margulan Institute of Archaeology; Aktobe regional museum of local history, 472–479 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

А.Н. Подушкин
Н.Ж. Торежанова
О.А. Мякишева

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.216.226

Александр Николаевич Подушкин[1], p_a_n_alex@mail.ru,
Набира Жанузаковна Торежанова[1], nabi2nabi@mail.ru,
Ольга Александровна Мякишева[1], myakishevao@mail.ru
[1]Центральный государственный музей Республики Казахстан,
г. Алматы, Казахстан

Археологические исследования экспедиции Центрального государственного музея Республики Казахстан в урочище Актерек 2022 года*

В статье представлены результаты полевых исследований, проведенных археологической экспедицией Центрального государственного музея Республики Казахстан в полевом сезоне 2022 года в урочище Актерек. Цель исследования – комплексное археологическое изучение урочища Актерек (Алматинская область), выявление особенностей и связей между разновременными археологическими памятниками. В статье предоставлены результаты комплексного рекогносцировочного топографического, археологического и визуального обследования в зоне «Кенен – Актерек» на предмет наличия памятников археологии различных эпох, примыкающей к урочищу Актерек. А также результаты раскопок двух жилищ, проведенных в ущелье Жартыай, и двух курганов в окрестностях с. Актерек.

Ключевые слова: археология, курган, поселение, экспедиция, памятники, ущелье, Актерек

Александр Николаевич Подушкин[1],
Набира Жанұзаққызы Төрежанова[1],
Ольга Александровна Мякишева[1]
[1]Қазақстан Республикасының Мемлекеттік орталық музейі,
Алматы қ., Қазақстан

Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі экспедициясының 2022 жылы Ақтерек шатқалындағы археологиялық зерттеулері

Мақалада Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің археологиялық экспедициясы 2022 жылғы Ақтерек шатқалында (Алматы облысы) жүргізген далалық зерттеулерінің нәтижелері берілген. Зерттеудің мақсаты – Ақтерек шатқалында орналасқан әр кезеңге жататын археологиялық ескерткіштерді зерттеп, олардың ерекшеліктері мен байланыстарын анықтау. Мақалада Ақтерек шатқалына еніп тұрған әртүрлі кезеңдердің археология ескерткіштерінің бар екендігін анықтау үшін «Кенен – Ақтерек» аймағында кешенді қайта қалпына келтіру топографиялық, археологиялық және визуалдық зерттеудің нәтижесі берілді. Сонымен қатар Ақтерек ауылы маңында екі обада және Жартыай шатқалында екі тұрғынжайда жүргізілген қазбаның нәтижесі ұсынылды.

Түйін сөздер: археология, оба, қоныс, экспедиция, ескерткіштер, шатқал, Ақтерек

© 2023 г. Подушкин А.Н., Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А.
**Статья подготовлена в рамках реализации научно-прикладного исследования «Археологические памятники урочища Актерек: вопросы топографии, типологии и музеефикации»*

Alexander Podushkin[1],
Nabira Torezhanova[1],
Olga Myakisheva[1]
Central State Museum of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan

Archaeological research of the expedition of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan in the tract Akterek 2022

The article presents the results of field research conducted by the archaeological expedition of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan in the 2022 field season in the Akterek tract. The purpose of the study is a comprehensive archaeological study of the Akterek tract (Almaty region), identification of features and connections between archaeological sites of different times. The article presents the results of a comprehensive reconnaissance topographic, archaeological and visual survey in the Kenen – Akterek zone for the presence of archaeological monuments of various eras adjacent to the Akterek tract. As well as the results of the excavations of two dwellings in the Zhartyai gorge and two mounds in the vicinity of the village of Akterek.

Keywords: archaeology, mounds, settlement, expedition, monuments, gorge, Akterek

Введение

Археологической экспедицией Центрального государственного музея Республики Казахстан (далее ЦГМ РК) в рамках реализации научно-прикладного исследования «Археологические памятники урочища Актерек: вопросы топографии, типологии и музеефикации» в 2022 году был проведен комплекс научно-исследовательских работ на археологических памятниках урочища Актерек, Жамбылский район, Алматинская область.

Целью исследования является получение наиболее полной картины местонахождения археологических объектов на территории указанной зоны, предварительно определить их историко-культурную принадлежность, хронологию и перспективу научного исследования в будущем.

Обсуждение и результаты

В полевом сезоне 2022 года было продолжено комплексное рекогносцировочное, топографическое, археологическое и визуальное обследование в зоне «Кенен – Актерек» на предмет выявления памятников археологии различных эпох, с последующей картографической фиксацией, описанием объектов и привязкой к местности в формате JPS.

Исследуемый регион «Кенен – Актерек» расположен на северо-западных склонах горной системы Илейский Алатау и восточных отрогов Шу-Илейских гор. Общая площадь обследованной территории составила порядка 460–480 кв. км. В административном плане это территория Жамбылского района Алматинской области и частично Жамбылской области.

Заметим, что основная масса археологических памятников изучаемого региона концентрируется в предгорной и горной зонах, на территориях, примыкающих к выходу небольших рек из горных ущелий, где они располагаются в непосредственной близости от ущелий, или на небольшом расстоянии (несколько километров) от них, на равнине; при этом археологические объекты фиксируются на обоих невысоких надпойменных террасах указанных рек (ручьев). (рис. 1)

Информация об изучаемых объектах приведена в следующем порядке: местонахождение памятника (группы памятников) на местности (с привязкой к современному населенному пункту); типология и топография объекта (курганы, оградки); количество в группе; краткое описание памятника, его размеры; предварительная историко-культурная идентификация; фиксация в формате JPS.

Например, курганный могильник, расположенный в 5,5 км на юго-запад от с. Кенен, на высоком языковидном горном останце, на его гребне включает две группы курганов, вытянутых в цепочки в направлении юго-запад – северо-восток. Первая группа состоит из одного крупного и около 10 сложно-конструктивных средних по размерам насыпей (земляной грунт, щебень и камни), вторая группа, находится в 290–300 м к юго-востоку от первой, и включает около 10 курганов малых размеров с идентичным составом насыпей. Между двумя группами фиксируется один небольшой курган.

Первая группа. Курган со рвом имел диаметр основания 20–21 м, диаметр по рву 24-26 м, высота насыпи 1,8–2,1 м. Размеры остальных объектов: диаметр в основании 10–12 м, высота 1–1,2 м.

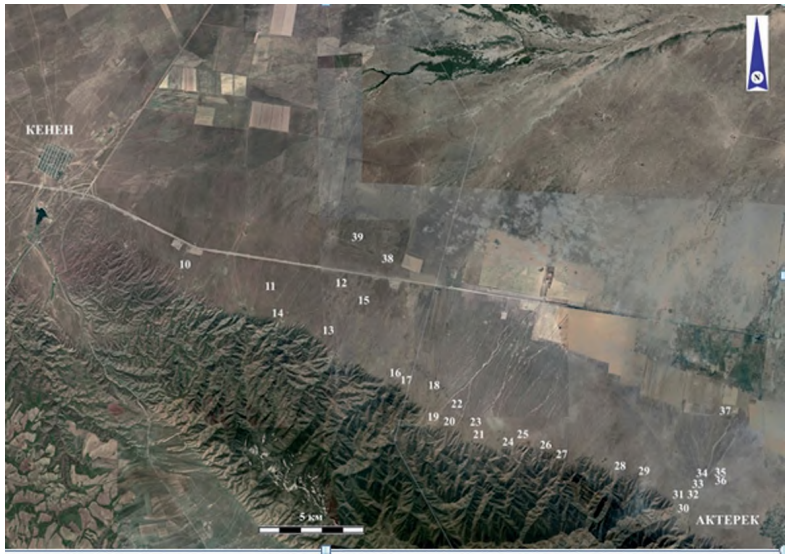

Рис. 1. Археологическая карта территории «Кенен – Актерек»
1-сур. «Кенен–Ақтерек» аумағының археологиялық картасы
Fig. 1 Archaeological map of the Kenen–Akterek territory

Вторая группа. Диаметр курганов у основания в пределах 7–8 м, высота 0,7–0,8 м. Топография двух групп насыпей курганного могильника 7 (насыпи, оформленные в цепочку) позволяют предварительно отнести памятник к сако-усуньской эпохе III в. до н.э. – I в. н.э. (рис. 2)

Археологической экспедицией Центрального государственного музея Республики Казахстан проведены раскопки двух жилищ в ущелье Жартыай и двух курганов в окрестностях с. Актерек.

В ущелье Жарты ай, на месте проведенных в 2021 году раскопок поселений, были расширены шурфы № 2 и № 3. Координаты: 43º01’41.39.1” с.ш. 75º02’81.35.1” в.д. высота над уровнем моря 990 м.

Учитывая геологические данные и основываясь на палинологических выводах, здесь развиты допалеозойские метаморфические и палеозойскиеосадочно-вулканические породы, богато насыщенные рудными проявлениями меди, свинца и цинка, золота и серебра. Подчас эти руды выходят на дневную поверхность, что позволяло их добывать еще в глубокой древности. Приуроченность поселений к району с высокой степенью развития полиметаллических руд могла быть обусловлена добычей меди и свинца. Специалистами было рекомендовано включить поиски древних металлургических производств в этом регионе.

Шурф № 2 Координаты: 43º01’41. 38” с.ш. 75º02’81.38.1” в.д. высота над уровнем моря 980 м. Памятник находится в северной части от скопления петроглифов. Разведочный шурф заложенный в 2021 г. был расширен до 4,85 м в длину, и шириной 2,60 м в ширину. Глубина шурфа составила 0,60 до 0,70 м. Верхний слой грунта, на месте заложенного шурфа состоял из навоза, и имел мощность 0,4 м. Почва очень рыхлая – в песке встречаются включения перита. В южном углу западной стены обнаружен культурный слой – яма, глубина ямы 35 см, ширина 1,17 см. Северная часть

Рис. 2. Курганный могильник № 7
2-сур. № 7 Қорған қорымы
Fig. 2 Burial mound nr. 7

ямы выложена крупными камнями и была длиной 30–32 см; шириной 15 см. В северо-восточном секторе раскопа, на метериковой поверхности прослеживается зольное пятно размером 1,5 см. Инвентарь отсутствует.

По мнению археолога из Государственного Эрмитажа А. Кулиш, такие сооружения имеют аналогии в памятниках, расположенных южнее долины реки Талас, встречающиеся в кыргызской этнографии и называются «Жел арык». Исходя из вышесказанного, раскопанные участки можно с уверенностью отнести к жилищам относящимся к XV–XVI вв. Вероятней всего, поселение было оставлено населением, которое вело кочевое и оседлоземледельческое хозяйство.

Шурф № 3 расположен в 14 м к востоку от скопления петроглифов. Заложенный в 2021 г. шурф имел длину 3,2 м, ширину 4 м. В 2022 году на этом же месте был заложен раскоп. Площадь исследований составила в длину 9,2 м, а ширина осталась неизменной.

На исследуемой территории, среди колючих полукустарников (тобылғы), многолетнего растения гармала, прослеживались плотно уложеные камни.

Были расчищены конструкции из крупных валунов (размеры камней: 55×28 см,31×22 см) на глубину 35-40 см. На поверхности собраны несколько фрагментов керамических сосудов (хумчи) позднего средневековья. Фрагменты донц сосудов, изготовлены на станке, поверхность покрыта ангобом бежевого цвета. Также найден фрагмент венчика от кувшина, венчик отогнут наружу, в сечении овальной формы, тесто серое. Найдены кости животных – мелких и крупных рогатых животных. Внутреннее заполнение помещения состояло из плотного суглинисто-супесчаного слоя и кладки в один ряд из мелких камней с песком черного цвета. Вдоль северной стенки от каменной перегородкой из крупных валунов обнаружено каменное орудие труда. Орудие красного цвета (яшма?). В западном и южном углу помещения сохранились пятна из глинистого раствора белого цвета, рядом с пятном обнаружена каменная заготовка – пряслице. Пряслице округлой формы, поверхность ровная, тщательно обработана, розового цвета. Не исключена возможность, что место расположения поселения использовалось в разные хронологические периоды. Позже вновь было построено жилище.

Курган № 1. В 1,5 км к северо-востоку от села Актерека, на правой стороне от трассы Актерек-Аркалык исследован курган № 1, находящийся в небольшой обособленной группе, состоящей из трех близкорасположенных насыпей. Координаты: 43°15'42”С 75°30'11”В (рис. 3).

Курганные насыпи не образуют цепочку, расположены хаотично в 20–30 м друг от друга. Вокруг каменного кургана имелась прямоугольная ограда (размер ограды 10×10 м.) из вертикально вырытых камней (размеры камней 70×8; 60×2; 45×27 см). Северо-западная стена ограды имеет проход шириной 2 м, забутованный землей и камнями. Дерновый слой – очень тонкий, местами отсутствовал. По центру кургана находилась большая грабительская яма. На поверхности объект плохо просматривался и определить яму было возможно только по более темному грунту между камнями. Точно определить границы изначальной насыпи, заполнения грабительской ямы и выброса из нее не удалось. На археологических разрезах заполнение грабительской ямы было отмечено весьма условно [Торежанова, Кулиш 2022: 122–125]

После выборки каменной наброски мощностью 0,4–0,5 м был зачищен материковый грунт светло-коричневого цвета. По центру проявилась могильная яма, однако четких границ в материке не было заметно, скорее она определялась по наличию в грунте небольших камней. В материковом грунте камни либо отсутствовали, либо были в меньшем количестве.

Могильная яма овальной формы (2,6×1,7 м, глубиной 2,1 м), ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, оказалась сильно разрушенной грабителями, которые дошли до дна по всей площади погребения. В заполнении встречались отдельные фрагменты костей скелета, наибольшее количество костей находилось в придонной части в западном и восточном секторе. Непотревоженными оказались только кости одной стопы. По расположению стопы и форме ямы можно с уверенностью определить, что погребенный лежал головой на северо-запад с незначительным отклонением к западу. В северо-восточном борту, несмотря на плохое состояние стен ямы, был прослежен небольшой подбой (0,4 м, высотой 1,1 м).

Ближе к северному углу могильной ямы в заполнении встречались небольшие фрагменты сосуда. По концентрации фрагментов можно предположить, что сосуд располагался в районе головы или плеча.

Каменная ограда высотой 0,4–0,6 м была зачищена с внутренней стороны. Многие вертикально стоящие камни были сильно отклонены наружу и опирались на дерновый слой. Форма ограды близка к квадрату, внутренние углы стремятся к прямым, но выкладка сделана с определенной погрешностью.

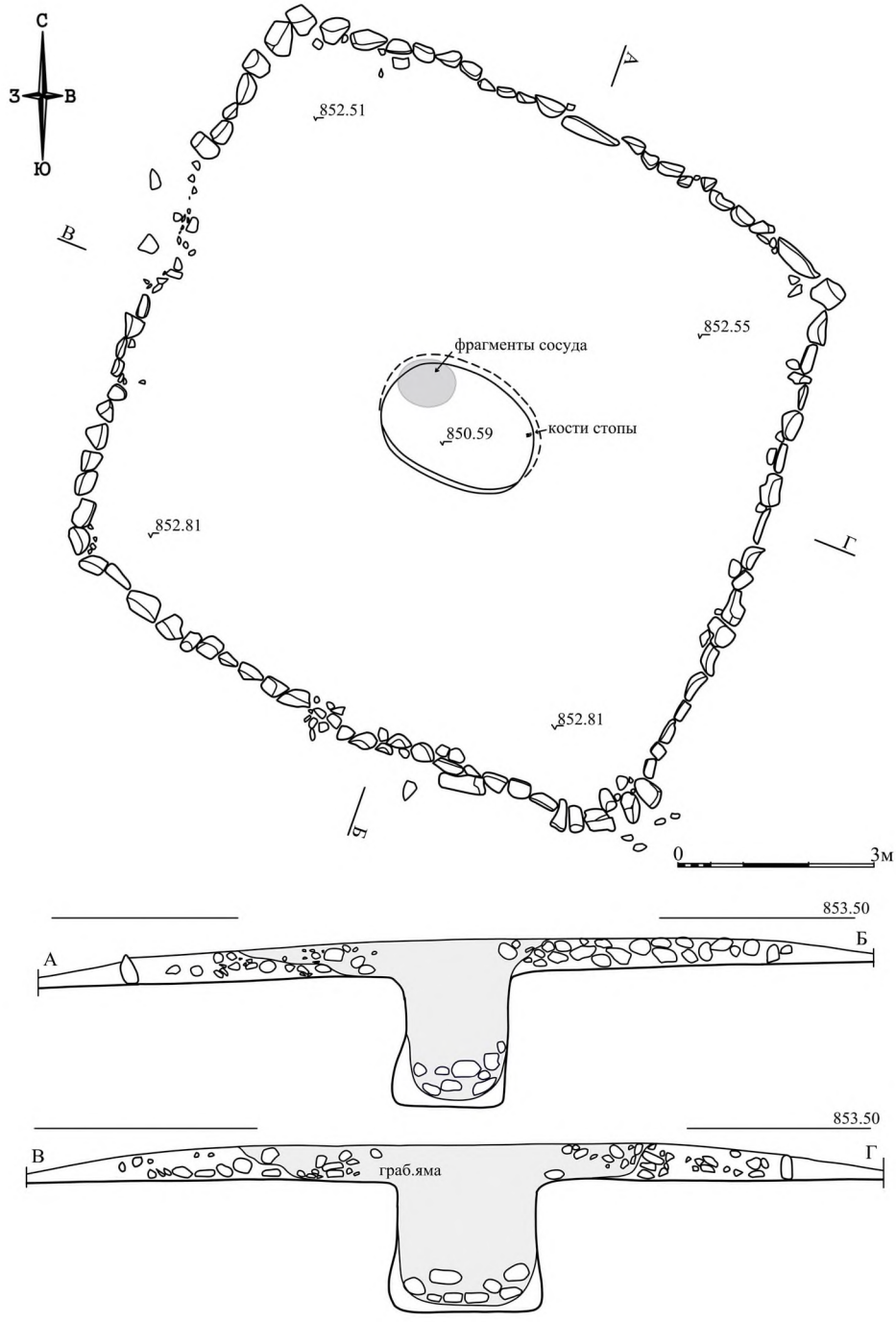

Рис. 3 План и разрезы кургана № 1
3-сур. № 1 обаның жоспары мен қимасы
Fig. 3 Plan and sections of mound nr. 1

Местами камни были аккуратно подобраны по форме для более плотной стыковки. На северо-западной стороне отсутствует участок ограды длиной 2 метра, наиболее вероятно, что ограда была разрушена на этом участке, наличие прохода менее вероятно.

Курганы с квадратными оградами достаточно редки, но встречаются в могильниках сакского и усуньского периода. Из примеров можно привести курган 10 из могильника Калкан IV [Акишев, Кушаев 1963: 320], также упоминается один курган из могильника Муюнтогай I [Агеева 1961: 23]. В приведенных случаях квадратные курганы встречались среди погребальных сооружений других типов. Квадратные ограды курганов известны не только в Жетысу, можно привести примеры из центрального Тянь-Шаня: могильники в долине реки Каракуджур (Нарынская область, Кыргызстан) [Кибиров 1959: 77–78]. Хронологические рамки возведения сооружений рассматриваемого типа очень широкие и полностью не изучены.

Дополнительную информацию о датировке кургана в Актереке можно получить по фрагментам сосуда. Реконструируется сосуд как высокая чаша с округлым туловом и дном. Сохранился фрагмент венчика с подковообразным налепом, на котором сделано небольшое количество насечек. Очень похожий керамический сосуд был найден в могильнике Шормак III [Агеева 1960: 85], где на чашеобразном сосуде по четырем сторонам были расположены подковообразные налепы. Погребальный комплекс Шормак III был условно отнесен к IV–V вв. А.Г. Максимова, описывая и датируя миску с подковообразными и сосцевидными налепами из кургана 25 могильника Караша I, приводит очень широкую датировку подобной керамики: первые века до н.э., I–III вв. н.э. [Максимова 1970: 126]. Учитывая, что в III–IV вв. в долине реки Талас, где находится могильник Караша I, широко распространяется культура поселений и погребений, связанная с населением средней Сырдарьи, и ранняя датировка сосудов с налепами в данном регионе более вероятна. Близкое сосуществование двух культур без взаимного влияния в долине реки Талас требует отдельных доказательств, скорее одна материальная культура сменяет другую.

Условно погребение в Актереке можно отнести к «усуньскому» периоду: II век до н.э. – III век н.э.

Курган № 2 расположен на предгорном плато Такия тобе, на левом берегу реки Актерек. Курган представлял собой небольшую глиняную насыпь высотой 40–50 см, округлой формы, состоящую из земли и небольших камней. Диаметр насыпи около 9 м, курган находится в составе могильника.

Перед началом работ поверхность кургана очищена от крупных камней и металла, разбит участок размерами 14×14 метров, охватывающий насыпь и ориентированный по сторонам света. Конструкция курганной насыпи представляет собой плотную центральную часть диаметром около 7 м. Ров, опоясывающий курган шириной 2,8 м.

Поверхность кургана была разбита на сектора бровками, шириной 30 см. После зачистки поверхности кургана до уровня материка, в центре, выявилось глиняное уплотнение, на котором был разбит раскоп прямоугольной формы размером 3×4 м, после снятия грунта на 60 см, выявился череп человека. Зачистка продолжалась снятием грунта по 5 см, в результате выявилась погребальная камера 1 размером: длина 140 см, ширина 31 см, глубина 13 см, выложенная кирпичами из сырцовой глины размером: длина 40 см, ширина 20 см, толщина 7 см. В центре лежал скелет ребенка (в возрасте около 7 лет), в анатомическом порядке, на спине, головой на северо-запад, руки согнуты в локте, положены на живот, артефактов не найдено. Длина скелета 105 см.

Восточнее, в 50 см от ног погребения 1, был обнаружен второй череп человека, который находился под конструкцией из сырцовых кирпичей сверху обмазанной глиной. После снятия обмазки, появилась погребальная камера размерами: длина 92 см, ширина 33 см, глубина 14 см, выложеная сырцовыми кирпичами положенными на ребро по девять штук с каждой стороны, размеры: длина 30 см, ширина 15 см, толщина 9 см. В центре лежал скелет ребенка в анатомическом порядке, возрастом приблизительно 3–4 года, вытянуто на спине, головой на северо-запад. Длина скелета 87 см.

Южнее 1 и 2 погребальных камер, выявилось овальное пятно из рыхлого грунта, после зачистки от земли, открылось каменное перекрытие из семи крупных прямоугольных и треугольных плит (размеры плит – длина 72–79 см, ширина 52–37 см, толщина 15–19 см), стыки которых были обмазаны глиной. Конструкция была целая, признаков ограбления необнаружено. Могильное пятно было ориентировано с юго-востока на северо-запад. После снятия каменного перекрытия обнаружена погребальная камера № 3 (рис. 4, 5, 7), стенки которой выложены сырцовыми кирпичами размерами: длина 42 см, ширина 20 см, толщина 9 см. левая стенка выложена кирпичами в два ряда. Погребальная камера № 3, длиной 222 см, ширина 106 см, глубина 30–35 см. Общая

Рис. 4. Погребальная камера № 3
4-сур. № 3 жерлеу камерасы
Fig. 4. Burial chamber nr. 3

глубина 150 см. В центре лежал скелет человека (рис. 6) в анатомическом порядке, на спине, правая рука согнута, лежит на груди, левая – на животе, головой ориентирован на северо-запад. Длина скелета 175 см. Артефактов не обнаружено.

Подобные курганы были раскопаны в 1897 году старшим врачом Пишпекского госпиталя Ф.В. Поярковым, который «произвел раскопки 4-х курганов в группе из 10 насыпей, находящихся в 10 верстах на юг, от села Лебединки Токмакского уезда. В насыпи курганов встречались сырцовые кирпичи в один или несколько рядов» [Кастанье 1910: 250]. В одном из захоронений было три погребения. «Костяки лежали на спине головой на север, ногами на юг. Руки сложены на тазовых костях, в некоторых случаях на груди, иногда согнута только одна рука правая или левая, а другая лежит на тазе. Некоторые костяки были покрыты сырцовым кирпичом [Отчет Императорской археологической комиссии 1900: 56-57].

Также аналогичные курганы встречаются в погребениях Нижнего Поволжья – Увек, Царевское, Селитренное, Шареный Бугор. Исследователями были изучены и выделены признаки погребального обряда, характеризующие захоронения кочевников-мусульман. Это кирпичная оградка-сагана вокруг могилы под земляным курганом [Ракушин 1998: 100–125], без инвентарные погребения под земляными курганами, в которых умерший лежит вытянуто на спине головой на запад с поворотом лица или всего тела вправо на юг [Иванов, Проценко, Русланов 2021: 95]. В Западном Казахстане, в могильниках Мокринский 1, Райм и Целинный Бисембаевым А.А. выделяется группа памятников с чертами начального этапа исламизации в погребальном обряде [Бисембаев 2003: 152]. Им отмечено, что начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности начинают отчетливо проступать результаты исламизации кочевого общества. Наблюдаются захоронения

Рис. 5. Погребальная камера № 3. Этапы расчистки
5-сур. № 3 жерлеу камерасы. Тазалау сатылары
Fig. 5. Burial chamber nr. 3. Stages of clearing

Рис. 6. Погребальная камера № 3. Этапы расчистки
6-сур. № 3 жерлеу камерасы. Тазалау сатылары
Fig. 6. Burial chamber nr. 3. Stages of clearing

с соблюдением исламских канонов: сооружая кирпичные склепы, помещая тела, обернутые в саван, в могилы, лицом к Мекке, без сопроводительного инвентаря [Бисембаев 2003: 153–154]. Другим исследователем Кравец В.В. определены детали погребального обряда раннемусульманских погребений: взор, направленный на Мекку; ориентировка погребенного головой в сторону Мекки; западная ориентировка погребенного. К явно мусульманскому признаку относится отсутствие погребального инвентаря. Признаком атавизма прежних погребальных ритуалов служит такой факт, что над кладкой из сырцового кирпича возведена насыпь [Бисембаев 2003: 152], а также разнообразное положение рук и ног погребенных [Кравец 2002: 194–195]. В погребениях кургана №2 выявляются исламские признаки: ориентация скелета на северо-запад лицом на юг, отсутствует погребальный инвентарь, и не мусульманские – над кладкой из сырцового кирпича имеется насыпь, руки лежат у всех скелетов по разному.

Однако пока трудно определить назначение данных признаков погребального обряда и объяснить ориентацию погребенных. Можно предположить, что это хронологическое различие погребального обряда, или влияние различных верований того времени, которого придерживался умерший. Ориентация погребенных кургана № 2 головами на северо-запад, лицом вверх, а также отсутствие сопроводительного инвентаря позволяет считать данный погребальный обряд частью канонических исламских традиций.

Следовательно, можно сделать вывод, основываясь на форме и размере сырцовых кирпичей, которыми были обложены могильные склепы и обряду трупоположения, что курган № 2 датируется XII–XIV вв.

Заключение

В результате комплексных картографических работ в зоне «Кенен – Актерек», которые планомерно осуществлялись методом сплошного обследования предгорного и равнинного ландшафтов с последующим созданием полной картины картографического наполнения выявленных памятников археологии, удалось сделать следующее:

- общее количество археологических объектов, которые подверглись обследованию – одиночные курганы «царского» типа, курганные могильники (фиксация квадрокоптером, фото и видеофиксация, первоначальное описание в контексте типологии памятников, параметры объектов, их предварительная историко-культурная идентификация и хронология) и которые нанесены на карту, составляет 39 единиц (рис. 1);

- общее количество археологических объектов (в основном курганов), в составе могильников – около 432 единиц;

- выявлены крупные могильники, состоящие из нескольких групп курганов с десятками насыпей, которые формировались длительное время в отдельном микро-регионе, обычно связанным с выходом рек из горных ущелий, в зоне конуса выноса (объек-

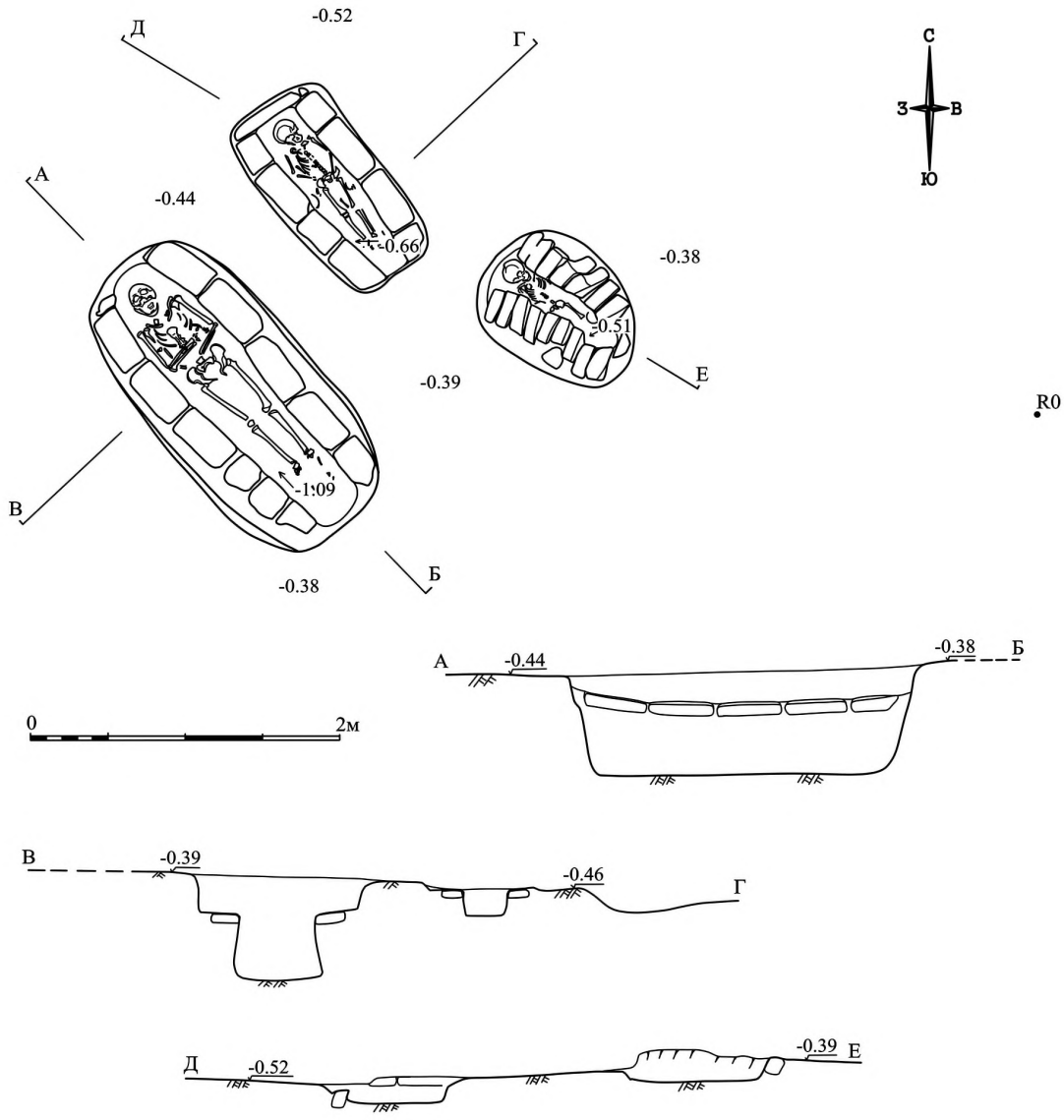

Рис. 7. Погребальная камера № 3. План и разрез погребений
7-сур. № 3 жерлеу камерасы. Жерлеу орнының жоспары мен қимасы
Fig. 7. Burial chamber nr. 3. Plan and section of burials

ты № 3, 7, 8, 10 и самая большая концентрация курганов могильника Ыргайты № 30–36).

Перечисленные моменты картографического, топографического и статистического характера с известной долей предположительности позволяют говорить о социальной стратификации (родовой, клановой) сообществ номадов, которые осваивали данные территории определенное время в силу богатства природных ресурсов (хорошее водообеспечение, стационарный травостой).

В целом, археологическая картография изучаемого региона демонстрирует подавляющее доминирование объектов древней культуры кочевников-номадов (курганов и курганных могильников) сако-усуньского и, возможно, сюннуского исторического периода.

Археологические результаты исследований памятников урочища Актерек, проведенные в 2022 г., доказывают локальное своеобразие в конструкциях архитектоники данных курганов, памятники характеризуется уникальностью и имеют особые погребальные традиции в рамках широкого хронологического диапазона.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 3 (11). 1960. С. 80–85.

Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 21–40.

Акише К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 320 с.

Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: Полиграфсервис, 2003. 232 с.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археологостатистическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2009. 179 с.

Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой орды // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С.94–107.

Кастанье И.А. Древности Семиреченской области //Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург: Типо-лит. «Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1910. Вып. XXII. 329 с.

Кибиров А.К. Археологические работы в центральном Тянь-Шане // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 63–138.

Кравец В.В. Раннемусульманские погребения кочевников в Среднем Подонье // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2002. С. 193–199.

Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 121–128.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. Санкт-Петербург: типография главного управления уделов. 1900. 191 с.

Ракушин А.И. Мусульманство у золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья в XIII–XIV веках: дис. … канд. ист. наук. Саратов, 1998. 180 с.

Торежанова Н.Ж., Кулиш А.В. Курган с четырехугольной оградой в урочище Актерек // XIV Оразбаевские чтения: м-лы междунар. науч.-метод. конф. «Межкультурные контакты в древности и средневековье: новые исследования и открытия» (г. Алматы, 28–29 октября 2022 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2022. С. 122–125.

REFERENCES

Ageeva, E. I. 1960. In: *Izvestiya Akademii Nauk Kazahskoy SSR. Seriya istorii, arheologii i etnografii (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Series of history, archaeology, and ethnography)*, 3(11), 80–85 (in Russian).

Ageeva, E. I. 1961. In: Argynbayev, K., Kadyrbayev, M. (eds.). *Novye materialy po arheologii i etnografii Kazahstana (New materials on archaeology and ethnography of Kazakhstan)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of sciences, 21–40 (in Russian).

Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usuney doliny reki Ili (Ancient culture of the Saka and Usun in the valley of the Ili River)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).

Bissembaev, A. A. 2003. *Arheologicheskie pamyatniki kochevnikov srednevekovya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.) (Archaeological sites of nomads of the Middle Ages in Western Kazakhstan (8th–18th centuries))*. Uralsk: "PoligrafServis" Publ. (in Russian).

Vasilyev, D. V. 2009. *Islamizatsiya i pogrebalnye obryady v Zolotoy Orde (arheologo-statisticheskoe issledovanie) (Islamization and funeral rites in the Golden Horde (an archaeo-statistical study))*. Astrakhan: Astrakhan University (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S., Ruslanov, E. V. 2021. In: *Povolzhskaya Arheologiya (The Volga River Region archaeology)*, 4 (38), 94–107 (in Russian).

Castagne, I. A. 1910. *Drevnosti Semirechenskoy oblasti (Antiquities of the Semirechye Region*). Orenburg: "Karimov, Khusainov i K-o" Publ. (in Russian).

Kibirov, A. K. 1959. In: *Trudy Kirgizskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition)*, 2, 63–138 (in Russian).

Kravets, V. V. 2002. In: Sinyuk, A. T. (ed.). *Akheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy (Archaeological monuments of Eastern Europe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 193–199 (in Russian).

Maksimova, A. G. 1970. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnih kultur Kazakhstana (The traces of ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 121–128 (in Russian).

Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1897 g. (Report of the Imperial Archaeological commission for 1897). 1900. St. Petersburg: "Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udely" Publ., № 40 (in Russian).

Rakushin, A. I. 1998. *Musulmanstvo u zolotoordynskih kochevnikov Nizhnego Povolzhya v XIII-XIV vekah (Islam among the Golden Horde Nomads of the Lower Volga river Region in the 13th-14th centuries)*: thesis of the Candidate of Hist. Sciences. Saratov (in Russian).

Torezhanova, N. Z., Kulish, A. V. 2022. In: *XIV Orazbaevskie chteniya (14th Orazbaev Readings)*, 122–125 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.227.234

Марат Мугалович Нурпеисов[1]
[1]Объединение музеев г. Алматы, Казахстан; emo1002@mail.ru

Исследования памятников раннего железного века на Боролдайской возвышенности (территория г. Алматы)

Статья посвящена исследованию аварийных курганов могильника раннего железного века у ТЭЦ-2, находящегося в Алатауском районе города Алматы. В кургане № 2 (5) было обнаружено непотревоженное захоронение мужчины-воина. В погребении обнаружены элементы оружия и одежды из железа, бронзы, серебра и золота. Конструкция надмогильного и могильного сооружений, а также ряд артефактов позволяют датировать погребение V–II вв. до н.э. и отнести его к культуре саков.

Ключевые слова: Алматы, ранний железный век, могильник, аварийный курган, захоронение воина, культура саков

Марат Мугалұлы Нүрпейісов[1]
[1]Алматы қаласы музейлер бірлестігі, Қазақстан

Боролдай жотасындағы ерте темір дәуірі ескерткіштерін зерттеу (Алматы қаласы аумағы)

Мақала Алматы қаласының Алатау ауданында ЖЭО-2 жанында орналасқан ерте темір дәуірі қорымының апатты обаларын зерттеуге арналған. № 2 (5) обадан ер жауынгердің ешкім тиіспеген жерленген орны табылды. Жерлеу орнынан темір, қола, күміс және алтыннан жасалған киімдер мен қару-жарақ элементтері табылды. Қабір үсті және қабір құрылысының конструкциясы, сондай-ақ бірқатар артефактілер жерлеу орнын б.д.д. V–II ғасырларға тән екенін белгілеуге және оны сақтардың мәдениетіне жатқызуға негіз болады.

Түйін сөздер: Алматы, ерте темір ғасыры, қорым, апатты оба, жауынгердің жерлеу орны, сақтар мәдениеті

Marat Nurpeissov[1]
[1]Association of Museums of Almaty, Kazakhstan

Research of monuments of the Early Iron age on the Boraldai hill (territory of Almaty)

The article is devoted to the study of emergency mounds of the Early Iron age burial ground – CHP-2, located in the Alatau district of Almaty. In mound No. 2 (5), an untouched burial of a male warrior was found. A skeleton and metal elements of weapons and clothing made of iron, bronze, silver and gold were found. The arrangement of burial and grave structures, as well as a number of artifacts, give grounds to preliminarily date the burial to the 5th–2nd centuries BC and attribute it to the culture of the Saka.

Keywords: Almaty, Early Iron age, burial ground, emergency burial mound, burial place of a warrior, Saka culture

© 2023 г. Нурпеисов М.М.

Основные крупные некрополи сакского времени были выявлены по обоим берегам р. Большая Алматинка. Цепочки курганов спускаются от предгорий на равнину. С предгорий хорошо просматривалась равнинная часть, а с равнины были видны курганы предгорий.

Курганы маркировали всё это многокилометровое пространство. Большая Алматинка имеет высокий конус выноса. А пик Алматинский, венчающий ущелье реки, здесь доминирует среди горных вершин. Это делает ущелье Большой Алматинки центральным местом ландшафта. С запада русла реки располагается Боралдайская возвышенность. Здесь находится крупный сакский могильник, цепь которого спускается от севера к югу, и известен он как могильник у ТЭЦ-2.

Могильник состоит из девяти курганов, и расположен в 1,2 км к востоку от ТЭЦ-2, к востоку от дороги на кладбище “Батыс”. Самый большой курган имеет диаметр 100 м, а высоту 7 м, и является самым северным в цепочке. На нем расположен триангуляционный пункт. Его координаты N-43˚17’936, E-076˚48’868. Высота над уровнем моря 804 м. Остальные курганы диаметром от 30 м до 50 м, высотой от 2 до 4 м [Свод памятников 2006].

В настоящее время, по данным космических снимков, в составе могильника шесть курганов. Три крупных кургана с севера, один крупный курган расположен к востоку от основной цепи, рядом с трассой теплоцентрали, и два кургана среднего размера (диаметр 30 м, высота 2 м), прямо под трассой ЛЭП, и самый южный – в 50 м южнее трассы газопровода (рис. 1).

В 2016 г., с апреля по август, были раскопаны два небольших кургана. Один курган диаметром 20 м и высотой 1 м, расположенный севернее газопровода исследовался специалистами ТОО “Археологическая экспедиция” [Умархаджиев 2016]. Второй курган, находящийся южнее ЛЭП исследовался сотрудниками ТОО “Казархеология” [Смаилов 2016].

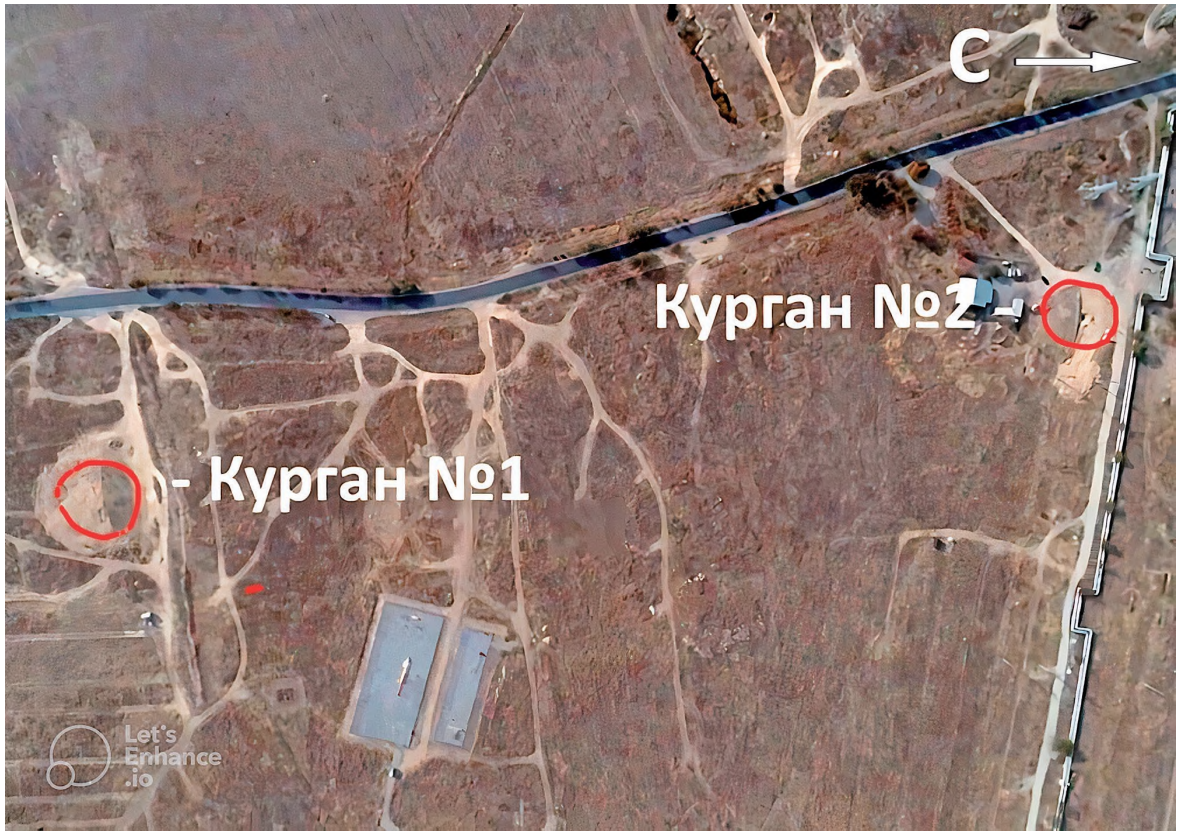

Рис. 1. Расположение курганов. Вид с беспилотного летательного аппарата (далее БПЛА)
1-сур. Обалардың орналасуы. Ұшқышсыз ұшу аппараттарынан (әрі қарай – ҰҰА) қараған кездегі көрініс
Fig. 1. The location of the kurgans. View from an unmanned aerial vehicle (hereinafter UAV)

Оставшиеся два средних кургана находились в аварийном состоянии — насыпи подверглись антропогенному воздействию, была произведена выемка земли. Оба кургана находились в охранных зонах технических коммуникаций – ЛЭП и газопровода. Всё вышеперечисленное дало основание для исследования памятников на снос.

В 2022 г. археологическая экспедиция «Объединение музеев города Алматы» исследовала эти курганы [Нурпеисов 2022].

При исследовании кургана № 1 (9) выяснилось, что могильная яма была полностью разграблена. Интересный материал был получен в результате исследования кургана № 2 (5).

Курган № 2 (5)

Курган находится в 200 м к востоку от дороги городского кладбища “Батыс”. В 40 м к югу от трубопровода теплоцентрали, между столбами ЛЭП. Координаты 43º17′24.70′′С, 76º48′58.26′′В. Насыпь покрыта высокой травой и строительным мусором с восточной и западной сторон. С севера и востока края насыпи срезаны, по центру отмечена неглубокая, глубиной 0,5 м канава (рис. 2).

Визуальный осмотр показал отсутствие каменного кольца и каменной наброски. В разрушенных частях насыпи просматривалась крепида. Исследовать всю насыпь не представлялось возможным, так как по южному краю насыпи с юга проходил подземный электрокабель газотранспортной системы.

Насыпь была снесена на 60% скрепером с севера, по линии запад – восток. Перед сносом была проведена топосъёмка с БПЛА .

Профиль кургана № 2 (5)

Профиль длиной 25,5 м, ориентирован по линии В – З. Нумерация с востока.

Дерновый слой, так же, как и на первом кургане, очень тонкий. Только по краям насыпи на отметках 0–1,2 м и 22–25 м он превышает 10 см. На всей остальной насыпи от отметок 1,5–21 м дерновый слой 3-7 см. Это необычно, и по нашим предположениям, связано с искусственным уплотнением и специальным поливом грунта для создания плотной поверхности грунта. Возможно, такой же характер технического решения связан со слоями белого суглинка по краям насыпи и сверху крепиды. От отметки 0 до 7,5 м, с восточной стороны мощность слоя белесого

Рис. 2. Курган № 2. Вид после удаления растительности с поверхности насыпи. Вид на северо-восток с БПЛА
2-сур. № 2 оба. Үйінді бетінен өсімдіктерді алып тастағаннан кейінгі көрініс. ҰҰА-дан солтүстік-шығысқа қарағаң көрініс
Fig. 2. Kurgan nr. 2. The view after removing vegetation from the embankment surface. View to the northeast from the UAV

суглинка над крепидой составила от 34 см до 10 см, а от отметки 22,5 м до 25 м, мощность слоя прослеживалась в пределах 10–15 см.

Кладка крепиды с восточной стороны начинает фиксироваться от отметки 2,5 м и прослеживается до 7 м. Камни уложены в два слоя, толщиной 30 см, размером 10×15 см и 15×20 см. С запада крепида фиксируется с отметки от 22 м и прослеживается до 24 м. Использованы камни размером 5×5 см и 10×5 см. Мощность каменного покрытия достигает 40 см.

Белый суглинок, отмеченный между каменными выкладками, является основным слоем насыпи кургана от 5 м до 23,5 м. В верхних точках крепиды он достигает 105 см на востоке, и 90 см на западе. В самой верхней точке по центру кургана мощность достигает 115 см.

Мощность слоя серого суглинка, в пределах от 0,5 м до 24,5 м, достигает 40–50 см, и является древней дневной поверхностью, т.к. основания крепиды покоятся на этом слое. Ниже от отметки 6,5 м до 14 м определяется пятно могильной ямы. Толщина слоя 35–40 см.

Могильная яма.

Зачистка участка по центру насыпи выявила пятно могильной ямы размерами 270×390 см. На глубине 88 см от устья могильной ямы фиксировалась кладка из камней, плотно уложенных друг к другу. Размеры камней 20×30 см, 25×35 см, 30×40 см. На глубине 120 см у западной стенки ямы отмечен фрагмент деревянного изделия длиной 12 см, в поперечнике 2×2 см, стоявший вертикально. Дальнейшее углубление раскопа показало, что это фрагмент столбика от деревянного могильного ящика. Остатки ящика фиксировались горизонтальной тёмно-коричневой линией сгнившего дерева. В суглинке фиксируется большое количество фрагментов дерева, сохранившихся в виде трухи, пятен и небольших кусочков. На глубине 160 см каменная кладка становится более разреженной в центральной части, а на глубине 212 см каменная кладка отсутствует полностью. Рукоять меча с обкладкой из золотой фольги зафиксирована на глубине 217 см (Рис. 3, 5).

Рядом с костями таза погребенного обнаружена резная тонкая пластина из металла серого цвета (рис. 4).

Погребенный был помещен в погребальную яму.

Положение костяка

После этого была начата расчистка верхней и нижней частей туловища костяка. Костяк лежит на спине. Ребра в основном на месте. Кости рук вдоль туловища. Левая ключица лежит рядом, но не на месте. Отсутствует голова и два шейных позвонка. Обе бедренные кости на месте. Отсутствует правая берцовая кость. Фаланги пальцев рук находятся рядом, но не в комплекте (рис. 5).

Рис. 3. Курган №2. Погребение
3-сур. № 2 оба. Жерлеу орны
Fig. 3. Kurgan nr. 2. Burial

Череп был найден при дальнейшей расчистке в 50 см к западу от костяка на этом же уровне. Шейные позвонки были найдены в 30 см западнее правого плеча.

На правом плече была найдена тонкая металлическая резная пластина серого цвета (Рис. 6). При исследовании участка у северной стенки могилы были найдены фрагменты железного меча плохой сохранности – куски 5–7 см в длину, 1–2 см в ширину, ременной держатель из бронзы обложенный листовым золотом с художественной композицией в зверином стиле, два конусовидных бронзовых наконечника, обложенные листовым золотом с художественной штамповкой (рис. 6, 7).

Рядом с мечом лежала бронзовая круглая бляха с рисунком концентрической спирали. Она, по всей вероятности, была прикреплена сохранившимся крючком на каком-то кожаном изделии.

Описание погребения дает нам основание считать погребение нетронутым. Наличие комплекта костей и драгоценного металла в погребении свидетельствует об этом. После снятия костей и дополнительного исследования могилы находок не обнаружено. На кургане была проведена рекультивация.

Находки из могилы кургана № 2 (5)

1. Держатель ремня

Размеры 26×14×13 мм. Основа – бронза. Плакирован листовым золотом. На золотом листе тиснение – зеркальное изображение голов кошачьих хищников с открытой пастью. Бронза сильно повреждена

Рис. 4. Курган №2. Изделие из металла, обнаруженное в тазовой части погребенного
5-сур. № 2 оба. Жерленген адамның кеуде бөлігінен табылған металдан жасалған бұйым
Fig. 5. Kurgan nr. 2. A metal product found in the chest part of the buried

Рис. 5. Курган №2. Изделие из металла, обнаруженное в грудной части погребенного
4-сур. № 2 оба. Жерленген адамның жамбас бөлігінен табылған металдан жасалған бұйым
Fig. 4. Kurgan nr. 2. A metal product found in the pelvic part of the buried

Рис. 6. Курган №2. Изделие из металла, обнаруженное в тазовой части погребенного
6-сур. № 2 оба. Жерленген адамның жамбас бөлігінен табылған металдан жасалған бұйым
Fig. 6. Kurgan nr. 2. A metal product found in the pelvic part of the buried

окислами. На золотом листе небольшой излом – 3 мм (рис. 6).

2. Конический наконечник с отверстием в узкой части.

Размеры 26×12×25 мм. Основа – бронза. Плакирован листовым золотом. На золотом листе тиснение. Из-за высолов грунта и деформации пока не поддается интерпретации. Бронза сильно повреждена окислами. Предположительно, зацеп – деталь камчи (рис. 6).

3. Конический наконечник без отверстия.

Размеры 26×14×25 мм. Основа – бронза. Плакирован листовым золотом. На золотом листе тиснение. Из-за деформации золотого листа не поддается интерпретации. Бронза сильно повреждена окислами. Предположительно, шалыга – оголовник ручки камчи (рис. 8).

4. Резная пластинка из металла серого цвета (серебро) – поясная бляха. Состоит из двух разновеликих фрагментов, составляющих единое целое. Размеры большего 70×40 мм, меньшего 32×40 мм. Больший фрагмент деформирован. По краям отверстия для крепежа. Орнаментальная композиция – стилизованные растительные элементы, прорезанные в пластине насквозь. Найдена на костях таза (рис. 5).

5. Резная пластина из металла серого цвета (серебро).

Размеры 85×47 мм. Состоит из трех фрагментов, составляющих единое целое. Не деформирована. По краям отверстия для крепежа. Стилизованные растительные элементы и геометрические фигуры прорезаны в пластине насквозь. Найдена на правой ключице. Вероятно, бляха на верхней части костюма (рис. 4).

6. Бронзовая бляха с рисунком спирали.

Размеры 45×4 мм. Основа – бронза. Плакирована серым металлом (серебро). На лицевой стороне рельефное изображение концентрической спирали. На тыльной стороне – гвоздь-держатель из бронзы, вокруг которого плохо сохранившиеся фрагменты кожи. Найдена в 1,5 см от фрагментов железного меча, на конце меча. Вероятно – элемент ножен меча (рис. 4).

7. Меч железный

Сохранность железа плохая. Размеры – возможная длина около 40 см. Не потревожен, хотя распался на фрагменты: лезвие – на куски 3–4 см, рукоять – на мелкие кусочки 3–7 см, и порошковую фракцию. Ручка была плакирована листовым золотом. Сохранившийся и отделившийся от ручки фрагмент золота – 43×22 мм. Лист красноватого цвета и тоньше, чем на других предметах. Видны следы штамповки. Восстановить первоначальную форму не представляется возможным (рис. 5).

На основании ряда артефактов – устройства надмогильного и могильного сооружений, а также находок, представляется возможным датировать погребение V–II вв. до н.э. и отнести его к культуре саков [Акишев, Кушаев 1963; История Алматы 2006].

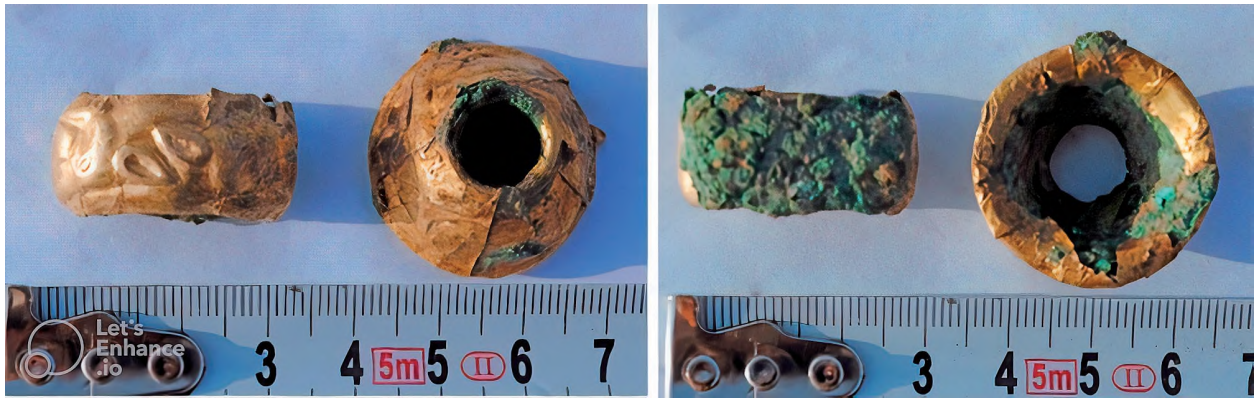

Рис. 7. Курган №2. Изделия из бронзы покрытые листовым золотом
7-сур. № 2 оба. Алтын қаңылтырмен қапталған қола бұйымдар
Fig. 7. Kurgan nr. 2. Bronze products covered with gold leaf

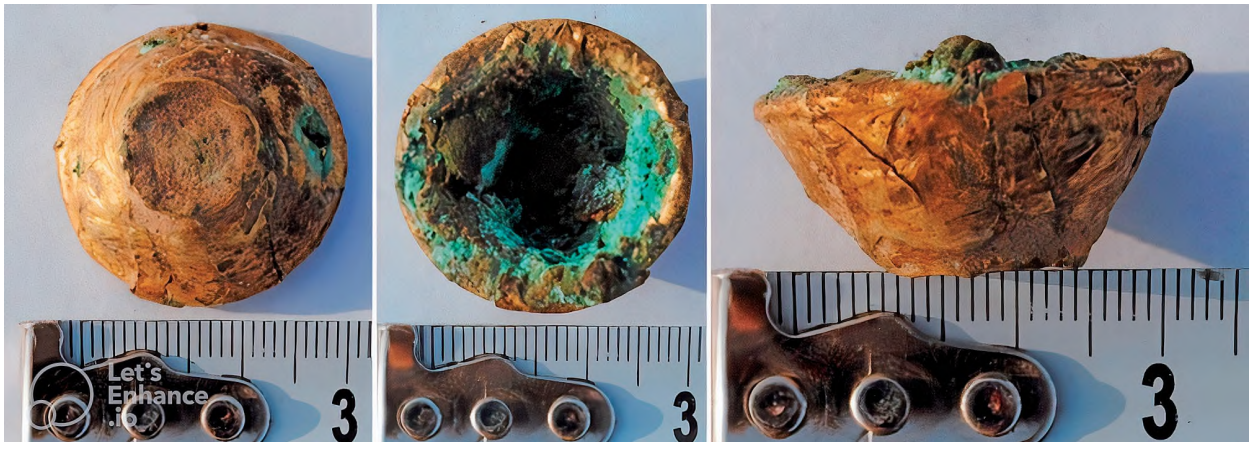

Рис. 8. Курган № 2. Бронзовые изделия, покрытые листовым золотом
8-сур. №2 оба. Алтын қаңылтырмен қапталған қола бұйымдар
Fig. 8. Kurgan nr. 2. Bronze products covered with gold leaf

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата: Наука, 1963. 320 с.
История Алматы. Т. 1. Алматы, 2006. 370 с.
Нурпеисов М.М. Научный отчет «Археологические раскопки курганов на территории города Алматы» // Архив КГКП «Объединение музеев г. Алматы». 2022. 51 с.
Свод памятников истории и культуры города Алматы. Алматы: ТОО «Казахская энциклопедия». 2006. 360 с.
Смаилов Ж.Е. Научный отчет «Археологические раскопки курганов на территории города Алматы» // Архив ТОО «Казархеология», 2016. 36 с.
Умархаджиев А. Научный отчет «Археологические раскопки курганов на территории города Алматы» // Архив ТОО «Археологическая экспедиция». 2016. 48 с.

REFERENCES

Akishev, K. A., Kushayev, G. A. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usuney doliny r. Ili (Ancient culture of the Saka and Usun tribes in the Ili River Valley)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Istoriya Almaty (History of Almaty). 2006. Vol. 1. Almaty (in Russian).

Nurpeisov, M. M. 2022. In: Archive of the Association of Museums of Almaty (in Russian).

Svod pamyatnikov istorii i kultury goroda Almaty (The official list of monuments of history and culture of Almaty). 2006. Almaty: “Kazakh Encyclopedia” Publ. (in Russian).

Smailov, Z. E. 2016. In: Archive of “Kazarkheologiya”. Almaty (in Russian).

Umarkhajiev, A. 2016. In: Archive of LLP “Arheologicheskaya ekspeditsiya” (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.

Б.Д. Бапанова
Ш.Б. Құнанбаева

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.235.244

Баян Дайырбекқызы Бапанова[1], bayan_d@mail.ru,
Шолпан Боранбайқызы Құнанбаева[2], sholpan-127@mail.ru
[1] Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;
[2] Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің
«Бозоқ» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы»
Астана қ., Қазақстан

Шығыс Жетісудағы Таусамалы кешенінің археологиялық ескерткіштері*

Мақалада Жетісу облысы, Ақсу ауданында орналасқан Таусамалы археологиялық кешеніне жүргізілген зерттеу жұмыстарының мәліметтері берілді. Кешеннің құрамында қола дәуірінен бастап этнографиялық уақытқа дейінгі аралықты қамтитын он жеті археологиялық ескерткіш анықталды. Кешенде 2019-2022 жылдар аралығында ғылыми зерттеулер жүргізілді. Таусамалы қорымындағы он бір обаға қазба жұмыстары жүргізілді. Зерттеу жұмыстары барысында Қаракүнгей және Қайраққөл тауларынан петроглифтердің үлкен топтары ашылып, зерттеле бастады. Негізгі нысандар, оның ішінде екі қорым, қоныс орны, таңбалар мен таңба тәрізді белгілер шоғырланған петроглифтері бар киелі орындар б.д.д. I мыңж. екінші жартысы және соңымен мерзімделетін ескерткіштер. Ескерткіштер тобы белгілі бір жүйені құрайды, олар қазіргі кезеңде жергілікті халық айналысатын дәстүрлі шаруашылық жүйесімен байланысып жатыр. Қоныс Ақсу өзенінің төменгі сағасынан орын алған, қорымдар тау жоталарына жақын тұста, жаз мезгіліндегі тұрғын жайлар Суық үстіртінде, Қайраққөл тауындағы жартастарда таңба және таңба түріндегі белгілер орналасқан.

Түйін сөздер: кешен, ескерткіштер, археология, Шығыс Жетісу, қорым, қоныс, петроглифтер

Баян Даирбековна Бапанова[1],
Шолпан Боранбаевна Кунанбаева[2]
[1]Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
[2]Министерство культуры и спорта Республики Казахстан
Государственный историко-культурный музей-заповедник « Бозок»
г. Астана, Казахстан

Археологические памятники комплекса Таусамалы в Восточном Жетысу

В статье приводятся данные исследования археологического комплекса Таусамалы, расположенного в Аксуском районе Жетысуской области. В составе комплекса выявлено семнадцать археологических памятников, датирующихся от эпохи бронзы до этнографического времени. На комплексе в 2019 и 2022 гг. проводились научные исследования. На могильнике Таусамалы раскопано одиннадцать курганов. За период исследования обнаружены и начаты исследования больших групп скоплений петроглифов в горах Каракунгей и Кайракколь. Основные объекты, в том числе два могильника, поселение, святилища с петроглифами тамг и тамгообразных знаков в составе скоплений датируются второй половиной – концом I тыс. до н.э. Памятники образуют определенную систему, они связаны с традиционным хозяйственным циклом, который частично практикуется местным населением и на современном этапе. Поселенческий памятник расположены ниже конуса выноса

© 2023 г. Бапанова Б.Д., Кунанбаева Ш.Б.

**Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі, Ғылым комитетінің гранты ЖТН AP14869290*

реки Аксу, могильники ближе к горной гряде, летние пастбища, в основном на плато Суук в горах Кайракколь, помечены тамгами и тамгообразными знаками.

Ключевые слова: комплекс, памятники, археология, Восточное Жетысу, могильник, поселение, петроглифы

Bayan Bapanova[1],
Sholpan Kunanbayeva [2]
[1]Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan;
[2] Ministry of Culture and sports of the Republic of Kazakhstan
State historical and Cultural Museum-Reserve" Bozok"
Astana, Kazakhstan

Archaeological sites of the Tausamaly complex in East Zhetysu

The article presents data from a study of the Tausamaly archaeological complex, located in the Aksu district of the Zhetysu region. As part of the complex, seventeen archaeological sites dating from the Bronze Age to ethnographic time have been identified. At the complex in 2019 and 2022 scientific research was carried out. Eleven burial mounds have been excavated at the Tausamaly burial ground. During the study period, large groups of petroglyphs in the Karakungey and Kairakkol mountains were discovered and started research. The main objects, including two burial grounds, a settlement, sanctuaries with petroglyphs of tamgas and tamga-like signs in the clusters, date back to the second half – the end of the 1st millennium BC. Monuments form a certain system, they are connected with the traditional economic cycle, which is partially practiced by the local population at the present stage. The settlement monument is located below the alluvial fan of the Aksu River, burial grounds are closer to the mountain range, summer pastures, mainly on the Suuk plateau in the Kairakkol mountains, are marked with tamgas and tamga-shaped signs.

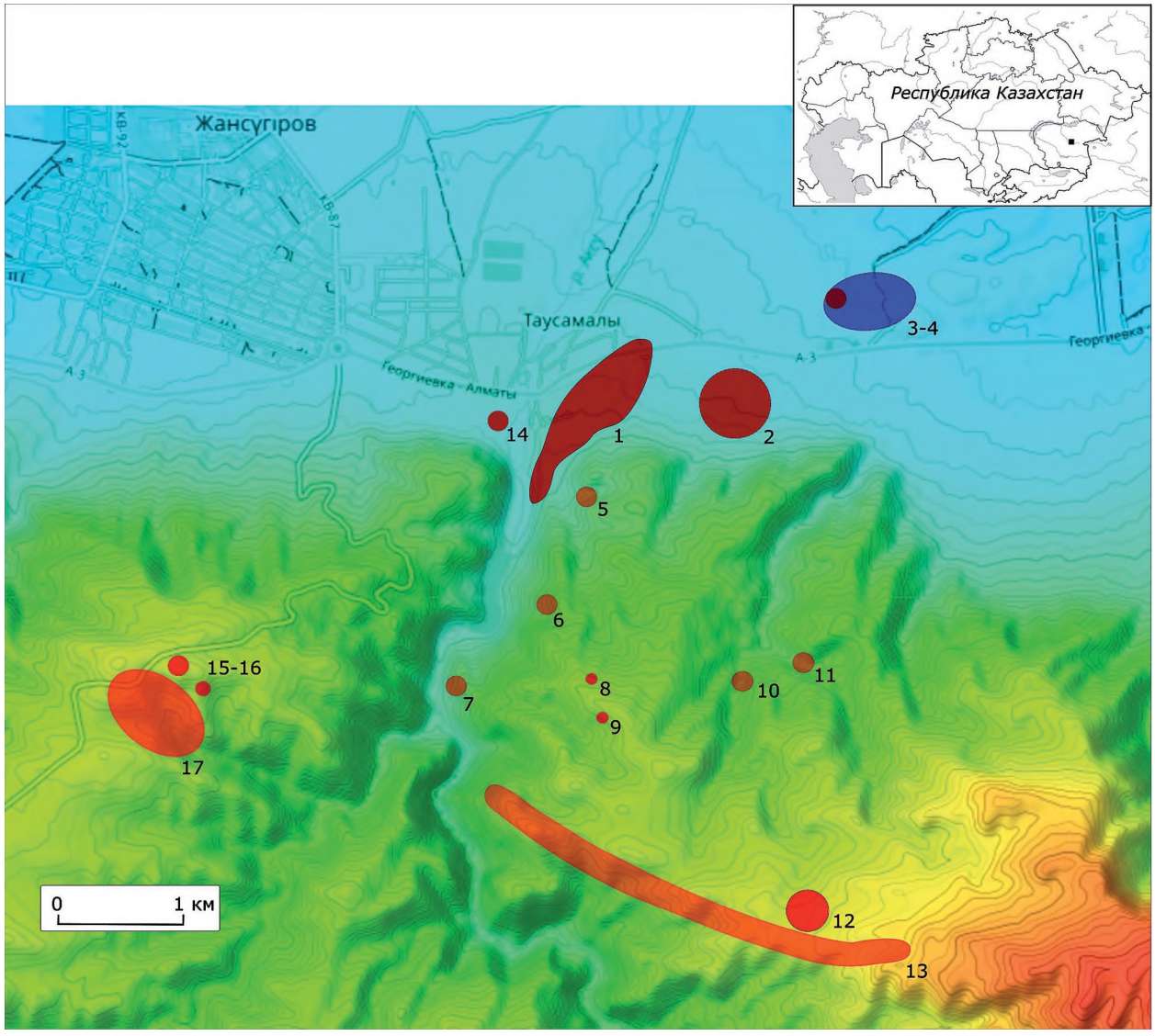
Keywords: complex, monuments, archaeology, East Zhetysu, burial ground, settlement, petroglyphs

Таусамалы археологиялық кешені Жетісу облысының Ақсу ауданына қарасты Таусамалы ауылының аумағында және Жансүгіров ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,5 км жерде, Жоңғар Алатауы тау жүйесіне кіретін Қайрақкөл тауының солтүстік сілемінде орналасқан. Кешен құрамына екі обалар қорымы, қоныс және петроглифтер шоғыры кіреді. Ескерткіштер қола дәуірінен бастап орта ғасырға дейінгі кезеңмен мерзімделеді. Кешендегі алғашқы зерттеу жұмыстарын 2019–2022 жж. ЖШС «Археологиялық экспедицияның» ғылыми қызметкерлері жүргізді. 2022 жылы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты Таусамал археологиялық отряды ескерткіштегі зерттеу жұмыстарын жалғастырды (1-сур.).

1. Таусамалы қорымы

Ескерткіш Ақсу өзенінің Қапал-Арасан ойпатына құяр сағасындағы Қайрақкөл жотасының шатқалын алып жатыр. Жотаның сақталып қалған бөлігі шатқалдың сағасынан солтүстікке қарай біршама төмен еңіс, етегі кеңейіп жатқан жайпақ алаңқай. Қорым аумағы жер бедері ерекшеліктеріне сәйкес үш жағынан қоршалған – батыс және оңтүстік жақтарынан Қайрақкөл жотасының тік жар тәрізді сілемдері қоршап жатыр (812,8 м), батыс бөлігін Ақсу өзені мен Қаракүнгей жотасының сілемдері қоршап орналасқан (705,1 м дейін). Қорым аумағының негізгі бөлігі Ақсу өзенінің оң жағалауында және Алматы – Өскемен тас жолының оңтүстігінде, солтүстік-шығыс – оңтүстік-батыс ось бойымен созылып жатыр. Қорымның солтүстік-шығыс – оңтүстік-батыс бағыттағы ұзындығы – 1,4 км. Сотлтүстік-батыс бөліктегі топтан шығыс топтың шетіне дейінгі енінің ең кең тұсы 450 м.

Кешен құрамында 122 оба, құрбандық орындары, бағаналар тастар (балбалдар) және тағыда басқа қосымша құрылыс орындары бар. Жерлеу кешені әркелкі орналасқан 18 тізбектен, шағын тізбектерден және топтардан тұрады. Тізбектер 2 және 4 обадан құралуы мүмкін. Ең ірі тізбектердің құрамында 14 обаға дейін болуы мүмкін. Обалар Қайрақкөл жотасының батыс беткейіндегі жер бедерінің ыңғайына сәйкес аздап доғал түрінде шоғырланған. Обалар тізбектері арасынан бірнеше метр қашықтықты сақтай отырып

1-сур. Кешен мен ескерткіштердің орналасқан жері: 1 – Таусамалы; 2 – Қайрақкөл I; 3 – Таусамалы; 4 – Қайрақкөл II; 5 – Ақсу I; 6 – Ақсу II; 7 – Ақсу III; 8 – Суық I; 9 – Суық II; 10 – Қарасай I; 11 – Қарасай II; 12 – Суық III; 13 – Суық үстірті; 14 – Қаракүнгей; 15 – Қаракүнгей II; 16 – Қаракүнгей III; 17 – Қаракүнгей таулары. 1, 2, 4, 12, 14 – қорымдар; 3 – елді мекен; 5–7, 10, 11, 13, 17 – петроглифтер шоғыры; 8, 9, 15 – обалар тобы; 16 – жалғыз оба

Fig. 1. Location of complexes and monuments: 1 – Tausamaly; 2 – Kayrakkol I; 3 – Tausamaly; 4 – Kayrakkol II; 5 – Aksu I; 6 – Aksu II; 7 – Aksu III; 8 – Suyk I; 9 – Suyk II; 10 – Karasai I; 11 – Karasai II; 12 – Suyk III; 13 – Suyk plateau; 14 – Karakungey; 15 – Karakungey II; 16 – Karakungey III; 17 – Karakungey Mountains. 1, 2, 4, 12, 14 – burial grounds; 3 – settlement; 5–7, 10, 11, 13, 17 – cluster of petroglyphs; 8, 9, 15 – kurgan groups; 16 – a single kurgan

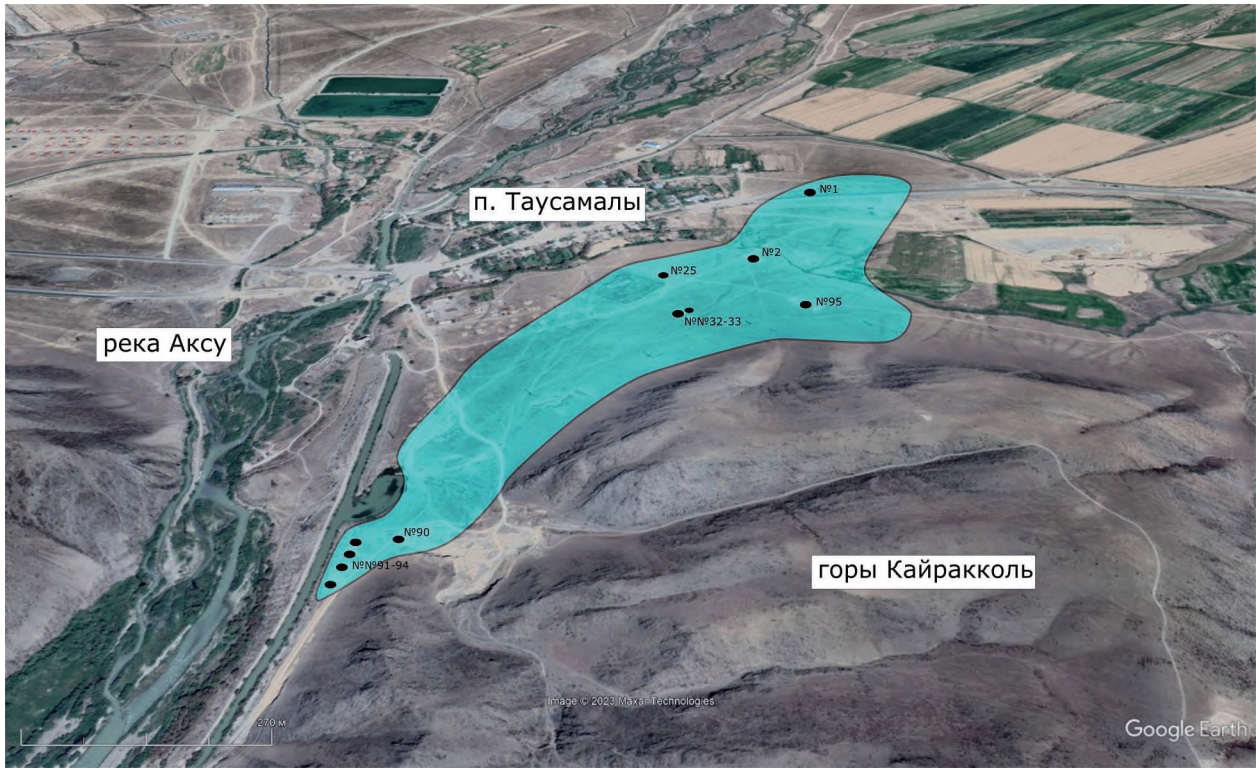
Рис. 1. Расположение комплексов и памятников: 1 – Таусамалы; 2 – Кайраккол I; 3 – Таусамалы; 4 – Кайраккол II; 5 – Аксу I; 6 – Аксу II; 7 – Аксу III; 8 – Суык I; 9 – Суык II; 10 – Карасай I; 11 – Карасай II; 12 – Суык III; 13 – плато Суык; 14 – Каракунгей; 15 – Каракунгей II; 16 – Каракунгей III; 17 – горы Каракунгей. 1, 2, 4, 12, 14 – могильники; 3 – поселение; 5–7, 10, 11, 13, 17 – скопление петроглифов; 8, 9, 15 – курганные группы; 16 – одиночный курган

қатарласа орналасқан. Қорымдағы шығыс топтың обалары солтүстік сілемді батыс-шығыс бағытымен созыла орналасқандығымен ерекшеленеді.

Қорымда жерлеу құрылыстарының негізгі үш типі анықталды: 1) орталық үйіндіні айнала шеңбер немесе төртбұрыш пішінде қоршаған тас сақиналары бар обалар; 2) ұсақ малта тастардан тығыз үйілген үйіндісі бар, қосымша бөлшек құрылысы жоқ обалар; 3) іргесінде тастардан қаланған шеңбері және орталық бөлігінде тас қаландысы бар обалар. Дөңгелек пішінді қоршаулары бар бірінші типтегі обалар қорымда ең көп таралған, ал шағын тізбектердегі әртүрлі типтегі обаларда белгілі бір жүйе байқалмайды.

Обалардың қосымша құрылыстарының құрылымдарын төрт түрге бөлуге болады: 1) қоршаулар-үйіндіден белгілі бір қашықтықта, екі қатар тастардан тізілген, шығыс және батыс бөлігінде тізбектің үзілген тұстары байқалады; 2) баған тастардың тізбегі; 3) құрбандық орындары: жұмыр тастардан шеңбер, сопақша немесе үшбұрыш пішінде жасалған; 4) кешенге кіреберісті білдіретін – екі, үш тас түрінде орнатылған белгілер, үйіндінің шығыс бөлігінде қоршау тізбекке кіреберісте орын алған (2-сур.).

2019–2022 жж. қорым аумағында 11 оба зерттелді. № 1 және 2 обаларда б.д.д. I мыңж. екінші жартысына тән Пазырық және басқада көршілес бірқатар археологиялық мәдениеттерде байқалатын жерлеу ғұрпымен ұқсастық белгілері анықталды [Ярыгин, Ильдеряков 2021: 23–39]. №32, 33, 95 обалары Жетісудың бірқатар ескерткіштермен және құлажорға мәдениетінің обаларына біршама жақын. Түрген ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 35 км жердегі, Қызылбұлақ шатқалында орналасқан Түрген II археологиялық кешеніндегі Қызылбұлақ IV қорымының № 2 обасын көшпелілердің қатардағы кісіге арнап жасаған жерлеу орны деп қарауға болады. Тас үйінділі обаның диаметрі 7 м, биіктігі 0,5 м. Екі қатар тізбек қоршаудың диаметрі 11 м,

2-сур. Таусамалы қорымы
Fig. 2. Tausamaly burial ground
Рис. 2. Могильник Таусамалы

үйіндіден 10 метр қашықтықты орналасқан. Тізбекті қоршаудың шығыс және батыс бөліктерінде үзік жерлері бар. Ағаштың сынық қалдықтарына жасалған радиокөміртектік талдау б.д.д. 408–200 жж. көрсетті [Горячев 2007: 3–14]. Шалкөде жайлауында, теңіз деңгейінен 2150–2300 м. биіктікте орналасқан Қатартөбе қорымын сол қоғамның элитасына арналған ескерткіштер қатарына жатқызуға болады [Оңғаруұлы және т.б. 2020: 61–63; 315–317]. Шығыс Қазақстандағы Семей қаласынан оңтүстік-батысқа қарай 40 км жерде, Семей тау етегінде орналасқан Қотырбұлақ обалар тобындағы жүргізілген зерттеулерден алынған материалдар мысал бола алады. Обалар тобы екі үйіндіден тұрады. № 1 оба пішіні тіктөртбұрышты, өлшемдері 11×14 м, биіктігі 0,8 м. Үйіндіні айнала қоршаған екі қатар тас тізбегі жасалған, оның батыс бөлігінде ашық тұсы бар. Ескерткіш б.д.д. III–I ғ. мерзімделген, алдыңғы ескерткіштерден кейін зерттелген [Айткали және т.б. 2016: 26–33]. № 90 және 94 обалардың құрылымдық ұқсастықтары бар ескерткіштер Тыва жеріндегі ерте темір дәуірінің обаларынан алынған материалдарда кездеседі [Итоговый отчет 2022]. Сонымен, Таусамалы қорымындағы зерттелген обалардың негізгі бөлігі б.д.д. I мыңж. екінші жартысымен мерзімделеді.

2. Қайраққөл I қорымы

Қайраққөл жотасының солтүстік баурайында, Таусамалы қорымынан оңтүстік-шығысқа қарай 500 м жерде, тау бөктерінен бастау алған кең сайдың екі жағында орналасқан. Қорым алаңқайының көлемі 200×200 м. Қорымда 50-ге жуық обалар бар. Оба үйінділері топырақтан үйілген, іргесінде тастардан қаланған шеңбер және жоғарғы бөлігінде тас қаланды бар. Үйінділердің орташа диаметрі 5 м, биіктігі 0,5 м. Қорым екі-үш обалардан құралған ықшам топтардан тұрады. Олар сайдың бойын жағалай солтүстіктен оңтүстікке қарай бағыттала орналасқан. Шамамен ерте темір дәуіріне тән ескерткіш. Таусамалы қорымының шығыс бөлігіндегі обалар тобында үйіндісінің типі және құрамы бір келкі обалар шоғырланған.

3. Таусамалы қонысы

Таусамалы ауылынан шығысқа қарай 1,7 км жерде, зираттың және Алматы-Өскемен тас жолының солтүстігінде орналасқан. Қоныстан оңтүстік-шығысқа қарай 200 м. жерде саз қазып алатын карьер бар. Қоныстың көлемі шамамен 200×500 м. Маусымдық сулар ағатын арналармен қоршалған орманды тегіс жоталарды алып жатыр. Қоныстың беткі қабатынан ретсіз жатқан әртүрлі қыш ыдыс сынықтары және дән үккіштердің

3-сур. Таусамалы қонысы
Fig. 3. The Tausamaly settlement
Рис. 3. Поселение Таусамалы

қалдықтары табылды. 2022 жылы қоныс аумағында 1×2 м көлемінде стратиграфиялық шурф қазылды. Мәдени қабатының тереңдігі 1 м жетті. Қазба нәтижесінде саз кірпіш қалдықтары, ұсақталған мал сүйектерінің қалдықтары және қыш ыдыс сынықтары табылды. Жотаның оңтүстік беткейіндегі мүйістің орталық бөлігінде көмір қалдықтары мен құрылыс орындарының нобайы байқалады. Қоныстың оңтүстік-батыс шетінде диаметрі 4 м, тереңдігі 1 метрге жететін ойық шұңқырлар бар. Алдын ала жасалған талдауларға қарағанда қыш ыдыстар б.д.д. I мыңж. екінші жартысымен мерзімделеді (3-сур.).

4.Қайрақкөл қорымы II

Таусамалы қонысының солтүстік-батыс шетінде орналасқан. Үйінділері топырақтан үйілген диаметрі 5 м, биіктігі 0,6 м. Батыс шығыс бағытымен созыла орналасқан. Төрт обадан тұрады. Ерте темір дәуірінен орта ғасырға дейінгі аралықпен мерзімделеді.

5. Ақсу I петроглифтер шоғыры

Суық үстіртіне баратын тау асуының кіре беріс сағасында, Таусамалы қорымынан шығысқа қарай 100 м жерде орналасқан. Петроглифтер жартастардың екі беткейін алып жатыр. Петроглифтер шоғырының бірінші тобы оңтүстік беткейде, алаңқайдың ұзындығы 100 метрге жуық. Шоғырдың орталық бөлігінде таңбалар және таңба тәрізді белгілері Таусамалы ғибадатханасы орналасқан. Оның аумағы 15×30 м. Таңба тәрізді бес белгі көлденең тұрған беткейде орналасқан, ол көлемді жалпақ тақта түрінде еңістің ортасында көлденең орналасқан. Бір белгі шоғырдың төменгі бөлігіндегі көлденең тұрған шағын беткейге салынған және тағы бір белгі жотаның етегіндегі тік беткейге салынған. Төрт таңба жартастың жоғарғы жиектеріне бедерленген. Көлденең жартас жазықтығында бейнеленген суреттер арасында екі таңба бедерленген. Оңтүстікке бағыттала тік орналасқан көлемді жартас бетіне және батысқа бағытталып тік орналасқан жартас бетіне бір-бірден таңбалар бедерленген. Солтүстік беткейде орналасқан петроглифтердің екінші тобының ұзындығы 250 м. Оның құрамында тау ешкі, арқар бейнелері, таңбалар мен геометриялық бейнелер бар екендігі анықталды. Петроглифтер қола дәуірінен бастап орта ғасырға дейінгі аралықпен мерзімделеді [Ярыгин 2020: 1034–1047].

6. Ақсу II петроглифтер шоғыры

Таусамалы қорымынан оңтүстікке қарай 0,5 км жерде орналасқан. Ландшафтық ерекшеліктерге үйлескен негізгі екі топқа бөлінген. Бейнелердің ең үлкен шоғыры тау етегіндегі бірінші топта орналасқан. Тау ешкілер, бұғылар, ит ерткен садақшылардың аңшылық құру көрінісі, жалғыз жарым адам бейнелері, мазмұнын түсіндіру мүмкін емес пішіндер сынды – жекелеген 30-ға жуық кескіндерден құралған ірі көлемді панно түрінде жасалған. Панно өзен жаққа, батысқа бағытталған тік жартасты алып жатыр. Одан солтүстікке қарайғы жартаста бұғының ірі етіп бейнеленген бейнесі анықталды. Сурет салынған жартас мұнда да батысқа бағытталған. Екінші топ жотаның жоғарғы бөлігінде орналасқан. Мұнда қола дәуірінің белгілерінен және ерте темір дәуірінің петроглифтерінен құралған көп бейнелі композиция бейнеленген. Орталық бөлігінде бұғыға мінген шабандоз бейнесі бар, ол өз кезегінде сақина түріндегі екі бейнемен қиюласып жатыр. Жанында ұзартылған трапеция түріндегі пішін бар. Оның іргесінде екі ит бейнеленген. Осы композиция ішінен әбзелдерімен бейнеленген екі ат жегілген күйме суреті анықталды. Қатар орналасқан жартас бетінен кеуде бөлігі үш бұрыш тәрізді бейнеленген көлемді бұғы бейнесі анықталды, оның екі мүйізі тік сызықша етіп бейнеленген және ұштары «шырша» түрінде тармақталған. Қатар жатқан енсіз жартастарда түсініксіз пішіндер, тау ешкілер және жылқы бейнелері анықталды. Осы бейнелердің солтүстігінде аңшылық көрініс бейнеленген. Композиция солтүстік-батысқа бағытталған шағын жартаста бедерленген. Суретте ирек сызықтар арқылы бейнеленген тау ешкілер, олардың оң жағына иттің бейнесі және төменгі бөлігінде садақ ұстаған адам бейнесі бедерленген. Садақшы бейнесі сызу және нүктелеп ұру әдісін қатар пайдаланып жасалған, ал қалған суреттің барлығы нүктелеп ұру мәнерінде бедерленген [Ярыгин 2020: 1034–1047].

7. Ақсу III петроглифтер шоғыры

Таусамалы қорымынан оңтүстікке қарай 1,5 м жерде, Ақсу өзенінің су қоймасына құяр жеріндегі иірімінен пайда болған мүйіс қалдықтары мен дөңгелектелген жартастарда орналасқан. Әртүрлі көптеген петроглифтердің, тау ешкілер мен архарлардың дәстүрлі бейнелері, антропоморфты кескіндер мен тостаған тәрізді ойық шұңқырлар арасынан идеограмматикалық белгілердің күрделі үйлесімімен жасалған үш сурет көзге түседі. Ең ірі бейне күрделі лабиринт тәрізді жасалған, ол қиюласқан сызықтардан құралған, циркульді белгілер, салт атты адам, жануарлар және түсініксіз

кескіндерден құралған. Мерзімі қола дәуірінен бастап орта ғасырға дейінгі аралықты қамтиды [Ярыгин, Ильдеряков 2022: 193–207].

8. Суық I обалар тобы

Жансүгіров ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 3,9 км жерде, Суық үстіртіне баратын асуда орналасқан. Ескерткіш тас үйіндіден тұратын екі обадан құралған, олар бір-бірінен 12 метр қашықтықта солтүстік-оңтүстік бағытымен орналасқан. Бірінші обаның диаметрі 5 м, биіктігі 0,3 м. Екінші обаның диаметрі 4 м, биіктігі 0,2 м. Екі үйіндінің де жоғарғы бөлігінде ықтасын үшін кейінгі уақытта қаланған тастар бар. Шамамен ерте темір дәуірінен бастап орта ғасырларға дейінгі уақытпен мерзімделеді.

9. Суық II обалар тобы.

Жансүгіров ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 4,3 км жерде орналасқан. Дала жол екіге бөліп жатыр. Үйінді тастардан үйілген, пішіні дөңгелек және қимасы жайпақ. Диаметрі 8 м, биіктігі 0,4 м. Шығысындағы үйіндінің жоғарғы бөлігінде этнографиялық кезеңнің жерелеу орны «оба» бар. Мерзімі ерте темір дәуірінен орта ғасырлар аралығы.

10. Қарасай I петроглифтер шоғыры

Таусамалы ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 2,7 км жерде, Қарасай шатқалының сағасынан оңтүстікке қарай 1,6 км жерде орналасқан. Петроглифтер шығыс тармақтағы шатқалдың солтүстік жоталардың оңтүстік беткейлерін алып жатыр. Алаңқайдың ұзындығы шамамен 120 м. Мұнда тау ешкілер, аңшылық көріністер мен аңшылық белгілері, аттылы адамдар мен эскиз түріндегі арбалардың бейнелері кездеседі. Ерте темір дәуірінен бастап орта ғасырға дейінгі аралықпен мерзімделеді.

11. Қарасай II петроглифтер шоғыры

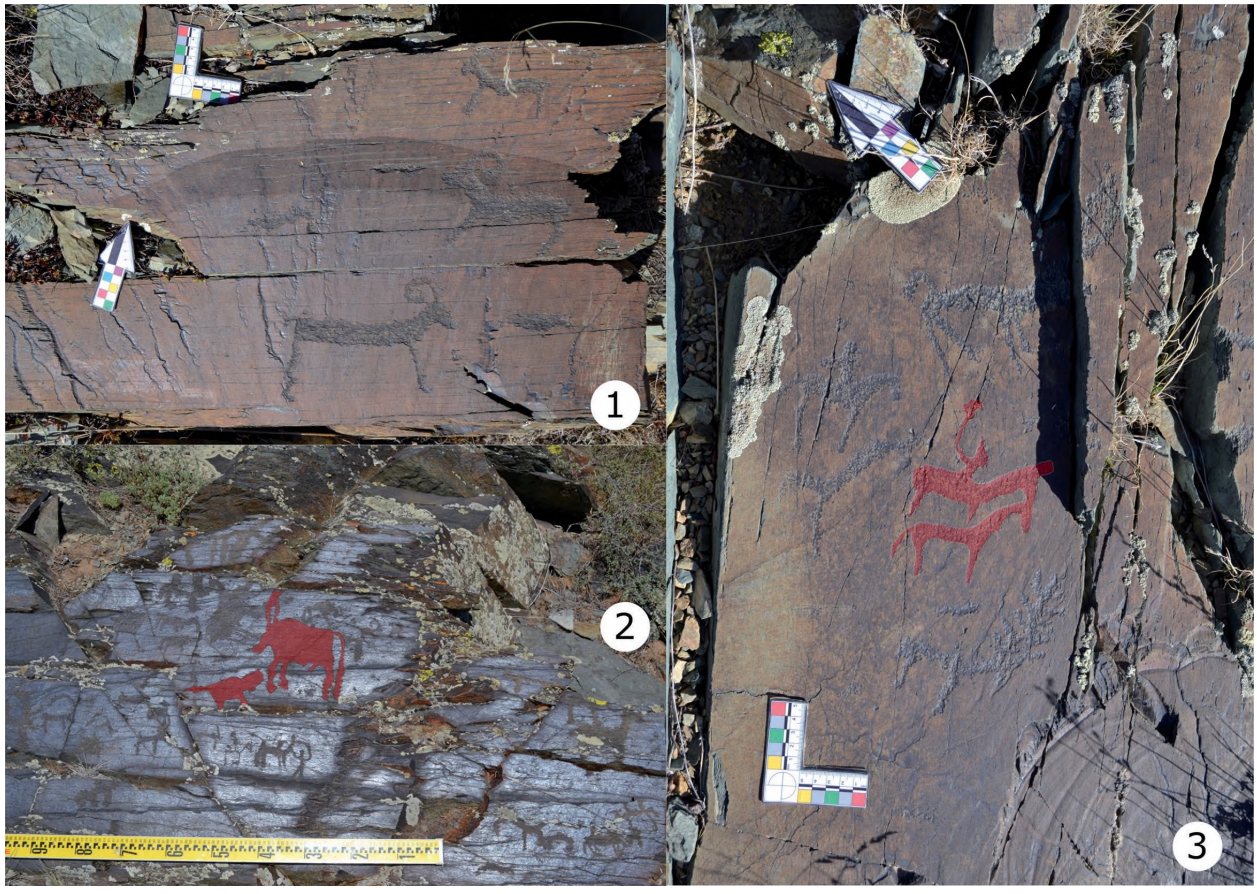
Таусамалы ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 2,4 км, Қарасай I шоғырынан оңтүстік-батысқа қарай 280 метр жерде шатқалдың сулы шалғынды тұсында орналасқан. Ескерткіш орталық бөлігінде қолдарын созып тұрған антропоморфты тұлғаның бейнесі бар, аяғы ауыр әйелдер бейнеленген және жануарлардың сызбалық кескіндері түріндегі шағын бейнелер тобынан құралған. Көріністе тұтастай алғанда ежелгі тұрғындардың дүниетанымы мифологиялық сипатта бейнеленген. Шамамен қола дәуіріне ерте темір дәуіріне дейінгі аралықпен мерзімделеді.

12. Суық III қорымы

Ескерткіш Суық үстіртіндегі жазық алқапта, Жансүгіров ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 6,1 км жерде орналасқан. Қорымның солтүстік бөлігінен дала жолы өтіп жатыр. Қорым Қарасай шатқалының шыға берісіне қарама-қарсы орналасқан, шатқалдың

4-сур. Суық III қорымы
Fig. 4. Suyk III burial ground
Рис. 4. Могильник Суык III

5-сур. Суық үстіртіндегі петроглифтер: 1 – арқар бейнелері; 2 – ортасында жыртқыш мысықтың өгізге шабуыл жасағаны бейнеленген көп фигуралы композиция; 3 – аттылар мен маралдардың бейнелері

Fig. 5. Petroglyphs of the Suyk plateau: 1 – images of argali; 2 – a multi-figure composition depicting a scene of an attack by a feline predator on a bull in the central part; 3 – images of horsemen and marals

Рис. 5. Петроглифы плато Суык: 1 – изображения архаров; 2 – многофигурная композиция с изображением сцены нападения кошачьего хищника на быка в центральной части; 3 – изображения всадников и маралов

шыға берісінде 50-ден астам обалар және құрылымдық ерекшеліктері бар жерлеу ескерткіштері шоғырланған. Қорымдар арасындағы ара-қашықтық 4 шақырым. Суық үстіртіндегі қорымның айналасы жергілікті жер бедерінің ерекшеліктеріне сай Қайрақкөл тауларының жоталарымен үш шеті қоршалған, ал батыс бөлігі жайпақ еңісті жазықпен шектесіп жатыр. Қорым алып жатқан алқап көлемі 228×348 м. Қорымда 12 оба белгіленді. Обалардың үйіндісі тасты-топырақтан үйілген, дөңгелек пішінді қимасы созылыңқы. Обалардың үйіндісі 7–30, биіктігі 1,5 м. Обалардың негізгі бөлігінің өзіндік архитектуралық ерекшелігі байқалады. Орталық бөлігі тегіс алаңқай айнала үйінді жалмен қоршалған. Орталық алаңқайда жиегіне тастар бекітілген, жоғарғы бөлігінде тас қаландылары бар тағы бір үйінді орналасқан. Обалардан батысқа және шығысқа қарай сопақша, дөңгелек және үшбұрыш пішінді тас қаландылар орналасқан. Обалар ретсіз орналасқан екі тізбекке біріккен. Обалар тобының батысында этногрфиялық кезеңнің зираттары орналасқан (4-сур.).

13. Суық үстіртіндегі петроглифтер шоғыры

Үстірттің оңтүстік шетіндегі жартастардың беттерін толықтай дерлік топтасып шоғырланған және шашыраңқы орналасқан петроглифтер алып жатыр. Көптеп салынған бейнелердің арасынан аңшылардың, садақшалардың бейнесін, тұрмыстық бейнелерді және аңшылық көріністерін кездестіруге болады. Жануарлардың бірнеше түрі: тау ешкілер, ар-

харлар, бұғылар, бұқалар, жылқылар, түйелер және мысық тұқымдас жыртқыштар, құстар, кесірткелер және айдаһар бейнесі бедерленген. Сонымен қатар, таңбалар және таңба тәрізді белгілер, күн таңбасы, белгі түріндегі бейнелер кездеседі. Петроглифтер мерзімі қола дәуірінен бастап этнографиялық кезеңге дейінгі мерзімді қамтиды және әркелкі мәнерде бедерленген (5-сур.) [Ярыгин, Ильдеряков 2022: 193–207].

14. Қаракүнгей қорымы

Ескерткіш Жансүгіров ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,4 км және Таусамалы ауылынан оңтүстік-батысқа қарай 580 м, Ақсу өзенінің сол жағалауында, Қаракүнгей жотасынан солтүстікке қарай 60 метр жерде орналасқан. Қорым ескерткіштері қатты бұзылған, диаметрі 7 метрге дейін, биіктігі 0,3 метр болатын тастан-топырақтан үйілген бес оба тіркелді. Шамамен мерзімі ерте темір дәуірі.

15. Қаракүнгей II обалар тобы

Ескерткіш Жансүгіров ауылынан оңтүстікке қарай 2,2 км және Гасфорт асуына баратын жолдан шығысқа қарай 203 км жерде, Қаракүнгей жотасының батыс сілемінің тегіс беткейінде орналасқан. Обалар тобы солтүстік-шығыс – оңтүстік-батыс бағытта созылып жатыр. Үйінділер арасындағы қашықтық 10 м. Диаметр 11–12 м, биіктігі 1 м. Үйінділер арасынан жайлаудағы құрылыс орындарының қалдықтарына баратын дала жолы өтіп жатыр, еңістен 600 м. төмен жерде. Мерзімі ерте темір дәуірінен орта ғасырларға дейінгі аралықты қамтиды.

16. Қаракүнгей III жалғыз обасы

Ескерткіш Жансүгіров ауылынан оңтүстікке қарай 2,8 км жерде орналасқан. Оба тастан үйілген, пішіні дөңгелек, қимасы жарты шар тәрізді. Диаметрі 6 м, биіктігі 1,1 м. Қаракүнгей жотасының Ақсу өзені ағысына қарай еңіс болып жатқан шығыс баурайында орналасқан. Ерте темір дәуірінен бастап орта ғасырларға дейінгі аралықпен мерзімделеді.

17. Қаракүнгей тауының шығыс шетіндегі петроглифтер шоғыры

Ескерткіш Жансүгіров ауылынан оңтүстікке қарай 3 км жерде орналасқан. Ескерткіш жеке, топтасқан және композициялар түрінде бедерленген бейнелерден құралған. Петроглифтердің барлығы жартастардың оңтүстік секторға қарай бағытталып тұрған тегіс беткейлерінде орналасқан. Жартас бетіне адамдар бейнесі, жануарлар: тау ешкі, мысық тұқымдас жыртқыштар, бұғы, қоян, кесіртке, бұқа, түйе, ит және жылқы бейнелері бедерленген. Аңшылық бейнесі, үй тұрмысы, көшіп-қону барысы және сауда керуені бейнеленген. Барлығы бейнелер тобының негізгі алты шоғыры анықталды. Бейнелердің негізгі бөлігі тұтастай дөрекі түрде ұрып бедерлеу мәнерінде жасалған. Бейнелер жалпы алғанда қола дәуірінен бастап орта ғасырларға дейінгі аралықтағы кезеңдермен мерзімделеді.

«Археологиялық экспедиция» ЖШС және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Таусамалы археологиялық отрядының жүргізген далалық жұмыстары нәтижесінде қарастырылған аймақтан шамамен 17 археологиялық ескерткіш: бес қорым, үш обалар тобы, жалғыз оба, бір қоныс орны, Ақсу өзені жағасындағы петроглифтердің үш шоғыры, Қарасай шатқалынан петроглифтердің екі шоғыры, Қайрақкөл және Қаракүнгей тауларындағы петроглифтердің бірнеше шоғыры мен топтарын қоса есептегенде екі орын анықталды. Ескерткіштер мерзімі қола дәуірінен бастап этнографиялық кезеңге дейінгі аралықты қамтиды, дегенмен олардың басым бөлігі – ерте темір дәуіріне тән және сабақтасып жатқан тарихи-мәдени жүйені құрайтындығы анық.

ӘДЕБИЕТ

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Бесетаев Б.Б. Курганы второй половины I тыс. до н.э. горного массива Семейтау // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога Бекена Нурмуханбетова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 26–33.

Горячев А.А. Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях ущелья Тургень // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 3–14.

Итоговый научный отчет за 2022 г. о выполненных научно-исследовательских работах по проекту: «Исследование памятников пазырыкской культуры в Алматинской области». Т. I. Основная часть. Алматы: ТОО Археологическая экспедиция, 2022. 94 с.

Онгарулы А., Пен Енхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Енхен, Нускабай А., Кызырханов М. Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан; Тэджон, 2020. 464 с.

Шульга П.И. Раскопки могильника Тавдушка на Катуни // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2016. С. 253–272.

Ярыгин С.А. Новые тамги и знаки в отрогах хребта Кайракколь // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (3). С. 1034–1047.

Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Погребение «пазырыкского типа» на могильнике Таусамалы // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26. № 2. С. 23–39. DOI: 10.14258/nreur(2021)2-02

Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Петроглифы «восточного» облика в горах Кайракколь и долине реки Аксу // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 1. С. 193–207. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2022.1.10

REFERENCES

Aitkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Besetaev, B. B. 2016. In: *Saki i savromaty Kazakhskikh stepey: kontakt kultur (Saks and Sarmatians of the Kazakh Steppes: cultural contacts)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 26–33 (in Russian).

Goryachev, A. A. 2007. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obsch. nauk (News of National Academy of Sciences RK. Series of Social Sciences)*, 1, 3–14 (in Russian).

Itogovyi nauchnyi otchet za 2022 g. O vypolnennykh nauchno-issledovatelskikh rabotakh po proektu: "Issledovanie pamyatnikov pazyrykskoy kultury v Almatinskoy oblasti". T. I. Osnovnaya chast (Final Scientific Report for 2022 on Completed Research under the Project: "Study of monuments of the Pazyryk culture in Almaty Region". Vol. I. Main Part.). 2022. Almaty: LLC "Archaeological Expedition" (in Russian).

Onggaruly, A., Pen Enkvan, Nam Sanwon, Kairmagambetov, A., Kim, Enkhen, Nuskabay, A., Kyzyrkhanov, M. 2020. *Katartobe. Nekropol sacksloy elity Zhetysu (Katartobe. Necropolis of the Saka Elite in Jetysu)*. Nur-Sultan; Taejon (in Russian).

Shulga, P. I. 2016. In: Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Altai v krugu evraziyskikh drevnostey (Altai among the Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 253–272 (in Russian).

Yarygin, S. A. 2020. In: *Ulken Altai Alemi (World of Great Altay)*, 6 (3), 1034–1047 (in Russian).

Yarygin, S. A., Ilderyakov, N. N. 2021. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia),* 26 (2), 23–39 (in Russian).

Yarygin, S. A., Ilderyakov, N. N. 2022. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*, 21 (1), 193–207 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 28.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.245.252

Айдос Ербулатович Чотбаев[1]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; archtopmail@mail.ru

Комплекс вооружения населения Восточного Казахстана в раннем железном веке*

В статье рассмотрены предметы вооружения населения Восточного Казахстана первой половины раннего железного века, где приводятся уже опубликованные материалы из исследованных погребальных памятников, начиная с середины прошлого столетия. Предметы вооружения рассматриваются в контексте места расположения в погребении для представления о способах ношения. Оружие рассматривается отдельными категориями с целью усановления комплекса вооружения раннесакского воина, а так же определения способов их ношения и функционала.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, саки, курганы, оружие, экипировка, воин

Айдос Ерболатұлы Чотбаев[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Шығыс Қазақстан ерте темір дәуірі тұрғындарының қару кешені

Мақалада ерте темір дәуірінің алғашқы жартысына тән Шығыс Қазақстан жерінен табылған қару түрлері баяндалады, бұл қарулар ғылыми айналымға енген. Сонымен қатар, қару түрлерінің қабірдегі орналасу тәртібі де ескерілді, себебі бұл мәліметтер жауынгердің қару-жарақ асыну тәртібін қалпына келтіруге көмегін тигізеді. Қару түрлері жеке категория ретінде қарастырылып, нәтижесінде жауынгердің қару кешенін, оны асыну тәртібін түсіну мүмкін болды.

Түйін сөздер: археология, ерте темір дәуірі, сақтар, обалар, қару, сауыт-сайман, жауынгер

Aidos Chotbaev[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Armament complex of the population of East Kazakhstan in the early Iron Age

The article deals with the weapons of the population of East Kazakhstan in the first half of the Early Iron Age, which provides already published materials from the investigated burial sites since the middle of the last century. Weapons are considered in the context of the location in the burial, to understand the ways of wearing. Weapons are considered in separate categories in order to establish the complex of weapons of the early Saka warrior, as well as to determine the ways of wearing them and their functionality.

Keywords: archaeology, early Iron Age, Sakas, mounds, weapons, equipment, warrior

© 2023 г. Чотбаев А.Е.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR20280993*

Территория Восточного Казахстана с древних времен является центром, где происходили важнейшие для своего времени исторические процессы, которые ознаменованы сложением протогосударств, зачатки их сложились еще в эпоху бронзы. В период раннего железного века определены стандарты государственности, социальной стратификации общества. В свете которых проявляются определенные предметы, по ним становится возможным идентифицировать члена общества, его занимаемое место. Среди таких предметов особое место занимают предметы вооружения и экипировки, функционал которых расширяется. Предметы вооружения теперь становятся маркерами, указывающими на социальный статус членов древнего общества.

В современной археологической науке для полноценного представления картины о древнем обществе становится необходимым проведение исследования военного дела, в результате чего мы получим новые знания. Для разработки данной тематики необхоимо, в первую очередь, определить комплекс оружия, экипировки широко бытовавшие в определенных хронологических рамках.

Целью предлагаемой работы является анализ предметов вооружения раннесакского времени Восточного Казахстана для дальнейшего определения комплекса вооружения.

Как показали археологические материалы, в начальный период раннего железного века комплект снаряжения воина состоял из необходимых и удобных для использования предметов – шлема, защитного доспеха с различными портупейными ремнями для подвешивания оружия, колчана, ножен и других воинских приспособлений.

Ниже приведем предметы вооружения отдельными категориями.

Кинжал – оружие колющего и режущего действия, известно с неолитического времени, среди них можно отметить костяное орудие с кремневыми вставками на обоюдоострые клинки, происходящее из поселения близ деревни Усть-Нарым в Восточно-Казахстанской области [Черников 1955: 5, рис. 37]. Судя по форме, данное орудие можно охарактеризовать как оружие ближнего боя, эта форма повторяется на кинжалах эпохи бронзы.

Одним из ранних и информативных кинжалов является экземпляр, обнаруженный на территории Восточного Казахстана. Навершие кинжала изготовлено в виде фигуры лошади в сейминско-турбинском стиле [Самашев и др. 2008: 55].

Кинжал с навершием в виде головы лошади изображен на наскальном рисунке урочища Мойнак Восточного Казахстана, который в свое время детально проанализировал З. Самашев [Самашев 1992: 50, рис. 56, 1].

У другого кинжала навершие изготовлено в виде фигурки горного барана [Самашев и др. 2008: 57].

В кургане 2 на р. Дженома (близ оз. Маркакол) найден бронзовый кинжал в комплексе с бронзовой лопаткой. На рукояти кинжала из села Баты имеется щель с перемычками. По форме перекрестья и навершия аналогичны подобным кинжалам карасукцев.

На основе предметов вооружения, найденных в памятниках Казахстана, Ф.Х. Арсланова выявила разнообразие формы оружия поздней бронзы, наметила основные этапы эволюции андроновских ножей-кинжалов, поздняя модификация которых могла послужить основой появления кинжалов с шипастым перекрестьем [Арсланова 1980: 95]. Одним из ранних и информативных кинжалов является экземпляр, обнаруженный на территории Восточного Казахстана. Навершие кинжала изготовлено в виде фигуры лошади в сейминско-турбинском стиле [Самашев и др. 2008: 55].

Кинжал, похожий на вышеуказанные, найден в окрестностях с. Палацы Восточно-Казахстанской области. Острие клинка сломано еще в древности, перекрестье прямое, крышевидное навершие невыразительное. Еще один кинжал ранней формы случайно найден в окрестностях г. Семей, острие также сломано в древности. Навершие куполовидное, перекрестье брусковидное. Рукоять как бы переходит в клинок одной линией. Длина сохранившейся части кинжала 22,5 см, рукояти с навершием – 8 см, клинка – 13 см. Ширина клинка 4 см. Перекрестье кинжала схоже с перекрестьями образцов, относящихся к тагарской культуре Южной Сибири.

Территория Восточного Казахстана представлена несколькими экземплярами оружия раннесакского времени. Основная масса данного вида оружия из коллекции случайных находок. Среди них можно остановиться на нескольких из них. Яркий представитель подобного типа оружия хранится в краеведческом музее г. Семей. Кинжал с выраженным бабочковидным перекрестьем и прямым навершием. На рукояти под навершием и ближе к гарде имеются фигурные изображения, пространство

между ними заполнено прямыми насечками или канавками. Клинок обоюдоострый, сечение ромбовидной формы. Кинжал с почковидным перекрестьем и крышевидным навершием случайно найден у с. Вавилоновка. Под навершием имеется небольшой уступ, рукоять узкая, клинок обоюдоострый, по его середине фиксируются следы канавки. Похожий кинжал случайно найден на территории Абайского района. Клинок обоюдоострый с канавкой по середине, перекрестье бабочковидное, рукоять отсутствует, вероятно был сломан еще в древности. Еще один случайно найденный кинжал по морфологическим признакам похож на вышеуказанные, но имеются некоторые отличия в оформлении рукояти. Навершие брусковидное, под ним фиксируется уступ, где глубоким штампом нанесены две треугольные фигуры.

В последние годы база данных по кинжалам дополнилась новыми предметами. Два из них происходят из памятников, расположенных на территории Катонкарагайского района, один из могильника Елеке сазы Тарбагатайского района, ныне Абайской области.

Первый кинжал зафиксирован в погребении кургана № 2, некрополя Топкайын. Около тазовой кости погребенного обнаружен бронзовый кинжал. Кинжал обоюдоострый с прямым перекрестием с округленными торцами, навершие прямое, закругленное. Длина кинжала 19,5 см, длина рукояти с навершием 9 см, длина клинка 9,5 см, перекрестье 1 см. Ширина рукояти 1,5 см, ширина клинка у основания 2 см. Общая длина 21,5 см, из них лезвие – 10,5 см, рукоять – 11 см. Под кинжалом сохранились остатки ножен, основание которых сделано из дерева и обернуто кожей. На ножнах фиксируется фрагмент кожаного ремешка.

Второй кинжал происходит из кургана № 1 могильника Шу. Кинжал бронзовый с прямым брусковидным навершием и с небольшим выступающим перекрестием, клинок обоюдоострый, рукоятка прямая, плоская в сечении. Длина кинжала 17 см, длина клинка 10 см, ширина клинка 2 см, длина рукояти с перекрестьем 7 см, ширина перекрестья 3 см, ширина навершия 3,5 см.

Таким образом, ранние формы кинжалов Казахстана по форме схожи с карасукскими, но данный тезис характерен, как мы уже говорили, для северной и восточной частей Казахстана. Такая схожесть, наверное, объясняется культурным влиянием карасукцев, но нужно отметить, что данные кинжалы местного производства и типологически являются продолжением традиции эпохи бронзы. Такое мнение высказывал в свое время А.И. Тереножкин, высказывая гипотезу о происхождении кинжалов в Азии с карасукского времени [Тереножкин 1975: 30, табл. 21, 22].

С начала VII в. до н.э. кинжалы, типичные для эпохи поздней бронзы, начинают постепенно уступать место раннесакским. Такие кинжалы представлены в различных формах на всем пространстве Казахстана, они происходят из датированных погребальных комплексов, а также имеются случайные находки.

Изображения видов оружия на петроглифах редки, они часто нечеткие, и определить их форму крайне затруднительно. Среди таких изображений можно остановиться на зевакинском [Самашев 1992: 136, рис. 164], где четко прослеживаются антропоморфные черты, имитация пояса в виде выступающих за черту туловища человека тонких линий, куда прикреплены кинжал и лук с горитом. По расположению данных рисунков оружия (кинжал спереди, лук с горитом сзади) относительно изображения человека они были подвешены с противоположных сторон. Данная картинка, наверное, исполнена в технике разворота и сделана для наглядности. На изображении кинжала четко прослеживаются формы перекрестья и навершия, а также обоюдоострый клинок. Бабочковидное перекрестье и навершие в виде прямого бруска по хронологической шкале относятся к началу раннего железного века.

Судя по имеющимся на сегодняшний день кинжалам, можно утверждать о типичной для VIII–V вв. до н.э. форме этого вида оружия, представленного крышевидным навершием и бабочковидным или почковидным перекрестьем. Форма навершия остается неизмененной с эпохи бронзы, а перекрестье и клинок уже адаптированы к новым требованиям.

Многие кинжалы, особенно случайные находки, фиксируются с отломанными остриями клинка. Возможно, это следы каких-либо ритуальных действий, совершенных в те времена.

Чекан – оружие ударно-колющего действия, состоящее из двух частей: собственно чекана – поражающей части и древка или рукояти – несущей.

На данный момент нам известно около 5 чеканов, которые происходят из памятников Восточного Казахстана.

Н.Л. Членова предполагает, что чеканы, как и кинжалы, были на вооружении пеших воинов. А так же исследователь утверждает, что в погребениях, где присутствуют кинжалы и чеканы, отсутствуют наконечники стрел [Членова 1967: 39]. Данное утверждение сделано для памятников, откуда происходили предметы вооружения, привлеченные автором. Для памятников Восточного Казахстана данная гепотиза не применима, так как здесь фиксируется оружие ближнего и дистанционного боя в комплексе одного погребения. На изображении воина среди петроглифах Сагыр так же можно увидеть комплекс оружия пешего воина.

Чекан широко использовался племенами, населявшими Сибирские просторы и наверно был основным видом оружия ближнего боя. Из погребальных памятников раннего железного века Казахстана чеканы встречаются редко, в основном они случайного характера.

Чеканы с двухсторонними остриями широко встречаются из некрополей Катон-Карагайского района [Сорокин 1966: 51, рис. 11].

Случайная находка, втульчатый. У чекана усеченно-коническая короткая, широкая втулка, боек округлый в сечении, острие – четырехгранное. Обушок широкий, округлый в сечении. В углу между бойком и втулкой помещено изображение головы орлиного грифона. Втулка в средней части украшена с обеих сторон профильным изображением хищника. Конец обушка оформлен в виде скульптуры головы кошачьего хищника. Сохранность хорошая, покрыта патиной, за исключением рабочей поверхности обушка, где сохранились вмятины от ударов, и отсутствует патина. Патина отсутствует и на острие бойка [Самашев и др. 2008: 62].

Еще один чекан происходит из курган № 2 могильника Топкайын, расположенного на территории Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области. Бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти находился между погребениями человека и лошади, боевой частью направлен вниз. Длина чекана 12 см, на втулке сохранился фрагмент деревянного черенка. Втулка в сечении овальной формы, диаметр 2 см. Боевая часть плоская или килевидная, ширина 1,5 см, длина 5 см, с заостренным в одну сторону концом. Обух так же плоский, но уже с закругленным концом. Длина 4 см, ширина 1,5 см. Диаметр сохранившейся части рукояти 1,5 см.

Следующий чекан зафиксировали в результате исследования кургана № 1 могильника Шу, расположенного недалеко от поселка Аккайнар (Черновая) Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области. Чекан так же бронзовый с округлой втулкой для рукояти, стержни боевой части и обуха в сечении округлые, боевая часть заострена, конец обуха закругленный. Длина 13 см, длина боевой части 6 см, длина обуха 5 см, диаметр втулки 2,3 см, диаметр внутренней части втулки 1,2 см. Толщина боевой части в сечении 0,8 см, толщина обуха 0,9 см.

Судя по расположению кинжала, чекана и колчанного крюка, они были подвешены к кожаному поясу, который не сохранился.

Небольшое количество чеканов затрудняет классификацию, тем не менее известные чеканы разной формы, втулки выступают лишь на двух из них, формы бойков разные.

Способы ношения чекана можно реконструировать по находкам из памятников Алтая, соспостовляя их с изображениями на петроглифах и каменных стелах. В кургане 2 некрополя Ак-Алаха 1 найден чекан хорошей сохранности с петельками для подвешивания на пояс [Полосьмак 1994: 65, рис. 79]. Чекан подвешивался на пояс древком вниз.

Сфера использования чекана не ограничена боевым, некоторые исследователи предполагают примененние в ритуальных действиях. Об этом свидетельствуют некоторые чеканы, оформленные в зверинном стиле, петроглифы и округлые отверстия, от удара чеканом, сохранившиеся в лобной части черепов погребеных.

Лук, как нам известно из древних письменных источников, является основным оружием воинов изучаемой эпохи. В раннем железном веке, судя по наконечникам стрел и графическим рисункам, бытовали простые «М»-образные луки.

Лук использовался, естественно, в охоте и в различных состязаниях. Для дистанционного боя использовались лук и наконечники стрел с втульчатым и черешковым насадом.

Сам лук в погребальных комплексах в целостном виде еще не обнаружен, но на оленных камнях и статуях, а также на металлических миниатюрных фигурках всадников сохранились его изображения. Во всех изображениях лук положен в налучье и подвешен к поясу с левой стороны. Можно предположить, что VIII–VII веках до н.э. воины-лучники пользовались, преимущественно, простым луком.

Реконструкцию лука можно сделать на основе иконографических материалов, которые нам известны по всему ареалу Евразии. На наскальных рисунках, оленных камнях имеются хорошие изображения лучников и самих луков. Так же имеются миниатюрные украшения в форме лука. Естественно, для представления о луке, бытовавшем в раннем периоде железного века, необходимо провести комплексное изучение всех имеющихся материалов с привлечением этнографических данных. Здесь нужно особое внимание обратить на наконечники стрел, их форму, размеры, вес и длину древка. Сопоставляя эти материалы, мы сможем представить форму лука, способы его ношения, методы стрельбы из него и картину вооруженного лучника в целом. Ниже остановимся на ярких материалах, с помощью которых можно представить форму лука.

На курильнице, случайно найденной в Алматы, имеются две фигуры конных лучников. Форма лука М-образная, с левой стороны прикреплен, горит или колчан. Пластина с фигурой конного всадника есть и среди находок из некрополя Тенлик.

На ковре Пазырыкского времени из Горного Алтая так же фиксируется изображение всадника, у которого вложенный в горит лук подвешен на пояс с левой стороны [Руденко 1953]. Форма лука схожа с алматинским. Среди коллекции Петра 1 есть всадник с луком, лук у него направлен вниз. Фигура М-образного лука найдена в некрополе Благословенск, она является деталью кожаного колчана [Мошкова 1962: 31]. Аналогичная фигура имеется и среди материалов ананьинской культуры [Вишневская 1973: 22, табл. 12]. На одном из наконечников так же имеется рисунок М–образного лука [Мошкова 1962: 23, рис. 21].

Рисунки луков часто встречаются на наскальных изображениях и на оленных камнях [Адрианов 1916: 72–79; Арсланова 1972: 449; Кубарев 1979а: 69].

На петроглифах фиксируются простые и М–образные луки, по мнению некоторых исследователей, здесь изображены сложные луки скифского времени [Черненко 81: 7–21; Хазанов 1971: 28–35; Литвинский 1972: 83–89].

На петроглифах Восточного Казахстана фиксируется несколько изображений лука, среди них интересный сюжет на рисунках урочища Сагыр 2 [Самашев 1992: 29, рис. 26]. Здесь изображены два воина с чеканами на руках, с левой стороны на поясе подвешены горит с вложенным луком. Из горита торчит верхняя часть лука, изогнутая в плечах. В масштабе лук приходится на половину роста человека. Известны многочисленные сюжеты охоты, но здесь в основном изображены простые луки. Вероятно, в данное время бытовали два вида луков, простые и М-образные. Сфера предназначения простых луков ограничивалась охотой, но не исключено и использование их и в межплеменных стычках. Так же можно предположить, что дороговизна и сложность в изготовлении М-образных луков коснулось и вооружения. Сложными луками вооружались особые части армии, простыми пользовались остальные члены войска.

Стрелы – оружие, предназначенное для поражения врага на определенном расстоянии.

На территории Восточного Казахстана известны наконечники стрел, изготовленные из дерева, кости или рога, бронзы и железа. По форме насада имеются две группы – втульчатые и черешковые.

По форме сечения двухлопастные, трехлопастные, трехгранные, четырехгранные, пулевидные, внутри по виду оперения делятся на типы.

Колчаны воинов раннесакской эпохи представлены традиционным для Казахстана набором бронзовых втульчатых и черешковых наконечников стрел. Многообразие форм и типов, характерных для этого времени, свидетельствует о высоком уровне военного дела. У модифицированных втульчатых двухлопастных наконечников утяжеляются головки, появляются шипы на втулке. Возможно, четырехгранные стрелы являются экспериментальными, так как статистические данные показывают небольшую долю таковых в колчанах раннего периода эпохи номадизма.

Колчаны встречаются не во всех погребениях, а также фиксируются фрагментарно. Наконечники, как правило, положены остриями вниз для мобильного извлечения стрелы. Удобное расположение наконечников в колчане способствует воину-всаднику мобильно произвести выстрел, так как быстрота и ловкость определяет исход боя.

В последующие времена появляются разнообразные формы наконечников стрел, что характерно и для остальных регионов Казахстана. На рубеже VII–VI вв. до н.э. здесь были распространены среди втульчатых – двухлопастные и ромбовидные, ромбического сечения наконечники, а среди черешковых – трехлопастные. Также фиксируются нако-

нечники со скрытой втулкой. На втулках некоторых наконечников имеются шипы, что характерно для наконечников поздней бронзы. На раннесакских наконечниках шипы исчезают, но появляются имитации в виде лопастей, заканчивающихся жальцами.

Отметим, что такие формы стрел повсеместно встречаются как и в погребальных, так и в поселенческих комплексах раннего периода эпохи ранних кочевников Восточного Казахстана.

На рассматриваемой территории в начальный период раннего железного века бытовали разные типы наконечников стрел: двухлопастные ромбовидные, с удлиненно-конической втулкой, на втулках некоторых из них имеются крючки. Наиболее яркие наконечники стрел данного периода происходят из памятников Юпитер, Славянка, Майемер, Шиликты [Черников 1955: 5–6; Самашев и др., 1998: 155–160]. Среди наконечников этого периода имеются шесть экземпляров, которые отличаются от остальных форм. Пять из них втульчатые, с двумя широкими лопастями. Один наконечник стрелы с втулкой, доходящей до середины головки и чуть выступающей за ней. Сечение боевой части плоское. Три наконечника ассиметрично-ромбические, на втулке одного имеется крючок, втулка второго не выступает за боевую часть, сечение ромбовидное. Боевая часть третьего наконечника сводчатая, втулка проходит по всей головке. Пятый листовидной формы и с со сводчатой головкой. Шестой наконечник черешковый, одна лопасть переходит в небольшой щип, другая сливается с черешком. Первый и пятый наконечники стрел среди вышеперечисленных относятся к VIII–VI вв. до н.э., а остальные типичны для VII–VI вв. до н.э. Различны по форме и наконечники стрел, найденные в погребениях, расположенных возле селения Чистый Яр Самарского района, здесь зафиксированы четыре бронзовых двухлопастных втульчатых и один костяной черешковый наконечники стрел, бронзовые наконечники ассиметрично-ромбические. Втулки двух наконечников не выступают за головку, втулки остальных стрел выступающие.

Близкие по форме стрелы найдены на Майемере и Шиликты в Восточном Казахстане и в ряде памятников центральной части Сарыарки.

По мнению К.Ф. Смирнова, наконечники стрел данного типа бытовали в VII–VII вв. до н.э. [Смирнов 1989: 42]. Ромбовидные наконечники с овальной чертой имели выступающую втулку, но использовались в одно время с остальными [Смирнов 1989: 42].

Типологически наконечники лавролистной формы эпохи бронзы постепенно видоизменяются, обретая резкие очертания с выраженными углами и практически превращаются в ромбовидные. По имеющимся данным, такие наконечники стрел бытуют недолго, охватывая лишь конец эпохи бронзы и начало раннего железного века.

В начальный период эпохи ранних кочевников появляются новые формы наконечников стрел, соответствующие требованиям военных канонов того времени. Крупные двухлопастные бронзовые наконечники стрел за короткий хронологический отрезок сменяются наконечниками с тремя симметричными лопастями, среди которых преобладают втульчатый вид насада. Стрелы с такими унифицированными наконечниками позволяет пробивать легкие оборонительные доспехи, причем, на значительном расстоянии.

Таким образом, на начальном этапе раннего железного века воины Восточного Казахстана имели на вооружении традиционные для этого времени оружие, такие как кинжалы, чеканы, лук и стрелы. Дальнейшее изучение предметов вооружения и экипировки в комплексе с другими материалами сделает возможным получить более точные знания о военном деле населения Восточного Казахстана в раннесакскую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Петроград, 1916. Вып. 2. С. 72–79.

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // СА. 1972. № 1. С. 253–258.

Арсланова Ф.Х. Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской области // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 147–156.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VI–V вв. до н.э. М.: Наука, 1973. 160 с.
Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 272 с.
Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10. С. 13–19.
Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.
Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953. 402 с. + 120 табл.
Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
Самашев З., Ермолаева А., Кущ Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: Өнер, 2008. 199 с.
Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из Казахстанского Алтая // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 2–5 сентября 1998 г.). СПб., 1998. С. 155–160.
Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 165-177.
Сорокин С.С. памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1965. № 8. С. 39–59.
Тереножкин А.И. Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. 236 с.
Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 172 с.
Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
Черников С.С. Отчет о работе ВКАЭ за 1955 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 372.
Черников С.С. Отчет о работе ВКАЭ за 1960 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 745.
Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.

REFERENCES

Adrianov, A. V. 1916. In: *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy Komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)*, 2, 72–79 (in Russian).
Arslanova, F. K. 1972. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 253–258 (in Russian).
Arslanova, F. K. 1980. In: Martynov, A. I. (ed.). *Skifo-sibirskoe kulturno-istoricheskoe edinstvo (Scythian-Siberian cultural and historical unity)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 147–156 (in Russian).
Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskih plemen nizoviev Syrdarii v VI–V vv. do n.e. (The culture of the Saka tribes of the Syrdarya lowlands in the 6th-5th centuries BC)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
Kubarev, V. D. 1979. *Drevnie izvayaniya Altaya. Olenye kamni (Ancient sculptures of Altai. Deer stones)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
Litvinskiy, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki “Kryshi mira” (Ancient Nomads “Roof of the World”).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
Moshkova, M. G. 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kultury (Monuments of the Prokhorov culture)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
Polosmak, N. V. 1994. *Stereguschiye zoloto grify (akalahinskiye kurgany) (Guarding Golden Griffins (Akalakhin barrows))*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
Rudenko, S. I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya (The culture of the population of the Altai mountains in Scythian times)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
Samashev, Z., Ermolaeva, A., Kushch, G. 2008. *Drevnie sokrovischa Kazahskogo Altaya. (Ancient Treasures of the Kazakh Altai).* Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).
Samashev, Z. S. 1992. *Naskalnye izobrazheniya Verhnego Priirtyshya (Rock Art of the Upper Irtish river).* Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).

Samashev, Z., Jumabekova, G., Ermolaeva, A., Omarov, G. 1998. In: Vilinbakhov, G. V. et al. (eds.). *Voennaya arheologiya. Oruzhiye i voennoye delo v istoricheskoy i sotsialnoy perspective (Military archaeology. Weapons and warfare in historical and social perspective)*. St. Petersburg: State Hermitage, 155–160 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1989. *Savromatskaya i rannesarmatskaya kultury (Sarmatian and early Sarmatian cultures)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sorokin, S. S. 1965. In: *Arkheologicheskiy sbornik (Archaeological collection)*, 8, 39–59 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1975. *Skifskiy mir (Scythian world)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the military affairs of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chlenova, N. L. 1967. *Proishozhdeniye i rannyaya istoriya plemen tagarskoy kultury (The origin and early history of the Tagar culture tribes).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Chernikov, S. S. 1955. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 372 (in Russian).

Chernikov, S. S. 1960. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 745 (in Russian).

Chernenko, E. V. 1981. *Skifskiye luchniki (Scythian archers)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023.

Е.Ш. Ақымбек
М.С. Шағырбаев
Н.Б. Нұрғали
Р.Қ. Абир

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.253.259

Ералы Шардарбекұлы Ақымбек[1], eraly_a@mail.ru,
Мамбет Сапарбекұлы Шағырбаев[1], mambet__87@mail.ru,
Несіпбай Бекболатұлы Нұрғали[1], nesipbay.nurgali01@mail.ru,
Расул Қуатұлы Абир[1], ar.920531@mail.ru
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;

2022 ж. Талас өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдерге жүргізілген далалық зерттеулер*

Мақалада 2022 ж. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы Талас отрядының (жетекшісі: Е.Ш. Ақымбек) Талас өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдерге жүргізген далалық зерттеулерінің алдын ала қорытындылары беріледі. Өңірдегі 19 төрткүлге далалық зерттеу жұмыстары жүргізілді. Олар: Төрткүлтөбе, Кіші Аса-1, Өрнек төрткүлдеріне қазба жұмыстары, Құсақ, Ақарық, Қапал, Жұма төрткүлдерінің сыртқы (қорғаныс) қабырғаларына траншея (кесік) жұмыстары, Наурызбас, Шайдана-2, Аса, Кіші Аса-2, Саза, Құмсуат төрткүлдеріне шурф жұмыстары, Алмалы, Қарасаз, Шайқорық, Шайдана-1, Шоқай, Үлкен төрткүлдеріне барлау жұмыстары жүргізілді. Қазба жүргізілген төрткүлдердің басым бөлігі X–XII ғғ. аралығына жататындығы белгілі болды.

Түйін сөздер: Талас өңірі, орта ғасыр, төрткүл, қазба, траншея, шурф

Ералы Шардарбекулы Акымбек[1],
Мамбет Сапарбекович Шагирбаев[1],
Несипбай Бекболатулы Нургали[1],
Расул Куатулы Абир[1]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

Полевые исследования средневековых торткулей в Таласской долине в 2022 году

В статье подводятся предварительные итоги полевых исследований средневековых торткулей Таласской долины Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (руководитель: Е.Ш. Акымбек) Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2022 г. В регионе были проведены полевые исследования 19 торткулей. Это – раскопы на торткулях Торткультобе, Киши Аса-1, Орнек, траншейные (разрезные) работы на наружных (оборонительных) стенах торткулей Кусак, Акарык, Капал, Жума, шурф на торткулях Наурызбас,

© 2023 ж. Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б., Абир Р.Қ.
**Жұмыс ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2021–2023 жж. гранттық қаржыландыру аясында орындалды, жобаның ЖТН AP09260358*

Шайдана-2, Аса, Киши Аса-2, Саза, Кумсуат, разведочные работы на торткулях Алмалы, Карасаз, Шайкорык, Шайдана-1, Шокай, Улькен. Большинство торткулей, на которых проведены раскопки, датируются X–XII вв.

Ключевые слова: Таласская долина, Средневековье, торткуль, раскопки, траншея, шурф

Yeraly Akymbek[1],
Mambet Shagirbayev[1],
Nessipbay Nurgali[1],
Rasul Abir[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Field studies of medieval tortkul sites in the Talas valley in 2022

The article summarizes the preliminary results of field research of medieval tortkul types Medieval sites of the Talas Valley by the South Kazakhstan Complex Archaeological Expedition (head: E.Sh. Akymbek) of the Margulan Institute of Archaeology in 2022 field studies of 19 tortkuli were conducted in the region. These are excavations at the Tortkultobe, Kishi Asa-1, Ornek tortkuls, trench (split) dug work on the outer (defensive) walls of the Kusak, Akaryk, Kapal, Zhuma tortkuls, the pit at the Nauryzbas, Shaidana-2, Asa, Kishi Asa-2, Saza, Kumsuat tortkuli, exploration work at the tortkul sites of Almaly, Karasaz, Shaikoryk, Shaidana-1, Shokai, Ulken. Most of the tortkuls on which excavations were carried out date back to the X–XII centuries.

Keywords: Talas valley, Middle Ages, tortkul, excavations, trench, pit

Талас өңірі ежелгі және орта ғасырлардағы отырықшы-егіншілік мәдениет дамыған аймақтардың біріне жатады. Оны өңірде кездесетін ежелгі дәуірден кейінгі орта ғасырларға дейінгі қоныстық ескерткіштер дәлелдейді. Тіпті осы күнге дейін кейбір ескерткіштер аумағында өмір тоқтамай ауылдар орналасып, тіршілік қайнап жатыр. Бұл ежелгі дәуірдің өзінде-ақ адамдардың жанға жайлы, суы мол, тіршілікке қолайлы жерлерді өздерінің тұрақтарына айналдырғанын білдіреді.

Өңірдегі қоныстық ескерткіштердің ерекше бір түріне төрткүлдерді жатқызуға болады. 2021 ж. өңірдегі ортағасырлық төрткүлдерді зерттеу арнайы тақырып ретінде қарастырылып, далалық зерттеу жұмыстары жүргізілген болса [Ақымбек және т.б. 2022: 255–261], 2022 ж. ол жалғасын тапты.

2022 ж. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ОҚҚАЭ-ның Талас археологиялық отряды (жетекшісі: Е.Ш. Ақымбек) Талас өңірінде, нақтырақ айтсақ, Талас және Аса өзендері мен шағын өзендердің бойында орналасқан ортағасырлық төрткүлдерге далалық қазба жұмыстарын жүргізді.

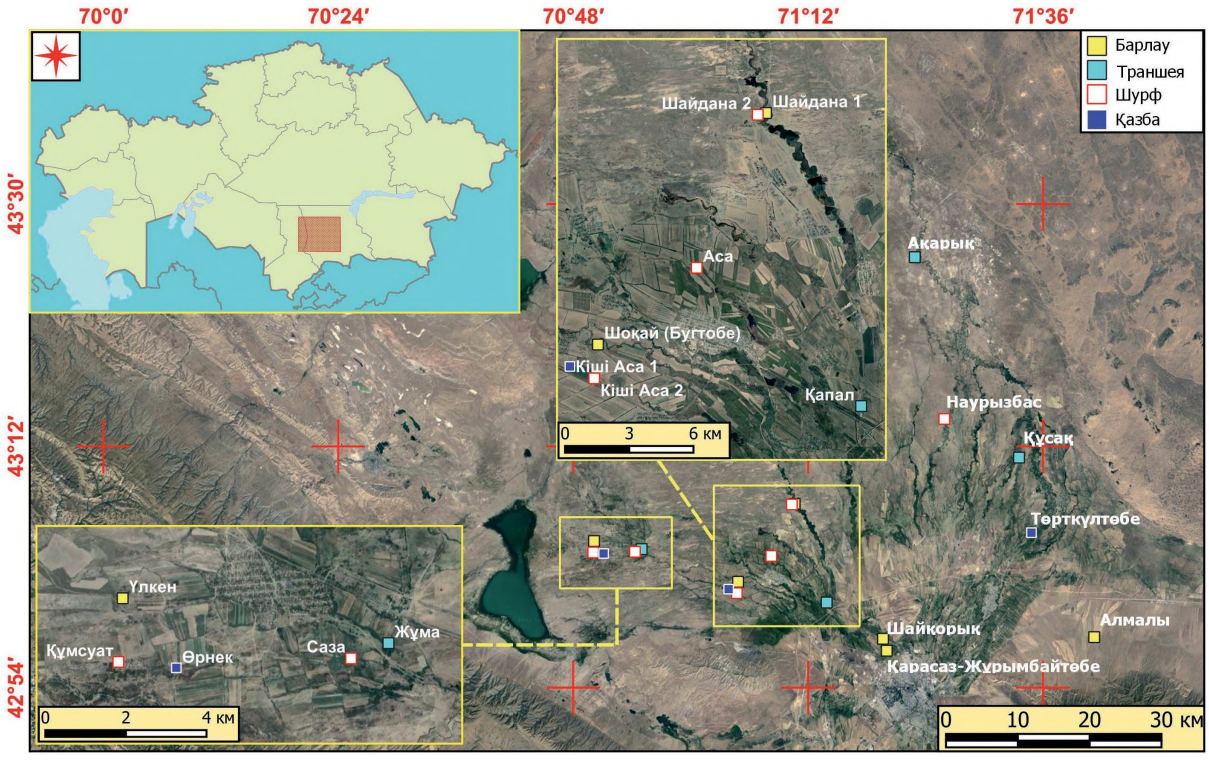
2022 ж. далалық зерттеу жұмыстары 19 ескерткіште орындалды. Зерттеу бірнеше бағытта атқарылды: барлау-іздестіру, көлемді қазба, траншея, шурф жұмыстары. Үш төрткүлге қазба, төртеуіне шағын траншея, алтауына шағын шурф, алты төрткүлге барлау жұмыстары жүргізілді. Төрт ескерткіш барлау-іздестіру жұмыстары кезінде жаңадан анықталды (1-сур.).

Төрткүлтөбе, Кіші Аса-1, Өрнек төрткүлдеріне қазба жұмыстары, Құсақ, Ақарық, Қапал, Жұма төрткүлдерінің сыртқы (қорғаныс) қабырғаларына траншея (кесік) жұмыстары, Наурызбас, Шайдана-2, Аса, Кіші Аса-2, Саза, Құмсуат төрткүлдеріне шурф жұмыстары, Алмалы, Қарасаз, Шайқорық, Шайдана-1, Шоқай, Үлкен төрткүлдеріне барлау жұмыстары жүргізілді.

Қазба жұмыстары Төрткүлтөбе, Кіші Аса-1 және Өрнек төрткүлдеріне жүргізілді.

Төрткүлтөбе Жамбыл облысы Байзақ ауданы Дихан ауылының оңтүстігінде 1,3 км жерде, Сарыкемер – Дихан тас жолының оң жағында 0,5 км қашықтықта, Талас өзенінің сол жағалауында орналасқан. Географиялық координаттары С 43°05’30.22”; Ш 71°34’46.17”. Ескерткіш жоспары бойынша шаршылы келген, қабырғалары сәл ауытқып дүниенің төрт тарабына қарағаң. Көлемі 160×160 м, жал болып жатқан, жайылып кеткен қабырғаларының етегінен есептегенде ені 15–20 м аралығында ауытқиды, биіктігі сыртынан есептегенде 3 м-ге дейін, ішінен есептегенде 1,5–2 м аралығында, сыртынан оңтүстік жағынан басқа бөлігінен айнала сайдың (ордың) ізі білінеді. Бұрыштарындағы мұнара іздері біршама анықтау, ал қабырға бойынан мұнара іздері әлсіз байқалады.

Ескерткішті 2010 жылы «Археологическая экспертиза» ЖСШ Ескерткіштер жинағы экспедициясы зерттеп, құрал арқылы жоспарын, суретін

1-сур. 2022 жылы далалық зерттеу жұмыстары жүргізілген төрткүлдердің картасы
Fig. 1. A map of the tortkuls where field research was conducted in 2022
Рис. 1. Карта тортулей, где проведились полевые исследования 2022 г.

түсіріп, өлшемдерін алып, сипаттамасын беріп, географиялық координаттарын алады [Ақылбек, Құдабаев, 2010: 93].

Ескерткіштің материалдық мәдениеті мен өмір сүрген уақытын анықтау мақсатында ішкі бөлігіне зерттеу жүргізілді. Қазба шағын келген, оңтүстік қабырға ортасындағы қақпадан кіргенде сол жағында тұрған, аумағы 15 м, биіктігі 0,5 м болатын төбешікке салынды. Алғашында төбешіктің ортасынан шығыстан батыс бағытында ұзындығы 11 м, ені 1 м траншеялы қазба салынды. Қазбаның орта тұсынан 0,5 м тереңдіктен қатты саз қалдықтары анықтала бастағандықтан, көлемі 6,8×6 м-ге кеңейтіліп, шамамен қазба аумағы 50 м^2 жетті. Қазба 0,7–1,3 м-ге дейін тереңдетіліп, нәтижесінде қатты нығыздалған саздан тұратын түсініксіз құрылыс қалдықтары анықталды (2-сур.). Құрылыс қалдықтары қазбаның барлық бөлігінен тапталған саз күйінде шыққанымен, орта жағы биіктеу келген. Пақсадан тұратын құрылысқа ұқсағанымен, кей жерлерінен кірпіштің пішіндері аңғарылады. Дегенмен, құрылыс қатты тапталған, себебі беті бірнеше қатпарланып кеткен. Олай болса, құрылыс – астыңғы құрылыс кезеңіне жатып, одан кейінгі уақытта мұнда құрылыс түспегенімен, ескерткіш аумағы пайдаланылған. Оның үстіне, қазба жүргізілген жер қақпаның алдына тура келеді. Мұны табылған қыш материалдардан да көруге болады. Қазбаның үстіңгі жағынан ортағасырлық керамикалар шықса, төменгі жағынан ежелгі дәуірдің керамикалары анықталды.

Қазба жұмыстары барысында археологиялық материалдар: жануарлардың сүйектері мен керамика сынықтары анықталды.

Кіші Аса-1 төрткүлі Жамбыл облысы Жамбыл ауданы Шоқай (Октябрь-Жеміс) ауылының оңтүстік-шығысында 0,7 км жерде, Кіші Аса өзенінің сол жағасындағы жарқабақтың үстінде, Бірлесу-Еңбек – Қарабастау бағытындағы тас жолдың оң жағында 0,2 км қашықтықта орналасқан. Географиялық координаттары С 43°01’20.20”; Ш 71°03’50.20”. Ескерткіш жоспары бойынша шаршы келген, қабырғалары дүниенің төрт тарабына қарағаң. Көлемі 90×90 м, айнала қоршаған қабырғалары жал болып жатыр. Бұрыштары мен қабырғаларының ортасынан мұнара іздері анық байқалады. Мұнара іздері қабырға сызығынан сыртқа қарай дөңгеленіп

2-сур. Төрткөлтөбе төрткүлі. Қазба. Оңтүстік-шығыстан көрінісі
Fig. 2. Tortkoltobe Tortkul. The excavation trench. View from the southeast
Рис. 2. Торткуль Торткольтобе. Раскоп. Вид с юго-востока

шыққан. Қабырғаларының ортасындағы мұнара іздері ішке қарай да шығып тұр. Қабырғаларының ені 15 м-ге, ал мұнаралар орналасқан тұстарында 24 м-ге дейін барады, биіктіктері 2–3 м.

Төрткүлдің шығыс қабырғасы толығымен жойылған. Топырағын Кіші Аса өзеніне тоған салу кезінде пайдаланғанға ұқсайды.

Ескерткіштің қай жылы анықталғанын айту қиын. Дегенмен, 1939 ж. КСРО ҒА Қазақ бөлімшесі мен Материалдық мәдениет тарихы институты (А.Н. Бернштам) ашып зерттеген ескерткішке зерттеліп отырған төрткүлдің сипаттамасы келеді. Ескерткіш 1982 ж. Жамбыл облысының тарих және мәдениет ескерткіштер жинағында «Бекініс» деп беріліп, VII–IX ғғ. мерзімделген [Алипчеев, Байбосынов 1982: 59]. 1982 ж. жинақта 97, 2002 ж. жинақта № 243 [Байбосынов 2002: 164] нөмірлі санмен берілген. Бірақ, ескерткіш Қаратау мен Тараз қалаларының аралығындағы автожолдан 100 м жерде деп берілгенімен, нақты қай жерде орналасқандығы түсініксіз. 2002 ж. жинақта сипатталып отырған төрткүлден басқа ескерткіштің жоспары берілген.

Төрткүлдің қабырғалары биік және қабырғажалының үстінен, яғни жотасынан керішке ұқсас тастардың тізбегі байқалады. Тастардың қандай мақсатта қойылғандығын анықтау, мұнараларының диаметрін және қабырғаларының қалыңдығын білу үшін батыс қабырғасының ортасына, мұнара орналасқан тұсқа қазба салынды. Алдымен, мұнараның диаметрін анықтау бойынша шығыстан батысқа қарай ұзындығы 21 м, ені 1 м траншея салынды. Нәтижесінде шым қабатының астынан қабырға, ал мұнараның үстінгі жағынан белгілі ретпен қойылған тастар шықты. Қазбаның екі жағынан шайылған құрылыстың астынан пақсадан тұрғызылған мұнараның түбі анықталды (3-сур.). Қабырғаның екі жағынан да құланды қабырғалар шықты. Қазба бойынша осы мұнараның диаметрі 14,5 м баратыны анықталды, сақталған биіктігі 3 м. Мұнараның биік бөлігінен шыққан тастардың қойылу ретіне байланысты қазба кеңейтілді. Қазба 7 м диаметрде салынып, барлық тастардың контуры шыққанша тазаланды. Бетінен көрініп жатқан тастар 0,3–0,4 м тереңдікке дейін кездесті. Тазалау

барысында тастан қаланған диаметрі 6 м болатын қатар тас төсендісі шықты. Тастар әртүрлі көлемде. Қара, қою сұр түсті керіш тастардан төселген.

Қазба барысында археологиялық материалдар алынды.

Өрнек төрткүлі Жамбыл ауданы Өрнек ауылының оңтүстік-батысында 2,4 км, Құмсуат ауылының шығысында 0,7 км жерде, Аса өзенінің оң жағасында 0,8 км қашықтықта құмдауытты жерде, сай болып жатқан ескі арнаның жағасында орналасқан. Айналасына қалың бұта өскен. Географиялық координаттары: С 43°03’59.43”; Ш 70°51’05.20”. Ескерткіш жоспары бойынша шаршылы пішінде келген. Қабырғалары сәл ауытқып дүниенің төрт бағытына қараған. Айнала қоршаған қабырғалары жал болып жатқан төрткүлдің көлемі 75×75 м. Бұрыштары мен қабырғаларының ортасынан байқалатын мұнаралардың орны ерекшеленіп көрініп жатыр. Дөңгеленіп сыртқа қарай шығып жатқан мұнараларының диаметрі 20 м-ге дейін барса, қабырғаларының қалыңдығы 15 м-ге дейін барады. Қабырғаларының биіктігі 2–3 м, томпайып шығып тұрған мұнаралары қабырғасынан 0,5 м биік жатыр.

Төрткүлдің ішкі құрылысын мен сыртқы қабырғасын анықтау мақсатында биіктеу келген оңтүстік-батыс бұрышына таман қазба жұмыстары жүргізілді. Сыртқы қабырғаға таман көлемі 6,5×3 м болатын қазба 0,4 м тереңдетілгенде құрылыс қалдықтары анықтала бастап, ол 0,8–1 м тереңдіктен толығымен ашылды (4-сур.). Ашылған шағын бөлмелерден тұратын құрылыс сыртқы қорғаныс қабырғаларына қарама-қарсы тұрғызылған. Қабырғаларының қалыңдығы 0,5–0,7 м, сақталған биіктіктері 0,3–0,4 м. Қабырғалары ?×20×8–9; 30×15×? см болатын қам кірпіштерден салынған.

3-сур. Кіші Аса-1 төрткүлі. Қазба. Әуеден түсірілген көрінісі
Fig. 3. Kishi Asa-1 Tortkul. The excavation trench. View from above
Рис. 3. Торткуль Киши Аса-1. Раскоп. Вид сверху

4-сур. Өрнек төрткүлі. Қазба. Батыстан түсірілген көрінісі
Fig. 4. Ornek Torkul. The excavation trench. View from the west
Рис. 4. Торкуль Орнек. Раскоп. Вид с запада

Біршама бөлігі ашылған бөлменің көлемі 4×1,5 м, ортасын жіңішке келген қабырға бөліп тұр.

Қазба барысында археологиялық, остеологиялық материалдар жинастырылып алынды.

Төрткүлдердің көптеген басқа да қоныстық ескерткіштерден бір ерекшелігі – қабырғаларының қалың әрі биік келуі. Сондықтан бүгінгі күнге дейін биік жал болып жатыр. Қабырғаларының қандай материалдардан салынғандығын және өлшемдерін анықтау мақсатында Құсақ, Қапал, Жұма төрткүлдерінің сыртқы (қорғаныс) қабырғаларына траншея (кесік) жұмыстары жүргізілді. Нәтижесінде барлық төрткүлдердің қабырғалары пақсадан салынғандығы белгілі болды. Құсақ төрткүлінің қабырғасының қалыңдығы 7 м, екі қабырғадан тұратын Қапал төрткүлінің сыртқы қабырғасының қалыңдығы 6 м, ішкі қабырғасының қалыңдығы 5 м, Жұма төрткүлі қабырғасының қалыңдығы 3 м екендігі анықталды. Ақарық төрткүлінің ішкі бөлігіне жүргізілген траншеялы қазбадан сыртқы қабырғасына қарама-қарсы жатқан қабырға мен тұрғын бөлме қалдықтары шықты.

Төрткүлдердің қабырғаларының биік және қалың келгенімен, бірқатарының ішінен мәдени қабаттар байқалмаса, келесі бір төрткүлдердің ішкі бөлігі қабырға сыртына қарағанда биік, яғни мәдени қабаты бар екендігі байқалады. Ішкі бөліктеріндегі мәдени қабаттарын анықтау мақсатында бір топ төрткүлдердің ішкі бөлігіндегі мәдени қабаттарына шурф жұмыстары жүргізілді. Олар: Наурызбас, Шайдана-2, Аса, Кіші Аса-2, Саза, Құмсуат төрткүлдері. Нәтижесінде Наурызбас, Шайдана-2, Саза төрткүлдерінің мәдени қабаты 1,5 м төңірегінде екендігі, Кіші Аса-2 төрткүлінің мәдени қабаты 0,7 м шамасында, Аса төрткүлінің мәдени қабаты 0,5 м, ал Құмсуат төрткүлінің ішінде мәдени қабат жоқ екендігі белгілі болды.

Қорытындылай келсек, жүргізілген далалық зерттеу жұмыстарында төрткүлдердің әртүрлі болып келетіндігі, жалпы жоспарланулары көбінде ұқсас бо-

лып келгенімен, орналасуларында, қабырғаларының бағытталуы мен жер жағдайына қарай жайғасуында, қабырға бойы мен бұрыштарындағы мұнаралары және қақпаларының жақтауындағы мұнара қалдықтарының орналасуында, қабырғаларының биіктігі мен жалпақтықтарында, ішкі және сыртқы бөліктеріндегі мәдени қабаттарының деңгейінде айырмашылықтардың бары анықталды. Бірқатар төрткүлдер үлкен ортағасырлық ескерткіштердің аралығында орналасса, келесі біреулері тізбек құра, тағы біреулері үлкен ескерткіштердің маңайына, тіпті бірқатары бір жерге шоғырлана орналасқан. Жеке дара қорғаныс ретінде орналасқан төрткүлдерде кездеседі. Дегенмен, төрткүлдердің барлығы дерлік су көздеріне: бұлақ, жылға, өзен, арық және арналардан алыс емес жерге қоныстанған.

Табылған материалдарға салыстырмалы талдау жұмыстары мен алынған үлгілерге жүргізілген пәнаралық зерттеу нәтижелері төрткүлдердің басым бөлігі X–XII ғғ. аралығындағы уақыттарда өмір сүргендігін көрсетті. Келешекте төрткүлдерге кең көлемді зерттеулер жүргізу орта ғасырлардағы қалалық мәдениет туралы мәліметтер базасын қордаландыра түсетіні анық.

ӘДЕБИЕТ

Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б. 2021 ж. Талас өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдерге жүргізілген далалық зерттеулер // Марғұлан оқулары–2022: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 12–13 сәуір 2022 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 255–261-бб.

Ақылбек С., Құдабаев Ш. Төрткүл бекінісі // Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Байзақ ауданы. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 204 б.

Алипчеев С., Байбосынов К. Укрепление // Свод памятников истории и культуры Джамбулской области. Джамбул: Обл-типография, 1982. 208 с.

Байбосынов К. Бекініс // Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштер жинағы. Жамбыл облысы. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. Т. 2. 164 б.

REFERENCES

Akymbek, Y. S., Shagirbayev, M. S., Nurghali, N. B. 2022. In: Onggaruly, A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulan oqylary–2022 (Margulan Readings – 2022).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 255–261 (in Kazakh).

Akylbek, S., Kudabaev, S. 2010. *In: Zhambyl oblysy tarıkh jane madenıet eskertkishterinın jınagy. Baızak audany (The official list of historical and cultural monuments of Zhambyl region. Baizak district).* Almaty: Archaeological Expertise, 204 (in Kazakh).

Alipcheev, S., Baybosynov, K. 1982. *Ukreplenie (Fortification)*. Jambyl: “Obl-tipografiya” Publ. (in Kazakh).

Baibosynov, K. 2002. *Bekinis (Fortress).* Vol. 2. Almaty: Research and design institute of material culture (in Kazakh).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

Ж.Р. Байғалиев
Ж.К. Диярова

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.260.266

Жүніс Рүстемұлы Байғалиев[1], baigalievzh@mail.ru,
Жанар Қабдулкакимқызы Диярова[1], i-sunshine@bk.ru
[1]«Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы,
Атырау, Қазақстан

Ортағасырлық Сарайшық тиындары тарихи дерек ретінде

Сарайшық қаласы Ұлы Жібек жолы бойында орналасқан ортағасырлық қалалардың бірі. Сарайшық – Алтын Орда, Қазақ хандығы және Ноғай Ордасы тарихындағы ірі-ірі оқиғалармен тығыз байланыста болғаны тарихи деректерден белгілі. Сонымен қатар, Сарайшық Алтын Орданың басқа қалаларына қарағанда Дешті Қыпшақ даласының мәдени кешенінің ықпал әсерін әлде-қайда көп сіңірген мекендерден болып табылады. Бүгінде қала тарихына байланысты тарихи еңбектер ғылыми айналымға енгізілген. Дегенмен оларда қаланың негізін қалаған немесе пайда болған уақыты туралы нақты деректер жоқтың қасы. Осы негізде алдағы уақытта ортағасырлық Сарайшық қаласы орнында жүргізілетін археологиялық қазба жұмыстарына жоғары мән берілуі керек. Өйткені археологиялық және нумизматикалық материалдарды зерттеу арқылы қала тарихына қажет болған тың деректер анықталары сөзсіз. Сондықтан да археологиялық зерттеулерде анықталған нумизматикалық жәдігерлерді тазалау және атрибуциясын анықтаудың маңыздылығы артады.

Түйін сөздер: Сарайшық, Алтын Орда, ортағасырлық қалалар, нумизматика, Ұлы Жібек жолы, ақша сарайы

Жунус Рустемович Байгалиев [1],
Жанар Кабдулкакимовна Диярова[1]
[1]Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык»,
Атырау, Казахстан

Средневековые монеты Сарайшыка как исторический источник

Город Сарайшык является одним из средневековых городов, расположенных вдоль Великого Шелкового пути. Из исторических источников известно, что Сарайшык тесно связан с крупными событиями в истории Золотой Орды, Казахского ханства и Ногайской Орды. Кроме того, Сарайшык подвергся наибольшему влиянию культурного комплекса Дешти Кыпчакской степи, по сравнению с другими городами Золотой Орды. Сегодня не выявлены точные данные о времени возникновения города. Поэтому большое значение имеют археологические исследования средневекового города Сарайшык. Особенную роль приобретает атрибуция нумизматических артефактов, выявленных в ходе археологических исследований.

Ключевые слова: Сарайшык, Золотая Орда, средневековые города, нумизматика, Великий Шелковый путь, монетные дворы

© 2023 ж. Байғалиев Ж.Р., Диярова Ж.К.

Zhunus Baygaliev[1],
Zhanar Diyarova[1]
[1]State Historical and Cultural Museum-reserve «Saraishyk»,
Atyrau, Kazakhstan

Medieval Saraishyq coins as historical source

The city of Saraishyq is one of the medieval cities located along the Silk Road. It is known from historical sources that the city is closely connected with major events in the history of the Golden Horde, the Kazakh Khanate and the Nogai Horde. In addition, Saraishyq is one of the places that absorbed the greatest influence of the cultural complex of the Desht-i Qipchaq steppe than other cities of the Golden Horde. Today, historical works related to the history of the city are in scientific circles. However, they have almost no exact data on the time of the foundation and the emergence of the city. On this basis, great importance should be attached to the upcoming archaeological excavations at the site of the medieval city of Saraishyq. Because by studying archaeological and numismatic materials, new data necessary for the history of the city will be revealed. Thus, the importance of cleaning and determining the attribution of numismatic artifacts identified during archaeological research increases.

Keywords: Saraishyq, Golden Horde, medieval cities, numismatics, the Silk Road, mints

Сарайшық нумизматикасы – Орта Азия тарихында ерекше рөл атқарғандығын және өзіндік мәдени де тарихи құндылықтары мол кешенді қала болғандығын көрсетеді. Жалпы, тиынның алғаш шығуы оның төлем құралы ретінде бағалануы және оның әлеуметтік ортадағы қажеттілігіне байланысты қалыптасқандығын білдірсе керек.

Ежелгі және ортағасырлық мемлекеттерде тиын шығаруды жолға қойылғандығы онда ауыл шаруашылығы мен қолөнері және сауданың дамығандығын көрсетеді. Одан өзге аумағынан өтіп отырған сауда жолдары тармағына ие мемлекеттерде халықтың экономикалық немесе әлеуметтік жағдайының өзгерістерге ұшырағанының белгісі. Ортағасырлық Сарайшық жоғарыда аталған даму деңгейінен өткен өз дәуірінің дамыған орталықтарының бірі екені сөзсіз. Ендігі әрі қала орнынан табылған нумизматикалық жәдігерлерді тұрақты зерттеу басты міндеттердің бірі болып табылады.

Нумизматика саласы археологиямен тығыз байланысты болып, шығыс тиындарын зерттеу өзіндік қиыншылықты туындатады. Жалпы шығыс нумизматикасы, соның ішінде Жошы Ұлысы дәуіріндегі нумизматика саласының зерттелуі Ресейде XIX ғасырдың алғашқы жартысында басталды. Зерттеулер нумизмат Христиан Мартин Френ (1782–1851) есімімен тығыз байланысты. Көп жылдық ізденістері нәтижесінде шығыс нумизматикасына байланысты бірнеше еңбектер жазады. Оның зерттеулері арасындағы бізге маңыздысы Сарайшықтан табылған мыс және күміс тиындар болды. П.Н. Петровтың «Джучидская нумизматика и монетный двор Сарайчук» атты жинағында шығыс нумизматикасы зерттелуі белгілі бағыт бойынша жүре отырып, зерттеу жұмыстары барысында орын алатын кейбір мәселер туралы мысалдар келтіреді. Біріншіден, моңғол ұлыстары кезінде соғылған тиындарда тек араб әріптері ғана емес, ұйғыр, тибет және қытай жазулары да кездесті. Екіншіден, тиындағы жазулардың палеографиялық ерекшеліктеріне байланысты. Үшіншіден, тиындағы жазулар қағазға емес темірге штихель арқылы ойып жазылғандықтан, жазудың сапасы ұстаның шеберлігіне байланысты болды. Төртіншіден, Шебер тарапынан жасалған тиын басуға арналған штамптың уақыт өте келе бүлінуі нәтижесінде тиындағы жазулар да өзгеріп отырған [Петров 2022].

Нумизматикалық жәдігерлерді тарихи дерек ретінде пайдалануға болады. Себебі белгілі бір ел билеуші тарапынан соғылған тиындарды, ондағы қала атауы, таңбаларға негізделе сол дәуірде мемлекетте саяси-экономикалық, әлеуметтік жағдайды білу мүмкіндегі қалыптасады. Ал нумизмат П. Петров бұл мәселе жөнінде өзгеше ойды ұсынады. Ғалым «Деньги и денежная политика Джучидов в XIII–XV вв.» атты мақаласында тиындарды тарихты зерттеуде дереккөз екенін білдіре отырып, оны негізгі құжаттардан кейін екінші деңгейде қарастырды. Алтын Орда дәуіріндегі мыс пұлдың алдыңғы

жағында жазу ал, келесі бетінде суреттер келтіріледі. Ол суреттер геометриялық белгілер не болмаса арыстан, жолбарыс, бүркіт секілді жануарлар болуы мүмкін.

Жошы Ұлысында ақша жүйесін тұрақтандыру мақсатында хандар реформалар жасап отырды. Нумизмат П. Петров осы реформаларды 2 типке бөліп қарастырды. Олар:

1. Бұрын шығарылған және мемлекет нарықтарында айналысқа түскен барлық монеталарды толық алып тасталды;

2. Алдыңғы шығарылымдарды алып тастамай [Петров 2016: 618]. Алтын Орда хандары елдің саяси-экономикалық ахуалына байланысты жоғарыда келтірілгендей ақша реформасын жасады. Солардан бірі Тоқтамыс хан ақша айналымын біріздендіру мақсатында реформа жүргізеді. Реформа бойынша хан Хорезм қаласынан басқа, Сарай Бату, Сарай Берке, Азақ, Қажы-Тархан, Сарайшық және Мажардағы қалаларындағы ақша сарайында күміс тиындардың салмағын бірдей ету жөнінде шешім шығарады [Федоров-Давыдов 2003: 16].

Осындай екі бағыттағы реформа нәтижесінде билеуші топ мемлекеттегі ақша жүйесін ретке салып отырады. Сондай-ақ тиындардың сапасы мен салмағы да бақылауда болуы қажет. Өйткені тиындарды соғуда пайланылған металл неғұрлым бағалы болса, тиынның қолданыстағы аясы да арта түседі.

Нумизмат П. Петров өзінің зерттеулері барысында Жошы Ұлысы кезінде шығарылған тиын тамғалары мен олардың жасалу техникасына, одан өзге Алтын Орданың саяси тарихының өрбуіне байланысты тиындардың шығуы мен ақша сарайларының жұмысы негізінде XIII–XV ғасырлардағы ақша реформаларын 6 кезеңге бөліп қарастырады.

1. XIII ғасырда – *бірінші кезең:* Алтын Орданың Ұлы Моғолстан империясы құрамында болған кездегі ақша жүйесі. *Екінші кезең:* тәуелсіз Алтын Орда мемлекеті тұсындағы ақша жүйесі. Бұл Меңгу-Темірдің билікке келген тұсынан басталды.

2. XIV ғасырда – *үшінші кезең:* ақша реформасы ғасырдың алғашқы онжылдығын қамтыды. Бұл кезеңде Адтын Орданың бірнеше аймақтарында реформалар қатар жүруімен ерекшеленді. *Төртінші кезең:* бұл кезең саяси биліктен Жәнібек және Бердібек хандардың саси аренадан кетуімен байланысты болды. *Бесінші кезең:* Тоқтамыс ханның билік басына келген уақыты, кейін соғыстар салдарынан елдегі саяси-экономикалық жағдай әлсіреп тұрған кезі.

3. XV ғасырда – *алтыншы кезең:* Шадыбек ханның ақша реформасымен байланысты болды [Петров 2016: 619–631].

Алтын Орда дәуіріне тиісті тиындар ең алғаш қашан және қай қалада соғылған? Тиындар қайсы ханның атынан шыққан? Ғалымдар өздерінің зерттеулерінде осы сұрақтарға жауап іздейді. Олардан бірі Г.А. Федоров-Давыдов «Курганы, Идолы, Монеты» атты еңбегінде алтынордалық тиындар алғаш Берке хан кезінде Бұлғар қаласында соғылған деп келтіреді [Федоров-Давыдов 1968: 91]. Сондай-ақ, «Денежное дело Золотой Орды» еңбегінде Г.А. Федоров-Давыдов Бұлғар қаласында 1240–1250 жж. халифа ан-Наср лид-Дин атынан тиынды алтынордалық кезеңге тиісті деп санайды [Федоров-Давыдов 2003: 10]. Х.М. Френ болса халифаның өмір сүрген жылдарына негізделе ол тиындарды моңғолдарға дейінгі дәуірге жатқызады. П.С. Савельев оның пікірін қолдайды. Ал. А.З. Сингатуллина «Джучидские монеты» кітабында А.Г. Мухамадиевтің мынадай: «... весовая норма монет, чеканенных от имени халифа Насир лид-Дина, не имеет какого-либо весового сходства с монетами, выпущенными при Чингизидах» пікірін келтіре отырып, бұл тиындарды моңғолдарға дейін шықты деп санайды [Сингатуллина 2003: 16].

С.А. Янина ан-Наср лид-Дин атымен Берке хан тиын соқтырған деген тұжырымды ұсынады. Хан осылай исламды қабылдап, оны мемлекеттік дін еткендігін білдіргісі келген [Мухамадиев 1983: 30–31]. Бұдан шығатын қорытынды Бұлғар қаласында басылған бұл тиын белгілі бір салмақ нормаларына сай келмесе, Берке хан оны мұсылмандықтың символы ретінде шығарған деген тұжырым қалыптасады. Әрине бұған әлі де зерттеулер қажет.

Ғалымдар көпшілік жағдайда күміс тиындарды зерттеуге көбірек назар аударады. Себебі күміс тиындарда билеуші есімі, қала және соғылған жылы беріледі. Ал нумизмат П. Петров өзгеше көзқараста. Ғалым «Сарайшық» музей-қорығы мамандарына өткізген дәрісінде «Маған мыс тиындарды зерттеу қызық» деп келтіреді. Оның бұндай көзқарасы мыс тиындардың типологиялық жақтан әртүрлілігіне байланысты болса керек.

А.И. Бугарчев «О метрологии медных монет Сарая, Сарая ал-Джадида и Гулистана в XIV в.» атты мақаласында мыс тиындарға байланысты ғалым Г.А. Федорова-Давыдовтың мынадай: «...не соблюдая какую-либо строго определенную весовую норму, с очень широким ремедиумом» пікірін келтіреді [Бугарчев 2020: 99]. Яғни, мыс тиындардың салмағында, сыртқы көрінісінде және суреттердің

өзінде ерекшеліктер байқалады. Ал А.Г. Мухамадиев «Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.» атты еңбегінде мыс тиындардың салмағына назар аударады. Яғни, әрбір хан өз билігі кезінде мыс тиындардың салмағын өзгертіп отырған. Мысалы, Өзбек хан кезінде мыс пұлдың салмағы – 1,33 г болды. Ал Жәнібек хан кезінде – 1,95 г, Қызыр хан болса 3,12 г орташа салмақта мыс пұлдар шығарған [Мухамадиев 1983: 87]. Қызыр хан кезіндегі мыс тиындардың салмағы ең ауыры. Бұндағы мақсат мыс және күміс тиындардың нарықтық ерекшеліктерін сәйкестендіру болды.

Сарайшық қаласына арналған ғылыми басылымдарда, әсіресе 1937 жылғы Н.К. Арзютовтың, 1950 жылдары Ә.Х. Марғұланның қазбалары одан кейінгі де зерттеушілердің еңбектерінде Сарайшық нумизматикасы туралы толық деректер жоқтың қасы. Сондай-ақ әр түрлі ғылыми мақалаларда азды-көпті табылмалар жайлы аталып қана келді. XX ғасырдың 80-жылдардың соңында Сарайшықта жүргізілген Ә. Марғұлан атындағы Археология институтының Батыс Қазақстан археологиялық эскпедициясының тұрақты зерттеулері нәтижесінде нумизматикалық материалдар жинақталып, оларға талдау жасалына бастады. Сарайшықтан саны жағынан ең көп нумизматикалық материалдар қала қирандыларының біріне жасалған №5 қазбадан алынды [Самашев, Базылхан, Плахов 2006: 13 б.].

Нумизматикалық материалдар Алтын Орданың өмір сүрген уақыты мен сабақтасқан сауда-экономикалық байланыстар және мемлекеттің саяси тарихын көрсете алатын нақты дәйекті деректер болып табылады.

Ортағасырлық Сарайшық қаласында археолог З. Самашев жетекшілігінде 1989–2009 жылдары аралығында жүргізген археологиялық қазба жұмыстары барысында көптен жәдігерлер анықталды. Олардың арасында нумизматикалық жәдігерлер де кездеседі. Мұндағы тиындар туралы ғылыми-инвертарлық каталог «Сарайшық тиындары» атты жинақта келтірілді. Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музейі 2 томнан тұратын ғылыми еңбек шығарды. Жинақтың 2-томы «Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музейі қорындағы шығыс монеталары» деп аталып, онда исламға дейінгі кезеңде және Шыңғыс ханның ұрпақтары кезіндегі 592 бірліктен тұратын алтын, күміс және мыс тиындардың сипаттамасы берілген. Оның ішінде жоғарыда аталған археолог З. Самашевтың зерттеулері кезінде анықталған 500 сақтам бірлігіндегі Жошы Ұлысының күміс дирхемдері мен мыс тиындарының атрибутциясы және сипаттамасы орын алған [ҚР Орталық музейі қорындағы шығыс монеталары, 2020: 9].

Сондай-ақ 1996 жылғы археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде 150-ге жуық мыс тиындар (пұл) табылған. Тиындар арасында Тоқта және Жәнібек хан дәуіріндегі күміс тиын болды. Ал 35 тиынның кімге тиісті екендігі белгісіз. Одан өзге Өзбек және Қызыр хан атындағы тиындар да сақталған. Тиындар арасында ең көп кездесетіні – гүл типтес өрнектер келтірілгені болды. Тиындар Сараи әл-Джадидте жасалған. Тиындар соғылған жылына байланысты 3 типке бөлінген. Біріншісі, хижра 751 (1373 ж.) – 2 дана, екіншісі, хижра 752 (1374 ж.) – 22 дана, үшіншісі, хижра 753 (1375) – 12 дана [Отчет о работах Западно-Казахстанской экспедиции в Атырауской и Манкыстауской областях в 1996 году. 1996: 109-110].

Бұндай ауқымды еңбек жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелі болғандығын көрсетті. Нәтижесінде Қазақстан аумағында сауда-саттық қатынастары «натуралды» заттай айырбас түрінде ғана емес, ақша айналымдарының болғандығын дәлелдей түсті. Ортағасырда Орталық Азия елдерінде қазынаға түсетін ақша тек қана халықтан жиналатын салықтан емес, хандықтар арасындағы транзиттік саудадан да толықты. Сондықтан да сауда тармағын өз билігінде ұстау маңызды болып саналды. Ортағасырлық Сарайшық қаласы осындай маңызды транзиттік орында жайғасты. Бұл жағдай қаланың қарқынды дамуына түрткі болды.

Алтын Ордада дамыған саяси-экономикалық жағдай елдің әртүрлі аймақтарындағы орталық қалаларда тиын соғатын ақша шеберханаларының қалыптасуына негіз болды. Жалпы 25 қалада ақша шеберханалары болды. Археологиялық қазба жұмыстарында табылған күміс дирхем мен мыс пұлдар ортағасырлық Сарайшықта да ақша шеберханасы болғанын білдіреді [Базылхан 2011: 106–108] Ғалым П. Петров Сарайшық ақша шеберханасын XIV ғасырдың екінші жартысынан жұмыс жасай бастады деп келтіреді [Петров 2022]. Ал археологиялық қазба жұмыстары барысында Сарайшықта соғылған тиындар кездескен. 2022 жылы «Хан моласы» нысанында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде бірнеше нумизматикалық материалдар анықталды. Оқылған тиындар XIV–XV ғасырларға тән болып, Алтын Орданың – Хайр Пулад, Мұхаммед, Мурид

және Килдибек хандар кезінде соғылғаны белгілі болды. Олардың арасында 2 тиын Сарайшықта соғылды. Тиындар Мурид хан кезеңіне тиісті. [Алтынордалық Сарайшық... 2022: 80].

Сарайшықтан табылған ең көне тиын Бату ханның немересі Меңгу Темірдің (1266–1282 ж) билігі кезінде соғылған дирхем. Ол қаланың төменгі мәдени қабатынан табылды және Еділ бойындағы Үкек қаласында шығарылған. Меңгу Темір дәуірінен бастап Жошы Ұлысы Қарақорымда орныққан орталық биліктен тәуелсіз билік ете бастады. Осы сәттен бастап Меңгу Темір заманында Алтын Ордалық хандардың атымен тиындар соғыла бастады [Самашев и др. 2006: 18]. Осылай Жошы Ұлысы тарихы жаңа кезеңге бет бұрды. Алтын Орда мемлекеті ортағасырлық елдермен сауда-саттық қатынастарын орнатты. Одан өзге жаугершілік соғыстары да орнығып, ұзақ жылдар бойы Жошы Ұлысы мен Хулағулар арасындағы бақталастық көзқарас орын алған. Оған себеп Әзербайжанның құнарлы жерлері болды. Сарайшықтағы археологиялық қазба жұмыстары барысында Хулағу елхандарына тиісті тиындар табылуы, Тоқты хан кезінде екі ел арасында белгілі бір келісім орныққандығын көрсетеді. Одан өзге Тоқты хан кезінде мемлекеттің ішкі саясаты әлсіреп, экономика құлдырауға бет алдырды. Оған әулеттер арасындағы соғыстар себеп болды. Нәтижесінде Алтын Орда мемлекетінде күміс ақша шығарылымында кедергі орын алып, тиындардың салмағы тұрақты болмады. Сондықтан Тоқтағу хан ақша реформасын жасады.

Сонымен қатар, Сарайшықтан Йезд, Тебриз қалаларынан шыққан тиындар кездескен. Бұл жағдай 1320 жылы Өзбек ханның Иранның бір бөлігі Хорасанға жасаған жаугершілік соғыстарының бір толқыны Сарайшық қаласына да келіп жетті [Самашев и др. 2006: 20].

Жәнібек ханнан кейін Алтын Орда мемлекетінде тұрақсыздық орнап, билік үшін қанды қақтығыстар нәтижесінде елдің әлеуметтік жағдайы нашарлады. Ал Қызыр хан билігі тұсында аз да болса билік тұрақтанды. Ол өз кезегінде Азақ, Сарай-әл-Жадид, Гүлістан және Хорезм қалаларында өз атынан тиындар шығара бастады. «Сарайшық тиындары» атты жинақта Сарайшықта тиындар шығарыла бастаған кезеңі XIV ғасырдың екінші жартысы мен орта тұсында деп келтіріледі. Сондай-ақ Сарайшықтағы археологиялық қазба жұмыстары барысында хижри 761 жылы (1359–1360 жж.) соғылған Қызыр ханның тиындары да кездескен.

Зерттеу жұмыстары барысында Сарайшықтан XIV ғасырдың екінші жартысына тән тиындар көмбесі табылған. Көмбеден 144 күміс және 12 мыс тиын шықты. Бұндағы мыс пұлдар Қызыр ханның кезінде қолданылған тиындар болды. Ал дирхемдер Сарай әл-Махрус, Сарай әл-Жәдид, Гүлістан және Орду қалаларда соғылған Тоқты ханнан Әзіз-Шейхге дейінгі аралықта қолданылған [Самашев и др. 2006: 22–23].

Жалпы, бүгінгі күнге дейін ортағасырлық Сарайшық қаласы аймағынан Жәнібек, Өзбек, Тоқты, Қызыр хан тиындарынан басқа, Бердібек, Құлына және Наурыз, Қайыр Болат, Абдуллах хандардың тиындары кездескен. Сарайшықта жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған нумизматикалық жәдігерлер арасында Жәнібек хан дәуіріне тиісті тиындар көпшілікті құрайды.

Сарайшықтан анықталған ең ауыр күміс тиын салмағы – 2,85 гр. Ол хижраның 762 (1384) жылы Қызыр хан атынан Сарай әл-Жәдидте соғылған. Ал ең ауыр мыс тиын Тұлынбек ханум атынан шығарылған.

«Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы соңғы жылдарда ғылыми-зерттеу жұмыстарын қолға алды. ҚР Мәдениет және спорт министрлігі 2021-2023 жылдарға арналған «Қазақстанның батыс өңіріндегі алтынордалық қалалар, көне керуен жолдары және керуен-сарайлар: пәнаралық зерттеулер (XIII–XV ғғ.) жобасы негізінде 2 жыл бойы №3 қазба орнында археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді [Сарайшық 2022: 4]. Нәтижесінде 50-ге жуық алтынордалық мыс және күміс тиындар анықталды. Тиындар тазаланып, нумизмат ғалымға жіберілді.

Одан өзге 2019 жылғы археологиялық қазба жұмыстары кезінде табылған нумизматикалық жәдігерлер туралы П. Петров, А. Муктар, Н. Биккиняев, А. Жумабаевтың «Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Ч. I» атты мақаласы жарияланды. Қазба жұмыстары барысында 140 тиын табылды. 2-еуі күміс тиын. Тиындар Өзбек хан – 25, Жәнібек – 57, Қызыр – 11, Темур Қожа – 1, Мурид – 4, Килдибек – 1, Хайр Пулада – 1, Тұлынбек – 2, Тоқтамыс – 13 хандардың есімімен шықты. Ал Сарайышықтан Мурид ханнан есімімен жазылған тиынның 6 данасы кездесті [Петров и др. 2022: 388].

Сонымен қатар, 2022 жылғы ортағасырлық Сарайшық қаласы орнындағы №1 археологиялық

қазба орнында жүргізілген зерттеулер барысында күміс көмбе анықталды [Сарайшық 2022: 127]. Күміс көмбені нумизмат, ресейлік ғалым, т.ғ.к., П. Петров тазалап, ондағы атрибуцияны анықтады. Тазаланған күміс тиындар Өзбек, Жәнібек, Бердібек және Тоқты хандар атынан соғылған тиындар болды [Сарайшық 2023: 127].

Сарайшықтағы археологиялық қазба жұмыстары барысында анықталған нумизматикалық мыс және күміс тиындарға шолу жасалды. Нақтырақ айтқанда мыс тиындағы сурет және белгілерді төмендегідей бірнеше топқа бөліп қарастыруға болады. Олар: алғашқысы, жануарлар (аң-құс) бейнелеген суреттер, екінші адам бейнелеген суреттер, үшіншісі геометриялық өрнектер. Одан өзге, мыс тиындар арасында араб және өзгеде тілдерде берілген тиындар да кездесіп жатады. Өкініштісі Сарайшықтан табылатын тиындардың көпшілік бөлігі қазылып алынады. Топырақтың тұзды болуына байланысты тиындардың сақталуы нашар. Дегенмен нумизматикалық жәдігерлер қала тарихына байланысты тың дерек екені сөзсіз. Сондықтан да бүгінде музей-қорық тиындарды тазалау және ондағы мәліметтерді оқу арқылы Сарайшық тарихына қатысты қосымша деректерді анықтауды жолға қоюда.

ӘДЕБИЕТ

Алтынордалық Сарайшық қаласы цитаделін қалпына келтіру бойынша археологиялық жұмыстар (XIII–XVI ғғ.)» ғылыми-зерттеу жұмыстар туралы қорытынды есебі // Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті КеАҚ. Атырау. 2023. 98 б.

Базылхан Н. Белдеулі керуен-сарайынан табылған тиын-ақшалар // Ортағасырлық Белдеулі керуен-сарайы мен Ақпан 1 ұйігін зерттеу. Тақырыбы бойынша жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі. I том // «Археология» ЖШС. Алматы. 2011. 116 б.

Бугарчев А.И. О метрологии медных монет Сарая, Сарая ал-Джадида и гулистана в XIV в. // Археология Казахстана. 2020. №1 (7). С. 98–114.

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ә. Марғұлан атындағы институтының архиві 1996 ж., 2 т., 2463 іс., 438 п.

Қазақстан Республикасы Орталық музейі қорындағы шығыс монеталары. 2-том. Иллюстрацияланған ғылыми каталог (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде). Алматы: «Интеллсервис» баспасы, 2020. 420 б.

«Қазақстанның батыс өңіріндегі алтынордалық қалалар, көне керуен жолдары және керуен-сарайлар: пәнаралық зерттеулер (XIII–XV ғғ.)» жобасы бойынша ортағасырлық Сарайшық ескерткішіндегі археологиялық қазба жұмысының ғылыми есебі // «Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы» РМҚК. Сарайшық. 2022. 50 б.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.: «Наука», 1983. 168 с.: XXI табл. ил.

Петров П.Н. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII – XV вв. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

Петров П.Н. Джучидская нумизматика и монетный двор Сарайчук // Научный отчет РГКП Государственный историко-культурный музей-заповедник “Сарайшык”. Сарайшык. 2022.

Петров П.Н., Муктар А.К., Биккиняев А.К., Жумабаев А.Ж. Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам архео-логических исследований. Ч. I // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. 382–404.

Самашев З., Базылхан Н., Плахов В. Сарайшық тиындары. ТОО «Grapho-art». Алматы, 2006. 184 б.

Сарайшық қалашығына жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының ғылыми есебі // Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті КеАҚ. Атырау, 2022. 132 б.

Сарайшық мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының 2022 жылы атқарылған жұмыстар есебі. Сарайшық. 2023. 128 б.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты. Казань: «Заман», 2003. 192 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. Москва, ПАЛЕОГРАФ, 2003. 352 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968. 152 с.

REFERENCES

2023. In: Archive Dosmukhammedov Atyrau university (in Kazakh).

Bazylkhan, N. 2011. In: Archive “Arkheologiya” LLP (in Kazakh).

Bugarchev, A. I. 2020. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (7), 98–114 (in Russian).

1996. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2463 (in Russian).

Kazakhstan Respublikasy Ortalıq muzei qoryndagy shygys monetalary. Illiustratsiyalangan gylimi katalog (Eastern Coins in the Central Museum of Kazakhstan. Illustrated Scientific Catalog). 2020. Vol. 2. Almaty: “Intellservis” Publ. (in Kazakh, Russian and English).

Ortagasırlyq Saraishyk eskertkisindegi arheologiyalıq qazba jumısınyn gılımi esebi (Scientific report on the archaeological excavations of the medieval Saraishyk Site. 2022. Saraishyk (in Kazakh).

Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XIII-XV vv. (Bulgaro-Tatar Monetary System of the 13th–15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Petrov, P. N. 2016. In: Khakimov, R., Favero, M. (eds.). *Zolotaya Orda v mirovoy istorii (The Golden Horde in World History)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Petrov, P. N. 2022. In: Archive of “Gosudarstvennyi istoriko-kulturnyi muzei-zapovednik “Saraishyk”. Saraishyq. (in Russian).

Petrov, P. N., Mukhtar, A. K., Bikkinyaev, A. K., Zhumaeva, A. Z. 2022. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor’ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 14, 382–404 (in Russian).

Samashev, Z., Bazylkhan, N., Plakhov, V. 2006. *Saraishyk tiyndary (Saraishyk coins)*. Almaty: “Grapho-art” Publ. (in Kazakh, Russian, English).

Saraishyq kalashıgyna jyrgizilgen arheologiyalyq kazba jumystarının gylimi esebi (Scientific Report on the archaeological excavations of the Saraishyk fortress). 2022. Atyrau (in Kazakh).

Saraishyk memlekettik tarihi-medeni muzey-korygınyn 2022 jyly atqarylgan jumystar esebi (Scientific Report on the work done by the Saraishyk state Historical and Cultural Museum-Reserve in 2022). 2023. Saraishyk (in Kazakh).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety (Jochid Coins)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denzhnoe delo Zolotoy Ordy (Monetary Affairs of the Golden Horde)*. Moscow: “PALEOGRAF” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1968. *Kurgany, idoly, monety (Mounds, idols, coins)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.267.272

Алексей Игоревич Бугарчев[1]
[1]Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия; abugar.61@rambler.ru

О монетах Менгу-Тимура с титулом «каан»*

В статье рассматривается один тип средневолжской чеканки золотоордынского хана Менгу-Тимура. Дирхам чеканился на монетном дворе Булгар с датой Мухаррам 678 г.х. (май–июнь 1279 г.). Монеты примечательны помещением титула «каан» с эпитетом «ал-адил». Установлено, что титул «каан» использовался только в чеканке Булгара и Крыма. Данный тип обнаружен в составе не менее трёх кладов, тезаврированных в 1280-х гг. Как установил автор, вес серебряных монет с титулом «каан» распадается на три блока. Самые тяжеловесные экземпляры чеканились с указным весом 1,56 г. На изучаемом типе в легенде оборотной стороны присутствует изречение «Уповай на Бога». Автор для аналогии приводит другие типы булгарских монет с подобными сентенциями.

Ключевые слова: монета, дирхам, клад, Менгу-Тимур, Булгар, Золотая Орда, XIII век

Алексей Игоревич Бугарчев[1]
[1]Татарстан Республикасы Ғылым Академиясы А.Х. Халиков ат. Археология институты, Қазан, Ресей

Мөңке-Темірдің «каан» титулды теңгелері туралы*

Мақалада алтынорда ханы Мөңке-Темірдің Еділдің орта ағысы бойында соғылған теңгенің бір түрі қарастырылады. Дирхам Бұлғар теңге сарайында Мухаррам х.б. 678 ж. (1279 ж. мамыр–маусым) мерзімімен соғылған. Теңгелер «әл-әділ» теңеуімен «каан» титулының орналастырумен ерекшеленеді. «Каан» титулы тек Бұлғар мен Қырым теңге соғуында ғана қолданылғаны анықталған. Бұл түр 1280 жж. кезеңделетін кем дегенде үш қазына құрамынан табылды. Автор анықтағандай, «каан» титулы бар барлық күміс теңгелер үш бөлікке бөлінген. Ең ауыр даналарының салмағы 1,56 г. болып соғылған. Зерттелген түрдің артқы бетінде «Аллаға сен» деген нақыл сөз жазылған. Автор бұлғар теңгелерінің осындай сентенциялы басқа түрлерін аналог ретінде келтіреді.

Түйін сөздер: теңге, дирхам, қазына, Мөңке-Темір, Бұлғар, Алтын Орда, XIII ғасыр

Alexey Bugarchev[1]
[1]Halikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

About Mengu-Timur coins with the title “kaan”

The article considers one type of Middle Volga minting of the Golden Horde Khan Mengu-Timur. Dirham was minted at the Bulgar Mint in the month of Muharram 678 AH. (May–June 1279). The coins are notable for placing the

© 2023 Бугарчев А.И.
**Выражаю благодарность МО РФ за поддержку при написании данной работы*

title “kaan” with the epithet “al-adil.” It was established that the title “kaan” was used only in the coinage of Bulgaria and Crimea. This type was found in at least three treasures thesaurated in the 1280s. As the author established, the weight of silver coins falls into three blocks. The heaviest copies were minted with an indicated weight of 1.56 g. On the studied type in the legend of the reverse side there is a saying “Trust in God.” For analogy, the author cites other types of Bulgarian coins with similar sentiments.

Keywords: coin, dirham, hoard, Mengu-Timur, Bulgar, Golden Horde, 13th century

В 665 / 1266–1267 г. после смерти Берке к власти в Улусе Джучидов пришёл Менгу-Тимур, сын Тукана, внук Бату. Он стал первым правителем нового государства, известного нам как Золотая Орда. В это же время в Улусе была проведена денежная реформа. В Булгарском вилайате это выразилось выпуском серебряных монет нового образца сразу 8 номиналов – весом от 3,10 до 0,31 г. Основным отличием было проставление «двуногой» тамги Менгу-Тимура. На дирхамах начального периода чеканки 665 – 671 гг.х. (1266–1267 – 1272–1273 гг.) не ставилось имя эмитента и дата выпуска. Часто даже название монетного двора опускалось. Начиная с 671 / 1272–1273 г. на булгарских дирхамах и фракциях стали указываться эмитент – правящий хан Менгу-Тимур, иногда место чеканки и даты выпуска. Обязательным элементом было помещение тамги.

Ранее нами уже были изучены особенности серебряных монет С/11[1] С/33–36, С/64 и С/74 [Бугарчев, Степанов 2022]. В данном сообщении мы рассмотрим дирхам С/19 [Сингатуллина 2003; 75–76].

Впервые тип[2] С/19 был издан в знаменитой работе Х.М. Френа [Френ 1832; 2, №6, Tab. I, VIII]. Сто пятьдесят лет спустя, в 1987 г. Г.А. Фёдоров-Давыдов описал дирхам под № 11 [Фёдоров-Давыдов 1987: 165; рис. 24, № 9]. На фототаблице приводится прорисовка из его статьи с небольшой неточностью – дата должна быть поставлена «вверх ногами».

Изучаемый дирхам был выпущен на монетном дворе (далее – МД) Булгар с датой мухаррам 678 г.х. (соответствует маю-июню 1279 г.). В отдельных случаях дата ставилась с ошибкой – 687 вместо 678 (Менгу-Тимур умер в 681 / 1282–1283 г).

На монете имя хана указано с титулом «каан ал-адил» – каан правосудный.

Рассмотрим присутствие С/19 в кладах последней трети XIII в. Указанные монеты были обнаружены в составе трёх кладов – № 21, 22, 23 [Бугарчев, Петров 2018]:

-№ 21 – найден на юге Татарстана до 2010 г., точный типологический состав не известен, всего было около 160 монет. Сокрыт после 1279 г. [Бугарчев, Петров 2018: 93];

-№ 22 («III Болгарский») – найден в раскопе LXXIII Болгарского городища в 1980 г., всего было 121 экземпляр, из них семь дирхамов С/19 с датой 678 г.х. (один С/19 с необычной тамгой), пять монет С/19 с перевёрнутой датой 687 (=678). Всего 12 экз. или 9,9% от всего состава клада. Тезаврирован в 1281-1282 гг.;

-№23, Кокрятский – найден в 2011 г. в Старомайнском районе Ульяновской области, всего 281 монета. В кладе С/19 обнаружено пять экземпляров С/19 (или 1,8% от состава клада). Тезаврирован до 1291 г.

Возможно, изучаемый тип присутствовал в кладе №25 («Балымерский»). Точный состав не известен, всего в кладе было около 2000 монет.

Обратимся к метрологии монет С/19. Достаточное количество экземпляров позволило построить гистограмму (гистограмма 1).

Видимо, наиболее тяжёлые экземпляры чеканились с указным весом 1,56 г (5 весовых дангов по 0,31 г). С учётом потёртости монет в процессе обращения на гистограмме выявлен второстепенный пик на значении 1,50 г.

Рассмотрим клады, тезаврированные в начале 1280-х гг., в состав которых входили дирхамы С/19.

Клад № 21: фракции С/33-35, Менгу-Тимур, без указания монетного двора, мода гистограммы 1,08±0,02 г (учтен 41 кз.);

дирхамы С/29, Менгу-Тимур, Булгар, мода 1,53±0,02 г (учтено 35 экз.);

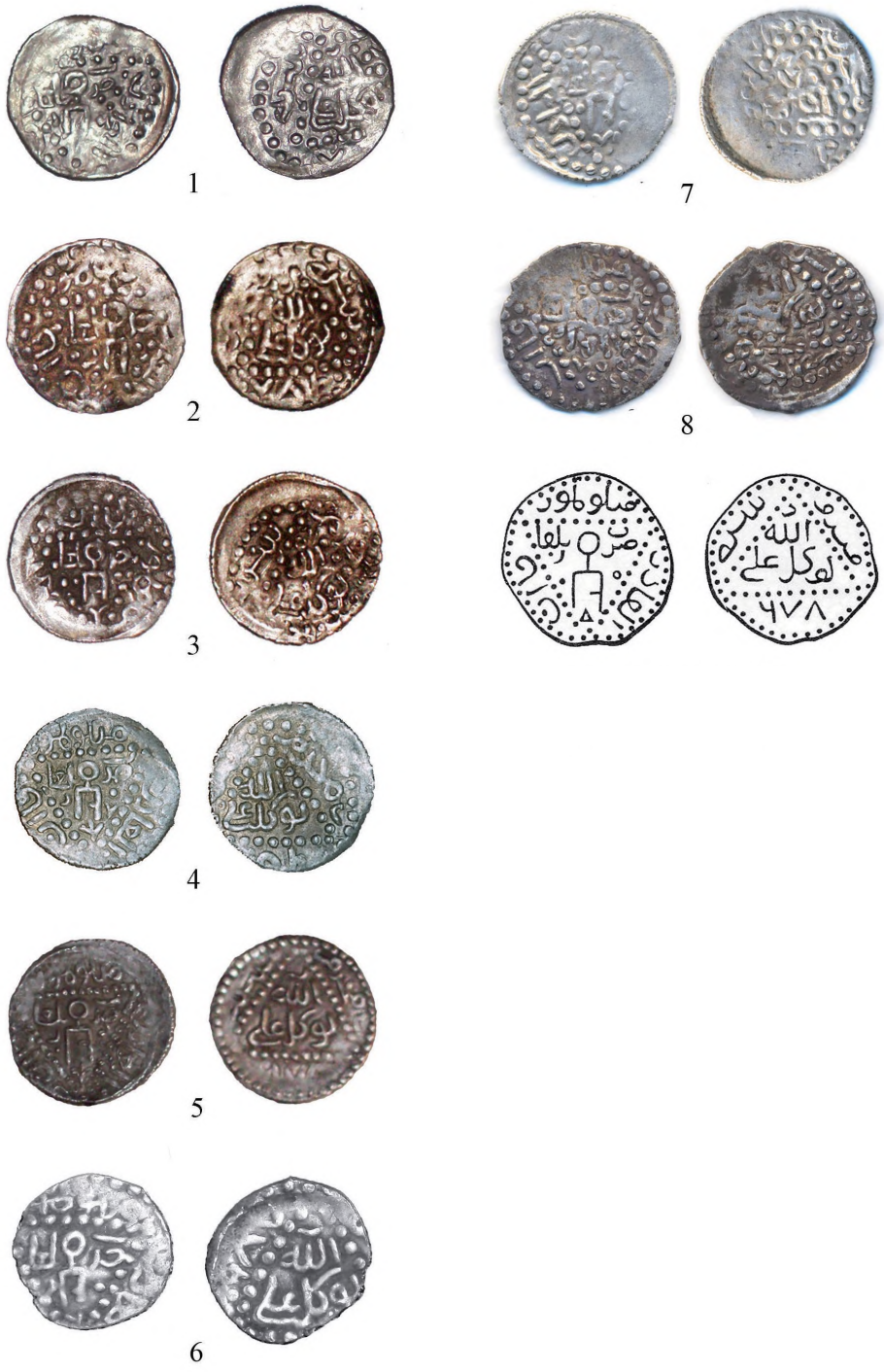
дирхамы С/81, анэпиграфные, диапазон веса 18 известных автору экземпляров от 0,36 до 1,68 г, средний вес[3] 11 самых тяжёлых монет – 1,56 г.

Из некладовых монет, чеканенных в это время, можно назвать типы С/21, Булгар, 677–678 г.х. (учте-

[1]Номера монет приводятся по монографии А.З. Сингатуллиной [2003].

[2]Тип – за критерий типа принимаются два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты [Петров 2010: 126].

[3] Средний вес высчитывался при невозможности построить гистограмму.

Фототаблица. 1 – вес 1,25 г; 2 – вес 1,25 г; 3 – вес 1,26 г; 4 – вес 1,53 г; 5 – вес 1,60 г; 6 – год 687, вес не сохранился; 7 – вес 1,26 г; 8 – вес 1,45 г (прорисовка по: [Фёдоров-Давыдов 1987])

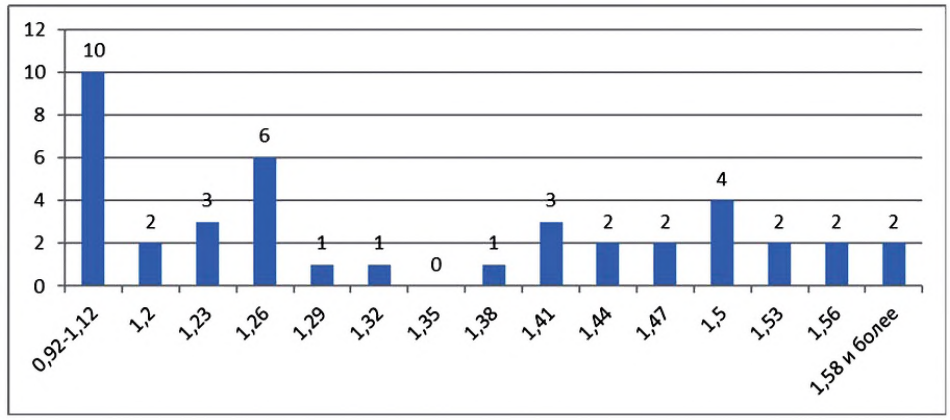
Фотокесте. 1 – салмағы 1,25 г; 2 – салмағы 1,25 г; 3 – салмағы 1,26 г; 4 – салмағы 1,53 г; 5 – салмағы 1,60 г; 6 – 687 жыл, салмағы сақталмаған; 7 – салмағы 1,26 г; 8 – салмағы 1,45 г (сурет [Фёдоров-Давыдов 1987] бойынша)

Photo table. 1 – weight 1.25 g; 2 – weight 1.25 g; 3 – weight 1.26 g; 4 – weight 1.53 g; 5 – weight 1.60 g; 6 – year 687, weight has not been preserved; 7 – weight 1.26 g; 8 – weight 1.45 g, drawing after – Fedorov-Davydov 1987

Гистограмма 1 – Зависимость количества монет С/19 от значения их веса. Учтено 43 экз.
(каталог А.З. Сингатуллиной – 22 экз., Кокрятский клад – 3 экз., фонды БГИАМЗ – 1 экз., фотоархив автора – 17 экз.)

1-гистограмма – С/19 монеталар санының салмақ мәніне тәуелділігі. 43 дана саналды
(А.З. Сингатуллина каталогы – 22 дана, Кокрят көмбесі – 3 дана, БМТАМҚ қорлары – 1 дана, автордың фотоархиві – 17 дана)

Histogram 1 – the dependence of the number of C/19 coins on the value of their weight. 43 copies were taken into account (A.Z. Singatullina's catalog – 22 copies, Kokryatsky treasure – 3 copies, BSHAMR funds – 1 copy, photo archive of the author – 17 copies)

Мода 1,26±0,02 г (6 экз.), второстепенный пик – 1,50±0,02 г (4 экз.). Гистограмма распадается на три блока: монеты весом 0,92–1,12 г (10 экз.), монеты весом 1,19–1,32 г (13 экз.) и монеты весом 1,38–1,60 г (18 экз.). Средний вес дирхамов третьего блока (2677/18)=1,49 г

Үлгі 1,26±0,02 г (6 дана), екінші дәрежелі шек – 1,50±0,02 г (4 дана). Гистограмма үш блокқа бөлінеді: салмағы 0,92–1,12 г монеталар (10 дана), салмағы 1,19–1,32 г монеталар (13 дана) және салмағы 1,38–1,60 г монеталар (18 дана). Үшінші блок дирхамдарының орташа салмағы (2677/18)=1,49 г

Moda 1.26±0.02 g (6 copies), secondary peak – 1.50±0.02 g (4 copies). The histogram is divided into three blocks: coins weighing 0.92–1.12 g (10 copies), coins weighing 1.19–1.32 g (13 copies) and coins weighing 1.38–1.60 g (18 copies). The average weight of dirhams of the third block (2677/18)=1.49 g

но 12 экз., средний вес 1,04 г) и С/36, Менгу-Тимур, без монетного двора (средний вес 9 учтёных экз. 1,50 г).

Клад № 22, III Болгарский: фракции С/22, Менгу-Тимур, Булгар, учтено 16 экз., мода 1,06±0,02 г;

дирхамы С/75, анонимные, учтено 12 экз. весом от 0,76 до 1,67 г, (средний вес 8 самых тяжёлых монет 1,50 г);

фракции С/58, Туда-Менгу (правил после Менгу-Тимура в 682 – 685 гг.х.), Булгар, известно 11 монет весом от 0,59 до 1,49 г.

Из составов указанных двух кладов можно реконструировать денежную систему номиналов, функционировавшую в конце 1270-х – начале 1280-х гг. в Булгарском вилайате: фракции С/33-35, С/21 и С/22 с указным весом 1,08 г (3 ½ весового данга); дирхамы С/29, С/36, С/75, С/81 и, возможно – С/19 (указный вес 1,56 г или 5 весовых дангов).

Теперь рассмотрим титулы Менгу-Тимура, проставленные на продукции других монетных дворов Золотой Орды.

МД Булгар. Титулы Менгу-Тимура в Булгаре: Менгу-Тимур «Каан ал-адил» – 678 г.х., Менгу-Тимур «Хан ал-адил» – 677 и 678 г.х. (мода 1,04±0,02 г) (тип С/21) [Сингатуллина 2003: 76]. По мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, Менгу-Тимур, «поместив своё имя вместе с титулом…, тем самым заявил о значительных своих претензиях быть полноправным и суверенным правителем в системе монгольских государств» [Фёдоров-Давыдов 1987: 165]. На остальных именных дирхамах и фракциях указано только имя с эпитетом «ал-адил».

МД Крым. Ярмаки с легендой «Менгу-Тимур Каан ал-адил», с датой 665 г.х. (1266–1267) [Лебедев 2000: 35, С 2 а]. Возможно, данный тип выпускался

в течение нескольких лет с «замороженной» датой 665. В 673 / 1274–1275 г. на новой эмиссии ярмаков эмитент указан только с эпитетом «ал-адил» [Зено №62404].

МД Сарай. В правление Менгу-Тимура ставилась только его тамга, ни имени, ни титулов (анонимный чекан).

На среднеазиатских дворах – *Хорезм, Кутлукенд, Дженд* – серебряные монеты чеканились только с тамгой хана, без дат и топонимов [Петров и др. 2014: 156–171].

Таким образом, булгарские дирхамы 670-х / 1270-х годов являются единственными во всей системе монетного обращения Золотой Орды, где у Менгу-Тимура приводится титул, равный титулу правителя Монгольской империи.

Примечательно помещение на оборотной стороне дирхама изречения «Уповай на Бога». Это не единичный случай. На более ранних булгарских монетах мы видим легенду «Честь всегда продолжающаяся и слава постоянная» [Сингатуллина 2003: 75, С/17][4] . На фракциях 672–681 / 1272-1282 гг. читается восхваление «Слава Богу» [Сингатуллина 2003: 76–77]. На дирхамах и фракциях 677–679 / 1278–1281 гг. помещена часть символа веры [Сингатуллина 2003: 134].

Многочисленность типов серебряных монет булгарской чеканки и их оформление, одновременное обращение анонимных, анэпиграфных и именных дирхамов свидетельствует о своеобразии монетного обращения молодого государства Золотая Орда в 1260-е – 1270-е годы.

[4] Существуют и другие варианты перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. О булгарских монетах Менгу-Тимура с титулом «Ан-Насир ли-дин Аллах» (1266-1272 гг.) // Археология Евразийских степей. №6. Казань. 2022. С. 8–13.

Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. №2. 48 с.

Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 121–149.

Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана / Отв. ред. Р.З. Бурнашева. Алматы: ИА КН МОН РК. 2014. 264 с.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов М.: Наука, 1987. С. 158–205.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832. 80 с.: XVII табл. ил. //URL: https://www.zeno.ru (дата обращения 27.03.2023 г.)

REFERENCES

Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy chetverti XIV vv. (Coin hoards of the Bulgarian vilayet from the 13th to the first quarter of the 14th centuries)*. Kazan: Institute of History named after S. Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2022. In: *Arheologiya Evraziyskih stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 6, 8–13 (in Russian).

Lebedev, V. P. 2000. In: *Vestnik Odesskogo muzeya numizmatiki (The Bulletin of the Odessa Museum of Numismatics),* 2, 48 (in Russian).

Petrov, P. N. 2010. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya (Golden Horde Civilization)*, 3, 121–149 (in Russian).

Petrov, P. N., Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Velikoy Mongolskoy imperii, gosudarstvah Chagataidov i Dzhuchidov na territorii Kazakhstana (Monetary affairs and monetary circulation in the Great Mongol Empire, the states of the Chagataids and the Jochids in the territory of Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety Povolzhskikh gorodov XIII veka (Jochid coins of the Volga cities of the 13th century)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Fyodorov-Davydov, G. A. 1987. In: Fyodorov-Davydov G. A. (ed.). *Bolgar. Ocherki istorii i kultury (Bolgar. Essays on history and culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158–205 (in Russian).

Fren, K. M. 1832. *Monety hanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoy Ordy s monetami raznyh inyh Muhammedanskih dinastiy v pribavlenii (Coins of the khans of the Jochi Ulus or the Golden Horde with coins of various other Muhammadan dynasties).* St. Petersburg. URL: https://www.zeno.ru (accessed on 27.03.2023) (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 29.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.04.2023.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.273.279

Айқын Мақсатұлы Дүйсенбеков[1, 2]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан;
[2]Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана қ., Қазақстан
aikynduisenbekov2000@gmail.com

Көне түркілердің күміспен қақтау технологиясы хақында*

Мақалада Елеке сазы қорымынан табылған көне түркі кезеңіне тиесілі үзеңгідегі күміспен қақтау технологиясымен салынған бейнеге талдау жасалады. Ежелгі түркілердің зергерлік өнерінің элемені болып табылатын қақтаудың технологиялық ерекшелігі сипатталды. Сипатталған материалдардың Алтайда зерттелген ескерткіштердегі ұқсастықтары келтірілді.

Кілтті сөздер: Көне түркілер, Елеке сөзы, қаған кешені, қақтау технологиясы, ілмекті үзеңгілер

Айкын Максатович Дуйсенбеков [1, 2]
[1]Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;
[12]ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

О технологии серебрения у древних тюрков

В статье представлен анализ изображения, нанесенного серебрением на стремена древнетюркского периода, обнаруженные в могильнике Елеке сазы. Описаны технологические особенности тауширования, которое является элементом ювелирного искусства древних тюрков. Приведены аналогии описанному материалу в памятниках исследованных на Алтае.

Ключевые слова: Древние тюрки, Елеке сазы, каганский комплекс, технология таушировка, петлевые стремена

Aikyn Duisenbekov[1, 2]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
[2]L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan

About the silvering technology of the ancient Turks

The article presents an analogical analysis of the image made with silver plating technology on a stirrup belonging to the ancient Turkic period found in the Eleke Sazy burial ground. In addition, the technology of engraving, which is a component of jewelry art, is considered. We focused on the similarity of the stirrup with the stirrups found in Altai.

Keywords: Ancient Turks, Eleke sazy, Kagan complex, technology of weaving, looped stirrups

© 2023 ж. Дүйсенбеков А.М.
**Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.*

Шығыс Қазақстанның ежелгі қазыналарын зерттеу жобасы аясында З. Самашев[1] жетекшілік еткен археологиялық зерттеу жұмыстары 2020 жылы Елеке сазы қорымындағы Түркі дәуіріне жататын «Қаған кешенінде» жүргізілді. Бұл ескерткіш Қазақстан аумағындағы көне түркі дәуіріне жататын алғашқы қағандық кешен болып табылады.

Елеке сазы қорымы – Абай облысы, Ақсуат ауданы, Ақсуат ауылынан оңтүстік-батысқа қарай 95 км жерде, Қарғыба өзенінің жағалауында орналасқан. Тарбағатай аумағында мұндай ескерткіштің табылуы түркілердің тарихи аренаға шығуымен, олардың рухани-дүниетанымдық және діни-философиялық бағдарларымен және кеңістіктегі үздіксіз байланыстарымен Азиядағы белгілі бір этномәдени процестерді көрсетеді [Самашев 2022: 163–184].

Ежелгі түркілердің жужандарды жеңуі, оларды Орталық Азияда үстем халыққа айналдырды. Шығыс Азия мен Шығыс Еуропаға жорықтар жасау үшін ыңғайлы ат жабдықтары қажет болды. Алғашқы Түркі қағанатының пайда болуымен ежелгі түркілерде қарапайым және қолдануға ыңғайлы ат жабдықтарының жаңа түрлері пайда болады. Үзеңгілер темірдің көлденең қимасында дөңгелектелген дайындамаларынан жасалған. Олардың темірден иілген сақиналы ілмегі, сопақша саңылауы, доғал немесе түзу табаны, екінші түрінің тікбұрышты саңылауы бар ілмегі, қысқа мойны, сопақша саңылауы, төменгі жағында жиегі бар доғал немесе табаны түзу. Үзеңгінің екі түрі де функционалды түрде оңтайлы болғаны соншалық, ежелгі түркі мәдениетінің өмір сүруін бес ғасырға ілгерілетті [Савинов 1984: 133].

Елеке сазы қорымындағы көне түркі дәуіріне жататын Қаған кешеніндегі қазба жұмыстары барысында ерекше бедері бар үзеңгі табылды (1, 2-сур.). Үзеңгі толықтай темірден жасалып, сыртқы жағына күміспен қақтау технологиясын қолдану арқылы безендірілген. Негізгі тірегі саналатын қос қапталы төменгі бөлігіне дейін еніп, екі жағына симетриялы кеңейтілген. Ер-тоқымның екі қапталынан қайыс бау арқылы тағылатын, үзеңгінің жоғарғы жағында таралғы өткізетін бөлігі жартылай жойылған. Негізгі бедер үзеңгінің басқышында көрінгенімен, қос қапталынан бастап жоғары қарай симметриялы өрнектермен көмкерілген. Басқыштың сыртқы жағындағы өрнектер шеткі бөліктерінде сақталмағанымен, негізгі орталық бөлігінде орналасқан бейнеге қарап түсінуге болады. Қос қапталынан төменгі бөлігіне еніп жатқан орталығы шығыңқы орналасқан. Онда құс бейнесі, орталығынан қарама-қарсы бағытталған. Басты назар басқыштың ішкі жағында өсімдік текті және зооморфты стилге аңшы адамның бейнесі кіріктірілген. Мұндай үзеңгілердің ұқсас түрлері Шығыс Қазақстаннан, Алтай тауынан және Хакасиядағы Копендік Чаатас жерінен табылған [Король 2008: 332 с].

Елеке сазында орналасқан «Қаған кешенінен» табылған үзеңгінің негізгі шығу тегі Алтайдан [Кляшторный, Султанов 2000] табылған ерте ортағасырлық үзеңгілермен байланысады. «Қаған кешенінен» табылған үзеңгі жасалуы мен безендірілу технологиясының дамыған кезеңімен сәйкес келеді.

Осыған байланысты үзеңгілердің аумақта таралуына тоқтала кетсем. «Ілмектелген» үзеңгілер – Еуразия аумағында біздің заманымыздың I мыңжылдығының екінші жартысында кең тараған (3-сур.). Бұл кезеңдерде көшпелілердің ер-тұрман жабдықтарын жасауды жақсы игергені сонша, осыған сай ат үстіндегі айқас тәсілдері де өзгеріске түсіп дамыды. С.И. Вайнштейн бұл туралы: «... Алтай түріктерінің үзеңгілерді алғаш рет кеңінен қолдануына байланысты толық негіз бар. Олар өмірінің көпшілігін ат үстінде өткізген көшпенді жылқышылар ғана емес, сонымен қатар темір қорыту мен өңдеу ісін өте жоғары шеберлікпен атқара білді. Орталық Азияның көшпенділері арасында олардың «темір балқытушылар», «теміршілер» деген атпен белгілі болғаны тегін емес...» [Ваинштейн 1966: 66].

Мұндай үзеңгілердің пайда болуын зерттеушілер VI–VII ғасырларға жатқызды. С.И. Вайнштейннің тұжырымдауында, үзеңгілерді алғаш рет Алтай түркілері пайдалана бастаған. И.Л. Кызласов үзеңгілердің шығу тегі туралы мәселені нақтылауға тырысты. Ол үзеңгілерді пайдалану дәстүрі С.И. Вайнштейн ойлағаннан да көне деп шешті; оның пікірінше, “үзеңгілер б.д.д. IV–III ғасырлардан бастап пайда болып, кеңінен қолданыла бастады” [Кызласов 1973: 35].

Үзеңгілер қайыс бау арқылы ер-тоқымға бекітілді. Тянь-Шаньның Кочкор алқабындағы көне түркі ескерткіштерінен табылған темір

[1] Мақаланы жазуда авторлық рұқсаты мен ғылыми кеңес берген Зайнолла Самашевқа алғысымды білдіремін

1-сур. Елеке Сазы қорымындағы «Қаған» кешенінен табылған үзеңгі. З. Самашевтың фотосуреті

Fig. 1. Stirrup from the “Kagan” complex of the Eleke Sazy burial ground. Photo by Z. Samashev

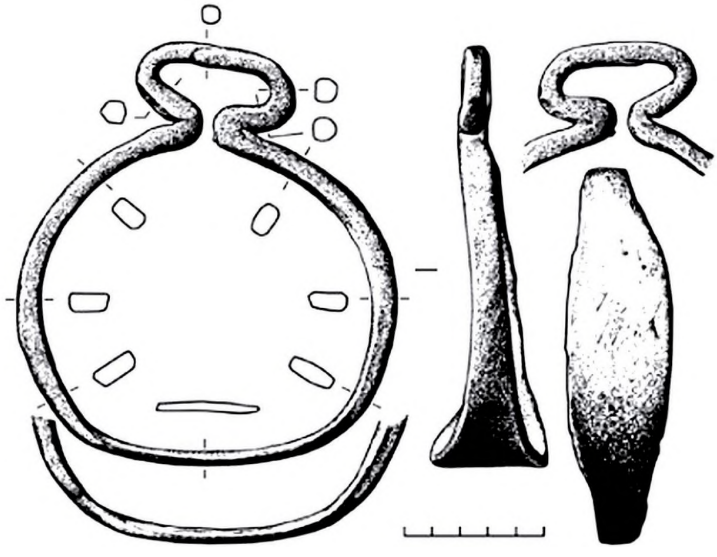
Рис. 1. Стремя из комплекса «Каган» могильника Елеке Сазы. Фото З. Самашева

2-сур. Елеке Сазы қорымындағы «Қаған» кешенінен табылған үзеңгі. Профиль көрінісі. З. Самашевтың фотосуреті

Fig. 2. Stirrup from the “Kagan” complex of the Eleke Sazy burial ground. Profile view. Photo by Z. Samashev

Рис. 2. Стремя из комплекса «Каган» могильника Елеке Сазы. Вид в профиль. Фото З. Самашева

3-сур. Алтай өлкесінің Тальмен ауданынан табылған үзеңгі. Суретті салған И.А. Чудилин

Fig. 3. Stirrups from the Talmensky district of the Altai Krai. Artist: I. Chudilin

Рис. 3. Стремена из Тальменского района Алтайского края. Художник: И.А. Чудилин

үзеңгілерде саңылаулар, ілмектер немесе ілуге арналған құрылымдар түрінде ерекшеленді. Үзеңгілердің ішінде мойынсыз домалақ ілмекті, мойынды домалақ ілмекті, дөңгелек ашық ілмекті түрлері бар. Сирек кездесетіні – үзеңгі бауды бекітуге арналған жартылай ұзартылған құрылғысы бар үзеңгі. Белдік қуыс ілгектің жоғарғы бөлігіндегі тесік арқылы өткізіліп, жоғарғы жағына оралды. Доғалы тесігі бар үзеңгілер сопақша ілмекті, мойынға төртбұрышты ілмекті, өзегіне төртбұрышты ілмекті түрлермен көрсетеді [Табалдиев 1996: 120–125].

Алтайдағы және Моңғолиядағы ежелгі түркілердің ескерткіштерінде жиі кездесетін олжа – темір үзеңгілері. Олар ежелгі түркі жерлеу орындарының көпшілігінде жылқылармен, кейде жерлеу қоршауларында кездеседі. VIII-X ғасырларға жататын Минусинск шұңқырында жылқысы бар ежелгі түркі

4-сур. Елеке Сазы қорымындағы «Қаған» кешенінен табылған үзеңгі (ішкі жағы)
Fig. 4. Stirrup from the "Kagan" complex of the Eleke Sazy burial ground (inner side)
Рис. 4. Стремя из комплекса «Каган» могильника Елеке Сазы (внутренняя сторона)

жерлеу орындарында темір үзеңгілер; Моңғолия аумағында көне түркі ескерткіштерінен сақина немесе пластиналы ілмекті үзеңгілер; Саинтэ-Сумэ және Джарагаланты ескерткіштеріндегі екі жылқысы бар жерлеу орнында кесіндісі бар пластиналы ілмекті үзеңгілер табылған. Бұл ескерткіштер VIII – X ғасырларға жатады [Евтюхова 1948: 50–55].

Таулы Алтайдың аумағындағы ежелгі түркі ескерткіштерінде сақиналы және пластиналы ілмекпен, жалпақ табанмен үзеңгілер басым болды. Олардың мерзімделуі VII–X ғасырларда Батыс Түрік, Шығыс Түрік, Ұйғыр және Қырғыз қағанаттарының өмір сүру кезеңімен сәйкес келеді.

Күміспен қақтау технологиясы.

Қақтау әдісі – бір металды екіншісіне жұмсақ металмен төмен балқу температурасында инкрустациялау. Аталған әдіс, қола және болат бұйымдарын қымбат металдарымен безендірудің ерекше, өте ежелгі әдісі. Технология көркем бұйымдарды, тұрмыстық заттарды, қару-жарақ пен жауынгерлік жабдықтарды: қылыштарды, қанжарларды, қалқандарды, дулығаларды, білектерді, үзеңгілерді безендіру үшін қолданылды.

Бұйымның сыртында арнайы ойық қалдырылып, сол ойық бағалы металмен толтырылған. Бағалы метал ретінде күміс жиі қолданылған. Күміс қақтауға төзімді, жұмсақ болып келеді, оны көркемдеп өңдеуге әртүрлі әдістер қолданылады: құю, басу, созу, темірге күміс қақтау. Әшекейлеу технологиясының ерекшелігіне байланысты бұйымды сыртқы бейнесімен ерекше үйлестіреді.

Үзеңгідегі ұқсастықтар.

Үзеңгідегі қақтау технологиясымен жасалған бедер Ресейдегі Копендік Чаатас жерінен де табылған. Бірнеше темір үзеңгілер өсімдік текті өрнектері қақтау технологиясымен көмкерілген [Кызыласов, Король 1990]. Әдебиетте металды көркемдік өңдеудің бірнеше түрлері атап өтіледі. Олардың шығу тегі ерте темір дәуірінің мәдениеттерінен бастап, қазіргі уақытқа дейін өмір сүреді [Кызласов 1983: 120–130].

Кейбір темір үзеңгінің кең табандарында бұйра кесінділер бар. Табанының ішкі жағы жолбарыс немесе барыс және атты адамның аң аулау көрінісімен безендірілген (4-сур.). Бейнеде арыстан ашуланған жолбарыспен алмастырылуы мүмкін. Алайда, жыртқыштың шабандозға артқы жағынан шабуыл жасауы және шабандоздың садақ атуы Сасанидтік оюөрнектерінде жиі кездеседі. Жалпы алғанда, Копендік нақыштаулар мен Елеке сазынан табылған үзеңгідегі бейнені салыстыру арқылы, бұл екі жағдайда да аң аулау көрінісін байқаймыз.

«Қаған комплексінен» табылған үзеңгінің құрылымына келетін болсақ, темірден жасалған бұйымдағы безендірулердің аң стилі және өсімдік

стилі кездеседі. Үзеңгідегі күміспен қақтау технологиясымен салынған бейненің негізгі фоны өсімдік стилімен құралып, басты назар жыртқыш аң аулау көрінісіндегі атты адамға түседі.

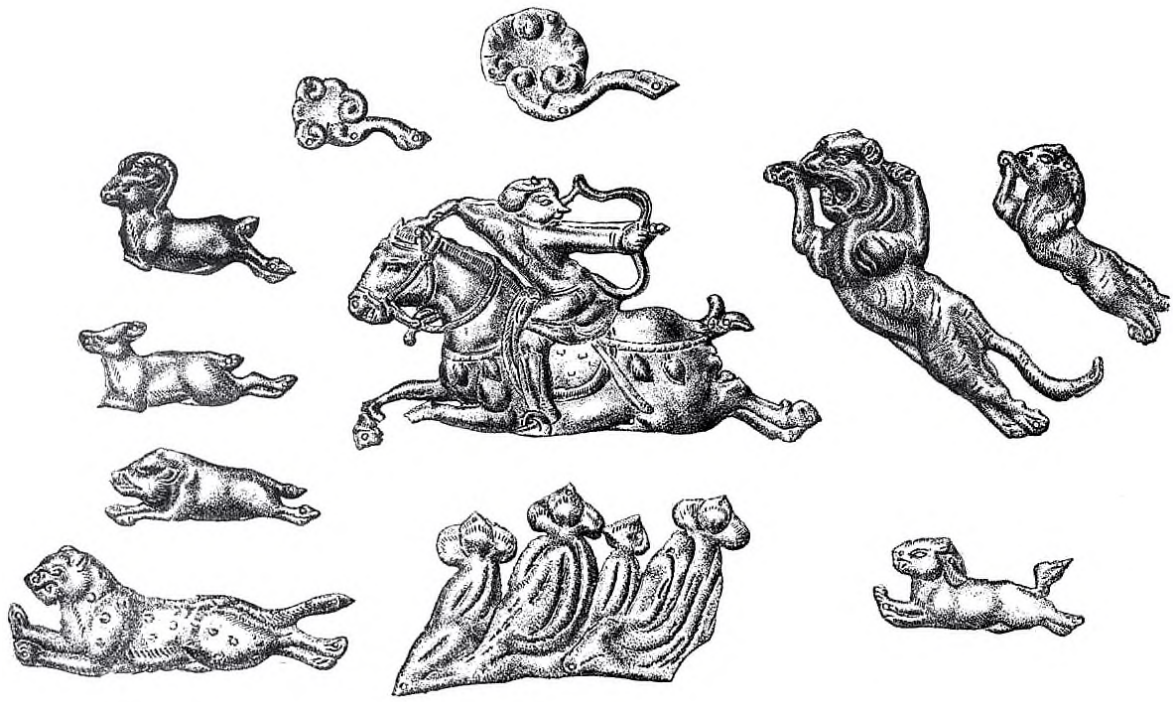
Метал бұйымдарды безендіру VIII ғасырдың бірінші жартысындағы материалдық мәдениеттің негізгі бөлігі болып табылады. Метал бұйымдарын безендіру қақтау технологиясы арқылы ою-өрнектермен көмкерілгенде, Копендік Чаатас мәдениетін Таштық мәдениетінен ажыратады [Кызласов 1983: 120–130]. Түркілердегі метал өңдеу технологиясының шекарасы өте ауқымды болғанын көрсетеді. Көршілес Қытай және Парсы өркениеттерімен байланысады.

Метал бұйымдарының ою-өрнегінің негізін құрайтын барлық мотивтерді үш негізгі топқа бөлуге болады: геометриялық, өсімдік және зооморфты. Қарастырып отырған үзеңгіде өсімдік текті, зооморфты және аңшы бейнеленген.

Өсімдік стилі-қарапайым өсімдік текті элементтерінің шығу тегі ежелгі Шығыс мәдениеттерінің әсерінен пайда болған. Сақ дәуіріндегі тайпалардың мәдениетінен бастау алады. Қарапайым және күрделі композицияларымен өсімдік ою-өрнектерінің таралуы ерте ортағасырдағы дала халықтарының өнеріндегі ерекше құбылыс. Әр түрлі безендірілген заттардың көркемдік бейнелеріне жаңа өзгеріс әкелді.

Аң стилі – дәстүрлі скиф-сібір стилінің алдыңғы дәуірлерден сақтаған көркемдік тәжірибесі мен дәстүрлері тығыз байланысты ежелгі түркі өнерінің ерекшеліктерін көрсетеді. Безендірілген сюжеттер сол кезеңдегі өнердегі жаңа тенденцияларды, жергілікті дәстүрлі талғамдарды ескере отырып түсіндіріледі [Федоров-Давыдов 1976: 56–58]. Г.А. Федоров-Давыдов дала халықтарының ою-өрнек өнерінің және ерте ортағасырлық кезеңнің айрықша ерекшелігі – өсімдік ою-өрнегінің басым бөлігі зооморфты өрнектің ұштасуымен түсіндіреді.

Орта ғасырлардағы өсімдік текті ою-өрнектерінің ерекшелігі өсімдік формаларын геометриялау болды. Ол табиғаттан алшақтауды ғана емес, ою-өрнекте осы дәуірдің барлық өнер стиліне сәйкес келетін жаңа қасиеттерді дамытуды да қамтыды [Савинов 1979: 55–57]. Бұл ерекшеліктер Чаатас мәдениетінің метал бұйымдарының ою-өрнек стилін де сипаттайды. Үлгілер табиғаттағы өсімдіктерді қайталамайды. Олар

5-сур. Копендік чаатас
Fig. 5. Kopensky chaatas
Рис. 5. Копёнский чаатас

геометрияланған және симметрияларға бағынады.

Ерекше туындылардың бірі-шабандоздардың аң аулау көріністерін қайталайтын Копендік қола қапсырмалар (5-сур.). Қапсырмадағы фигуралардың жиынтығы, композициялық және стилистикалық ерекшеліктері, ежелгі түркілердің өмірін зерттеуге арналған мәдени-тарихи рөлі әдебиетте егжей-тегжейлі көрсетілген. Сол уақыттағы жергілікті шеберлердің жұмысындағы маңыздылығы, қапсырмадағы бейнелердің күрделілігімен түсіндіріледі. Жануарлар алты бейнемен ұсынылған: жолбарыс, барыс, дала иті, қабан, бұғы және тау ешкісі. Олар бізге бұрыннан белгілі зооморфтық бейнелердің жиынтығын толықтырады [Евтюхова 1948: 109].

Қорытынды

Қорытындылай келе, қазақтың ер-тұрман жабдықтары ұн, көне түркілердің пайдаланған нұсқаларының тікелей жалғасы. Қазақ халқының қазіргі уақытқа дейін пайдаланып келе жатқан үзеңгілер саны өте көп. Ұлттық мәдениетіміздің үлкен бір саласы ат әбзелдерінің жасалу жолдары, технологиясы, аймақтық ерекшеліктері ауқымды. Халқымыз ат әбзелдерін – сәндік, тұрмыстық, жауынгерлік мақсатқа орай әртүрлі пайдаланған. Тұрмыстық үлгіде: күнделікті шаруаға қажет ат әбзелдері жатады. Сәндік үлгіде жасалған әбзелдер қатарына – ханды ұлықтау немесе шенді адамдардың салтанатты жерлерге баруына арнайы жасалған. Жаугершілік мақсатта – ат әбзелдерінің сапалылығы мен беріктігіне басты назар аударылған.

Осы зерттеуде талданған көне түркілердің күміспен қақтау технологиясы, ерте ортағасырлық ою-өрнектің ерекше эстетикалық құрылымын көрсетеді. Метал бұйымында безендірілген жануар мен атты адам бейнесі композицияның бір бөлігі болып саналады. Сонымен қатар, өсімдік текті өрнектің элементтері тұтас сюжетті құрайды. Зооморфтық бейнелер көне түркілердің қолданбалы өнерінің жарқын үлгілерінің бірі.

Түркі мәдениетінің таралу аймағының кең көлемде болғандығы, көрші мемлекеттермен әрдайым үздіксіз байланыс орнатқанын археология ғылымы заттай деректер арқылы дәлелдеу үстінде. Қойнауында талай мұраларды сыйғызған кең байтақ жерімізде тарихымызды асқақтататын әлі де талай археологиялық жаңалықтардың ашылатынына кәміл сенемін.

ӘДЕБИЕТ

Ваинштейн С.И. Некторые вопросы историй древнетюркской культуры //Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 109 с.

Жумаганбетов Т.С. Древнетюркский каганат: становление и развитие государственности. VI–VIII вв. Алматы, 2006. 395 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Ника, 2000. 320 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Кызласов И.Л. К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. 252 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ. 1984. 174 с.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири / История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 53–72.

Самашев З. Древнетюркский культово-поминальный комплекс в Восточном Казахстане // Theory and practice of archaeological research. 2022. № 4 (34). С. 163–184.

Самашев З., Айткали А.К., Толегенов Е.К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. №2 (40). С. 21–34.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племён Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. 316 с.

REFERENCES

Vainshteyn, S. I. 1966. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)*, 3, 60–81 (in Russian).

Evtiukhova, L. A. 1948. *Arheologicheskie pamyatniki eniseyskih kyrgyzov (hakasov) (Archaeological monuments of the Yenisei Kyrgyz (Khakas))*. Abakan: "Sovetskaya Khakasiya" (in Russian).

Zhumaganbetov, T. S. 2006. *Drevnetyurkskiy kaganat: stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti. VI–VIII vv. (The Ancient turkic kaganate: formation and development of statehood. 6th–8th cc.)*. Almaty. (in Russian).

Klyashtorny, S. G., Sultanov, T. I. 2000. *Gosudarstva i narody evraziyskih stepey. Drevnost i srednevekovye (States and peoples of the Eurasian Steppes. Antiquity and Middle Ages)*. St. Petersburg: "Nika" Publ. (in Russian).

Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovyh kochevnikov Evrazii: ocherki (Art of medieval nomads of Eurasia: essays)*. Moscow; Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. In: Tulepbayev, B. A. (ed.). *Srednevekovaya gorodskaya kultura Kazahstana i Sredney Azii (Medieval urban culture of Kazakhstan and Central Asia).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, L. R., Korol, G. G. 1990. *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovyh hakasov kak istoricheskiy istochnik (Decorative art of medieval Khakas as a historical source)*. Moscow: "Nauka" Publ., 120-130 (in Russian).

Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu (Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic Era)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Savinov, D. G. 1989. In: Matyushchenko, V. I. (ed.). *Istoriya, arheologiya i etnografiya Sibiri (History, Archaeology, and Ethnography of Siberia).* Tomsk: Tomsk University, 53–72 (in Russian).

Samashev, Z. 2022. In: *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)*, 4 (34), 163–184 (in Russian).

Samashev, Z., Aitkali, A. K., Tolegenov, E. K. 2022. In: *Povolzhskaya Arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 2 (40), 21–34 (in Russian).

Tabaldiyev, K. S. 1996. *Kurgany srednevekovyh kochevyh plemyon Tian-Shanya (Mounds of medieval nomadic tribes of Tian-Shan)*. Bishkek: "Aybek" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ordy (Art of nomads and the Golden Horde)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023.

С.С. Мургабаев
М.М. Бахтыбаев
К.М. Жетібаев
М. Гурсой
Б.С. Сиздиков
Л.Ж. Малдыбекова
М.Қ. Амантуров
Қ.С. Арынов

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.280.287

Сагынбай Серикбайұлы Мургабаев[1], sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz,
Мэлс Маратұлы Бахтыбаев[1], mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz,
Көпжасар Мұстафаұлы Жетібаев[1], kopzhasar.zhetibayev@ayu.edu.kz,
Музаффер Гурсой[1], muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz,
Багдаулет Сапарбайұлы Сиздиков[1], bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz,
Ляззат Жумагылқызы Малдыбекова[1], lazzat.maldybekova@ayu.edu.kz,
Маралбек Қасымбекұлы Амантуров[1], maralbek.amanturov@ayu.edu.kz,
Қуаныш Суиндікұлы Арынов[1], kuanysh.arynov@ayu.edu.kz
[1] Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ., Қазақстан

Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2022 жылы жүргізілген археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелері*

Сығанақ қаласы Қыпшақ хандығының, Ақ Орданың, Абулхайыр хандығының, Қазақ хандығының негізгі орталықтарының бірі болды. Осы себепті қала маңында жоғарыда аты аталған хандықтардың билеушілері, әйгілі тұлғалары жерленіп, олардың басына зәулім кесенелер тұрғызылып, қала қасиетті және рухани орталықтардың біріне айналды. Кесене дегеніміз – қабір, бейіт, зират, мола үстіне тұрғызылған архитектуралық ескерткіш. Кесенелер қаза тапқан марқұмның арғы өмірлік үйі болып есептелді. Кесене құрылыстарын негізге ала отырып кесенеде жерленген адамдардың әлеуметтік деңгейін немесе қандай тап өкілінен шыққандығын анықтауға болады. Анықталған жерлеу орындар мен табылған заттай деректер, байырғы тұрғындардың статусын, әлеуметтік даму деңгейін, дүниетанымын, тұрмыс-тіршілігін, салт-дәстүрлерін, діни наным-сенімдерін, жерлеу ғұрыптарын және қоғамдық қатынастарын анықтауға мүмкіндік береді. Осы себепті біз бұл мақаламызда, Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2022 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмысы барысында ашылған № 6 және № 7 кесенелерді зерттеп, талдап, ғылыми айналымға енгізуді мақсат еттік. Сонымен қатар, мақалада кесенелердің пайда болу және даму тарихын анықтауды жөн санадық.

Түйін сөздер: Сығанақ, ортағасырлық қалалар, қасиетті орындар, кесене

Сагынбай Серикбаевич Мургабаев [1],
Мэлс Маратович Бахтыбаев [1],
Копжасар Мустафаевич Жетибаев[1],
Музаффер Гурсой [1],
Багдаулет СапарбаевичСиздиков [1],
Ляззат Жумагыловна Малдыбекова[1],
Маралбек Касымбекович Амантуров[1],
Куаныш Суйндикович Арынов [1]
[1]Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави,
г. Туркестан, Казахстан

© 2023 ж. Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Жетібаев К.М., Гурсой М., Сиздиков Б.С., Малдыбекова Л.Ж., Амантуров М.Қ., Арынов Қ.С.
**Қазақстан Республикасы Білім және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық нысаналы қаржыландыру, BR 10965310 жобасы аясында орындалды*

Результаты археологических исследований, проведенных в средневековом городе Сыганак в 2022 году

Город Сыганак был одним из главных центров Кыпчакского ханства, Белой Орды, ханства Абулхаира и Казахского ханства. Рядом с городом строили огромные мавзолеи, где хоронили правителей вышеупомянутых ханств и других известных лидей. Город был одним из сакральных и духовных центров. Мавзолей не только считался «домом умерших», но и являлся памятником архитектуры. По внешнему виду строения можно определить социальный статус погребенного человека и сословие, к которому он принадлежал. Исследованные погребения и обнаруженный материальный комплекс позволяют определить не только статус, но и уровень общественного развития, мировоззрение, образ жизни, традиции, религиозные верования, погребальный обряд и социальные отношения древнего населения. Цель данной статьи – проанализировать и ввести в научный оборот материалы, полученные при изучении мавзолеев № 6 и № 7, обнаруженные при археологических раскопках в средневековом городе Сыганак в 2022 году. Кроме того, мы посчитали целесообразным определить историю возникновения и развития мавзолеев.

Ключевые слова: Сыганак, средневековые города, святые места, мавзолей

Sagynbay Murgabayev[1],
Mesl Bakhtybayev[1],
Kopzhasar Zhetibayev[1],
Muzaffer Gursoy[1],
Bagdaulet Sizdikov[1],
Lyazzat Maldybekova[1],
Maralbek Amanturov[1],
Kuanysh Arynov[1]
[1] Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University,
Turkistan, Kazakhstan

The results of archaeological research conducted in the medieval city of Syganak in 2022

The city of Syganak was one of the main centers of the Kypchak Khanate, the White Horde, the Abulkhair Khanate and the Kazakh Khanate. For this reason, near the city were buried the rulers of the above-mentioned khanates, famous personalities. The huge mausoleums were built for themand the city became one of the sacred and spiritual centers. The mausoleum – a monument of architecture, built on a grave or cemetery. The mausoleums were considered as the afterlife home of the deceased. According to the constructions of the mausoleum it is possible to determine the social level of people, buried in the mausoleum or to which class they belong. The identified burial grounds and the found objects allow to determine the status, level of social development, worldview, lifestyle, traditions, religious beliefs, funeral rite and social relations of ancient people. We set the goal to study, analyze and introduce into scientific circulation the mausoleums № 6 and №7, discovered during archaeological excavations in the medieval city of Syganak in 2022. In addition, we consider it is important to determine the history of the creation and development of mausoleums.

Keywords: Syganak, medieval cities, holy places, mausoleum

Кіріспе. Ежелгі дәуірлерде Орталық Азияны мекендеген көшпелі халықтардың жерлеу дәстүрінде марқұмның қабірінің үстіне топырақ немесе тас үйінділері арқылы оба жасау дәстүрі X–XI ғғ. өзгеріске ұшырап, «кесене» деп аталатын манументалды сәулет ескерткіштерінің пайда бола бастайды [Глаудинов 2012: 41]. Ислам діні тараған аймақтардағы сәулет ескерткіштердің тарихына көз жүгіртер болсақ X ғасырға дейінгі кезеңдерде кесенелердің сирек кездесетіндігін, X ғасырдан кейін ескерткіштің бұл түрінің Хорасан және Түркістан аймақтарында көптеп бой көтере бастағандығын аңғаруға болады. Негізінен ислам діні қабір үстіне зәулім сәулет ескерткіштерінің тұрғызылуын құптамаған [Ragheb 1996: 17–23; Koshenova 2016: 184]. Дегенмен IX ғасырдан бастап Орта Азиялық халықтар ескерткіштің бұл түрін тұрғыза

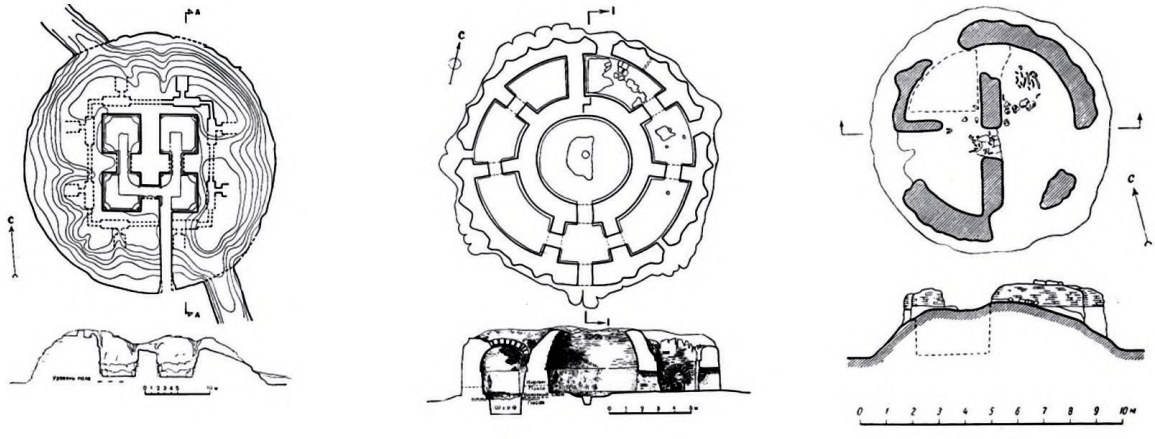
бастайды. Г.А. Пугаченкова да өз зерттеулерінде ислам діні бастапқы уақыттарда марқұмның қабірінің үстіне оба немесе күмбез секілді құрылыс түрлерін тұрғызылуына мүлдем тыйым салынғандығын тілге тиек етеді [Глаудинов 2012: 41]. Уақыт өте келе бас қалифаттың мәртебесі үшін бұл тыйым жойылып, IX ғасырда Халифа аль-Мунтасир және Құбба ас-Сұлабияның қабірінің үстіне кесенелердің тұрғызыла бастағандығы белгілі [Байпаков 2012: 57; Çoruhlu 2000: 15].

X ғасырдың басында Түркістан және Хорасан аймақтарында кесенелер көптеп бой көтере бастайды. Бұған дәлел ретінде 907 жылы Бухарада бой көтерген Исмаил Самани [Arik 1967: 57–100; Cezar 1977: 114–115], X ғасырдың соңында салынған Аль-Хаким ат-Тирмизи, 977–978 жылдары Самарқан маңындағы Тимде тұрғызылған Араб Ата [Aslanapa 1972: 24], 1007 жылы бой көтерген Голестандағы Гомбеде-Кавус [Kuban 2009: 170–171], 1012 жылы Өзгенттегі Наср ибн Али, 1028 жылы Иранның Санг Баст қаласында тұрғызылған Аслан Газип [Tahaoğlu 1988: 13–16] және т.б. кесенелерді айтуға болады. Аталмыш кесенелер төрт бұрыш пішінді, үсті күмбезді болып келген. Кесенелер жайында жылдар бойы зерттеу жұмыстарын жүргізген М.О. Арық мұндай үлгідегі қабір үстіне тұрғызылған құрылыстар Месопотамия мен Орта Азия территориясында исламға дейінгі кезеңдерде болғандығын айта отырып, ислам мәдениетіне IX–X ғасырларда кіре бастағандығын, қазіргі таңға дейін қолданыста жүргендігін алға тартады [Arik 1967: 57–100].

Арал теңізінің оңтүстік-шығысында көптеп кездесетін б.д.д. IV–II ғасырларға жататын сақ тайпаларына тиесілі кесенелер М.О. Арықтың жоғарыда келтірген тұжырымын қуаттай түсуде. Шірік-рабат мәдениетіне қарасты аталмыш кесенелер пішіні жағынан шеңбер немесе төрт бұрышты болып, үсті күмбезделіп жабылған (1-сур.) [Толстов 1962: 145–180; Вайнберг, Левина 1993: 37–56; Құрманқұлов 2011: 360–361].

Есіктері оңтүстік немесе оңтүстік-шығысқа бағытталған кесенелердің басым бөлігінің құрлысында пахса блоктары мен тік бұрышты шикі кірпіштер (көлемі 40×30×10 – 50×40×12 см) пайдаланылған [Утубаев және т.б. 2022: 33–34]. Аталмыш кесенелерге бір немесе бірнеше адам әр түрлі дәстүрмен жерленген. Себебі бір кесененің өзінен кремация да жасалған, ағаш табыттарға, арнайы зембілдерге мүрдені қойып жерлеу дәстүрі де жүзеге асырылған [Байпақов, Таймағамбетов 2009: 227–247]. Аталмыш кесенелер марқұмның арғы өмірлік үйі болып саналған. Сонымен қатар көшпелі халықтар өмірден өткен бабаларын мәңгі есте сақтау үшін және бабаларының басына зиярат етіп, көкке, жаратушыға мінажат ету мақсатында осындай ескерткіштерді тұрғызғандықтарын айта аламыз.

Сырдарияның ортаңғы және төменгі ағысында көптеп кездесетін IV–VIII ғасырларға жататын сағаналар (склеп, наус) жоғарыда келтірілген сақ кезеңіне жататын кесенелердің жалғасы болып табылады. Бұл қаңлы және түркі кезеңдеріне жататын сағаналардың сақ кезеңіне жататын кесенелерден

1-сур. Шірік-рабат мәдениетіне жататын кесенелер ([Толстов 1962: 145–180] бойынша)
Fig. 1. The Shirik-Rabat culture mausoleums, after – Tolstov 1962: 145–180
Рис. 1. Мавзолеи ширик-рабатской культуры (по: [Толстов 1962: 145–180])

айырмашылығы, жер бетіне салынған сағаналар тұтастай топырақпен жабылған. Ал сақ тайпаларына тиесілі кесенелерде қаза тапқан туыстарын жерлеп отыру мақсатында ашық қалдырылған. Аталмыш ерте кезеңге жататын кесенелер де, кейінгі кезеңге жататын сағаналар да марқұмның арғы өмірлік үйі болып саналған. Шикі кірпіштен немесе пахсадан тұрғызылған сағаналар да пішіні жағынан шеңбер немесе төрт бұрышты болып келуде, оңтүстік, оңтүстік-шығыс немесе оңтүстік-батысқа бағытталған дромостары немесе есігі, орталық бөлігінде бір немесе екі камерадан тұратын жерлеу орындары болған. Сағананың жоғары бөлігі күмбезделіп кесек қаландыларымен қаланған [Байпақов, Таймағамбетов 2009: 227–247]. Марқұм жерленген соң сағана тұтастай топырақпен жабылған.

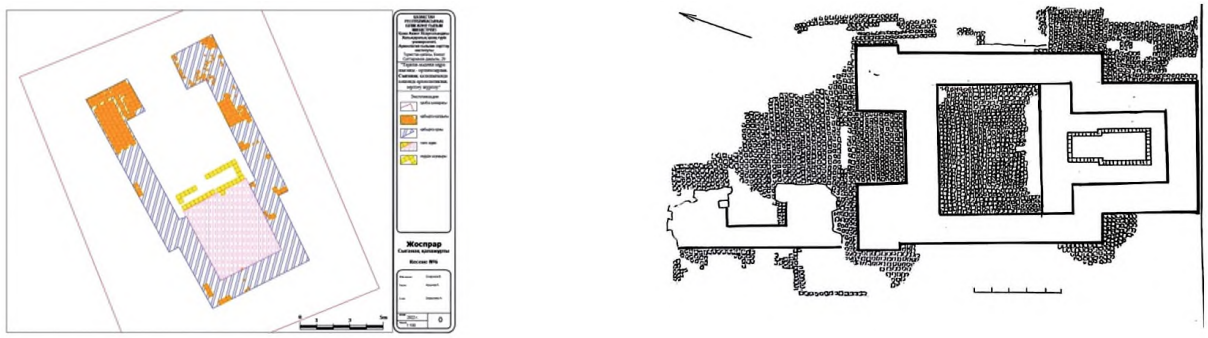
Сәулет ескерткіштерін соның ішінде кесенелердің архитектурасын зерттеген Г.А. Пугаченкова топырақ астындағы сағаналы жерлеулерді кесенелердің алғашқы үлгілері болуы мүмкін деген тұжырымға тоқталады [Пугаченкова 1983: 23–24]. Сырдарияның ортаңғы ағысындағы сағаналы жерлеу орындарды жылдар бойы зерттеп келген Е.А. Смағұловта Г.А. Пугаченкованың пікіріне қосылды [Смагулов 2011: 123]. Яғни кесенелердің түп тамыры сонау б.д.д. IV–II ғасырларға жататын сақ тайпаларына тиесілі кесенелерден бастау алатындығын, IV–VIII ғасырларда көптеп тұрғызылған сағана құрлысының негізінде IX–X ғасырларда кесенелердің пайда болғандығын аңғаруға болады. Түркі халықтарының ислам дінін қабылдауының арқасында зияратшылардың құран оқып, дұға жасайтын бөлмелері бар кесенелер тұрғызыла бастайды. Қарахан мемлекеті тұсында ислам діні мемлекеттік дін ретінде қабылданған кезеңде кесене құрлыстары айрықша маңызға ие болып, көптеп тұрғызыла бастайды [Глаудинов 2012: 45]. Осылайша әйгілі тұлғалар, мемлекет және дін қайраткерлерінің қабірінің үстіне бір немесе екі бөлмелі, төртбұрышты жобада салынған, күмбезбен қапталған кесене тұрғызу дастүрі әдетке айналып, қазіргі таңға дейін жалғасын табуда.

Кесенелердің пайда болу тарихы жайында зерттеу жұмыстарын жүргізген А. Габриэль, Й. Стшиговский, Э. Диез, Э. Кюнель, К. Отто-Дорн, К. Эрдман және т.б. ғалымдар өз зерттеулерінде жоғарыда айтып өткеніміздей кесенелердің түп тамырын Орталық Азияда өмір сүрген түркі халықтарының материалдық мәдениетімен байланыстырады [Önkal 2009: 126]. Аталмыш ғалымдардың зерттеулерінен кесенелердің түркі халықтарына тән манументалды ескерткіш екендігін аңғаруға болады. Сонымен қатар XII–XIII ғасырлардағы қыпшақтардың жерлеу дәстүрін сипаттаған Вильгельм де Рубрук «қыпшақтар қаза тапқан туыстарының қабірінің үстіне үлкен үй тұрғызады. Олардың қорымдарында шатыры күмбезделіп жабылған төрт бұрыш пішінді кірпіштен немесе тастардан тұрғызылған мұнаралы құрылыстар көрдім» деп баяндайды [Вильгельм де Рубрук 1911: 79; Risch 1934: 73; Ögel 1984: 296]. Вильгельм де Рубруктің қалдырған деректеріне кірпіштен немесе тастан бой көтерген мұнара іспеттес құрылыстардың кесенелер болғандығын аңғаруға болады.

XIII–XIV ғасырларда сәулет өнерінің дамыған жаңа үлгілері де пайда бола бастайды. Атап айтар болсақ бұл кезеңде кесенелердің порталы мен күмбездері жетілдіріліп, кесенелердің басым бөлігінің сыртқы және ішкі қабырғалары сырлы және сырсыз әрлеуіш қыш қаптамалармен қаптала бастады. Бұл кезеңнің керемет сәулет туындысы ретінде ортағасырлық Сығанақ қаласының көне қорымындағы кесенелерді мысал ретінде келтіруімізге болады. 2022 жылы Ортағасырлық Сығанақ қаласының маңындағы көне қорымдағы жерлеу орындары зерттеліп, екі кесене анықталды. Анықталған кесенелер шартты түрде № 6 және № 7 кесенелер болып белгіленді.

Ортағасырлық Сығанақ қаласындағы № 6 кесене

Ортағасырлық Сығанақ қаласының оңтүстік батысында 230 м қашықтықта шағын төбе орнында жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесінде көлемі 16,5x8,6 м кесене орны анықталды. Кесене порталды және екі бөлмелі болып келген. Кесененің порталды кіреберісі солтүстік-батысқа бағытталған (2-сур.). Пайымдауымызша кесене екі күмбезді, яғни алдыңғы порталды кіреберіс бөлігі үлкен күмбезбен жабылған болса, екінші бөлмесінің үсті кіші күмбезбен жабылған болуы мүмкін. Себебі кесененің қыш қаланды қабырғалары енді болып келген. Мұндай үлгідегі порталды, екі бөлмелі кесенелер ортағасырлық Арал-Асар (Кердері II кесенесі) [Байпаков 2012: 65–68; Құрманқұлов 2011: 85–86], Қышқала [Елеуов т.б. 2021: 26–31; Елеуов т.б. 2021: 122], Әулиекөл [Петров, Смагулов 2018: 167–184] және Түркістан қалаларында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында анықталған. № 6 кесененің абсолюттік хронологиясын анықтау мақсатында жасалынған С14 сараптамасының қорытындысы бойынша кесененің 588±25 жыл бұрын, яғни XV ғасырдың алғашқы жартысында бой көтергендігі анықталды. С14 сараптамасының

2-сур. № 6 кесененің көрінісі: 1 – Сығанақ қаласындағы № 6 кесене;
2 – Қышқала қаласынан анықталған № 1 кесене ([Елеуов және т. б. 2021: 91] бойынша)

Fig. 2. View of mausoleum nr. 6: 1 – mausoleum nr. 6 in the Sygnak urban site;
2 – mausoleum nr. 1 of the Kyshkala urban site, after – Eleuov et al. 2021: 91

Рис. 1.Вид мавзолея № 6: 1 – мавзолей № 6 в городище Сыгнак;
2 – мавзолей № 1 городища Кышкала (по: [Елеуов және т. б. 2021: 91])

қорытындысын кесенеден табылған заттай деректер де қуаттай түсуде.

Ортағасырлық Сығанақ қаласындағы № 7 кесене

Кесене Ортағасырлық Сығанақ қаласының оңтүстік шығысында 1400 м қашықтықта шағын төбе ретінде сақталған. Аталмыш төбе үсті тегіс шеңбер пішінді болып келген. Көлемі 26 м, биіктігі болса 1,5 м. Қазба жұмыстары барысында көлемі 12,2×10,1 м шаршы пішінді кесене орны анықталды. Кесененің порталы оңтүстік-батысқа бағытталған. Пайымдауымызша кесененің сыртқы бөлігі сырлы әрлеуіш қыш қаптамалармен қапталған. Себебі қазба жұмыстары барысында кесененің сыртқы бөлігінен сырлы әрлеуіш қыш қаптамалар көптеп табылды.

Кесене ұзындығы 22,2 м, ені 16,7 м, биіктігі 0,3–0,4 м болып келетін платформаның үстіне салынған (3-сур.). Кесененің ішкі көлемі 7×7 м, еденіне күйдірілген қыштар жалпағынан төселген. Кесененің солтүстік-шығыс бөлігінде еден деңгейінен 0,3 м тереңдікте үш жерлеу орны анықталды. Жерлеу орнындағы бос топырақты тазалау барысында темір пышақ, темір таға, сүйектен жасалған әшекей бұйым, «Т» пішінді қола бұйымдар, темір шегелер, қола айна және мүйізден жасалған тарақ табылды.

3-сур. № 7 кесененің көрінісі: 1 – фотосурет; 2 – сурет
Fig. 3. View of mausoleum nr. 7: 1 – photo; 2 – drawing
Рис. 3. Вид мавзолея № 7: 1 – фото; 2 – рисунок

Мұндай үлгідегі порталды, төрт бұрыш пішінді, бір бөлмелі кесенелердің қатарында, Асанас, Арал теңізінің оңтүстік-шығысындағы Сырлытам, Болған Ана және т.б. кесенелерді айтуға болады. Аталмыш кесенелерді зерттеуші ғалымдар XIII–XV ғасырларға жатқызған [Koshenova 2016: 273–508]. № 7 кесененің абсолюттік хронологиясын анықтау мақсатында жасалынған С 14 сараптамасының қорытындысы бойынша кесененің 786±24 жыл бұрын, яғни XIII ғасырдың алғашқы жартысында бой көтергендігі анықталды.

Қорытынды

Қорытындылай келе ортағасырлық Сығанақ қаласында 2022 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмысы барысында ашылған кесенелерден алынған С 14 сараптамасының қорытындысына сүйене отырып № 6 кесененің 588±25 жыл бұрын, яғни XV ғасырдың алғашқы жартысында, № 7 кесененің 786±24 жыл бұрын, яғни XIII ғасырдың алғашқы жартысында бой көтергендігі анықталды. Бұл пікірімізді кесенелердің архитектуралық құрылымы, жерлеу дәстүрі, кесенелерден табылған әрлеуіш қыш қаптамалар мен жәдігерлер қуаттай түсуде. Сонымен қатар, зерттеу жұмыстарымыздың нәтижесінде порталды, екі бөлмелі және төрт бұрыш пішінді, порталды, бір бөлмелі, күмбезді кесенелердің Сырдарияның ортаңғы және төменгі ағысында көптеп кездесетіндігі анықталды.

ӘДЕБИЕТ

Байпаков К.М. Исламская ареолгическая архитектура и археология Казахстана. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2012. 284 с.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2009. 354 с.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура. М.: 1993. 176 с.

Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1911. 232 с.

Глаудинов Б. Қазақстан архитектурасы. Т. 8. Алматы: Өнер баспасы, 2012. 192 б.

Елеуов М., Талеев Д., Есен С., Курманиязов И.С., Молдахмет А. Ортағасырлық Қышқалада 2021 жылы жүргізілген зерттеулер // Марғұлан оқулары. Т. 2, 2021. Б.120 – 124.

Елеуов М., Талеев Д., Есен С., Молдахмет А., Сапатаев С., Ерсариев А., Нұрман Б., Қиясбек М. «Ортағасырлық Қышқала (Баршынкент): Алтын Орда дәуіріндегі қалалық мәдениет контекстінде» тақырыбындағы жобаның есебі. Алматы: Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, 2021. 194 б.

Құрманқұлов Ж. (бас редактор). Қазақстан Республикасының тарихи мәдени ескерткіштерінің жинағы. Қызылорда облысы. Алматы: Аруна, 2011. 504 б.

Петров П.Н., Смагулов Т.Н. Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Аулиеколь // Stratum plus. 2018. №6. С. 167–184.

Пугаченкова Г.А. Средняя Азия. Справочник-путеводитель. Москва: Искусство, 1983. 471 с.

Смагулов Е.А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Средней Азии // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. С. 241–250.

Смагулов Е.А. Наземные склепы Борижарского могильника // А. Қазақстан археологиясының мәселелері. 3–ші шығарылым. Ғылыми мақалалар жинағы. Алматы: 2011. С. 119–150.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва: Издательство Востичной Литературы, 1962. 323 с.

Утубаев Ж.Р., Отар Ә., Ерсариев А., Суюндикова М.К. Бәбіш Мола оазисіндегі жерлеу орындарына жүргізілген зерттеулердің кейбір нәтижелері // КазҰУ Хабаршысы. Тарих Сериясы, 2022, 104, № 2. 31–46- бб.

Arik M.O. Erken Devir Anadolu -Türk Mimarisinde Türbe Biçimleri // Anadolu. Cilt , Sayı 11, 1967. S. 57–100. DOI: 10.1501/andl_0000000097

Aslanapa O. Türk Sanatı: Başlangıçindan Büyük Selçukluların sonuna kadar. İstanbul: Milli Eğitim Bakanlığı Kültür Yayınları, 1972. 134 p.

Cezar M. Anadolu Öncesi Türklerde Şehir ve Mimarlık. İstanbul: Türkiye İş Bankasi Kültür Yayinlari, 1977. 520 s.

Çoruhlu Y. Türk İslam Sanatının ABC'si. İstanbul: Kabalci Yayinlari, 2000. 207 s.

Koshenova G. Kazakistan, Taraz'da Babacı Hatun Turbesi // Bilig Dergisi. Sayı 77, 2016. S. 183–202.
Kuban D. Batıya Göçen Sanatsal Evreleri. Istanbul: Türkiye İş Bankası Yayınları, 2009. S.170–171.
Ögel B. Islamiyetten Önce Türk Kültürü Tarihi Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1984. 403 s.
Önkal H. Türkiye'de Türbe Mimarisi Araştırmaları // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi, Cilt 7. 2009. Sayı 14. S. 125–139.
Ragheb Y. Islam Hukukuna Göre Mezar Yapısı // Islam Dünyasında Mezarlıklar ve Defin Gelenekleri I. Ankara, 1996. S. 17–23.
Risch F. Wilhelm von Rubruk – Reise zu den Mongolen 1253-1255. Leipzig: Deichertsche Verlagsbuchhandlung D. Werner Scholl, 1934. 336 p.
Tahaoğlu T.Ö. İstanbul'da Osmanlı Türbelerinin Tipolojisi. Doktora Tezi. İstanbul. 1988. 536 s.

REFERENCES

Baipakov, K. M. 2012. *Islamskaia arheologicheskaia arhitektura i arheologiia Kazakhstana (Islamic archaeological architecture and archaeology of Kazakhstan)*. Almaty: Archaeological expertise (in Russian).
Baipakov, K. M., Taimagambetov, Z. K. 2009. *Kazakhstan arheologiyasy (Archaeology of Kazakhstan)*. Almaty: "Kazak university" Publ. (in Kazakh).
Weinberg, B. I., Levina, L. M. 1993. *Chirikrabatskaia kultura (Chirikrabat culture)*. Moscow: Institute of Anthropology and ethnography (in Russian).
Rubruk, W. 1911. *Puteshestvie v vostochnye strany (Journey to the eastern countries)*. St. Petersburg: "A. S. Suvorin" Publ. (in Russian).
Glaudinov, B. 2012. *Kazakstan Arhitekturasy (Architecture of Kazakhstan).* Almaty: "Oner" Publ. (in Kazakh).
Eleuov, M., Taleev, D., Esen, S., Kurmaniyazov, I. S., Moldakhmet, A. 2021. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulan oqylary – 2021 (Margulan Readings – 2021)*. In 3 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 120–124 (in Kazakh).
Eleuov, M., Taleev, D., Esen, S., Moldakhmet, A., Sapatayev, S., Ersariev, A., Nurman, B., Qiasbek, M. 2021. *"Ortagasyrlik Kishqala (Barshynkent): Altyn Orda dauirindegi kalalık madeniet kontekstinde" takyrybındagy jobanyn esebi ("Middle Ages Qyshqala (Barshyngent): in the context of the urban culture of the Golden Horde Period" project report).* Almaty: al Farabi Kazakh National University (in Kazakh).
Kurmankulov, J. (ed.). (2011). *Kazakstan Respublikasynyn tarıhi madenı eskertkıshterinin jınagy. Kyzylorda oblysy (The official list of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Kyzylorda region)*. Almaty: "Aruna" Publ. (in Kazakh).
Petrov, P. N., Smagulov, T. N. 2018. In: *Stratum plus*, 6, 167–184 (in Russian).
Pugachenkova, G. A. 1983. *Srednyaya Aziya. Spravochnik-putevoditel (Central Asia. Reference Guide)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
Smagulov, E. A. 2018. In: Nosov, E. V. (ed.). *Drevniye nekropoli – pogrebalno-pominalnaya obryadnost, pogrebalnaya arhitektura i planirovka nekropolei (Ancient necropolises – funeral and memorial rituals, funerary architecture and necropolis planning)*. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 241–250 (in Russian).
Smagulov, E. A. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan arheologiyasynyn maseleleri (Issued of Kazakhstan archaeology)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola", 119–150 (in Russian).
Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Through the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).
Utubaev, Z. R., Otar, A., Yersariev, A., Suindikova, M. K. 2022. In*: KazQU Khabarshysy. Tarih Seriyasy (Bulletin KazNU. Journal of History)*, 2 (104), 31–46 (in Kazakh).
Arik, M. O. 1967. In: *Anadolu*, 11, 57–100 (in Turkish).
Aslanapa, O. 1972. *Türk Sanatı: Başlangıçından Büyük Selçukluların sonuna kadar*. İstanbul: Milli Eğitim Bakanlığı Kültür Yayınları (in Turkish).

Cezar, M. 1977. *Anadolu Öncesi Türklerde Şehir ve Mimarlık*. Istanbul: Türkiye İş Bankasi Kültür Yayinlari (in Turkish).
Çoruhlu, Y. 2000. *Türk İslam Sanatının ABC'si*. Istanbul: Kabalci Yayinlari (in Turkish).
Koshenova, G. 2016. In: *Bilig Dergisi*, 77, 183–202 (in Turkish).
Kuban, D. 2009. *Batıya Göçen Sanatsal Evreleri*. Istanbul: Türkiye İş Bankası Yayınları (in Turkish).
Ogel, B. 1984. *Islamiyetten Önce Türk Kültürü Tarihi Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi (in Turkish).
Onkal, H. 2009. In: *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi*, 7 (14), 125–139 (in Turkish).
Ragheb, Y. 1996. In: *Islam Dünyasında Mezarlıklar ve Defin Gelenekleri I*. Ankara, 17–23 (in Turkish).
Risch, F. 1934. *Wilhelm von Rubruk – Reise zu den Mongolen 1253–1255*. Leipzig: Deichertsche Verlagsbuchhandlung D. Werner Scholl (in German).
Tahaoğlu, T. O. 1988. *İstanbul'da Osmanlı Türbelerinin Tipolojisi*. Doctoral Thesis, Istanbul (in Turkish).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

М. Елеуов
Д. Талеев
С. Есен
Ы. Құрманиязов
А. Молдахмет

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.288.293

Мадияр Елеуов[1], madiareleyov@mail.ru,
Докей Әбдікәрімұлы Талеев[2], doc19_59@mail.ru,
Сырым Есен[3], syrym.e@mail.ru,
Ыслам Құрманиязов[4], yslam.kurmaniyazov@gmail.com,
Архад Молдахмет[1], arhadkz@mail.ru
[1]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан;
[2]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
[3]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан;
[4]Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан;

Қышқала қаласының мерзімделу мәселесі: 2021–2022 жж. жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері бойынша

2021–2022 жылдар аралығында ортағасырлық Қышқала қаласында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары барысында қаланың орталық бөлігі мен шаруашылық аймағында орналасқан 4 нысанға қазба салынып, зерттеу жұмыстары барысында ашылған құрылыстар, одан табылған қыш ыдыстар мен құрылыс материалдары жинақталды. Мақалада орталық бөлікте салынған стратиграфиялық кесіктің (тереңдігі 4 м) ең төменгі бөлігінен анықталған шұңқырдан алынған күл топырағына жүргізілген зертханалық зерттеулердің алғашқы нәтижелері жарияланған. Бұл зерттеу ескерткіште 2018 ж. бастап жүргізіліп келе жатқан археологиялық қазба жұмыстарының жалғасы. Сонымен қатар мақала кіріспесінде Қышқаладағы археологиялық зерттеулердің қысқаша тарихы баяндалады.

Түйін сөздер: Қышқала, ортағасыр, Алтын Орда, қазба, жоба, зертхана, кесік, құрылыс, теңгелер

Мадияр Елеуов[1],
Докей Абдыкаримович Талеев[2],
Сырым Есен[3],
Ислам Курманиязов[4],
Архад Молдахмет[1]

[1]Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан;
[2]Институт археологии им. Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
[3]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан;
[4]Кызылординский университет имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан

© 2023 ж. Елеуов М., Талеев Д., Есен С., Құрманиязов Ы., Молдахмет А.

Вопросы периодизации городища Кышкала: результаты исследований в 2021-2022 гг.

В ходе археологических исследований, проведенных в период с 2021 по 2022 гг. на средневековом городище Кышкала, были проведены раскопки на 4 объектах, расположенных в центральной части городища и в хозяйственной зоне. В ходе исследовагний были изучены сооружения, коллекция керамики и строительные материалы. В статье опубликованы первые результаты лабораторных исследований проб угля, обнаруженного в нижней части стратиграфического разреза (глубина разреза 4 м), расположенного в центральной части городища. Оно было проведено в 2018 году. Археологические исследования продолжаются. В водной части статьи изложена краткая история археологических изысканий, проведенных на городище Кышкала.

Ключевые слова: Кышкала, средневековье, Золотая Орда, раскопки, проект, лаборатория, разрез, строительство, монеты

Madiyar Eleuov [1],
Dokey Taleyev[2],
Syrym Yessen[3],
Yslam Kurmaniyazov[4],
Arhat Moldakhmet[1]
[1]Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan;
[2] Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan;
[3]L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan;
[4]Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan;

**The problem of periodization of the city of kishkala:
2021–2022 based on the results of the excavations carried out**

In the course of archaeological research conducted in the period from 2021 to 2022 in the medieval settlement of Kyshkala, excavations were carried out at 4 sites located in the central part of the city and the economic zone, during which structures, ceramics and building materials found in them were discovered. The article publishes the first results of laboratory studies revealed in the lowest part of the stratigraphic section (4 m deep) located in the central part. This study was conducted in 2018, and archaeological excavations are continuing. In addition, a brief history of archaeological research in the Kyshkala settlement will be presented in the introduction to the article.

Keywords: Kyshkala, the Middle Ages, the Golden Horde, excavations, project, laboratory, incision, construction, coins

2018 жылдан бері тұрақты түрде жүргізіліп келе жатқан қазба жұмыстары барысында Қышқалада бірнеше әлеуметтік және қоғамдық маңызға ие нысандардың орындары ашылды. Мұсылман стилінде салынған күмбезді екі кесененің, қыш күйдірген пештің, сегіз қырлы қос қақпалы сәулетті әлеуметтік ғимараттың орындары қазылды. Айтылған нысандарда жүргізілген қазба кезінде табылған заттай деректер мен құрылыстардың сәулеттік ерекшеліктері мен сапалық сипаттары қаланың өркендеген тұсында осы өңірдегі сауда мен экономикасы, мәдениеті мен рухани тіршілігі жақсы дамыған орталықтардың бірі болғандығын аңғартады.

2021 жылы Қышқала қаласының орталық бөлігінің солтүстік-батыс бұрышынан 45 м жердегі биіктігі 2,5–3 м болатын дөңнің үстіне стратиграфиялық қазба салынды (қазба 9). Қазбаның көлемі 8х2 м, тереңдігі 2,5–4,5 м. (1-сур.). Кесіктің ең бөменгі қабатынан алынған көмір сынамасының зерханалық сараптама көрсеткіші XI ғ. көрсетті. Сараптама нәтижесі төмендегі кестеде көрсетілген (1-кесте).

2022 жылы мамыр-маусым айларында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың профессоры М. Елеуов басқарған «Университет археологиялық экспедициясы» Қызылорда облысының Сырдария

1–кесте – 4 м тереңдіктен алынған сынама бойынша абсолют уақыт көрсеткіші
Table 1 – The absolute date indicator, extracted from a depth of 4 m
Таблица 1 – Показатель абсолютной даты, извлеченный с глубины 4 м

№ п/п	Идентификатор образца	Шифр образца	Абсолютный возраст, BP	Калиброванный возраст (2σ) calAD
1	KiSKALASTRAt. 4 m, Кышкала (уголь)	SPb_3768	974±30	**999-1159**

1-сур. Қышқала қаласы. 2021 жыл. № 9 қазба. Сынама алынған тұстар
Fig. 1. The settlement of Kyshkala. 2021. Excavation trench nr. 9. Sampling points
Рис. 1. Городище Кышкала. 2021 год. Раскоп № 9. Места отбора проб

ауданында орналасқан Қыштөбе (Қышқала) қаласында археологиялық қазба жұмыстарын жалғастырды.

2022 ж. қарапайым қала тұрғындарының тұрмыс-тіршілігі, шаруашылығы, материалдық мәдениеті мен әлеуметтік өмірі жайлы мәлімет жинау мақсатында Қышқала қала жұртының орта тұсына қазба салынды (қазба 11). Қазбаның жалпы көлемі 18х20 м, тереңдігі 0,3 м ден 1 м ге дейін жетті. Қазба барысында жердің бетінен 20–30 см тереңдікте үй құрылысының құламай қалған іздері шыға бастады. Үй құрылыстарының сақталу деңгейі өте нашар, көп бөлігінде қабырғалары бұзылып кеткен [Елеуов және т. б. 2022: 13–17]. Бұзылмай қалған тұстарындағы қабырға қалдықтарының биіктігі 25–30 см, кейбір жерінде екі, кей тұста төрт қатар қаланған кірпіштер сақталған. Қазба барысында қабырғалары дүниенің төрт тарапымен бағыттас жатқан үлкен тұрғын үй ғимаратының кешені ашылды. Үй ортасын үзын аула бөліп тұрған 8 бөлмелі болғаны анықталды. Үй ішіндегі бөлмелердің кейбір қабырғалары мен ташнау, ошақ, тандыр құрылыстары күйдірілген кірпіштерден қаланыпты. Бірінші бөлменің сыпасының үстіне де төртбұрышты күйдірілген кірпіштер төселген. Кірпіштердің көлемі 25х25х5; 26х26х5 см. Бөлмелердің ішінен сырланған және сырланбаған ыдыстар мен күнделікті тұрмыста қолданылған және ас пісіруге, ас ішуге арналған ыдыстар мен ірі қара және ұсақ мал сүйектері, балықтың, құстың қаңқалары табылды, тіпті ұсақ жәндіктердің сүйектері де шықты. Бөлмелердің көлемдері де әртүрлі, көпшілігі ұзынша келген. Бөлме ішіндегі құрылыстар көпшілік жағдайда сақталмаған. Қазба барысында 3-бөлменің шығыс қабырғасының түбінен бір мыс теңге шықты (2-сур.).

Теңгенің сақталу сапасы орташа. Ресейлік нумизмат П.Н. Петровтың анықтауы бойынша табылған

2-сур. Қышқала қаласы. 2022 жыл. № 11 қазба. 3-бөлмеден табылған мыс теңге. Баршынкентте соғылған

Fig. 2. The Kyshkala urban site. 2022. Excavation trench nr. 11. A copper coin from room 3. Minted in Barshynkent

Рис. 2. Городище Кышкала. 2022 год. Раскоп № 11. Медная монета из комнаты 3. Чеканена в Баршынкенте

теңгенің көлемі 18,92×18,47 мм, салмағы 1,26 гр, қалыңдығы 0,73 мм. Баршынкентте хиджра бойынша 768–769 ж. Мүбарәк ханның тұсында соғылған. Бетінде Тұқа-Темір хан әулетінің таңбасы бар. Қышқалада жүргізіліп жатқан қазбадан табылған Баршынкентте соғылған теңге қаланың Баршынкент екендігін толық растайды. Қазба барысында 7-бөлменің еденінен ортасында төртбұрышты тесігі бар қытай теңгесі шықты. Тянь Шэн юань Бао билігінен шыққан Сун әулетінің мыс монетасы екендігі белгілі болды. Біз тапқан теңгеге ұқсас қытай теңгесінің интернет желісінен алынған нұсқасы төменде көрсетілген (3-сур.). Монета 1023–1031 жж. аралығымен мерзімделеді [Китайская песня: Интернет ресурс]. Бір құрылыс қабатынан табылған екі теңгенің мерзімделуі екі түрлі. Бірақ бұл ұзақ уақыт қолданыста жүретін металл теңгелер үшін кездейсоқтық деп ойламаймыз. Керісінше сауда қатынастарының халқаралық деңгейін көрсететін дәйек деп қарауға болады. Қытайдан батыс елдерге өтетін сауда керуендерінің Сырдария өзенін жағалап осы қала арқылы өткені анық.

Қаланың соңғы тіршілігінен мерзімдік мәлімет пен халықаралық сипаттағы қарым қатынасы жайлы хабарлайтын тағы бір олжа 8 – бөлмеден табылды. Ол қоладан жасалған бетінде жазу мен өрнегі бар, сырттай қарағанда киіз үйге ұқсас құтының бір бөлігі табылды (4-сур.). Құтының жоғарғы жағы болмады, ал астыңғы қаңылтыр түбі шіріп кетіпті. Дәл осыған ұқсас құтыны интернет желісінен таптық. Рух деген атаумен жарияланған құтының шыққан жері мен жасалған уақыты анық көрсетілген. Интернет желісінде жарияланған бұл өнер туындысы конус тәріздес етіп мыстан жасалған киіз үй тәріздес құты. Оның сыртқы қабырғасы ішінде IHS (Иса) деген жазу бар 4 шеңбер салынған. Шеңбер ішіндегі жазудың айналасы ақ және көк түстермен инкруста́ция жасалған. Шеңбердің сыртқы жағы өсімдік нақышындағы өрнектермен безендірілген. Нақыштар мен жазудың беттеріне алтын жалатылған сыр жағылған. Діни мақсатта қолданылған құтыға ұқсас бұйымның 1250 – жылдары Францияның Лимож қаласында жасалғаны жазылған. Құты американдық әйгілі филантроп Майкл Фридсамның (1860–1931) коллекциясында сақталған [Рух: Интренет ресурс]. Біз тапқан бұйым осы айтылған құтыдан айнымайды. Өлшемдері мен сыртқы өрнегі, нақыштары және сырлары да ұқсас. Тек материалында аздап айырмашылық бар. Қышқаланың құтысының жоғарғы жағы табылмады және материалында қола басым. Екі заттың да шығу төркіні бір екендігі анық. Олай болса батыста жасалған бұл бұйым Сыр бойындағы қала тіршілігінің соңғы кезеңдерінде қандай да бір сауда керуенімен немесе елшілік сапары арқылы жеткен болуы мүмкін. Жазба деректер бойынша осы уақыт аралығында Сырдария өңірі арқылы Европадан Плано Карпини мен В. Рубрук [Плано Карпини 1993: 41], одан кейін армян патшасы Гетумның елшілігі Қарақорымға қарай өткені белгілі [Киракос 1976: 224]. Біз тапқан олжа Қышқалаға

3-сур. Қышқала қаласы. 2022 жыл. № 11 қазба. 7-бөлмеден табылған қытай теңгесі

Fig. 3. The Kyshkala urban site. 2022. Excavation trench nr. 11. A Chinese coin from room 7

Рис. 3. Городище Кышкала. 2022 год. Раскоп № 11. Китайская монета из комнаты 7

солардың бірімен келуі де мүмкін деген болжам жасауға да келеді.

Қорытынды

Қышқалада 2021–2022 жж. жүргізілген қазбадан алынған көмір сынамасының сараптамалық нәтижелері мен табылған заттай деректердің салыстырмалы сипаты (қыш ыдыстар, теңгелер, қола құты) қаланың іргесі XI ғ. қалыптасып, Алтын Орда дәуірінде үлкен мәдени, сауда-экономикалық және рухани орталыққа айналғандығын анықтады. Ал қала тіршілігінің тоқтауы XIV ғ. соңына мен XV ғ. басына сәйкес келетіндігі белгілі болды. Қала тіршілігінің бірден құлдырап, тоқтауы белгісіз. Оның себептерін анықтау мақсатындағы зерттеулер жалғасуда.

4-сур. Қышқала қалашығы. Қазба 11. 8-бөлмеден табылған қола құты

Fig. 4. The Kyshkala urban site. Excavation trench nr. 11. The bronze casket from room 8

Рис. 4. Городище Кышкала. Раскоп № 11. Бронзовая шкатулка из комнаты 8

Археологияның басты мақсаты осындай қала орындарында қазба жүргізіп, алынған мәліметтер негізінде еліміз бен халқымыз тарихының зерттеуі жетпей жатқан тұстарын ашу болып табылады. Қазба барысында табылған заттай жәдігерлер мұзей қорларына өтізілуде. Олардың бірқатары күнделікті экспозицияларда жалпы жұрттың тарихи танымын өсіру мақсатымен көпшілікке көрсетілуде. Арнайы көрмелер қарапайым халықтың рухани байлығын арттыру мақсатында қызмет етуде. Дегенмен, көптеген жәдігерлер қалпына келтіру, зерханалық сараптама жасау, оларды сақтау және ғылыми талдау секілді шаралардан тыс қалып жатыр. Қазылған қаншама маңызды нысандар әрі қарай жүргізілетін қатыру, қалпына келтіру, туристік бағдарламаларға енгізу секілді қорғау, ғылыми пайдалану шараларына мұқтаж болып, жыл санап, табиғи және физикалық әсерден жойылу үстінде. Осы айтылған шаруаларды жүзеге асыру біздің басты әлсіздігіміз болып отыр.

ӘДЕБИЕТ

Елеуов М., Есен С., Құрманиязов И., Молдахмет А. Қышқала қалажұртында 2022 ж. жүргізілген қазба жұмыстары // «Орталық Азияның ежелгі және дәстүрлі қоғамдарының тарихи-мәдени мұралары: жаңа ашылымдар мен пәнаралық зерттеулер» атты «XIV Оразбаев оқулары» халқаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2022. 13–17 бб.

Киракос Гандзакеци История Армян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 359 с.

Плано Карпини Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. 248 с.

Китайская песня (1023 г.н.э.) Тянь Шэн Бао подлинная китайская древняя монета # 40243. URL: https://www.collectors.com/coin/china-song-1023-ad-tian-sheng-yuan-bao-genuine-chinese-anci/-738998128207442468 (дата обращения 20.03.2023)

Рух. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/467490 (дата обращения 20.03.2023).

REFERENCES

Eleuov, M., Esen, S., Kurmaniazov, I., Moldakhmet, A. 2022. In: Zhumataev, R. S. (ed.). *XIV Orazbaev Okulary (14th Orazbayev Readings)*. Almaty: "Kazakh University" Publ., 13–17 (in Kazakh).

Kirakos Gandzaketsi. 1976. *Istoriya Armyan (The History of Armenians*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Plano Carpini. 1993. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Carpini i Giloma de Rubruka (Travels to the eastern countries by Plano Carpini and Guillaume de Rubrouck)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

Kitayskaya pesnya (1023 g.n.e.) Tyan' Shen Bao podlinnaya kitayskaya drevnyaya moneta # 40243 (Chinese Song 1023 AD. Tian Sheng Bao Genuine Chinese Ancient Coin #40243). URL: *https://www.collectors.com/coin/china-song-1023-ad-tian-sheng-yuanbao-genuine-chinese-anci/-738998128207442468* (accessed: 20.03.2023) (in English).

Rukh. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/467490 (accessed: 20.03.2023) (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 22.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.294.305

Николай Максимович Зиняков[1],
[1]Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия; NMZINYAKOV@rambler.ru

Чугун Искера – столицы Сибирского ханства как источник по истории ремесла и торговли Центральной Азии эпохи Шейбанидов

Городище Искер представляет собой руины бывшей столицы Сибирского ханства. Археологическое изучение Искера, проводившееся с 80-х годов XIX в. по настоящее время, позволило накопить значительный материал, характеризующий культуру, быт, хозяйственные занятия и торговые связи населения, проживавшего в столице Сибирского ханства. Археологические исследования городища Искер выявили довольно представительную и весьма специфическую группу чугунных находок, локализация производства которых определяется регионом Средней Азии. Металлографические исследования металла показали, что материал чугунных отливок достаточно однороден и имеет, в основе своей, сходный тип структуры белого эвтектического чугуна, в некоторых случаях содержащий незначительные зоны частично графитизированного металла. Данные исторических источников XVI в. и микроструктурные анализы исследованных образцов металла свидетельствуют о существовании в Средней Азии весьма развитой, для своего времени, металлургии чугуна и чугунолитейного производства, поставлявших на рынок сопредельных территорий широкий перечень изделий, находивших применение в быту и производственной деятельности населения. В караванной торговле Средней Азии с Сибирью господствующее положение занимали разнообразные ткани. Из чугунных изделий в Сибирь вывозилась преимущественно посуда, обладавшая рядом положительных потребительских свойств. Небольшой объем чугунной посуды, фиксируемый археологически, по-видимому, представлял собой оптимальный баланс между её спросом и предложением.

Ключевые слова: городище Искер, археологические находки, металлография чугуна, экономика Бухарского ханства, торговые связи

Николай Максимович Зиняков[1]
[1]Кемерово мемлекеттік университеті,
Кемерово қ., Ресей

Сібір хандығының астанасы – Искер шойыны Орталық Азияның шәйбанилер тұсындағы қолөнері мен саудасының тарихы бойынша дереккөз ретінде

Искер қаласы Сібір хандығының бұрынғы астанасының орны болып табылады. XIX ғ. 80- жылдарынан бастау алып, қазіргі таңға дейін жалғасын тапқан Искер қаласын археологиялық зерттеу Сібір хандығы астанасында өмір сүрген тұрғындардың мәдениеті, тұрмысы, шаруашылық қызметі мен сауда байланыстарынан ақпарат беретін ауқымды материалдарды жинақтауға мүмкіндік берді. Искер қаласындағы археологиялық зерттеулер нәтижесінде өндірісі Орта Азия аумағымен локализацияланатын шойыннан жасалған жәдігерлердің ерекше әрі көрнекі тобы табылды. Металлографиялық зерттеулер көрсеткендей шойын құймасы біртекті және кей жағдайларда жекелеген графитизацияланған металл бөліктерінен тұратыны, ақ эвтектикалық шойынның құрылымына ұқсас болып келетіні анықталды. XVI ғ. тарихи деректері және зерттелген металл үлгілеріне жасалған микроқұрылымдық сараптамалар Орта Азияда өз уақыты үшін аса дамыған шойын өндірісі мен шойын металлургиясы болғанын

© 2023 г. Зиняков Н.М.

көрсетеді. Тұрғындар тұрмыс пен шаруашылық қызметіне қолданған көптеген бұйымдар көршілес аудандардың нарығына шығарылып отырған. Орта Азияның Сібірмен керуен саудасында әртүрлі маталар басымдықта болды. Сібірден қолданыс аясында көптеген артықшылықтарға ие шойын ыдыстар көптеп сыртқа шығарылатын. Археологиялық қазбалардан табылған шойын ыдыстардың көлемінің аса көп болмауы оған деген ұсыныс пен сұраныстың оптималды тепе-теңдігін байқатады.

Түйін сөздер: Искер қалашығы, археологиялық жәдігерлер, шойын металлографиясы, Бұқар хандығы экономикасы, сауда байланыстары

Nikolay Zinyakov[1]
[1]Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

The cast iron of Isker – the capital of the Siberian Khanate as a source on the history of crafts and trade in Central Asia of the Sheibanid era

The Isker settlement is the ruins of the former capital of the Siberian Khanate. Archaeological study of Isker, carried out since the 80s of the 19th century to the present, it has made it possible to accumulate significant material characterizing the culture, life, economic activities and trade relations of the population living in the capital of the Siberian Khanate. Archaeological research of the Isker settlement have revealed a fairly representative and very specific group of cast iron finds, the localization of production of which is determined by the region of Central Asia. Metallographic studies of the metal showed that the material of cast iron castings is quite homogeneous and has, in its essence, a similar type of structure of white eutectic cast iron, in some cases containing minor zones of partially graphitized metal. Historical sources of the 16th century. and microstructural analyzes of the investigated metal samples indicate the existence in Central Asia of a highly developed, for its time, metallurgy of cast iron and iron foundry, which supplied a wide range of products to the market of adjacent territories that were used in everyday life and industrial activities of the population. In the caravan trade of Central Asia with Siberia, various fabrics occupied a dominant position. From cast iron products to Siberia, mainly dishes were exported, which had a number of positive consumer properties. The small volume of cast iron utensils, recorded archaeologically, apparently represented the optimal balance between supply and demand.

Keywords: settlement Isker, archaeological finds, metallography of cast iron, economy of the Bukhara Khanate, trade relations

История ремесленного производства и торговли Центральной Азии постоянно является объектом научных исследований. Основным источником при этом, как правило, выступают археологические материалы, обнаруженные непосредственно в обозначенном регионе, что вполне оправдано. Между тем существуют археологические коллекции, сформированные в процессе полевых работ на сопредельных территориях. И в их числе коллекции городища Искер – столицы Сибирского ханства, расширяющие наши представления о ремесле и торговле городов Средней Азии.

Городище Искер, бывшая столица Сибирского ханства, расположено на высоком правом берегу р. Иртыш, в месте впадения речки Сибирки, вблизи современного города Тобольска. Сибирские летописи связывают основание Искера с именем тайбугина Мамета, который пришел к власти после переворота 1495 года и, с целью укрепления своего положения, перенес столицу вглубь своих владений. С 1582 по 1584 гг. Искер находился во власти Ермака и его дружины. После гибели Ермака и ухода казаков в нем на некоторое время утвердился сын Кучума Алей, а затем тайбугин Сейдяк – последний правитель Искера, плененный Данилой Чулковым в 1588 г., после которого столица Сибирского ханства пришла в запустение. Согласно топографического плана С.У. Ремезова, составленного в 1703 г., т.е. почти сто лет спустя после запустения столицы, длина верхней площадки крепости «Кучумово городище» равнялась 146,9 м. Минимальная ширина ее южной стороны составляла 74,8 м, максимальная, в северной части – 129,6 м. Таким образом, общая площадь цитадели в то время достигала 18850 м^2 [Белич 2010: 145]. Столичный статус городища обусловил его научную привлекательность. Поэтому историография его весьма обширна [Маслюженко 2018: 19–24].

Начало археологии Искера положила деятельность тобольского художника и краеведа М.С. Знаменского[1], проводившего сборы и любительские раскопки на городище в 80-х годах XIX в. В результате чего ему удалось собрать значительную коллекцию, состоявшую из 2736 предметов. Помимо сбора археологического материала, М.С. Знаменский занимался фиксацией находок, изображая их в виде цветных рисунков. Один из альбомов М.С. Знаменского, содержащий 567 цветных изображений, хранится в фондах историко-архитектурного музея заповедника г. Тобольска. После смерти М.С. Знаменского собранная коллекция была продана Национальному музею Финляндии в Гельсингфорсе [Зыков 2017: 36–40]. В конце XIX в. некоторое пополнение археологической коллекции произвели местные краеведы [Адамов 2018: 176]. В 1915 г. на городище были проведены первые планомерные раскопки под руководством В.Н. Пигнатти. Ему удалось вскрыть остатки жилищ, чувал и, вероятно, часть мастерской. Раскопки дали 334 находки. Кроме того, В.С. Пигнатти в нескольких местах обследовал противоположный склон оврага, надеясь найти остатки предполагаемого города, но никаких следов пребывания там человека не обнаружил. Вместе с тем, В.Н. Пигнатти опубликовал в 1916 г. каталог коллекции находок с городища Искер, принадлежавшей Тобольскому Губернскому Музею, в которой значилось 1416 предметов [Пигнатти 1916]. Еще две небольшие коллекции, собранные с Искера Н.И. Бутаковым (1896 г.) и А.Ф. Палашенковым (1938 г.), попали в Омский краеведческий музей.

Новый этап научных исследований городища Искер связан с археологическими раскопками Б.Б. Овчинниковой в 1968 г., А.П. Зыкова в 1988 и 1993 гг., А.А. Адамова в 2007 и 2008 гг. Результаты работ Б.Б. Овчинниковой были достаточно скромны. Она сняла глазомерный план городища, произвела небольшой раскоп (площадь 54 м^2) и обнаружила несколько находок. Более весомыми стали исследования А.П. Зыкова. Им была изучена основная часть сохранившейся площадки городища (117 м^2). Результаты работ опубликованы в коллективной монографии, авторами которой явились А.П. Зыков, П.А. Косинцев и В.В Трепавлов [Зыков 2017]. Кроме собственных изысканий, авторами использованы в книге материалы археологических находок, собранных на Искерском городище в XIX – начале XX вв. Анализ изученного массива предметов позволил А.П. Зыкову уверенно датировать основной комплекс находок городища Искер рамками XIV–XVI вв. [Зыков 2017: 65]. В 2007 и 2008 гг. археологические работы на городище производил А.А. Адамов, исследуя, в основном, склоны и подошву оврага, отделявшего площадку городища с напольной стороны. В процессе работ выявлены остатки укреплений, расположенных по дну и склонам оврага, и обнаружено около 400 разнообразных предметов. Помимо этого, с 2006 г. А.А. Адамов проводил ежегодные сборы археологического материала на отмели р. Иртыш вблизи Искера. В результате этого им было собрано около 500 артефактов [Адамов 2018: 177]. А.А. Адамов, проанализировав археологические материалы М.С. Знаменского, и В.Н. Пигнатти в совокупности со своими собственными находками, пришел к выводу, что Искер – памятник многослойный. Верхний слой, образовавшийся в XV – XVI вв., – самый значительный и связан с существованием столицы Сибирского ханства. Из более ранних напластований самым мощным является предшествующий слой XII – XIV вв. [Адамов 2018: 177].

Подводя итоги археологическим изысканиям, можно констатировать, что к настоящему времени накоплен значительный материал, характеризующий культуру, быт и хозяйственные занятия населения, проживавшего на городище Искер. Проведенные научные археологические раскопки на рассматриваемом памятнике позволили получить стратиграфию напластований культурного слоя, с фиксацией объектов, что способствовало разработке достоверной археологической периодизации существования городища.

Целый ряд находок бытовых предметов, украшений, монет указывает на то, что Искер был в торговом отношении связан с городами Средней Азии и Поволжья, а также – Русским государством, Крымом и Западной Европой.

Среди материалов городища Искер существует довольно репрезентативная и весьма своеобразная группа металлических изделий – чугунных отливок, представленных в коллекциях крупными и мелкими фрагментами сосудов. Впервые обломки чугунных сосудов были обнаружены М.С. Знаменским. В каталоге его искерской коллекции имеется упоминание о 43 фрагментах котлов [Зыков 2017: 233]. Помимо этого, в фондах Тобольского историко-архитектурного музея хранится еще 8 венчиков от чугунных котлов. А.П. Зыков, характеризуя чугунные сосуды, разделил их, с учетом особенностей внешней формы, на 4 типа, в том числе, – чаши, горшковидные сосуды и котлы.

[1]Археологам Казахстана он известен тем, что, будучи в составе военной экспедиции М.Г. Черняева в 1864 г., сделал зарисовки панорамы Акыртаса и его стен.

Последних в коллекциях – абсолютное большинство [Зыков 2017: 233–234]. Несколько десятков металлических фрагментов имеется в собрании А.А. Адамова, сформированном из предметов обнаруженных на отмели реки Иртыш у подножья Искера. Из коллекции последнего для металлографического изучения было отобрано 22 фрагмента, среди которых 8 венчиков (рис. 1).

Большая часть венчиков имеет утолщенный, нависающий внутрь край. На двух фрагментах нависающий край значительно вытянут и имеет форму карниза. На трех отливках сохранились горизонтальные сегментовидные ручки. Судя по профилю фрагментов, большая их часть относится к традиционным среднеазиатским металлическим котлам с полукруглым дном, именуемым термином «казан». Некоторые котлы – довольно крупных форм, с диаметром от 76 до 88 см. Две отливки рассматриваемой коллекции имеют уплощенное дно. Толщина стенок чугунных сосудов колеблется от 2,5 мм до 5 мм. На некоторых фрагментах хорошо виден литейный шов, оставшийся от составной верхней полуформы и литник (прилив металла), позволяющие сделать заключение об отливке некоторых котлов в двух полуформах (рис. 1, 1). Верхняя полуформа была разъемной. Подвод расплавленного металла производился со стороны днища.

Металлографическое изучение образцов металла показало, что по микроструктуре исследуемые чугуны относятся к трем типам. Большая часть их них (13 экз.) составляет группу белых эвтектических чугунов. Весь углерод в этих сплавах находится в связанном состоянии, в форме цементита (Fe_3C). При анализе нетравленных шлифов иногда фиксируются скопления неметаллических включений, реже - отдельные включения графита. Исследование травленных шлифов выявило характерный тип микроструктуры ледебурита (рис. 2). По своим свойствам эвтектический чугун относится к наиболее легкоплавким железоуглеродистым сплавам. Согласно диаграмме

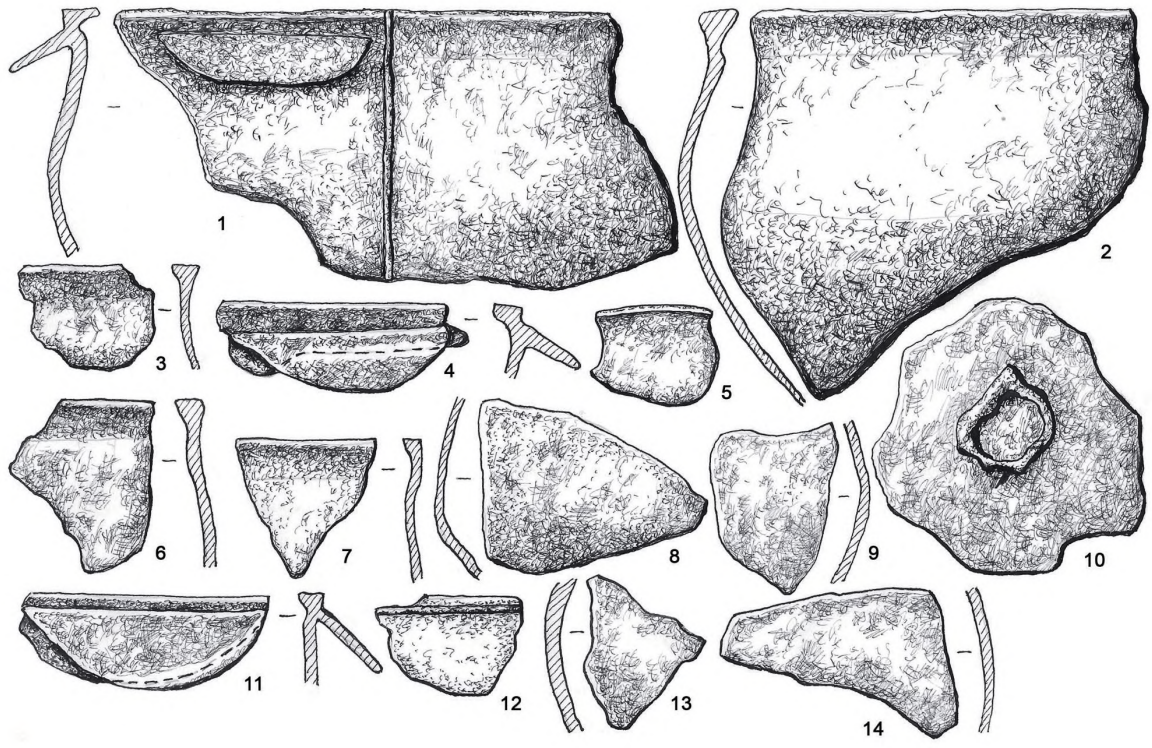

Рис. 1. Фрагменты котлов
1-сур. Қазандар фрагменттері
Fig. 1. Fragments of cauldrons

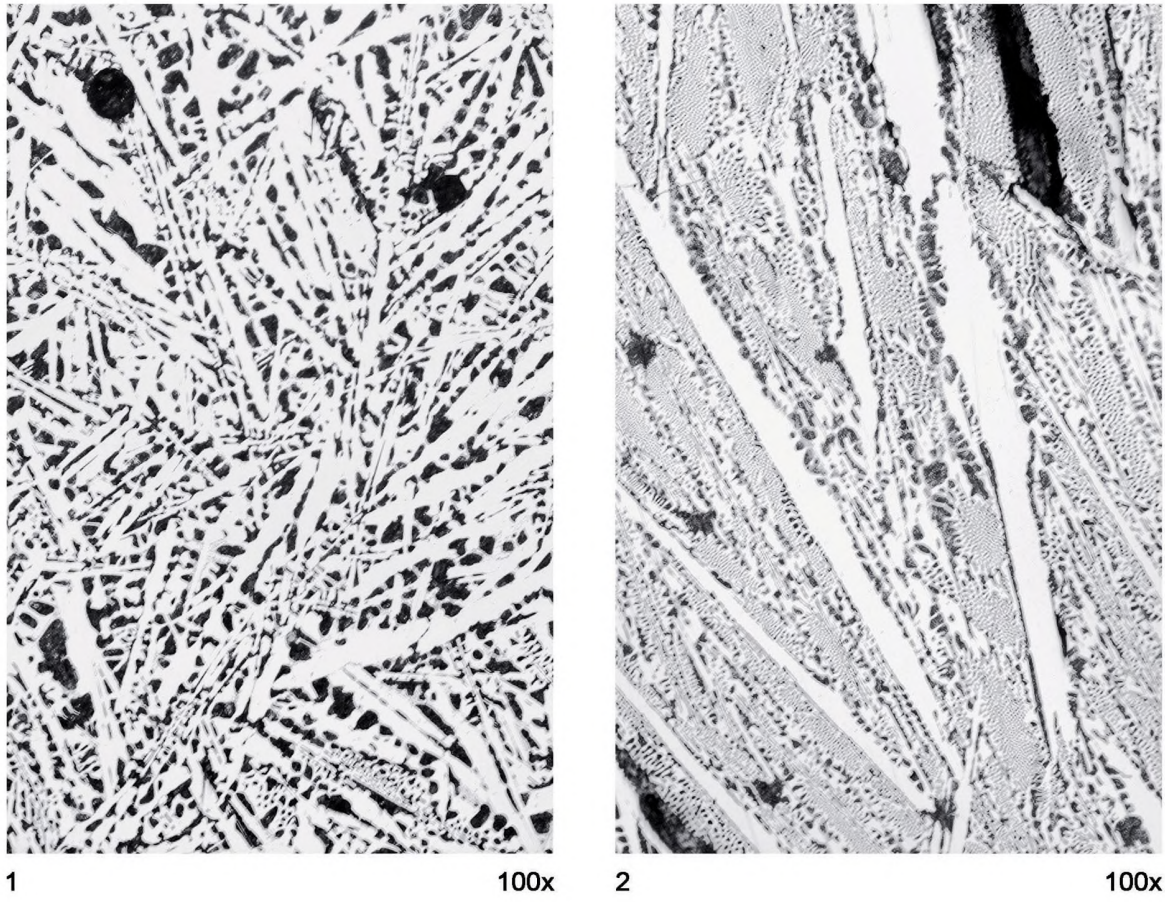

Рис. 2. Микроструктуры. 1 – венчик котла (рис. 1, 6) – ледебурит; 2- тулово котла (рис. 1, 9) – ледебурит
2-сур. Микроқұрылымдар. 1 – қазан ернеуі (1, 6 сур.) – ледебурит; 2 – қазанның тұрқы (1, 9 сур.) – ледебурит
Fig. 2. Microstructures. 1 – the cauldron rim (fig. 1, 6) – ledeburite; 2 – the cauldron body (fig. 1, 9) – ledeburite

состояния системы Fe – C температура плавления подобных сплавов составляет 1148° С. [Бунин 1972: 23].

Семь других изученных фрагментов составляют группу половинчатых чугунов, в структуре которых сочетаются структурные составляющие белых и серых чугунов. Микроструктурное изучение свидетельствует, что их структура состоит из графита и металлической основы. Графит – пластинчатый, с неравномерным распределением по изделию. На участках отсутствия графита структура металла представляет собой ледебурит, на участках с наличием графита – пластинчатый перлит и пластины цементита (Рис. 3, 1).

Третью, самую малочисленную группу (2 экз.), составляют отливки из серого чугуна. Микроструктура шлифов представляет собой свободный графит и металлическую основу. Графит, в одном случае, пластинчатый, в другом – шаровидный. Распределение графита равномерное. Металлическая основа состоит из феррита (рис. 3, 2).

В целом, результаты металлографических исследований свидетельствуют, что материал чугунных отливок, за исключением двух последних котлов, достаточно однороден и имеет, в основе своей, сходный тип структуры белого эвтектического чугуна, в некоторых случаях содержащий отдельные зоны пластинчатого графита. Выявленное определенное разнообразие микроструктур объясняется возможной неоднородностью химического состава чугуна, температурой его перегрева перед заливкой в форму и скоростью охлаждений отливки. Предпочтение при этом отводилось чугунам эвтектического состава, как наиболее легкоплавким железоуглеродистым сплавам. Для средневековых металлургов-литейщиков критерий легкоплавкости металла, надо полагать,

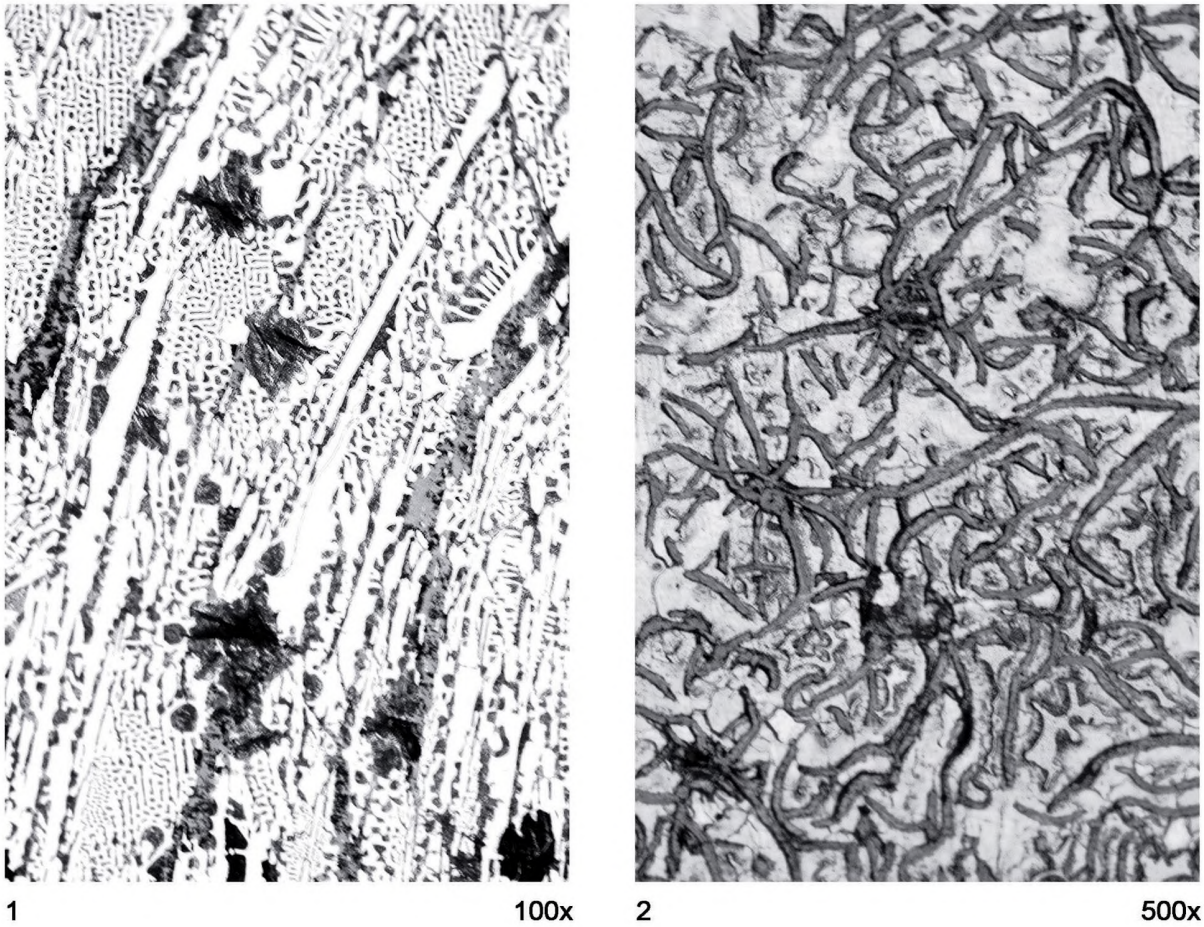

Рис.3. Микроструктуры. 1 – днище котла (рис.1, 14) – ледебурит и пластинчатый графит;
2 – днище котла (рис.1, 5) – феррит и пластинчатый с завихрениями графит
3-сур. Микроқұрылымдар. 1 – қазанның түбі (1, 14 сур.) – ледебурит және пластиналы графит;
2 – қазанның түбі (1, 5 сур.) – феррит және пластиналы графит
Fig.3. Microstructures. 1 – the cauldron bottom (fig. 1, 14) – ledeburite and lamellar graphite;
2 – the cauldron bottom (fig. 1, 5) – ferrite and lamellar graphite with vortices

был наиболее значимым среди прочих классифицирующих признаков разновидностей чугуна. Выявленные технологические особенности чугуна из коллекций городища Искер явно отличают его от аналогичных материалов известных производственных центров того времени, прежде всего, – древних монголов [Терехова 1974: 72] и Золотой Орды XIII–XIV вв. [Рязанов 2010: 13], что, по крайней мере, свидетельствует о немонгольском происхождении указанных котлов. С другой стороны, средневековые источники XVI в. констатируют тесные политические и торговые связи сибирского ханства с государством шейбанидов Средней Азии. Последнее же славилось высоко развитой черной металлургией и металлообработкой. Это позволяет, с достаточной уверенностью, предположить происхождение искерских чугунных котлов из городских ремесленных центров Бухарского ханства. К сожалению, металлографических данных, характеризующих чугунолитейное дело средневековых городов Узбекистана, в настоящее время не имеется. Причиной тому является, прежде всего, сильная засоленность почв региона, приводящая к полной коррозии железа и железоуглеродистых сплавов, что делает невозможным проведение структурного анализа археологического металла.

Фактором развития караванной торговли Сибирского ханства и Средней Азии как раз и была поступательная динамика и более высокий уровень эко-

номики последней. Известно, что в конце XV – начале XVI в. владетелем обширной территории Средней Азии, от низовьев Сырдарьи до Герата, явился, в результате завоевательных походов, предводитель тюркоязычных узбекских племен Мухаммед Шейбани. Шейбаниды правили Мавераннахром в течение почти 100 лет [История Узбекской ССР 1967: 509–521]. Особенно усилилось государство Шейбанидов в годы правления Абдулла-хана II (1557–1598 гг.). То есть, время правления Шейбанидов в Средней Азии оказалось синхронно периоду существования Искера как столицы Сибирского ханства. Завоевание областей, установление сильной центральной власти, объединение территорий и их производственных потенциалов, заинтересованность правителей в охране своих завоеваний и для этого – нормализации хозяйственной жизни, – все это способствовало подъему экономики государства, упорядочению и развитию торговли. История свидетельствует, что при Шейбанидах большое внимание уделялось состоянию торговых путей: возводились мосты через реки, строились крытые хранилища для воды, создавались новые караван-сараи, бывшие одновременно гостиными дворами и торговыми пунктами [История Узбекской ССР 1967: 523, 546–545]. Многочисленные города Бухарского ханства – Самарканд, Бухара, Ташкент, Андижан, Шахрисябз, Карши, Ходжент, Сыгнак, Сауран, Ясы и др. – являлись центрами ремесла и торговли. Среди них особенно выделялись столичные города – Бухара и Самарканд. В исторических документах XVI в. перечислены десятки ремесел, которыми занимались жители упомянутых городов.

Ведущей отраслью ремесленного производства являлось ткачество и смежные с ним промыслы. Помимо ткачей, исторические источники часто упоминают чистильщиков хлопка, прядильщиков, отбельщиков, лощильщиков, набойщиков хлопчатобумажной ткани, красильщиков. Среди мастеров, занимавшихся ткачеством, существовали более узкие специалисты: ткачи бархата, ткачи по выделке кимхоба, ткачи материи для кушаков и чалм, ткачи платков [Мукминова 1985:75; История Самарканда 1969: 268]. Среднеазиатские ткани, в том числе, – хлопчатобумажные (зандани, бязи, миткали, набойки), шелковые и полушелковые, – отличались высоким качеством и яркостью расцветки. В ткацкой отрасли Средней Азии существовали своего рода специализированные центры, славившиеся производством определенных видов тканей. Так, Бухарский оазис славился тканью занданачи, Самарканд – производством особых сортов хлопчатобумажной ткани, шелковых тканей и малинового бархата [История Самарканда 1969: 277].

Развитие экономики Ташкента определялось его территориальной близостью к рудникам Чаткало-Кураминских гор с их месторождениями железа, меди, свинца, золота, бирюзы и других полезных ископаемых, а также соседством с кочевой степью, население которой нуждалось в ремесленной продукции, не имея достаточных возможностей ее самостоятельного производства. Все это способствовало развитию здесь разнообразных ремесел, ориентированных в производстве не только на местный рынок, но и на жителей соседней степи, а также других городов и сопредельных территорий. Удовлетворение потребностей населения соседних регионов в хлопчатобумажных тканях, обуви, изделиях из чугуна, железа, стали и цветных металлов было характерной чертой экономики Ташкента [Мукминова 1985: 40].

Заметное место в экономике занимала обработка металлов. В XVI в. бухарские и самаркандские мастера-металлисты изготовляли вещи из меди, бронзы, железа и чугуна. Исторические источники – письменные и материальные – позволяют составить обширный номенклатурный список металлических изделий, использовавшихся в быту и хозяйственной жизни средневекового населения региона: орудия сельскохозяйственного производства, различные инструменты, конское снаряжение, посуда, украшения, предметы вооружения. Достаточно часто в исторических документах упоминаются котлы бронзовые, медные и чугунные разных форм, размеров и назначения. В зависимости от металла, с которым работал мастер, и вида выпускаемой продукции, ремесленники подразделялись на множество профессий. Среди них довольно многочисленными были кузнецы. Кузнецы, а также их дома и мастерские упоминаются и в Бухаре и в Самарканде. Среди кузнецов существовала узкая специализация. Источники упоминают гвоздарей, подковщиков, мастеров по изготовлению иголок, ножовщиков, мастеров по изготовлению напильников, оружейников [Мукминова 1976: 104–106]. Центром оружейного производства являлся Самарканд. Ассортимент самаркандского оружия был достаточно широк: копья, стрелы, луки, арбалеты, сабли, мечи, кинжалы, кольчуги, латы, щиты, шлемы и пр. Особое место в оружейном деле занимало изготовление клинкового оружия и защитных до-

спехов из булатной стали. Яркой иллюстрацией этого является посланная в подарок Федору Иоановичу (1584–1598 гг.) сабля «булатная навожена золотом» [История Самарканда 1969: 270].

Весьма развитым ремеслом в Средней Азии XVI в. являлось чугунное литье, широко известное по историческим документам. Этим видом производства занимались мастера, именуемые в исторических документах термином «чуян-гарон» (литейщик чугуна) [Беленицкий 1940: 43]. Открытие технологии чугуна в Средней Азии произошло в эпоху раннего железного века, однако обыденным материалом, наравне с железом и сталью, чугун стал только в период развитого средневековья, когда нашел широкое применение в производстве лемехов пахотных орудий, котлов, ступ, жаровень, светильников, а также – в изготовлении литой булатной стали. Если допустить среднеазиатское происхождение изученных отливок из городища Искер, то, на основании их микроструктур, можно предположить, что в XIV–XVI вв. в металлургии чугуна Средней Азии происходили важные технические изменения, направленные на укрупнение объемов домниц, с целью получения большего количества металла, что было одним из направлений интенсификации производства. С укрупнением домницы возрастал объем дутья, усиливалось сопротивление движению газов, что, в свою очередь, повлекло модернизацию искусственного дутья. В истории средневековой металлургии проблема искусственного дутья решалась путем использования водоналивных колес, приводивших в действие воздуходувные меха. В Европе, например, подобные устройства стали постоянно использоваться на рубеже XIII–XIV вв. [Вегман 2004: 39]. В Средней Азии использование водяного колеса, например, в мукомольном деле, зафиксировано уже «Договором об аренде мельниц» с горы Муг, датированным началом VIII в. [Согдийские документы с горы Муг 1962: 53–63]. Данный факт подтверждается и археологическим изучением городов Средней Азии, свидетельствующим, что в период с VIII по XIII вв. водяные мельницы давали основную часть товарной муки [Беленицкий 1973: 290]. О развитии техники в этом направлении в XVI в. свидетельствуют письменные документы, анализ которых указывает на обилие не только водяных мельниц, но и водяных маслобоек [Мукминова 1976: 535]. Подобного рода свидетельства содержатся в «Вакфнаме» Мухаммада Шейбанихана, в котором упоминается толчея для измельчения волокнистой массы, приводимой в движение водой, при выделке бумаги в Самарканде XVI в. и еще несколько в Самаркандском округе [Мукминова 1986: 27, 244]. Исходя из этого, можно предположить, что и средневековые металлурги использовали преимущества водоналивного колеса в воздуходувных устройствах. Следствием таковых нововведений, скорей всего, и явилось увеличение концентрации углерода в чугуне при одновременном расширении масштабов производства металла. Окончательно решить этот вопрос смогут полевые археологические работы в регионе.

На широкое распространение чугунолитейного ремесла указывают письменные источники XV–XVI вв. В том числе в них сообщается о литье чугуна в Ташкентской области, о наличии чугунолитейщиков в Самарканде, о применении чугуна в быту, о наличии земель Чуйанчийан (от чуйанчи – литейщик чугуна) [История Узбекской ССР 1967: 534; Мукминова 1976: 109].

Заслуживающие внимания сведения, проливающие свет на организацию металлообрабатывающего производства в Средней Азии XVI в., содержатся в акте («васика»), составленном в Самарканде в 1590 г., в связи с разделом наследственного имущества покойного Муллы Науруза, сына Муллы Пайанда. Мулла Науруз был жителем местности Чуйанчи в «тумане» Согд – и Калан Самаркандской округи. Само название местности (Чуйанчи – узб. чугунщик), где находилась усадьба и мастерская мастера, свидетельствует о том, что чугун здесь возделывался с давних пор. Судя по оценке имущества, мастерская-«кархана» представляла собой небольшое строение, с располагавшимся в нем оборудованием и инструментами. Перечень последних в акте отсутствует. Среди наследственного имущества числятся 4 ширазских мана чугуна стоимостью в 16 ханских танга. Судя по всему, это был полуфабрикат в виде слитков, получаемый металлургами и использовавшийся литейщиками в качестве сырья для производства чугунных изделий. К сожалению, размер ширазских манов, в которых определяется вес чугуна, в настоящее время не установлен. Вместе с тем, известно, что для Самарканда начала и середины XVI в. ман, входивший в группу «большого веса», равнялся 20 кг [Мукминова 1986: 47]. Таким образом, в переводе на метрическую систему общий вес чугуна из наследственного имущества составлял, предположительно, 80 кг. Рассматриваемый документ позволяет соотнести некоторые сравнительные цены на имущество. В соответствии с актом, 4 ширазских мана

чугуна стоимостью 16 ханских танга приравнивались к стоимости быка, оцениваемого в 15 ханских танга или жеребенку-самке, цена которого в описи имущества определена в 16 танга [Мукминова 1980: 191].

Вторым важнейшим сектором экономики средневековых городов являлась торговля. В глазах современников торговая функция была едва ли не главной. Не случайно при описании городов авторы зачастую упоминали не товары, а базары. Например, Бабур, в сочинении которого («Бабур-наме») отражены события в Средней Азии и сопредельных территориях на рубеже XV–XVI вв., писал: «Самарканд – удивительно благоустроенный город. У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в других городах. Для каждого промысла отведен отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом» [Бабур 2011: 76–77]. Историки и поэты описывают Самарканд как многолюдный город с базарами, торговыми лавками и караван-сараями. Известно, что в городе насчитывалось более десяти больших и малых базаров и торговых рядов, некоторые из них были крытыми. Чаще всего базары специализировались на продаже определенной продукции. Существовали базары прядильщиков, ткачей, кузнецов, свечников, продавцов веревок и войлока, мучной, овощной и др. При базарах существовали «дуканы» (лавки-мастерские), в которых одновременно производился и продавался товар [История Самарканда 1969: 267].

Славилась своей торговлей Бухара, особенно после превращения её в столицу в 70-х годах XVI в. В результате возросшей экономической роли Бухары здесь строились новые караван-сараи, крытые купольные торговые помещения («тим», «ток», «чахарсук»), специализированные торговые ряды («раста»), павильоны («каппон»). На базарах Бухары собиралось значительное количество покупателей: здесь были местные и приезжие, нередко чужеземные, купцы, городские перекупщики, мелкие торговцы [Мукминова 1985: 38]. Как свидетельствуют письменные источники, в течении XVI в. в торговле с Сибирью Бухара играла главную роль, через нее в Сибирь отправлялись различные товары из других городов Центральной Азии [Зияев 1983: 147].

В крупных городах сходились четыре основных направления товарообмена: между ремеслом и сельским хозяйством, между оседлыми земледельцами и кочевниками, между соседними областями, между государствами. Внутренняя и внешняя торговля Бухарского ханства играла весьма значительную роль. В ее развитии были заинтересованы, прежде всего, ремесленники и торговцы. Внутренняя и транзитная торговля приносила значительные доходы самаркандским и бухарским правителям, удельным наместникам, взимавшим с купцов большие пошлины и тем самым пополнявшим свою казну. Торговые караваны в XV–XVI вв., как и прежде, ходили из Бухары, Самарканда и других городов Средней Азии в Китай, Индию, Иран, Афганистан, Турцию, Русское государство, Казахстанские и Ногайские степи, в Сибирь. Довольно значительную роль среднеазиатские купцы играли в Сибирском ханстве Кучума, поддерживавшем тесные дипломатические связи с Бухарой. Некоторые из купцов оседали в Сибири, сохраняя свои связи с родиной, получив в последующем наименование «сибирских бухарцев». В исторической литературе существуют различные мнения относительно времени их переселения в Сибирь. В свое время, еще Г. Миллер полагал, что оно началось в середине XVI в., со времени приезда Кучума и Ахмед-Гирея со «многими бухарцами» [Миллер 1937: 196; Юлдашев 1964: 82].

Сибирь была с давних пор местом сбыта среднеазиатских промышленных товаров, с другой стороны, – в Средней Азии существовал большой спрос на сибирскую пушнину. Яркой иллюстрацией этого является письмо Абдулла-хана, адресованное Кучуму: «… Как тебе сё ведомо будет и будет есть у тебя кречеты и хорошие стрелы и дорогие соболи, которые нам пригодятца и хорошие лисицы, то к нам пришли, а мы здешних вещей не пожалев к вам пошлем» [Материалы к истории Узбекской ССР 1932: 296]. Известно, что среди бухарских товаров в караванной торговле преобладали различные виды дешевой хлопчатобумажной и более дорогой шелковой ткани, остатки которых встречаются в археологических памятниках Западной Сибири эпохи позднего средневековья. Металлические изделия, в том числе чугунные котлы, играли роль, скорее сопутствующих, но необходимых вещей. О примерном составе товаров бухарских караванов мы можем судить по данным исторических документов начала XVII в. Так, согласно документов, в 1640 г. (спустя несколько десятилетий после падения Сибирского ханства) в Тобольск прибыл бухарский караван в составе 79 человек. Караван привез разнообразные товары, в том числе: ткани – выбойка узкая (19569 аршин), выбойка широкая бухарская (479 концов), выбойка широкая арабская (4 конца), бязь узкая (53 997 аршин), бязь

узкая короткая (429 концов), бязь широкая бухарская (779 концов), пестредь (2460 концов), пестредь широкая цветная (26 концов), полукисея (232 конца, из них 3 конца тонкой), мели (212 концов), зендени дюменди (3759,5 конца), зендени семенди (1475,5 конца, из них цветных 20 концов и червчатых 108), зендени пурбени (217 концов), кутни (101 конец, из них 29 дорогильных, 6 выбойчатых, 14 бумажных, 52 зенденных, 1 кумач), завесы выбойчатые (40), фата (636). В этом же караване было привезено несколько видов готовой одежды: кафтаны (1722), кушаки (1512), чалмы. В составе привезенной продукции отмечены мерлушки, овчины, бумага писчая, луки бухарские (53 шт.), арканы (3 шт.), котлы чугунные (21 шт.) и др. Вместе с этим было приведено 97 верблюдов, 299 лошадей, 417 баранов, и 3 козы [Зияев 1983: 32–33].

В исторических документах XVII в. содержатся сведения о ценах на бухарские товары, которые позволяют понять, какое место занимало чугунное литье в общем ассортименте ремесленных изделий среднеазиатских караванов. Согласно им, розничная цена на тобольском рынке в 1639/40 г. на чугунные котлы колебалась от 200 до 400 копеек, в то время как цена на некоторые текстильные товары была значительно ниже: выбойка узкая – 3 копейки за один аршин, бязь узкая – 3 копейки за аршин, кафтан бумажный – 25 копеек, рубашка зенденная – 50 копеек [Вилков 1967: табл. 29]. Таким образом, сравнительно высокая цена «котлов из чудинного железа» давала им определенные преимущества в товарообмене, а отсутствие собственного производства чугуна обеспечивало спрос, главным образом, у татарского населения, занимавшегося полукочевым скотоводством. В обмен на ремесленную продукцию среднеазиатские купцы приобретали пушнину разных сортов, бывшую в то время практически единственным сибирским товаром. Пушнина, приносившая торговцам огромную прибыль и значительную часть поступлений в казну бухарского ханства, была главным стимулом развития караванной торговли. В свою очередь, включение ремесленной продукции в товарооборот между Средней Азией и Сибирью активизировало городскую промышленность Бухарского ханства.

Таким образом, археологические исследования городища Искер выявили довольно представительную и весьма специфическую группу чугунных находок, локализация производства которых определяется скорей всего регионом Средней Азии. Металлографические исследования металла показали, что материал чугунных отливок достаточно однородный и имеет, в основе своей, сходный тип структуры белого эвтектического чугуна, в некоторых случаях, содержащих отдельные зоны частично графитизированного чугуна. Данные микроструктурных анализов образцов металла и исторических источников XVI в. позволяют говорить о существовании в Средней Азии весьма развитой, для своего времени, металлургии чугуна и чугунолитейного производства, выпускавшей на рынок серию изделий, находивших употребление в быту и в производственной деятельности. Из всей номенклатуры производимых чугунных изделий только посуда, обладавшая рядом положительных потребительских свойств (надежность, долговечность, транспортабельность, легкость в эксплуатации), включалось в состав товаров караванной торговли с Сибирью, в котором господствующее положение занимали разнообразные ткани. Небольшой объем чугунной посуды, фиксируемый археологически, представлял собой оптимальный баланс между её спросом и предложением.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. Городище Искер //Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казанского университета, 2018. С 176–185.

Бабур Захиреддин Мухаммед. Бабур-наме. Баку: «Нагыл Еви», 2011. 269 с.

Беленицкий А.М. Организация ремесла в Самарканде в XV–XVI вв. //КСИИМК, вып. 6. 1940. С. 43–47.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. 338 с.

Белич И.В. Чертеж «Кучюмово городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири //Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1 (12). С. 141–153.

Вегман Е.Ф., Жеребин Б.Н., Похвиснев А.Н., Курунов И.Ф., Пареньков А.Е., Черноусов П.И. Металлургия чугуна. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004. 774 с.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1967. 323 с.

Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI – XVII вв. Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1983. 166 с.

Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука, 2017. 559 с.

История Самарканда. Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1969. Т. 1. 493 с.

История Узбекской ССР. Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1967. Т. 1. 772 с.

Маслюженко Д.Н. Советская и современная историография // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казанского университета, 2018. С. 19–24.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть 1. Торговля с *Московским государством* и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 504 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 664 с.

Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1976. 234 с.

Мукминова Р.Г. К истории ремесленных мастерских – кархана XVI в. (чугунолитейная мастерская Самаркандской области) //Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980. М.: Наука, 1980. С. 190–196.

Мукминова Р.Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана (конец XV–XVI вв.). Ташкент: «Изд-во ФАН Узбекской ССР», 1985. 139 с.

Мукминова Р.Г. Акт о наследстве (Самаркандская область, XVI в.) // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. М.: Наука, 1986. С 46–52.

Пигнатти В.Н. Каталог коллекции находок на Искере, принадлежащей Тобольскому Губернскому Музею // Ежегодник Тобольского Губернского Музея. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1915. Вып. XXVI. С. 13–15.

Рязанов С.В. Чугунолитейное производство европейской части Золотой Орды (вторая половина XIII–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 22 с.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лифшица. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. 224 с.

Терехова Н.Н. Технология чугунолитейного производства у древних монголов // СА. 1974. №1. С. 69–78.

Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII в. Ташкент: Наука, 1964. 124 с.

REFERENCES

Adamov, A. A. 2018. In: Maslyuzhenko, D. N. et al. (eds.). *Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva (The Tyumen and Siberian Khanates)*. Kazan: Kazan University Publ., 176–185 (in Russian).

Babur, Z. M. 2011. *Babur-name*. Baku: “Nagil Evi” Publ. (in Azerbaijani).

Belenitskiy, A. M. 1940. In: *KSIIMK (Brief communications of the Institute of archaeology)*, 6, 43–47 (in Russian).

Belenitskiy, A. M., Bentovich, I. B., Bolshakov, O. G. 1973. *Srednevekovyi gorod Sredney Azii (The medieval city of Central Asia)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian)

Belich, I. V. 2010. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography)*, 1 (12), 141–153 (in Russian).

Vegman, E. F., Zherebin, B. N., Pokhvisnev, A. N., Kurunov, I. F., Parenkov, A. E., Chernousov, P. I. 2004. *Metallurgiya chuguna (Iron Metallurgy)*. Moscow: “Akademkniga” Publ. (in Russian).

Vilkov, O. N. 1967. *Remeslo i torgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII veke (Craftsmanship and Trade in Western Siberia in the 17th century*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ziyaev, K. Z. 1983. *Ekonomicheskie svyazi Sredney Azii s Sibiryu v XVI–XVII vv. (Economic relations of Central Asia with Siberia in the 16th-17th Centuries)*. Tashkent: “FAN” Publ. (in Russian).

Zykov, A. P., Kosintsev, P. A., Trepalov, V. V. 2017. *Gorod Sibir – gorodische Isker (istoriko-arheologicheskoye issledovaniye) (The city of Siber – The Isker city-site (historical-archaeological study))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Istoriya Samarkanda (History of Samarkand). 1969. Vol. 1. Tashkent: "FAN" Publ. (in Russian).

Istoriya Uzbekskoy SSR (History of the Uzbek SSR). 1967. Vol. 1. Tashkent: "FAN" Publ. (in Russian).

Maslyuzhenko, D. N. 2018. In: Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *Tyumenskoe i Sibirskoe hanstva (The Tyumen and Siberian Khanates)*. Kazan: Kazan University Publ., 19–24 (in Russian).

Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmennoy SSR (Materials about Uzbek, Tadzhik and Turkmen SSR history). 1932. 1st Chapter. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Miller, G. F. 1937. *Istoriya Sibiri (The History of Siberia)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Mukminova, R. G. 1976. *Ocherki po istorii remesla v Samarkande i Bukhare v XVI v. (Essays on the history of craftsmanship in Samarkand and Bukhara in the 16th Century)*. Tashkent: "FAN" Publ. (in Russian).

Mukminova, R. G. 1980. In: *Srednevekovyi Vostok. Istoriya, kultura, istochnikovedeniye (Medieval East. History, Culture, Source Study)*, 190–196 (in Russian).

Mukminova, R. G. 1985. *Sotsialnaya differentsiatsiya naseleniya gorodov Uzbekistana (konets XV–XVI vv.) (Social differentiation of of Uzbek's cities population (Late 15th-16th Centuries))*. Tashkent: "FAN" Publ. (in Russian).

Mukminova, R. G. 1986. In: Girs, G. F., Davidovich, E. A., Osmanov, M.-N. O. (eds.). *Pamyatniki istorii i literatury Vostoka. Period feodalizma (Monuments of history and literature of the East. Feudal period)*, 46–52 (in Russian).

Pignatti, V. N. 1915. In: *Ezhegodnik Tobolskogo Gubernskogo Muzeya (Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum)*, 26, 13–15 (in Russian).

Ryazanov, S. V. 2010*. Chugunoliteynoe proizvodstvo evropeyskoy chasti Zolotoy Ordy (vtoraya polovina XIII–XIV vv.) (Iron casting production in the european part of the Golden Horde (second half of the 13th-14th centuries)):* abstract of Thesis Cand. of Hist. sciences. Izhevsk (in Russian).

Sogdiyskie dokumenty s gory Mug. Chteniye, perevod i kommentarii V.A. Livshitsa (Sogdian Documents from Mount Mug. Reading, Translation, and Comments by V.A. Livshits). 1962. Vol. 2. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).

Terekhova, N. N. 1974. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 1, 69–78 (in Russian).

Yuldashev, M. Y. 1964. *K istorii torgovyh i posolskih svyazey Sredney Azii s Rossiey v XVI–XVII v. (On the history of trade and diplomatic relations between Central Asia and Russia in the 16th-17th Centuries)*. Tashkent: "Nauka" Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 04.04.2023.

Г. Қайырғалиева
А.М. Зайнов
М.Қ. Әбдіғалиев

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.306.312

Гүлфайруз Қайырғалиева[1], g.kairgalieva@asu.edu.kz,
Амангелді Мугауұлы Зайнов[1], amang84@mail.ru,
Мир Қобланұлы Әбдіғалиев[2], mir_abdigalyev@mail.ru
[1]Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті КеАҚ,
Атырау қ, Қазақстан;
[2]Атырау облысы тарихи-мәдени мұраны зерттеу орталығы,
Атырау қ, Қазақстан

Ортағасырлық Сарайшық қаласында 2022 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының алдын-ала нәтижелері

Мақалада 2022 жылы ортағасырлық Сарайшық қаласында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелері қамтылған. Археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде ортағасырлық қаланың тұрғын жай кешендерінің құландылары мен қабырғаларының қалдықтары, ташнаулар мен кандар, көп мөлшерде күміс және мыс тиындар, керамикалық ыдыстар мен заттардың сынықтары, фрагменттері, сүйектен жасалған бұйымдар табылды. Сонымен қатар мал және балық сүйектері, басқада тұрмыстық қалдықтар анықталды. Қазба жұмыстарының үлкен нәтижесі ретінде күміс тиындар көмбесі мен мейлінше жақсы сақталған канның табылғандығын атап өтуге болады.

Түйін сөздер: ортағасыр, Алтын Орда, Ноғай Ордасы, Сарайшық, қазба, тиын, кан, ташнау

Гулфайруз Кайргалиева[1],
Амангельди Мугауович Зайнов[1],
Мир Кобланович Абдигалиев[2]
[1]НАО Атырауский университет им. Х. Досмухамедова,
г. Атырау, Казахстан
[2]Центр исследования историко-культурного наследия Атырауской области,
г. Атырау, Казахстан

Предварительные результаты археологических раскопок проведенных в 2022 году в средневековом городище Сарайчик

Статья содержит результаты археологических раскопок, проведенных на средневековом городище Сарайчик в 2022 году. В результате археологических исследований были обнаружены остатки конструкций стен жилых комплексов средневекового городища, ташнау и каны, большое количество серебряных и медных монет, фрагменты керамической посуды, изделия из кости. Собрана палеозоологическая коллекция – кости скота и рыбы. Наиболее интерсными находками являются клад серебряных монет и хорошо сохранившийся кан.

Ключевые слова: средневековье, Золотая Орда, Ногайская Орда, Сарайчик, раскопка, монета, кан, ташнау

© 2023 ж. Кайрғалиева Г., Зайнов А.М., Әбдіғалиев М.Қ.

Gulfairuz Kairgalieva[1],
Amangeldi Zainov[1],
Mir Abdigaliev [2]
[1]NAO Atyrau University named after Dosmukhamedov, Atyrau, Kazakhstan;
[2]Historical and Cultural Heritage Research Center of Atyrau region, Atyrau, Kazakhstan

Preliminary results of archaeological excavations conducted in 2022 in the medieval settlement of Saraychik

The article contains the results of archaeological excavations conducted in the medieval settlement of Saraychik in 2022. As a result of archaeological excavations, the remains of ruins and walls of residential complexes of the medieval settlement, Tashnau and Kana, a large number of silver and copper coins, fragments of ceramic dishes and objects, fragments of bone products were found. Cattle and fish bones and other household waste were also found. As a result of the excavations, it is possible to note the discovery of a treasure trove of silver coins and the best preserved kan.

Keywords: Middle Ages, Golden Horde, Nogai Horde, Saraychik, excavation, coin, kan, tashnau

Сарайшық қаласында 2022 жылы 15 маусым – 15 шілде аралығында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарын Атырау облысы Мәдениет, тілдерді дамыту және архив ісі басқармасы, Атырау облысы Тарихи-мәдени мұраны зерттеу орталығының мемлекеттік тапсырысы бойынша Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті жүзеге асырды. Археологиялық қазба және кабинеттік жұмыстарға т.ғ.к. Г. Қайырғалиева, т.ғ.к. М.С. Қасенов, тарих магистрі А.М. Зайнов, ғылыми қызметкерлер М.Қ. Әбдіғалиев, А. Каримов, Ғ. Базарғалиев қатысты. Қазба барысында анықталған тиындарға т.ғ.к. П.Н. Петров апробациялық жұмыстар жүргізді. Жалпы көлемі 600 кв.м. территорияға археологиялық қазба салынды.

Қазба жұмыстары жүргізілген аумақ ортағасырлық Сарайшық қаласының үстіне XIX–XXI ғғ. тұрғызылған қорымнан солтүстік-батысқа қарай 30 м жерде, Жайық өзенінің оңтүстік-шығыс жағалауында орналасқан. Таңдап алынған территория осы уақытқа дейінгі археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелерін негізге ала отырып, 2017 ж. археолог М. Қасеновтың жетекшілігімен жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары орнынан оңтүстік-батыс бағытына қарай жалғастырылды [Плахов и др. 2021]. Археологиялық қазба жүргізілген аумақты таңдап алудағы негізгі мақсат тұрғын жай кешендерін, заттай деректерді және қала цитаделі қақпасының құландысын анықтау болатын. Қазба жұмыстары жүргізілген аумақтың жалпы көлемі 600 м² немесе 40×15 м құрайды, секторларға бөлініп қазылды, барлық секторлардың көлемі 4,5×4,5 м. Секторлар СШ бұрышынан бастау алып, үш қатардан тізбектеле саналады (1-сур.).

№ 1 секторды тазарту барысында 30 см тереңдіктен бастап 70 см-ге дейін күл қабаты және әртүрлі керамикалық ыдыс фрагменттері, моншақтар, қайрақ тас, ірі малдың сүйектері кездесті және өте нашар сақталған 3 қола тиын анықталды. Сектор 70 см топырақтан және күл қалдығынан тазартылған соң оңтүстік шығыс бөлігінен күйдірілген кірпіш тастар құландысы тазартылды. Солтүстік-батыс кесінді қабат жапсарынан, 70 см тереңдіктен ұзындығы 90 см, биіктігі 30 см күйдірілген кірпіштен қаланған нысанның құландысы анықталды. Нысан 2 сектордан жалғасып келе жатқан канның бөлігіне сәйкес келеді.

№ 2 секторды аршу барысында солтүстік-батыс кесінді қабаттың ортаңғы тұсы жапсарынан, 30 см тереңдіктен күйдірілген кірпіштен қаланған ошақ қалдығы анықталды. Ошақ солтүстік секторынан анықталған канның ізіне сәйкес келеді. Диаметрі 90 см. солтүстік-шығыс кесінді қабат тұсы көп мөлшерде күл және қождан тазартылды. № 2 сектор 40 см тереңдікте тазалағаннан соң бөлме қабырғаларының ізі анықталды. Бөлме қабырғалары № 5 сектордағы бөлме қабырғаларымен жалғасқандықтан нәтижеге жету мақсатында № 2–5 секторлардағы археологиялық қазба жұмыстары бірге жүргізілді (2-сур.).

№ 5 секторды топырақтан тазалау нәтижесінде 30 см тереңдіктен, ортасынан күйдірілген кірпіштен қаланған бір арналы канның қалдығы анықталды. Жақсы сақталып қалған кірпіштерінің көлемі 30х30 см, қызыл, сарғыш түстес. Шамасы ортағасырлық Сарайшық қаласының нысандарының кірпіштерін

1-сур. Қазба орнының жалпы көрінісі
Fig. 1. General view of the excavation trench
Рис. 1. Общий вид раскопа

пайдалана отырып кейін салынған болса керек. Осы тереңдіктен оңтүстік-батыс және оңтүстік-шығыс кесінді қабаттарын арасын бойлай созылған үш арналы канның ізі анықталды. Сектордан анықталған кан қалдықтарын фиксациялап, одан әрі жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде 40 см тереңдіктен бастап бөлме қабырғаларының іздері айқындалды. Бөлме қабырғалары № 2 сектордан анықталған бөлме қабырғаларымен қабаттасады.

№ 2 секторда жалғастырылған қазба жұмыстарының нәтижесінде көлемі 180×130 см, солтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс бағытында созылған бөлме тазартылды. Бөлменің солтүстік, шығыс, батыс қабырғалары шикі кірпіштен, оңтүстік қабырғасы еденнен 4 қатар күйдірілген кірпіштен қаланған. Бөлме қабырғаларының қалыңдығы 50 см. Күйдірілген кірпіштен қаланған қабырғасының сыртқы беті топырақпен толтырылған. Шамасы бөлменің сыртқа шығар есігі болуы мүмкін. Бөлменің солтүстік-шығыс бұрышынан ташнау анықталды. Ташнауға хум ыдысын пайдаланған. Хумның сынған бөліктері ішінен және жанынан анықталды. Хумның түбі су кету үшін арнайы ойылған [Зиливинская 2022: 111–119]. Тәжірибе ретінде 20 литрден көп су құйғанымызда кедергісіз кетіп жатты. Бөлменің оңтүстік-батыс бөлігінен еден деңгейінен керамикалық ыдыс анықталды. Ыдыс қатты бүлінген және бірнеше фрагменттерге бөлініп кеткен, өте нашар сақталған.

Бөлменің солтүстік және шығыс қабырғасын сыртынан бойлай созылған кан табылды. Солтүстік қабырғасының сыртымен жанасып салынған екі арналы кан жақсы сақталған.

№ 5 секторында анықталған бөлмені аршу үшін № 2 секторымен ортадағы кесінді қабат толығымен алынды. № 5 секторды тазалау барысында 20 см тереңдіктен керамикалық ыдыстардың сынықтары, екі қыш қаптауыш табылды. Алғашқыда тұрмыстық негізде жасалған керамикалық ыдыстар тозығы жеткесін мұржа ретінде пайдаланылған болса керек, себебі, бір-бірімен ыңғайластырып кигізілген және сырттары таза да, ішкі беттерінде қалың күйе қалдығы қалған.

Бөлме толық аршылғаннан кейін көлемі 370×215 см ауқымында анықталды. Солтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс бағытында созылған.

2-сур. Тұрғын жай орны
Fig. 2. Place of a dwelling
Рис. 2. Место жилища

Қабырғалары шикі кірпіштен қаланған. Қалыңдығы 45 см. Бөлменің шығар есігі солтүстік-батыс қабырғасының бұрышында. Солтүстік-батыс қабырғасының еден түбінен кәріз жүйесі ретінде жасалған керамикалық бұйымның бөлігі, ядро және қыштан жасалған түбек анықталды. Бөлменің еденінен 3 күміс тиын табылды. Тиындар XIV ғ. екінші жартысына сәйкес келеді.

№ 2–5 секторлардан айқындалған бөлмелер қабырғалары қабаттаса қаланғанымен бір-бірімен байланыспайды.

№ 3 сектордағы қазба жұмыстары нәтижесінде солтүстік-шығыс кесінді қабаттан оңтүстік-батыс кесінді қабатына дейін созылған нашар сақталған қабырға анықталды. Қабырға қазбаның төменгі деңгейінен 10 см, оңтүстік-батыс бөлігінде 15 биіктікті құрайды. Қабырға шикі кірпіштен қаланған. 2017 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде анықталған қабырғаның жалғасына сәйкес келеді. Қабарғадан сектордың солтүстік-батыс кесінді қабатына қарай бағытталып қатарласа созылған күйдірілген кірпіштер табылды. Белгілі-бір объектінің қалдығы болса керек. Сонымен қатар қабырғаның ортасынан шығыс-оңтүстік кесінді қабатта қарай созылған канның ізі анықталды. Өте нашар сақталған. Кан шығыс-оңтүстік кесінді қабатпен № 2 сектордан анықталған ошақпен жалғасады. Сектордағы қазба жұмыстарының нәтижесінде ортағасырға тән керамикалық ыдыстардың фрагменттері, 5 мыс тиын табылды.

№ 4 сектордағы археологиялық қазба жұмыстардың барысында 30 – 60 см аралығындағы тереңдіктен үйілген күл және жануарлардың сүйектері керемикалық ыдыс фрагменттері табылды. Сектордың оңтүстік-батыс және солтүстік-батыс кесінді қабатының бұрышы, 40 см тереңдіктен күйдірілген кірпіштен қаланған ошақтың қалдығы анықталды. Сақталып қалған бөлігінің биіктігі 30 см. Диаметрі 90 см. Ошақты фиксациялап секторды одан әрі тазату барысында 70 см тереңдіктен ташнаудың орны айқындалды. Ташнаудың едені ғана сақталған, едені күйдірілген кірпіштен төселген. Еденінің ортасында су кететін ойық жасалған. Сектордың оңтүстік-батыс

кесінді қабатының батыс бұрышындағы күйдірілген кірпіштерді тазалау үшін кесінді қабатты топырақтан аршығаннан қабырғаның қалдығы анықталды. Күйдірілген кірпіштен қаланған бұл қабырғаның қалдығы ташнаумен байланыспайды, екі кезеңде салынған нысандар болса керек [Галкин, Касенов, Афанасьев 2013: 98–99].

№ 6 сектордағы қазба негізінде беткі 50 см тереңдік көліміне дейінгі аумақта, күйген ағаш, екі дана қайрақ тас, қамыс және күл қабаты анықталды. 50 см мәдени қабаттан түскен соң 60 см тереңдіктен сектордың оңтүстік – батыс кесінді қабатынан солтүстік бағытта қарай 55,6 см шикі саманнан қаланған қабырға және қабырғаны бойлай солтүстік бағытқа 3,4 см қабырға құландысы анықталды. Сектордың солтүстік және батыс бөлігінен жеті мыс тиын және сүйектен жасалған тоқыма құралының жиынтығы анықталды.

№ 7 сектордағы қазба барысында 60 см тереңдікке дейін күл, өртенген ағаш қалдықтары, малдың сүйек қалдықтары анықталды, 60 см тереңдікте № 4 секторға жалғасқан «кан» жылу жүйесінің бөліктері анықталды. 85 см деңгейінде Сектордың оңтүстік шығыс бөлігінен адамның бас сүйегі табылды, басқа сүйек қалдықтары анықталған жоқ. Секторды 1,5 м деңгейінде тазарту барысында ешқандай құрылыс орындары анықталмады, одан төменгі деңгейде солтүстік-шығыс кесінді қазбаның орталық бөлігінен бастау алып оңтүстік батыс кесінді қазбасына жалғасқан, ені 60 см болатын, шикі кірпіштен қаланған қабырға орны айқындалды.

№ 8 секторда жүргізілген қазба жұмыстары нәтижесінде 80 см дейінгі аралық күл араласқан топырақтан тазартылды, бұл мәдени қабатты тазалау жұмыстары барысында сектордың әр бөлігінен мыс тиындар және ірі малдың сүйектерімен қоса керамикалық ыдыстардың сынықтары кездесті және көк сырлы ваза табылды. Секторды толықтай 1 м көлемінде тазалау негізінде, орталық бөлігінен ұзындығы 1 ені 50 см болатын күйдірілген қызыл кірпіштен қаланған «кан» жылу жүйесінің орны және сектордың оңтүстік батыс бөлігінен 70×60 см болатын шикі саман кірпіштен қаланған қабырғаның құландысы анықталды.

№ 9 сектордан 40 см тереңдікке дейін артефактілер, белгілі-бір құрылыс іздері немесе тұрмыстық қалдықтар кездеспеді, 40 см деңгейден төмен, солтүстік-шығыс кесінді қазба және шығыс-кесінді қазбасының бұрышынан көлемі 1,3×1,6 суфа және 20 см төмен суфадан оңтүстік-батысқа қарай ені 65 см ұзындығы 2,2 м болатын, шикі кірпіштен қаланған қабырға орны анықталды, сақталып қалған жалпы биіктігі 40 см. Оңтүстік-шығыс кесінді қазбасы және оңтүстік-батыс кесінді қазбаларының қиылысу бұрыштамасында, екі каналды кан жылу жүйесі, және солтүстікте 20 см жерде, ошақ орналасқан. Сектордың түбінен сфероконустың бөлігі, қыштан жасалған батырғылар табылды.

№ 10 сектордан ортағасырлық керамикалық ыдыстардың ұсақ фрагменттері, сүйек біз, қылыштың гардасы, күлдің орындары анықталды. Сектордың ОБ бөлігінен суфаның орны анықталды. Суфаның СБ жағынан канның орны аршылды. Ол сектордың орталық бөлігінде ошаққа жалғасады. Анықталған суфа, кан және ошақ өте нашар сақталған. Сектордың қалған бөлігінен көп мөлшердегі күлдің орны байқалады.

№ 11 сектордағы қазба барысында сектордан ортағасырлық қыш ыдыстардың фрагменттері, малдың және балықтың сүйек қалдықтары кездесіп отырды. Сектордың СБ бөлігінен қала тұрғынжайының құландысы анықталды. Құланды 90 см тереңдіктен айқындала бастады. Қабырғалары сақталмаған.

№ 12 сектордағы қазба жұмыстары барысында 40 см тереңдікке дейін беткі қабатты алу жұмыстары негізінде, күйген ағаш бөліктері және қазіргі тұрмыстық қоқыс қалдықтары анықталды. 1 метрге дейінгі тереңдіктегі археологиялық қазба жұмыстары барысында сектордың орталық бөлігінен 10-ға жуық күміс тиындар табылды. Күміс тиындардың айналасын тазарту барысында астынғы бөлігінен диаметрі 0,90×1,3 см болатын бос кеңістік анықталды. Кеңістікті тазарту кезінде 80 см төменгі бөлігінен күміс тиындар көмбесі табылып, тиындарды тазалау негізінде Алтын Орда дәуіріне тән тиындар екендігі белгілі болды. Солтүстік–батыс кесінді қазбадан шығысқа қарай 1 м де 60×40 см күйдірілген кірпіштен салынған тандыр орны табылды. Солтүстік-шығыс кесінді қазбадан батысқа қарай 1 м аумақтан шикі саман кірпіш құландысы орналасқан. Оңтүстік-Шығыс кесінді қазабасының орта тұсы, 190 см тереңдіктен баланың қаңқа сүйегі табылды. Қаңқа сүйектің басы оңтүстікке бағытталып, сол жағына қырын орналасқан. Ұзындығы 70 см. Нашар сақталған. Сүйекті және айналасын тазалау барысында көп мөлшерде күлдің қалдығы айқындалды. Оңтүстік-батыс кесінді қазбасы және солтүстік-шығыс кесінді қазбасының қиылысу бұрыштамасынан ені 50 см, оңтүстікке қарай бағытталған шикі кірпіштен қаланған қабырға орналасқан. Қабырғаның оң бөлігінде кан және суфа орны табылды.

№ 13 сектордың солтүстік-шығыс кесінді қазбасы және оңтүстік-шығыс кесінді қазбаның

3-сур. Кан
Fig. 3. Furnace
Рис. 3. Кан

қиылысында 85 см тереңдік дейгейінде 50×60 м² аумақтан күл-қоқыстың орны табылып, тазалау жұмыстары негізінде жануар сүйектерімен қоса тұрмыстық заттардың қалдықтары анықталды. Тереңдігі 90 см деңгейінде солтүстік-батыс кесінді қабатты жағалай ені 40 см, биіктігі 35 см, жалпы ұзындығы 2,42 м болатын бір арналы жылу жүйесі (кан) табылды (3-сур.). Күйдірілген кірпіштен қаланған, ошағының диаметрі 65×75 см [Сагидуллаев 2022: 170]. Кан солтүстік-шығыс кесінді қазба астына жалғасады. Жылу жүйесін тазарту барысында айналасынан көп мөлшерде балық сүйегінің қалдығы және 6 қола тиын және қола айнаның сынығы табылды.

Археологиялық қазба жұмыстары жүргізілген басқа секторлар 2 м дейінгі тереңдікке дейін тазартылды. Негізінен ортағасырлық Сарайшық қаласынан жиі кездесетін керамикалық ыдыстардың фрагменттері мен сынықтары, мыс, күміс тиындар, малдың, балықтың сүйектері, көп мөлшерде тұрмыстық қалдықтар, күлдің орны және қала құрылысының нысандарының өте нашар сақталған қабырға қалдықтары, іздері анықталды.

Археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде белгіленген территориядағы Сарайшық қаласының мәдени қабаты және топографиялық құрылымы анықтала отырып сипаттамасы жасалды. Цитадел немесе қала қамалының орны анықталған жоқ. Археологиялық қазба жұмыстары барысында ашылған территорияға консервациялық жұмыстар жүргізіліп, табылған материалдық заттар Атырау облысы Тарихи-мәдени мұраны зерттеу орталығы мекемесіне табысталды.

ӘДЕБИЕТ

Галкин Л.Л., Касенов М.С., Афанасьев В.К. Средневековое городище Актобе-Лаэти (XIII–XV ғғ.). Атырау: АГУ им. Х.Досмухамедова. 2013. 98–99 с.

Зиливинская Э.Д. Благоустройство и санитария в золотоордынских городах // Археология Евразийских степей 2022. №3. С. 111–119.

Плахов В.В., Калменов М.Д., Абдигалиев М.К. Некоторые результаты археологического исследования на городище Сарайшык в 2019 году // Маргулановские чтения–2021. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 2. С. 108–119.

Сагидуллаев Д.З. Золотоордынские поселения Северо-восточного Прикаспия: география, топография, домостроительство // Поволжская археология. 2022. №2 (40). 170 с.

Самашев З., Бурнашева Р.З., Базылхан Н., Плахов В.В. Сарайшық тиындары. Алматы: «Археология», 2006. 26–29 бб.

REFERENCES

Galkin, L. L., Kasenov, M. S., Afanasyev, V. K. 2013. *Srednevekovoe gorodische Aktobe-Laeti (XIII–XV gg.) (Medieval Settlement of Aktobe-Laeti (13th–15th centuries)).* Atyrau: Dosmukhamedov Atyrau University (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2022. In: *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 3, 111–119 (in Russian).

Plakhov, V. V., Kalmenov, M. D., Abdigaliev, M. K. 2021. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan Readings – 2021).* In 3 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 108-119 (in Russian).

Sagidullaev, D. Z. 2022. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region archaeology)*, 2 (40), 159–174 (in Russian).

Samashev, Z., Burnasheva, R. Z., Bazylkhan, N., Plakhov, V. V. 2006. *Sarayshyk tiyndary (Saraishyk coins).* Almaty: “Archaeology” LLP (in Kazakh, Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.313.320

Мурат Дабылович Калменов[1], kalmenoff@mail.ru,
Мир Кобланович Абдигалиев[2], mir_abdigalyev@mail.ru
[1] Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет,
г. Уральск, Казахстан;
[2] Центр исследования историко-культурного наследия Атырауской области,
г. Атырау, Казахстан

Результаты археологических работ, проведенных в 2021 году на средневековом караван-сарае Таскешу

Статья посвящена археологическим исследованиям 2021 года на средневековом караван-сарае Таскешу. Объект располагался на трансконтинентальной дороге, соединявшей страны Восточной Европы и Средней Азии, через плато Устюрт, в эпоху Золотой Орды (XIII в.). В ходе раскопок были вскрыты главные ворота караван-сарая, а также расчищены внешние стены объекта к востоку от ворот. В результате исследования юго-восточного угла караван-сарая была обнаружена круглая в плане башня. Исследования показали, что ширина внешней стены составляет 1,20 метра. При раскопках также были обнаружены фрагменты поливной керамики и изделия из кости и железа. По окончании работ на памятнике были проведены консервационные работы.

Ключевые слова. Археология, раскопки, Золотая Орда, Таскешу, караван сарай, ворота, башня

Мұрат Дабылұлы Қалменов[1],
Мир Қобланұлы Әбдіғалиев[2]
[1] Батыс-Қазақстан инновациялық-технологиялық университеті,
Орал қ., Қазақстан;
[2] Атырау облысы тарихи-мәдени мұраны зерттеу орталығы,
Атырау қ., Қазақстан

Таскешу керуен сарайындағы 2021 жылы жүргізілген археологиялық жұмыстарының нәтижелері

Мақала ортағасырлық Таскешу керуен сарайында 2021 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарына арналады. Нысан Алтын Орда дәуірінде (XIII ғ.) Үстірт жазығы арқылы Шығыс Еуропа пен Орта Азия елдерін қосатын трансконтинентальды жолдың бойында орналасқан. Қазба кезінде керуен-сарайға кіретін қақпа орыны толық ашылып, қақпадан шығысқа қарай қамалдың сыртқы қабырғалары тазаланды. Керуен-сарайдың оңтүстік-шығыс бұрышын зерттеу нәтижесінде дөңгелек пішінді мұнара табылды. Зерттеу жұмысы сыртқы қабырғаның ені 1,20 метр болатындығын анықтады. Қазба барысында түрлі-түсті керамика сынықтары мен темір және сүйек бұйымдары да табылды. Қазба соңында ескерткішке консервациялау жұмысы жүргізілді.

Түйін сөздер: Археология, қазба, Алтын Орда, Таскешу, кереуен сарай, қақпа, мұнара

© 2023 г. Калменов М.Д., Абдигалиев М.К.

Murat Kalmenov[1],
Mir Abdigaliev[2]
[1] West Kazakhstan Innovation and Technology University,
Uralsk, Kazakhstan;
[2] Center for Research of Historical and Cultural Heritage of Atyrau Region,
Atyrau, Kazakhstan

The results of archaeological work carried out in 2021 at the medieval caravanserai Taskeshu

The article is devoted to the archaeological excavations carried out in 2021 in the medieval caravanserai of Taskeshu. The object was located along the transcontinental road that connected the countries of Eastern Europe and Central Asia through the Ustyurt plateau in the era of the Golden Horde (13th century). During the excavations, the main gate to the caravanserai was opened, and the outer walls of the object to the east of the gate were cleared. As a result of the study of the southeastern corner of the caravanserai, a round tower was discovered. Studies have shown that the width of the outer wall will be 1.20 meters. During the excavations, fragments of glazed ceramics and articles made of bone and iron were also found. At the end of the work on the monument, conservation work was carried out.

Keywords: Archaeology, excavations, Golden Horde, Taskeshu, caravanserai, gate, tower

Караван-сарай расположен в Кзылкогинском районе Атырауской области, Республика Казахстан. GPS координаты: N 47° 37 250; EO 53° 50 184. Расположен на левом берегу реки Сагиз, в 39 км, к востоку от поселка Макат, в 15,8 км, к юго-западу от населенного пункта Кенбай Кызылкогинского района, в 18,5 км, к юго-востоку от станции Жамансор, в 76,5 км, к северо-западу от города Кульсары, в 27 км, к северо-востоку от населенного пункта Бекбике [Гарифолла, Кольцов 2010: 25–28.].

Первые научные данные о караван сарае были даны Г.И. Пацевичем в 1950 году [Пацевич 1950].

В западной части караван-сарая проходит проселочная дорога, соединяющая населенные пункты Кенбай-Бекбике. Наряду с этим, в 11 км, по северной части проложен нефтепровод Кенкияк-Атырау [Қасенов 2011: 113].

К востоку от караван-сарая в 400 метрах находится кладбище Жетибай, расположенное в бугристой местности, вытянуто с запада на восток. Погребения, отмеченные на кладбище, охватывают период от эпохи средневековья до первого десятилетия XX века. Западная часть кладбища состоит из средневековых курганов, а восточная часть сооружена позже из камней, взятых с курганов. На могилах поставлены надгробные камни [Кольцов и др. 2012: 25-33].

Из места строений к северо-востоку в 450 метрах расположен колодец. На дно глубоко разрытого колодца наискосок положены доски. На доски сделаны кладки стены из горных камней.

Развалины караван-сарая Таскешу имеют четырехугольную квадратную форму, размеры, включая развалины, составляет 55×55 м (рис. 1). Середина развалин является четырехугольной ровной площадью, размеры примерно 15×15 м. Расстояние от наружной части развалин до середины центральной площади примерно 20 м. Северная часть караван-сарая ниже, чем южная. С трех сторон караван-сарай опоясывают рвы, которые зафикисрованы с северной, западной и восточной сторон [Кольцов, Кольцова 2013: 22–24].

Караван-сарай Таскешу построен в классическом виде, что характерно для подобных строений того периода. Постройка в плане имеет правильную четырехугольную форму. Фасадные углы и плоскости стен укреплены округлыми башнями. Внутренний двор широкий, примерно 30×30 м. На западной и восточной стенах, на поверхности развалин караван-сарая встречается множество обломков жженых кирпичей.

Среди обломков кирпичей есть единичные целые кирпичи, их размеры составляют 30×30×5 см и 30×15×5 см. На поверхности и вокруг развалин найдены фрагменты железных и медных предметов, а также фрагменты изделий из керамики [Касенов 2006: 221–226].

Раскопки сезона 2021 г. были запланированы в южной части караван-сарая, где по нашим данным располагались ворота. Предварительно был составлен топоплан участка, затем по всей площади пред-

Рис. 1. Караван сарай Таскешу. Вид на раскоп сверху. Съемка с БЛА
1-сур. Таскешу керуен сарайы. Қазбаға жоғарыдан қараған көрініс. ҰҰА-мен түсірілген сурет
Fig. 1. Taskeshu caravanserai. Top view of the excavation trench. UAV footage

полагаемого раскопа был собран подъемный материал, который состоял из 75 фрагментов керамики и 7 медных изделий.

Раскоп был разбит на южном участке караван-сарая Таскешу по линии С-Ю, площадью около 200 кв. м. Эту часть памятника очистили от посторонних предметов, а затем разбили сетку квадратов (по секторам). Размеры квадратов 2,0 х 2,0 м, ориентировка – по сторонам горизонта (рис. 2).

Сектора были пронумерованы начиная от юго-восточного угла башни в северную сторону до пилонов и проема ворот. Перед раскопом были сняты высотные отметки данной части памятника от условно нулевого репера.

Площадь раскопа была разбита на 10 секторов.

Раскопки проводились по секторам, методом послойного вскрытия на один штык.

Все находки фиксировались на плане, снимались нивелировочные отметки, зарисовывались, фотографировались и описывались. После удаления слоя первого штыка почвы поверхность тщательно зачищали и фотографировали.

В промежутке между секторами оставляли стратиграфические бровки. Толщина бровок регулировалась в зависимости от плотности суглинка и составляла 20-30 см.

Ворота. С двух сторон ворот располагаются пилоны портала, которые сохранились на высоту до 1,0 м. Они возведены из жженых кирпичей размерами 28×28×5 см и 28×14×5 см (рис. 3).

Южный пилон выдается наружу на 2,72 м. Толщина пилона составляет 2,37 м. Фундамент данного пилона уложен из жженых кирпичей, толщина южной стороны составляет 0,64 м, толщина внутренней стороны, обращенной в сторону ворот, – 0,48 см. Сохранившаяся высота кладки варьирует в пределах 40–54 см.

Высота северного пилона 2,80 м, посторонних, выпуклой поверхностью в южную сторону, его толщина составляет 2,33 м. Фундамент сложен из кирпичей и облицован жженными кирпичами, толщина фундамента с южной стороны и со стороны ворот составляет 55 см. Высота сохранившейся кладки – 45 см.

В ходе расчистки пространства между пилонами, где предположительно располагались ворота, было обнаружено, что под воротами поперек проложены два ряда жженых кирпичей. Ширина кладки, которая соединяет два портала между собой, – 57 см, длина составляет 4,90 м. В месте соединения кладки с северным порталом имеется место укрепляющей конструкции из жженого кирпича. Ее высота составляет 50 см, из портала на восток выдается на 30 см, ширина составляет 80 см. Из верхнего восточного угла выпали несколько кирпичей. Укрепляющая кладка фундамента западного пилона растягивается и заканчивается в месте данной конструкции. В середине конструкции сделана ниша размерами 40×40 см (рис. 4). Данная ниша углубляется в стену портала на 70 см. Возле этой конструкции в ходе раскопок найдены фрагменты железных изделий.

Ширина ворот караван-сарая составляет 3,90 м. По обе стороны от ворот со-

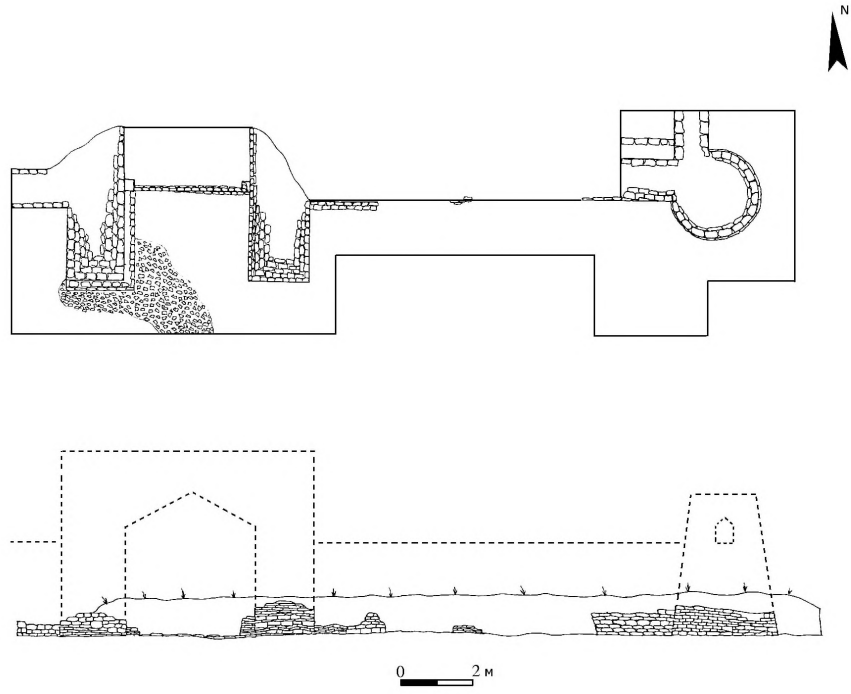

Рис. 2. 1 – Караван сарай Таскешу. План раскопа 2021;
2 – Визуальная реконструкция южной части караван сарая Таскешу

2-сур. 1 – Таскешу керуен сарайы. 2021 жылғы қазба жоспары; 2 – Таскешу керуен сарайының оңтүстік бөлігінің визуалды реконструкциясы

Fig. 2. 1 – Taskeshu Caravanserai. Excavation trench plan 2021; 2 – visual reconstruction of the southern part of the Taskeshu caravanserai

Рис. 3. Проем от ворот караван сарая. Западный и восточный пилоны

3-сур. Керуен сарай қақпасындағы ойық. Батыс және шығыс пилондар

Fig. 3. The gateway opening of the caravanserai. The western and eastern pylons

Рис. 4. Фрагменты дерева в нише ворот восточного пилона
4-сур. Шығыс пилон қақпасының қуысындағы ағаш фрагменттер
Fig. 4. Fragments of wood in the niche of the gate of the eastern pylon

хранились четырехугольные пилоны портала. Сложенные из жженого кирпича пилоны выдаются в фасадную сторону на 2,80 м. Ширина пилонов составляет 2,35 м. Портал пилонов дополнительно облицован с передней и внутренней поверхности жженными кирпичами, его ширина 50–65 см, высота – 20–25 см. У основания ворот сделана прокладка из кирпичей в два ряда. Ширина прокладки – 57 см, длина сооветствует ширине ворот. На месте стыковки прокладки и портала с западной стороны ворот обнаружена конструкция высотой 50 см, шириной 80 см, которая выдается из портала на 30 см. В середине конструкции сделана ниша размерами 40×40 см, глубиной 70 см. Вероятно в этом месте крепились деревяные ворота, так как вокруг ниши были найдены остатки прогнивших досок.

Ворота караван-сарая были построены у южной стены городища Таскешу. Для возведения порталов ворот использовали жженые кирпичи размерами 28×28×5 см. Материал, использованный для строительства ворот, несколько отличался от кирпичей, из которых возводились стены и постройки (жилые, хозяйственные и т.д.) караван-сарая. Ранее исследователи (Касенов М.С. и др.) высказали предположение, что разница в рамерах кирпичей могла возникнуть в том случае, если ворота были построены позднее самого городища. Данное предположение наталкивает на мысль о том, что, возможно, были и другие ворота, о которых мы еще не знаем.

Башня была обнаружена на стыке юго-восточной стенки караван-сарая в виде полукруга. Значит, углы памятника были усилены башнями, которые выдаются наружу на 1,80 м (рис. 5). Для укладки башень использовали жженые кирпичи в форме трапеции, специально подготовленные для этой цели.

Фундамент караван-сарая уложен из кирпичей на глубине 12 см от поверхности земли. Использованные для фундамента жженые кирпичи тоже имели размеры 25×26×5 см и 30×30×5 см.

Стена, соединяющая юго-восточную башню с воротами, примыкает к пилону.

Археологические находки. В процессе археологических работ на караван-сарае Таскешу была вскрыта площадь 200 кв. м, изучены – два пилона, проем ворот, сторожевая башня и стенка, соединяющая башню и ворота. В результате археологических исследований была собрана коллекция находок (которая включала подъемный материал и артефакты из культурного слоя), включающая в себя предметы из железа (3 фр.), меди (7 фр.), стекла (1 фр.), фрагменты глазурованной мозаичной плитки (2 фр.), поливной (24 фр.) и неполивной (219 фр.) посуды (рис. 6, 7, 8, 9).

В ходе работы были обнаружены жженые кирпичи, относящиеся к эпохе Золотой Орды:

1. Квадратные – 25×26×5см; 26×27x5,5 см; 30×29,5×5,5 см.

Рис. 5. Вид на башню и часть стены с южной стороны
5-сур. Мұнара мен қабырға бөлігіне оңтүстіктен қараған көрініс
Fig. 5. View of the tower and part of the wall from the south side

2. Прямоугольные – 14,5×26,5 см; 14,5×29 см; 15×30×5см.

3. Трапециевидные – 23×29×29×5 см; 24×29×29×5 см; 24×24×29×30 см.

4. Кирпич саманный прямоугольный – 22×25×5 см; 25×25×5 см.

Заключение

В процессе археологических работ на средневековом городище Таскешу в 2021 г. было установлено следующее:

1. Полевые работы 2021 г. позволили существенно дополнить имеющиеся данные по стратиграфической картине южного участка караван-сарая Таскешу, исследовать южные ворота и сторожевую башню на стыке восточной и южной стенок средневекового городища.

2. В процессе археологических работ была вскрыта площадь около 200 кв. м, на котором частично изучено основание сторожевой башни, пилонов и проема ворот. Также установлено, что сильно повреждена стена, соединяющая пилоны и угловую башню на изучаемом участке памятника. Причина – природные и антропогенные нагрузки этой части средневекового городища.

3. На южном участке памятника зафиксированы культурные напластования, относящиеся к золотоордынскому периоду. Среди находок: многочисленный керамический материал, стекло, кости животных и металлические изделия. Среди гончарных изделий следует выделить полихромную кашинную посуду с подглазурной росписью ангобом, а также синей и черной красками с рельефом и без такового. В основном это чаши типа пиалы. В сборах имеется так же фрагмент чаши типа пиалы из кашина с монохромной зеленоватой подглазурной окраской, получившей название псевдоселадона. Данный вид кашинной керамики является подражанием китайскому селадону, имевшему огромную популярность в средние века.

4. В ходе работ на раскопе была найдена импортная красноглиняная посуда с белой глухой поливой и с зелёной поливой, имеющая аналогии в Поволжье, Юго-Восточном Крыму и Северном Кавказе, а также фрагмент керамики производства Ширвана.

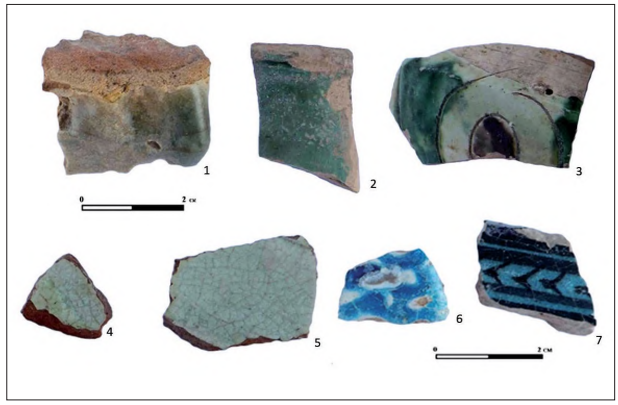

Рис. 6. Фрагменты глазурованной керамики
6-сур. Жылтыратылған керамика фрагменттері
Fig. 6. Fragments of glazed ceramics

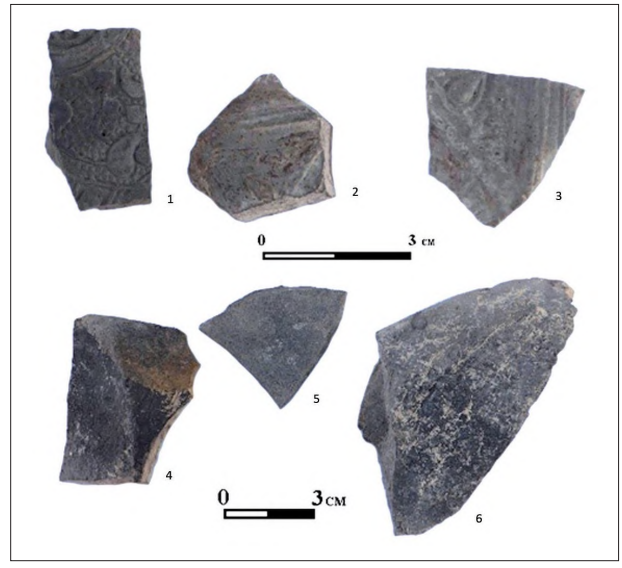

Рис. 7. Фрагменты штампованной керамики
7-сур. Штампталған керамика фрагменттері
Fig. 7. Fragments of stamped ceramics

Рис. 8. Фрагменты стенок и ручек станковой керамики
8-сур. Шарықта жасалған керамиканың қабырғасы мен тұтқаларының фрагменттері
Fig. 8. Fragments of walls and handles of pottery ceramics

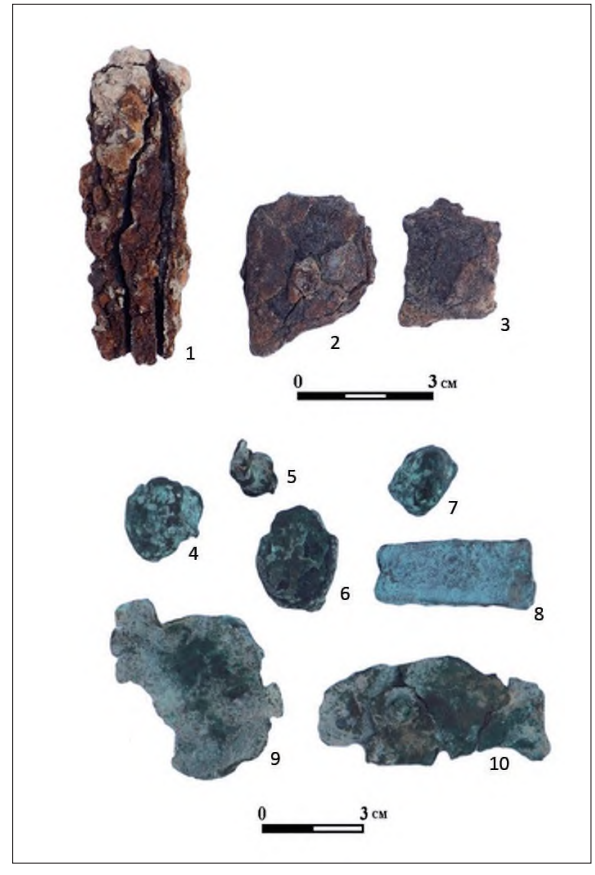

Рис. 9. Фрагменты изделий из металла
9-сур. Металл бұйымның фрагменттері
Fig. 9. Fragments of metal products

5. Результаты раскопок, проведенных в караван-сарае Таскешу, позволили нам установить, что стены караван-сарая были построены из стандартного жженого кирпича, очень плотного и крепкого, углы укреплены выступающими к наружи округлыми башнями. Как показали раскопки 2021 г., с южной стороны городища располагались ворота, а в юго-восточном углу сторожевая башня. Ворота, вероятно, были деревянными, укрепленные металическими скрепами.

ЛИТЕРАТУРА

Гарифолла А.Г., Кольцов П.М. Археологические раскопки средневекового городища Таскешу // Материалы Международной конференции посвященной юбилею Атырауского государственного университета. Атырау, 2010. С. 25–28.

Касенов М.С. Атырау аймағындағы Таскешу керуен сарайы // «Каспий-Еуразия халықтар тағдырында: тарихы және ынтымақтасу болашағы» атты халықаралық ғылыми – тәжірибелік конференцияның материалдар жинағы. Атырау, 2006. 221–228 бб.

Қасенов М.С. Атырау-Каспий ойпатындағы отырықшылық ескерткіштері. Атырау, 2011. 113 б.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Караван-сарай Таскешу как источник по изучению средневековых караванных путей на степных пространствах Евразии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 1. 2013. С. 22–24.

Кольцов П.М., Кольцова К.П., Касенов М.С. и др. Раскопки международной археологической экспедиции средневекового караван-сарая Таскешу в Западном Казахстане // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. Вып. 3. С. 25–33.

Пацевич Г.И. Дневник Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1950 г. // Научный архив ИА КН МНВО РК. Д. 205.

REFERENCES

Garifolla, A. G., Koltsov, P. M. 2010. In: *Atyrauskiy gos. un-t im. Kh. Dosmukhamedova — sluzheniye obrazovaniyu i nauke regiona bolshe poluveka (Dosmukhamedov Atyrau State University – serving the education and science of the region for more than half a century)*. Atyrau, 25–28 (in Russian).

Kasenov, M. S. 2006. In: "*Kaspiy-Euraziya halyktar tagdyrynda: tarihy zhane yntymaktasu bolashagy" atty halykaralyk gylymi – tazhiribelik konferentciyanyn materialdar zhinagy (Proceedings of the international scientific-practical conference "Fate of the peoples of the Caspian-Eurasian Region: history and interaction").* Atyrau, 221–228 (in Kazakh).

Kasenov, M. S. 2011. *Atyrau-Kaspiy oypatyndagy otyrykshylyk eskertkishteri (Notes on Fishing Industry in Atyrau-Caspian Region).* Atyrau (in Kazakh).

Koltsov, P. M., Koltsova, K. P. 2013. In: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy RAN (Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanities Research RAS)*, 1, 22–24 (in Russian).

Koltsov, P. M., Koltsova, K. P., Kasenov, M. S. et al. 2012. In: *Vestnik Prikaspiya: arheologiya, istoriya, etnologiya (Bulletin of the Caspian: archaeology, history, ethnology)*, 3, 25–33 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1950. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 205 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 26.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.321.329

Александр Михайлович Камышев[1]
[1]свободный исследователь,
г. Бишкек, Кыргызстан; sakamih@mail.ru

Сравнительный анализ монет раннесредневековых центров монетного производства в Семиречье

История возникновения денежного обращения на территории Чуйской и Таласской долин изучается с конца XIX века. Отсутствие на монетах даты и места их изготовления до сих пор порождает различные версии об их происхождении. Для решения этой проблем предложена статистическая обработка собранного нумизматического материала, в основе исследования лежит идея, что монеты, выпускаемые для местного обращения, концентрируются в местах их производства.

Ключевые слова: Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья, Тюргешский каганат, Карлукский каганат, столица тюргешей Суяб, торговый центр Тараз, Атлахская битва

Александр Михайлович Камышев [1]
[1]тәуелсіз зерттеуші,
Бішкек, Қырғызстан

Жетісудың ерте ортағасырлық теңге өндірісі орталықтары теңгелерін салыстырмалы сараптау

Шу және Талас аумағындағы ақша айналымының пайда болу тарихы XIX ғ. соңынан бастап зерттеліп келеді. Теңгелерде соғылған уақыттың және жерінің белгіленбеуі олардың шығу тегі жайлы көптеген нұсқалардың пайда болуына әкелді. Бұл мәселені шешу үшін жергілікті қолданыс үшін соғылған теңгелердің өндіріс орнында көптеп табылуы идеясы негізге алынып, жинақталған нумизматикалық материалдарды статистикалық өңдеу ұсынылды.

Түйін сөздер: Жетісудың ерте ортағасырлық теңге кешендері, Түргеш қағанаты, Қарлұқ қағанаты, Суяб түргештер астанасы, Тараз сауда орталығы, Атлах шайқасы

Alexander Kamyshev[1]
[1]free researcher,
Bishkek, Kyrgyzstan

Comparative analysis of coins of the early medieval centers of coin production in Semirechye

The early medieval coin complex of Semirechye and the history of monetary circulation on the territory of the Chui and Talas valleys have been studied since the end of the 19th century. The absence of the date and place of their manufacture on the coins still gives rise to various versions about their origin. To solve this problem, statistical processing of the collected material is proposed. the research is based on the idea that coins issued for local circulation are concentrated in the places where they are produced.

Keywords: early Medieval monetary complex of Semirechie, Turgesh khanate, the Qarluk khanate, Suyab is the capital of Turgesh, Taraz market, Atlakh battle

© 2023 г. Камышев А.М.

Исследования монетного комплекса Семиречья начались еще в XIX в., когда стали доступны литые бронзовые монеты китайского образца с согдийской легендой и «изображением лука с натянутой тетивой» на реверсе. Первоначально эти монеты получили название тюрко-китайских, потом их стали называть туранскими и лишь со средины прошлого века, когда А.Н. Бернштам прочел легенду «тюргешский каган» стали называть тюргешскими [Бернштам 1940]. Значительный вклад в изучение данного комплекса внесла О.И. Смирнова [Смирнова 1981], уточнившая прочтение легенды, введя в обращения несколько новых монетных типов и увидевшая в тюргешской тамге на реверсе монета руническую букву «ат». Отсутствие на монетах даты их изготовления внесло некоторые разногласия в историю возникновения денежного обращения в Семиречье, которые продолжаются до сих пор. А.Н. Бернштам, на основе прочитанной им легенды, отнес денежную реформу ко временам могущества Тюргешского каганата (711–766), О.И. Смирнова отодвинула дату появления первых монет местного производства на более ранние сроки. Основанием послужила монета, найденная под статуей в буддийском храме, датируемым исследователями концом VII в. [Кызласов и др. 1958]. Научную дискуссию вызывали и разные по размеру монеты с аналогичной легендой. Предположения О.И. Смирновой, что монеты трех номиналов выпускались одновременно, опровергли дальнейшие находки кладов и комплексов слипшихся монет, однородных по составу, что позволило отказаться от этой версии и принять инфляционную теорию постепенной деградации денег с уменьшением диаметра и веса [Камышев 2002]. Массовые выпуски тюргешских монет наполнили рынок денежной массой, их находки отмечены в Казахстане, Узбекистане, в Синьцзяне в Новосибирской, Кемеровской областях и в Алтайском крае. Встречаются они и кладах среди медных монет Караханидского каганата до конца X начала XI вв.

В связи с политическими переменами, когда к власти в Семиречье в середине VIII в. пришли карлуки, произошли изменения и в облике монет. Летом 2007 г. на городище Шиш-Тюбе (город Нузкет на северной границе современного города Кара-Балта, в 80 км. на запад от Бишкека) найдена монета, атрибутированная Павлом Лурье [Лурье 2010]. На аверсе с двумя тамгами (одна из которых в виде рунической буквы «r»,) согдийским курсивом написано «царь» – высокий титул, который на монетах ранее не отмечен и имя «Ку.п. к». На оборотной стороне легенда: «монета господина кагана карлуков». На сегодняшний день таких монет известно около полусотни и все они найдены на этом городище. Две тамги на карлукских монетах идентичны изображенным на монетах Арслан Куль-иркина. Полумесяц с точкой, напоминающий букву Э – видоизмененная тамга тюргешей и рунический знак «r», напоминающий букву «М». Подобная тамга ранее была отмечена на монетах всего комплекса денежных знаков, находимых в районе Тараза. После находки в 2007 г. на городище Шиш-Тюбе монеты с легендой «господина карлукского кагана» и с руническим знаком «r» возникло предположение, что с приходом карлуков литые монеты тюргешей стали помечаться родовой тамгой карлуков и датировать их следует второй половиной VIII в.

Впервые тюргешская монета с тамгой, напоминающей букву «М» или рунический знак «r», найдена при раскопках второго буддийского храма на Ак-Бешимском городище более семидесяти лет назад [Зяблин 1961]. Тамга наносилась на подготовленную к отливке формовочную смесь уже после ее изготовления. Монета с легендой «тюргешский каган», помеченная тамгой карлуков вероятнее всего, изготавливались в районе Ак-Бешимского городища, откуда происходят основные находки этого типа. Тогда изготовление тюргешских монет с дополнительной тамгой отнесли к концу VII – началу VIII в. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что они на столетие моложе и изготавливались на Ак-Бешимском городище.

Существенную помощь в восстановлении хронологии выпуска оказала находка в 2006 г. Ак-Бешимского клада из 62 монет [Камышев 2007]. В нем вместе с тюргешскими монетами среднего размера и тюргешскими монетами с дополнительной тамгой карлуков оказались мелкие монеты без легенд и единственная монета Китая «*цянь чжун тун бао*» 780–783 г., позволившая датировать клад самым концом VIII или скорее всего началом IX в. Особый интерес для нас представляют несколько монет с вилообразной трезубой тамгой. Веденные в научное обращение А.Н. Бернштамом [Бернштам 1951] и легендой, прочитанной как монета «тухуссов» [Смирнова 1981), в настоящее время они атрибутированы японским согдологом Ютака Йсида как «правитель Уанантмах» [Yoshida 2000]. Поскольку такое чтение специалистами согдологами признано верным, то ранее опубликованные «тухусские» монеты впредь будут именоваться «уанантмахскими». На реверсе уанантмахских монет легенда «господин тюргешский каган» и датировка их выпуска нача-

лом IX в., представлялась маловероятной. Как карлуки могли помещать на монетах титулы отстранённых от власти тюргешей?

Прояснила ситуацию Карабалгасунская стела, найденная в Монголии, на которую обратил внимание Ютака Йсида. Надписи на ней, сделанные на трех языках: на уйгурском языке руническим шрифтом, китайском и согдийском, описывают достижения уйгурского кагана Баои (годы правления 808–821) и его предшественников. В строке 20 согдийской версии написано о покорении 7-м уйгурским каганом (годы правления 795-808) карлукских племен, базирующихся в Семиречье: «Кагана черного племени (тюргеша) он назначил правителем тех карлуков, которые вернулись (т.е. подчинились 7-му уйгурскому кагану). В свете приведенных данных становится очевидным, что тюргешское правление в восточной части Семиречья было временно восстановлено 7-м уйгурским каганом в самом конце VIII – начале IX века. Следовательно, этим временем надлежит датировать выпуск уанантмахских (тухусских) монет и, соответственно, весь Ак-Бешимский клад. Столь обширный экскурс в историю денежного обращения Семиречья призван доказать, что в начале IX века в денежном обращение, во всяком случаи в восточных городах Чуйской долины, преобладали монеты так называемого «круга тюргешских».

В Семиречье на ранней стадии денежного обращения выделялись два крупных торговых центра – Тараз (Казахстан), и Суяб, торговый центр Тюркских каганов (городище Ак-Бешим, в 60 км. к востоку от Бишкека). Робкая попытка провести статистический анализ монетных сборов с этих городищ была предпринята С.М. Аитовой на основе имеющегося на тот момент незначительного и, что крайне важно, непропорционального количества нумизматического материала [Аитова 2000]. Тем не менее, последовал верный вывод о том, что монеты, изготовленные в Суябе и Таразе несмотря на различные легенды и дополнительные тамги, имеют одинаковые весовые параметры, размер, форму и общий рунический знак-тамгу характерную для тюргешских монет. Последующие находки подтвердили предположения С.М. Аитовой, что в районе Тараза монеты с дополнительными тамгами встречаются в процентном отношении гораздо чаще, чем на городищах Чуйской долины.

В 2014 г. в Алматы вышла брошюра «Доисламские монеты Тараза» [Елеуов и др. 2014]. По всей видимости, авторы не были знакомы с изданной еще в 2002 году работой «Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья», обосновавшей хронологию выпуска монет и потому считают, что изучение монет Семиречья находится не на том уровне, который следовало бы ожидать. Озадачившись, какие из монет чеканились раньше или позже, они приходят к выводу, что ответить какие монеты региона являются первыми, пока очень затруднительно. Подвергая сомнениям сведения многих исследователей, согласно которым первыми монетами региона являются монеты с титулом «тюргеш каган», авторы выдвигают свою версию, основанную на совпадении имен на монетах Иркин и Чор с именами правителей Западно-Тюркского каганата, отмеченных в рукописях VII–VIII в., правда, сразу допускается оговорка. «Если это предположение в будущем будет подтверждено и другими документами, то станет ясным, что ранние монеты Чу-Таласской долины были чеканены раньше монет Тюргешского каганата». Далее следует великолепное продолжение. «Данные монеты с большой долей вероятности могли быть чеканены в более позднее время, в частности в VIII–IX в. Так как титулы Эркин и Чор, являясь широко распространенными титулами, активно использовались тюркскими этносами данного региона и в эпоху Тюргешского каганата». Судя по ссылке на используемую литературу, автором знакома статья [Лурье 2010], где на монетах уйгурского каганата прочитано «монета государя Хай Яглакара». Случайно попавшие на территорию Красноречeнского городища в результате торговых связей, две монеты не стоили упоминания, тем более с прочтением легенд Йинал Алп и Тун эркин. Далее еще интереснее: монеты, прочитанные В.А. Лившицем как монета Вахшутавы, местом которых действительно является Тараз, авторы, перепутали с тухусскими (уанантмахскими) монетами. Цитата: «Некоторые исследователи читали их как «тухус» и считали, что они выпускались, в Навекате (Красноречeнское городище), однако новые находки этих монет, показали несостоятельность этого чтения. Не ставя целью детальный разбор указанной работы, замечу лишь, что с начала и до конца текста употребляется термин чеканная монета, на самом деле все тюргешские монеты китайского образца литые. Тем не менее, в качестве положительного аспекта, следует отметить, что в работе приведены фотографии находок и указано количество монет разных типов, собранных в результате археологических раскопок в Таразе в 2014 г. и их можно использовать для статистики.

Не смотря на существующую границу между Кыргызстаном и Казахстаном, информация о находках монет в районе Тараза периодически поступа-

ет. Автору довелось атрибутировать частный сбор 2019 г., из 24 монет с городища Бек-тобе в районе Таразского аэропорта и нумизматическую коллекцию раннесредневековых монет основного музейного фонда «Памятники древнего Тараза» из 609 монет. Поскольку права на публикацию этого материала не предоставлены, то данной статье приводятся лишь статистические сведения по типам монет.

Кроме того, в статистических расчетах учитывается сбор монет с городища Джоон-Тобе, расположенного на северной окраине села Кенеш Манасского района Таласской области (Кыргызстан) в 12 км на юг от Тараза (Казахстан). По непонятным причинам это крупнейшее городище не входит в перечень археологических объектов, охраняемых государством [Камышев 2021]. Проблема археологического изучения средневекового Тараза осложнена тем обстоятельством, что он находится под современной застройкой одноименного города, давно поглотившей не только этот археологический памятник, но и близлежащие памятники археологии. Пустырь на месте городища Джоон-Тобе при проведении здесь археологических раскопок могут существенно дополнить историю возникновения денежного обращения в Семиречье.

Кроме этого в статье учтены 18 раннесредневековых монет с городища Садыр-Курган, отождествляемого с городом металлургов Шельджи, находящегося в зоне затопления Кировского водохранилища [Кожемяко 1963]. В июле 2001 г. осмотр городища проводила разведывательная группа в составе археолога А.И. Торгоева и автора статьи. Задачей группы было осмотр сохранности памятников и сбор подъемного материала [Камышев 2009].

С 2000 года автор ведет статистический учет нумизматического материала, собранного на городищах Чуйской долины, и если с хронологией выпуска тюргешских монет просматривается какая-то определенность, то с продукцией таразского монетного двора остаются еще некоторые вопросы. Собранные сведения о нумизматических находках на городищах Чуйской и Таласской долин представлены в таблице № 1, с указанием шифров монет, данных в монографии «Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья», где они описаны и проиллюстрированы [Камышев 2002].

Принимая за основу, что наибольшее количество монет находят на месте их выпуска то, собранные на городищах Чуйской и Таласской долин, можно сделать следующие выводы: Тюргешские монеты основного типа (Тр4а, табл. II-*1*) д=23-26 мм. составляют 40% собранных монет в Чуйской долине и более 20% в Таласской долине. А если добавить тюргешские монеты среднего размера (Тр4д) (д=19-22 мм), появившихся в результате инфляционных процессов в середине VIII века, то их объем в общей массе монет в Чуйской долине превысит половину, а в Таласской долине треть. Местом изготовления Тюргешских монет этого типа принято считать Суяб, но не исключено, что и другие города Чуйской долины изготавливали их в своих литейных мастерских, поскольку наряду с изящной высокотехнологичной отливкой встречаются монеты низкого качества литья с оплывшими легендами и неровными краями.

Монеты Вахшутавы (Тр-1, табл. II-*3*) в общей массе раннесредневековых монет, найденных в Таласской долине составляет 20%, а с учетом уменьшения диаметра – треть от всех монет, находящихся в обращении. Чуть меньше 13 % составляют тюргешские монеты с дополнительными тамгами на реверсе (Тр-2, табл. II-*5*), соответственно (Тр-3) – 5% и (Тр-5, табл. II-*4*) – 6,4% в Чуйской долине эти монеты отмечены в единичных экземплярах, следовательно, можно утверждать, что местом изготовления этих монет является Тараз и города в его окружении.

Монета «Инал-тегин» (Тр-6, табл. II-*6*) так же чаще встречается в Таласской долине – 20 находок, против одной в Чуйской долине, а вот тип с искаженной легендой «Инал-тегин» (Тр-7, табл. II-*7*) диаметром 22 мм находят в основном на городище Шиш-Тюбе. Это же городище является основным местом находок монет Сулука, шифр (ФС, табл. II-*2*), карлукских монет Кепека – шифр (Кр, табл. II-*8*). Арслан Куль-Иркина шифр (Ар-1, табл. II-*9*)

Местом изготовления уанантмахских монет (Ту1, 2 и 3, табл. II-*11*) и монет Арслан Бильга-каган (Ар-2,3,4, табл. II-*14*) следует признать Навекат (городище Красная Речка). А тюргешские монеты с оттиснутой дополнительной тамгой (Тр4е, табл. II-*12*) Суяб (городище Ак-Бешим).

Единичные находки саманидских фельсов, чачских монет Тарнавча, ферганских монет Татука и уйгурских монет Яглакаров – свидетельство региональных торговых отношений.

Западный край вплоть до Шаша (Ташкента) династия Тан считала своей территорией и содержала свои воинские гарнизоны в крупных городах, в том числе и в столичном Суябе и крупном торговом центре Таразе. Не без помощи китайских мастеров после 716 г., когда в Тюргешском каганате установилась относительное спокойствие, в Суябе началось изготовление литых монет с легендой «тюргеш каган» и

Таблица I – Распределение раннесредневековых монет Семиречья по месту их находок
I кесте – Жетісудың ерте ортағасырлық монеталарын табылған жерлеріне қарай бөлу
Table I – Distribution of early medieval coins of Semirechye by the place of their finds

Шифр	ФС	Тр1	Тр2	Тр3	Тр4 а	Тр4 г	Тр4 д	Тр4 е	Тр4 ж	БЛ	Тр5	Тр6	Тр7	Тр9	Тр 10б	Кр	Ту1	Ту1 а	Ту-3	Ар-1	Ар-2,3 и 4	Пр.	Итого
Суяб	2	-	-	-	189	7	29	37	21	38	2	-	1	1	-	-	30	-	1	-	11	-	369
Навекат	-	11	4	1	484	39	235	3	158	95	1	1	1	2	12	-	154	6	2	1	54	3	1266
Куз-Орду	-	-	2	-	23	1	23	-	20	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	26	98
Нузкет	12	2	1	-	67	3	15	-	7	-	-	-	5	-	-	19	4	2	-	22	-	6	165
Итого Чуйская долина	**14 0,7 %**	**13 0,6 %**	**7 0,3 %**	**1 -**	**763 40.2 %**	**50 2,6 %**	**302 15,9 %**	**40 2.1 %**	**206 10,8 %**	**135 7,1 %**	**3 0,15 %**	**1 -**	**7 0,3 %**	**3 0,15 %**	**13 0,6 %**	**19 1,0 %**	**188 9,9 %**	**8 0,4 %**	**3 0,15 %**	**23 1,2 %**	**65 3,4 %**	**35 1,8 %**	**1898 100 %**
Шельджи	-	-	-	-	6	3	-	-	-	-	3	1	-	-	1	-	4	-	-	-	-	-	18
Атлах	-	-	2	-	5	-	6	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	14
Тараз (музей)	-	120	71	25	108	12	29	-	-	-	36	17	-	53	29	-	5	-	-	1	-	7	513
Бек-тобе	-	1	2	1	4	1	4	-	-	-	-	1	-	2	2	-	-	-	-	-	-	1	19
Тараз (Елеуов)	-	6	7	5	7	-	20	-	-	-	1	1	-	1	3	-	-	-	-	-	-	1	52
Итого Тараз и Таласская долина	-	**127 20,6 %**	**82 13,3 %**	**31 5,0 %**	**130 21,1 %**	**16 2,5 %**	**59 9,5 %**	**- -**	**- -**	**- -**	**40 6,4 %**	**20 3,2 %**	**- -**	**57 9,2 %**	**35 5,6 %**	**- -**	**9 1,4 %**	**- -**	**- -**	**1 0,1 %**	**- -**	**9 1,4 %**	**616 100 %**

Таблица II – Монеты с городищ Чуйской и Таласской долин
II кесте – Шу және Талас аңғарларындағы қалалардан табылған монеталар
Table II – Coins from the Chu and Talas valleys urban sites

тамгой тюргешей (Тр4а). В Атлахской битве, между арабами и имперской армией Китая (751 г.), карлуки, выступавшие на стороне империи, неожиданно напали с тыла и захватили китайские обозы. С тех пор они стали доминировать в Семиречье. В Таразе начато производство монет с легендой «тюргеш каган» и дополнительными тамгами Тр-2, Тр-3, Тр-5 и именных монет Вахшутавы (Тр-1) и Инал Тегин (Тр-6), очередность и последовательность этих выпусков еще предстоит выяснить. Принадлежность тамги карлуков на монетах, отлитых в Таразе отодвигает дату их изготовления на вторую половину VIII в.

Во второй половине VIII века произошло изменение в размере монет – в обращение вводятся монеты диаметром от 19 до 22 мм, не исключено, что снижение веса и размера происходили постепенно. В Суябе, восстановившегося после разрушения китайским войсками в 748 г., начат выпуск монет с дополнительными тамгами в виде рунической буквы «р». В конце VIII – начале IX в. в крупном городе Навекат, попавшим под влияние Уйгурского каганата, отливали монеты с указанием правителя Уанантмаха. Подобный процесс с уменьшением размера и веса просматриваются и на Таразских выпусках с дополнительными тамгами. Инфляционные процессы привели к выпуску мелких уанатмахских монет и монет без легенд (БЛ, табл. II-*12*) в Навекате и Суябе.

Семиреченские местные подражания монетам династии Тан после их первой публикации [Камышев 2002] вызвали широкий резонанс в нумизматических кругах. Исследуемый комплекс из 330 подражаний, собранный в восточной части Чуйской долины на городищах Ак-Бешим, Красная Речка и Бурана, автор визуально разделил по степени деградации монетного типа. Основываясь на изменении веса, размера и ряда других характерных признаков монеты, разбиты на четыре группы. Предполагалось, что монеты первой группы выпускались раньше, чем вторая, а вторая раньше, чем третья. Монеты четвертой группы по разбросу весовых параметров, необычной форме и размерам не вписывались в этот ряд, и потому вопрос об их относительной датировке и принадлежности к денежному обращению оставался открытым.

За двадцать последних лет география находок местных подражаний заметно расширилась. Тяжеловесные литые имитации китайских монет, включенные в 4 группу и находимые ранее в единичных экземплярах, доминируют среди нумизматического сбора местных подражаний на городище Шиш-Тюбе. Одно из крупнейших городищ на западе Чуйской долине, оно отождествляется с раннесредневековым городом Нузкет. Тяжеловесные монеты, собранные на городище, составляют более половины из 106 найденных здесь местных подражаний. Кроме того, выявлены новые типы монет, похожих на колесики. Причем различаются они как диаметром 23 и 28 мм, так и количеством спиц 4 и 6 и более. Подобные монеты ранее в научных публикациях не отмечены, хотя их изображения представлены на ZENO с указанием места находки как Семиречье. Занесенные в 4 группу (М-4, табл. II-*13*) местных подражаний, тяжеловесные монеты необычного типа в связи с их концентрацией на городище Шиш-Тюбе дают основания для утверждений об изготовлении их в Нузкете [Камышев 2023].

Считается, что разрозненные племена карлуков, владея отдельными городами Чуйской долины, так и не создали единого государства [История Киргизской ССР 1984]. В этой связи наличие разнообразных типов местных подражаний китайским монетам в Чуйской долине можно объяснить несколькими городскими центрами по их изготовлению. Причем монеты первых трех групп, независимо от места их отливки, участвуют в денежном обращении по всей Чуйской долине, а вот распространение городских выпусков четвертой группы, как правило, ограничено районами их изготовления.

Находки местных подражаний танским монетам в окрестностях Тараза в публикациях казахстанских археологов [Елеуов и др. 2014] и в перечне нумизматической коллекции из 609 раннесредневековых монет основного фонда «Памятники древнего Тараза» не зафиксированы. Однако, российский нумизмат П.Н. Петров, курирующий нумизматический фонд Казахстана, переслал фото и весовые параметры пяти местных подражаний, найденных осенью 2021 г. в окрестностях Тараза. Средний вес монет 9,29 г. и средний диаметр 26 мм, на одной из них сохранились рудименты согдийской легенды, на другой имитация согдийской надписи, остальные с чистым монетным полем. Небольшое количество местных подражаний, найденных в районе Тараза, позволяет сделать осторожный вывод о городском выпуске тяжеловесные подражания, основой для которых послужили тюргешские монеты Тип III [Смирнова 1981]. В Таразе производство местных подражаний монетам династии Тан не нашло широкого распространения. В 893 г. саманидский правитель Исмаил ибн Ахмад завоевал город, и он вошел в сферу обращения саманидских монет. Отсутствие в Таразе местных

подражаний монетам династии Тан, может служить косвенным подтверждением о расцвете их производства в Чуйской долине в начале X века.

Денежная реформа Бильге кагана в первой половине X в. ввела в обращение новые типы монет с тамгой как на уанантмахских монетах (Ар-2, 3, и 4, табл. II-*14*), которые выпускались, скорее всего, в Навекате, поскольку основные находки сделаны на Краснореченском городище. Тип монет с легендой, написанной арабской графикой (ПР, табл. II-*15*). Верхнюю часть надписи на них В.Н. Настич читает как *малик*, правую — *арам* (?), нижнюю — *йинал* и левую – *карач* (?). Названные им «протокараханидские», эти монеты собирают в районе столицы династии Карханидов Баласагуна или Куз-Орду (городище Бурана, в 8 км. на юг от Суяба), именно оттуда они расходились вплоть до Тараза. «Протокараханидские» монеты замыкают ряд литых денежных знаков, изготовленных в Семиречье по китайскому образцу, их выпуск относят к середине X века. [Настич 1987].

ЛИТЕРАТУРА

Аитова С.М. Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Изв. МН и НАН РК. Сер. общ. наук. 2000. № 1 (224). С. 125–130.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана, книга II. Алматы, 2013. 514 с.

Бернштам А.Н. Тюргешские монеты // ТОВЭ Т.2 1940. С. 105–111.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины // Алма-ата: Казахское объединенное государственное издательство, 1941. 96 с.

Бернштам А.Н. Новые типы тюргешских монет // Тюркологический сборник I. Изд. АН СССР. М. – Л., 1951. С. 67–72.

Елеуов М., Бабаяров Г., Кубатин А. Доисламские монеты Тараза. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 53 с.

Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе: АН Киргиз. ССР, 1961. 74 с.

Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. Бишкек, 2002. 146 с.

Камышев А.М. Нумизматические находки с городища Ак-Бешим // Тезисы докладов и сообщений XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб. 2007. С. 50–52.

Камышев А.М. Новые археологические находки с городища Садыр-Курган // Изв. МН и НАН РК: Сер. общ. наук, Алматы, 2009. № 1 (268). С. 284–292.

Камышев А.М. Местные подражания китайским монетам династии Тан с городища Шиш-Тюбе (Нузкет) Чуйская долина (Кыргызстан) // ZENO FESTSCHRIFT Сборник статей посвященный 20-й годовщине Международного проекта ZENO.RU. М. 2023.

Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953-1954 гг. // Ученые Записки ИВ АН СССР. М.,-Л., 1958. С. 514–561.

Кожемяко П.Н. Оседлые населения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 145–224.

Лурье П.Б. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. Материалы междун. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 279–284.

Настич В.Н. Монетные находки из Казахстана и Киргизии // Тезисы докладов и сообщений. Вторая нумизматическая конференция. М., 1987 г. С. 52–53.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 546 с.

Yutaka Yoshida. Turkish rule of Sogdians as reflected on coins: Some new readings of the legends of coins belonging to the Shinji Hirano Collection. Tokyo. 2000. Pp. 1–20.

REFERENCES

Aitova, S. M. 2000. In: *Izvestiya MN i NAN RK (News of the Ministry of Sciences of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences ser.)*. 1 (224), 125-130 (in Russian).

Baipakov, K. M. 2013. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan)*. Book II. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1940. In*: Trudy Otdela kultury i iskusstva Vostoka Gosudarstvenvoto Ermitazha (Proceedings of the Department of Culture and Art of the East of the State Hermitage),* 105-111(in Russian).

Bernshtam, A. N. 1941. *Pamyatniki stariny Talasskoy doliny (Monuments of antiquity of the Talas Valley)*. Alma-Ata: Kazakhskoe obyedinennoe gosudarstvennoe izdatelstvo (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1951. In: *Tyurkologicheskiy sbornik I (Turkological collection I)*, 67-72 (in Russian).

Eleuov, M., Babayarov, G., Kubatin, A. 2014. *Doislamskie monety Taraza (Pre-Islamic coins of Taraz)*. Almaty: "Kazakh universiteti" Publ. (in Russian).

Zyablin, L. P. 1961. *Vtoroy buddiyskiy hram Ak-Beshimskogo gorodischa (The Second Buddhist temple of the Ak-Beshim settlement)*. Frunze: Kirgiz SSR Academy of Sciences (in Russian).

Kamyshev, A. M. 2002. *Rannesrednevekovyi monetnyi kompleks Semirechya (Early medieval coin complex of Semirechye)*. Bishkek (in Russian).

Kamyshev, A. M. 2007. In: *Tezisy dokladov i soobscheniy XIV Vserossiyskoy numizmaticheskoy konferentsii (Abstracts of reports and messages of the 14th All-Russian numismatic conference)*. St. Petersburg, 50–52 (in Russian).

Kamyshev, A. M. 2009. In: *Izvestiya MN i NAN RK* (News *of the Ministry of Sciences of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences ser.)*, 1 (268), 284–292 (in Russian).

Kamyshev, A. M. 2023. In: *ZENO FESTSCHRIFT*. Moscow, 1–20 (in Russian)

Kyzlasov, L. R., Smirnova, O. I., Scherbak, A. M. 1958. In: *Uchenye Zapiski IV AN SSSR (Scientific notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences)*, 514–561 (in Russian).

Kozhemyako, P. N. 1963. In: *Arheologicheskie pamyatniki Talasskoy doliny (Archaeological sites of the Talas Valley)*. Frunze, 145–224 (in Russian).

Lurye, P. B. 2010. In: Alekshin, V. A., Kircho, L. B., Sokolova, L. A., Stegantseva, V. Y. (eds.). *Drevniye kultury Yevrazii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyaschennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.N. Bernshtama (Ancient cultures of Eurasia: Materials of the international conference dedicated to the 100th anniversary of A.N. Bernshtam)*. St. Petersburg, 279–284 (in Russian).

Nastich, V. N. 1987. In: *Tezisy dokladov i soobshcheniy. Vtoraya numizmaticheskaya konferentsiya (Abstracts of reports and messages. Second numismatic conference)*. Moscow, 52–53 (in Russian).

Smirnova, O. I. 1981. *Svodnyi katalog sogdiyskih monet. Bronza (Consolidated catalog of Sogdian coins. Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yutaka Yoshida. 2000. *Turkish rule of Sogdians as reflected on coins: Some new readings of the legends of coins belonging to the Shinji Hirano Collection*. Tokyo, 1–20 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 22.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.03.2023.

М.Б. Кожа

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.330.334

Мухтар Бакадырулы Кожа,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; mukhtar_kozha@mail.ru

Об уточнениях хронологии стратиграфических слоев Отрара*

В статье рассматривается хронология строительных горизонтов городища Отрар. Первая стратиграфическая колонка Отрара была предложена в монографии 1972 г. К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича. Важные коррективы в хронологию и стратиграфию позднесредневекового Отрара были сделаны Л.Б. Ерзаковичем после широкомасштабных раскопок. В статье приведены аргументы позволяющие датировать верхнюю хронологическую рамку слоя II – время последнего общегородского пожара Отрара XVII в. 1681–1683 гг., выявленные в горизонте IV первый общегородской пожар 1411 г., второй общегородской пожар 1455 г., связывать верхнюю границу десятого строительного горизонта с походами арабов в районы Средней Сырдарьи 712/713-766–767 гг.

Ключевые слова: археология, стратиграфия, хронология, средневековье, Отрар, экспедиция

Мұхтар Бақадырұлы Қожа,
[1] Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Отырардың стратиграфиялық қабаттарының хронологиясын нақтылау туралы

Мақалада Отырар қалашығының құрылыс қабаттарының хронологиясы қарастырылған. Отырардың бірінші стратиграфиялық текпішегін 1972 жылғы монографияда Қ.А. Ақышев Қ.М. Байпақов, Л.Б. Ерзакович ұсынды. Кейінірек соңғы ортағасырлық Отырардың хронологиясы мен стратиграфиясына маңызды түзетулерді Отырарда ауқымды қазбалар жүргізген Л.Б. Ерзакович енгізді. Мақалада Отырардың II қабаттының жоғарғы хронологиялық шеңберін – XVII ғасырдағы соңғы жалпы қалалық өрттің болған уақыты 1681–1683 жж., IV қабаттағы бірінші жалпы қалалық – 1411 жылғы, екінші жалпы қалалық өрт – 1455 ж. сай келетіні, онынші құрылыс қабаттың жоғарғы шекарасы арабтардың Орта Сырдария аймақтарындағы жорықтары уақытымен 712/713–766/767 жж. сай келетіні көрсетіледі.

Түйін сөздер: археология, стратиграфия, хронология, ортағасыр, Отырар, экспедиция

Mukhtar Kozha
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

On some refinements of the chronology of the stratigraphic layers of Otrar

The article discusses the chronology of the building horizons of the Otrar settlement. The first stratigraphic column of Otrar was proposed in a 1972 monograph by K. Akishev, K. Baipakov, L. Erzakovich. Important adjustments to the chronology and stratigraphy of the late medieval Otrar were made by L. Yerzakovich after large-scale excavations. The article presents arguments that allow dating the upper chronological frame of layer II – the time of the last citywide fire of Otrar in the 17th century. 1681–1683, revealed in horizon IV the first citywide fire of 1411, the second citywide fire of 1455, to connect the upper boundary of the tenth building horizon with the campaigns of the Arabs in the regions of the Middle Syrdarya 712/713–766–767.

Keywords: archaeology, stratigraphy, chronology, Middle Ages, Otrar, expedition

© 2023 г. Кожа М.Б.
**Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630.*

Благодаря многолетним исследованиям Отрарской археологической экспедиции и Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, городище Отрар превратился в опорный памятник средневековой городской археологии Казахстана. Из большого комплекса выполненных археологами работ особо следует отметить стратиграфический раскоп площадью 200 кв. м, начатый в 1969 г. и доведенный в 1970 г. до материкового грунта. Была разработана стратиграфическая колонка крупнейшего средневекового городища Казахстана с первых веков нашей эры до XVIII в. включительно, составленная на материалах из раскопа, расчленного на хронологически чередующиеся горизонты культурных наслоений. Разработанная стратиграфия наслоений Отрара широко используется для датировки вещественного материала и культурных напластований других памятников региона. Монография К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича «Древний Отрар», где изложены итоги изучения стратиграфии городища, до настоящего времени является настольной книгой исследователей средневековых древностей Южного Казахстана [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972: 51–122].

Вместе с тем хронологическая схема 1972 г. по мере накопления новых исторических данных и дальнейших наблюдений над стратиграфией слоев городища продолжала проверяться. Изыскания вышеназванных и других археологов, нумизматов, востоковедов, историков расширили источниковедческую базу, без осмысения и анализа которой невозможно воссоздать историю крупнейшего средневекового города Казахстана. Накоплен определенный материал, позволяющий вернуться к вопросу о хронологии стратиграфических слоев средневекового Отрара.

И первые очень важные коррективы в хронологию и стратиграфию Отрара были сделаны Л.Б. Ерзаковичем. В 1972 г. первый строительный горизонт датировался XVII–XVIII вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972: 82]. Л.Б. Ерзакович на основании стратиграфических наблюдений в различных частях городища, анализа найденных в слоях монет, сведений письменных источников об Отраре датирует самый верхний слой городища Отрартобе концом XVII – первой половиной XVIII в. Характеризуя последний период жизни города исследователь отмечает: «Не ранее 80-х гг. XVII в. реконструируются некоторые сгоревшие и заброшенные дома, на очень ограниченном участке строятся новые жилища. В этот период жизнь в городе неуклонно идет к упадку. Около середины XVIII в. последний этап жизни города завершается запустением» [Ерзакович 1980: 106; Акишев, Байпаков, Ерзакович 1981: 132].

Сравнение воссозданного Л.Б. Ерзаковичем на основе археологических раскопок и наблюдений последнего, верхнего слоя реконструкции последнего периода истории города нашло соответствие в местном предании о запустении Отрара [Ходжаев 1993: 57–61]. Согласно этому преданию, записанному у волостного правителя Туле Байтерекова и опубликованнного в 1904 г.: «После ухода калмыков и китайцев, потомки древних отрарских жителей стали собираться на родину из Бухары, Сайрама, Балха, Ургенча и других мест... В течении ста лет они пытались восстановить орошение края и обновить город своих предков, но им это не удалось ... последний ушел со своим семейством некий Бабашуль... Это было в 1750 г.» [Кларе 1904: 31]. Т.е. данные местной исторической памяти о запустении Отрара потверждают обоснованность предложенной ранее датировки верхней границы слоя I шахристана Отрара – середина XVIII в.

Согласно хронологической схеме 1972 г., второй строительный горизонт вместе с третьим, четвертым, пятым и шестым был отнесен к XV–XVI вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972: 82]. Предшествующий первому слой II был выявлен на всех раскопах шахристана. Л.Б. Ерзакович передатировал второй горизонт началом XVII – 60 гг. XVII в. указав, что «отмечается новый взлет строительной деятельности, охвативший всю территорию центральной части города. Город отстраивается заново, на многих участках жилые кварталы возводятся одновременно, по единому плану. Этот период завершается пожарами и запустением города». С учетом монетных находок, в том русских монет Алексея Михайловича, чеканенных 1655–1663 гг., слой II датирован в пределах первой-второй трети XVII в. [Ерзакович 1980: 103]. Верхняя граница слоя датируется 60-е годами XVII в. [Ерзакович 1992: 182]. Однако есть основания поднять верхнюю хронологическую планку слоя II. По мнению знатока денежного обращения Южного Казахстана В.Н. Настича, время проникновения русских монет на городские рынки Южного Казахстана относится к 60 – началу 70-х годов XVII в. [Настич 1983: 152]. Сообщения о калмыках и долговременной осаде города иноземцами в местном предании о последнем периоде истории

Отрара позволять нам связать городские пожары Отрара с походами джунгарской армии под командованием Галдана в начале 80-х гг. XVII в., когда были захвачены почти все известные городские центры Южного Казахстана [Ходжаев 1993: 61]. Поэтому есть основание датировать верхнюю рамку слоя II - время последнего общегородского пожара Отрара 1681–1683 гг.

По мере исследования уточнялась датировка слоя III. Предварительно слой относили к XVI в., возможно, ко второй половине столетия [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1981: 131]. По мере расширения раскопов и накопления артефактов исследователи приходят к заключению, что горизонт III начал функционировать в позднетимуридское период и жизнь продолжалась здесь и в XVI столетии. Судя по уровню полов, существовало два периода строительства [Ерзакович 1987: 34].

Горизонт IV раскопа III представлен слоем мощностью 2,3 м. Л.Б. Ерзакович датировал горизонт последней третью XIV в. – второй половиной XV в. [Ерзакович 1987: 30], конец XIV–XV в. [Ерзакович 1992: 180]. Синхронность построек горизонта IV четко фиксируется по следам двух пожаров, которые отмечаются по всей площади не только раскопа III, но и раскопа V на северной окраине городища. Ранний пожар Л.Б. Ерзакович назвал «первым пожаром общегородского масштаба» и датировал временем правления Халил-Султана (1405–1409) или вскоре после после его смерти [Ерзакович 1987: 30]. Мы связываем первый пожар с карательным походом тимуридов против туркестанского кипчака Нур ад-дина в район Средней Сырдарьи в 1411 г. [Ходжаев 1996: 60–61]. Второй пожар, по мнению Л.Б. Ерзаковича, имел место во второй четверти XV в. или позднее, но в пределах второй половины столетия. Второй общегородской пожар мы связываем с выступлением наместника Отрара против тимурида Абу Саида (1424–1469). В 1455 г. Абу Саида пришлось подавить мятеж в Отраре, который поддержал правитель кочевых узбеков Абулхаир-хан [Бартольд 1964: 169]. На основании этого верхняя граница горизонта IV датируется 1455 г.

Представляется возможным уточнить верхнюю границу десятого строительного горизонта стратиграфического шурфа Отрара. По стратиграфическим наблюдениям и аналогам керамике к X–XI вв. отнесен девятый строительный горизонт, пол 13, а десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый строительные горизонты датированы VII–VIIIвв. Пол 13 был устроен на очень рыхлом лессе (слой 30–40 см), заполнившем остатки строительных конструкций нижележащего более раннего горизонта. Исследователи отметили также стерильные натечные слои у стен помещения этого горизонта, связанного с полом 14. Заполнение между полами 13 и 14 свидетельствует о том, что к началу строительства предшествовало запустение помещений. Примечательно, что в дальнейшем на хронологический разрыв между указанными выше слоями будет указывать иной принцип планировки помещений, строительных приемов, новый формат сырцового кирпича нижележащих культурных слоев [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972: 66–73]. На уровне пола 15 был найден фрагмент монеты, первоначально интерпретированная как «тюргешско-согдийская монета» VIII в. Несколько позднее Р.З. Бурнашева определила эту монету и аналогичные ему монеты как чекан местного правителя конца VII или первой половины VIII в. [Бурнашева, 1973: 65]. В слое отсутствуют тюргешские монеты, которые были чеканены позднее, что позволяет считать верхней границей девятого строительного горизонта первой половины VIII в. Интересно, что в стене одного из помещений, появившегося после запустения нового (девятого) строительного горизонта, выявлено коллективное погребение, где обнаружено 18 черепов в два яруса. Судя по публикации, в погребении отсутствовали мелкие кости, за исключением трех тазовых и одной нижней челюсти. На некоторых черепах остались следы от боевых травм. По мнению исследователей, «состав погребения и характер захоронения говорят о том, что в нишу положили части уже разложившихся трупов, вероятно, собранные недалеко от их места нахождения» [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972: 70]. Таким образом, время запустения и следы боевых действий на шахристане Отрара, скорее всего, связано с военными походами арабов VIII в.

Согласно данным исследователей, на территории Южного Казахстана впервые арабские войска появились в 712/713 г. [Гоибов 1989: 52], известны походы арабов на Сырдарью в 737 и 739 гг. [Калинина 1988: 91]. Более детальная информация о походе войск мусульман имеется в родословных «Насаб-наме». Согласно данным «Насаб-нама» Сафи ад-дина Койлаки в 150 г. хижры / 766–767 г. был созван совет, в ходе которого было решено распространить ислам в Фергане, Шаше и в других прилегающих к ним областях [Сафи ад-дин Орын Қойлақы 1992]. Более достоверным нам кажется указанное в других

родословных время совещания, предшествовавшего походу мусульманских войск в районы Средней Сырдарьи – 100 г. хижры / 718–719 год [Муминов 2003: 119]. Таким образом, суммируя указанные данные можно предполагать что верхняя граница десятого строительного горизонта лежит в промежутке 712/713–766/767 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972. 215 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: Наука, 1981. 343 с.

Бартольд В.В. Улугбек и его время. Соч.: в 9-ти томах. М.: Наука, 1964. Т.2. Ч.2. С. 25–196.

Бурнашева Р.З. Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 81–90.

Гоибов Г. Ранние походы арабов в Среднею Азию. Душанбе: Дониш. 1989. 143 с.

Ерзакович Л.Б. Раскопки в восточной части Отрара (к вопросу о стратиграфии и хронологии поздних слоев) // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 96–106.

Ерзакович Л.Б. Жилая застройка Отрара // Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 15–100.

Ерзакович Л.Б. О периодизации развития средневекового Отрара // Маргулановские чтения 1990. М. 1992. С. 177–182.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М.: Наука, 1988. 180 с.

Кларе А. К. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. // Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей. Год IX. Ташкент, 1904. С.13–42.

Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники Ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе // Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Вост. лит. М. 2003. С. 117–153.

Настич В.Н. Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XIII–XVII вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Мат-лы Всесоюзного совещания / Под ред. Б.А. Тулепбаева. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 143–152.

Сафи ад-дин Орын Қойлақы. Насаб-нама. Қолжазбаны транскрипциялаған және кіріспе мен көрсеткіштерді дайындағандар Ә.Қ. Муминов, З.З. Жандарбек. Түркістан, 1992. 42 б.

Ходжаев М. Причины последнего общегородского пожара и окончательного запустения Отрара // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1993. № 5. С. 57–61.

REFERENCES

Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1972. *Drevniy Otrar (Ancient Otrar)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1981. *Pozdnesrednevekovyi Otrar (Late Medieval Otrar)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bartold, V. V. 1964. *Sochineniya v 9-ti tomakh (Works in 9 volumes)*. Vol. 2. Moscow, 25–196 (in Russian).

Burnasheva, R. Z. 1973. In: Akishev, K. A. (ed.). *Archeologicheskie issledovaniya v Kazakhstane (Archaeological research in Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 81–90 (in Russian).

Goibov, G. 1989. *Rannie pokhody arabov v Sredney Azii (Early arab campaigns in Central Asia)*. Dushanbe: “Donish” Publ. (in Russian).

Erzakovich, L. B. 1980. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological research ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 96–106 (in Russian).

Erzakovich, L. B. 1987. In: Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. (eds.). *Otrar v XIII–XV vekah (Otrar in the 13th–15th centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 15–100 (in Russian).

Erzakovich, L. B. 1990. In: *Margulanovskie chteniya (Margulan Readings)*. Moscow, 177–182 (in Russian).
Kalinina, T. M. 1988. *Svedeniya rannyh uchenyh arabskogo halifata (Information of early sciencists of the Arab Caliphate)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Klare, A. K. 1904. In: *Protokoly zasedaniy i soobscheniya Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arheologii (Protokols of meetings and reports of members of the Turkestan section of archaeology amateurs)*. Vol. 9. Tashkent, 13–42 (in Russian).
Muminov, A. K. 2003. In: Abashin, S. N., Bobrovnikov, V. O. (eds.). *Podvizhniki Islama: Kult svyatykh i sufizm v Sredney Azii i na Kavkaze (Islam ascetics: The cult of saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus)*. Moscow, 117–153 (in Russian).
Nastich, V. N. 1983. In: Tulepbayev, B. A. (ed.). *Srednevekovaya gorodskaya kultura Kazahstana i Sredney Azii. Materialy Vsesoyuznogo soveschaniya (Medieval urban culture of Kazakhstan and Central Asia. Materials of the All-Union Conference)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 143–152 (in Russian).
Safi ad-din Oryn Koylaky. Nasab-nama. 1992. In: Muminov, A. K., Jandarbek, Z. Z. (eds.). Turkestan (in Russian).
Khodzhaev, M. 1993. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obschestv. nauk (News of the National Academy of Sciences of Republic of Kazakhstan. Social sciences ser.)*, 5, 57–61 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 09.04.2023.

С.Ш. Кубаев
Г.И. Богомолов

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.335.340

Суръат Шавкатович Кубаев[1], **kubaev.surat@gmail.com**,
Геннадий Игоревич Богомолов[1], **gennadiybog@gmail.com**
[1]Национальный центр археологии АН РУз,
г. Ташкент, Узбекистан

Новые археологические исследования на городище Канка
(по итогам археологических исследований 2021-2022 гг.)

Городище Канка является одним из крупнейших городских центров правобережья Сырдарьи. Городище состоит из цитадели, трех шахристанов, как бы вписанных друг в друга, каждый из которых с трех сторон был окружен мощными оборонительными стенами, и пригорода рабада. С четвертой стороны их общей границей был берег реки, вдоль которого также проходила стена. Значимым объектом, открытым при раскопках шахристана 1, является городской храм, который представлял собой крупное монументальное сооружение. Ядром храмового комплекса был квадратный зал – окруженный обводными коридором. Стены храма были украшены росписью и рельефной лепниной. Новые исследования в городище проводились в восточной части городского храма, на предполагаемом месте входной части храмового комплекса.

Ключевые слова: Ташкент, Канка, Чач, Сырдарья, «ертўла», «тўла», «ўра», «тагхона», «синч»

Суръат Шавкатович Кубаев[1],
Геннадий Игоревич Богомолов[1],
[1]ӨзР ҒА Ұлттық археология орталығы,
Ташкент, Өзбекстан

Канка қаласындағы жаңа археологиялық зерттеулер
(2021-2022 жж. археологиялық зерттеулер қорытындысы бойынша)

Канка қаласы Сырдарияның оң жағалауындағы ірі қала орталықтарының бірі болып табылады. Қала цитадельден, бір-біріне кіріге, үш жағынан қорғаныс қабырғаларымен қоршалған үш шахристаннан және қала сыртындағы рабадтан тұрады. Төртінші жағы бойлай созылған қабырғасы өзен жағалауымен шектесіп жатты. Шахристан 1 қазбасы барысында ашылған маңызды нысан – ірі монументалды құрылыс түріндегі қалалық ғибадатхана. Ғибадатхана кешенінің орталығы жан-жағынан ұзына бойы дәліз өтетін шаршы залдан тұрады. Ғибадатхана қабырғалары өрнектеліп, рельефті жапсырмалармен безендірілген. Қаладағы жаңа зерттеулер қалалық ғибадатхананың шығыс бөлігінде, яғни ғибадаханалық кешеннің болжамды кіреберіс бөлігінде жүргізілді.

Түйін сөздер: Ташкент, Канка, Шаш, Сырдария, «ертўла», «тўла», «ўра», «тагхона», «синч»

© 2023 г. Кубаев С.Ш., Богомолов Г.И.

Surat Kubaev[1],
Gennady Bogomolov[1]
[1]National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

New Archaeological Research at Kanka Site
(based on the results of archaeological research in 2021-2022)

The settlement of Kanka is one of the largest urban centers on the right bank of the Syr Darya. The settlement consists of a citadel, three shakhristans as if inscribed into each other, each of which was surrounded on three sides by powerful defensive walls and a suburb of rabad. On the fourth side, their common border was the riverbank, along which a wall also ran. A significant object discovered during the excavations of shakhristan 1 is the city temple, which was a large monumental structure. The core of the temple complex was a square hall - surrounded by bypass corridors. The walls of the temple were decorated with paintings and relief moldings. New research in the settlement was carried out on the eastern part of the city temple, the supposed site of the entrance part of the temple complex.

Keywords: Tashkent, Kanka, Chach, Syrdarya, “ertula”, “tula”, “ura”, “taghona”, “sinch”

Археологические исследования городища Канка в 2021 г. проводились на первом шахристане, к востоку от храма огнепоклонников [Буряков, Богомолов 2009: 21–25]. Основная задача исследований – изучение городской застройки, в том числе в дальнейшем выявление инфраструктуры храмового комплекса. В результате раскопок выявлено несколько строительных горизонтов, отразивших сложную картину обживания этой части городища (рис. 1) [Кубаев, Богомолов и др. 2022].

Верхний строительный период представлен овальной формы сооружением и многочисленными хозяйственными ямами практически одинаковых размеров. Обычно такие остатки сооружения остаются от временных жилищ – юрт скотоводов. Большая часть ям сконцентрирована к югу, в непосредственной близости от жилища. Само место юрты имеет трапециевидную форму, размерами 4,05×2,7 м (в южной части) и 1,8 м в северной. В центре южной стенки был устроен вход-спуск, от которого сохранилась неширокая ступенька. Уровень пола жилища неровный, бугристый. С запада от входа прослеживается пятно розового цвета, слабый след обожженности, возможно, от недолго горевшего кострища. По находкам этот этап можно датировать XIV–XVI вв.

Застройка позднекараханидского периода. Как выяснилось при обустройстве места для юрты была срезана часть стены следующего подстилающего горизонта, строительные остатки которого сильно разрушены и сохранились на небольшую высоту (максимально до 30–40 см). Отчасти это объясняется невысоким качеством строительства, нередко использованы кирпичи и их половинки из более ранних конструкций. Можно предположить, что здесь функционировало не менее четырех домовладений. Лишь у одного из них, в центре, одно помещение вскрыто полностью, все остальные помещения или сохранились не полностью или уходят за пределы раскопа. В центральном помещении шириной 0,7 м, с сохранившейся высотой 34 см, вдоль северной стены расчищены три лунки от столбов, поддерживавших перекрытие. Помещения в восточной части раскопа сильно разрушены. В двух домовладениях, разделенных стеночкой, выявлены очажки, сложенные из жженых кирпичей и их половинок, установленных на ребро (рис. 2). От домовладения в северо-восточном углу сохранилось два помещения, разделенных стеночкой. Домовладение с юго-восточной стороны сильно разрушено.

В северном углу расчищено крупное горелое пятно, покрытое толстым слоем золы, мощностью почти 1,5 см. Ближе к юго-восточному углу выявлен напольный очажок, вытянутый по линии юго-запад- северо-восток. Размеры очажка 80 см ширина, длина совместно с подиумом составляет 1,18 м. Внутренняя часть очажка 45×40 см. Его северная часть, представленная подиумом, углублена

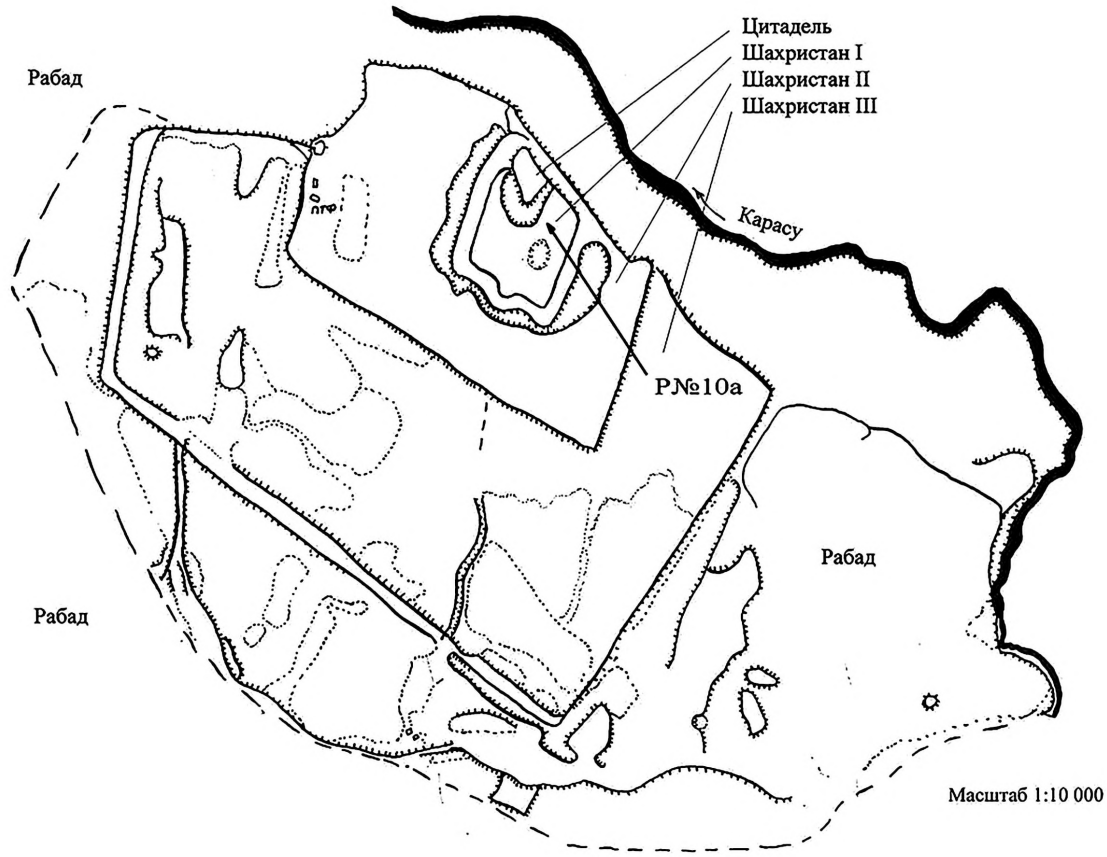

Рис. 1. План городища Канка
1-сур. Канка қаласының жоспары
Fig. 1. The plan of the Kanka urban site

на 4–6 см. Стенки выложены из жженого кирпича в две линии и образуют П-образную рамку-бортик. Последняя открытой частью примыкает к собственно очажку. Очажок выложен из сырцового кирпича и немного возвышается над подиумом. Внутренняя поверхность подиума была выложена жженым кирпичом плашмя, но сохранилась только ее северная часть. Причем боковые стенки бортика подиума разделены кирпичом-вставкой («бабочкой»), прием характерный для XII века. Видимо, с юга очажок примыкал к тонкой стенке-перегородке. Это удалось проследить на небольших участках, однако большая ее часть не сохранилась.

Третий строительный период. Новый строительный горизонт также представлен четырьмя домовладениями. В центре домовладение состояло из трех помещений. Это удалось выявить в процессе расчистки. С востока домовладение было ограничено пахсовой стеной, смежной с восточными домовладениями. Вдоль этой стены был устроен коридор, длиной 10,55 м, с северной домовладения уходивший части за пределы раскопа. По бокам коридор бы ограничен двумя линиями из жженых кирпичей, выложенных плашмя и стыковавшихся тычком (рис. 2). Пространство между ними занимала фигурная вымоска (выкладка углом). Размеры жжённых кирпичей 30×14×4 см, 29×14×4 см. В южной части к коридору (по всей своей ширине) примыкала прямоугольная комната размерами 4,65×2,7 м. Почти в центре, но ближе к южной стене был устроен тазар, стенки которого выложены из кирпича, поставленного на ребро. Причем внешний край этой выкладки обведен дополнительной линией из кирпича. Пол в помещении не ровный, покрыт кирпичной

Рис.2. Третий строительный период
2-сур. Үшінші құрылыс кезеңі
Fig. 2. The third period of building

вымосткой, с зафиксированным понижением в сторону тазара. Размеры жженых кирпичей вымостки 28×14×3 см, 30×14×3 см. Северная стена – довольно тонкая, шириной до 35 см. Местами ее кладка сохранилась до 3–4 рядов кирпичей. Размеры кирпичей стены помещения ?×20×4 см. Верхняя часть стены могла сооружаться с применением строительной техники «синч». К сожалению, в более поздний период кладка была нарушена устройством ямы. Соседнее помещение крупное, прямоугольной формы (2,95×4,8 м). Поверхность пола на 4–6 см выше уровня коридора. Пол – плотный, представляет собой монолитную пахсово-глиняную массу. В центре у южной стены сверху врезана крупная яма, частично разрушившая стенку. Вероятно, с востока помещение отделялось от коридора тонкой стенкой, но последняя не сохранилась. За северной стеной расчищена часть еще одного помещения, где выявлены остатки двух очагов. Рядом с одним расчищен почти целый керамический котел. Не исключено, что это хозяйственное помещение (кухня) имела выход в коридор и связана с центральным домовладением.

В восточной части раскопа также наметились остатки двух домовладений. В северной части раскопа (северо-восточная часть) расчищен узкий коридор, обрамленный стеночкой из сырца, сооружённой кладкой в один кирпич, с фигурной вымосткой из жженого кирпича на полу. Коридор продолжается в восточном направлении и упирается в стенку раскопа. В юго-восточной части раскопа выявлено третье домовладение. Оно представлено большой комнатой (или двором). На поверхности пола фиксируются остатки вымостки из жженого кирпича, орнаментированного косой сеткой, отдельные участки которой расчищены в юго-восточном углу раскопа. С юга помещение было ограничено узким коридором, вытянутым по линии запад-восток. Пол коридора был покрыт вымосткой из жженого кирпича. Основание стен выложено таким же кирпичам, состыкованным в ряд длинной стороной. Большая

часть вымостки оказалась разобранной еще в средневековый период. Материал, собранный с этого уровня, позволяет датировать его второй половиной XI – началом XII в.

Четвертый строительный период. Остатки четвертого горизонта выявлены на отдельных участках раскоп. В центре участка, под уровнем караханидских полов была обнаружена подсыпка грунта и нивелировка его лентами пахсы по всей поверхности, видимо, под строительство какого-то здания. После того как эти слои были удалены при расчистке, под ними почти в центре участка был обнаружен ступенчатый спуск в подземную камеру, вытянутую по линии запад-восток. Общая длина сооружения вместе с камерой составила 3,05 м (рис. 3). Сама камера почти прямоугольной формы 124х85 см и высотой 125 см. В камере устроены две ниши, на 42 см выше уровня дна камеры. Одна из них, напротив входа, шириной 30 см, высотой 22 см и глубиной 23 см. Вторая ниша шириной 70 см, глубиной 32 см и высотой 47 см, обустроена в северной стене камеры. Лаз-спуск – длиной 192 см. Ширина лаза в западной части составляет 40–44 см, а ближе к камере она расширяется до 88 см, ширина прохода в камеру – 65 см. В западном конце лаза устроен довольно крутой ступенчатый спуск из пяти ступенек, которые сильно истерты. От нижней ступеньки до входа в камеру – 110 см. Пол не ровный, а немного покат в сторону камеры. Пол в камере на 10 см ниже дна лаза. Необычно, что стенки лаза обложены блоками пахсы длиной 40-42 см, шириной 20 см и высотой 25 см. В камере были расчищены два кувшина, несколько фрагментированных сосудов и половинка распиленной надвое морской раковины, которая, видимо, служила для возлияний. На этом основании можно сделать вывод, что был обнаружен древний погреб, который судя по материалу сооружён в VII-VIII вв., но позже был забутован.

Таким образом новые археологические исследовании на шахристане I показали практически непрерывное обживание участка с эпохи раннего средневековья до конца XII века. Затем, вплоть до XIV–XVI вв. – период запустения.

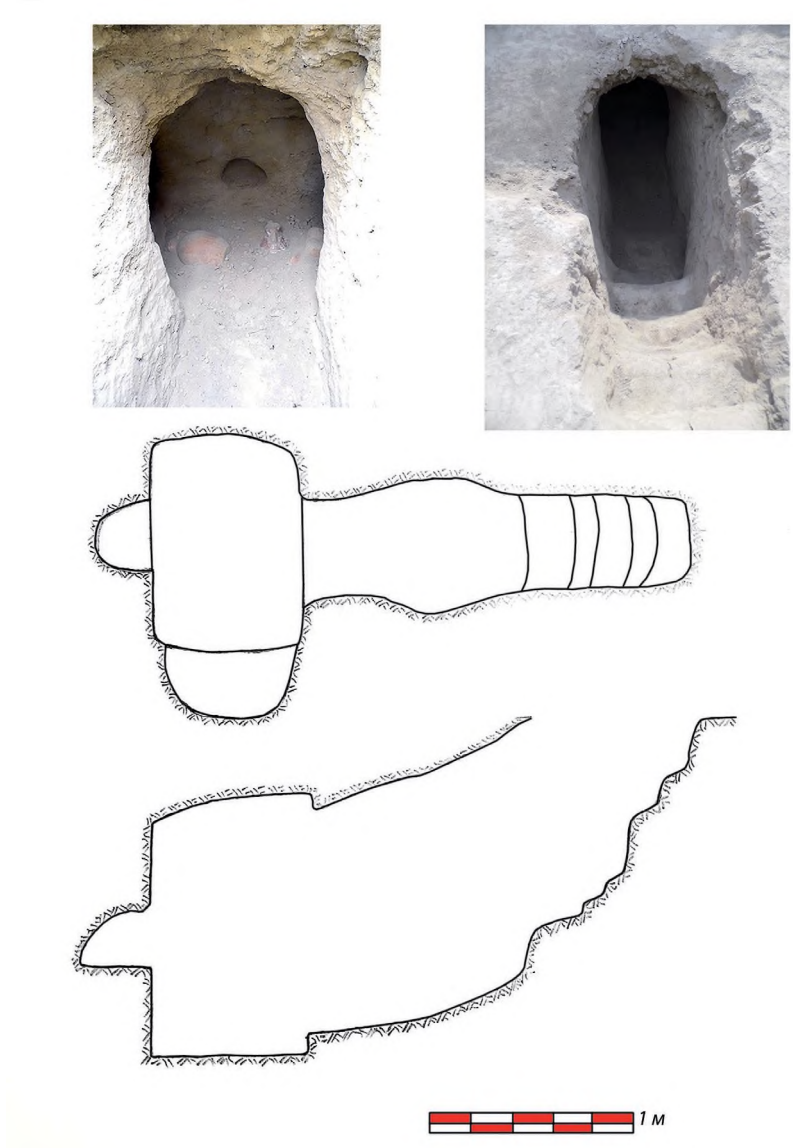

Рис. 3. Четвертый строительный период. Погреб
3-сур. Төртінші құрылыс кезеңі. Жертөле
Fig. 3. The fourth period of building. The cellar

Полученные материалы по способу возведения архитектурного сооружения дали интересные данные о быте людей, проживавших в тот период. В частности сооружались подземные камеры для хранения запасов продуктов, прохладительных напитков в жаркие летние дни (рис. 3). Такие сооружения для хранения можно встретить и сегодня в сельской местности Узбекистана, которые в народе называются «ертўла», «тўла», «ўра», «тагхона». Погреба также были изучены на памятниках Самарканда, Ферганы и Ташкентской области, датирующиеся начиная с конца VIII века, и плоть до 50-х годов XIX века [Лебедева 1986: 136–146]. Исходя из этого, на сегодняшней день погреб городища Канка можно считать самым ранним. В формах и строительных материалах эти сооружения также есть своеобразная преемственность традиций, а также новшеств в связи с развитием архитектуры. Например, если погреби памятников Афрасиаба и Ахсикета состояло из круглого помещения с куполообразным покрытием и хода, выкопанного в форме свода, то на памятнике Канки видим плоскую крышу [Анарбаев 2013: 75, 116, 145].

ЛИТЕРАТУРА

Анарбаев А. Ахсикет – столица древней Ферганы. Ташкент: Тафаккур, 2013. 538 с.

Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И. Канка // Археология Ташкентского оазиса. Ташкент, 2009. С. 21–25.

Кубаев С.Ш., Богомолов Г.И., Мамиров О., Мухаммадиев А., Мухторов Ғ., Исабеков Б. Археологические исследования Ташкентской комплексной экспедиции в 2021 году // Археологические исследования в Узбекистане 2021 год. Вып. 14. Ташкент: 2022. С.61–67.

Лебедева Т.И. О самаркандских тагхона // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 136–145.

REFERENCES

Anarbayev, A. 2013. *Ahsiket – stolitsa drevney Fergany (Akhsiket – the capital of ancient Ferghana).* Tashkent: “Tafakkur” Publ. (in Russian).

Buryakov, Y. F., Bogomolov, G. I. 2009. In: *Arheologiya Tashkentskogo oazisa (Archaeology of the Tashkent Oasis)*. Tashkent, 21–25 (in Russian).

Kubaev, S. Sh., Bogomolov, G. I., Mamirov, O., Mukhammadiev, A., Mukhtorov, G., Isabekov, B. 2022. In: *Arheologicheskiye issledovaniya v Uzbekistane 2021 god (Archaeological research in Uzbekistan 2021)*. Vol. 14. Tashkent, 14, 61–67 (in Uzbek, Russian, English).

Lebedeva, T. I. 1986. In: *Istoriya materialnoy kultury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan)*. Vol. 20. Tashkent: “Fan” Publ., 136–145 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 22.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.03.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.341.349

Айбек Тұраруұлы[1], aibek_tu@mail.ru,
Вячеслав Васильевич Плахов[1], vplakhov@yandex.ru
[1]«Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы,
Атырау қ., Қазақстан

Қарағайлы қонысындағы кесененің қазбасы*

Мақалада жаңадан анықталған Қарағайлы қонысындағы кесененің қазба жұмыстары туралы айтылған. Кесененің толық сипаттамасы, табылған жерлеу орындары мен жәдігерлер туралы баяндалып, қазбаның алдын-ала қорытындысы жасалған. Қарағайлы ескерткіші ортағасырлық Сарайшық қаласынан батысқа қарай 21 км жерде, қаладан батысқа қарай бағытталған керуен жолында кездесетін алғашқы ірі қоныс. 2022 жылы «Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының археологиялық экспедициясының барлау жұмыстары нәтижесінде анықталды. Ащысай (Солянка) өзені бойындағы құландылар туралы ең ерте дерек топограф, штабс капитан А.Е.Алексеевтің 1861 жылғы жолсапар жазбасында кездеседі. Қазіргі кезде Қарағайлы ескерткішіндегі алғашқы зерттеулер арқылы бұл аймақтың ертедегі тұрғындары туралы, шаруашылығы мен ғұрып, салты бойынша айтарлықтай материалдар жинақталды.

Түйін сөздер: кесене, ескерткіш, қазба, портал, жерлеу орны, кірпіш

Айбек Турарулы[1],
Вячеслав Васильевич Плахов[1]
[1]Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшық»,
г. Атырау, Казахстан

Раскопки мавзолея в поселении Карагайлы

В статье приводятся результаты исследования мавзолея, обнаруженного в ходе полевых иссдований поселения Карагайлы. В работе приводится подробное описание мавзолея, сведения о зафиксированных захоронениях и артефактах, даны предварительные итоги иссдедований. Памятник Карагайлы – первое крупное поселение, встречающееся на караванном пути, идущем в западном направлении от городища Сарайшык, и расположено в 21 км к западу от средневекового городища Сарайшык. В 2022 году памятник был обнаружен в результате археологической экспедиции Государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшық». Наиболее ранние сведения о развалинах на речке Ащысай (Солянка) можно найти в путевых заметках топографа, штабс-капитана А.Е. Алексеева за 1861 год. В настоящий момент благодаря первичным исследованиям памятника Карагайлы собран значительный материал о древних жителях этого края, их хозяйстве, обычаях и традициях.

Ключевые слова: мавзолей, памятник, раскопка, портал, захоронение, кирпич

© 2023 г. Тұраруұлы А., Плахов ВВ.
**Мақала Қазақстан Республикасының Мәдениет және спорт министрлігі Мәдениет комитетінің 2021–2023 жж. арналған №BR10164208 жобасы аясында дайындалды.*

Aibek Turaruly[1],
Vyacheslav Plakhov[1]
[1]»Sarayshik» state historical and cultural museum-reserve,
Atyrau, Kazakhstan

Mausoleum excavations in Karagayly settlement

The article mentions the work on the excavation of the mausoleum in the newly discovered settlements of Karagayly. A detailed description of the mausoleum is given, there is information about the discovered burials and artifacts, a brief preliminary conclusion of the excavation. The Karagayly monument is the first large settlement found on the caravan route going west from Sarayshyk. It is located 21 km west of the medieval settlement Sarayshyk. In 2022, it was discovered as a result of an archaeological expedition of the Saraishyk State Historical and Cultural Museum-Reserve. The earliest information about the ruins on the river Ashchysay (Solyanka) can be found in the travel notes of the topographer, staff captain A.E. Alekseev for 1861. At the moment, thanks to the primary research of the Karagayly monument, significant material has been collected about the ancient inhabitants of this region, about their economy, customs and traditions.

Keywords: mausoleum, monument, excavation, portal, burial, brick

«Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы Қазақстан Республикасының Мәдениет және спорт министрлігі Мәдениет комитетінің 2021–2023 жылдарға арналған «Қазақстанның батыс өңіріндегі алтынордалық қалалар, көне керуен жолдары және керуен-сарайлар: пәнаралық зерттеулер (XIII–XV ғғ.)» ғылыми жобасын іске асыру бойынша соңғы жылдары Жайық өзенінің төменгі сағасының оң жағынан 12 алтынордалық кезеңнің ескерткішін анықтады.

Ескерткіштер Сарайшықтан батысқа қарай бағытталған керуен жолдарын іздестіру нәтижесінде табылып отыр. Осы ескерткіштердің көлемі жағынан ең ірісі – Қарағайлы мекені. Ащысай өзенінің қазіргі кезде кеуіп қалған арнасы бойында, Қарағайлы деп аталатын жерде ірі археологиялық ескерткіш орналасқан. Ескерткіш Атырау облысы, Махамбет ауданы, Сарайшық ауылынан оңтүстік-батысқа 20 км, Таңдай ауылынан оңтүстікке 15 км жерде. GPS координаты: N 47° 24,544’; E 51° 29,187’.

Ескерткіште орналасқан барлық нысандарды есепке алғанда, оның жалпы аумағы 1000×1000 м шамасында. Ескерткіштің беткі қабатынан мыс тиындар, моншақтар, қызыл, сұр түсті керамика және сырлы қыш ыдыс, қалыпта жасалған қыш ыдыс сынықтары жиналып алынды (1-сур.). Мал сүйегі мен металл, шыны қалдықтары да беткі топырақта көп араласып жатыр. Ескерткіштің мәдени қабаты Ащысай өзенінің екі жақ жағалауында да бар. Және, одан бөлек батыс жағында 200×150 м аумақта қыш сынықтары, мал сүйегі, т.б. заттар шашылған. Нефриттен өңдеп жасалған 2 сәндік жапсырма табылды, ол жапсырмалар бұл жаққа сауда керуендері арқылы келген болса керек. Өзбек ханның атынан шығарылған бірнеше пұлдар бұл мекеннің сауда керуен жолында орналасқанын дәлелдейді. Металдан жасалған мөр басылған қалып та саудагерлерден қалған зат болса керек.

Табылған шығыр ыдысының сынықтары өзектен су шығарумен айналысқанын көрсетеді. Мүмкін, бақша өсірумен айналысқан болар. 2 қыш ыдыс тұтқасынан оны жасаған шебердің «айқыш» таңбасы анықталды. Сырлы қыш ыдыс сынықтарының оюөрнегін безендіру «резерв» әдісімен салынған.

Сонымен қатар осы арадан аз мөлшерде тас еңбек құралдары жаңқалары да кездесті. Уақыты XIV–XVI ғасырлар [Ахметова 2022: 44].

Ескерткіштің батыс жағында төбешік күйіндегі 4–5 ғимараттың орны байқалады. Оның біреуіне қазба салғанымызда қыш және саман кірпіштен тұрғызылған ғимарат қабырғасы ашылды.

Қазба жұмыстары нәтижесінде 6 жерлеу орны орналасқан екі бөлмелі кесененің іргетасы түріндегі сәулеттік мемориалдық кешен анықталды (2-сур.). Ғимарат солтүстік-оңтүстік бойымен бағыттас. Іргетас бойымен сыртқы өлшемдері: солтүстіктен оңтүстікке 11,45 м және батыс-шығыс бағытында 7,3 м болды. Портал оңтүстік жағында, бұрыштары пилястрмен жиектелген. Порталдан ішке кіргенде ішкі өлшемдері 4,8×2,4 м (БШ-СО) болатын зиярат ету бөлмесі орналасқан. Одан әрі қарай ішкі өлшемдері 4,8×4,8 м болатын көрхана бөлмесі бар. Оның төбесі күмбезді

1-сур. Кесене. Оңтүстіктен қарағандағы көрініс
Fig. 1. Mausoleum. View from the south
Рис. 1. Мавзолей. Вид с юга

жабылған болса керек. Бұл екі бөлме табалдырығы бар есік орны сақталған қабырғамен бөлініп тұр (3-сур.).

Кесене қабырғаларының қалыңдығы 1,20–1,25 м шамасында. Қабырғаның қыш кірпіштерден қаланған бірінші қабаты қалыңдығы 4–5 см тегістелген саз қабатының үстіне салынған. Жоғары қарай 8 қатарға дейін кірпіштер қаландысы бар, олар сұрғылт топырақты балшық ерітіндісімен бекітілген. Қабырға сауытты тас қалау (панцирная кладка) түрінде тұрғызылған: ішкі жағына күйдірілмеген саман кірпіштер қаланып, сыртқы беттерін қыш кірпішпен қаптап қалаған. Саман кірпіштің де, қыш кірпіштің де көлемі бірдей: 25×25×5 см. Бөлмелердің едендері де осындай қыш кірпіштен төселген.

Ғимарат қабырғаларының сыртқы жағы іргетас бөлігінде екі қатар саман кірпіштен жасалған төсенішпен қапталған. Кірпіштер сұр түсті, қалыңдығы 9 см, ұзындығы 37–39 см, бекіткіш балшық ерітіндісінің қалыңдығы 3 см [Ахметова 2022: 4].

Ғимарат үстіндегі құланды құрамы қыш және саман кірпіштердің сынықтары қоспасынан тұрады. Құланды қалыңдығы 60 см-ге дейін жеткен. Күйдірілген тұтас кірпіш табылған жоқ, қабырғалар мен күмбездің қыш кірпіштерін кейінгі кезеңдерде қайта қолдану мақсатында адамдар жинап алған.

Портал қабырғасында ені шамамен 1,9 м болатын зияратхана бөлмесіне кіретін есік орны болды. Портал қабырғаларының қалыңдығы 1,6 м. Қабырғаны сауытты тас қалау арқылы тұрғызған. Есік табанында қабырғаның 4 қатар қаландысы сақталған. Іргесінің ішкі жағы саман кірпіштен қаланған, олардың көлемі қыш кірпіштермен бірдей. Қабырғаның сыртқы беті қыш кірпіштен қаланған. Бекітілген саз балшық ерітіндінің қалыңдығы шамамен 1,5 см. Қабырғаның сырты төменгі үш қатары тұтас кірпіштерден қаланған болса, төртінші қатары жарты кірпіштен қаланған. Порталдың алдында ені 40 см болатын саман кірпіштен төсеніш орналасқан. Порталдың шығыс бөлігінің биіктігі 36–40 см, батыс бөлігінің биіктігі 30–35 см. Есік табанының биіктігі 25 см сақталған. Порталдың бұрыштары екі жағында да қыш кірпішті пилястрлармен нығайтылған. Пилястрлар ұзындығы 50 см, сыртқа қарай қабырғадан 5 см шығыңқы келген.

2-сур. Кесене. Қазбаның жоғарыдан түсірілген көрінісі
Fig. 2. Mausoleum. Top view of the excavation trench
Рис. 2. Мавзолей. Вид раскопа сверху

Зиярат ету бөлмесінде еденге төселген кірпіштің едәуір бөлігі алынып тасталған. Бастапқыда еден 1% ақ түсті бөлшектерді (гипс болуы мүмкін) қосу арқылы қалыңдығы 1,5–2 см топырақ қабатымен жабылған. Содан кейін бор немесе алебастрдың ақшыл қабатымен жабылған. Оның үстінде диаметрі 2–5 см болатын майлы күйе дақтары сақталған, бұл қандай да бір салт-дәстүрдің ізі болса керек. Еденге төселген кірпіштер негізінен алынып тасталған. Шығыс, солтүстік және оңтүстік жағында еденнің шағын бөліктері ғана сақталған.

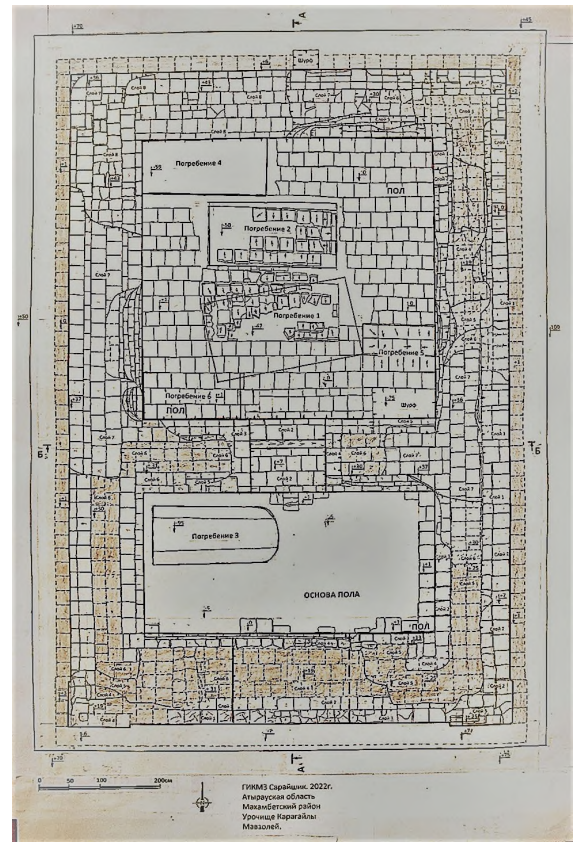
Солтүстік қабырға әдеттегідей сауытты қаланған, қалыңдығы 1,3 м. Шығыс және батыс жағында да 8 қатар кірпіш қаландысы сақталған. Зияратхананың солтүстік қабырғасында көрхана бөлмесіне қарай өтетін есік орны бар. Оның ені 1,2 м. Есік табалдырығының еденнен биіктігі 6 см. Есік орнының оңтүстік шетінен солтүстікке қарай 60 см жерде, ені 25 см, биіктігі 7 см болатын қырлы бөренеден жасалған табалдырықтың қалдығы сақталған. Бөрене ұштары қабырға ішіне 1,5 см еніп тұр.

Көрхананың солтүстік қабырғасы әдеттегідей сауытты қалау әдісімен салынған, яғни сыртқы беті қыш кірпіштерден, ортасына саман кірпіштер қаланған. Бірақ сегізінші кірпіш қатарынан бастап қабырғаға тек қана қыш кірпіштер қалана бастаған.

Кесененің шығыс қабырғасының қалыңдығы 1,25 м, сауытты қалау әдісімен салынған. Биіктігі 8 қатар қаландыға дейін сақталған. Кесененің батыс қабырғасы да дәл осындай.

Едені де 25×25×5 см болатын қыш кірпіштен төселген. Еденге төселген кірпіштердің жарты бөлігі алынып тасталған. Бастапқыда еден 1% ақ түсті бөлшектер қосылған қалыңдығы 1,5–2 см болатын сазды жабындымен тегістеліп жабылған, содан кейін оның үсті бор немесе алебастрдың ақшыл қабатымен жабылған.

№1 жерлеу орны. Көрхананың орталық бөлігінде

3-сур. Кесене сызбасы
Fig. 3. Plan of the mausoleum
Рис. 3. План мавзолея

4-сур. № 1 жерлеу орны
Fig. 4. Burial nr. 1
Рис. 4. Погребение № 1

№1 жерлеу орны орналасқан (4-сур.). Ғимараттың солтүстік қабырғасынан 3,2 м қашықтықта. Азимуты 195°.

Қабірүсті белгісінің ұзындығы 2,25 м, ені 1,1 м. Ортаңғы бөлігі еденнен 45 см төменге шөккен. Қабірүсті белгісі қыш кірпіштерден қаланған, кірпіштер көлемі 25×25×5 см, қызыл және сарғыш түсті қыш. Мастаба (құлпытас) өзінің бастапқы орнында екі сатылы төртбұрышты ұзынша платформа түріндегі кірпішпен қапталған бейіт болды. Қабірүсті белгісі үш сатылы келген төртбұрышты ұзынша тұғыр түрінде кірпішпен қаланып қойылған.

Қабірүсті белгісінің батыс іргесінде қалыңдығы 3–5 мм шамасындағы ақшыл саз қабатында қалыңдығы 5 мм-ге жететін майлы күйе қабаты жатқаны анықталды. Бұл дақтың өлшемі 40х40 см. Дақ қабірүсті белгісінен еден кірпіштерінің шетіне дейін созылған.

Қабірүсті белгісі құландысынан оның үш сатылы болғанын байқаймыз. Кең қаландының үстіне тарлау қаланды қою тәсілімен салынған. Қабір үсті белгісі қалыңдығы 2–3 см жасыл түсті саздан құйылған жабындыға тіреп салынған. Оның да бір бөлігі қабір шұңқыры топырағының шөгуі салдарынан төменге батып кеткен, бір бөлігі қабір шұңқырының қабырғаларына көлбеу түрде бекітіліп қалған.

Қабір шұңқыры 195° азимутта батыс-шығыс бағытында төртбұрыш пішінді жобада ашылды. Оның ұзындығы 2,6 м, ені 1,3 м. Қабырғалары тік келген. Еденнен 60 см тереңдікте шұңқырдың барлық жағында ені 30 см болатын сөре жасалған. Сөренің ұзындығы 37–40×26×9 см қара сазды саман кірпішті қалау есебінен жасанды түрде салған. Батыс және шығыс сөрелерде ені 4–5 см, биіктігі 2–3 см ағаш тақтайшалардың немесе бұтақтардың қалдықтары болды, олар шұңқырда жерленген мүрдені жауып тұрған. Тақтай-бұтақтар арасының қашықтығы 4–5 см. Тақтай қалдықтарының үстінде және сөрелердің үстінде тері-былғары жамылғының іздері байқалады. Сөре айналасы карбонаттарға қаныққан. Солтүстік және оңтүстік қабырғалардан 5–6 см қашықтықтан ұзындығы 27–28 см болатын ағаш қалдықтары мен оларды бекіткен темір шегелер табылды. Солтүстік қабырға жағында тақтай фрагменттерінің ішкі жағына қызыл күрең түсті матадан қалған іздер сақталған.

Қабір түбіндегі тақтайлар үзік-үзік күйінде сақталған, олар қабір осі бойымен жатыр. Қаңқада табыт қақпағының іздері жоқ, тері жамылғысының іздері ғана сақталған. Дегенмен, қаңқадағы карбонаттардың қанықтығы тақтай жабындысы болған мүмкіндікті көрсетіп тұр. Қабір шұңқырының түбі 60 см тереңдікте. Шұңқыр іші біртекті қоңыр түсті сазбен толтырылған.

Қабір шұңқырының түбінде оның осінің бойымен созылып, шамамен 30 жастағы ер адамның шалқасынан, басы батысқа қарағаң қаңқасы жатыр. Бас сүйегі сәл оңтүстікке бұрылып, жерге шүйдесімен орналасқан. Қаңқа кеуде қуысы біркелкі ашылған, омыртқа бағанасы 2 тәріздес иіле орналасқан. Төс сүйегі солтүстік жағына қарай сырғып кеткен. Оң қолының сүйектері денесінің бойымен қатар созылған, кеудесінен шынтаққа дейінгі ара қашықтық 12 см. Білек сүйегі қабір осінің бойымен бағыттас. Білек шыбығы орнынан ығысқан, қол басының сүйектері де орнынан жылжыған. Сол қолдың сүйектері де дененің бойымен қатар созылған, кеудеден шынтаққа дейінгі ара қашықтық 15 см. Білек сүйегі қабір осі

бойымен бағыттас, алақаны төмен қарап қалған. Жамбас сүйектері біркелкі ашық. Жерлеу кезінде оң аяғы дене осі бойымен созылып, басы сыртқа қарай қисайған. Табаны оңтүстік-шығысқа бағытталған. Сол аяқтың тізе тұсында оң аяқпен арақашықтық 40 см. Сол аяқтың басы сыртына қарағаң, тізеден төмен ішке қарай аздап қисайған. Сол аяқ табаны оң аяқ табанына қарай 35 см-ге дейін жақындап, шығыс бағытқа қараған. Сүйектің ұзындықтары: иық сүйегі 33 см, шынтақ сүйегі 26 см, сан сүйегі 45 см, асықты жілік 36 см.

№1 жерлеу орнындағы қабірүсті кірпіштерінің қөлемі 25х25 см, кесененің кірпіштерімен бірдей. Бұл кірпіштердің біркелкі болып келуі кесенедегі алғашқы жерленім деп есептеуге негіз бола алады. №2 жерлеу орны жерлеу реті бойынша екінші деп есептелді, өйткені қабірүсті кірпіштері көлемі жағынан да, күйдірілуі бойынша да әртүрлі топтамадан құралған.

№2 жерлеу орны. №1 жерлеу орнының солтүстік жағында, осінің бойымен 1,6 м ұзындықта орналасқан (5-сур.). Қабірүсті белгісінің ұзындығы 1,7 м, ені 0,9 м. Батыс бөлігі еденнен 50 см төмен шөгіп кеткен. Қыш кірпіштердің көлемі 24×24×5,5 см; 12,5×25×5 см; 25×26,5×5 см; 31×21×5 см; 22×22×5 см; 26,5×25×5 см; 23×22×5 см; 24×22×4 см. Кірпіштер қызыл, жасыл, сұр түсті боп келген. Қабірүсті белгісі екі сатылы төртбұрышты ұзынша платформалы кірпішпен қапталған мола төбешігі түрінде болды. Қабір белгісінің құландысынан оның үш сатылы болғанын байқауға болады. Кең қаланды үстіне тарлау қаландыны қалап орналастырған.

Қабір шұңқыры ашылғаннан кейінгі пішіні төртбұрышты, батыс-шығыс бағытында, азимуты 189°тең. Оның ұзындығы 2 м, ені 1,25 м. Қабырғалары тік келген. Шұңқыр ішіне 40 см тереңдікте ені 35 см болатын сөрелер жасалған. Сөрелер шұңқырдың оңтүстік және солтүстік жағында орналасқан. Сөрелер үстінде ені шамамен 8 см болатын көлденең тақтайлардың іздері сақталған. Тақтай-бұтақтар бір-бірінен 2–3 см қашықтықта орналасты. Олардың үстінде тері іздері және қамыс діңдерінің аздаған қалдықтары сақталған. Сөрелер үстінің топырағы карбонаттармен қанықкан.

Қабір шұңқыры түбінен солтүстік және оңтүстік қабырғалар бойынан табыт тақтайларының шіріген қалдықтары мен оларды ұстатқан темір шегелер табылды. Табылған шегелер саны 16. Кейбір тақтай сыныңының ішкі бетінде қызыл күрең түс айқын байқалады, шамасы мата қалдығының түсі сіңіп сақталып қалса керек.

Қабір түбіндегі тақтайлардың ешқайсы толық сақталмаған. Жерленген адам сүйегінде табыт қақпағының айқын іздері білінбейді, тек былғары жамылғысының іздері сақталған. Дегенмен, сүйектегі карбонаттың қанықтығы тақтай қақпақтың болғанына болжайды.

Қабір шұңқырының түбі сөре деңгейінен 60 см тереңдікте болды. Батыс шетінде шұңқыр түбінің ені 65 см болса, шығыс шетінде 50 см. Шұңқырға толтырылған топырақ біркелкі, қоңыр саздан тұрады.

5-сур. № 2 жерлеу орны
Fig. 5. Burial nr. 2
Рис. 5. Погребение № 2

6-сур. № 2 жерлеу орнындағы мата қалдығы
Fig. 6. The remains of the cloth from burial nr. 2
Рис. 6. Остатки ткани из погребения № 2

7-сур. Зертханада тазалағаннан кейінгі № 2 кебіннің фрагменті
Fig. 7. A fragment of clothing from burial nr. 2 after cleaning in the laboratory
Рис. 7. Фрагмент одежды из погребения № 2 после очистки в лаборатории

Қабір түбінде 20–25 жас шамасындағы әйел адамның сүйегі шалқасынан, басын батысқа қаратып қойылған. Ол қабірдің солтүстік қабырғасына қарай жақын жатыр. Сүйектің осі солтүстік қабырғадан 25 см қашықтықта болды. Бас сүйегі сол жақ қырымен, беті солтүстікке қаратылған. Кеуде қуысы біркелкі ашық. Омыртқа жотасы сәл Ƨ тәріздес иілген. Төс сүйегі омыртқаның үстінде жатыр. Қолдың иық сүйектері дененің осі бойымен қатар, кеудесіне жақын жатыр. Білек сүйектері жамбас сүйектерінің үстіне қарай бағытталған, қолдарының алақандары төменге қаратылған. Жамбас сүйегі біркелкі ашық, шат сүйегі ажыраған. Сол аяқтың сүйектері сыртқа қарағаң, қабір шұңқырының солтүстік қабырғасынан тақала жатыр. Тізесі көтеріңкі орналасқан. Табаны шығысқа қарағаң. Оң аяқ сол жақ аяқтың тізесіне түйіскен, тізесі 5 см-ге көтеріңкі орналасқан. Сирақтың сүйегі ішкі жағына қарай қарағаң. Табан сүйектері солтүстік-шығысқа қарай бағытталған.

Жерленген адамның аяғынан шығысқа қарай 20 см қашықтықта, қабірдің солтүстік-шығыс бұрышында қызыл түсті қыш құмыра табылды. Құмыраның ұстайтын тұтқасы лента тәріздес жасалған. Ыдыстың биіктігі 13,5 см, диаметрі 14 см. Құмыраның түбінің диаметрі 6,5 см болды. Ыдыстың пішіні жобасында ромб тәріздес келген. Мойнының биіктігі 2,5 см, ернеуі сыртына дөңгелене қайырылған. Ені 3 см лента тәріздес тұтқасы ернеуінен басталып құмыраның орта бөлігіне дейін жетеді. Құмыраның орта бөлігінде, иығында және мойнына жалғасар тұста айналдыра тік сызықты өрнектер ойылып салынған. Құмыраның түбі тегіс келген.

Сүйектің оң жақ иығында алтын жалатылған күміс жіпті матаның талшықты түйірі сақталып қалған (6, 7–сур.). Көлемі 5×4×3 см. Бас сүйегінің астында да осындай мата түйірі табылды.

№3 жерлеу орны. Ол зияратхананың солтүстік-батыс бұрышында орналасқан. Еденнің астындағы сазды жабындыдағы дақтан анықталды.

Шұңқырдың ұзындығы батыстан шығысқа 2,1 м-ге созылған, батыс шетінің ені 1,1 м, шығыс шетінде 0,97 м. Шұңқыр пішіні батыс шетінде тік келген болса, шығыс шеті аздап дөңгелене келген. Қабір шұңқырының қабырғалары тік келген.

Шұңқыр бетінен 40 см тереңдікте ені 25 см болатын сөре болғаны анықталды. Ол шұңқырдың оңтүстік

және солтүстік жақтарында жасалған. Олардың үстінде ені 5 см көлденең қойылған тақтайшалардың немесе шыбықтардың іздері сақталған. Шыбық-тақтайлар бір-бірінен 8 см қашықтықта орналасқан. Олардың үстінде былғарының іздері, ал былғары үстінде жерлеу осі бойымен салынған қамыс сабақтарының қалдығы сақталған. Сөре үсті карбо-наттармен қанықкан.

Шұңқырдың төменгі қабырғалары да тік келген. Қабір шұңқырының түбі зияратхана едені төсенішінен 90 см төменде орналасқан. Шұңқыр ішінің топырағы біркелкі қоңыр сазды келген, қыш кірпіш пен сұр шикі кірпіштің аздаған қосындысы бар.

Шұңқыр түбінде шамамен 20–25 жастағы шалқа-сымен жатқызылған басы батысқа қараған әйел адамның қаңқасы табылды. Бас сүйегі шұңқырдың батыс шетінен 45 см қашықтықта жатыр. Бас сүйегі жерге шүйдесімен орналасқан, беті оңтүстік-шығысқа қараған. Кеуде қуысы біркелкі ашылған. Омыртқа жотасы сәл ƨ тәріздес қисық. Сол қолының сүйектері денесінің бойымен жамбастың сыртына іргелес орналасқан. Алақаны қырынан сыртына қарағаң. Оң қолдың сүйектері де дәл осылай жатыр. Жамбас сүйектері біркелкі ашық, шаты бір-бірінен ажырағаң. Сол аяқтың сүйектері сыртқа қарап орналасқан. Аяқтың басы оңтүстік-шығысқа бағытталған. Оң аяқ сыртқы жағына қарай жартылай дөңестене келген, тізесі сәл бүгілген. Аяқтың басы шығысқа бағытталған және сол аяқтың табанымен ара қашықтығы 3 см.

Сүйектердің ұзындығы: иық сүйегі 27 см; шынтақ сүйек 21 см; сан сүйегі 38 см; сирақ сүйектері 33 см.

№4 жерлеу орны. Көрхананың солтүстік-батыс бұрышынан топырақтағы дақ бойынша анықталды. Ол батыс-шығыс бағытында орналасқан және ұзын жағымен зияратхананың солтүстік қабырғасына, ал батыс шеткі жағымен бөлменің батыс қабырғасына жапсарласып тұр. Шұңқыр өлшемі 2 х 1 м. Шұңқырды тазарту кезінде оның топырағы біртекті келген және қыш кірпіш пен шикі кірпіш сынықтары араласқан.

Еденнің сазды төсенішінен 35–40 см тереңдікте табыттың сүргіленген тақтайлары ашылды. Оның қалыңдығы 1,5 см, ұзындығы 1,8 м, табыттың батыс шетіндегі ені 80 см, шығыс шетінде 50 см болды. Табыттың қақпағы сынып опырылған, сынықтары шашылған. Табыт ішінде бас сүйек көрінді. Қабірді әрі қарай ашу ауа-райы қолайсыздығына байланысты, әрі маңызы аз деген себеппен тоқтатылды. Жерленім XX ғасырдың I-жартысына жатады.

№5 жерлеу орны. Одан әрі зерттеу барысында көрханадағы №1 жерлеу орнының шығыс жағы мен бөлменің шығыс қабырғасы арасынан анықталды. Бөлменің оңтүстік қабырғасынан батыс-шығыс осі бойымен 120 см қашықтықта орналасқан. Еден деңгейінен төмен шөгіп түсіп кеткен қыш кірпіштер аумағынан ашылды. Бұл бір қатар қыш кірпіштер бұрынғы еденнің төсеніші. Қатты шөккен орта тұсы 20 см төмен болды. Жерлеу орны аумағының өлшемі 1,20×0,80 м (БШ–СО). Қабір ішінен жас баланың сүйектері шыға бастады. Ауа-райының қолайсыздығынан жерлеу орнын әрі қарай қазу тоқтатылды. Шұңқыр іші сарғыш құмды саз топырақпен толтырылған.

№6 жерлеу орны. Көрхананың оңтүстік-батыс бұрышында топырақтағы дақтардың шекарасы бойынша анықталды. Шұңқыр топырағында қыш кірпіштер сынықтары мен аздаған саман кірпіштердің фрагменттері шашылған, әрі барынша тығыз орналасқан. Ол батыс-шығыс бағытында орналасқан және ұзын жағымен көрхананың оңтүстік қабырғасына, ал енімен бөлменің батыс қабырғасына жапсарлас. Шұңқырды тазарту кезінде топырағы біртекті болды және саман кірпіштің аздаған фрагменттері мен қыш кірпіштің фрагменттерінің қосылысынан тұрады. Бұл еденнің сазды төсенішінен 60 см тереңдікке дейін байқалады. Бұл жерлеу орнының үстіндегі еден басқа жерлеу орны үстіндегідей шөгіп кетпеген. Жерлеу орнын одан әрі зерттеу жұмыстары ауа райы қолайсыздығына байланысты тоқтатылды.

Қорытынды: Алтын Орда мемлекетінде ислам дінінің өркен жаюына байланысты кесенелер салу кеңінен таралған. Бұл кесене әзірге Атырау облысы аумағында зерттеуге алынған бірден-бір кесене болып табылады. Бұған дейін негізінен Сарайшықта ноғай-қазақ кезеңіне жататын отбасылық сағаналар зерттелген болатын. Ал кесенелерге, ондағы жерлеу орындарына зерттеулер қазіргі кезге дейін жүргізілмеген.

Қабырғаның ішін саман кірпішпен қалап, сыртын қыш кірпішпен қаптау, яғни, сауытты қалау тәсілі, қабір шұңқыры үстін шыбық-бұта сабақтарымен жабу, былғары, қамыс жабынды қолдану тәсілі кесененің уақытын мерзімдеуге негіз бола алады деп ойлаймыз.

ӘДЕБИЕТ

Ахметова У. «Қазақстанның батыс өңіріндегі алтынордалық қалалар, көне керуен жолдары және керуен-сарайлар: пәнаралық зерттеулер (XIII–XV ғғ.) ғылыми жобаның 2022 жылға арналған жылдық есебі». Сарайшық, 2022. 191 б.

Ахметова У. Научный отчет об археологических работах по теме «Исследование средневекового мавзолея в местности Карагайлы». Сарайшык, 2022. 59 с.

REFERENCES

Akhmetova, U. 2022. *Kazakstannyn batys onirindegi altynordalyq qalalar, kone keruen joldary jane keruen-sarailar: panaralık zertteuler (XIII–XV gg.) gylymi jobanyn 2022 jylga arnalgan jyldık esebi (Golden Horde Cities, Ancient Trade Routes, and Caravanserais in the Western Region of Kazakhstan: Interdisciplinary Research (13th–15th centuries*). Saraishyk (in Kazakh).

Akhmetova, U. 2022. *Nauchnyi otchet ob arheologicheskih rabotah po teme "Issledovanie srednevekovogo mavzoleya v mestnosti Karagaily" (Scientific report on archaeological work on the Topic "Investigation of a medieval mausoleum in the Karagaily area"). Saraishyk (in Russian).*

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 29.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

А.А. Тажекеев
Р.Т. Дарменов
Ж.К. Султанжанов
С.У. Билалов
Г.Т. Амиргалина
Ы.С. Курманиязов

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.350.363

Азилхан Ауезханулы Тажекеев[1], a.tazhekeyev@gmail.com,
Рустем Турарбекович Дарменов[2], darmenov_rustem@mail.ru,
Жетесби Канапияевич Султанжанов[1], zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru,
Сейдали Умиртаевич Билалов[1], seidaly.bilalov@mail.ru,
Гульмира Темирболатовна Амиргалина[1], amirgalina81@mail.ru,
Ыслам Серикович Курманиязов[1], egypet.993@mail.ru
[1]Кызылординский университет им. Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан;
[2]Национальный музей Республики Казахстан,
г. Астана, Казахстан

Предварительные итоги полевых работ на городище Джанкент в 2022 г.*

Данные научные исследования являются продолжением ежегодных археологических работ, которые с 2015 г. выполняются сотрудниками научного центра археологии и этнографии Кызылординского университета имени Коркыт Ата при финансировании акимата Кызылординской области. В статье сообщаются предварительные результаты полевых работ 2022 г., сосредоточенных на трех основных объектах средневекового городища Жанкент: раскоп № 1 – жилой квартал в восточной части городища; раскоп № 2 – западняя крепостная стена цитадели; раскоп № 7 – главные въездные ворота на восточной обводной стене городища. Дополнительный отряд провел профилактическую консервацию на открытых архитектурных конструкциях раскопов № 1 и № 2. Также отдельно представлен краткий обзор анализа археологического материала за текущий полевой сезон.

Ключевые слова: археология, Приаралье, огузы, Жанкент, раскопки, керамика, орнамент

Әзілхан Әуезханұлы Тәжекеев[1],
Рустем Тұрарбекұлы Дарменов[2],
Жетесби Қанапияұлы Сұлтанжанов[1],
Сейдәлі Өміртайұлы Біләлов[1],
Гүлмира Темірболатқызы Әмірғалина[1],
Ыслам Серікұлы Құрманиязов[1]

© 2023 г. Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К., Билалов С.У., Амиргалина Г.Т., Курманиязов Ы.С.
**НИР выполнена согласно договору №44 от 04.04.2022 г. между КГУ «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области» управления культуры, архивов и документации Кызылординской области» и НАО «Кызылординский университет им. Коркыт Ата»*

[1]Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан;
[2]Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі, Астана қ., Қазақстан

Жанкент қаласындағы 2022 ж. жүргізілген далалық зерттеу жұмыстарының алдын-ала нәтижелері

Бұл ғылыми зерттеу Қызылорда облысы әкімдігінің қаржыландыруымен Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің Археология және этнография ғылыми орталығының қызметкерлері 2015 ж. бастап тұрақты түрде жүргізілген археологиялық жұмыстардың жалғасы болып табылады. Мақалада 2022 ж. далалық маусымында ортағасырлық Жанкент қаласының негізгі үш нысанында жүргізілген зерттеулердің алдын-ала нәтижелері баяндалады. Негізгі нысандар қатарына №1 қазба – қаланың шығыс бөлігіндегі тұрғын үй кешені; №2 қазба – цитадельдің батыс бекініс қабырғасы; №7 қазба – қаланың шығыс қабырғасындағы негізгі кіру қақпалары жатады. Консервациялық топ №1 және №2 қазба аумақтарында қазба барысында ашылған архитектуралық құрылыстарды қорғау мақсатында профилактикалық тұмшалау жүргізді. Ағымдағы далалық зерттеу маусымында табылған археологиялық материалды талдаудың қысқаша шолуы да бөлек ұсынылған.

Түйін сөздер: археология, Арал маңы, оғыздар, Жанкент, қазбалар, керамика, ою-өрнек

Azilkhan Tazhekeyev[1],
Rustem Darmenov[2],
Zhetesbi Sultanzhanov[1],
Seidali Bilalov[1],
Gulmira Amirgalina[1],
Yslam Kurmaniyazov[1]
[1]Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan;
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Preliminary results of field work on the Zhankent settlement in 2022

This research is a continuation of archaeological work, which since 2015 has been carried out annually by the researchers of the Scientific Center of Archaeology and Ethnography of the Korkyt Ata Kyzylorda University with funding from the Akimat of the Kyzylorda region. The article reports the preliminary results of fieldwork in 2022, where scientific research was conducted on three main objects of the medieval settlement of Zhankent: excavation No. 1 – a residential quarter in the eastern part of the settlement; excavation No. 2 – the western fortress wall of the citadel; excavation No. 7 – the main entrance gate on the eastern bypass wall of the settlement. An additional detachment carried out preventive conservation on the open architectural structures of excavation sites No. 1 and No. 2. A brief overview of the analysis of archaeological material for the current field season is also presented separately.

Keywords: archaeology, Aral Sea region, Oghuz, Zhankent, excavations, ceramics, ornament

Городище Жанкент расположено в 1,5 км южнее от одноименного аула (Казалинский, Кызылординская область) в левом берегу Сырдарьи. Первые археологические исследования на месте Жанкента начались во второй половине 19 века, но специалистами они не проводились. Интерес к памятнику вновь возрос в 1940-е годы, теперь уже со стороны участников Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова [Толстов 1947; 1962]. Их работа носила лишь обзорный характер, но очень важна по своим результатам.

С 2005 г. археологические исследования в Джанкенте возобновила совместная казахстанско-российская экспедиция, с 2011 года казахстанско-российско-немецкая экспедиция, работа которой продолжается и по сей день [Arzhantseva et all 2012;

Аржанцева и др. 2019; Билалов, Тажекеев, Дарменов 2018; Билалов и др. 2021; Комплексные … 2014; Тәжекеев, Султанжанов 2022].

В 2022 г. в рамках НИР на территории Жанкента велись научные изыскания на трех основных объектах: раскоп №1 – жилой квартал в восточной части городища; раскоп №2 – западняя крепостная стена цитадели; раскоп №7 – главные въездные ворота на восточной обводной стене городища. Отдельный отряд провел профилактическую консервацию на участках раскопок №1 и №2.

Работы на раскопе №1 (далее Р1).

Основные работы на жилом квартале (Р1) были направлены на выявление стратиграфии и ранней планировки в его северо-восточной части с выходом на улицу. Как показали предыдущие работы, верхний строительный горизонт Р1 имел два периода существования. В это время планиграфия в пределах Р1 не изменялась. В верхнем строительном периоде здесь были дома с одно- или двух-трехкомнатными жилыми помещениями. Стены сложены из сырцового кирпича размерами 31,5×21,5×6 см и 20,7×22×5 см. В нижних строительных горизонтах размеры кирпичей расширились до 40-39×21–20×7–6 см.

В полевом сезоне 2022 г. было вскрыто пересечение улиц. В площадь раскопа попали несколько сохранившихся жилых помещений, стен айванов и улица, которая в ходе археологических работ, была частично засыпана отвалами, образованными в результате предыдущих археологических работ. Толщина подсыпки местами равна 0,5 м, а иногда доходит до 1–2 м. Улицы ориентированы по линии

Рис. 1. Городище Жанкент. Вид с высоты птичего полета участка Р1
1-сур. Жанкент қаласы. Р1 учаскесінің биіктен қарағандағы көрінісі
Fig. 1. The Zhankent urban site. Aerial view of section P1

север-юг (основная) и восток-запад. Вскрыта не полностью. Расчищена площадь несколько жилых помещений жилого квартала.

В этом полевом сезоне вскрыто семь жилых помещений, разных размеров и назначений. Среди них пять жилых (№ 26, 68, 69, 70, 71) и 1 подсобное (№27) помещений, также 1 айван (?) (№28) (рис. 1).

После окончания археологических работ все архитектурные элементы были законсервированы.

Археологические работы предыдущих лет на городище Жанкент позволили выявить, что на протяжении VIII-IX вв. формировалась жилая ячейка, зафиксированная в городской жилой застройке на раскопе № 1. Было выявлено, что архитектурный тип жилищ с городища Жанкент восходит к наиболее традиционным архаичным типам в среднеазиатской городской архитектуре. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Он обусловлен крепостным характером городища Жанкент. Основная жилая ячейка в простейшем случае – это отапливаемая комната с айваном (или передней комнатой). В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, во всех случаях следуя единому «*традиционному типу*». Обычно была трехкамерная постройка; вход с улицы вел в просторное хозяйственное помещение, из нее дверь вела в единственную жилую комнату (*үй*), в которой размещалась вся семья, комната соединялась дверью с кладовой (*түйнек*). В центре жилой комнаты имеются однотипные очаги, они представляли собой прямоугольные открытые площадки, ограниченные со всех сторон невысокими бортиками, сделанных из половинок, разрезанных вдоль сырцов. Конструкция данных очагов известна в Средней Азии и Хорезме еще с последних веков до н.э. и они были распространены в средневековье повсеместно [Воронина 1963: 87–92; Неразик 1966: 75]. Очаги использовались как для отопления, так и для ритуальных нужд [Вишневская, Рапопорт 1979]. С северной стороны вплотную к очагам были приставлены керамические очажные подставки в виде протом баранов (қошқар), развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе.

Отдельные звенья истории этого жилища в дальнейшем прослеживаются в разное время в Отраре XII–XVI вв. [Акишев и др. 1982: 121–136] и по этнографическим материалам [Жилин 1982: 137–164].

Также имеются близкие параллели с планиграфией сельских поселений горного Согда. Так, в раскопанной нижней части холма поселения Гирдани Хисор, где были расчищены четыре улицы для рядовых жителей, просматриваются схожие принципы в организации жилого пространства [Якубов 1998].

В дальнейшем такая застройка сохранилась в XVI в., судя по соответствующему горизонту на городище Отрар. Крупные жилые массивы со сплошной застройкой рассекают магистральные улицы, параллельно главной артерии города – дороге соединяющей городские ворота. Со стороны магистральных улиц и внутри жилых массивов кварталы, как правило, окружены глухими стенами, дома имели индивидуальный выход на внутриквартальную улицу. Квартал имеет четкие границы и правильно спланированные дома, внутри квартала предусматриваются симметрично расположенные на одной оси – парные ансамбли зданий. Квартал четко оконтуривается глухими стенами внутри жилых массивов и связан внутриквартальной улицей дверными проемами и площадью-двором [Акишев, Байпаков, Ерзакович 1982: 121–136].

Работы на раскопе № 2 (далее Р2).

Территория раскопа № 2 была расширена к югу, где был открыт участок между башнями № 6 и 7, и сама башня № 7 (рис. 2).

Необходимо отметить, что в ходе полевых работ в 2012–2021 гг. были получены новые данные о планировке цитадели Жанкента и характере культурных напластований вокруг нее. На северной обводной стене цитадели с внешней стороны северо-восточного угла расчищены полукруглые в плане оборонительные башни №№ 1-6. Диаметр башен составляет 7–8 м, сохранившаяся высота от 40 до 65 см. Блоки пахсы, которыми облицована башня, размерами 67×70×40 см (около стены). Из таких же блоков сложена верхняя часть практически всех стен, обнаруженных в верхней части раскопа. Размеры этих блоков примерно такие же, как и на башне, варианты размеров: 70×70×? см; 75×50×? см; 66×74×60 см (высота); ширина блоков от 64 до 80 см [Комплексные .... 2014: 16–27].

В целом, башни представляли собой мощные оборонительные постройки, большой прочности и вышины, с открытой платформой наверху, увен-

Рис. 2. Городище Жанкент. Вид с высоты птичего полета участка Р2
2-сур. Жанкент қаласы. Р2 учаскесінің биіктен қарағандағы көрінісі
Fig. 2. The Zhankent urban site. Aerial view of section P2

чанной зубчатым (?) парапетом. По форме (в плане) башни были: полукруглые и располагались одна от другой на расстоянии, не превосходящем дальности полета стрелы (50 шагов).

Открытая в 2022 г. башня №7 имеет хорошую сохранность. Ее диаметр составляет 7 м, высота – 1–2 м. Расстояние между башнями № 6 и 7 – 15 м. Глубина башни выявлена на отметке -73 см от репера (далее ▼).

Работы на раскопе №7 (далее Р7).

На участке Р7 археологические исследования были продолжены на месте главных ворот (восточные) городища. Р7 здесь был заложен еще в 2018 г, где был вскрыт внешний фас оборонительной стены, выложенной из пахсовых блоков. Высота сохранившейся части стены из пахсовых блоков состаялет 240–250 см.

В 2018 г. была вскрыта большая часть ранней башни, выложенной из сырцовых кирпичей размерами 30×30×6,5 см. Однако в 2020 г. было обнаружено, что основание данной башни выложено из твердых пахсовых блоков.

Также в полевом сезоне 2020 г. на глубине -350 см от ▼ была вскрыта часть ранней обводной стены длиной более 14 м, ширина в верхней части стены достигает 1,5 – 2 м, высота сохранившейся части стены чуть больше 1 м.

В 2021 г. основные работы проводились в прирезке, заложенной с восточной стороны размером 10×16 м. Прирезка к Р7 была заложена в границах кв. 104-100/93-86 Р7, где от северной фланкирующей башни восточных ворот тянется вал высотой около 1,5 – 1,8 м длиной до 20 м на юго-восток. Данное возвышение (вал) предположительно яв-

ляется остатками стены, закрывающей с северной стороны въезд в городище, также с южной стороны въезда от южной фланкирующей выносной башни визуально наблюдается возвышение аналогичных размеров направлением на северо-восток.

До начало археологических работ остатки вышеописанного строения предполагались как часть предвратного сооружения, которая была опорой моста через ров окружавшее городище.

На вскрытом участке выявлена стена, сложенная из пахсовых блоков. Блоки сильно «пострадали» от природных осадков. Глинобитная стена начала проявляться на глубине -320, -325 см от ▼ (25–30 см от дневной поверхности).

Длина вскрытой части стены достигает до 19–20 м. Сохранность стены удовлетворительная. Высота стены сохранилась от 1,0 до 1,4 м. Высота пахсовых блоков 50–60 см. Выложенная от северной фланкирующей башни ворот, стена тянется от башни под углом 35˚– 40˚ на юго-восток примерно 17–17,5 м, затем поворачивает на юг (еще 45˚) и продолжается в виде башни фланкирующий проход диаметром около 6 м. Далее расположена точно такая же башня на конце стены, идущей от южной фланкирующей башни. Ширина прохода составляет 4–4,5 м.

Толщина стены у основания достигает 400–420 см и сужаясь к верху составляет 230–240 см. Высота вскрытой части стены с внешней стороны составляет 160–170 см, и с внутренней стороны 110–130 см.

В полевом сезоне 2022 г. было принято решение вскрыть оставшуюся часть вышеописанной стены, также заложить раскоп на противоположенном валу, который тянется от южной фланкирующей башни. Прирезка к Р7 была заложена на восточном конце вскрытой стены и охватила входной проем, где две оборонительные дугообразно сложенные стены смыкались в восточном конце, образуя входной проем.

В ходе дальнейших археологических работ обнаружено, что в концах фланкирующих стен были выложены небольшие башни диаметром 7–8 м.

Таким образом, входной проем в предвратное пространство дополнительно фланкировался двумя башнями. Высота стен сохранилась такая же 1,5–1,7 м. Ширину измерить не получается, так как стены вскрыты частично и внешние контуры уходят под бровки раскопа. Однако они имеют ширину не менее 1,6–2,0 м. Диаметр северной башни составляет 7 м, южной 6,5 м, высота обоих сохранилась на 1,1–1,2 м. Сохранность дополнительных башен плохая, пахсовые блоки сильно потревожены природными осадками, а также местным населением аула Жанкент. Местные жители проезжали на свои подсобные хозяйства через городище, в том числе и через восточные ворота. Не смотря на плохую сохранность стен, можно реконструировать общую планировку предвратного сооружения. Две дугообразные стены выложены на неподготовленный грунт, однако, основания всех оборонительных стен городища Жанкент были предварительно подготовлены. Как показали естественнонаучные исследования (малоглубинная геофизика), под стенами городища уложена плотно утрамбованная глиняная платформа высотой не менее 2–3 м и шириной от 20 до 30 м. [Комплексные .... 2014]. Такая методика строительства обеспечивала устойчивую конструкцию во время осенне-весеннего половодья. Вскрытые фрагменты фланкирующих стен показали, что они были выложены на материковый грунт без предварительной подготовки. Кроме того, пахсовые блоки в стене не очень плотно утрамбованы и сильно крошатся, поэтому точных размеров блоков зафиксировать не удалось. Тянущиеся от двух фланкирующих башен стены охватывают площадь до 550–600 м² перед основными воротами, создавая, таким образом, дополнительный оборонительный рубеж. Однако высота дополнительных стен гораздо ниже основных стен городища, они сохранились не более 1,5–2 м от дневной поверхности окружающего ландшафта, тогда как основные стены возвышаются до 8–9 м. Возможно, данное сооружение было построено для подъемного подвесного моста через ров, окружавший городище, но данную гипотезу нужно уточнять, раскопав часть рва перед воротами. Ширина прохода между дополнительными башнями составляет около 5 м. Прямо при входе в предвратное пространство на глубине -468 см от основного репера была обнаружена небольшая выкладка из обломков жженых кирпичей. Точно такая же выкладка была обнаружена прямо перед входом в городище в кв. 101/107. Возможно, фрагментарно обнаруженные выкладки указывают, что все предвратное пространство было выложено жженными кирпичами, однако подтверждающих материалов не зафиксировано. Размеры кирпичей стандартны для периода бытования памятника 24×14×5, 31×15×5 см. Сам проход

Рис. 3. Городище Жанкент. Вид с высоты птичего полета участка Р7
3-сур. Жанкент қаласы. Р7 учаскесінің биіктен қарағандағы көрінісі
Fig. 3. The Zhankent urban site. Aerial view of section P7

расположен в 25 м от основного прохода в городище и располагается ниже на 150–180 см. Глубина, зафиксированная в основном проходе -284 см от ▼, в дополнительном проходе она равна -490 см от ▼. То есть проходящие, поднимаясь вверх, взбирались на холм (вал стены) и опускались дальше, проходя в город. Основной проход и стены расположены выше окружающей поверхности на 4–5 м, от поверхности внутри городища на 2–3 м. Это связано с обеспечением безопасности во время осеннее-весенних половодий. Древние строители проектировали стены от фланкирующих башен для того чтобы проход в город был с одного места. Таким образом, входящие в город проходят через проем, образованный стенами, идущими от башен. Далее упираются в стену – щит, затем поворачивают на право, огибая стену-щит с северной стороны, проходят в узкий коридор между стеной-щитом и восточной обводной стеной, в это время входящие, если это неприятель, как бы открывают правые не защищенные щитом бока, которые удобно обстреливать сверху стен.

Таким образом, в ходе археологических работ на Р7 была выявлена поздняя оборонительная стены и башни, которые фланкировали главные ворота городища (рис. 3).

Стены была выложена из пахсовых блоков высотой от 45 до 60 см, высота стен сохранилась от 1,1 до 1,7 м. Ширина стены у основания составляет 400–420 см, сужаясь к верху, составляет 250–260 см. Общая длина вскрытого участка стены достигает 22 м. На внешних концах стен располагались небольшие башни, диаметром 7–7,5 м, которые фланкировали проход, образованный на конце дуги. Вскрытые стены не являются частью обводных стен,

хотя технология и методы строительства очень схожи с строительной методикой внешних обводных стен городища. Вскрытые участки стен начинаются от северной и южной башни, фланкировавших главные ворота города, и тянутся в восточном направлении, образуя большую дугу, на концах которой выложены башни, защищающие входной проем. Две противоположенные стены образуют замкнутое пространство размерами 35×32 м перед главными въездными воротами. Проход находился в восточном конце образованного полукруга. Получается, что противник не смог бы атаковать ворота со всех возможных сторон, а только напрямую через проход в восточном конце сооружения. Примененный таким образом строительный прием не встречается в других средневековых городищах низовьев Сырдарьи. Возможно, вышеописанная строительная методика привнесена из вне. Скорее всего, заимствован от южных регионов Средней Азии (возможно, от хорезмийцев). Аналогию данному методу можно проследить в античных и средневековых памятниках Хорезма и Согда [Толстов 1962].

Археологические работы были остановлены на глубине -470 см от ▼ и будут продолжены в следующих полевых сезонах.

Анализ археологического материала за полевой сезон 2022 года. Основной археологический материал был обнаружен в жилом квартале (Р1). Находки здесь зафиксированы в ходе расчистки первого и второго строительного горизонтов в помещениях 27, 28, 68, 69 (рис. 4). В помещении 28 были выявлены две хозяйственные ямы.

Найденный археологический материал состоит не только из керамики, но и из изделий керамики, металла, стекла и камня. В полевых условиях была осуществлена фиксация находок, затем их сбор. Металлические находки прошли сухую очистку и прошифрованы. Стеклянные и каменные находки промыты и прошифрованы.

Наибольшее количество археологического материала составила керамика. Обнаружено 1021 единицы керамики, как фрагментов, так и целых изделий вместе взятых. Из этой коллекции 84,04% керамики изготовлено ручной лепкой, 15,96% – керамика, сформованная на гончарном круге.

Категории керамики представлены теми же изделиями, что и встречались ранее на городище. Это кухонная посуда – кухонные горшки, кухонные крышки, корыта. Значимое количество фрагментов сковород или жаровен обнаружено в помещениях 28 и 68.

Часто встречаемыми были фрагменты тандыров.

Меньше чем в предыдущие годы найдено столовой посуды. Редко встречены фрагменты столовых кружек I типа [Комплексные ... 2014: 194–195], также очень мало кружек II типа, цилиндрической формы [Комплексные ... 2014]. Выявлены единичные образцы фрагментов столовых мисок.

Из тарной посуды найдено много фрагментов ойнахоидных кувшинов. Превалирует количество фрагментов хумов, найденных в нынешнем полевом сезоне.

Фрагментов очажных подставок немного. Других видов бытовых изделий в помещениях 27, 28, 68, 69 не найдено. Среди предметов быта часто и массово встречаемыми на Жанкенте являются светильники. Однако в верхних слоях указанных помещений светильники не фиксируются.

Состав формовочной массы керамики ручной лепки зависит от категории изделия. Так в составе кухонной посуды, сковород, тандыров прослеживается высокоожелезненная глина с примесью шамота, органики, реже песка. Количество примесей в этих изделиях довольно высокое. В обработке поверхностей изделий можно проследить лощение, обмазку сырой глиной. На внешней поверхности кухонных крышек и горшков, сковород, тандыров, очажных подставок имеется резной растительный, геометрический или штампованный орнамент в различных сочетаниях.

В составе столовой и тарной посуды также прослеживается высокоожелезненная глина, с примесями песка, шамота, сухой глины, извести и органики. Количество примесей значительно меньше, чем в кухонных изделиях. Поверхность столовых и тарных изделий ангобированна, лощена. На внешней поверхности столовой посуды имеется резной и штампованный орнамент.

Керамика, сформованная на гончарном круге, отличается от лепной высоким качеством изготовления. В составе формовочной массы такой посуды присутствует качественная глина, с небольшими примесями органики и мелкозернистого песка. Гончарная посуда представлена в основном столовыми кружками и кувшинами, амфорами и дигирными сосудами.

Из общей коллекции археологического материала отобраны индивидуальные находки. Их

Рис. 4. Городище Жанкент. Археологические материалы полевого сезона 2022 г.:
1, 2 – крышка; 3 – пряслице; 4 – Горловина ойнахоидного кувшина; 5 – кувшин; 6 – кружка;
7 – фрагмент очажной подставки; 8 – столовая кружка; 9 – пастовая бусина; 10, 11 – стеклянная бусина;
12 – чаша сферической формы

4-сур. Жанкент қаласы. 2022 жылғы далалық маусымның археологиялық материалдары: 1, 2 – қақпақтар;
3 – ұршық бас; 4 – ойнахоид құмыраның мойны; 5 – құмыра; 6 – саптыаяқ; 7 – ошақ тағанының фрагменті;
8 – асүй саптыаяғы; 9 – паста моншақ; 10, 11 – әйнек моншақтар; 12 – сфера тәрізді тостаған

Fig. 4. The Zhankent urban site. Archaeological materials of the 2022 field season: 1, 2 – lids; 3 – spindle whorle;
4 – neck of the jug of Oynakhoy type; 5 – jug; 6 – mug; 7 – fragment of a hearth stand; 8 – dining mug; 9 – paste bead;
10, 11 – glass bead; 11 – glass bead; 12 – spherical bowl

количество насчитывает 36 предметов, из которых 26 единиц керамические. 10 находок – некерамические. Это 3 бронзовых и 1 железный предметы, 2 фрагмента стеклянной посуды и 2 стеклянные бусины и 1 бусина из пасты.

Отобранный индивидуальный керамический материал представлен разными категориями посуды и других предметов быта. Все индивидуальные керамические предметы на данный момент находятся на стадии лабораторной обработки (склейка, отрисовка, фотофиксация и проводится петрографический анализ).

В целом, археологические исследования на городище Жанкент в полевом сезоне 2022 г. позволили получить небольшой, но показательный материал. Все находки происходят из Р1. Коллекция представлена преимущественно керамикой. В целом керамика нынешнего полевого сезона типична коллекции керамики Жанкента предыдущих лет.

Превалирует керамика ручной лепки, изделий сформованных на гончарном круге меньше. Категории керамики находят прежнее разнообразие, с преимуществом посуды. Из посуды в нынешнем полевом сезоне больше найдены фрагменты кухонных крышек со слоем копоти и нагара. Встречаются фрагменты хумов, тандыров, сковород и корыт. Следует отметить большое количество фрагментов, как венчиков, так и стенок тулова ойнахоевидных сосудов. Зачастую они представлены только во фрагментированном состоянии. Меньше в керамической коллекции столовых сосудов. Единичными фрагментами представлены дастарханы, которых было больше в верхних слоях раннее вскрытых помещений.

Основной рецепт формовочной массы – глина с добавлением шамота и органики (Г+Ш+О), есть фрагменты с наличием примеси к глине в виде извести и органики (Г+Из+О), а также примесей глины, шамота и органики (Г+Ш+О). Причем в большинстве случаев использована высокоожелезненная глина, о чем говорит кирпично-красный цвет черепков керамики. Реже использована слабоожелезненная глина. Обжиг керамики чаще качественный, за исключением фрагментов от кухонной посуды, сковород и тандыров или очажных подставок. Обработка поверхности коллекции этого полевого сезона слабая, лишь некоторые фрагменты покрыты ангобом (красным и темно-коричневым), есть фрагменты с обмазкой из сырой глины, других способов обработки поверхности не прослеживается. Орнамент на данной коллекции керамики Джанкента представлен редко, в основном это резной растительный орнамент из прямых и волнистых линий, реже штампы.

Очень важным материалом является керамика с поливой, их найдено только два изделия. Глазурованная чаша с арабским курсивом находит широкие аналогии в средневековых городах Средней Азии и Ирана, возможно, эта посуда была импортирована из этих регионов.

О связях с другими регионами говорят и стеклянные находки. Наиболее показательными в этом плане являются стеклянные бусины, выполненные очень высокотехнологичным способом, которые могли быть завезены из Хорезма, но и не исключен их импорт из Индии.

Работы по профилактической консервации. В основном все сооружения городища Жанкент, включая цитадель, шахристан и другие комплексы, монументальные оборонительные стены с башнями, построены из сырцового, т.е. высушенного на солнце, а не обожженного в печи кирпича. Этот материал обладает следующими свойствами: легко делается, с достаточной плотностью и устойчивостью при сжатии, не горит и имеет хорошую огнестойкость, а самое главное – медленной диффузивностью – тепловые волны по мере ее распространения внутри помещения плохо проходят сквозь стену. Это качество позволяет держать тепло, как внутри и извне, что особо ценно в регионах с резким континентальным климатом, когда дневная и ночная температуры могут различаться на десятки градусов. Это верно и для Приаралья. Благодаря таким свойствам сырцовый кирпич используется в строительстве и в настоящее время.

Однако, серьезным недостатком сырца является его быстрое разрушение под воздействием влаги. Вертикальный дождь постепенно размывает верхние ряды кирпичной кладки, особенно сильно по бокам стен. Глина от разрушенных кирпичей стекает по боковым поверхностям и образует возвышения у их оснований. При длительном воздействии дождей, кроме размытой глины, на земле оказываются и части кирпичной кладки, которые также потом оплывают. Разрушение усиливается при значительном боковом ветре, который дает возможность дождевым потокам быстро размывать обмазку, покрывающую кирпичную кладку. Если стены здания достаточно велики, то процесс их размыва будет продолжаться до тех пор, пока глиняное возвыше-

ние у основания не сравняется по высоте с сохранившейся частью стены. Это возвышение, однако, и защитит первоначальное строение от полного разрушения. Именно благодаря данным процессам, монументальные постройки из сырцового кирпича могут сохраняться в течение тысяч лет. Не являются исключением в этом отношении и оборонительные сооружения цитадели Жанкент.

Именно поэтому для сохранения вскрытой уникальной архитектуры городища, Жанкетская археологическая экспедиция начала предпринимать усилия по консервации и частичной реставрации сырцовых сооружений [Тажекеев и др. 2020; Тажекеев и др. 2021].

Экспериментальные работы, проведенные силами научных сотрудников НЦ археологии и этнографии Кызылординского университета им. Коркыт Ата в 2016–2021 гг., позволили получить положительные результаты, чтобы выбрать самые подходящие и устойчивые методы для укрепления древних стен, находящихся под угрозой разрушения. Было признано целесообразным предложить метод, который дал лучшие показатели по результатам проведенных испытаний и выгоден для использования. В целях презентации посетителям оригинальных видов древних стен оборонительных сооружений, а также для неизменного сохранения истинных размеров работа может проводиться подводкой идентичным раствором – саманом.

Основной материал. В ходе археологической расчистки площади оборонительных сооружений цитадели Жанкента применялись методы археологии. Они заключаются в послойных раскопках памятника большими площадями. За основу расчленения культурных остатков берется слой как отложение с особым характером образования и с особым содер-

Рис. 5. Городище Жанкент. Участок Р1. Процесс возведения навесной конструкции
5-сур. Жанкент қаласы. Р1 учаскесі. Жаппалы шатыр құрылымын тұрғызу процесі
Fig. 5. The Zhankent urban site. Section P1. The process of building an overhead structure

жанием. Все строительные остатки рассматриваются в тесной связи со слоем и неотрывно от него.

Итак, в 2022 г. на территории Р1 была проведена археологическая расчистка от растительности. Последующие действия были направлены на строительства навеса из деревянного каркаса и металлического шифера. Данная конструкция над участком Р1 была построена ранее (в полевых сезонах 2017–2021 гг.) и сейчас его общая площадь охватывает половину раскопа (около 700 м^2). В 2022 г. размер навеса составил 12 × 6 м. Отметим, что перекрытие навесом участков раскопов обеспечивает хорошую сохранность архитектурных конструкций (рис. 5).

Так же после археологических работ на башне 7 и участке стены между башнями 6 и 7 оштукатурены саманным раствором с добавлением соломы.

Выводы. Подводя краткие итоги исследования городища Жанкент, расположеного к востоку от Аральского моря, где в I тысячелетии н.э. сформировалась своеобразная культура «болотных городищ», можно констатировать, что эта территория была зоной постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами евразийского степного пояса и оседло-земледельческими племенами Средней Азии и Южного Казахстана. Здесь же проходили весьма значимые торговые пути, соединявшие Восток и Запад, одновременно пролегали исторические миграционные дороги древних племен, народов Евразии.

Результаты исследования Жанкента показали, что здесь сформировалась характерная архитектура, которая проявляется в планировке и во внутренней жилой застройке поселений более позднего времени. Подтвердилось предположение, что формирование планировочной структуры Жанкента изначально было обусловлено рельефом. Градостроительная деятельность сосредоточивалась в пределах верхней ровной площадки, а привлекательные для возведения укреплений и жилых построек места целенаправленно приспосабливали.

Жилая ячейка, которая представляет собой линейного или коридорного типа жилище, несет в себе традиционный тип домостроение 8–9 вв. Это дома состоящих из двух или трех комнат – жилой и хозяйственной (кухонной), иногда с промежуточной третьей комнатой. В жилой половине часть пола занимает глинобитная суфа, в центре комнаты стоял очаг с прямым дымоходом. Дальнейшее изучение Жанкента позволит дать более конкретизирующее представление о тех или иных конструктивных и функциональных особенностях отдельных элементов внутренней жилой застройки жилища города.

Работы на оборонительных сооружениях, с вскрытием фланкирующих башен показывают, что они формировались в исторической параллели с военной доктриной исторической эпохи. Здесь были вскрыты полукруглые башни 6 и 7, расположенные вдоль фаса крепостной стены цитадели. Строились они во избежание возникновения мёртвых зон, то есть зон, которые нельзя обстрелять ни из какой точки оборонительного сооружения.

В Р7 вскрыта часть поздних оборонительных стен и башен, которые фланкировали главные ворота городища. Тут две параллельно идущие стены образуют замкнутое пространство, перед главными въездными воротами. Проход в город находился в восточном конце образованного полукруга.

Результаты по первичной консервации на участках раскопов обеспечивают хорошую сохранность архитектурных конструкций.

Анализ археологического материала показал, что керамика нынешнего полевого сезона типична для коллекции керамики Жанкента предыдущих лет. Основную часть керамических изделий составляет керамика ручной лепки, изделий, сформованных на гончарном круге, меньше. В целом, как и керамические находки, так и материалы из стекла (бусины и др.) свидетельствует о связях жителей Жанкента с другими регионами Средней Азии, Ирана и Индии.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI–XVIII вв.) // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. 1982. С. 121–136.

Аржанцева И.А., Харке Г., Тажекеев А.А., Билалов С.У., Амиргалина Г.Т. Некоторые итоги и перспективы изучения городища Жанкент // Великая степь: история и культура. Мир древних тюрков. Каталог выставки. Том III. Нур-Султан, 2019. 454 с.

Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. Итоги археологических исследований на городище Джанкент

(2010-2017 гг.) // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие». Алматы–Актобе. 2018. С. 380–391.

Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Амиргалина Г.Т., Султанжанов Ж.К., Курманиязов И.С., Назаров А.Ж. Археологические работы на городище Джанкент в полевых сезонах 2020-2021 гг. // Маргулановские чтения – 2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х томах. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 2. С.138–153.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе // Этнография и археология Средней Азии. 1979. С. 105–112.

Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. №6. С. 81–83.

Жилин А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. 1982. С. 137–164.

Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / Сост. И.А. Аржанцева, С.Б. Болелов, А.А. Тажекеев. Алматы: Издательство «Арыс», 2014. 320 с.

Неразик Е.Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма (По материалам Беркут-калинского оазиса). М.: 1966. 153 с.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Назаров А.Ж. Опыт консервации и музеефикации городища Джанкент: проблемы и перспективы // Маргулановские чтения – 2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября, 2021 г.). Т. 3. Алматы, 2021. С. 125–131.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К. Организация охранной зоны и консервационные работы на городище Джанкент // Археология Казахстана. 2020. №1 (7). С. 88–97.

Тәжекеев Ә.Ә., Султанжанов Ж.К. 2019, 2022 жж. ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы // Қазақстан археологиясы. 2022. №3 (17). 91–102 бб.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература, 1962. 323 с.

Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. 1947. № 3. С. 55–102.

Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). Душанбе, 1988. 289 с.

Arzhantseva I.A., Karamanova M.S., Ruzanova S.A., Tazhekeev A.A., Modin I.N., Härke H. Early medieval urbanization and state formation east of the Aral Sea: Fieldwork and international workshop 2011 in Kazakhstan // The European Archaeologist. 2012. 37. 14–20.

REFERENCES

Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1982. In: Nerazik, E. E., Zhilina, A. N. (eds.). *Zhilische narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Dwelling of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: “Nauka” Publ., 121–136 (in Russian).

Arzhantseva, I. A., Härke, H., Tazhekeev, A. A., Bilalov, S. U., Amirgalina, G. T. 2019. In: Onggaruly, A. (ed.). *Velikaya step: istoriya i kultura. Mir drevnih tyurkov. Katalog vystavki (The Great Steppe: history and Culture. The world of the ancient Turks. Exhibition catalog).* Vol. 3. Nur-Sultan: National Museum of the Republic of Kazakhstan (in Russian).

Bilalov, S. U., Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T. 2018. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2018 (Margulan Readings–2018)*. Almaty; Aktobe: Margulan Institute of Archaeology; Aktobe regional Museum of local history, 380–391 (in Russian).

Bilalov, S. U., Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Amirgalina, G. T., Sultanjanov, Z. K., Kurmaniyazov, I. S., Nazarov, A. Z. 2021. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan Readings–2021)*. In 3 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 138–153 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A., Rapoport, Y. A. 1979. In: Vinogradov, A. V. et al. (eds.). *Etnografiya i arheologiya Sredney Azii (Ethnography and archaeology of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 105–112 (in Russian).

Voronina, V. L. 1963. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 6, 81–83 (in Russian).

Zhilin, A. N. 1982. In: Nerazik, E. E., Zhilina, A. N. (eds.). *Zhilische narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Dwelling of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ., 137–164 (in Russian).

Arzhantseva, I. A., Bolelov, S. B., Tazhekeev, A. A. (eds.). 2014. *Kompleksnye issledovaniya gorodischa Dzhankent (raboty 2011–2014 gg.) (Comprehensive studies of the Dzhankent settlement (works of 2011–2014))*. Almaty: "Arys" Publ. (in Russian).

Nerazik, E. E. 1966. *Selskie poseleniya Afrigidskogo Khorezma (Po materialam Berkut-kalinskogo oazisa) (Rural settlements of the Afrigid Khorezm (Based on materials from the Berkut-Kala oasis))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Nazarov, A. Z. 2021. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya – 2021 (Margulan Readings – 2021)*. In 3 vol. Vol. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 125–131 (in Russian).

Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Sultanjanov, Z. K. 2020. In: *Kazahstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (7), 88–97 (in Russian).

Tazhekeev, A. A., Sultanjanov, Z. K. 2019. In: *Kazahstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology),* 3 (17), 91–102 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Tolstov, S. P. 1947. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 3, 55–102 (in Russian).

Yakubov, Y. 1988. *Rannesrednevekovye selskie poseleniya gornogo Sogda (k probleme stanovleniya feodalizma) (Early medieval rural settlements of mountainous Sogdiana (on the issue of feudalism formation))*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Arzhantseva, I. A., Karamanova, M. S., Ruzanova, S. A., Tazhekeev, A. A., Modin, I. N., Härke, H. 2012. In: *The European Archaeologist*, 37, 14–20 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.364.373

Alexey Rogozhinskiy[1], alexeyro@hotmail.com,
Ilyar Kamaldinov[1], kamaldinov-ilyar@mail.ru,
Ruslan Buranbayev[1], b_ruslan@inbox.ru,
Gauhar Kaldybayeva[1], odd_story@mail.ru
[1]Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

The results of new research on the medieval urban sites of Aspara and Sharuashylyk in 2021–2023*

The article summarizes the results of a comprehensive study of the late medieval urban culture of South Kazakhstan on the example of such town-sites as Aspara in the middle reaches of the Shu river and Sharuashylyk in the delta of the Talas river in 2021–2023. First of all, on the basis of written data and folklore sources on the historical geography of the region, the macrotoponyms "Zhetysu" and "Semirechye" were studied, the extended geographical interpretation of which appeared in Soviet times as a result of incorrect word usage, suggested the inclusion of the Shu-Talas interfluve as "South-Western Zhetysu / Semirechye. In fact, this region belongs to South Kazakhstan and cannot be considered as part of Zhetysu or Semirechye. Excavations at the citadel of Aspara town-site (excavation area 2 and 2a) uncovered a site of urban development of the 13th –14th centuries: the complex of residential and outbuildings on the construction remains of the previous Karakhanid period. From different building horizons, five radiocarbon dates were obtained, which correlate with artifact assemblages of the 11th – 12th centuries and 13th – the end of the 14th century. From the surface of the town-site and the excavation area, a collection of coins of various issues was obtained: the Turkic-Sogdian coin of the 8th century, the Karakhanids, the Samanids, the late Tang, the Northern Sun, the Chagataids and Emir Timur, as well as a small coin of the Kokand coinage. Excavations have been carried out for the first time at Sharuashylyk town-site. From stratigraphic trench 1 and excavation area 1 and 1a, a large collection of ceramic pottery (hand-made painted and decorated with a stamp, glazed easel), as well as three radiocarbon dates within the third quarter of the 14th century – the first quarter of the 15th century were obtained. In excavation area 1 and trench 2, glazed ceramics of the 12th – early 13th centuries were found, which is consistent with the finds of coins of the Western Karakhanid coinage at the town-site. New data determine the time of existence of Sharuashylyk ancient settlement in the interval of the 12th – early 15th centuries.

Keywords: Shu-Talas interfluve, town-site, Aspara, Sharuashylyk, late Middle Ages, numismatics, Chagataids, emir Timur

Алексей Евгеньевич Рогожинский[1],
Ильяр Рамильевич Камалдинов[1],
Руслан Нұрланұлы Буранбаев[1],
Гаухар Асқарқызы Қалдыбаева[1]
[1]А.М. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ. Қазақстан

Аспара және Шаруашылық ортағасырлық қалаларындағы 2021–2023 жж. жаңа зерттеулердің нәтижелері

Мақалада 2021-2023 жж. Талас өзені атырабындағы Шаруашылық және Шу өзенінің орта ағысындағы Аспара қалалары мысалында кейінгі ортағасырлық қала мәдениетін кешенді зерттеу нәтижелері көрсетілген. Ең алдымен, аумақтың тарихи географиясы бойынша жазба мәліметтер және фольклорлық деректер негізінде

© 2023 Rogozhinskiy A., Kamaldinov I., Buranbayev R., Kaldybayeva G.
**The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2021–2023, project IRN AP09260802.*

«Жетісу» және «Семиречье» макротопонимдері зерттеліп, сөзді қате қолдану нәтижесінде кеңес кезеңінде Шу-Талас өзенаралығының «оңтүстік-батыс Жетісу/Семиречья» ретінде қарастырылуы географиялық тұрғыдан кеңінен түсіндірілді. Шындығында бұл аймақ Оңтүстік Қазақстанға жатады және «Жетісу» мен «Семиречье» бөлігі ретінде қарастырыла алмайды. Аспара қаласының цитаделінде жүргізілген қазбалар (2 және 2а қазбалар) нәтижесінде алдыңғы қарахан уақытының құрылыс қалдықтары орнында тұрғызылған қала құрылысының XIII–XIV ғғ. жататын тұрғынжай және шаруашылық кешендері ашылды. Әртүрлі құрылыс қабаттарының XI–XII ғғ. және XIII–XIV ғ. соңына жататын заттай кешендерінен бес радиокарбонды мерзімдеу алынды. Қаланың беткі қабатынан VII ғ. түркі-соғды теңгесі, қарахандық, саманилік, кейінгі Таң, солтүстік Сун, шағатайлық, әмір Темір және қоқандық ұсақ теңгелер сынды әртүрлі эмиссиялы теңгелер жиынтығы табылды. Шаруашылық қаласында қазба жұмыстары алғаш рет жүргізілді. 1 стратиграфиялық шурф пен 1 және 1а қазбасынан керамикалық ыдыстардың үлкен жиынтығы (жабыстырмалы және қалыппен безендірілген, шарықта жасалып сырланған) табылды, сонымен қатар XIV ғ. төртінші ширегі мен XV ғ. алғашқы ширегі шегіндегі үш радиокарбондық мерзімдеу алынды. 1 қазба мен 2 шурфтан қаладан табылған батыс қарахан теңгелерімен мерзімдес XII–XIII ғ. басына жататын сырлы керамика табылды. Жаңа мәліметтер негізінде Шаруашылық қаласының мерзімі XII –XV ғ. басы аралығына жатады.

Ключевые слова: Шу-Талас өзенаралығы, қала, Аспара, Шаруашылық, кейінгі ортағасыр, нумизматика, шағатайлықтар, әмір Темір

Алексей Евгеньевич Рогожинский[1],
Ильяр Рамильевич Камалдинов[1],
Руслан Нурланович Буранбаев[1],
Гаухар Аскаровна Калдыбаева[1],
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК,
г. Алматы, Казахстан

Итоги новых исследований средневековых городищ Аспара и Шаруашылык в 2021–2023 гг.

В статье подводятся итоги комплексного изучения в 2021–2023 гг. позднесредневековой городской культуры Южного Казахстана на примере городищ Аспара в среднем течении р. Шу и Шаруашылык в дельте р. Талас. Прежде всего, на основе письменных данных и фольклорных источников по исторической географии региона исследованы макротопонимы «Жетысу» и «Семиречье», расширенное географическое толкование которых, появившееся в советское время в результате некорректного словоупотребления, предполагало включение Шу-Таласского междуречья как «Юго-Западного Жетысу / Семиречья». В действительности этот регион относится к Южному Казахстану и не может рассматриваться как часть «Жетысу» или «Семиречья». Раскопками на цитадели городища Аспара (раскопы 2 и 2а) вскрыт участок городской застройки XIII–XIV веков: комплекс жилых и хозяйственных построек, возведенных на строительных остатках предшествующего караханидского времени. Из разных строительных горизонтов получены пять радиокарбоновых дат, коррелирующихся с вещевыми комплексами XI–XII вв. и XIII – конца XIV в. С поверхности городища и из раскопов получена коллекция монет разных эмиссий: тюрко-согдийская монета VIII в., Караханиды, Саманиды, поздняя Тан, Северная Сун, Чагатаиды и эмир Тимур, а также мелкая монета кокандского чекана. На городище Шаруашылык раскопки произведены впервые. Из стратиграфического шурфа 1 и раскопов 1 и 1а получена большая коллекция керамической посуды (лепная расписная и декорированная штампом, глазурованная станковая), а также три радиокарбоновые даты в пределах третьей четверти XIV в. – первой четверти XV в. В раскопе 1 и шурфе 2 обнаружена глазурованная керамика XII – начала XIII в., что согласуется с находками на городище монет западно-караханидского чекана. Новые данные определяют время существования городища Шаруашылык в интервале XII – начала XV в.

Ключевые слова: Шу-Таласское междуречье, городище, Аспара, Шаруашылык, позднее средневековье, нумизматика, Чагатаиды, эмир Тимур

During 2021–2023, within the framework of grant funding from the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan under project IRN AP09260802 (project author was A.A. Nurzhanov (1957–2021), after whose untimely death the project was led by A.E. Rogozhinskiy), the research team consisting of authors and researchers of the Margulan Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan implemented a program for the comprehensive study of

the late medieval urban culture of Southern Kazakhstan, focusing on the Aspara urban site in the middle reaches of the Chu (Shu) River and the Sharuashylyk urban site in the delta of the Talas River. Some preliminary results, goals, tasks, and methodology of the comprehensive study of the sites have already been discussed in recent publications [Buranbayev 2021; 2023; Rogozhinskiy, Kamaldinov 2022; Shagirbayev, Buranbayev 2022]; below, we summarize the general results of the conducted research.

1. *Historical Toponymy.* Alongside field archaeological research, the project's program included the collection of folklore sources on the history of Southeast Kazakhstan and discourse analysis of the macro-toponyms "Jetysu" and "Semirechye" in the contexts of social scientific disciplines (primarily archaeology and the history of Kazakhstan), as well as Kazakh folk culture from the 19th to the early 20th century. The origin and evolution of the semantic meanings of the macro-toponym "Semirechye" have previously been established by A.E. Rogozhinskiy [Rogozhinskiy 2019; 2020]. The collection and analysis of Kazakh folklore materials characterizing the semantic-geographical meanings of "Jetysu" were carried out within the project by G.A. Kaldybayeva. The results of the joint research are published in a special article [Rogozhinskiy, Kaldybayeva 2024], where the main conclusions are briefly outlined.

The term "Jetysu" was recorded in the late 18th to early 19th centuries in the north and southeast of Kazakhstan, where it initially did not have a toponymic meaning but denoted impassable sections of caravan routes (in the interfluve of the Turgai and Ishim rivers – seven parallel wide erosion valleys with fresh springs and rivers along the trade route from Amankaragai to Naurzum; in Southern Balkhash – crossings over seven rivers: Lepsy, Baskan, Sarkan, Aksu, Buyen, Karatal, and Koksu), along which international trade between Russia, Middle Asia, and China was conducted. As a linguistic calque, the toponym "Jetysu", underwent affixation and word formation in Russian (Sem' rek – Semirek – Semiretsky/Semirechensky – Semirechye) and appeared around 1825, but already as a geographical name of the region, initially within Southern Balkhash and after the formation of the Semirechye region (1867) – within its administrative-territorial boundaries. In the latter sense, the toponym was used in scientific literature from the late 19th century until the mid-1930s when A.N. Bernshtam, interrupting the historiographical tradition (V.V. Bartold, N.A. Aristov), groundlessly introduced the "extended interpretation" of the term "Semirechye," arbitrarily adding the Chu-Talas interfluve to it. This caused confusion in the toponymic lexicon and led to a shift in spatial representations associated with the course of historical processes in the south and southeast of Kazakhstan and in the Tian Shan. Despite fair criticism [Petrov 1980: 61-62], the revision of the historical and geographical content of the macro-toponym "Semirechye" found followers among some Soviet archaeologists and orientalists, who, in turn, had to introduce clarifying indexes for macro-toponyms: "Western", "Southwest", "Southern", "Northern", "Northeastern", and even "Central Jetysu/Semirechye". Finally, in recent times, there has been a negative tendency in domestic historiography and journalism to replace the macro-toponym "Semirechye" allegedly with the synonymous "Jetysu", although both terms lack a universally accepted territorial definition.

There is no reliable data on the use of the toponym "Jetysu" by the Kazakhs of Southern Balkhash in the second half of the 18th to the mid-19th century. The term "Jetysu" is not found in the epistolary heritage of the rulers of the Senior and Middle Zhuzes, who had their residences in the "Semi rek" area. Additionally, the term is not encountered in the scientific works and letters of Chokan Valikhanov, with only the toponym "Semirechye" being used exclusively for denoting the region [Rogozhinskiy 2019]. In Kazakh folklore, the toponym "Jetysu" is recorded no earlier than the last third of the 19th century, i.e., only after the formation of the Semirechye region in 1867. Poets of the pre-revolutionary and early Soviet period, such as Birzhan Kozhagululy (1834–1897), Baluan Sholak (1864–1919), Zhambyl Zhabayuly (1846–1945), Kenen Azerbayev (1884–1976), and Ilyas Jansugurov (1894–1938), interpret the territorial boundaries of "Jetysu" differently, generally staying within the Chu-Ili mountains, the watersheds of the Northern Tian Shan, and the Jungar (Jetysu) Alatau, i.e., the main geographical landmarks of "Semirechye" as a region of the Lake Balkhash watershed basin in the southeastern part of Kazakhstan, which, in administrative-territorial terms, corresponds to the Jetysu Region (1922–1924; governorates – in 1924–1928), and geographically to Southeast Kazakhstan.

Thus, the "extended interpretation" of the macro-toponyms "Semirechye" and "Jetysu" is the result of careless word usage and a misunderstanding in the historiography of the Soviet period, which should be abandoned. Primarily, it is necessary to exclude the application of the quasi-toponym "Southwest Semirechye/Jetysu" to the territory of the Chu-Talas interfluve, covering areas of Kyrgyzstan, and in the lower reaches of the Chu and Talas rivers – a part of the territory of Southern Kazakhstan. Accordingly, it is not in the "Southwest Semirechye/Jetysu" but within Southern Kazakhstan, the Chu-Talas interfluve, where, alongside

other known sites, medieval urban sites such as Aspara and Sharuashylyk are located, the study of which in 2021–2023 served as a reason for an in-depth examination of the historical toponymy of the region (Fig. 1).

2. *Research at the Aspara urban site.* Field exploration and aerial photography of the Aspara urban site in 2021, based on which an updated detailed plan of the site was developed (Fig. 2), allowed for refining the general parameters of the city's central ruins and identifying additional features of urban planning and fortifications.

The central ruins of the Aspara urban site have a roughly rectangular shape in plan and are delimited by ramparts on a 300×240 m elevation, oriented with sides aligned to the cardinal directions with a deviation of 20–25°. Two main structural elements of the urban site are distinguished: a divided citadel and a shakhristan. The citadel is the highest part of the urban site (up to 17 m above the surrounding terrain) and has the form of an irregular quadrilateral surrounded by ramparts (105×125×115×130 m) with an adjoining lower rectangular platform to the southwest (100×50 m). Entrances to the upper platform of the citadel are traceable in the northern and southern walls. A depression is observed in the relief of the inner part of the citadel between the two entrances, forming a conditional axis of fortification, with the surface rising noticeably to the east and west of it; it is possible that opposing entrances of the citadel were connected by a central street. Along the inner line of fortifications on the southern and eastern sides, a depression in the surface is traced, with a width of up to 2-3 m and a depth of approximately 1 m. As indicated by the results of L.B. Yerzakovich's excavations in 1964-1965 and our observations in excavation 2 in 2021, there was a wide passage between the defensive wall and the residential development of the citadel, presumably necessary for the defenders' free movement along the fortifications. The citadel occupies a natural loess elevation covering an area of over 20 000 m^2, along the southern and western slopes of which runs the bed of a stream fed by springs. Currently, the floodplain of the streamis very swampy.

There is a shakhristan to the east of the bipartite citadel, the lowest part of the urban site, surrounded by fortification walls, which has the following dimensions along the perimeter: northern wall – 200 m, eastern – 230 m, southern – 130 m. A deep moatwas laid along the base of the eastern wall of the citadel, separating it

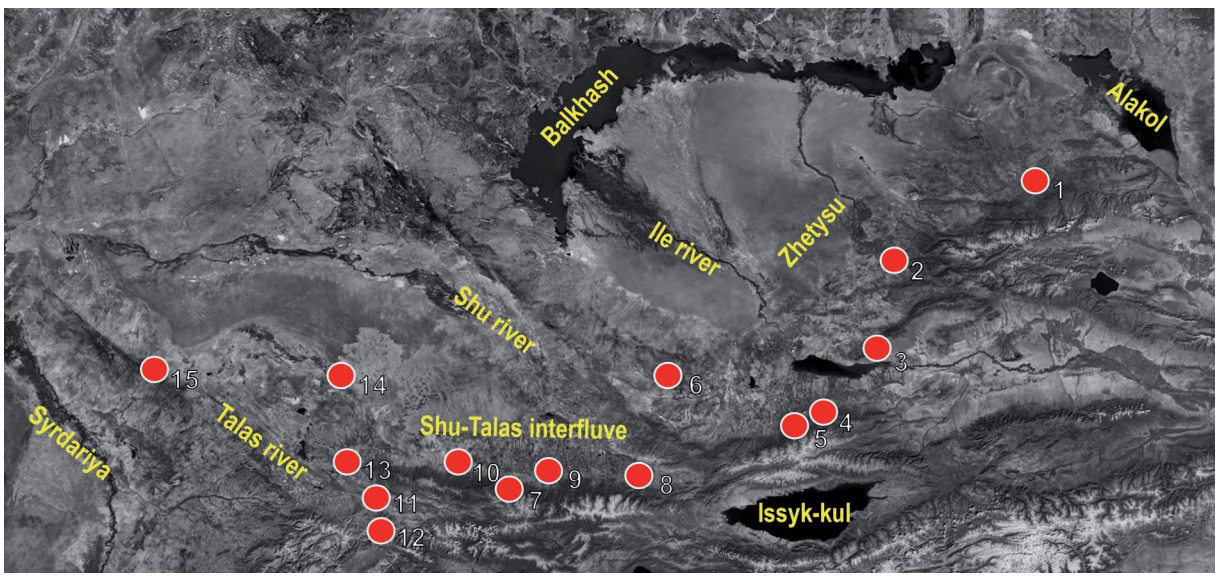

Fig. 1. Map-scheme of the localization of archaeological sites on the Zhetysu territory and Shu-Talas interfluve: 1 – Kayalyk, 2 – Eshkiolmes, 3 – Besshatyr, 4 – Issyk, 5 – Talgar, 6 – Tamgaly, 7 – «sanctuary» of Merke, 8 – Akbeshim, 9 – Aspara, 10 – Kulan, 11 – Sadyr-Kurgan, 12 – Zhaltyraktash, 13 – Taraz, 14 – Sharuashylyk, 15 – Arpaozen

1-сур. Жетісу және Шу-Талас өзендері аумағындағы ескерткіштер локализациясының карта-сызбасы: 1 – Қаялық, 2 – Ешкіөлмес, 3 – Бесшатыр, 4 – Есік, 5 – Талғар, 6 – Таңбалы, 7 – Мерке «ғибадатханасы», 8 – Ақбешім, 9 – Аспара, 10 – Құлан, 11 – Садыр Қорған, 12 – Жалтырақташ, 13 – Тараз, 14 – Шаруашылық, 15 – Арпаөзен

Рис. 1. Карта-схема локализации памятников на территории Жетысу и Шу-Таласского междуречья: 1 – Каялык, 2 – Ешкиолмес, 3 –, Бесшатыр, 4 – Иссык, 5 – Талгар, 6 – Тамгалы, 7 – «святилище» Мерке, 8 – Акбешим, 9 – Аспара, 10 – Кулан, 11 – Садыр-Курган, 12 – Жалтыракташ, 13 – Тараз, 14 – Шаруашылык, 15 – Арпаозен

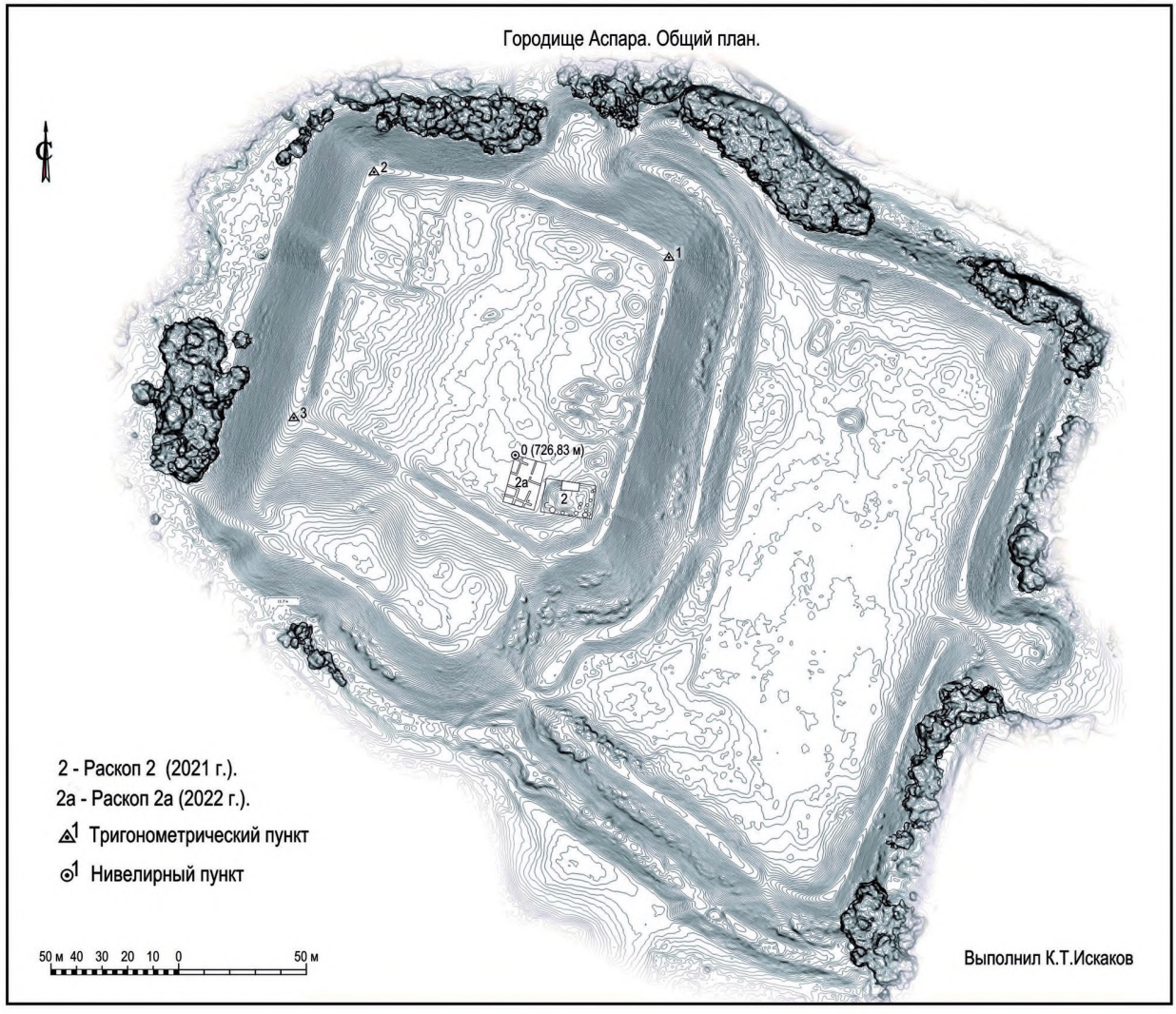

Fig. 2. The Aspara urban site. The plan of the citadel and shahristan
2-сур. Аспара қаласы. Цитадель мен шахристан жоспары
Рис. 2. Городище Аспара. План цитадели и шахристана

from the shakhristan. The surface of the central part of the shakhristan was leveled in the 1960s–1970s using tractor equipment when there was a rural football field here. Only areas adjacent to the fortification walls from the north and south were not leveled, where traces of individual ruins are preserved in the relief. In addition to the main line of fortifications around the citadel and shakhristan, there were additional fortification structures. For example, in the middle part of the eastern wall of the shakhristan, an outwardly protruding round tower with a diameter of about 15 m adjoins it. Another tower (25×20 m), located beyond the line of fortifications, is situated near the northern wall of the citadel in its middle part. The entire territory of the urban site is surrounded by a moat, currently with a depth of about 3–5 m and a width of up to 10–12 m.

Traces of archaeological excavations, conducted by various researchers in preceding periods, are preserved within the territory of the citadel and shakhristan of the Aspara urban site. The locations of the excavations by L.B. Yerzakovich (1964-1965), E.S. Akymbek, and A.A. Nurzhanov (2012, 2014) are indicated on the detailed plan. Unfortunately, the spoil heaps of old excavations cover significant areas of unexplored surface around them and on the outer side of the fortress walls. In 2021, previously overlooked fragments of glazed pottery and

metal artifacts were recovered from the spoil heaps.

In 2021, excavations by the Shu-Talas archaeological team in the southeastern sector of the Aspara citadel concluded the investigation of excavation 2 (A.A. Nurzhanov, 2012) on an area of 11×16 m, west of which an adjacent area of construction was additionally explored in excavation 2a (10×15 m) in 2022. Both excavations are located 25 m south of L.B. Yerzakovich's excavation and also reveal elements of the layout structure of two late medieval building periods of the urban site from the 13th to the 15th centuries, beneath which lies a layer from the Karakhanid period of the 11th-12th centuries. In the profile of the baulk separating excavations 2 and 2a, the contour of an exploratory trench, 5 m wide and reaching a depth of 0.4 m, is recorded, apparently made by L.B. Yerzakovich's expedition.

The upper construction period is represented solely by a group of refuse pits, the mouths of which were detected at a depth of 0.4 meters from the contemporary surface. Located without a specific order and intermittently cutting through raw material walls and clay floors of structures from the lower construction period, these pits are concentrated in the northern half of excavation 2a. The dating of the upper construction horizon is established based on finds in the layer of three silver coins of Emir Timur and his co-ruler Khan Suyurgatmish (1370–1388). In addition, above one of the pits, a fragment of facing brick with bright blue slip from the Timurid period was found. The abandonment of the southeastern corner section of the citadel corresponds to the functioning of the nearby residential complex, excavated by L.B. Yerzakovich and also dated by the discovery of a coin of Emir Timur and Khan Mahmud in 1392/1393 [Yerzakovich 1968: 86–88, 92].

In the layout of the lower construction period, a complex of residential and economic structures erected on the remains of the preceding Karakhanid period (objects 1 and 2 in excavation 2a) was identified, along with an undeveloped area with a narrow unpaved passage along the inner side of the fortress fortifications (excavation 2). The passage surface is punctuated by shallow pits (up to 0.15 m), containing fragments of raw bricks, clumps of kneaded clay, and a water-bearing vessel without a neck; this area adjacent to the citadel wall may have been used for storing construction materials. From the level of the passage to a low platform (up to 0.7 m) with remnants of structures along the southern edge of excavation 2 rises a narrow ramp, the surface of which is heavily trampled and covered with debris from raw materials; beneath the debris, a layer of ash and coal is noted, which uniformly covered a wide area in the middle of the platform and was, in turn, covered by a dense clayey surface layer. The radiocarbon date of the fire layer FTMC-UD18, 803±27 BP with calibrated values of 1225–1261 AD (68.3%) and 1211–1278 AD (94.8%), establishes the likely age of the event within the second to third quarter of the 13th century. Along with ceramics from the same period, the debris above the ramp contains redeposited materials from an earlier period: fragments of glazed Karakhanid pottery, a bronze ornamented sheet-metal washer (Fig. 3, 15), a stone sculpture (found in 2012), and a copper coin with a square hole. According to A.M. Kamyshev's determination, the coin from the Northern Song dynasty (960–1127) contains the reign motto of Yuan Fu (1098–1100).

In excavation 2a, the remains of two multi-room structures of the second construction horizon have been identified, between which there is a passageway (street) – a vacant area with a width of 2.5–3.0 m. The street is planned in the latitudinal direction, starting from the edge of the platform and could have connected with the central street of the citadel. The surface of the street is unpaved, occasionally compact and heavily trampled, covered with small carbonate inclusions. In the eastern part of the street, remnants of an ash and coal layer were revealed at a depth of 1.1 m, identified in excavation 2.

The complex of premises to the south of the street (object 1) consists of six rooms (rooms 2, 4, and 6 partially excavated), interconnected by passages. The walls of the premises are preserved to a height of up to 0.8–1.0 m, built of raw bricks of various sizes: 35×25×6 cm, 30×30×5 cm, 28×15.5×5.5 cm; the walls are laid in 1.5 bricks. In room 1, beneath the rubble of collapsed brick and plaster walls, a complex of intact pottery (tagora, pot, and jug with a drain hole on the body) and two tandoors, built into the northern wall adjacent to the street, were discovered on the floor. In the southeast corner of the room, there was a utility pit containing animal bones and fragments of glazed and unglazed pottery. Radiocarbon dating for this complex, based on bones from the pit, yielded a date within the last quarter of the 13th century to the first quarter of the 14th century. Similar dating results were obtained for room 4 of object 2 – another multi-room structure located opposite on the north side of the street. It is worth noting that the floors of the post-Mongol period in objects 1 and 2 are cut into layers of earlier construction, dated by finds of Karakhanid glazed pottery, coins, and radiocarbon dates within the late 10th to mid-12th centuries. Fragments of such pottery and Karakhanid coins were also found on the surface of the street.

During the research in 2021-2022 on the territory of the central ruins of the Aspara urban site, a systematic collection of numismatic materials was conducted. The

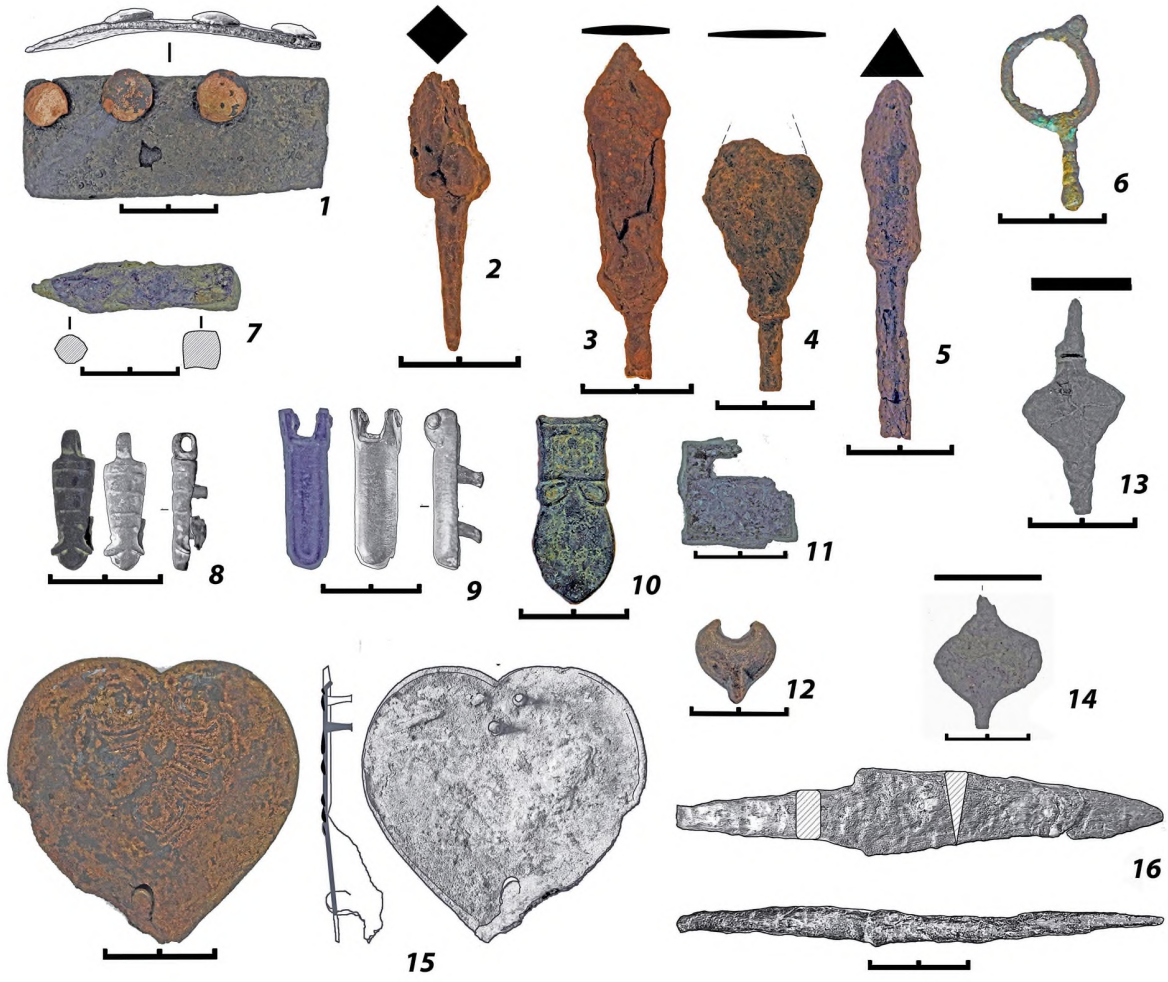

Fig. 3. The Aspara urban site. Finds from excavation trenches 2 and 2a; 6, 7 – accidental finds
3-сур. Аспара қаласы. № 2 және № 2а қазбаларынан табылған заттар; 6, 7 – кездейсоқ табылған заттар
Рис. 3. Городище Аспара. Находки из раскопов 2 и 2а; 6, 7 – случайные находки

collection of coin finds comprises 37 units, including 10 coins from excavations 2 and 2a. For the first time at the site, fragments of a Turko-Sogdian coin from the 8th century and small coins of Kokand mint were found. Among the finds at the citadel of the urban site, there are coins from various emissions (Karakhanids, Samanids, late Tans, Northern Song, Chagataids, and Emir Timur), which overall determine the period of its functioning from the 10th century to the beginning of the 15th century.

An important result of the conducted research is also the series of radiocarbon dates obtained from different construction horizons of the citadel, which lays the foundation for the absolute chronology of the monument's history, correlated with material complexes, numismatic data, and information from written sources.

3. Research at the Sharuashylyk site. The monument was first surveyed by L.I. Rempel in 1949, but the instrumental mapping of the site and the first excavations were only carried out in 2021-2022 by the Shu-Talas archaeological team under the direction of A.A. Nurzhanov, followed by A.E. Rogozhinskiy. The detailed plan of the site, developed by K.T. Iskakov, and the field survey of the ruins allow for a more precise description of the topography of the site.

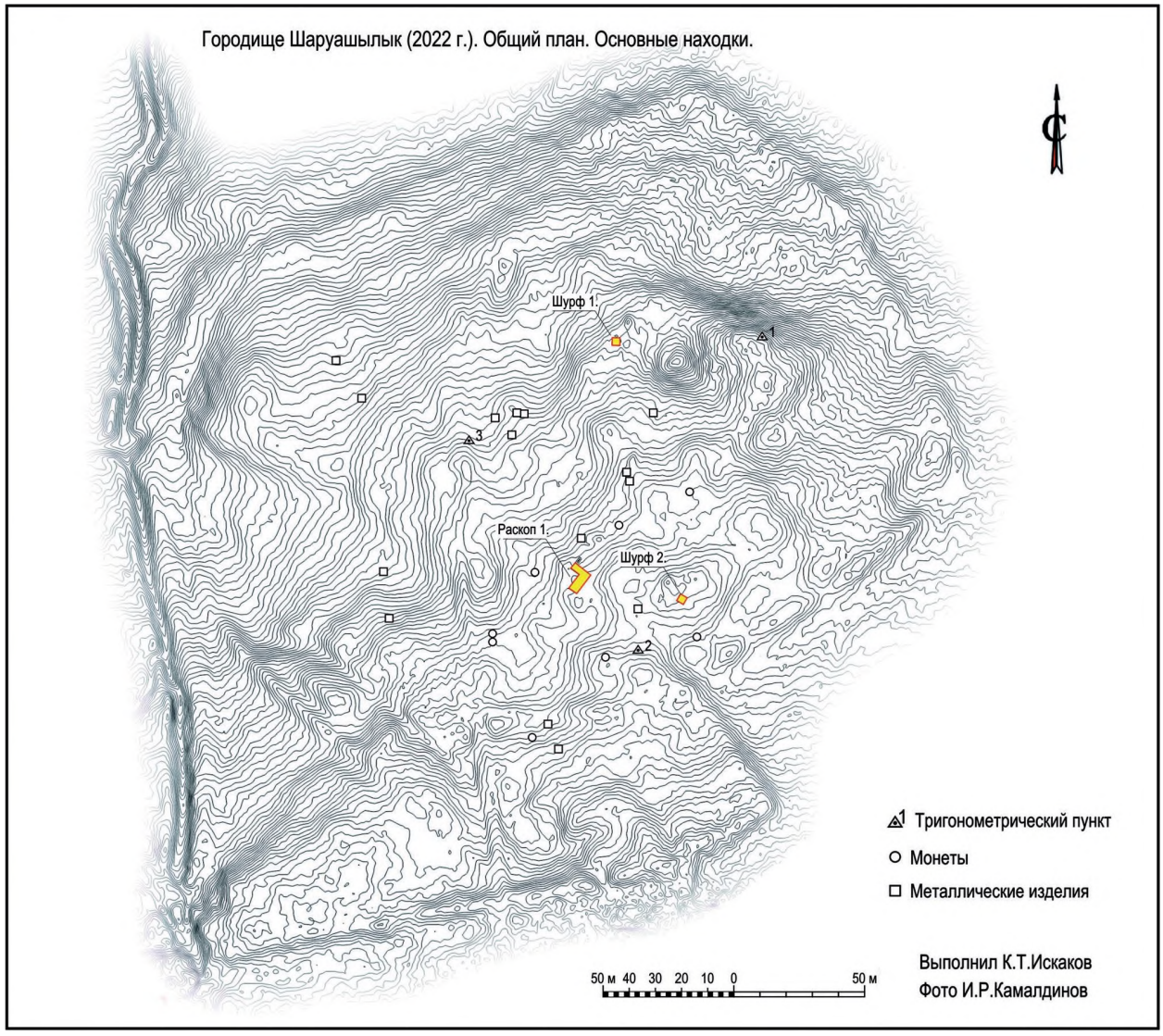

Fig. 4. Sharuashylyk urban site. The plan of the citadel and Shahristan
4-сур. Шаруашылық қаласы. Цитадель мен шахристан жоспары
Рис. 4. Городище Шаруашылык. План цитадели и шахристана

The Sharuashylyk site is located in the lower reaches of the Talas River delta, at the southern edge of the Moynkum Desert. Situated on the right bank of the paleo-channel, it occupies the northern portion of an ancient river terrace, rising 3–5 meters above the surrounding plain. To the south of the site, the contours of an ancient channel can be seen, connecting with the ancient bed of the Talas River, from which the monument is 10 km east.

The site represents a low elevation of irregular shape, stretching from east to southwest for 400 meters and 320 meters wide (Fig. 4). To the south, east, and north, the elevation is bounded by an earthen rampart, reaching a height of 2-3 meters in the southern part. On the remaining parts of the perimeter of the site, remnants of the rampart are preserved to a height of up to 0.5 meters and are weakly pronounced in relief. The line of fortifications on the western side has an extensive gap in the central part. The relatively good preservation of the southern rampart, despite its actual absence along the rest of the perimeter of the site, likely indicates the destruction of fortress fortifications during the Mongol period.

Fig. 5. Sharuashylyk urban site. Numismatic finds from Aspara (1–5) and Sharuashylyk (6–9) urban sites
5-сур. Шаруашылық қаласы. Аспара (1–5) және Шаруашылық (6–9) қалаларынан табылған нумизматикалық заттар
Рис. 5. Городище Шаруашылык. Нумизматические находки с городищ Аспара (1–5) и Шаруашылык (6–9)

The relief of the site clearly distinguishes two levels of the surface ("terraces") with traces of construction: the lower one, with numerous small elevations located at intervals of 10–15 meters from each other, covered with scattered fragments of glazed and unglazed pottery, and the upper one, which constitutes the central part of the site (100×100 meters). Here, there are about 10 swollen hills, also covered with pottery, representing the ruins of individual structures. In the northeastern part of this elevation, there is a deep depression (45×30 m, depth 2 m), to the north of which is a hill up to 2 m high and measuring 40×30 m; finds of pottery on the surface of the hill are rare. Apparently, the depression and the hill nearby on the leeward side (from the Moynkum side) are of very recent origin and, by the type of dune urban site, served as recent livestock pens" [Rempel, 1956: 68]. The site contains a large amount of pottery, stone artifacts, and 8 coins of various types (Fig. 5, 6–9).

Excavations at the Sharuashylyk site were conducted in three areas. In 2021, stratigraphic trenches measuring 4×4 m were laid out on one of the hills of the upper "terrace" of the site (trench 1) and on the edge of the lower "terrace" in the southeast sector of the site, near the earthen rampart – trench 2. In the southern part of the site, where a large amount of various pottery, fragments of burnt brick, metal, and stone artifacts are concentrated on the elevated surface, excavation 1 was planned, measuring 5×10 m. In 2022, excavations continued at trench 1 (adjacent to it, trench 1a was passed for control, depth 3 m), and the main excavation was expanded to the north – excavation 1a (8×11 m).

In the stratigraphic trench 1/1a, three construction layers were identified, and for the lower layer, where remnants of raw constructions, tandyrs, and household pits were found, a radiocarbon date within the third quarter of the 14th century was obtained. From the main excavation 1/1a, which exposed areas of two upper construction periods with remnants of raw structures, two radiocarbon dates were obtained from two household pits: one from the 14th century and the other from the late 14th to the early 15th century. In the dated contexts, representative artifact assemblages were obtained, including samples of wheel-thrown and molded pottery, glazed and painted pottery of various forms, as well as metal artifacts. It is worth noting that alongside late medieval materials, pottery from the 12th to early 13th century was discovered in excavation 1 and trench 2, which corresponds to the findings of coins of the Western Karakhanid mint (tentative identification by P.N. Petrov). Thus, the newly obtained data delineate the period of existence of the Sharuashylyk site to at least the interval from the 12th to the early 15th century.

ӘДЕБИЕТ

Буранбаев Р.Н. Обзор письменных и археологических источников по средневековым городищам Аспара и Шаруашылык (Шу-Таласское междуречье) // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая. 2021. №4 (103). С. 172–182.

Буранбаев Р.Н. Городище Аспара – выдающийся памятник средневекового Казахстана // Туризм, досуг и гостеприимство. 2023. № 1 (1). С. 92–100.

Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 85–97.

Петров К.И. Тюркские средневековые этнотопонимы от числительного семь (К происхождению топонима Джети-Суу – Семиречье) / Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе: Илим, 1980. С. 149–164.

Ремпель Л.И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа / Труды института истории, археологии и этнографии. Том 1. Археология. Алма-Ата, 1956. С. 56–59.

Рогожинский А.Е. «Жетысу» и «Семиречье» / История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2019. С. 14–30.

Рогожинский А.Е. От «Жетысу» до «Семиречья» – рождение и трансформация значений. Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Выпуск 14. Кемерово, 2021. С. 160–170.

Рогожинский А.Е., Калдыбаева Г.А. О границах «Жетысу» и «Семиречья» в научной литературе и казахском фольклоре // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 3. В печати.

Рогожинский А.Е., Камалдинов И.Р. Средневековые городища Аспара и Шаруашылык (предварительные результаты исследований в 2021–2022 гг.) // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. 2022. № 3 (31). С. 354–362.

Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н. Видовой состав костных остатков животных из средневековых городищ Аспара и Шаруашылык (по результатам раскопок 2021 года) // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая. 2022. № 4. С. 158–168.

REFERENCES

Buranbayev, R. N. 2021. In: *Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Ser. istor. (Bulletin of al Farabi Kazakh National University. Historical series)*, 4 (103), 172–182 (in Russian).

Buranbaev, R. N. 2023. In: *Turizm, dosug i gostepriimstvo (Tourism, leisure and hospitality),* 1, 92–100 (in Russian).

Erzakovich, L. B. 1968. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Novoe v arheologii Kazahstana (New in the archaeology of Kazakhstan)*. Almaty: “Nauka” Publ., 85–97 (in Russian).

Petrov, K. I. 1980. In: *Onomastika Sredney Azii (Onomastics of Central Asia)*. Vol. 2. Frunze: “Ilim” Publ., 149–164 (in Russian).

Rempel, L. I. 1956. In: *Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)*, 1, 56–59 (in Russian).

Rogozhinskiy, A. E. 2019. In: Egorova, T. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirechya (History and archaeology of Semirechye)*, 6. Almaty, 14–30 (in Russian).

Rogozhinskiy, A. E. 2021. In: *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya pisanitsa” (Transactions of the “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve*), 14, 160–170 (in Russian).

Rogozhinskiy, A. E., Kaldybayeva, G. A. 2024. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 3, in press (in Russian).

Rogozhinskiy, A. E., Kamaldinov, I. R. 2022. In: *Electronic scientific journal “edu.e-history.kz”*, 3 (31), 354–362 (in Russian).

Shagirbayev, M. S., Buranbayev, R. N. 2022. In: *Vestnik KazNU im. al-Farabi. Ser. istorich.* (*Bulletin of al Farabi Kazakh National University*. Historical series), 4, 158–16 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 20.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.374.378

Бахыт Мулдашевна Хасенова[1]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Астана, Казахстан; alicar@inbox.ru

К истории одной антропологической коллекции эпохи средневековья из Костанайского Притоболья*

К числу малоизученных тем в науке Казахстана относится антропология населения эпохи Средневековья. Важным источником для ее исследования является антропологическая коллекция, полученная в результате работ в Костанайском Притоболье. В 1955 г. Кустанайская археологическая экспедиция под руководством Г.И. Пацевича провела раскопки нескольких курганов, которые входили в состав таких могильников, как Курский, Жилкен, Егинши, Жилашы, Баталинский. Г.И. Пацевич обозначил их как раннемусульманские, но определил их датировку следующим образом – VII–VIII вв., VII–VIII/XIV вв. В результате неточной датировки, коллекция была отнесена к тюркскому времени и использовалась антропологами как источник по этнической истории именно этого хронологического периода. Так, О.И. Исмагулов сделал вывод, что средневековое население Северного Казахстана имело антропологический облик, схожий с современными казахами. В результате изучения научного отчета Кустанайской археологической экспедиции были выявлены следующие особенности погребального обряда – отсутствие вещей, западная ориентировка. На их основании данные погребения относятся к позднему Средневековью, а не к тюркскому времени. Таким образом, антропологическая коллекция из Костанайского Притоболья является важным источником сведений о другом хронологическом периоде.

Ключевые слова: эпоха Средневековья, антропология, история археологии, мусульманский погребальный обряд

Бақыт Мулдашқызы Хасенова[1]
[1]Ә.М. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана, Қазақстан

Қостанайлық Тобыл маңындағы ортағасырлық антропологиялық топтаманың тарихы туралы

Қазақстан ғылымында ортағасырдағы тұрғындарының антропологиясы аз зерттелген тақырыптардың қатарына жатады. Оны зерттеудің маңызды дереккөзі Қостанай маңындағы зерттеулер нәтижесінде алынған антропологиялық коллекция болып табылады. 1955 жылы Г.И. Пацевичтің жетекшілігімен Қостанай археологиялық экспедициясы Курск, Жылкен, Егінші, Жылашы, Баталинский сияқты қорымдардың құрамына кіретін бірнеше обаларға қазба жұмыстарын жүргізді. Г.И. Пацевич оларды ертемұсылмандық кезеңге тән деп санағанымен, VII–VIII ғғ. және VII–VIII/XIV ғғ-мен кезеңдеді. Қате мерзімдеу нәтижесінде жиынтық түркі дәуіріне жатқызылып, антропологтар осы хронологиялық кезеңнің этникалық тарихы бойынша дерек ретінде қолданды. Осылайша О.И. Исмағұлов Солтүстік Қазақстанның ортағасырлық тұрғындарының антропологиялық келбеті қазіргі қазақтарға ұқсас деген тұжырымға келген еді. Қостанай археологиялық экспедициясының ғылыми есебін зерделеу нәтижесінде жерлеу салты заттарының болмауы, батысқа бағытталуы секілді ерекшеліктері анықталды. Олардың негізінде бұл жерлеу орындары түркі заманына емес, кейінгі ортағасырға тән екендігі белгілі болды. Осылайша, Қостанайлық Тобыл маңының антропологиялық коллекциясы басқа хронологиялық кезең туралы маңызды дереккөзі болып табылады.

Түйін сөздер: ортағасыр кезеңі, антропология, археология тарихы, мұсылман жерлеу салты

© 2023 г. Хасенова Б.М.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК, ИРН проекта № BR18574223*

Bakyt Khassenova[1]
[1]Magulan Institute of Archaeology,
Astana, Kazakhstan

To the History of an Anthropological Collection of the Middle Ages from the Kostanay Tobol river region

Among the little-studied topics in the science of Kazakhstan is the anthropology of the population of the Middle Ages. An important source for her research is an anthropological collection resulting from work in Kostanay Tobol. In 1955, the Kustanai archaeological expedition led by G.I. Patsevich excavated several mounds, which were part of such burial grounds as Kursky, Zhilken, Yeginshi, Zhilashi, Batalinsky. G.I. Patsevich designated them as early Muslim, but determined their dating as follows – VII–VIII centuries, VII–VIII/XIV centuries. As a result of inaccurate dating, the collection was assigned to Turkic time and used by anthropologists as a source on the ethnic history of this particular chronological period. So, O.I. Ismagulov concluded that the medieval population of Northern Kazakhstan had an anthropological appearance similar to modern Kazakhs. As a result of studying the scientific report of the Kustanai archaeological expedition, the following features of the funeral rite were revealed - the absence of things, western orientation. On their basis, these burials date back to the late Middle Ages, and not to Turkic time. Thus, the anthropological collection from Kostanay Prytobol is an important source of information about another chronological period.

Keywords: Middle Ages, anthropology, history of archaeology, Muslim funeral rite

Одна из важных страниц в истории изучения эпохи средневековья на территории Северного Казахстана связана с деятельностью Кустанайской археологической экспедиции ИИАЭ КазССР, руководителем которой являлся Г.И. Пацевич. Первое значительное исследование северных регионов нашей страны началось в связи с созданием археологической карты Казахстана, эти работы были обозначены в публикациях того времени, как проходящие в зоне освоения целинных земель. На протяжении 1954–1956 гг. свою работу осуществили 10 экспедиций в 10 из 15 областей страны [АКК 1960: 21]. Инициатором этого проекта стал А.Х. Маргулан, а руководителем – К.А. Акишев (подробнее об этом: [Бейсенов и др. 2017; Хабдулина 2017].

В 1955 г. Г.И. Пацевич провел исследование одного или нескольких курганов из могильников на территории Костанайской области. Эти погребения были интерпретированы автором раскопок, как раннемусульманские, но определил их датировку следующим образом – VII–VIII вв., VII–VIII/XIV вв. [Пацевич 1955], причем так сложилось, что одна из этих датировок ввела в заблуждение последующих исследователей. На ситуацию с этой коллекцией уже обращалось внимание ранее [Хасенова 2019: 53–54], в рамках данной статьи дан более развернутый тезис.

Краткое описание исследованных объектов эпохи средневековья, согласно научному отчету Кустанайской археологической экспедиции 1955 г.

1. В могильнике возле усадьбы Львовского опытного поля Тарановского района (в настоящее время – район Беимбета Майлина), расположенного примерно в полукилометре от правого берега р. Тобол были раскопаны один курган и две каменные ограды. Погребения не имели сопроводительного инвентаря. В результате исследования объекта № 4, представляющего собой округлую выкладку над двойным каменным кольцом, были зафиксированы перекрытие из березовых стоек, камышовое покрытие дна ямы [Пацевич 1955].

2. Примерно в 3 км к юго-востоку от пос. Асенкритовка Тарановского района (в настоящее время – район Беимбета Майлина), на верхней террасе правого берега р. Аят, напротив пос. Жалши исследованию подверглись пять курганов. Все погребения были безинвентарными. В четырех случаях указана ориентировка умерших – на запад, юго-запад. Из особенностей погребального обряда зафиксированы перекрытия из березовых бревен, подбой [Пацевич 1955].

3. Курган № 1 могильника, расположенного в северо-западной части центральной усадьбы зерносовхоза Славянский (ныне – упраздненное с. Славянка) Карабалыкского района, содержал детское безинвентарное погребение под деревянным перекрытием. Ориентировка – северо-запад [Пацевич 1955].

4. В кургане № 1 могильника у дороги, идущей из пос. Акжар (Введеновский район, в настоящее

время – Мендыкаринский) к центральной усадьбе совхоза им. Джангильдина (в настоящее время – с. Джангильдин Мендыкаринского района) были зафиксированы следующие детали обряда – каменное покрытие, деревянное перекрытие, подбой, человек был ориентирован головой на запад [Пацевич 1955].

5. Также исследован курган № 1 могильника Баталинский, расположенного примерно в 1 км от центральной усадьбы зерносовхоза Баталинский Денисовского района (сейчас – пос. Баталы). Курган имел земляную насыпь. Фиксировалось деревянное перекрытие. Кости человека были обнаружены в перемешанном состоянии [Пацевич 1955].

6. В могильнике, расположенном на восточной окраине пос. Курский Федоровского района, на правом берегу р. Тогузак были раскопаны три кургана – № 2, 11, 18. В них находились погребения с западной ориентировкой, инвентарь отсутствовал. Ямы сопровождались деревянными перекрытиями [Пацевич 1955].

Частично сведения о некоторых из изученных объектов были опубликованы в «Археологической карте Казахстана». Так, под № 8 содержатся сведения о могильнике возле совхоза Славянский, под № 14 – о могильнике возле пос. Жидши, под № 25 – о могильнике у пос. Курский [АКК 1960: 29–30].

В свою очередь, в публикациях В.В. Гинзбурга публикуются названия следующих могильников эпохи средневековья из Костанайского Притоболья, антропологические материалы из которых были задействованы им для изучения этнической истории древних тюрков – это Курский, Жилкен, Егинши, Жилашы, Баталинский. Если допустить, что Жилаши – видоизмененое Жалши, то не удается идентифицировать памятники Жилкен, Егинши. Неизвестно, как сложилась судьба антропологических материалов из могильников у совхоза Джангильдинский, Славянский, возле усадьбы возле Львовского опытного поля, также относящихся к данному хронологическому периоду и представляющих, соответственно, исследовательский интерес. Вероятно, какие-то из отмеченных выше исследованных объектов при передаче материалов антропологу получили другое название, поэтому возникла такая ситуация. В дальнейшем, данные сведения были использованы в монографии О.И. Исмагулова [Исмагулов 1970: рис. 15].

Антропологи обычно используют датировку, которую им предоставляют авторы раскопок. В публикациях В.В Гинзбурга названа датировка данной коллекции в количестве10 черепов, принадлежащих взрослым индивидам – VIII–X вв. Интересно отметить этническое определение автора, по его мнению, исследуемые черепа относятся к притобольскими кимакам [Гинзбург 1956: 6]. Впоследствии Г.Г. Король в одной из своих монографий назвала их кимаками Кустанайской области [Король 2008: 109].

Сведения об этой серии черепов даны монографии О.И. Исмагулова, посвященной этнической истории населения Казахстана, в главе «Характеристика краниологических серий тюркского времени (VI–IX вв. н.э.). Антрополог так характеризует эту серию. «Эти черепа имеют очень высокое, широкое и менее профилированное в горизонтальной плоскости лицо, более низкое переносье, более слабовыступающий нос и менее глубокие клыковые ямки» [Исмагулов 1970: 67].

По мнению О.И. Исмагулова, на фоне серии тюркского времени из Восточного Казахстана, черепа из Костанайского Притоболья обладают большей монголоидностью [Исмагулов 1970: 72]. Также он приходит к следующему выводу: «отдельные этнические группы Казахстана еще в тюркское время были тождественны по физическому облику с современными казахами» [Исмагулов 1970: 67]. Далее автор пишет: «создается впечатление, что начиная с тюркского времени процесс метисации наиболее интенсивно протекал не в юго-восточной части Казахстана, как это было в сако-усуньское время, а в северной. Причины этого нам неясны» [Исмагулов 1970: 72].

В свою очередь, ознакомление с особенностями погребального обряда, зафиксированного при исследовании этих археологических объектов, позволяет предположить другую датировку. Все погребения были безинвентарными, умершие ориентированы головой в западном направлении. В оформлении внутримогильного пространства присутствуют подбой, деревянные перекрытия, камышовое покрытие дна ямы. Все эти элементы присущи для мусульманского погребального обряда. Г.И. Пацевич действительно обозначил их, как раннемусульманские, но в свете сложившихся в то время в науке Казахстана представлений о распространении ислама в степи отнес их к более раннему времени. В результате, антропо-

логическая коллекция, датируемая поздним средневековьем, была отнесена к раннему средневековью и даже была использована для выводов об особенностях этнической истории населения Казахстана.

Таким образом, необходимо, чтобы данная коллекция из Костанайского Притоболья заняла свое место в изучении антропологии населения Великой степи. Предварительно, она может быть датирована XV–XVI/XVII вв. К позднему средневековью относится еще одна представительная коллекция, полученная в результате исследования некрополя Бозок в Акмолинском Приишимье [Колбина 2008: 72]. Эти материалы имеют большое значение для исследования этнической истории важнейшего исторического периода в истории Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Казахстана / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова,Т .Н. Сенигова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук //Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ. Алматы: НИЦИА, 2017. С. 11–64.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов КазССР по антропологическим данным // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XXXIII. 1956. С. 238–298.

Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников // Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов. 1960. 20 с.

Исмагулов О.И. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Наука, 1970. 240 с.

Колбина А.В. Краниологическая характеристика погребений из некрополя городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: мат-лы Международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 66–97.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.-Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Пацевич Г.И. Отчет о работе Кустанайской археологической экспедиции 1955 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 352.

Хабдулина М.К. К.А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ. Алматы: «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 119–125.

Хасенова Б.М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир // Культура населения Тургая и сопредельных территорий: человек и эпоха: коллективная монография / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА им А.Х. Маргулана, 2017. С. 51–97.

REFERENCES

Ageyeva, Y. I., Akishev, K. A., Kushayev, G. A., Maksimova, A. G., Senigova, T. N. (compl.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. AlmaAta: Academy of Sciences of the KazSSR (in Russian).

Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola”, 11-64 (in Russian).

Ginzburg, V. V. 1956. In: *Trudy IE AN SSSR. Novaya seriya (Proceedings of the Institute of Etnography of the USSR Academy of Sciences. New series*), 33, 238–298 (in Russian).

Ginzburg, V. V. 1960. In: *Doklady sovetskoy delegatsii na VI Mezhdunarodnom kongresse antropologov i etnografov (Reports of the Soviet delegation at the VI International congress of anthropologists and ethnographers*. Paris*)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 20 (in Russian).

Ismagulov, O. I. 1970. *Naselenie Kazakhstana ot epohi bronzy do sovremennosti (paleoantropologicheskoe issledovanie) (Population of Kazakhstan from the Bronze Age to the present (paleoanthropological study))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kolbina, A. V. 2008. In: Abdymanalov, S. A. (ed.). *Bozok v panorame srednevekovykh kultur Evrazii (Bozok in the panorama of medieval cultures of Eurasia)*. Astana: L.N. Gumilyov Eirasian National University, 66–97 (in Russian).

Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovyh kochevnikov Evrazii. Ocherki (Eurasia medieval nomads art. Essays)*. Moscow; Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).

Patsevich, G. I. 1955. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 352 (in Russian).

Khabdulina, M. K. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation).* In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola", 119–125 (in Russian).

Khasenova, B. M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnyh territorii: chelovek i epoha: kollektivnaya monografiya (Culture of the Turgai population and adjacent territories: human and epoch: collective monograph*). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 51–97 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 09.04.2023.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ

List of abbreviations
Список сокращений

АлтГПУ –	Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АО –	Археологические открытия. Москва
АОИКМ –	Актюбинский областной историко-краеведческий музей
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВКАЭ –	Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция
ЕНУ –	Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИА КН МНВО РК –	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Алматы
ИАС –	История и археология Семиречья
ИАЭТ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИГУ –	Иркутский государственный университет. Иркутск
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИМК –	История материальной культуры
КазНУ –	Казахский Национальный университет имени аль Фараби. Алматы
КРУ им. А. Байтурсынова –	Костанайский Региональный университет им. А. Байтурсынова. Костанай
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии
МИЦАИ –	Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд
МНВО РК –	Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
МОН РК –	Министерство образования и науки Республики Казахстан
МГУ –	Московский государственный университет. Москва
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
ОҚКАЭ –	Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы
ОмГУ –	Омский государственный университет. Омск
РА –	Российская археология. Москва
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Свод археологических источников
СКАЭ –	Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СКОМ –	Северо-Казахстанский областной музей
ТИЭ –	Труды Института этнографии. Москва
ТОВЭ –	Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград
Тр. САГУ –	Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент
Тр. ХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УрО РАН –	Уральское отделение Российской Академии наук
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ
SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер жинақтың https://archeo-margulan.kz сайтында көрсетілген.

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже жинақта және жинақтың сайтында жарияланған күннен бастап күшіне енеді.

***

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, peer review, instructions and recommendations for the design of materials, issues regulating the relationship between the author and publisher are presented on the Proceedings's website at: https://archeo-margulan.kz

Manuscripts that do not adhere to the specified requirements will not be considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the Proceedings and on the above-mentioned website.

***

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте сборника по адресу: https://archeo-margulan.kz

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в сборнике и на сайте сборника.

МАЗМҰНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Алғысөз 7

Foreword 9

Предисловие 11

ЕЖЕЛГІ ДӘУІР АРХЕОЛОГИЯСЫ

Археология древности

Ozherelyev D. *(Moscow, Russia),* ***Mamirov T.*** *(Almaty, Kazakhstan)*
Research of the Stone Age in the western part of the Trans-Ili Alatau (Southeastern Kazakhstan) in 2021-2022 13

Осинцева Н.В. *(Новосибирск, Россия),* ***Шмидт И.В., Горбунова Т.А.*** *(Омск, Россия),*
Штойбле Х., Тиапп Х., Шнайдер Б., Лауэр Т. *(Лейпциг, Германия)*
Стоянка финального палеолита Черноозерье II – современный этап исследований 21

Шевнина И.В., Логвин А.В. *(Костанай, Казахстан)*
Неолит Тургая: некоторые итоги и перспективы исследований 31

Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б., Аккошкарова Ж.Т. *(Астана, Казахстан)*
Новые данные о неолитической керамике стоянки-мастерской Тельмана I 47

Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С. *(Алматы, Казахстан)*
Результаты археологических исследований поселения Тарангул в 2022 г. 58

Goryachev A., Saraev V., Egorova T. *(Almaty, Kazakhstan)*
Researches of paleometal archaeological sites in the Almaty region in 2022 70

Логвин А.В., Шевнина И.В. *(Костанай, Казахстан),*
Лошакова Т.Н. *(Алматы, Казахстан)*
Исследования укреплённого поселения эпохи бронзы Камысты (предварительное сообщение) 78

Мерц В.К. *(Павлодар, Казахстан),* ***Горячев А.А., Мерц И.В.*** *(Алматы, Казахстан),*
Варфоломеев В.В. *(Караганды, Казахстан)*
Исследования 2022 года производственно-жилого комплекса поселения эпохи поздней бронзы Коктас 1 88

Mussayeva R. *(Almaty, Kazakhstan)*
To the question of one type of mace pommel 103

Сакенов С.К., Ярыгин С.А. *(Астана, Казахстан)*
Орудия труда сельскохозяйственного назначения эпохи бронзы 110

Рузанов В.Д. *(Самарканд, Узбекистан)*
Рудная база металлургии степных племен Фергано-Ташкентского региона в эпоху бронзы 120

ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІ АРХЕОЛОГИЯСЫ

Археология раннего железного века

Курманкулов Ж. *(Алматы, Казахстан),* ***Болелов С.Б.*** *(Москва, Россия),*
Утубаев Ж.Р. *(Алматы, Казахстан)*
Археологические исследования на городище Бабиш-мола в 2022 г. 130

Лукпанова Я.А. *(Уральск, Казахстан)*
Исследование могильника Узынколь (Новопавловка) в полевом сезоне 2022 г.:
по материалам кургана № 3 145

Мамедов А.М. *(Алматы, Казахстан),* ***Баиров Н.М., Уразмагамбетов Н.Н.,***
Кемешев Е.Е. *(Актобе, Казахстан)*
Результаты археологических исследований могильника Курайли III за 2022 г. 151

Берсенева Н.А. *(Челябинск, Россия)*
Женские погребения ранних кочевников Южного Урала:
манифестация социальных ролей 160

Онгарулы А. *(Алматы, Казахстан),* ***Дарменов Р.*** *(Астана, Казахстан),*
Султанжанов Ж., Шораев Б. *(Кызылорда, Казахстан)*
Археологические исследования могильника Кабан-кулак в 2022 г. 166

Жамбулатов К.А., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш. *(Алматы, Казахстан)*
Археологическая разведка в Житикаринском районе Костанайской области в 2022 г. 174

Подушкин А.Н., Асадчева Е.М., Кесман А.В. *(Шымкент, Казахстан)*
Археологические работы на городище Ушбастобе в урочище Угам
(по материалам 2022 г.) 182

Гурсой М., Сыздықов Б.С., Мургабаев С.С., Ержігітова А.А. *(Түркістан, Қазақстан)*
Қаңлылардың ата-баба культі және культтік орындары 194

Samashev Z. *(Astana, Kazakhstan),* ***Chotbaev A., Tolegenov Y.*** *(Almaty, Kazakhstan),*
Samashev S. *(Astana, Kazakhstan)*
New researches of the monuments of the Xiongnu-Xianbian time of the Berel burial ground 203

Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.К. *(Алматы, Казахстан),* ***Калиева Ж.С.*** *(Астана, Казахстан)*
Археологические исследования на поселении Мынарал
(по раскопкам 2022 года) 209

Подушкин А.Н. *(Шымкент, Казахстан),* ***Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А.*** *(Алматы, Казахстан)*
Археологические исследования экспедиции Центрального государственного музея
Республики Казахстан в урочище Актерек 2022 года 216

Нурпеисов М.М. *(Алматы, Казахстан)*
Исследования памятников раннего железного века на Боролдайской возвышенности
(территория г. Алматы) 227

Бапанова Б.Д. *(Алматы, Қазақстан),* ***Құнанбаева Ш.Б.*** *(Астана, Қазақстан)*
Шығыс Жетісудағы Таусамалы кешенінің археологиялық ескерткіштері 235

Чотбаев А.Е. *(Алматы, Казахстан)*
Комплекс вооружения населения Восточного Казахстана в раннем железном веке 245

ОРТАҒАСЫР АРХЕОЛОГИЯСЫ

Археология средневековья

Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б., Абир Р.Қ. *(Алматы, Қазақстан)*
2022 ж. Талас өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдерге жүргізілген далалық зерттеулер 253

Байғалиев Ж.Р., Диярова Ж.К. *(Атырау, Қазақстан)*
Ортағасырлық Сарайшық тиындары тарихи дерек ретінде 260

Бугарчев А.И. *(Казань, Россия)*
О монетах Менгу-Тимура с титулом «каан» 267

Дүйсенбеков А.М. *(Алматы, Астана, Қазақстан)*
Көне түркілердің күміспен қақтау технологиясы хақында 273

Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Жетібаев К.М., Гурсой М., Сиздиков Б.С., Малдыбекова Л.Ж., Амантуров М.Қ., Арынов Қ.С. *(Түркістан, Қазақстан)*
Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2022 жылы жүргізілген
археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелері 280

Елеуов М., Талеев Д., *(Алматы, Қазақстан),* ***Есен С.*** *(Астана, Қазақстан),*
Құрманиязов Ы. *(Қызылорда, Қазақстан),* ***Молдахмет А.*** *(Алматы, Қазақстан),*
Қышқала қаласының мерзімделу мәселесі:
2021-2022 жж. жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері бойынша 288

Зиняков Н.М. *(Кемерово, Россия)*
Чугун Искера – столицы Сибирского ханства как источник по истории ремесла и торговли
Центральной Азии эпохи Шейбанидов 294

Қайырғалиева Г., Зайнов А.М., Әбдіғалиев М.Қ. *(Атырау, Қазақстан)*
Ортағасырлық Сарайшық қалашығында 2022 жылы жүргізілген археологиялық
қазба жұмыстарының алдын-ала нәтижелері 306

Калменов М.Д. *(Уральск, Казахстан),* ***Абдигалиев М.К.*** *(Атырау, Казахстан)*
Результаты археологических работ, проведенных в 2021 году
на средневековом караван-сарае Таскешу 313

Камышев А.М. *(Бишкек, Кыргызстан)*
Сравнительный анализ монет раннесредневековых центров
монетного производства в Семиречье 321

Кожа М.Б. *(Алматы, Казахстан)*
Об уточнениях хронологии стратиграфических слоев Отрара 330

Кубаев С.Ш., Богомолов Г.И *(Ташкент, Узбекистан)*
Новые археологические исследования на городище Канка
(по итогам археологических исследований 2021-2022 гг.) 335

Тұраруұлы А., Плахов В.В. *(Атырау, Қазақстан)*
Қарағайлы қонысындағы кесененің қазбасы 341

Тажекеев А.А. *(Кызылорда, Казахстан),* ***Дарменов Р.Т.*** *(Астана, Казахстан),*
Султанжанов Ж.К., Билалов С.У., Амиргалина Г.Т., Курманиязов Ы.С. *(Кызылорда, Казахстан)*
Предварительные итоги полевых работ на городище Джанкент в 2022 г. 350

Rogozhinskiy A., Kamaldinov I., Buranbayev R., Kaldybayeva G. *(Almaty, Kazakhstan)*
The results of new research on the medieval urban sites of Aspara and Sharuashylyk in 2021–2023 364

Хасенова Б.М. *(Астана, Казахстан)*
К истории одной антропологической коллекции эпохи средневековья
из Костанайского Притоболья 374

Қысқартулар тізімі – Список сокращений 379

Авторларға арналған ереже – Правила для авторов 380

CONTENT

Foreword (in Kazakh) 7

Foreword (in English) 9

Foreword (in Russian) 11

Archaeology of Antiquity

D. Ozherelyev *(Moscow, Russia),* ***T. Mamirov*** *(Almaty, Kazakhstan)*
Research of the Stone Age in the western part of the Trans-Ili Alatau (Southeastern Kazakhstan) in 2021-2022 (in English) 13

N. Osintseva *(Novosibirsk, Russia),* ***I. Shmidt, T. Gorbunova*** *(Omsk, Russia),*
H. Stäuble, C. Tinapp *(Dresden, Germany),* ***B. Schneider, T. Lauer*** *(Leipzig, Germany)*
The site of the Final Paleolithic of Chernoozerye II – the current stage of research (in Russian) 21

I. Shevnina, A. Logvin *(Kostanay, Kazakhstan)*
Turgai Neolithic: Some Results and Perspectives of Research (in Russian) 31

S. Rakhimzhanova, T. Mamirov, Z. Akkoshkarova *(Almaty, Kazakhstan)*
New data on the Neolithic ceramics of the site-workshop of Telmana I (in Russian) 47

D. Baitileu, Z. Kalieva *(Almaty, Kazakhstan)*
Results of archaeological research of the Tarangul settlement in 2022 (in Russian) 58

A. Goryachev, V. Saraev, T. Egorova *(Almaty, Kazakhstan)*
Researches of paleometal archaeological sites in the Almaty region in 2022 (in English) 70

A. Logvin, I. Shevnina *(Kostanay, Kazakhstan),* ***T. Loshakova*** *(Almaty, Kazakhstan)*
Exploration of the fortified settlement of the Bronze Age Kamysty (preliminary report) (in Russian) 78

V. Merts *(Pavlodar, Kazakhstan),* ***A. Goryachev*** *(Almaty, Kazakhstan),*
I. Merts (*Pavlodar, Almaty, Kazakhstan),* ***V. Varfolomeev*** *(Karagandy, Kazakhstan)*
Research of the 2022 industrial and residential complex of the Late Bronze Age settlement of Koktas 1 (in Russian) 88

R. Mussayeva *(Almaty, Kazakhstan)*
To the question of one type of mace pommel (in English) 103

S. Sakenov, S. Yarygin *(Astana, Kazakhstan)*
Agricultural tools of the Bronze Age (in Russian) 110

V. Ruzanov *(Samarkand, Uzbekistan)*
Ore base of metallurgy of steppe tribes of the Fergano-Tashkent region during a bronze epoch (in Russian) 120

Archaeology of the Early Iron Age

Z. Kurmankulov *(Almaty, Kazakhstan),* ***S. Bolelov*** *(Moscow, Russia),* ***Z. Utubayev*** *(Almaty, Kazakhstan)*
Archaeological research at Babish-mola settlement in 2022 (in Russian) 130

Y. Lukpanova *(Uralsk, Kazakhstan)*
The study of the Uzynkol burial ground (Novopavlovka) in the field season of 2022: based on the materials of kurgan No. 3 (in Russian) 145

A. Mamedov *(Almaty, Kazakhstan),* ***N. Baiyrov, N. Urazmagambetov, Y. Kemeshev*** *(Aktobe, Kazakhstan)*
The results of archaeological research of the Kuraili III burial ground for 2022 (in Russian) 151

N. Berseneva *(Chelyabinsk, Russia)*
Female Burials of the Early Nomads in the Southern Ural: Manifestation of Social Roles (in Russian) 160

A. Onggaruly *(Almaty, Kazakhstan),* ***R. Darmenov*** *(Astana, Kazakhstan),*
Z. Sultanzhanov, B. Shoraev *(Kyzylorda, Kazakhstan)*
Archaeological research studies of Kaban-Kulak burial ground in 2022 (in Russian) 166

K. Zhambulatov, I. Akhiyarov, N. Jumanazarov *(Almaty, Kazakhstan)*
Archaeological exploration in Jitiqara district in Kostanay region in 2022 (in Russian) 174

A. Podushkin, E. Asadcheva, A. Kesman *(Shymkent, Kazakhstan)*
Archaeological work on the Ushbastobe settlement in the Ugam tract (based on the materials of 2022) (in Russian) 182

M. Gursoy, B. Sizdikov, S. Murgabayev, A. Yerzhigitova *(Turkistan, Kazakhstan)*
Cult of ancestors and places of worship of the Kangly tribes (in Kazakh) 194

Z. Samashev *(Astana, Kazakhstan),* ***A. Chotbaev, Y. Tolegenov*** *(Almaty, Kazakhstan),*
S. Samashev *(Astana, Kazakhstan)*
New researches of the monuments of the Xiongnu-Xianbian time of the Berel burial ground (in English) 203

Z. Utubayev, M. Suyundikova, Z. Kaliyeva *(Almaty, Kazakhstan)*
Archaeological research on the settlement of Mynaral
(according to the excavations of 2022) (in Russian) 209

A. Podushkin, N. Torezhanova, O. Myakisheva *(Almaty, Kazakhstan)*
Archaeological research of the expedition of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
in the tract Akterek 2022 (in Russian) 216

M. Nurpeissov *(Almaty, Kazakhstan)*
Research of monuments of the early Iron Age on the Boraldai hill (territory of Almaty)
(in Russian) 227

B. Bapanova *(Almaty, Kazakhstan),* ***S. Kunanbayeva*** *(Astana, Kazakhstan)*
Archaeological sites of the Tausamaly complex in East Zhetysu (in Russian) 235

A. Chotbaev *(Almaty, Kazakhstan)*
Armament complex of the population of East Kazakhstan in the early Iron Age (in Russian) 245

Archaeology of the Middle Ages

Y. Akymbek, M. Shagirbayev, N. Nurgali, R. Abir *(Almaty, Kazakhstan)*
Field studies of medieval tortkul sites in the Talas valley in 2022 (in Russian) 253

Z. Baygaliev, Z. Diyarova *(Atyrau, Kazakhstan)*
Medieval Saraishyq coins as historical source (in Kazakh) 260

A. Bugarchev *(Kazan, Russia)*
About Mengu-Timur coins with the title “kaan” (in Russian) 267

A. Duisenbekov *(Almaty, Kazakhstan)*
About the silvering technology of the ancient Turks (in Kazakh) 273

S. Murgabayev, M. Bakhtybayev, K. Zhetibayev, M. Gursoy, B. Sizdikov,
L. Maldybekova, M. Amanturov, K. Arynov *(Turkistan, Kazakhstan)*
The results of archaeological research conducted in the medieval city of Syganak in 2022 (in Kazakh) 280

M. Yleuov, D. Taleyev *(Almaty, Kazakhstan),* ***S. Yessen*** *(Astana, Kazakhstan),*
Y. Kurmaniyazov *(Kyzylorda, Kazakhstan),* ***A. Moldakhmet*** *(Almaty, Kazakhstan)*
The problem of periodization of the city of Kishkala:
2021-2022 based on the results of the excavations carried out (in Kazakh) 288

N. Zinyakov *(Kemerovo, Russia)*
The cast iron of Isker – the capital of the Siberian Khanate as a source on the history of crafts
and trade in Central Asia of the Sheibanid era (in Russian) 294

G. Kairgalieva, A. Zainov, M. Abdigaliev *(Atyrau, Kazakhstan)*
Preliminary results of archaeological excavations conducted in 2022 in the medieval settlement of Saraychik (in Kazakh) 306

M. Kalmenov *(Uralsk, Kazakhstan),* ***M. Abdigaliev*** *(Atyrau, Kazakhstan)*
The results of archaeological work carried out in 2021 at the medieval caravanserai Taskeshu (in Russian) 313

A. Kamyshev *(Bishkek, Kyrgyzstan)*
Comparative analysis of coins of the early medieval centers of coin production in Semirechye (in Russian) 321

M. Kozha *(Almaty, Kazakhstan)*
On some refinements of the chronology of the stratigraphic layers of Otrar (in Russian) 330

S. Kubaev, G. Bogomolov *(Tashkent, Uzbekistan)*
New Archaeological Research at Kanka Site (based on the results of archaeological research in 2021-2022) (in Russian) 335

A. Turaruly, V. Plakhov *(Atyrau, Kazakhstan)*
Mausoleum excavations in Karagayly settlement (in Kazakh) 341

A. Tazhekeyev *(Kyzylorda, Kazakhstan),* ***R. Darmenov*** *(Astana, Kazakhstan),*
Z. Sultanzhanov, S. Bilalov, G. Amirgalina, Y. Kurmaniyazov *(Kyzylorda, Kazakhstan)*
Preliminary results of field work on the Zhankent settlement in 2022 (in Russian) 350

A. Rogozhinskiy, I. Kamaldinov, R. Buranbayev, G. Kaldybayeva *(Almaty, Kazakhstan)*
The results of new research on the medieval urban sites of Aspara and Sharuashylyk in 2021–2023 (in English) 364

B. Khassenova *(Astana, Kazakhstan)*
To the History of an Anthropological Collection of the Middle Ages from the Kostanay Tobol river region (in Russian) 374

List of Abbreviations 379

Submissions 380

Ғылыми басылым
Марғұлан оқулары – 2023: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
(Алматы қ., 30-31 наурыз 2023 ж.). 2 томдық. 1-том.
Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2023.

Scientific edition
Margulan readings – 2023: proceedings of the International scientific and practical conference
(Almaty, March 30-31, 2023). In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2023.

Научное издание
Маргулановские чтения – 2023: материалы международной научно-практической конференции
(г. Алматы, 30-31 марта 2023 г.). В 2-х т. Т. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді редакциялау және қазақ тіліне аудару
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Қалдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
А.Б. Айдарбекова – корректор

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva
Proofreader – Aisha Aidarbekova

Компьютерная вёрстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редактура текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редактура текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева
Корректор – А.Б. Айдарбекова

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010, Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 05.05.2023 ж. қойылды. Пішім 84×108 $^{1}/_{16}$
Шартты б. т. 40,74. Calibri гарнитурасы.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 05.05.2023. Format 84×108 $^{1}/_{16}$
Printed sheet 40,74. Calibri headset

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии имени А.Х. Маргулана
050010, г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 05.05.2023 г. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$
Усл. п. л. 40,74. Гарнитура Calibri.

ISBN 978-601-7106-76-8

«Хикари» баспаханасында басылған
Printed in the printing house «Hikari»
Отпечатано в типографии «Хикари»

16+

hikari.kz24.online